

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

32 - NASHRI

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ
(ЎММТ)**

32 - НАШРИ

Тарих фанлари доктори
Т.Ш. Ширинов
тахрири остида

Тошкент
Ўзбекистон Республикаси ФА
“ФАН” нашриёти
2001

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА
(ИМКУ)**

ВЫПУСК - 32

Под редакцией
доктора исторических наук
Т.Ш. Ширинова

**Ташкент
Издательство “ФАН”
АН Республики Узбекистан
2001**

ACADEMY OF SCIENCES
OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN
(HMCU)**

32 - EDITION

Edited by
T.Sh. Shirinov
doctor of historical sciences

Tashkent
“FAN” Publishing House
Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
2001

Ушбу тўпلامдаги мақолалар Ўзбекистон худудида ўтказилган археология қазув тадқиқотларининг энг янги илмий натижаларига бағишланган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий тузум, тош асридан сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олади. Тўпلامда Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий маданияти тарихига тегишли барча жабҳалар - меъморчилик, хунармандчилик, суғориш тарихи, топография, санъат, нумизматика, антропология, маънавий ва мафкуравий ҳаёт масалалари очиб берилган.

Тўпلام тарихчилар, археологлар, этнографлар, Олий ўқув юртларининг талабалари ва қадимги давр моддий - маданияти билан қизиққан кенг ўқувчилар оммаси учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных на территории Республики Узбекистан. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для историков, археологов, студентов гуманитарных ВУЗов и широкого круга читателей.

C0302030000-3565

М355 (04) - 2001

рез 2001

ISBN 5-648-02796-8

ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ШИШКИНА (К 70-летию со дня рождения)

Видный ученый-археолог, специалист по древней и средневековой истории и культуре Средней Азии, Галина Васильевна Шишкина родилась 11 августа 1930 г. в г. Бухаре в семье крупного археолога - востоковеда Василия Афанасьевича Шишкина.

В 1937 г. вместе с семьёй она переезжает в г. Ташкент. В 1948 году, после окончания средней школы Галина Васильевна поступает на исторический факультет Среднеазиатского Государственного Университета (САГУ), где кафедру археологии возглавлял известный ученый, один из основателей среднеазиатской археологии профессор М.Е. Массон.

Прослушанные на кафедре лекции по истории и культуре Средней Азии и Древнего Востока стали надежной и солидной базой для дальнейших работ Г.В. Шишкиной.

Свою трудовую деятельность Галина Васильевна начала лаборантом Института истории и археологии АН УзССР, где специализировалась, главным образом, на изучении истории и культуры древнего и средневекового Самарканда. Её первая обобщающая работа - кандидатская диссертация, защищенная в 1969 г., называется «Древний Самарканд в стратиграфии западных районов Афрасиаба».

С 1970 года Галина Васильевна в связи с созданием Института археологии АН УзССР переезжает работать в г. Самарканд. С момента организации в 1958 г. стационарной Афрасиабской экспедиции занимается изучением многометровых культурных слоев Афрасиаба. Главной темой исследовательских работ Галины Васильевны стала проблема среднеазиатского города на примере древнего Самарканда. В течение многих лет, работая на городище Афрасиаб, она проявила себя как вдумчивый и скрупулезный исследователь, обладающий большим опытом ведения сложных стратиграфических раскопок. Комплексный подход к изучению объекта проявился, когда она вела раскопки в западной части городища.

Впервые в истории изучения Афрасиаба был вскрыт целый городской квартал VIII-XI вв. Пока это единственный объект на Афрасиабе, который дает нам полное представление о средневековом городском квартале Самарканда. По ее мнению, организующей основой средневековых городских кварталов была планировка, сложившаяся в V-VII вв. н.э.

Впервые именно Галина Васильевна отметила единую, заранее продуманную планировку квартала, которая зависела от состава населения, от профессии его жителей (гончары, юве-

лиры, пекари и т.д.). Кроме того, благодаря этой работе, мы имеем ясное представление о внутренней структуре средневекового городского квартала.

Галина Васильевна Шишкина вела раскопки и в северной части Афрасиаба. Сделав упор на детальную микростратиграфию, она получила наиболее точные в стратиграфическом отношении керамические комплексы.

Именно благодаря этим исследованиям, керамические комплексы Афрасиаба первых вв. до н.э. являются наиболее хорошо изученными.

Изучая стратиграфию и топографию этого же объекта, основываясь на сообщениях арабских письменных источников, она предположила, что Бухарские ворота Самарканда располагались в северной части города и что их можно локализовать на месте раскопа 12 б.

Спустя более 20 лет, Узбекско-Французская экспедиция возобновила раскопки именно на этом объекте Афрасиаба и действительно выявила «Бухарские ворота», относящиеся к середине I тыс. до н.э. и к более позднему времени.

На этом участке была обнаружена хорошо сохранившаяся дорога, мощенная Чупанатинским сланцем, а также место самих ворот с остатками порога и башни. Комплексный подход к изучению объекта, характерный для Галины Васильевны Шишкиной, проявился и в постановке больших проблем.

Благодаря ее трудам, нам известны основные магистральные дороги Афрасиаба, арычная сеть, хаузы, водопроводные и канализационные системы, общественные и частные бани и многие другие объекты городского хозяйства.

Галина Васильевна Шишкина была непосредственной участницей и руководила вскрытием знаменитых настенных живописей дворца

самаркандского правителя. Изучая материальную культуру нижних слоев Афрасиаба и поселения Лолазор, она впервые сделала вывод, что такой большой город, каким является Самарканд, не мог существовать без воды канала Даргом, и время его строительства должно относиться к середине I тыс. до н.э. Мы считаем, что более близкую картину к реальной ситуации определила именно она.

Галина Васильевна не только занималась проблемами города, но и вела разведочные работы в округе Самарканда и производила выборочные небольшие разведочные раскопки на отдельных памятниках.

Тщательность и скрупулезность при подходе к рассматриваемому объекту, присущее характеру Галины Васильевны, особенно проявились в ее публикациях, посвященных материальной культуре Самарканда.

В настоящее время принципы классификации глазурованной керамики Самарканда, основанные на сотне признаков, не имеют себе равных и мы считаем их самыми совершенными.

Галина Васильевна Шишкина, как сложившийся крупный ученый, признана и в своей стране и за рубежом. Она участница многих международных конференций по проблемам истории и культуры Востока.

Галина Васильевна продолжает энергично работать над проблемами древней истории и археологии Средней Азии, передавая свой опыт и знания молодежи.

Коллектив Института археологии, коллеги, горячо и от всей души поздравляют Галину Васильевну с юбилеем, желают ей долгих лет жизни, крепкого здоровья, неистощимой энергии и больших творческих успехов.

М.Х. Исамидинов

ЎЗБЕКИСТОНДА АРХЕОЛОГИЯ ФАНИНИ РИВОЖЛАНТИРИШ

КОНЦЕПЦИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОН - ЖАҲОН ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ ТИЗИМИДА

Ўзбекистон - жаҳон цивилизациясининг энг қадимги ўчоқларидан бири, унинг салмоқли, ажра-мас қисмидир.

Ўзбеклар Республиканинг энг қадимий тубжой халқи, ушбу юксак цивилизациянинг меросхўрларидирлар. Марказий Осиё тупроғида мустақил давлатларнинг пайдо бўлиши, республикамизда тарихий илдиэларимизга, давлатчилигимизнинг илк манбаларига, иқтисодимиз ва маданиятимизнинг ўтмишига, бошқа халқлар билан тарихий алоқаларимизга, аждодларимизнинг жаҳон цивилизациясига қўшган ҳиссаларини билишга бўлган қизиқишни кучайтириб юборди.

Халқимизнинг келиб чиқишини ҳаққоний тарихий манзарасини яратиш бугунги куннинг долзарб вазибалардан бири ҳисобланиб, бу мустақил республикамизда миллий тикланиш, миллий ҳамжихатликни кучайишига олиб келади. Тарихда халқнинг тақдири акс этган бўлиб уни англаш, ҳис этиш, халқнинг тафаккурида тарихий онгни шакллантиришга, миллий ўз-ўзини англашга, ватанпарварлик ва халқпарварликни ошишига олиб келадиким - буларсиз буюк давлат қуришни иложи йўқдир. Афсуски, ўзбек халқининг қадимги даврлардан тортиб то бугунги кунгача бўлган тарихи бир тексида ўрганилган йўқ ва ўрганилган қисми ҳам ҳаққоний тарихий ҳақиқатни англата олмайди. Инсониятни тафаккурини шакллантирадиган, фанлар тармоғи ичида, археология XIX асрда оламшумул тўнтариш ясади. Асримиз бошида машхур инглиз археологи Г.Чайлд: «телескоп астрономияда қанчалик кўриш имкониятини оширган бўлса, бу фан ҳам (археология), ўтмишининг чексиз уфқларини кўришни шу даражада кенгайтди. Микроскоп биология фанида, катта организмларнинг ташқи қобикларини жуда кичик хужайралар ташкил этишини кашф этганидек, бу фан ҳам тарихшуносликда ўтмишни ўрганиш имконларини юзлаб қарра оширди. Қисқаси, радиоактивлик химияда қанчалик микёсда ўзгаришлар қилган бўлса, бу фан ҳам тарихшуносликда шу даражада ўзгаришлар ясадий» - деб ёзган эди.

Археология туфайли инсоният тарихи 2-2,5 миллион йилга қадимийлашди. Қадимги Миср, Иккидарё оралиғи, Ҳинд, Ҳитой, Майя, антик Греция ва Рим цивилизациялари кашф қилинди.

Ўзбекистонда юз йилдан буён олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида, нафақат юксак ва ўзига хос, ўз ёши жиҳатидан жаҳон цивилизацияси ўчоқларидан қолишмайдиган Бақтрия, Хоразм, Сўғд цивилизациялари очилди, балки бу қадим юрт инсоният томонидан 1 миллион йиллар илгари ўзлаштирилганлиги ҳам кашф қилинди.

Ўзбекистон замини ўз бағрида, ўтмишнинг барча босқичларига оид қимматли ёдгорликларни асраб келаётган бебаҳо архивдир. Унинг худудларида инсоният цивилизациясининг бебаҳо дурдоналари бўлган 8 мингдан ошиқ археологик ёдгорликлар сақлангандир.

Аждодларимиз томонидан бунёд этиб қолдирилган ҳар бир қаср, қалъа, манзилгоҳ ёки қоятош суратлари муҳим тарихий гувоҳ, хужжат бўлиб улар ўз тадқиқотини қутмоқда. Шу сабабли, кун тартибида турган биринчи муҳим масала юқорида тилга олинган ёдгорликларни ҳар томонлама авайлаб асрашдир.

Ўзбекистон - очик осмон остидаги улкан музей бўлиб, унинг бебаҳо тарихий экспонатлари Самарқанд ва Бухоро, Хева ва Шаҳрисабз, Термиз ва Қўқондаги нодир меъморчилик ансамбллари

билан биргаликда, қадимги Хоразм, Қорақалпоғистон, Сурхондарё, Зарафшон ва Фарғона водийсида, Шарқ билан Фарбни боғлаб турган қитъаларо савдо-карвон йўли ўтган бепоён кенгликлариди сақланиб қолгандир. Буларнинг бурчаси Ўзбекистон халқларининг моддий маданияти ва этник қиёфасида муҳрланиб қолгандир.

Афсуски, собиқ Совет империяси даврида бошқа тарихий фанлар каби ўзбек археологияси ҳам тоталитар давлат мафқурасининг исканжасида эди. Марксистик концепция асосида шаклланган бу мафкура, жамият тараққиётини асосий ҳаракатлантирувчи кучи синфларнинг ўзаро қарама-қаршилигидадир, дея ўргатар эди Мустақил Ўзбекистонда бошқа тарихий фанлар қатори археология ҳам жамият тараққиётини ҳаққоний, ҳар томонлама кенг урганиш имкониятига эга бўлди. Бугунги кунда «фан», «давлат», «тарих», «цивилизация», «мерос» каби тушунчалар янгича оҳангда жарангламоқда бу тушунчалар янгича маъно касб этди ва ягона, ўзаро ҳамоҳанг тушунчага айланди.

Узоқ давом этган тарихий жараёнларда халқнинг тақдири муҳрланган бўлиб, тарихчи ва археологларнинг вазибалари миллатнинг ҳаққоний тарихини, мавжуд далиллар асосида яратиб, тоталитар Совет тузуми даврида йўл қўйилган адолатсизликлар, сохталаштиришларга чек қўйишдир.

Ўзбек халқининг тарихи, энг қадимги даврлардан, яъни палеолит даврдан бошлаб то бугунги кунгача, жанубда Ўрта Шарқ ва шимолда Евроосиё чўллари билан яқин алоқада ривожланиб, умум жаҳон тарихининг бир қисми ҳисобланади. Ўзбек археологлари ўтмишга субъектив ёндашишга йўл қўймастик, тор қобикда ўралашиб қолмастик учун АҚШ, Япония, Франция, Германия, Италия, Польша ва дунёнинг бошқа йирик илмий марказлари билан чуқур, ҳар томонлама ҳамкорлик қилмоқда. Бу ҳол ўзбек археологиясини жаҳонга танилишига, унинг халқаро обрў-этиборини ошишига ва халқимиз тарихини дунёга ёйилишига олиб келмоқда. Мисол учун бугунги кунда ўзбек археологлари хорижий ҳамкорлари билан биргаликда, илк ўзбек давлатчилиги тарихи ва унинг тараққиёти босқичлари, этнос тарихининг илк даврлари, улўғ цивилизацияни яратишда унинг аҳамиятини ойдинлаштириш, Буюк Ипак йўли тарихи, дунёвий динларнинг тарқалиш йўллариини ўрганиш каби муҳим муаммоларни ҳал қилмоқдалар.

Ўзбекистонда тарихий онгни ривожлантириш, Мустақил Ўзбекистоннинг ёш озод фуқаросини тарбиялаш борасида ўзбек археологияси амалга ошириши лозим бўлган асосий фундаментал ва амалий тадқиқотларни қуйидаги блокларга ажратиш лозимдир.

А. Археологиянинг назарий-методологик асосларини яратиш - ўтмишга материалистик ёндашиш, жамиятнинг эволюцион ва бир текисда ривожланиши, тарихни қатъий формацияларга бўлиб ўрганишдан воз кечиш ва мамлакат тарихи ва миллат тарихини даврларга ва хронологияга бўлиш муаммоларига цивилизациян йўл билан ёндашиш ва бошқалар. Дунё археологиясининг тажрибалари асосида тадқиқот усуллариини такомиллаштириш ва статистик, морфологик, функционал, таксометрик ўлчовлар бўлган «археология манбаи», «маданият», «маданий қатлам», «ёдгорлик», «манзилгоҳ», «цивилизация», «қишлоқ», «илк шаҳар», «илк давлат» каби тушунчаларни жаҳон археологияси андозаларига яқинлаштириш.

Б. Тош даври, бронза, илк темир даври, антик ва ўрта асрларга оид археологик маданиятларни, Марказий Осиёни ибтидоий одамлар томонидан ўзлаштирилишини ўрганиш. Ашел, мустъе, юқори палеолит, мезолит, неолит ёдгорликларни, қоятош суратларини, палеоэкологияни, неолитик инқилобни ишлаб чиқариш хўжалигини, суғорма деҳқончилик маданиятини ўрганиш. Цивилизацияларни туғилиши, митти воҳавий давлатларни пайдо бўлиши, илк шаҳарлар ва давлатларни юзага келиш муаммоларини ўрганиш, «Катта Хоразм», Бақтрия, Сўғд, эллинизм, урбанизация, меъморчилик, шаҳарсозликни тараққиёти, Буюк Ипак йўлини шаклланишини, савдо-сотик, пул муомаласи, ҳунармандчилик муаммоларини ўрганиш. Ўтроқ деҳқонлар ва кўчманчи-чорвадорлар ўртасидаги ўзаро мулоқотлар, қадимги жамиятларнинг мафқураси, дунёқарашини, дунёвий динларнинг пайдо бўлиши ва тарқалиши каби муҳим муаммоларни урганиши Самарқанд, Бухоро, Хева, Шаҳрисабз, Қарши, Термиз, Марғилон, Андижон ва Тошкент каби йирик тарихий шаҳарларнинг пайдо бўлиши, тараққиёти босқичлари ва жаҳон цивилизацияси хазинасига қўшган ҳиссаларини аниқлаш.

В. Этнос, жамият ва одамзотнинг келиб чиқиши, уруғларнинг шаклланиши, Жанубдаги ўтроқ деҳқончилик маданияти билан Шимолдаги кўчманчи дашт маданияти ўртасидаги ўзаро алоқалар,

Ўзбекларнинг келиб чиқишида Олтой-Турон ва Ҳинду Европа халқларининг ўзаро ҳиссасини (синтез) аниқлаш.

Г. Археологик ёдгорликларни қидириб топиш, паспортлаштириш, карталаштириш, таъмирлаш, сақлаш ва қўриқлаш, палеоботаника, палеоэкология, палеоэкономика, палеозоология, палеоботаника, қадимги ирригация каби фанларнинг ютуқларидан фойдаланиб ва қадимги деҳқончилик маданияти тарихидан кенг фойдаланиб археологик ёдгорликлар мажмуасини ва Ўзбекистон археологиясининг умумлашган мукамал манзарасини яратиш.

Юқорида тилга олинган барча илмий муаммолар ҳозирда институтимиз олимлари тадқиқ қилаётган 4 асосий илмий-тадқиқотлар мавзуларида ўз аксини топган бўлиб, улар куйидагилардир:

1. **Ўзбекистоннинг қадимги тош асри илдизлари ва атроф муҳит.**
2. **Ўзбекистоннинг қадимги ва ўрта асрлардаги давлатчилиги, моддий-маданияти ва мафкуравий ҳаёти (археология манбалари асосида).**
3. **Ўзбекистоннинг ўрта аср давлатчилиги ва цивилизацияси археология манбалари асосида.**
4. **Қадимги ҳунармандчилик маҳсулотларини физик, химик, археологик тадқиқотлар асосида ўрганиш ва археология обидаларида кимёвий консервациялаш усулларини тадбиқ қилиш.**

Ўзбекистон археологияси сўнгги чорак аср мобайнида улкан ашёвий далиллар захирасини тўплашга эришдики, булар ўзбек халқининг келиб чиқиши тарихини бор бўйи - басти, янги кирралари билан янгидан ёритиш имконини беради.

Вазирлар Маҳкамасининг 1998 йил 22 июлдаги қарорида тарихчиларимиз олдига қўйган муҳим вазифалардан келиб чиқиб ва мустақил, озод давлатимиз концепцияси асосида ўзбек археологияси куйидаги долзарб ва муҳим илмий йўналишларни белгилайди.

ЎЗБЕК ДАВЛАТЧИЛИГИ ВА ЦИВИЛИЗАЦИЯСИНING ПАЙДО БЎЛИШИ, ШАКЛЛАНИШИ ҲАМДА РИВОЖЛАНИШ БОСҚИЧЛАРИ. (ҚАДИМГИ ДАВРЛАРДАН ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИГАЧА)

Ўзбек цивилизацияси ва давлатчилиги ўз тараққиёти давомида қўйидаги босқичларни боширдан кечирган:

- **Биринчи босқич.** Бу босқичда, эрамиздан олдинги II-I минг йилликлардаги, илк темир ва бронза даврларида Амударё, Зарафшон, Қашқадарё хавзаларида ҳамда Шерободдарё ва Окдарёнинг кичик воҳачаларида ўтроқ деҳқончилик маданияти, илк шаҳарлар, дастлабки маданий воҳалар ва қадимги Миср шаҳарлари, Месопотамия ва Майядаги шаҳар давлатларга ўхшаш давлатлар пайдо бўлади.

- **Иккинчи босқич.** Эрамиздан олдинги VIII-VII асрларда қадимги Шарқнинг Мидия давлатига ўхшаш «Катта Хоразм», «Бактрия подшолиги» ва «Гава Сўғди» каби йирик, шаклланган сиёсий давлатларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши билан характерланади.

Тарихий ва археологик манбалар буни тасдиқлайди. Замоनावий Ўзбекистон территориясида бу даврга оид маданий ўчоқларни археологларимиз Фарғона водийсидан (Чуст маданияти), Сўғдиёнадан (Кўктепа, Сангиртепа. Узунқир ва бошқалар), Бактриядан (Джарқутон, Моллалитепа, Кучуктепа ва бошқалар). Чочдан (Бурганлик маданияти), Ҳоразмдан (Гяурқалъа, Қуюсой) топиб ўрганганлар. Юқоридаги тилга олинган илк шаҳар маданияти ўчоқларини Овестода келтирилган жамиятлар билан таққослаш мумкин.

- **Учинчи босқич.** Бу босқичда ўзбек давлатчилиги ўз сиёсий ва иқтисодий мустақиллигини йўқотиб унинг ҳудудлари эрамиздан олдинги VI асрда аҳомонийлар, сўнгра эрамиздан олдинги IV асрларда Александр Македонский давлати каби йирик, империяларнинг маъмурий бўлақларидан бирига айланади.

• **Туртинчи босқич:** ўзбек давлатчилиги Селевкийлар империясининг қарамлигидан озод бўлиб, эраמידан олдинги III-II асрларда Юнон-Бактрия подшолиги пайдо бўлганлиги билан характерланади.

Бу даврда тарих сахнасида Хоразм, Давон, Қушон империялари ҳамда Кангюй конференциялари пайдо бўлади. Воҳа урбанистик ва кўчманчилик шакллари ўзида жамлаган, Марказий Осиё типига давлатлар пайдо бўлади. Воҳа - урбанистик типига давлатларда доимий суғориш тармоқлари асосида ирригация ва деҳқончилик тараққий этган бўлса, кўчманчилик шаклидаги давлатларда эса кўпроқ давлатчиликда ҳарбий-маъмуриятчилик элементлари кучайганлигини кузатамиз.

Йирик империялар тарқалиб кетганидан сўнг ҳам давлатчиликнинг иккинчи типи кейинги асрларда анча узоқ яшаганлигини кўраемиз. Юнон-Бактрия, Қушон, Кангюй давлатларини инқирозидан сўнг, эфталитлар, сосонийлар, Турк ҳоконлиги ва Араб халифалигига қарам бўлган бир қанча майда вассал ҳукмдорликлар пайдо бўлади.

• **Бешинчи босқич** эрамининг III-VII асрларида хионийлар, кидаритлар, эфталитлар ва турк ҳоконлари сулолаларининг пайдо бўлиши ўзбек давлатчилигининг ривожланиши билан характерланади.

Айнан бу даврда йирик антик давлатлар ҳимоясида қитъаларо ўтувчи савдо-қарвон йўли Буюк Ипак йўли шаклланади. Бу йўлнинг таъсирида ички ва ташқи савдо кўчяди, транзит ва маҳаллий савдо йўллари пайдо бўлади, шаҳарларнинг таркибий қисмида ўзгаришлар содир бўлади. Сўғд хомийлигида Хоразм, Уструшона, Чоч, Фарғона ва Тоҳаристон Ҳукумдорликлари Иттифоқи пайдо бўлади. Эфталитлар ва турк ҳоконлиги давлатларида деҳқончилик, чорвачилик цивилизациясининг шарқона қиммати пайдо бўлади. Ягона маданият шаклланади. Ўзбекистон халқларининг Марказий Осиё цивилизациясига қўшган салмоқли улуши яққол кўзга ташланади. Ипак йўли орқали товарлар, ғоялар, илм-фан, санъат ва маданиятнинг ҳаракатлануви туфайли давлат цивилизацияси жаҳон цивилизацияси томон ўсиб боради.

• **Олтинчи босқич.** VII-VIII асрларда Ўзбекистон ҳудудлари араб халифалиги таркибига кириши ва мустақилликни йўқотиши билан характерланади. Арабларга қарши курашда турклар бош аҳамият касб этадилар. Бу босқичда турклар барча жихатларда ўз қобилиятларини намоён этидилар. Тарихий манбалар, VIII-IX асрларда туркларнинг катта ҳарбий қобилиятлари, давлат бошқаришдаги маҳоратларини исботлайди. Сомонийлар давлат бошқарув аппаратида ва ҳарбий институтларида туркларнинг роли кўчмаганлиги кўринади.

• **Еттинчи босқич.** X-XIII асрларда Сомонийлар, Қорахонийлар ва Хоразмшоҳларнинг мустақил давлатларининг пайдо бўлиши, ҳукмронлик қилиши билан характерланади.

Қорахонийлар ҳоконлиги, Ануштегинлар - хоразмшоҳлар давлатлари ўзбек давлатчилигининг янги босқичлари.

Цивилизациянинг асосий кўриниши ҳисобланган шаҳарлар бу даврда гуркираб ривожланади. Пойтахт шаҳарлар, Бухоро, Самарқанд ва Урганч моддий ва маънавий маданиятнинг марказларига айланади. Бу даврда Самарқанд, Шош, Бухоронинг қумуш тангаларини Шарқий ва Шимолий Европага кириб келиши кучаяди яъни улар қитъаларо савдо-қарвон йўлида асосий хорижий товарга айланади.

Бу даврда ўзбек халқининг маданияти ҳар томонлама ривожланиб бу Самарқанд, Шош, Фарғона, Уструшона, Чағониён қуллолари, мисгарлари, заргарлари, қандакорларининг юксак сифатли маҳсулотларида ўз аксини топади.

• **Саккизинчи босқич.** Мовороуннаҳрга мўғуллар босқини ва унинг ўз мустақиллигини йўқотиб, XIII-XIV асрларда Чигатой давлати таркибига кирганлиги билан характерланади.

XIII асрнинг бошида Марказий Осиё Чингизхон томонидан истило қилинади. Мўғулларга қарши йирик турк давлат арбоблари ва лашкарбошилари эрк жангига кўтариладилар. Муҳаммад Инолчиқ (Ўтрол), Темур Малик (Хўжанд), Жалолиддин Мангубердилар мўғулларга қарши зарбалар берадилар.

Бу даврда йирик шаҳарлар инқирозга учрайди, аҳолининг катта қисми қириб ташланади ва омон қолганлари қулликка маҳкум этилади, бунинг натижасида Марказий Осиёнинг иқтисоди, маданияти ва тараққиёти бир неча аср орқага сурилади.

• **Тўққизинчи босқич.** Бу босқичда Марказий Осиёнинг ўрта аср цивилизацияси ва давлатчилигининг энг юксак чўққиси сифатида - Амир Темур ва темурийларнинг марказлашган мустақил давлати юзага келади, ўзбек давлатчилиги энг юксак тараққиётга кўтарилади.

Соҳибқирон Амир Темурнинг мўғуллар истибдодига қарши олиб борган озодлик курашлари ва бунинг натижасида мўғул босқичларидан халос бўлиш туфайли Марказий Осиёда мустақил давлат юзага келди. Амир Темур давлати Хитой, Ҳиндистон ва Араб мамлакатлари билан урнатган маданий, иқтисодий ва илмий алоқалар туфайли Мовороуннаҳрда меъморчилик, санъат-маданият, хунармандчилик ривожланди.

Темурийлар Ренессанси даврида Алишер Навоий ва Заҳриддин Муҳаммад Бобур каби улуғ шoir, ёзувчиларнинг хизматлари туфайли ўзбек адабий тили ривожланди, янги поғоналарга кўтарилди. Самарқанд дунёвий империянинг шоҳона пойтахтига айланди. Шоҳ, олим Мирзо Улуғбек даврида, айниқса Мовароуннаҳр илм-фани, моддий ва маънавий маданияти янги қирралар билан бойиди. Марказий Осиёнинг йирик шаҳарлари Самарқанд, Бухоро, Шаҳрисабз, Термиз, Хева XIV-XV асрларда қадимги Шарқнинг энг гўзал, обод, юксак маданиятли шаҳарлари сирасига киради.

Бу даврда моддий маданиятда ҳам катта узгаришлар юз берди. Масалан, кулолчиликда темурийлар давригагина хос стил-ранг баранг гуллар билан безатилган идиш товоқлар ясаши кенг йўлга кўйилади.

Археологик ва тарихий манбаларнинг таҳлили шуни кўрсатадики, ўзбек халқининг энг қадимги даврлардан тортиб то ҳозирги кунларгача босиб ўтган тарихий йўли, умуминсоний қадриятлар ва давлатчиликни бунёд қилиш борасидаги бунёдкорлик ишларида қадимги Шарқнинг маданиятли халқлари билан яқин ҳамкорликда, қўшничиликда, мулоқотда бўлганлар. Бунинг натижасида аждодларимиз цивилизация ва давлатчилик борасида эришган кўпгина ютуқлар бугун умуминсоний қадриятларнинг олтин фондига айлангандир.

Ўзбек археологиясининг бугунги кундаги бош мақсади, халқимизнинг ўтмиши ҳақида ҳаққоний манзарани яратиш, уни энг қадимги давлатлардан то темурийлар давригача бўлган бой тарихини жаҳон тарихидан ажратмаган, қарама-қарши қўймаган ҳолда ўрганиш, Шарқ билан Ғарб ўртасидаги мулоқотларга катта ҳизмат қилган ўзбек халқининг жаҳон маданияти хазинасига қўшган ҳиссасини кўрсатиш ва Марказий Осиё халқлари маданияти, давлатчилигини шаклланишида аждодларимизнинг хизматларини аниқлашдан иборатдир.

Ўзбекистон археологиясини ривожлантириш концепцияси Республикаимизнинг гуллаб - яшнашига, уни халқаро майдонда обрў-эътиборини ошишига, миллатнинг тарихий ва маънавий онгини ўсишига, озод ватанимизнинг озод фуқаросини ҳар томонлама етук, ватанпарвар, баркамол, халқпарвар қилиб тарбиялашга хизмат қилади...

**Ўзбекистон Фанлар Академияси
Самарқанд бўлими раиси,
Археология Институтининг директори,
тарих фанлари доктори**

ШИРИНОВ Т.Ш.

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ УЗБЕКИСТАНА

УЗБЕКИСТАН В СИСТЕМЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Узбекистан - один из ярчайших культурных очагов и неотъемлемая часть мировой цивилизации. Узбеки являются древнейшим автохтонным населением Республики и наследниками той цивилизации.

Формирование суверенных государств Центральной Азии побудило активный интерес народов Республики к историческим корням, истокам становления государственности, экономики и культуры, взаимоотношениям с другими народами, вкладу в культурную сокровищницу мировой цивилизации.

Создание объективной исторической картины генезиса народа является сегодня первостепенной задачей, способствующей возрождению, укреплению национального единства и суверенного государства Республики Узбекистан. В истории отражена судьба народа и ее познание формирует историческое сознание в умах народа, каждого человека, обеспечивает национальное самосознание, патриотизм и гражданственность, без чего нельзя построить великое государство. Однако история узбекского народа с древнейших времен до сегодняшнего дня изучена далеко неравномерно и не дает полной картины исторической действительности.

В системе наук, формирующих сознание, важная роль принадлежит археологии, которая произвела переворот в исторической науке. В начале нашего века знаменитый английский археолог Г. Чайлд писал, "...она (археология) расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличивала для истории перспективу в прошлое, точно так же как микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она внесла те же изменения в объем содержания исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию".

Только благодаря археологии возраст человечества удлинен на 2-2,5 млн. лет, открыты древнейшие цивилизации Египта, Междуречья Тигра и Ефрата, Инда, Китая, Майя, античной Греции и Рима.

В Узбекистане в течение почти столетних археологических исследований не только открыты яркие и самобытные очаги цивилизации Бактрии, Хорезма, Согда, не уступающие по возрасту многим очагам древнейшей культуры, но и выявлено, что освоение этой территории началось не менее 1 млн. лет назад.

Земля Узбекистана - это благодатный архив, сохранивший в своих недрах памятники культурного наследия самых различных эпох. На ее территории сохранилось около 8 тыс. памятников археологии, которые представляют собой бесценное достояние общечеловеческой цивилизации. Каждый замок, крепость, стоянка, наскальный рисунок, оставленные предками, являются документом нашей истории, который ждет своей расшифровки.

В связи с этим первостепенной задачей становится надёжная охрана сохранившихся памятников археологии, для чего требуется существенно изменить и дополнить действующий ныне "Закон об охране и использовании памятников истории и культуры", принятый ещё в 1977 году, который бы учёл реалии сегодняшнего дня.

Узбекистан - это бескрайний музей под открытым небом, яркие экспонаты которого, вместе с великолепными историческими ансамблями Самарканда и Бухары, Хивы и Шахрисабза, Термеза и Коканды, покоятся на просторах древнего Хорезма и Каракалпакистана, Сурхандарьи, Зарафшанской и Ферганской долин, где проходили трассы Великого шелкового пути, связывающие Запад с Востоком

- беспримерный в мировой практике трансконтинентальный торговый путь и путь диалога народов, ретранслятор великих идей и технических новшеств.

Все это нашло отражение в материальной культуре и этническом облике народов Узбекистана.

К сожалению, в эпоху Советской империи узбекская археология, как и многие другие гуманитарные дисциплины национальных Республик, оказалась в тесных тисках тоталитарной государственной идеологии, пропитанной марксистской концепцией и идеей исторического развития общества, - формационного подхода, антагонистического противоречия классов - как движущей силы истории и т.д.

В независимой Республике исторические науки, в т.ч. археология, впервые получили возможность создания объективной картины развития общества. Сегодня такие категории как "наука", "государство", "история", "цивилизация", "наследие" звучат по-новому, они приобрели новый смысл и превратились в единое, взаимосвязанное понятие. В длительном историческом процессе отражена судьба народа и задача историков и археологов - воссоздать историю нации, основанную на фактических материалах, искоренить несправедливость и перегибы, допущенные в рамках тоталитарного режима Советской власти.

История узбекского народа, начиная с древнейшего периода, с эпохи палеолита, и до сегодняшнего дня всегда протекала на этой территории, в тесном взаимном контакте со Средним Востоком с юга и Евроазиатским степным краем с севера, и является частью мировой истории.

Узбекские археологи во избежание субъективного подхода при создании истории науки активно сотрудничают с крупнейшими археологическими центрами в США, Японии, Франции, Германии, Италии, Польши и др., что обеспечивает им международное признание и авторитет при решении проблемных вопросов истории народов Узбекистана. Например, проблемы истории сложения в III-I тыс. до н.э. ранней узбекской государственности и её непрерывного развития, изучение ранней истории этноса, его роли в сложении великой цивилизации, истории ВШП и мировых религий и т.д.

Исходя из основных идей формирования исторического сознания и воспитания свободного гражданина Республики Узбекистан, в качестве концептуальных основ развития отечественной археологии выдвигаются направления фундаментальные и прикладные, сгруппированные в следующие блоки:

А. Разработка теоретически - методологических основ археологии: материалистический подход, эволюционное и непрерывное развитие общества, отказ от жесткого формационного деления истории и переход к цивилизационному подходу неразрывно связанным с историей страны и нации, проблем хронологии, периодизации и т.д.

Усовершенствование и унификация, в соответствии с практикой мировой археологии, методов исследования - статистические, системные, морфологические, функциональные и таксономические понятия - "объект и предмет археологии", "культура", "культурный слой", "памятник", "стоянка", "поселение", "цивилизация", "ранний город", "раннее государство" и т.д.

Б. Изучение археологических культур эпохи камня, бронзы, раннежелезного века, античности и средневековья; изучение проблем освоения Центральной Азии первобытным человеком; изучение ашельских, мустьерских, верхнепалеолитических, мезолитических и неолитических памятников, наскальных рисунков, и проблем палеоэкологии, неолитической революции, становление производящего хозяйства и ирригационного земледелия; изучение проблем зарождения цивилизации, миниатюрных оазисных государств, ранних городов и государственности; "Большой Хорезм", Бактрия, Согд, эллинизм, взлет урбанизации, архитектуры и градостроительства, изучение проблемы формирования трасс ВШП, торговли, денежных отношений, нумизматики, оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов, идеологии, мировоззрения древних обществ, зарождения и становления мировых религий, ремесла, металлургии и горного дела и т.д.". Изучение проблем зарождения и хронологии крупных исторических городов: Самарканда, Бухары, Хивы, Шахрисабза, Карши, Термеза, Маргилана, Андижана, Ташкента и их вклад в развитие мировой цивилизации.

В. Изучение проблем генезиса, этноса, происхождения человека, общества, формирования племен и народов, взаимоотношения оседлоземледельческих культур Юга со степной культурой кочевников Севера, индоевропейцы и алтайско-туранский синтез в происхождении узбеков.

Г. Выявление, учет - паспортизация и картографирование, реставрация, консервация и охрана памятников археологии, топонимика, палеоэкология, палеоэкономика, палеозоология, палеоботаника, древняя ирригация, история земледельческих культур, создание свода памятников и обобщающего археологического полотна Узбекистана.

Все эти проблемы, в настоящее время отражены в 4 фундаментальных научно-исследовательских темах, разрабатываемых сотрудниками Института:

1) Окружающая среда и истоки древнего каменного века Узбекистана.

2) Материальная культура, идеология и государственность на территории древнего и раннесредневекового Узбекистана (на основе археологических материалов).

3) Средневековая государственность и цивилизация Узбекистана по археологическим источникам.

4) Изучение древних ремесленных производств по данным физико-химических и археологических исследований и разработка способов химической консервации археологических объектов.

Отечественная археология за последние четверть века собрала огромный материал, который позволяет по-новому осветить всю гамму многообразных явлений в истории узбекского народа.

Исходя из Правительственной задачи, поставленной перед историками КМ РУз 27 июля 1998 г. и концепцией независимой, свободной, самостоятельной государственности приоритетными и актуальными направлениями узбекской археологии выделяются:

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УЗБЕКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (С ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА ДО ЭПОХИ ТЕМУРИДОВ)

Узбекская цивилизация и государственность перенесла несколько этапов в своём развитии:

■ **Первый этап** характеризуется становлением оседло-земледельческих культур, протогородов, ранних оазисов, государств типологически схожих с номами Египта и городами-государствами Месопотамии и Майя, которые сложились в бассейне реки Амударья, в мелких оазисах Акчадарья, Шерабадарья, Кашкадарья и Зарафшана в эпоху бронзы и раннего железа во II-I тыс. до н.э.

■ **Второй этап** характеризуется дальнейшим развитием государственности и образованием крупных устойчивых политических объединений "Большой Хорезм", "Бактрийское царство" и Сугуди Гава типа древневосточного Мидийского государства в VIII-VII вв. до н.э.

Исторические и археологические источники подтверждают это.

На территории современного Узбекистана к этому периоду относятся следующие очаги этой культурной общности, выявленные и изучаемые археологами: ферганский (чустская культура), согдийский (Коктепа, Сангиртепа, Узун-кыр и др.), бактрийский (Джаркутан, Моллалитепа, Кучуктепа и др.), Чачский (бургулюкская культура), Хорезмский (Гяуркала, Куюсай). Очаги этой раннегородской культуры можно сопоставить с обществом, представленным в Авесте.

■ **Третий этап** узбекской государственности характеризуется полной потерей политической и экономической самостоятельности, его территория становится одним из административных округов мировых империй: сначала, в VI в. до н.э. ахеменидской, позднее в IV в. до н.э. Александра Македонского.

■ **Четвертый этап** узбекской государственности характеризуется освобождением из-под ига империи Селевкидов, образованием Греко-бактрийского царства в III-II вв. до н.э. С появлением на исторической арене Хорезма, Давани, Кушанского царства и Кангюйской конфедерации было завершено формирование среднеазиатского типа государственности, сочетавшего оазисную урбанистическую и кочевническую формы власти и администрирования. Если первый тип преимущественно развивал такие функции, как организация хозяйства на базе регуляции систем ирригации и землепользования, то второй делал акцент на военно-бюрократическую функцию государственного аппарата.

Этот второй тип государственности оставался характерным и в последующие столетия, когда после распада крупных держав на территории Узбекистана (Греко-бактрийского царства, Кушанского го-

сударства, Кангюя) складывается система мелких владений и княжеств, вассально подчиненных завоевателям, таким как эфталиты, Сасаниды, Тюркский каганат, затем Арабский Халифат.

■ **Пятый этап** развития государственности Узбекистана характеризуется правлением династии хионитов, кидаритов, эфталитов и древних тюрков в III-VII вв.

Именно в этот период, под защитой крупнейших античных государств, складывается Великий шелковый путь как система трансконтинентальных и местных торговых связей, проходит сложение транзитных и местных торговых связей, изменение роли города в жизни страны и трансформация городской структуры. Складывается Союз владений Хорезма и Согда, Уструшаны, Чача, Ферганы и Тохаристана под эгидой Согда. Вырабатываются новые ценности восточной цивилизации земледельцев и скотоводов Средней Азии в государстве эфталитов и Тюркском каганате. Формируется единая культура. Наблюдается синкретизм культуры и вклад народов Узбекистана в цивилизацию Центральной Азии. Движение товаров, науки и культуры по караванным путям способствует переходу от цивилизации государств к мировой цивилизации.

■ **Шестой этап** характеризуется потерей самостоятельности и борьбой за нее народов Узбекистана, входившего в VII-VIII вв. в состав Арабского халифата.

Большую роль в антиарабской борьбе играют тюрки. Источники IX века сообщают о выдающихся воинских качествах тюрков; тюрки являлись основной военной силой в государстве Саманидов; тюрки активно участвовали в администрации и управлении Саманидской державы.

■ **Седьмой этап** характеризуется образованием самостоятельных государств Саманидов, Караханидов, Хорезмшахов в X-XIII вв.

Караханидский каганат, государство Хорезмшахов Ануштегинидов - новый этап в истории узбекской государственности.

Города, считавшиеся основным критерием цивилизации в это время, развивались быстрыми темпами. Особенно привлекает внимание жизнь городов - столиц; Бухара, Самарканд и Ургенч становятся важнейшими центрами материальной и духовной культуры. Происходит массовый вывоз шашских, самаркандских, бухарских серебряных монет в Восточную и Северную Европу, т.е. эти монеты становятся важной статьей вывоза товаров на трансконтинентальном торговом пути.

Культуру узбекского народа этой эпохи демонстрируют выдающиеся достижения керамистов Самарканда, Шаша, Ферганы, мастеров-темирчи Ферганы и Уструшаны, торовтов Ахсикента, Чаганиана и шедевры зодчих Мавераннахра.

■ **Восьмой этап** знаменуется нашествием монголов, полной потерей самостоятельности Узбекистана и включением его в состав Чагатаидского государства в XIII-XIV вв.

В начале XIII в. Центральная Азия завоёвывается монголами. Ожесточенное сопротивление тюркских военачальников Хорезмшаха Мухаммеда-Иналч-хана (Отрар), Тимур Малика (Ходжент), Куня-Ургенч) и Джалаладдина показало накал борьбы за независимость.

Происходит полное разрушение городских центров и крупных селений, физическое уничтожение и угон в рабство большей части населения и, как следствие, сильнейший экономический и культурный спад в развитии народов региона Центральной Азии.

■ **Девятый этап** узбекской государственности характеризуется созданием централизованной империи Амира Темура и Темуридов - как вершины средневековой цивилизации и государственности Центральной Азии.

Борьба Амира Темура за освобождение Средней Азии от монгольского владычества привела к образованию огромной империи, и синкретизации культуры народов Средней Азии с наиболее передовыми культурами арабского мира, Китая и Индии, в первую очередь в области архитектуры, искусства и ремесла.

В эпоху темуридского ренессанса происходит расцвет узбекского литературного языка. Выдающийся вклад в его развитие внесли узбекские поэты и писатели - А.Навои и З.Бабур и др.

Самарканд превращается в блестящую столицу мировой империи Темуридов. Выдающимся узбекским ученым на троне был Улугбек, в эпоху которого продолжается расцвет материальной и ду-

ховной культуры. Крупнейшие городские центры Центральной Азии - Самарканд, Бухара, Шахрисабз, Ташкент, Термез, Хива в XV в. входят в круг выдающихся и процветающих городов Востока.

В материальной культуре наблюдается формирование стандартных образцов, примером чего является керамическая продукция - посуда: её цветовая гамма, форма и назначение соответствуют менталитету узбекской нации.

Вся сумма археологических и исторических сведений с древнейших времен до нового времени, показывает, что узбекский народ прокладывал свои пути в создании общечеловеческой цивилизации и государственности в тесной связи с народами Среднего Востока. Ряд достижений цивилизации и государственности, выработанные нашим народом, вошли в золотой фонд мировой цивилизации.

Целью отечественной археологической науки является создание объективного исторического полотна - цивилизации и государственности узбекского народа с древнейших времен до эпохи Темуридов, не отрывая его от мировой истории и не противопоставляя ей; показать вклад узбекского народа в сокровищницу мировой цивилизации - ретранслятора передовых идей и новшеств с Востока на Запад и наоборот по трассам ВШП; показать роль узбекского народа в формировании культур и государственности народов Центральной Азии и т.д.

Концепция развития археологии Узбекистана призвана служить на благо процветания Республики, его международного признания, формирования духовной культуры, исторического мышления нации, воспитания свободного и совершенного человека, гражданина и патриота своей Родины.

**Директор Института археологии,
председатель СО АН РУз,
доктор исторических наук:**

Т.Ш.ШИРИНОВ

У.И. Исламов, К.А. Крахмаль,
Р.А. Халмухамедова, Р.Х. Худайбердиев

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО АНТРОПОГЕНА ЮЖНОЙ ФЕРГАНЫ

В данной работе вводится в научный оборот комплекс палеоботанических источников, позволяющих составить представление о палеоклиматической и палеоэкологической ситуации Южно-Ферганского региона, его эволюционном изменении, а также на основании археологических материалов рассматриваются вопросы геохронологии в периоды раннего антропогена.

В последнее время проблемы палеоэкологии и палеоклиматических изменений привлекают возрастающее внимание исследователей различных научных дисциплин. Это объясняется тем, что климат изменился и в действительности изменяется достаточно быстро и настолько значительно, что оказывает влияние на жизненные условия животных и растительного мира, а также на жизнедеятельность человеческого общества.

При исследовании палеоэкологической и палеоклиматической ситуации раннего антропогена в Южно-Ферганском регионе, трудно отделить эти проблемы от изменений, вызванных другими причинами, особенно обусловленными геологическими факторами, продолжающимися и в настоящее время. Более важным является то, что воздействие определенных геологических и тектонических факторов оказалось более интенсивным, чем предполагалось ранее и, становится очевидным, что один какой-либо фактор не может вызвать изменения климата, и что взаимодействовали различные климатические механизмы, которые необходимо учитывать при палеоэкологических исследованиях эпох раннего антропогена.

Один из путей реконструкции палеоклимата прошлого - это реконструкция типа растительного покрова (биоты). Необходимо отметить, что подобную информацию можно получить только из той части биоты, которая сохранилась в синхронных стратифицированных отложениях и не подвергалась воздействию экзогенных, эндогенных и антропогенных преобразований. Для решения этой проблемы наиболее благоприятные условия отмечаются в пещерных отложениях и в районах расположения раннепалеолитических памятников Южной Ферганы и ставших объектом наших исследований.

Для животных и растительных организмов требуются определенные условия существования, сочетание соответствующих внешних факторов. Существование определенной формы жизни, во временном интервале означает, что условия окружающей среды соответствовали тому или иному виду растений или животных. Это простое аргументирование позволяет рассматривать видовой состав растений или животных, как отражение биотического мира для отдельных этапов исторического развития. Анализируя функцию подобного приспособления биоты, можно реконструировать палеогеографическую и палеоэкологическую ситуацию, которая соответствовала определенной экосистеме, в определенных геохронологических рамках (Воложенинов, Крахмаль, 1989).

Известно, что флора, фауна, микроорганизмы находятся в динамическом равновесии с окружающей средой, с климатом, минеральным составом почв, радиацией и др., которые в данной ситуации рассматриваются, как

экосистемы или биогеоценозы. Отдельно экосистемы определяются как подраздел биосферы, в котором элементы находятся в постоянном соотношении. Так между растительным покровом и климатом существует довольно тесная корреляция. Реконструируя тип вегетации, можно получить сведения о климатах прошлого. Споропыльцевой анализ является прекрасным методом реконструкции типа растительности.

Этот метод основан на том, что наружная оболочка пыльцевых гранул, состоящая из органического материала, хорошо сохраняется во времени. Пыльцевая гранула обладает рядом свойств, которые дают возможность рассматривать ее как важный компонент для реконструкции биоценоза прошлых эпох. Кроме того, пыльца продуцируется в огромном количестве различными видами растений. Пыльцевой дождь в период цветения распространяется над относительно большой территорией, что характеризует состав растительности в целом, и позволяет произвести реконструкцию природной обстановки в бассейне реки Сох, в районе расположения памятника раннего антропогенеза Сох, Чашма - Узбекистан и Сельунгур - Кыргызстан. Данные памятники расположены на правом берегу реки Сох, истоки которой берут начало в районе сочленения Алайского и Туркестанского хребтов. В низовьях река Сох пересекает сложно построенные зоны средних и низких предгорьев.

Палинологическое изучение Сохских конгломератов в районе памятника Сох произведены Трофимовым, Лемзиным и Мареевой (Григина, Трофимов, 1984).

В целом, по разрезу наблюдаются изменения содержания пыльцы травянистых растений, а также древесных и кустарниковых, что позволило выделить три этапа их формирования. Этапы, в свою очередь, состоят из рода палинологических зон соответствующих также стратиграфическим расчлененным отложениям эпох антропогена.

Первый нижний и наиболее древний этап формировался в условиях господства элементов флоры сухих местообитаний, приуроченных, главным образом, к саванно-слетным поясам. Здесь содержание пыльцы древесных и кустарниковых пород (*Juniperus*, *Juglans regia*, *Ulmus*, *Betula*, *Rosaceae*) составляет всего 2-4 %. Преобладает пыльца полыней 15,2-42,1 % и маревых 34,5-68,2 %.

В условиях формирования флорогенеза первого этапа происходило обживание данного

региона носителями ранней палеолитической культуры памятников Сох и Чашма (Ферганская обл. Узбекистан). Здесь была собрана коллекция из 150 каменных изделий, изученных Н.К. Анисюткиным. Индустрия Соха обладает резко выраженной архаичностью и принадлежит по типологическому облику к тому уровню развития техники обработки камня, на котором выделение таких устойчивых форм как ручные рубила, еще только начиналось. Вопрос сосуществования на территории Южной Ферганы памятников с определенным преобладанием инвентаря архаичной формы приобретает особый интерес в связи с тем, что на стоянке Сельунгур открыта более развитая индустрия (Исламов, Крахмаль, 1995).

Второй этап характеризует нижнюю пачку сохской свиты. Во время накопления данных осадков в растительном покрове произошло повышение роли тугайных, лесных, древесных и кустарниковых элементов (15-35 %), а также мезофильного разнотравья. Состав пыльцы дендрофлоры представлен элементами формаций горной тайги (*Pinus*, *Picea Schrenkiana*), а также листопадных лесов и кустарников (*Juglans regia*, *Ulmus pumila*, *Quercus robur*, *Fraxinus*, *Acer semenovii*, *Celtis*, *Betula*, *Alnus*, *Satix*, *Amygdalus*, *Morus*, *Crataegus*, *Coenusa*, *Rosa*, *Cotoniaster*, *Dicrvillea*) (Крахмаль, Халмухамедова, Воложенинов, 1995).

Палинологические данные отложений пещерной стоянки Сельунгур, изученные Г.Х. Халмухамедовой в Институте ботаники АН РУз, свидетельствует о том, что во время обживания пещеры архантропами произрастали лесные группировки растительности.

Обнаружена пыльца березы, арчи, ели, сосны, липы, дуба, ореха. Палеоботанические исследования пещеры Сельунгур, проведенные К.В. Кременецким в Институте географии РАН, показали наличие пыльцы древесных пород с преобладанием березы, лещины, ели, липы, дуба, ольхи граба, грабинника, хмелеграба, хмеля, винограда, грецкого ореха, таморисковых, сосны под родов *Harpoxylon*, *Duploxylon* (Величко, Кременецкий и др., 1988).

Так, с изменением климатической ситуации в периоды второго этапа флорогенеза в сторону похолодания древнейшие обитатели Южной Ферганы обживают пещеры, гроты и скальные навесы. К этому периоду сформировалось более развитая техника обработки камня. Она характеризуется тем, что в коллекции Сельунгура имеются чопперы, чоппинги, колуны, кливеры и ручные рубила.

Третий этап в истории формирования отложений характеризуется довольно резким снижением содержания пыльцы древесных пород от 15-5 % за счет уменьшения и выпадения из состава пыльцы ели Шренка, арчи, грецкого ореха, ясеня, клена и других представителей листопадных лесов. Увеличение процентного содержания пыльцы эфедр, полыней и маревых указывают на расширение пустынных и полупустынных ценозов.

Необходимо также отметить, что при установлении типа растительности уделялось внимание научно-обоснованному расчленению физико-географической среды. На фоне геологической истории в таком толковании флорогенез и ценогенез неотделимы. В основе обоих процессов лежит единый закон адаптаций. Каждый тип растительности характеризуется единством происхождения и приспособления к определен-

ным условиям окружающей среды. Характерная особенность эколого-исторического направления в классификации растительности, сочетание флористического, экологического и историко-геологического фактора показала, что сохская, исписарская, коктырлюкская свиты являются верхнеплиоценовыми (Григина, Трофимов, 1984).

Многие из древесных пород, обнаруженных в раннепалеолитических отложениях пещеры Сельунгур, являются реликтами третичной флоры тургайского типа.

Необходимо также отметить, что палеоботанические данные рассматриваются не только как определенные систематические группы ископаемой флоры, позволяющие определить относительный возраст содержащих их слоев, но и как показатель определенных климатических условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко А.А., Кременицкий К.В., Ударцев В.П., Маркова А.К. Палеоэкология ашельской стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 18.
2. Исламов У.И., Крахмаля К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. Ташкент, 1995.
3. Григина О.М., Трофимов А.К. Палинологическая характеристика опорного разреза сохской свиты (Южная Фергана) // Геология кайнозоя и новейшая тектоника Тянь-Шаня. Фрунзе, 1984. С. 47.
4. Крахмаля К.А., Халмухамедова Р.А., Воложенинов Н.Н. Палеогеографическое изучение Хайдарканской долины // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. Ташкент, 1995. С. 112-122.
5. Воложенинов Н.Н., Крахмаля К.А. Алайские терриоконплексы в плейстоцене // Узбекский биологический журнал. № 4, Ташкент, 1989. С. 37-42.

U.I. Islamov, K.A. Krahmal, R.A. Halmuhamedova, R.H. Hudoyberdiyev

The article gives us information about paleobiological, paleoecological and paleoclimate news, which have been got after analyses of archaeological discovers. The results of paleobiological studies let us think about vegetable world in earlier anthropogen. With the help of paleoecological and paleoclimate analyses, it is possible to study the ecology, climate and animals world of those periods.

У.И. Исламов, К.А. Крахмаль,
Х. Зарифбаев, Ш.Х. Абдуллаев

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОХИ АНТРОПОГЕНА В ВЕРХОВЬЯХ Р. ЧИРЧИК

Корни человеческой эволюции, возникновение древнейших материальных культур эпох каменного века, открытых на северо-востоке Узбекистана, уходят в прошлое геологических эпох. Для того, чтобы изучить истоки эволюции как процесса протекающего во времени, правильно определить археологические находки, выполнить реконструкцию линий развития необходимо иметь представление о возрасте этих находок. Поскольку археологические находки эпох каменного века погребены в отложениях, сформировавшихся в позднем кайнозое их геологический возраст определяется по возрасту слоя, в котором они залегают. Необходимая для данных исследований информация получена в последние годы в верховьях бассейна реки Чирчик.

В пределах изучаемого района исследованы крупные террасы характеризующие основные этапы новейших тектонических движений. К данным террасам приурочены ряд памятников каменного века такие как местонахождение ашельского бифаса Чимган, пещерные стоянки Ходжикент I, II, пещера Чаткал, Акташ, Пальтау, грот Обирахмат, местонахождение Пскем, Тусье, отдельные находки эпох неолита (Окладников, 1961; Насретдинов, 1963; Касымов, 1972; Сулейманов, 1972).

По литологическим признакам к наличию несогласного взаимоотношения между свитами и палеоген - неогеновые отложения разделены на три серии: Келесскую, Чирчикскую, Мурзарабатскую. Келесскую серию Ф.П. Корсаков (1965) сопоставляет с кирпично-красной свитой Дарваза и нижним средним массагетом Ферганы, а мурзарабатскую - с дарвазскими конгло-

мератами тавильдарьинской, каранакской и ползакской свитами.

История формирования долины реки Чирчик в антропогенный период восстанавливается по остаткам сохранившихся террас. Её начало связано с развитием широкой долины между хребтами Каржантау на правом берегу и Сюреньятинским, Кызылнуринским хребтами на левом берегу.

Каждый последующий эрозионный цикл развития более молодой террасы имел более узкую долину, чем древняя, т.е. самая молодая из существующих террас, а именно пойменная является самой узкой. Ширина соответствующая верхней террасе в районе Ходжакента в пределах 10-12 км, а ширина поймы 100-200 м, ниже Ходжакента террасы начинают снижаться. Особенно резкое опускание наблюдается по правому борту р.Чирчика. В результате этого снижения ниже Гузалкента наблюдается 5 террас, верхняя, в виде уступа, сложенного лёссом, прослеживается до реки Сырдарьи. Эта терраса связывается с основной террасой р. Арысь.

Пятая надпойменная терраса морфологически выражена двумя поверхностями в равнинных частях долин рек Келес, Чирчик, Ангрен и Арысь основной и четвертой террасы врезания или размыва в теле основной. Кроме того, пятая терраса Чирчика меняет свое положение над рекой.

Наиболее характерным моментом в геологической истории территории бассейна реки Чирчик, в момент отложения лессовой свиты была дифференциация, в отношении происшедших здесь тектонических движений на две части - горную и предгорную. Движения эти

выражались общими поднятиями в горах и опусканиями значительных территорий на равнине, кроме того в некоторых случаях знак движения менялся на обратный. Имеющиеся данные дают основания отметить, что геоморфологические условия как горной так и предгорной частей обусловлены в значительной степени не изменением базиса денудации определяемым режимом стока Сырдарьи, а движениями геотектоники совершавшимися в самом районе. В горных частях движения эти были значительной амплитуды и происходили в несколько этапов. Наиболее древние отложения представлены известняковыми конгломератами, обнажающимися по левобережью р. Пскем, возможно относятся еще к неогену.

Сохскому комплексу в верховьях Чирчика соответствуют отложения нанайской террасы, впервые выделенной Ю.А. Скворцовым на левом склоне р. Пскем. Эта терраса сложена мощной 250 м толщей аллювиально-пролювиальных конгломератов и валунников, залегающих на палеозойских известняках, перекрытых 60-метровой толщей пролювиальных лессовидных суглинков. Высота террасы, замеренная по кровле конгломератов 670 м. Состоят конгломераты из известняковой гальки угловатой и угловато-окатанной формы. Размер ее в среднем 10-15 см. В толще отмечается горизонтальная слоистость. Цемент конгломерата карбонатный, крепкий.

Аналогичное строение и состав имеют сохские осадки но залегают они на размытой поверхности неогеновых отложений. В западной части выхода конгломератов породы залегают почти горизонтально, восточнее, у контакта с палеозоем - круто, слои поставлены почти на голову. Древнечетвертичные отложения обнажаются на водоразделе Сиджакская, Наували-сая, на правом водоразделе р. Бельдерсай. Осадки сохского комплекса в пределах Бурчмулинской впадины представлены исключительно аллювиально-пролювиальными образованиями. Типичные аллювиальные отложения древнечетвертичного возраста не обнаружены. Вероятно, они здесь полностью размыты, остатки их сохранились лишь в пределах Ализарского массива.

Отложения ташкентской свиты широко распространены в Узбекистане они представлены конгломератами галечниками с мощным покровом лесса палевого цвета.

В бассейне реки Чирчик работами Н.И. Толстихина, Ю.А. Скворцова, Н.П. Васильковского установлено, что между Ташкентом и

Ходжакентом в ташкентский комплекс входят 5 наиболее крупных речных террас I и II карачатауские (I и II надугамские по Ю.А.Скворцову), угамская, сыджакская и кызылсуйская, которые вверх по течению реки повышаются а вниз снижаются. В окрестностях Ташкента все эти террасы сливаются в единую комплексную поверхность ташкентского комплекса, а в районе Ходжикента разъединяются на более высоко приподнятые друг над другом террасы.

Угамская терраса лучше всего развита на Пскем-Угамском водоразделе, она сложена из 20-25 метровой толщи аллювиальных конгломератов, перекрытых лёссами и лёссовидными суглинками мощностью до 30 м. Поверхность конгломератов расположена на 370 м выше русла Чирчика. В южном направлении она повышается, а в северном снижается.

При прослеживании угамской террасы с Пскем -Угамского водораздела в сторону Бурчмулинской впадины севернее Чарвакского ущелья отмечается флексурный изгиб угамских конгломератов с амплитудой около 40 м, описанный впервые Ю.А. Скворцовым. Образование флексуры связано с вертикальными перемещениями. В пределах Бурчмулинской впадины угамская терраса изогнута в слабую синклиналь, наиболее опущенный участок который находится примерно на слияние рек Пскем и Чаткал.

Довольно хорошо сохранилась угамская терраса на левом водоразделе р. Наувалисай в 65 км от устья, где она сложена осадками, содержащими прослойки аллювиально-пролювиальных отложений. Поверхность террасы в этом месте на 310 м выше русла реки Пскем, а мощность слагающих ее конгломератов равна 30 м.

На остальных участках Бурчмулинской впадины аллювиальные отложения угамской террасы сильно размыты и лишь местами встречаются высыпки галечников, по которым удается установить общий уровень террасы и состав слагающих ее осадков. Так, в бассейне реки Чимганки остатки угамских конгломератов обнаружены на правом и левом водоразделах, где они представлены хорошо окатанными валунами с галькой, состоящими в основном из красных гранитов и серых гранодиоритов.

Аллювий угамской террасы сложен преимущественно средней и крупногалечными конгломератами мощностью от 20 м (левый водораздел Угам) до 30 м (левый водораздел р.

Наувалисай). Конгломераты рыхлые, местами встречаются и плотносцементированные.

Поверхность конгломератов неровная, волнистая, что объясняется заполнением ими углублений (знаков размыва) выработанных древними реками в подстилающих рыхлых красноцветных мелассах. В составе гальки присутствуют, главным образом, известняки (от 35 до 40%), граниты, гранодиориты (от 25 до 45%) песчаники, сланцы и эффузивы (от 20 до 25%). Галька конгломератов хорошо окатана.

Сиджакская терраса впервые была выделена Ю.А. Скворцовым в районе Сиджака, где кровля слагающих ее конгломератов расположена на 215 м выше поймы р. Пскем. В пределах Бурчмулинской впадины сиджакская терраса подвергалась слабому синклинальному пережиму, который отчетливо наблюдается на продольном профиле р. Пскем в виде пологого погружения вверх по течению.

Аллювиальные отложения сиджакской террасы представлены в основном крупногалечными рыхлыми конгломератами и валунниками до 1 м в диаметре, сложены хорошо окатанными обломками гранитов, гранодиоритов, известняков эффузивов и песчаников. В соотношении граниты и аплиты 30%, гранодиориты 20%, известняки 30%, порфиры и порфириты 10%, песчаники 10%. Такой же состав выдерживается почти по всему описываемому району. Местами вследствие выноса обломочного материала крупными притоками, отмечаются преобладания либо известняковой, либо эффузивной гальки, имеющей в этом случае аллювиально - пролювиальное происхождение. Мощность валунников и конгломератов сиджакской террасы 30-35 м. Местами они залегают на размытой поверхности третичных красноцветов, на которых сохраняются крупные знаки размывов. Негативный отпечаток этих знаков обычно хорошо виден в толще речных конгломератов.

Аллювиальные отложения сиджакской террасы перекрыты мелкоземистыми и реже крупнообломочными пролювиальными и аллювиально-пролювиальными отложениями мощностью от 5-10 и более метров, представляющими собой древние конусы выносов крупных притоков.

Наиболее мощная толща аллювиально-пролювиальных конгломератов и валунников сиджакской террасы обнажается в водоразделе рек Янгикургансай и Чаткал, где они залегают на неогеновых красноцветах и лишь у обрыва к реке Чаткал - на аллювиальных конгломератах.

Кызылсуйская терраса сохранилась несколько меньше сиджакской. Наибольшие площади занимает она по правобережью рек Чирчик и Угам, по левому берегу р. Пскем и левому склону р. Чаткал у устья реки Коксу. Поверхность элювиальной террасы расположена на высоте 130 м у Шаркулама, и 170 м Ходжикента. Обычно на основании уступа террасы обнажаются коренные отложения, на которых залегают речные конгломераты и валунники мощностью от 20 до 50 м по левому берегу Чаткала, выше устья р. Коксу. Аллювий преимущественно рыхлый, но местами, по правобережью р. Чирчик, плотный за счет присутствия в нем карбонатного цемента. Обломки пород данных отложений более мелкие, чем в аллювии сиджакской террасы. В их входят (левый берег р. Чаткал) граниты и гранодиориты 80-90%, песчаники 5-10%, и известняки 5-10%. По долине р. Чирчик количество известняковой гальки резко возрастает до 50%.

Речные отложения кызылсуйской террасы в пределах Бурчмулинской впадины не везде имеют четко выраженные самостоятельные горизонты. На отдельных участках валунники кызылсуйской террасы сильно снижаются и, сближаясь с конгломератами более молодой хумсанской и более древней сиджакской террас, почти не отделяются от последних.

В изучаемом районе к голодностепскому комплексу относятся отложения хумсанской террасы впервые выделенные Н.И. Толстихиным. Хумсанская терраса лучше всего сохранилась на правом склоне р. Угам в районе Хумсана, на левом борту Чирчик ниже Ходжикента, вдоль правого и частью левого берегов р. Пскем, и в районе Юсупханы, Бурчмулы, Аурахмата. В других местах террасы имеют незначительные размеры. Линия продольного профиля имеет общий пологий уклон вниз по течению реки.

Мощность хумсанской террасы в разных местах района различная, западнее Чарвакского ущелья терраса достигала 10 м, у Ходжикента - 30 м. В районе Хумсана, она состоит из толщи конгломератов и валунников, в основании которых повсюду выступают коренные дочетвертичные породы. В восточных ущельях, в пределах Бурчмулинской впадины, мощность отложений хумсанской террасы резко увеличивается и достигает в отдельных местах 70-75 м. В каньоне р. Коксу выше Бурчмулы обнажена 60 метровая толща этих отложений, в которых выработана поверхность более молодой Ходжи-

кентской террасы. Высота хумсанской террасы от 60 до 95 м.

В аллювий хумсанской террасы по р. Пскем в районе Сиджака соотношение слагающих пород составляет красный гранит 20%, гранодиорит 20%, известняк 30%, эффузивы 10%, песчаники 10%, и прочие 10%.

В основании разреза наблюдается крупный валунник, состоящий из обломков достигающих 50 см, в средней части толща крупногалечным, а верхняя средне и реже мелко галечными конгломератами.

Речные отложения, хумсанской террасы перекрыты делювиальными и пролювиальными лёссовидными суглинками, щебнисто - глинистыми породами, а в конусе выноса рек Чимганки и Кызылсу - угловато окатанными аллювиально-пролювиальными галечниками с мелкоземом.

В долине Чирчика к сырдарьинскому комплексу, кроме галечников поймы, относятся отложения 1 и 2 надпойменных террас - исхандерской и ходжикентской. В низовьях Чирчика обе террасы сливаются в единую поверхность, в которую река врежется на 1,5-2 м. Вверх по Чирчику эти террасы постепенно повышаются, у Ходжикента исхандерская терраса достигает 3-5 м высоты, а ходжикентская 30-35 м. Исхандерская терраса в пределах изучаемого района развита очень слабо, и поэтому не выделяется как самостоятельная поверхность.

Ходжикентская терраса занимает наибольшие площади в районе, непрерывно прослеживаясь вдоль русл рек. Ширина ее местами

достигает 2-3 км. Высота террасы в пределах от 10-55 м.

В западном направлении, ниже Чарвакского ущелья, мощность аллювия ходжикентской террасы возрастает и у устья р. Кызылсу достигает 8-10 м. В районе Ходжикента мощность речных конгломератов ходжикентской террасы достигает 15-16 м. Однако всю толщу конгломератов нельзя уверенно отнести к отложениям ходжикентской террасы, так как не исключена возможность, что нижние слои её сложены хумсанскими конгломератами, оставшимися от размыва предходжикентской эрозии.

Аллювиальная поверхность ходжикентской террасы прикрыта мелкоземистыми и крупнообломочными делювиально-пролювиальными отложениями, которые местами отсутствуют. Среди мелкоземистых отложений значительную роль играют лёссы.

Таким образом, в изучаемом районе, где локализуются палеолитические памятники, начиная с эпох ашель, мустье, верхний палеолит и неолит прослежена история формирования и развития ландшафта как среды обитания первобытного человека. Данное исследование в археологии палеолита является одним из наиболее актуальных тематических направлений.

Оно представляет необходимую информацию для определения периодов обживания конкретного района, палеографических реконструкцией, изучения взаимоотношений природы и общества на различных этапах древнейшей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Ш.Х. Морфоструктура Ангреной впадины. Ташкент, 1985, 117 с.
2. Абдуллаев Х.А., Зарифбаев Х.З. Палеомагнетизм кайнозойских моласс Чирчикской депрессии. Ташкент, 1980, 115 с.
3. Васильковский Н.П. К стратиграфии четвертичных отложений Ферганы //Мат. по геологии Средней Азии. Вып. 2. Ташкент, 1935, с. 3-23.
4. Касымов М.Р. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965-1967 гг. ОНУ, 1968, № 3, с. 52.
5. Насретдинов Х.К. Пещера Акташ - палеолитическая стоянка под Ташкентом. ОНУ, № 6, с. 55.
6. Окладников А.П. Ходжикентская пещера - новый мустьерский памятник Узбекистана. КСИА № 82, М., 1961, с. 75.
7. Скворцов Ю.А. Четвертичные отложения. Геология УзССР, Т.3. М., 1939, с. 161-190.
8. Скворцов Ю.А., Тетюхин Г.Ф. К стратиграфии четвертичных отложений Узбекистана // Тез. докл. к совещанию по унификации стратиграфических схем Средней Азии. М., 1958, с. 188-192.

М. Хужаназаров

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ САРМИШСАЯ

Наскальные изображения Сармишсаия широко известны и нередко упоминаются в специальной литературе. Этот памятник обнаружен археологом Х.И. Мухаммедовым в 1958 г. Первая научная публикация рисунков Сармишсаия принадлежит Н.Х.Ташкенбаеву (Ташкенбаев, 1966, с.36-39). Затем в течение нескольких полевых сезонов Сармишсай исследовался А. Кабировым, в результате чего было скопировано и сфотографировано более 3500 изображений людей, животных и различных знаков (Кабиров, 1976, с.17). Большинство существующих в настоящее время мнений и гипотез, связанных с вопросами их датировки и семантики, предложено А. Кабировым, который по досто-

инству оценил значение памятника как первоклассного источника. Однако он не сумел полностью раскрыть важность петроглифов как великолепного ключа по периодизации наскальных рисунков Центральной Азии. По нашему мнению, многие изображения этого памятника - своеобразный археологический эталон, с которым могут быть соотнесены и другие центрально-азиатские петроглифы. Сармишсай - пока единственный памятник в Узбекистане и Центральной Азии, где на небольшом, но весьма насыщенном рисунками участке, сосредоточены разнообразные композиции (рис. 1).

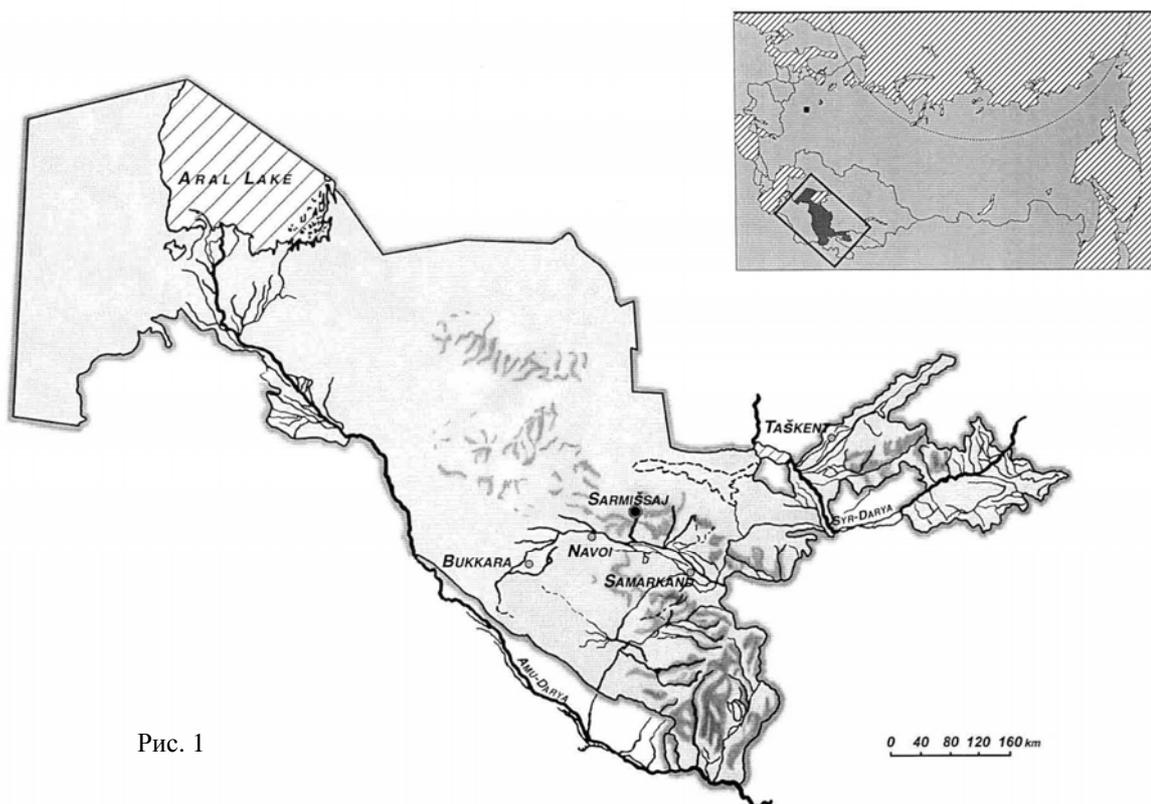

Рис. 1

Хотя уникальность данного памятника и не вызывает сомнений, «музей под открытым небом» изучен еще явно недостаточно. В связи с этим мы в этой статье рассмотрим вопросы хронологии древнейших наскальных рисунков Сармишса.

Вопросы хронологии и периодизации наскальных рисунков относятся к числу наиболее сложных и спорных в археологии. Исследователь Уральских писаниц В.Н. Чернецов в своих работах писал: «для определения возраста писаниц приходится искать какие-то критерии, которые заключались бы в самих изображениях и давали бы возможность увязать их с теми или иными датирующими фактами» (Чернецов, 1964, с.19).

Ряд известных исследователей внесли большой вклад в разработку приемов, методов датировки петроглифов. В частности, они считают, что при датировке важно учитывать анализ изображения по сюжету и отдельным реалиям в сопоставлении с этнографическими параллелями; изучение стиля - в аналогии с надежно датированными памятниками искусства, сравнительный анализ петроглифов - с изобразительными материалами, найденными при археологических раскопках, а также наблюдения над техникой исполнения, плотностью пустынного загара и перекрывающимися друг друга рисунками, изучение близлежащих к скоплениям наскальных рисунков археологических памятников.

Датировки наскальных изображений Сармишса также основаны, главным образом, на анализе сюжетов и стиля, на изучении наслоившихся изображений, на сопоставлении рисунков с аналогичными образцами, найденными на других памятниках и с археологическими материалами, на выявлении этнографических параллелей, а также по технике их исполнения и плотности пустынного загара.

Петроглифы Сармишса А. Кабиров разделил на три хронологические группы. Наиболее древние он отнес к эпохе ранней бронзы (конец III тыс. до н.э.), исходя из сравнительного анализа с изображениями на южно-туркменской керамике. Вторую группу петроглифов он датировал сакским временем (эпоха раннего железа), а более огрубленные, линейно-схематические изображения, связал с тюркским, более поздним временем (Кабиров, 1976, с.31).

В принципе, с предложенной А. Кабировым хронологией можно согласиться, однако некоторые рисунки быков и др., выбитые в тре-

угольном стиле, на наш взгляд, следует отнести к более ранней эпохе. Об этом, в частности, свидетельствует их динамичность, свойственная для охотничьей культуры древнего периода, истоки которой, по-видимому, восходят к искусству верхнего палеолита (Шер, 1980, с.183). Аналогичные изображения выявлены среди петроглифов Гобустана в Азербайджане (Джафарзаде, 1973, с.243), а также в центральной части Аравийского полуострова (Анати, 1970, с.79) (рис. 2).

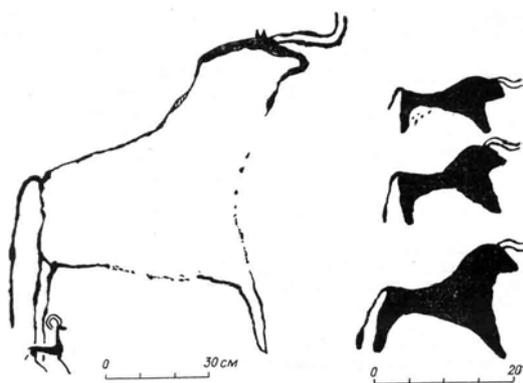

Рис. 2

Основная часть петроглифов выбита в среднем течении Сармишса, где начинается узкий каменный каньон на протяжении 2,0-2,5 км. Рисунки нанесены на вертикальные, иногда горизонтальные плоскости коренных выходов красноцветных песчаников кембрийского возраста, переслаивающихся сланцами и известняками. Поверхности плоскостей гладкие, ровные, покрыты плотной корочкой карбонатно-железистого состава или образовавшийся в процессе выветривания за счет вымывания карбонатно-железистого цемента песчаников. Некоторые из них скрыты мхом или засыпаны землей и скальными обломками. Все рисунки Сармишса выбиты, вычерчены каменными и металлическими орудиями. Следы инструментов различны: круглые, треугольные удлинённые, каплевидные и неопределённой формы. Глубина варьирует от 0,5 до 3 мм, а диаметр следов мелкий, средней и крупный - от 1 до 4 мм. Встречаются сочетание нескольких технических приемов: выбивка + гравировка + протирка.

Рисунки представлены как одиночными, так и многофигурными композициями. Они расположены на больших и маленьких плоскостях, имеющих, в основном, юго-восточную ориентацию, на высоте от 0,50 см до 20 м от

подожвы скальных выходов. В процессе работы удалось выявить несколько общих закономерностей, которые не были отмечены нашими предшественниками. Оказалось, что большинство древних рисунков заполняют скальные плоскости не хаотично, а в определенном порядке, который выдержан на протяжении всего памятника и непосредственно связан с его геоморфологическим строением.

Анализ петроглифов Сармишса показывает, что не все изображения одновременные, много среди них плампластов подновленных, подражаемых фигур. Однако большую часть наскальных рисунков следует относить к более древнему пласту, к концу каменного века, эпохе бронзы и сакскому времени, и только незначительное их количество можно связывать со средневековым периодом (рис.3).

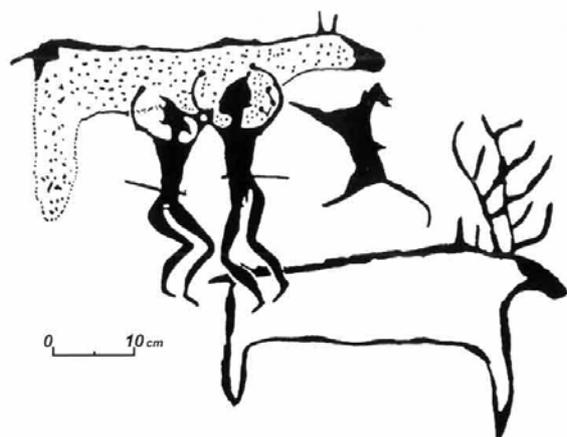

Рис. 3

На древний возраст наскальных рисунков Сармишса указывает и видовая принадлежность изображаемого быка-тура. Здесь немало изображений быков-туров, выполненных в своеобразном стиле. Они показаны стройными с удлиненными туловищами, с поднятыми головами, узкими рогами, загнутыми вверх. Передние ноги вытянуты вперед так, что хорошо видны копыта (рис. 4). Остеологический материал, собранный при раскопках поселений в Хорезме, Фергане, южной и западной частях Узбекистана и датируемый I тыс. до н.э., не содержит костей быка-тура. А в более древних археологических памятниках - эпохи палеолита, мезолита (Батиров, 1969, с.20), неолита (Lasota-Moskalewska, 1999, p.90;) и развитой бронзы (Аскарар, 1973, с. 130) они присутствуют. Исследователи предполагают, что в I тыс. до н.э. эти животные уже вымерли или были истреблены людьми. Последнее обстоятельство имеет смысл, поскольку в связи с переходом к

кочевому скотоводству началась борьба за пастбища и как следствие - массовая охота на них (Батиров, 1969, с.20).

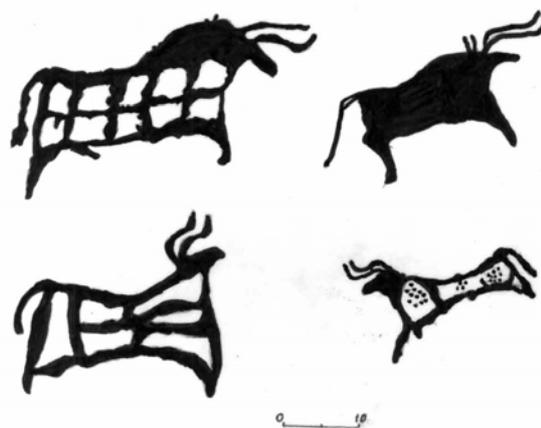

Рис. 4

Древние рисунки выбивались на ничем еще не занятой и удобной поверхности скалы, тогда как остальные занимают «второстепенные» участки скал, отличаясь по глубине выбивки и плотности пустынного загара. Такая «топографическая раскладка» изображений в пределах одной плоскости при датировке неодновременных изображений, по мнению петроглифистов, имеет немаловажное значение (Столяр, Савватеев, 1976, с.151-156). В Сармишсе часто наблюдаются такие плоскости камня. В этих случаях, как пишет Я.А.Шер, очевидным и несомненным является то, что верхний рисунок моложе нижнего, но насколько моложе, этот вопрос редко получает достоверное решение без привлечения дополнительных или косвенных наблюдений (Шер, 1980, с.171). Таким наблюдением может служить геоморфологическая ситуация бассейна Сармишса. Она не исключает возможности заселения данной территории с эпохи палеолита. Первые следы пребывания человека, по археологическим данным, относятся к верхнему палеолиту. Здесь найдены кремневые орудия труда, южная часть бассейна связана с уникальными памятниками Центральной Азии - Учтутскими шахтами и мустьерской мастерской. Этот памятник являлся важным пунктом добычи кремня для племен каменного века, обитавших в оазисе Зарафшана и его окрестностях, начиная от мустьерской эпохи и до неолита включительно. В эпоху неолита наши предки здесь сооружали шахты и добывали желвачный кремль для изготовления каменных орудий. В шахтах Учтута найдено большое число роговых орудий, изготовленных из рогов бухарского

олень и костей быка-тура (Мирсаатов, 1977, с.94-97). Эти материалы показывают, что освоение территории производилось небольшой культурно-однородной группой. Основное заселение Сармишса приходится на эпоху неолита. Есть основание считать, что это были охотники и рыболовы кельтаминарской культуры, которые постепенно пришли к скотоводству. Как известно, кельтеминарцы поселились на древней песчаной дюне на берегу водоема-озера, образовавшегося от разливов Амударьи и Зарафшана. Местность, видимо, изобиловала зарослями, где кельтеминарцы добывали топливо, строительный материал, дичь и плоды дикорастущих деревьев. Подобные все необходимые естественно-географические условия для жизни первобытных собирателей, охотников и скотоводов были и в Сармишсае, который расположен в юго-восточной части Кызылкумов. Недалеко от Сармишса находятся известные неолитические стоянки Лявлякан и др. (Виноградов, Мамедов, 1975, с.3-12). Исходя из вышесказанного, можно полагать, что древние рисунки Сармишса появились в конце каменного века.

Для сравнительного изучения наскальных рисунков, большой интерес представляют находки каждой вещи и изображения связанные с тем временем. С этой точки зрения интересным является высказывание А.Д. Грача о значении сравнительного анализа при датировке петроглифов: «решающее значение может иметь совпадение изображений на скалах с надежно датированными предметами искусства из металла, а также дерева и кости. Сравнение петроглифов с предметными сериями в ряде случаев приобретает гораздо большее значение, чем сопоставление между собой синхронных групп наскальных изображений» (Грач, 1957, с.402). Поэтому при датировке петроглифов эпохи каменного века и бронзы мы основывались на наиболее знакомых сюжетах и образах, находящихся прямые аналогии в археологическом материале, либо среди убедительно датированных петроглифов других районов. Однако, найденные на территории современного Узбекистана археологические материалы каменного века, не содержат изобразительных материалов для сравнения петроглифов. Аналогичные рисунки различных животных Сармишса встречаются на расписной керамике из Южной Туркмении и Древнего Востока (Массон, 1962, с.30-40).

Тематика древних наскальных изображений Сармишса не противоречит вышеизложенному мнению, так как на скалах часто

встречаются индивидуальные и коллективные сцены охоты на быков-туров (рис. 5).

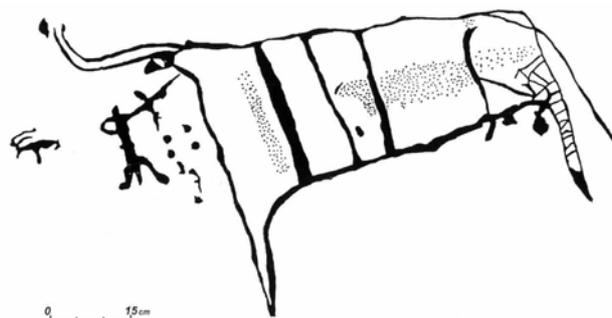

Рис. 5

Всего в Сармишсае нами зафиксировано около 4000 изображений. Изучая петроглифы Сармишса, мы пришли к выводу, что здесь многочисленны и разнообразны сюжетные группы. Тематически они выделяются в 5 групп: антропоморфные, зооморфные, изображения оружия и орудий труда, эпиграфические и солярные знаки. К этому добавляется еще одна группа - «неясные рисунки». В этом случае имеются в виду те фигуры, которые в силу элементарности или плохой сохранности не поддаются расшифровке (Хужаназаров, 1998, с. 84). На основании анализов сюжетов и тематики можно заключить, что в жизни древнейших творцов наскальных рисунков Сармишса охота имела важное значение. Среди древних изображений Сармишса часто встречаются фигуры людей и животных - бык-тур, бизон (?), благородный олень, кулан, джейран, хищники из семейства кошачьих (тигр, лев, (?) леопард, гепард), горный козел, кабан, собака и др. (рис. 6).

В настоящее время невозможно определить даже приблизительно дату появления в петроглифах Узбекистана образов вышеперечисленных животных. Известно, что благородный олень (бухарский), кулан, джейран, горный козел, кабан и др., на территории Узбекистана обитали по меньшей мере со времени мамонтового или верхнепалеолитического фаунистического комплекса (Бажанов, Костенко, 1962, с.111).

В археологических раскопках на территории Центральной Азии костные остатки этих животных встречаются в

Рис. 6

памятниках палеолита, неолита и бронзы. В Узбекистане кости благородного оленя, кулана, джейрана, горного козла и кабана известны из стоянок Сельунгура, Тешик-таша, Ходжакента, Учтута и др. (Исламов, 1980, с.109). В настоящее время в Узбекистане эти животные обитают в заповедниках и горных ущельях и внесены в «Красную книгу». Одно из них, из семейства кошачьих - леопард обитает в глубоких узких ущельях, на дне которых есть ручьи и родники. Он питается, в основном, дикими копытными - горными козлами и горными баранами, поедает также кекликов, дикобразов. В многоснежные зимы и при уменьшении численности диких копытных может нападать на ослов, лошадей, собак. В настоящее время леопард считается очень редким подвидом, и находится под угрозой исчезновения. Причины изменения численности: преследование человеком, сокращение численности диких копытных, освоение и изменение мест обитания (Красная книга, 1983, с.31) (рис. 7).

Другой вид из семейства кошачьих - гепард (закаспийский) в петроглифах Сармишя встречаются часто. Гепарды показаны стоящими, идущими или нападающими на горных козлов, архаров и др. животных. Подобные изображения хищников нередко встречаются на расписной керамике из Карадепе, Геоксюра,

Сиалака III, Тали-Бакуна, т.е. на памятниках, относящихся к III тыс. до н.э. (Массон, 1962, с.30) (рис. 9, 42).

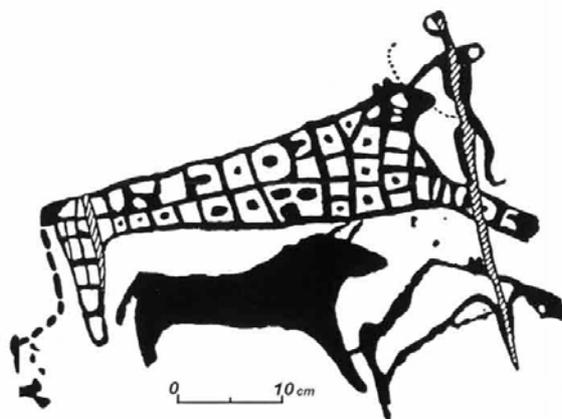

Рис. 7

В XVIII и XIX вв. гепард был нередок на Устюрте, юго-восточном побережье Аральского моря и в Северо-Западных Кызылкумах (Красная книга, 1983, с.33-34). В первой половине XIX в. он исчез с юго-восточного побережья Аральского моря и из Кызылкумов. Гепард предпочитает щебнистые и глинистые всхолмленные участки пустыни, пологие склоны останцевых возвышенностей, бугры у основания чинка, поросшие редкими кустами саксаула или других растений, дающие зверю возможность скрадывать жертву. Обитает он и на обширных солончаках, чередующихся с песками. Густых зарослей и открытых равнин избегает. В пустынях Средней Азии гепард питается в основном джейранами, муфлонами, реже - зайцами, песчанками, сусликами, рябками. Численность хищника зависит от обилия пищи. Основная причина сокращения численности - ухудшение кормовой базы, особенно резкое снижение численности джейранов, а также преследование его охотниками. Снижение численности зверя отчасти вызвано холодными и многоснежными зимами, так как гепард плохо приспособлен к быстрому передвижению по глубокому снегу.

Среди петроглифов Сармишя встречаются изображения барсов или ирбисов. Поверхность изображенных фигур сильно выветрилась, покрыта густым слоем пустынного загара и трудно отличима от темно-коричневого фона скалы, поэтому некоторые из рисунков очень плохо прослеживаются. В настоящее время барс встречается в Туркестанских и Гиссарских горах и их отрогах. Обитает также на Кураминском, Чаткальском, Пскемском и Угамском хребтах. В бассейне Чаткала ирбисы встречаются постоянно, несмотря на значи-

тельную заселенность долины. Снежный барс - горное животное. На большинстве хребтов летом он держится на высоте 3000-4000 м над уровнем моря, у нижней линии вечных снегов. Изредка встречается и выше. Предпочитает скалистые ущелья со щебнистыми склонами, нагромождениями камней и отдельными выходами скал, чередующимися с небольшими открытыми плоскогорьями и узкими долинами с альпийской растительностью, где держатся горные козлы и бараны и есть укрытия. Зимой в поисках добычи ирбисы иногда спускаются вниз. В конце мая - начале июня вслед за дикими козами снежные барсы кочуют к субальпийским лугам (Красная книга, 1983, с.32).

Барсы считаются редкими животными с сокращающейся численностью. Причины изменения численности - прямое преследование человеком, уменьшение численности диких копытных, участвовавшие посещения людьми мест обитания барса.

Образ козла считается одним из самых распространенных среды других сюжетов и охватывает почти все хронологические периоды, поэтому провести четкую границу между какими-либо группами козлов довольно трудно. В настоящее время горный козел обитает в скалистых высокогорных районах. Горный козел ценится как охотничье животное. Охота на него ведется по особому разрешению.

Среди наскальных рисунков Сармишся встречаются изображения верблюдов и лошадей. Фигуры этих животных выполнены сплошным силуэтом, в редких случаях схематично. Они показаны с массивными туловищами, одним или двумя горбами, длинными изогнутыми шеями, большими головами, двумя ушами и мощными ногами. У некоторых из них очень выразительно изображены стопы. Сейчас уже можно не сомневаться в том, что Центральная Азия была одним из древнейших районов одомашнивания двугорбого верблюда (рис. 8). И если для северных районов степной зоны domestикация бактриана определяется временем не позднее середины II тысячелетия до н.э. (Цалкин, 1966, с.181), то для более южных районов этот рубеж должен подходить к концу IV тысячелетия до н.э. Во всяком случае, уже в конце III тысячелетия до н.э. появляются вещественные доказательства использования верблюда в качестве тяглового животного - терракотовые модели повозок с верблюдами в слоях позднего Намазга IV (Массон, 1964, с.47).

Рис. 8

Местами встречаются изображения крупного рогатого скота и загадочных предметов, украшенных множеством треугольников. По технике и степени сохранности они не отличаются от древних. Аналогичные украшения часто встречаются на керамике и характерны для памятников эпохи неолита, энеолита и бронзы Центральной Азии (Массон, Сарияниди, 1969, с.86-99).

К древнейшему времени можно отнести также и ряд других рисунков, хронология которых может быть намечена приемом взаимовстречаемости сюжетов. Исходя из вышесказанного можно полагать, что изображения быков-туров, в свою очередь, датируют большую серию петроглифов, иных по сюжету сцен, среди которых особенно интересны изображения людей, животных и ряда неопределенных фигур. Они, как и изображения быков-туров, самые темные по цвету, их трудно отличить от фона камня. Относительно техники нанесения между ними не наблюдается существенных различий. Судя по их расположению среди других рисунков, они, как и изображения быков-туров, занимают самую удобную поверхность скалы и в редких случаях перекрыты другими рисунками, что говорит также об их близком возрасте. Кроме того, одной из общих черт рисунков этого времени является то, что почти все изображения животных и людей переданы в движении.

Таким образом, сюжет, стиль, степень сохранности, сравнительный анализ с другими наскальными рисунками и археологическими материалами, а также пустынный загар, место расположения рисунков и техника нанесения дают возможность предположительно отнести некоторые изображения быков-туров, бизонов, горных козлов, хищников из семейства ко-

шачьих, людей и других из Сармишса к неолитическому времени и эпохе бронзы, то есть к V-II тысячелетию до н.э.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
2. Бажанов В.С., Костенко Н.Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962.
3. Батыров Б.Х. Характер изменения видового состава и ареалов млекопитающих юга Узбекистана. Самарканд, 1969.
4. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.
5. Грач А.Д. Петроглифы Тувы. 1. - СМАЭ, т. 17, М.-Л., 1957.
6. Джафарзаде И.М. Гобустан. Баку, 1973.
7. Исламов У.И. Обишская культура. Ташкент, 1980.
8. Кабиров Ж. Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар. Тошкент, 1976.
9. Красная книга Узбекской ССР. Том 1. Ташкент, 1983.
10. Массон В.М. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.-Л., 1962.
11. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.
12. Массон В.М. Сарианиди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М., 1973.
13. Мирсаатов Т. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977.
14. Столяр А.Д., Савватеев Ю.А. О некоторых возможностях изобразительного анализа писаницы Астувансалми (Финляндия). Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
15. Ташкенбаев Н.Х. Наскальные изображения Караунгурсыя и Сармиша. ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
16. Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракиясыя. Самарканд, 1995.
17. Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы. М., 1966.
18. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Часть 1, М., 1964.
19. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
20. Anati E. The Rock Engravings of Dahtham: Wells in Central Arabia.- «Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici». Vol.5, Capo di Ponte. Brescia, 1970.
21. Alicja Lasota-Moskalewska . Faunal Remains - Arhaeozoological Experts opinion on animal remains from Ayakagytm the site, Uzbekistan (1998 season). General Report Excavation in Ayakagytm the site, SE Kyzul-kum, Uzbekistan. Warsawa-Samarkand, 1999.

M. Hujanazarov

THE ANCIEST ROCK ART OF SARMISHSAY AREA

The article is dedicated to analyses of the most ancient rock art of Sarmishsay Gorge in Navoi region. The most ancient drawings of Sarmishsay Gorge are the images of men, dogs, wild goats, bulls, bizon, bukharian deer, kulan, gazelle (jeiran), lion, tiger, cheetah. Except these drawing there are some geometrical forms dated to this period.

М.Д. Джуракулов, Г.Ф. Коробкова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ САМАРКАНДСКОЙ СТОЯНКИ (ПО РАСКОПАМ 1961-1967 гг.)

Являясь ключевым памятником верхнепалеолитической эпохи, Самаркандская стоянка постоянно находится в поле зрения многих исследователей. Ей посвящены работы разных ученых (Лев, 1964; 1972; Ранов, 1969; Холюшкин, 1970; Коробкова, 1972; Джуракулов, 1972; 1987; 1992; Абрамова, 1984; 304-308; Вишняцкий, 1996; 70-76 и др.). В них нашли отражение стратиграфические, археологические, палеозоологические, геологические аспекты. Особое место уделено данным типологического (Лев, 1972; Джуракулов, 1987), трасологического (Коробкова, 1972), математико-статистического (Джуракулов, Холюшкин, 1975) анализа индустрии.

Наличие галечного, отщепового и пластинчатого набора изделий, включавшего чопперы, чоппинги, скребла, остроконечники, скребки, выемчатые орудия и изделия с подтеской концов, рубящие инструменты и ножевидные пластины с ретушью и без нее - сразу обратили внимание многих исследователей, занимающихся верхним палеолитом Средней Азии и Сибири. Внешнее сходство материалов Самаркандской стоянки с сибирскими памятниками (Мальта, Буреть, Ачинская и др.) породило массу откликов о культурологических и этнических связях между культурами двух регионов (Окладников, 1968: 151). Необычность сочетания галечной и пластинчатой техники и отсутствие четкого представления о технико-технологических особенностях индустрии Самаркандской стоянки вызвали разнобой в трактовке культурогенетической и хронологической линии развития. По мнению А.П.Окладникова (1965: 8-9; 1968: 149, 150), инвентарь стоянки по набору орудий и их сочетанию повторяет Мальту, Буреть, Ачинскую. Сходство Самар-

кандской стоянки с Енисейскими верхнепалеолитическими комплексами отмечала и З.А. Абрамова (1984: 333). Хотя ранее ею была высказана гипотеза об отнесении Самаркандской стоянки к варианту Европейских или Переднеазиатских культур (1971; 280). Г.Ф.Коробкова сделала акцент на локальные особенности индустрии Самаркандской стоянки, не имеющей в то время близких аналогий с синхронными памятниками Средней Азии и соседних территорий (1972: 167-168). Не остался в стороне от дискуссии и В.А. Ранов, который высказал предположение о типологической привязке Самаркандской стоянки к кругу культур с азиатской линией развития (1968: 10). Не отрицая этой гипотезы Д.Н.Лев подчеркнул непрерывность линии развития Самаркандской стоянки, связанной генетически с мустье Аман-Кутана (1964: 107). На сходство с сибирскими верхнепалеолитическими памятниками указывал М.Д.Джуракулов (1987: 116,122). Отмечены аналогии Самаркандской стоянки с индустрией Пакистанской пещеры Сангао (Ранов, 1969: 36).

Открытие многослойного позднепалеолитического памятника Шугноу вызвало новую волну сравнительных сопоставлений. И В.А.Ранов (1973: 54, 58) и Ю.П.Холюшкин (1981: 89, 90) признали хронологическое сходство обеих стоянок. Последние исследования М.Д. Джуракулова позволили отнести Самаркандскую стоянку к кругу памятников Сибирско-Китайского палеолита (1987: 119).

Несмотря на столь обширную информацию о Самаркандской стоянке этот памятник содержит еще множество тайн и загадок, разгадка которых лежит в применении новейших методов исследования - технологии и трасологии в совокупности с известными разработками типо-

логического анализа, проведенного ранее М.Д. Джуракуловым (1987; 1992). В последние годы авторы продолжили трасологическое изучение самаркандской индустрии (Джуракулов, Коробкова, 1999а; 1999б), которое углубило и конкретизировало наше представление о хозяйственно-производственной деятельности обитателей стоянки и некоторых функционально-технологических особенностях их инструментария. Работа в этом плане проводилась в 1998-1999 гг. и продолжается в настоящее время.

Целью исследования текущего 1999 года стало изучение коллекции изделий из верхнего слоя Самаркандской стоянки по данным раскопок 1961-1967 гг. Первоочередной задачей - проследить какие именно заготовки шли на изготовление конкретных видов орудий, включая и разные технические сколы, и отбросы техники расщепления, и первичные, и полупервичные сколы. Такой подход значительно повышает информативную базу о технико-технологической стратегии населения Самаркандской стоянки. Ведь данные трасологического изучения материалов позволяют выявить во всей глубине и конкретности определяющие и эпизодические типы заготовок инструментария. При типологическом и технологическом анализе из поля зрения выпадает функциональный фактор, который, собственно, и определяет всю совокупность используемых населением исходных заготовок и каждую в отдельности. Одно дело получить информацию как сделан тот или иной предмет определенной морфологической формы и каким способом. И другое - выявить, какое именно орудие выполнено из конкретной заготовки конкретной формы.

Основными методами исследования являлись типология, технология и трасология, примененные к изучению материалов из верхних слоев стоянки.

Технико-типологический состав изделия

За текущий год была изучена выработка из 1419 каменных изделий, которые распределились следующим образом:

Орудия	- 229 (16,7 %)
Нуклеусы	- 96 (6,7 %)
Платины	- 27 (1,9 %)
пластинки, микропластинки краевые отщепки резца	- 3 (0,2 %)
Отщепы:	- 587 (41,3 %)
в т. ч. первичные	- 108
полупервичные	- 98
Технические сколы	- 227 (16,0 %)

Мелкие осколки	- 105 (7,4 %)
Крупные осколки галек	- 20 (1,4 %)
осколки плиток	- 4 (0,3 %)
чешуйки	- 121 (8,5 %)

Функциональный состав изделий

По данным трасологического изучения эта же выработка предстала несколько в ином виде:

Орудия труда	- 367 (25,8 %)
Нуклеусы	- 82 (5,8 %)
Платины пластинки, микропластинки без следов	- 17 (1,2 %)
Краевые отщепки резцов без следов	- 3 (0,2 %)
Отщепы без следов износа	- 508 (35,8 %)
Технические сколы без следов	- 195 (13,7 %)
Мелкие осколки без следов	- 105 (7,4 %)
Крупные осколки галек без следов	- 20 (1,4 %)
Чешуйки без следов	- 121 (8,5 %)
Итого:	- 1419 (100 %)

Как видно из этого списка, процент орудий труда значительно повысился - 25,8%. Это произошло за счет включения в их количественные показатели изделий из разных технических сколов, первичных и полупервичных пластинчатых и обычных отщепов, осколков, нуклеусов. Высокий коэффициент орудий выборки в целом указывает на длительное обживание и стационарный характер памятника с существованием комплекса разных производств, в том числе камнеобрабатывающего.

Характеристика орудий

Результаты трасологического анализа показали использование 367 орудий, что составило 25,8 % от числа всех изделий исследуемой выборки. Некоторые из них, как будет показано ниже, например скребла, отщепы, пластины, осколки служили универсальными орудиями и выполняли дифференцированные функции.

В целом общий список орудий выглядит таким образом.

Список орудий труда

1. Ножи для мяса	61 (16,6 %)
2. Вкладыши ножей для мяса	6 (1,1 %)
3. Скребки для шкур	63 (17,2 %)
4. Долота для дерева и кости, рога	62 (16,9 %)
5. Скобели для дерева и кости, рога	56 (15,3 %)
6. Резцы для дифференцированных материалов	28 (7,6 %)
7. Резчики для дерева	2 (0,5 %)
8. Стамески для шкур, дерева, кости	13 (3,5 %)
9. Скребла для дифференцированных материалов	26 (7,1 %)

10. Сверла для дерева, кости, камня	6 (1,6 %)
11. Проколки для шкур	6 (1,6 %)
12. Строгальные ножи для дерева	2 (0,5 %)
13. Отбойники	16 (4,4 %)
14. Тесла для дерева	2 (0,5 %)
15. Ручное рубящее орудие для кости	1 (0,3 %)
16. Чоппинги без следов	2 (0,5 %)
17. Чопперы без следов	2 (0,5 %)
18. Зубчатые орудия без следов	2 (0,5 %)
19. Полифункциональные орудия:	13 (3,5 %)

Скобель - строгальный нож для дерева - 1

Скобель - долото для дерева - 1

Скобель - нож для дерева - 2

Скобель для дерева на осколке тесла, вторично использованного, как отбойник - 1

Резец - скобель для кости, рога или твердого дерева - 1

Резец - долото для кости, рога на сработанном нуклеусе - 1

Резчик - скобель - нож для дерева - 1

Сверло для камня на скобеле для кости, рога - 1

Сверло для камня на скобеле для дерева - 1

Стамеска - двулезвийный скобель для дерева - 1

Стамеска для шкур на долотовидном орудии для дерева - 1

Ручное рубящее орудие для кости - отбойник на чоппинге - 1

Данные трасологического анализа материалов Самаркандской стоянки показали повсеместное использование в качестве заготовок технических сколов, полученных при подправке и расщеплении нуклеусов. Из них изготавливали ножи для мяса, скребла для обработки шкур и выделки кож, скобели для дерева, кости, рога и другие орудия. Наиболее популярными группами были скребки - 63, ножи для мяса - 61. Среди ножей обнаружены вкладышевые орудия - 4, выполненные из призматических пластин, полученных отжимной техникой снятия. Примерно одинаковым количеством представлены долота - 62 и скобели - 56. Выявилась значительная группа резцов, использованных для обработки дифференцированных материалов - 28, и совершенно новая, доселе неизвестная категория - стамески - 13, которыми пользовались и для обработки шкур, и дерева, и кости, рога. Выразительной серией представлены скребла разнообразных типов - 26 (дежете, продольные, диагональные, поперечные, простые), оказавшиеся универсальными орудиями, использованными и как ножи для мяса, и как скобели для дерева и кости, рога и как скребки для выделки шкур и другие.

В коллекции орудий выявлены сверла - 6, проколки для шкур - 6, строгальные ножи для дерева - 2 и 13 полуфункциональных инструментов, использованных либо на старых изношенных орудиях, либо выполнявших 2-3 функции.

Использование технических сколов, первичных и полупервичных отщепов для орудийного набора (119 экз.) можно рассматривать как одну из особенностей технологии Самаркандской стоянки.

В ходе трасологического анализа удалось установить, какие конкретные морфологические заготовки шли на изготовление определенных видов орудий. Было так же выявлено, что технические необходимости расщепления были обусловлены функциональными запросами обитателей Самаркандской стоянки и традиционностью приемов скалывания. Именно первое обстоятельство служило импульсом прогрессивного развития и технологии, и орудий труда.

Самыми популярными орудиями были скребла, ножи, долота и скобели, представленные примерно близкими количественными показателями.

Заготовками для скребла (табл. 1, А) служили мелкие отщепы - 26 (включая 2 первичных и 1 полупервичный), средние - 14 (в том числе 2 первичных и 2 полупервичных), крупные - 7 (из них 1 первичный и 3 полупервичных); макропластинчатые отщепы - 2; крупные пластины - 3; полупервичные сколы - 1; сработанные нуклеусы - 4; ударные площадки нуклеусов - 4; осколки плиток - 1; осколки нуклеусов - 1. Среди них 8 скребел (2 дежете, 4 продольных, 1 простое, 1 диагональное). Таким образом, основными заготовками являлись мелкие подпрямоугольные и подтреугольные отщепы с тонкими краями и массивной ударной площадкой, преимущественно скошенной, гладкой, с очень редкой подправкой карнизов.

Для изготовления скобелей (табл. 1, Б) выбирались средние отщепы - 27 (включая 2 первичных и 3 полупервичных), крупные - 11 (в том числе 2 первичных), мелкие - 4 (все первичные), первичные сколы - 3, технические сколы - 4, осколки нуклеусов - 2, ударные площадки нуклеусов - 1, чопперы - 2. Функции скобелей выполняли 2 крупные пластины и 6 скребел (1 дежете, 3 продольных и 2 поперечных).

Как видим, из этого списка предпочтение отдавалось средним отщепам и тоже подпрямоугольных форм с массивными скошенными

гладкими площадками. При этом большую роль играли первичные и полупервичные отщепы и сколы - 14.

Конкретными заготовками для ножей (табл. 1, В) служили крупные пластины - 22 (из них 2 полупервичных), макропластины - 7, средние пластины - 5, крупные пластинчатые отщепы - 10, крупные леваллуазские отщепы - 1, крупные первичные - 1 и полупервичные - 2, средние отщепы - 12. В функции ножей использовались 2 продольных и 2 скребла дежете. Определяющей категорией заготовок являлись пластины, в меньшей степени отщепы.

Иную картину рисует состав заготовок резцов (табл. 2, А). Из 28 орудий наибольшее число изготовлено из средних отщепов - 7 (1-первичный), мелких - 4 (в том числе 1 полупервичный), крупных - 5 (включая 1 первичный), крупных пластинчатых отщепов - 3, крупных пластинчатых сколов - 1, крупных пластин - 4 (включая 2 полупервичных), средних пластинок - 1, сработанных нуклеусов - 1, осколков нуклеусов - 1, крупных реберчатых отщепов - 1. В этой категории орудий определяющими заготовками являлись отщепы разных размеров, но все с массивными скошенными гладкими (за редким исключением) ударными площадками.

Для изготовления скребел (табл. 2, Б) отбирались крупные отщепы - 12 (в том числе 3 полупервичных), средние - 2 (1 первичный), крупные пластинчатые сколы - 7, мелкие отщепы - 1, ударные площадки - 1, первичные сколы - 2, крупные пластины - 1.

Долота изготавливались (табл. 2, Г) на сработанных нуклеусах - 18, осколках нуклеусов - 4, средних отщепах - 19 (из них 5 полупервичных), крупном отщепе - 1, мелких отщепах - 15 (включая 1 первичный), обломках крупной пластины - 1, реберчатых отщепах - 2, осколках гальки - 2. Таким образом, и в этой категории орудий основными заготовками выступали отщепы - 37, реже сработанные нуклеусы и их осколки - 22.

Для стамесок (табл. 2, В) использовались крупные - 6 (в том числе 1 полупервичный и 2 первичных), средние - 3 (1 полупервичный) и

мелкие - 1 отщепы, ударная площадка - 1, реберчатый отщеп - 1, технический скол - 1. На основании этого перечня становится очевидным определяющее значение среди заготовок отщепов крупных размеров и, как обычно, подпрямоугольных очертаний с прямым или слегка выпуклым верхним краем и массивной скошенной гладкой ударной площадкой.

Совсем иные заготовки применялись для изготовления сверл (табл. 2, Г). Это были крупные пластины с непараллельными боковыми краями - 4, осколки нуклеусов - 1 и реберчатая полупервичная пластина - 1. Предпочтение оказывалось крупным остроугольным, изогнутым пластинам, достаточно массивным, с утолщенными ударными площадками подтреугольных или удлиненных очертаний.

А для проколов (табл. 2, Д) в основном использовались средние остроугольные пластинки, преимущественно без ретуши, треугольного сочетания - 3, реберчатая пластина - 1, средние отщепы - 2 (включая 1 первичный).

Заготовками для двух строгальных ножей для дерева служили крупные призматические пластины с параллельными негативами снятый на спинке и почти параллельными боковыми краями.

Исходным материалом для отбойников (табл. 2, Е) были нуклеусы - 3, поперечно расколотые гальки - 4, осколки галек - 5, чопперы - 2 и чоппинги - 2.

Для чоппингов и чопперов использовались поперечно расколотые крупные гальки зеленой и серой тонкозернистой плотной породы. А для тесел - такие же гальки или продольно расколотые.

Данные трасологического анализа изделий из верхнего слоя Самаркандской стоянки позволили выявить не только состав используемых обитателями орудий, но и определить количественный коэффициент конкретных групп инструментов. Этому способствовала функциональная типология, разработанная в целях общего и конкретного понимания палеоэкономической ситуации, существовавшей в период функционирования верхнего слоя (табл. 3).

Таблица 3. Функциональная типология

№№ групп	№№ типов	Наименование функциональных типов	Общее количество	% от общего количества
I.		Орудия для разделки мяса:	74	16,5
	1	Ножи	61	
	2	Вкладыши ножей	4	
II.	3	Ножи на скреблах	9	18,9
		Орудия для обработки шкур:	85	
	4	Скребки	63	
	5	Стамески	8	
III.	6	Скребла	8	25,6
	7	Проколки	6	
		Орудия для обработки дерева:	115	
	8	Долота	47	
	9	Скобели	34	
	10	Скребла	5	
	11	Резцы	15	
	12	Резчики	2	
	13	Стамески	4	
	14	Сверла	4	
	15	Строгальные ножи	2	
IV.	16	Тесла	2	6,7
		Орудия для обработки кости, рога:	30	
	17	Долота	2	
	18	Скобели	14	
	19	Скребла	2	
	20	Резцы	9	
	21	Стамески	1	
	22	Сверла	1	
V.	23	Ручное рубящее орудие	1	2,7
		Орудия для обработки кости, рога или твердого дерева	12	
	24	Скобели	8	
	25	Долота	3	
VI.	26	Резцы	1	22,3
		Орудия для обработки камня или нуклеусы:	100	
	27	Отбойники	16	
	28	Резцы	1	
	29	Сверла	1	
VII.	30	Нуклеусы	82	2,9
		Полифункциональные орудия	13	
VIII.		Орудия без следов использования:	20	4,5
	31	Зубчатые	2	
	32	Чопперы	2	
	33	Чоппинги	2	
	34	Скребла	2	
	35	Резцы	2	
	36	Долота	10	
Итого:			449	100

На территории стоянки обрабатывалась принесенная с охоты добыча, разделывались туши убитых животных и выделывались шкуры и кожи. С этим видом деятельности было связано более 35 % всех зафиксированных орудий (табл. 4). Важное место занимала обработка дерева, подчеркивающая длительное стационарное обживание стоянки. Разнообразный набор скобелей, тесел, долот, строгальных ножей, ручных рубящих орудий, резцов, резчиков и

других инструментов свидетельствует о сложном технологическом процессе деревообрабатывающего производства. Дерево обтесывали, обстругивали, обскабливали, ошкуривали, выдалбливали, раскалывали, просверливали, прорезали и резали. Из него делали рукоятки и оправы к орудиям, деревянные предметы, бытовые изделия, посуду, орудия, использовали как строительный материал и др. Столь же разнообразна была и технология обработки

кости и рога, обеспеченная дифференцированным набором высокоэффективных инструментов.

Количественные показатели орудий кожевенного дела свидетельствуют также о доминирующей роли этого вида хозяйственной деятельности (почти 19%) в производственной системе обитателей Самаркандской стоянки. Шкуры обрабатывали стамесками (срезали мездру), скребками и скреблами. Набор скребковых инструментов оказался профессионально подобранным для выполнения разного вида кожевенных работ. Скребла и скребки, наделенные достаточно протяженными лезвиями, могли обрабатывать шкуры на больших площадях. Микроскребки и концевые с угловыми рабочими участками могли выделывать шкуры мелких животных и в неровных местах. Скребки «с носиком» взрыхляли мездру, подготавливая почву для эффективного выскабливания скребками и скреблами.

Огромное значение на территории стоянки имело производство по расщеплению камня и изготовлению орудий труда. Вместе с тем какой-либо концентрации нуклеусов и связанных с их раскалыванием орудий не наблюдалось (Холушкин, 1981: 53). То есть о существовании на территории стоянки- мастерской или мастерских (Лев, 1967: 84) пока трудно говорить (из-за отсутствия полного анализа всех материалов). Значительное число нуклеусов, желваков, осколков, обломков, технических сколов и других отходов техники расщепления разбросано по всей площади стоянки и связано с активным местным изготовлением орудий

труда, предполагающим использованием трехэтапного расщепления. Обитатели Самаркандской стоянки бережно относились к традициям своих предков, сохраняя в технологии расщепления камня, изготовлении орудий и их наборе архаические червы, обновленные инновационными элементами верхнепалеолитической техники.

Четыре вида производств - разделка туш убитых животных, кожевенное и деревообрабатывающее производства, раскалывания камня и обеспечение себя необходимыми типами орудий, являлись опорным стержнем деятельности населения. Об этом свидетельствуют как высокие процентные показатели орудий, занятых в данных производствах, так и дифференцированный набор их, указывающий на сложные технологические процессы, осуществляющиеся самаркандскими мастерами. И судя по активному износу орудий, самаркандскую стоянку следует рассматривать как базовый лагерь охотников полупустынь и степей на дикую лошадь, плейстоценового осла, первобытного тура. Словом вся активная жизнь местного населения была зациклена на охоте, переработке продуктов охотничьей деятельности и обеспечении себя всем необходимым для длительного проживания на одном месте. Можно говорить о существовании стабильных процветающих отраслей, оснащенных дифференцированными инструментами, обеспечивающими высокоэффективную и прогрессивную для того времени технологию разных производств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З.А., 1971. Микронуклеусы в палеолите Енисея // КСИА. Вып. 120.
2. Абрамова З.А., 1984. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. Палеолит СССР (под ред. Борисковского П.И.). М.: 302-334, рис. 124.
3. Борисковский П.И., 1964. Предисловие // Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде / Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 135. Самарканд.
4. Вишняцкий Л.Б., 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. Санкт-Петербург.
5. Джуракулов М.Д., 1972. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского Госуниверситета в 1970 г. // Материалы по истории и археологии Узбекистана / Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 218. Самарканд: 68-77.
6. Джуракулов М.Д., 1987. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. - Ташкент. 187 с.
7. Джуракулов М.Д., 1992. Каменный век бассейна Заравшана. Автореф. дисс... доктора ист. наук. Самарканд. 58 с.
8. Джуракулов М.Д., Коробкова Г.Ф., 1999. О некоторых функционально-технологических аспектах самаркандской верхнепалеолитической стоянки. // «Локальные различия в каменном веке». Тез. докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н.Замятина. СПб., с. 133-135.

9. Джуракулов М.Д., Коробкова Г.Ф., 1996. Новые трасологические исследования каменной индустрии из верхнего слоя Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. // Современные экспериментально - трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., с. 52-56.
10. Джуракулов М.Д., Холушкин Ю.П., 1975. Некоторые вопросы применения методов математической статистики в археологии каменного века // Материалы по археологии Узбекистана / Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 270. Самарканд: 4-26.
11. Ефименко П.П., 1964. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность раннего возраста стоянки // Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 135. Самарканд: 110-112.
12. Коробкова Г.Ф., 1972. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки. (По материалам 1958-1960 гг.). // Палеолит и неолит СССР. Т. 7 (под ред. Абрамовой З.А. и Праслова Н.Д.). // МИА. № 185. Л.: 157-168.
13. Лев Д.Н., 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958-1960 гг. // Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 135 (под ред. Аминова М.У.). Самарканд: 5-109.
14. Лев Д.Н., 1967. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского Госуниверситета в 1965 г. // Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 166 (под ред. Аминова М.У.). Самарканд: 82-99.
15. Лев Д.Н., 1972. Итоги работы археологического отряда Самаркандского Госуниверситета имени А.Навои в 1966 г. // Материалы по истории и археологии Узбекистана / Тр. СамГУ. Вып. 218. Самарканд: 3-67.
16. Несмеянов С.А., 1980. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // Палеолит Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии (под ред. Ларичева В.Е.), Новосибирск: 32-46.
17. Окладников А.П., 1966. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы (под ред. Массона В.М.). М.; Л.
18. Окладников А.П., 1968. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чтения 1966 г. вып. 1. Новосибирск: 144-157.
19. Ранов В.А., 1968. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965) // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1.
20. Ранов В.А., 1969. Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии // ИАН ТаджССР. Отд. общ. наук. № 4/ 58: 30-37.
21. Ранов В.А., 1973. Шугноу - многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу. Раскопки 1969-1970 гг. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 10.
22. Холушкин Ю.П., 1970. Специфика каменного инвентаря Самаркандской палеолитической стоянки // Материалы 12-й СНК Средней Азии и Казахстана. Фрунзе: 64-66.
23. Холушкин Ю.П., 1981. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск.

Б.К. Сайфуллаев

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КУТУРБУЛАК (В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Местонахождение Кутурбулак находится в 100 км северо-западнее г. Самарканда вблизи села Чархин, около одноименного родника, бьющего у подножья Зирабулакских гор, в узкой предгорной долине левобережья среднего течения р. Зарафшана. Памятник был открыт в 1971 г. археологическим отрядом ИА АН РУз под руководством Ю.Ф. Буякова [Буяков и др., 1972]. Исследования памятника проводились в течение 1971-72 гг. Н.Х. Ташкенбаевым, результаты исследований были опубликованы в ряде статей и в монографии "Культура древнекаменного века долины Зарафшана" [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980].

Стратиграфическое положение Кутурбулакского местонахождения с самого начала исследований интерпретировалось по-разному. Одни исследователи (Г.Ф. Тетюхин, Н.Х. Ташкенбаев, Р.Х. Сулейманов) утверждали инситуность культурных слоев местонахождения, в то время как другие (С.А. Несмеянов, В.А. Ранов, С.М. Цейтлин) говорили о переотложенности осадков [Тетюхин, Ташкенбаев, Сулейманов, 1978, с. 7-11; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 88-89].

Разрешение вышеупомянутой проблемы не является задачей данной статьи. Работа посвящена технико-типологическому анализу многотысячной индустрии Кутурбулака, которая, на наш взгляд, вплоть до настоящего времени была недостаточно изучена. Тем не менее, необходимо определиться, какой точки зрения в вопросах стратиграфического положения памятника стоит придерживаться.

При проведении анализа артефактов для всей индустрии Кутурбулака были выявлены разной степени окатанность, зазубренность большинства ретушированных предметов (concasage). Обратило на себя внимание и малое количество чешуек. В то время, как типологическое отнесение индустрии Кутурбулака к эпохе среднего палеолита бесспорно, получен-

ная из пятого горизонта радиоуглеродная датировка в 32 т.л.н. является неожиданно поздней [Шимчак и др., 1999]. Данное хронологическое определение выглядит еще более сомнительным в свете того что, согласно имеющимся на настоящий момент данным по гроту Оби-Рахмат [Деревянко и др., 1998, 1999], более 40 т.л.н. на территории Узбекистана уже появляется верхнепалеолитическая традиция. Вышеперечисленные факты, скорее всего, свидетельствуют о переотложенности культурных слоев Кутурбулака, что позволяет рассматривать каменную индустрию Кутурбулака единым комплексом.

Общее количество каменных артефактов в Кутурбулаке превышает 10000 экз. Большая часть из них являются обломками галек, отходами и отбросами производства. Для анализа были выбраны только те изделия, которые поддаются четким типологическим определениям - 5519 экз. Из них нуклеусы составили 818 экз. (14,8 %), сколы - 4281 экз. (77,5 %) и орудия - 420 экз. (7,7 %). Сырьевая база, использовавшаяся на местонахождении Кутурбулак в течение всего периода его обживания, была одна и та же. Это плотный аморфный кварцит белого цвета и песчаники разных тонов (от черного цвета до пепельно-серого, иногда с зеленоватым оттенком). Сырье в изобилии представлено в виде галек в пойме реки Зарафшан и в обнажениях его террас. Кутурбулакцы добывали эти гальки для изготовления орудий, используя "принцип отбора материала по его качеству" [Семенов, 1969]. В небольшом количестве представлены кремний, кремнистый известняк, глинистые и кремнистые сланцы, которые также присутствуют в коренных обнажениях по склонам Зирабулакских гор в виде галек небольших размеров.

Нуклеусы Кутурбулака представлены следующими типами: радиальные - 324 экз. (39,9

%), леваллуазские - 68 экз. (8,3 %), параллельные - 329 экз. (40,2 %), многоплощадочные - 30 экз. (3,7%), аморфные - 55 экз. (6,7 %) и фрагменты нуклеусов - 12 экз. (1,5 %) (таблица № 1).

Нуклеусы с радиально-центростремительным способом расщепления разделены на четыре варианта в зависимости от выпуклости поперечного сечения. Варианты **а**) односторонние (8,4 %) (рис. 1, 4) и **б**) двусторонние (16,6 %) (рис. 1, 2) отличаются меньшей выпуклостью в поперечном сечении. Все они изготовлены из галек разных размеров и имеют овальные, подтреугольные и подчетыреугольные очертания. Среди односторонних нуклеусов 21 экз. имеют подготовленный контрфронт, а у остальных 48 экз. контрфронт покрыт галечной коркой. Среди двусторонних ядрищ также имеются экземпляры, сохраняющие галечную корку (28 экз.). Варианты **в**) односторонние (6,1 %) (рис. 1, 9) и **г**) двусторонние (8,4 %) (рис. 1, 8) отличаются большей выпуклостью поперечного сечения. Сколы с них производились под более тупым углом. Среди односторонних изделий этой группы 29 экз. имеют оформленный контрфронт, а остальные 21 экз. имеют на контрфронте галечную корку. Среди двусторонних выпуклых нуклеусов изделия с частично сохранившейся галечной коркой насчитывают 28 экз. Предыдущими исследователями эти нуклеусы классифицировались как веерообразные [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980]. Однако указанные предметы не имеют четкой конвергентной направленности скалывания и, следовательно, могут быть отнесены к категории дисковидных нуклеусов.

Леваллуазские нуклеусы - 68 экз. (8,3 %) подразделяются на две разновидности: для отщепов - 63 экз. (7,7 %) (рис. 1, 3) и для острий - 5 экз. (0,6 %) (рис. 1, 5). Леваллуазские нуклеусы для отщепов переоформлялись из радиальных нуклеусов, часть из них имеет галечный контрфронт (28 экз.). Ударные площадки фасетированные. Леваллуазские нуклеусы для острий имеют подтреугольную форму, образованную при помощи боковых подправок. Некоторые из них имеют галечный контрфронт (3 экз.). Ударные площадки фасетированные.

Нуклеусы с параллельным принципом расщепления разделены на пять вариантов: **а**) одноплощадочные - 129 экз. (15,8 %) (рис. 1, 13) изготовлены из галек, зачастую, удлиненных пропорций. Все они частично сохраняют галечную корку. В большинстве случаев ударные

площадки подправлены и скошены к тылу, часть нуклеусов имеет галечную ударную площадку (18 экз.); **б**) двухплощадочные со встречным скалыванием - 83 экз. (10,1 %) (рис. 1, 7) также изготовлены, преимущественно, из продолговатых галек, большая часть из них сохраняет галечную корку (59 экз.). Скалывание проводилось с двух подправленных скошенных площадок, иногда эти площадки галечные (14 экз.); **в**) двухплощадочные нуклеусы с перпендикулярным скалыванием на одном фазе - 46 экз. (5,6 %) (рис. 1, 12), 28 экз. из них имеют остатки галечной корки. Ударные площадки в основном подправлены и скошены, иногда галечные (7 экз.); **г**) двухплощадочные нуклеусы с перпендикулярным скалыванием на двух фазах - 52 экз. (6,4 %) (рис. 1, 11), 12 из них имеют остатки галечной корки. Ударные площадки подправлены и скошены к тылу; **д**) одноплощадочные нуклеусы с радиальным оформлением контрфронта - 19 экз. (2,3 %) (рис. 1, 10), некоторые из них частично сохраняют галечную корку (3 экз.). Параллельное снятие заготовок проводилось с одной подправленной скошенной площадки. Контрфронт напоминает фас радиального нуклеуса.

Многоплощадочные нуклеусы - 30 экз. (3,7 %) (рис. 1, 1, б), расщепление с них производилось в разных направлениях, иногда с подправленных ударных площадок, а иногда в качестве ударных площадок использовались негативы предыдущих сколов. Большинство из описываемых нуклеусов имеет шарообразную форму.

Аморфные нуклеусы - 55 экз. (6,7 %). Эти предельно сработанные нуклеусы имеют очень маленькие размеры. На последней стадии с них, без какой-либо системы, скалывались мелкие отщепы.

Фрагменты нуклеусов - 12 экз. (1,5 %). Сюда включены обломки нуклеусов со следами негативов сколов.

Судя по нуклеусам, основными принципами техники расщепления Кутурбулака являлись параллельная и радиальная, с небольшой примесью леваллуазской технологии. По категориям сырья первое место занимает кварцевый песчаник, особенно среди многоплощадочных и бессистемных ядрищ. Однако его доля снижается среди леваллуазских и параллельных нуклеусов.

Таблица 1. Типы нуклеусов стоянки Кутурбулак

Тип нуклеусов	кварцевый песчаник		крупнозер- нистый песчаник		мелкозер- нистый песчаник		глинистый сланец		кремнистый известняк		кремнистый сланец		кремень		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1. Радиальные	119	45,9	31	38,8	89	34,6	6	40,0	31	41,9	11	33,3	37	37,0	324	39,6
Односторонние (плоские)	21	8,1	16	20,0	19	7,4	2	13,3	3	4,1	0	0,0	8	8,0	69	8,4
Двусторонние (плоские)	27	10,4	7	8,8	46	17,9	4	26,7	18	24,3	8	24,2	26	26,0	136	16,6
Односторонние (выпуклые)	28	10,8	3	3,8	8	3,1	0	0,0	7	9,5	2	6,1	2	2,0	50	6,1
Двусторонние (выпуклые)	43	16,6	5	6,3	16	6,2	0	0,0	3	4,1	1	3,0	1	1,0	69	8,4
2. Левалдуазские	7	2,7	9	11,3	23	8,9	0	0,0	5	6,8	4	12,1	20	20,0	68	8,3
Для отщепов	7	2,7	8	10,0	19	7,4	0	0,0	5	6,8	4	12,1	20	20,0	63	7,7
Для острий	0	0	1	1,25	4	1,556	0	0,0	0	0	0	0	0	0	5	0,6
3. Параллельного принципа скальвания	83	32,0	34	42,5	129	50,2	7	46,7	33	44,6	15	45,5	28	28,0	329	40,2
Одноплощадочные	35	13,5	10	12,5	48	18,7	3	20,0	19	25,7	7	21,2	7	7,0	129	15,8
Двуплощадочные со встречным	18	6,9	15	18,8	30	11,7	3	20,0	7	9,5	1	3,0	9	9,0	83	10,1
Двуплощадочные со скальванием перпендикулярно на одной плоскости	6	2,3	5	6,3	22	8,6	0	0,0	2	2,7	1	3,0	10	10,0	46	5,6
Двуплощадочные со скальванием перпендикулярно на двух плоскостях	19	7,3	2	2,5	20	7,8	0	0,0	3	4,1	6	18,2	2	2,0	52	6,4
Одноплощадочные с радиальным оформлением контрфронта	5	1,9	2	2,5	9	3,5	1	6,7	2	2,7	0	0,0	0	0,0	19	2,3
4. Многоплощадочные	18	6,9	3	3,8	6	2,3	0	0,0	1	1,4	0	0,0	2	2,0	30	3,7
5. Аморфные	31	12,0	2	2,5	7	2,7	2	13,3	2	2,7	1	3,0	10	10,0	55	6,7
6. Фрагменты нуклеусов	1	0,4	1	1,3	3	1,2	0	0,0	2	2,7	2	6,1	3	3,0	12	1,5
Всего	259	100	80	100	257	100	15	100	74	100	33	100	100	100	818	100

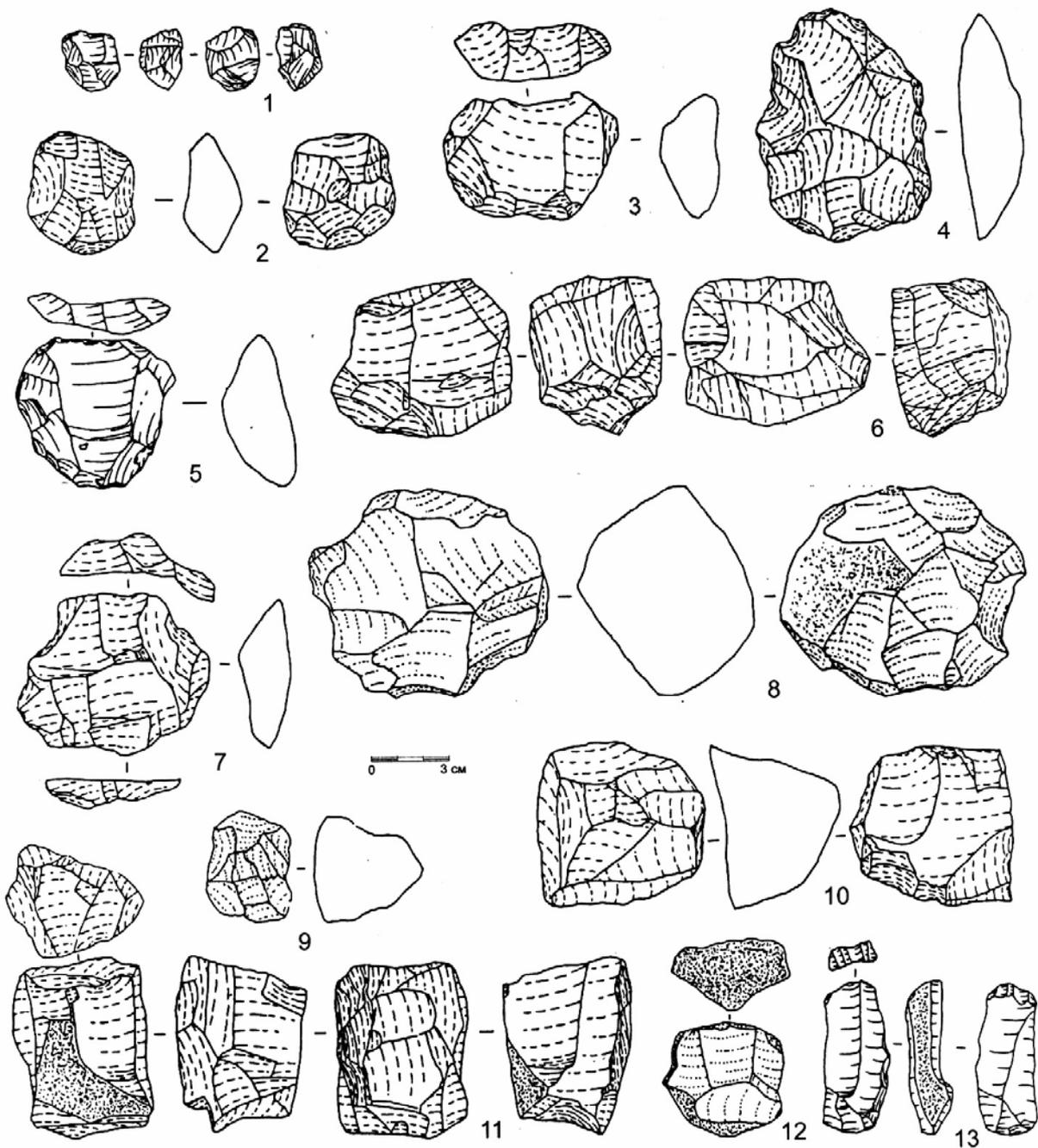

Рис. 1. Нуклеусы стоянки Кутурбулак. 1-6 - многоплощадочные; 2 - двусторонний радиальный (плоский); 3 - леваллуазский для отщепов; 4 - односторонний радиальный (плоский); 5 - леваллуазский для острий; 7 - двухплощадочный со встречным скалыванием; 8 - двусторонний радиальный (выпуклый); 9 - односторонний радиальный (выпуклый); 10 - однофронтальный одноплощадочный с радиальным оформлением контрфронта; 11 - двухфронтальный, двухплощадочный с перпендикулярным направлением скалывания; 12 - однофронтальный, двухплощадочный с перпендикулярным направлением скалывания; 13 - однофронтальный, одноплощадочный.

Поскольку кварцевый песчаник является самой низкокачественной породой среди всего сырьевого материала местонахождения Кутурбулак, его частое использование может объясняться нехваткой более качественного сырья. Почти равную позицию с кварцевым песчаником занимает мелкозернистый песчаник. Это более эластичная порода, чем кварцевый и крупнозернистый песчаник. Его доля высока среди леваллуазских и параллельных нуклеусов. Что касается кремня и всех остальных кремнистых пород, то они в районе местонахождения встречаются в очень малом количестве и имеют маленькие размеры. Судя по параметрам нуклеусов, более качественные виды сырья сильно срабатывались. Таким образом, можно говорить не только об отборе сырья по его качеству, но и о его экономии.

Сколы - 4281 экз. (77,5 %), составляют самую большую часть коллекции Кутурбулака (таблица № 2).

Пластины - 816 экз. (19,9 %) занимают почти 1/5 часть всех сколов (рис. 2, 3, 8). По составу сырья на первом месте выступает мелкозернистый песчаник, а доля кварцевого песчаника резко уменьшается. Среди пластин сохранившуюся ударную площадку имеют 370 экз., из которых 139 целых пластин и 231 пластины со сломанной дистальной частью. У большей части пластин коллекции (443 экз.) проксимальная часть сломана. По видам огранки подавляющая часть пластин относится к параллельному расщеплению (93,6 %). По характеру фасетирования большое место занимают двугранные площадки - 57,8 %, затем идут гладкие - 22,4 % и фасетированные - 14,3 %, также имеются линейные - 1,1 %, точечные - 0,5 % и галечные - 3,8 %. Среди пластин имеются 3 экз., сколотые с борта нуклеуса (рис. 2, 7).

Отщепы длиной более чем 2 см насчитывают 3196 экз., что составляет 79 % всех сколов коллекции. Из них целые - 1339 экз., со сломанной проксималью - 1857 экз. Судя по характеру дорсала, большинство из них снималось с параллельных (76 %) и радиальных нуклеусов (20 %). Три отщепы были сколоты с борта нуклеуса.

Леваллуазские сколы - 85 экз. (2,1 %). Изготовлены они преимущественно из мелкозернистого песчаника и кремнистых пород. Большая часть из них - это отщепы (71 экз.). Что касается леваллуазских острий, то они являются пуантами второго порядка (рис. 2, 4).

Большая часть ударных площадок этих сколов фасетированные.

Также в коллекции имеются мелкие отщепы (80 экз.), размерами менее 2 см и чешуйки (5 экз.).

Аксиденты расщепления - 96 экз. (рис. 2, 9). В 1933 г. Л.Сире называл такими предметами "сломанные на две примерно равные части, начиная с ударной площадки сколов резцами диаметального скола" [Сире Л., 1933]. По определению Ф. Борда, эти предметы являются сколами, фрагментированными при расщеплении. В настоящее время эти предметы получили название "аксидентов расщепления".

Таким образом, при анализе сколов Кутурбулака обращает на себя внимание сравнительно низкое процентное соотношение пластин, хотя среди нуклеусов параллельный принцип скальвания занимает господствующее место. Если обратить внимание на характер огранки дорсалов, то 78,4 % всех сколов имеют параллельно расположенные негативы (таблица № 3). Отсюда следует вывод, что параллельный способ расщепления оставался главным в технике расщепления кутурбулакцев, но из-за уменьшения габаритов нуклеусов в процессе расщепления большинство сколов обладает укороченными пропорциями. Несмотря на малое количество пластин, техника расщепления в Кутурбулаке в основном была параллельной. Среди ударных площадок 50,7 % выпадает на долю фасетированных, а сколы с гладкой площадкой составляют 44,2 %. Также в малом количестве имеются линейные (2,5%), точечные (0,8%) и галечные (1,8%) остаточные ударные площадки (таблица № 4). Леваллуазские сколы составляют очень малое количество ($\Pi=2,1$ %), но еще в меньшем количестве среди них представлены леваллуазские остроконечники (0,3 %). Стоит отметить, что имеющиеся в коллекции леваллуазские острия не соответствуют нуклеусам для острий, представленным на памятнике. Как упоминалось выше, нуклеусы для острий имеют меньшие размеры по сравнению с остриями. Более того, треугольное очертание фронта скальвания нуклеусов достигалось при помощи боковых подправок, а дорсальная огранка леваллуазских острий демонстрирует конвергентную систему оформления.

Орудийный набор

Скребла-137 экз. (если разложить все скребла на простые типы, то получится 251 экз. простых скребел). Эти орудия коллекции Кутур-

Таблица 2. Типы сколов местонахождения Кутурбулак.

Тип сколов	кварцевый песчаник		крупнозер- нистый песчаник		мелкозер- нистый песчаник		глинистый сланец		кремнистый известняк		кремнистый сланец		кремень		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Пластины	21	4,2	63	34,4	637	22,8	5	6,8	55	16,8	4	5,7	38	11,1	823	19,2
С ударной площадкой	14	2,8	40	21,9	265	9,5	1	1,4	23	7,0	3	4,3	24	7,0	370	8,6
Без ударной площадки	7	1,4	23	12,6	372	13,3	4	5,4	25	7,6	0	0,0	12	3,5	443	10,3
С борта нуклеусов	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	7	2,1	1	1,4	2	0,6	10	0,2
Леваллуазские сколы	2	0,4	2	1,1	49	1,8	5	6,8	11	3,4	3	4,3	13	3,8	85	2,0
Отщепы	2	0,4	1	0,5	40	1,4	5	6,8	8	2,4	2	2,9	13	3,8	71	1,7
Острия	0	0	1	0,546	9	0,323	0	0	3	0,917	1	1,429	0	0	14	0,3
Отщепы	479	95,4	118	64,5	2103	75,4	64	86,5	261	79,8	63	90,0	292	85,1	3380	78,8
С ударной площадкой	190	37,8	56	30,6	776	27,8	25	33,8	124	37,9	35	50,0	133	38,8	1339	31,2
Без ударной площадки	279	55,6	57	31,1	1212	43,5	36	48,6	116	35,5	28	40,0	129	37,6	1857	43,3
С борта нуклеусов	1	0,2	0	0,0	2	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	3	0,1
Мелкие отщепы	0	0,0	1	0,5	32	1,1	1	1,4	16	4,9	0	0,0	30	8,7	80	1,9
Чешуйки	0	0,0	0	0,0	5	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	5	0,1
Аксиденты расщепления	9	1,8	4	2,2	76	2,7	2	2,7	5	1,5	0	0,0	0	0,0	96	2,2
Всего	502	100	183	100	2789	100	74	100	327	100	70	100	343	100	4288	100

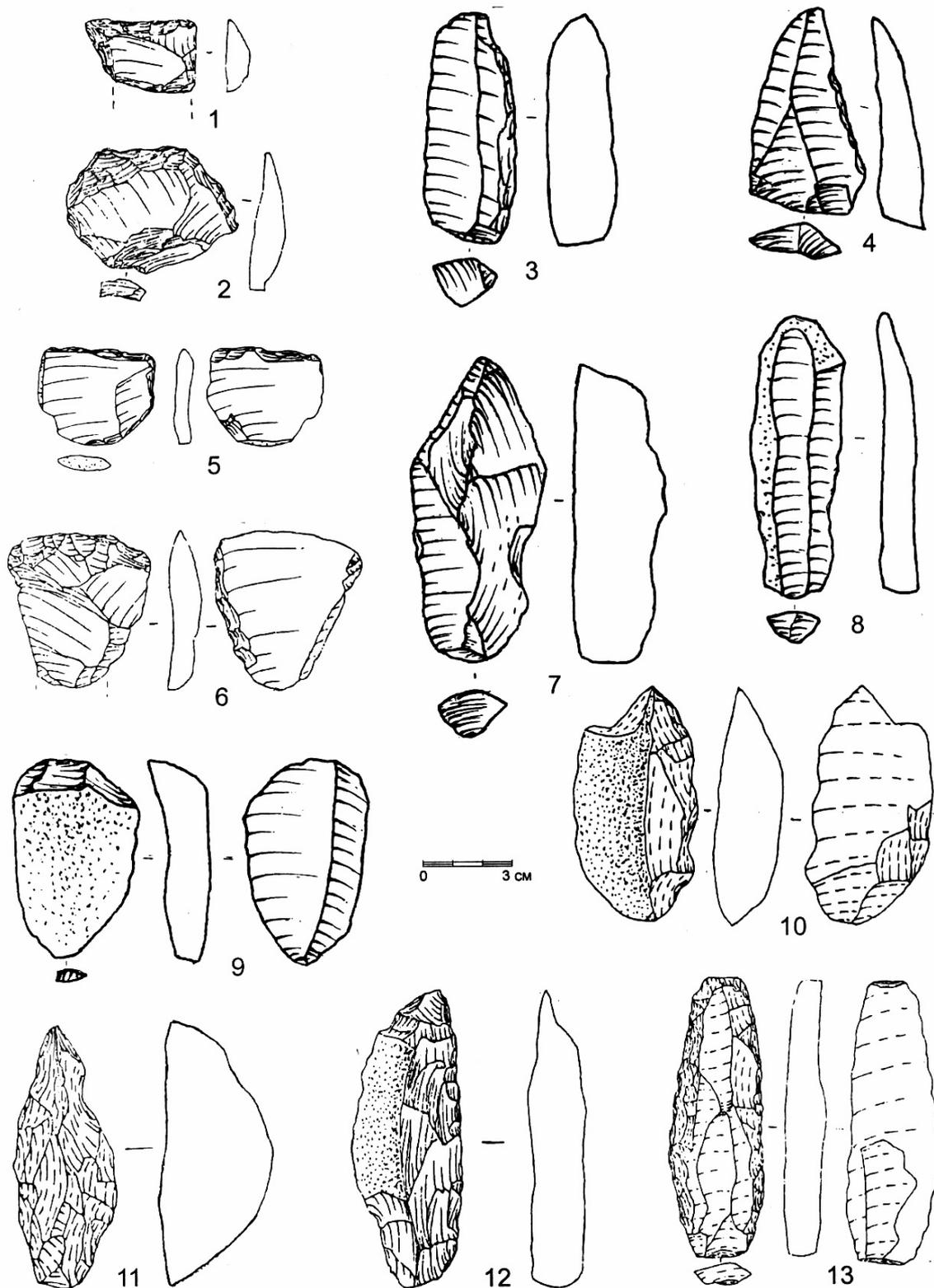

Рис. 2. Сколы и орудия стоянки Кутурбулак. 1, 2, 5, 6, 10, 12, 13 - скребла; 3, 7, 8 - пластины; 4 - леваллуазский остроконечник; 9 - технический скол (аксидент расщепления); 11 - протолимас (plane);

булака встречаются в 7 разновидностях. В основном они выполнены из мелкозернистого песчаника и кремнистых пород. При оформлении орудий использовались следующие типы ретуши: краевая (173 экз.), плоская (33 экз.), мелкая (6 экз.), зубчатая (2 экз.) и ретушь полуклина (37 экз.).

Скребла простые продольные - 71 экз. (рис. 2, 10). (18 экз. представлены фрагментами). Заготовками для 20 экз. послужили пластины, 49 экз. выполнены на отщепах, а 2 экз. изготовлены на обломках галек. Форма рабочего края у 37 экз. прямая. К выпуклым продольным разновидностям относится 26 экз., к вогнутым - 5 экз., 3 экз. - к вогнуто-выпуклым. Расположение рабочих краев в 46 случаях правое, а в остальных случаях (25 экз.) - левое. Рабочий край оформлялся ретушью. Характер ретуши в 56 случаях дорсальный. Вентральную обработку края имеют 6 изделий, а 9 орудий подготовлены чередующейся ретушью.

Скребла простые поперечные - 10 экз. (рис. 2, 5). Все они выполнены на отщепах (2 экз. из них представлены фрагментами). Форма рабочего края прямая (4 экз.), выпуклая (5 экз.) и вогнутая (1 экз.). Характер ретуши в 6 случаях дорсальный, у 3 экз. вентральный и 1 экз. - чередующийся. Одно из вентрально ретушированных скребел данной группы имеет разную патинизацию, первоначально орудие было отретушировано с дорсала.

Скребла двойные продольные - 26 экз. (рис. 2, 13). Из них 23 экз. выполнены на пластинах (10 экз. целых и 13 экз. сломанных) и 3 экз. на отщепах. Форма рабочего края прямая (10 экз.), выпуклая (8 экз.), прямо-выпуклая (3 экз.) и вогнуто-выпуклая (5 экз.). Характер ретуши: дорсальная (21 экз.), вентральная (1 экз.) и чередующаяся (4 экз.). Среди данных скребел 4 экз. имеют утонченный со стороны вентрала корпус.

Скребла продольно-поперечные - 13 экз. (рис. 2, 5). 8 экз. из них изготовлены на целых отщепах, 2 экз. на отщепах со сломанной проксималью, 2 экз. на отщепах с намеренной фрагментацией площадок и одно скребло выполнено на обломке гальки. Рабочий край прямой (3 экз.), выпуклый (2 экз.), прямо-выпуклый (2 экз.), прямо-вогнутый (3 экз.) и вогнуто-выпуклый (3 экз.). Характер ретуши данных скребел: дорсальная (8 экз., 2 из них имеют подтеску с вентрала на дистальном конце заготовок), вентральная (2 экз.) и чередующаяся (3 экз.).

Скребла конвергентные - 4 экз. (рис. 2, 12). Из них 3 экз. оформлены на пластинчатых отщепах, 1 экз. на отщепе со сломанной проксималью и 1 экз. на обломке гальки. Форма рабочего края прямая (2 экз.), двояковыпуклая (1 экз.) и вогнуто-выпуклая (1 экз.). Характер ретуши орудий дорсальный.

Скребла дежете - 4 экз. (рис. 2, 1). Из них 3 экз. выполнены на отщепах и 1 экз. на пластине. Характер ретуши во всех случаях дорсальный. Угол конвергентности в трех случаях левый и в одном - правый. Форма рабочего края прямая (2 экз.), выпуклая (1 экз.) и вогнуто-выпуклая (1 экз.).

Скребла тройные - 9 экз. (рис. 2, 2). Они выполнены на пластинах (4 экз., 2 экз. из которых имеют сломанную проксималью) и на отщепах (5 экз.). Характер ретуши во всех случаях дорсальный. Форма рабочего края прямая (1 экз.), вогнуто-выпуклая (3 экз.), прямо-выпуклая (3 экз.) и прямо-вогнутая (2 экз.).

Протолимасы (планы) - 3 экз. (рис. 2, 11). Они изготовлены на сколах удлиненных пропорций, при помощи ступенчатой ретуши. Орудия имеют более высокую форму, чем обычные лимасы. Предыдущими исследователями эти изделия были определены как лимасы. Близкие аналогии к ним имеются в работах А.Бото и Ф.Борда, которыми подобные предметы классифицированы "планами" [Bottot, 1955] или "протолимасами" [Борд, 1961].

Остроконечники мустьерские - 16 экз. (рис. 3, 8) Они изготовлены преимущественно на треугольных удлиненных сколах. Представлены как удлиненные, так и короткие остроконечники. Ретушь во всех случаях дорсальная, есть экземпляры с унилатеральной ретушью.

Зубчатые орудия - 57 экз. (рис. 3, 1). Выполнены на отщепах (42 экз.) и пластинах (15 экз.), 35 экз. из них представлены фрагментами. Большая часть (37 экз.) орудий является простыми продольными формами, ретушь оформления которых имеет дорсальный (12 экз.) и чередующийся (25 экз.) характер. Имеются простые поперечные дорсальные (3 экз.) с чередующейся ретушью (2 экз.), продольно-поперечные дорсальные (4 экз.), двойные продольно-дорсальные (5 экз.) и бипродольные орудия с чередующейся ретушью 3 экз.). Стоит отметить присутствие среди этих изделий 3 экз. конвергентных зубчатых форм (острия тейяк) (рис. 3, 4). Среди комбинированных изделий

Таблица 3. Типы огранки дорсалов сколов стоянки Кутурбулак

Тип огранки дорсала	Пластины		Отщепы		Сколы леваллуа		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Продольная	631	77,3	1641	48,4	14	16,5	2286	53,3
Бипродольная	125	15,3	456	13,5			581	13,5
Радиальная			670	20,0	71	83,5	748	17,4
Перпендикулярная	23	2,8	476	14,1			499	11,6
Галечная	28	3,4	125	3,7			153	3,6
Неопределимая (выветрелая)	9	1,1	12	0,4			21	0,5
Всего	816	100	3380	100	85	100	4281	100

Таблица 4. Типы ударных площадок сколов стоянки Кутурбулак

Тип остаточной ударной площадки	Пластины		Отщепы		Сколы леваллуа		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Гладкие	83	22,4	656	51,7	18	24,0	757	44,2
Двугранные	214	57,8	74	5,8	13	17,3	301	17,6
Фасетированные	53	14,3	474	37,4	40	53,3	567	33,1
Линейные	4	1,1	37	2,9	2	2,7	43	2,5
Точечные	2	0,5	10	0,8	2	2,7	14	0,8
Галечные	14	3,8	17	1,3			31	1,8
Всего	370	100	1268	100	75	100	1713	100

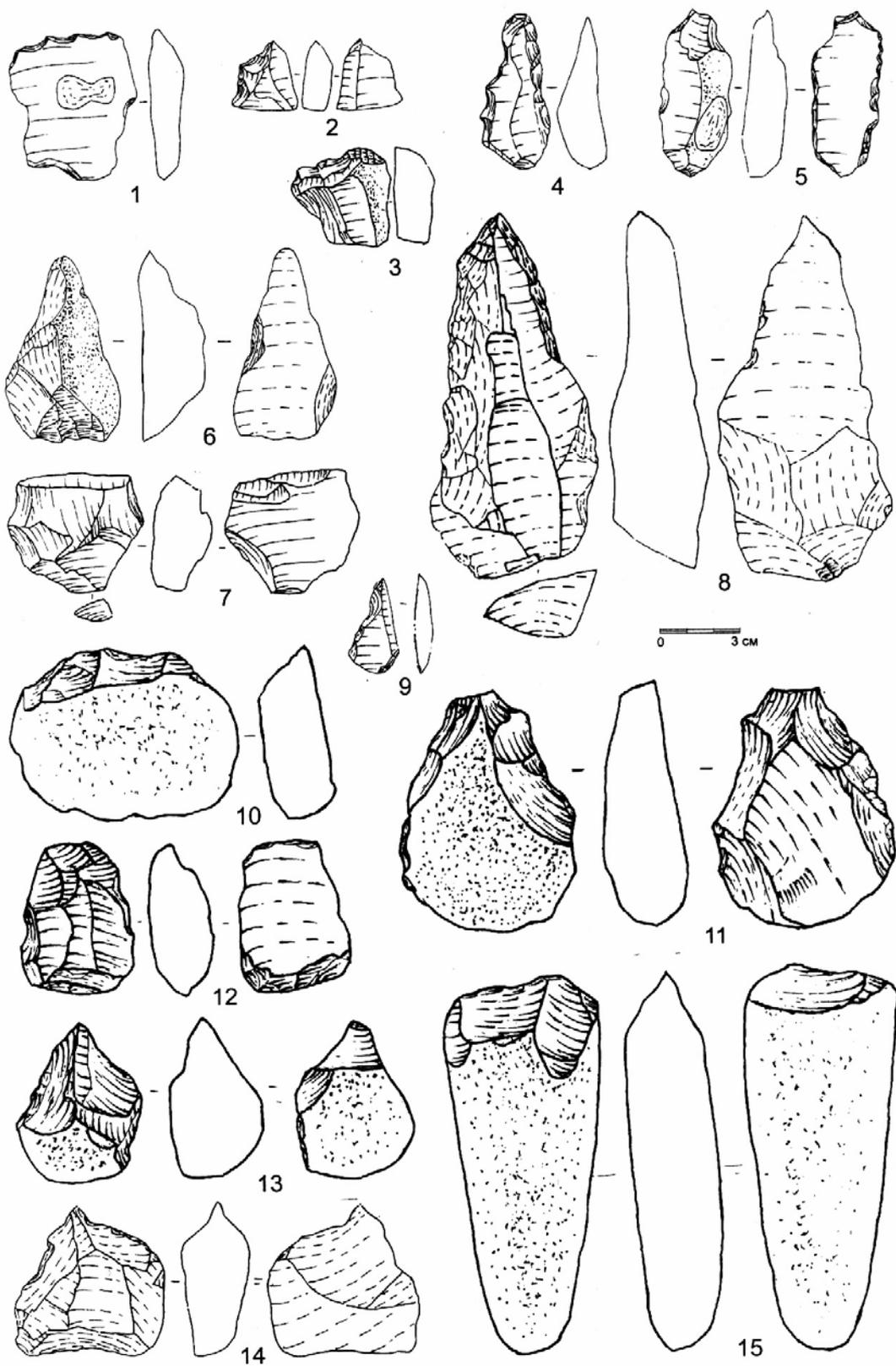

Рис. 3. Орудия стоянки Кутурбулак. 1 - зубчатое орудие; 2, 5 - комбинированные орудия; 3 - скребок; 4 - острие тейяк; 6 - выемчатое орудие; 7 - резец; 8 - остроконечник; 9 - проколка; 10 - чоппер; 11 - бифас (partiele); 12 - орудие с утонченным основанием; 13 - орудие типа пики; 14 - клювовидное орудие (bec); 15 - чоппинг.

имеются продольное, бипродольное и продольно-поперечное зубчатые орудия.

Выемчатые орудия - 88 экз. (рис. 3, 6). Выполнены они на пластинах (15 экз.), на отщепах (70 экз.) и на обломках (3 экз.). У большей части орудий анкоши оформлены на дорсале заготовок (65 экз.) и лишь у небольшой части - на вентрале (23 экз.). Значительная часть анкошей относится к клетонскому типу (73 экз.) и часть - ординарному (15 экз.). Если разложить по рабочим элементам комбинированные орудия, то дополнительно 7 экз. относятся к клетонским и 2 экз. к ординарным анкошам.

Клювовидные орудия (беки) - 11 экз. (рис. 3, 14). Изготовлены на отщепах (8 экз.) и на обломках (3 экз.). Клюв у данных орудий выделен при помощи анкошей (у 10 экз. двумя анкошами и 1 экз. при помощи одного анкоша). 8 экз. из этих орудий имеют дополнительную подтеску клюва со стороны вентрала.

Проколки - 14 экз. (рис. 3, 9). Они выполнены на пластинах (11 экз.) и на отщепах (8 экз., 5 экз. из них комбинированных). В большинстве случаев жальца выделены при помощи микроанкошей (16 экз.) и только в 3 случаях при помощи билатеральной ретуши. Среди комбинированных орудий имеется 4 проколки (у 3 экз. жальце выделено при помощи двух микроанкошей и у 1 экз. жальце оформлено ретушью).

Скребки - 47 экз. (рис. 3, 3) выполнены на пластинах (6 экз.), на отщепах (40 экз.) и на остаточных нуклеусах (1 экз.). Среди них имеются концевые скребки (35 экз., из которых 4 экз. выделены среди комбинированных орудий), боковые скребки (7 экз.), скребки с носиком (9 экз., из которых 1 экз. относится к типу двойных скребков) и угловой скребок (выделен среди комбинированных орудий).

Резцы - 13 экз. (рис. 3, 7). Они оформлены преимущественно на пластинчатых сколах. Из них 11 экз. - угловые и 6 экз. поперечные. Резцовые сколы на них короткие и атипичные. Среди комбинированных орудий выделено 4 экз. изделий, имеющих рабочий элемент резца.

Предметы с утонченным основанием - 93 экз. (рис. 3, 12). Они выполнены на крупных и удлиненных заготовках. У 46 экз. из них вторичная обработка производилась по вентралу, а у 24 экз. - по дорсалу. У 23 экз. изделий обработка захватывает и противоположный (дистальный) край заготовки. Среди последней подкатегории орудий 9 экз. отнесено к двусторонним вентральным, а 14 экз. - к двусторонним дорсальным формам. Предыдущими авторами данные орудия классифицировались как скобели и струги. Но так как в литературе под этим термином подразумеваются совсем другие предметы, то указанные выше ору-

дия называть скобелями, думается, не совсем удачно. Подобные изделия встречаются на ряде палеолитических памятников Узбекистана, однако их функциональное назначение, на наш взгляд, недостаточно изучено. В Европе таких изделий очень мало, согласно одной из европейских типологических методик данные орудия названы "предметами с утонченным основанием" [Люмлей А., 1974, р. 25].

Галечные орудия - 18 экз. Представлены чопперами, чоппингами, пиками и бифасом с частичной обработкой. Изготовлены они из крупнозернистых и мелкозернистых песчаников. Обращает на себя внимание то, что большинство изделий (10 экз.) имеет бифасиальную обработку.

Чопперы - 8 экз. (рис. 3, 10). Оформлены они на овальных или округлых гальках разных размеров. Одно из орудий изготовлено на плоской продолговатой гальке подчетыреугольной формы. Рабочие лезвия у всех орудий выпуклые в плане. В одном случае чоппер имеет два лезвия, расположенные на противоположных концах изделия.

Чоппинги - 7 экз. (рис. 3, 15). Выполнены также на гальках округлой и (иногда) удлиненной формы. Рабочие края в плане выпуклые.

Пики - 2 экз. (рис. 3, 13). Все предметы двусторонне обработаны, изготовлены из мелкозернистого песчаника. Два изделия имеют выделенное острие, оформленное с двух сторон при помощи небольших серий боковых сколов. Заготовкой для этих орудий служили гальки, благодаря чему орудия имеют естественный обухок.

Бифасы с частичной обработкой - 1 экз. (рис. 3, 11) Орудие подтреугольной формы, выполнено на крупном отщепе серий бифасиальных захватывающих сколов, занимающих 3/4 периметра изделия. Острый рабочий край предмета обломан. В свое время этот предмет был классифицирован как скребло тешикташского типа [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 34]. Однако ярко выраженная бифасиальная техника и высокий процент обработки поверхности изделия позволяют отнести этот предмет к категории *biface partciele*.

В результате наших исследований наблюдается определенная разница с типологическими определениями предшествующих исследователей индустрии Кутурбулака. В монографии "Культура древнекаменного века долины Заравшана" по Кутурбулаку выделены 2869 экз. каменных орудий (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с.59), что превышает наши количественные показатели более чем в четыре раза. Это объясняется тем, что при выделения каменных орудий мы исходили из характера ретуширования (регулярный или иррегулярный).

Следовательно, нами за орудия были учтены только те заготовки, которые имеют регулярно отретушированные края. Кроме того, большая часть ретушированных предметов коллекции Кутурбулака (принятые за орудия предшествующими исследователями), возможно, претерпела видоизменение рабочих краев в процессе переотложения. Рабочие лезвия этих изделий сильно зазубрены (*concasage*) и притуплены. Подобные изделия мы не включали в состав орудий. Большую часть регулярно ретушированных отщепов и пластин мы определили как скребла, в результате чего значительно повысился индекс скребел. Что касается остроконечников и лимасов, в нашей типологии их меньше чем у предыдущих исследователей. Это объясняется тем, что в предыдущих работах конвергентные скребла с округлыми остриями классифицировались как остроконечники, также большинство выделенных ранее лимасов не имеет конвергентности в проксимальной части заготовки (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, табл. 27, рис. 8,9). Далее следуют проколки, количество которых также увеличено за счет клювовидных орудий (тип клювовидных выделяется нами для Кутурбулака впервые). При определении "скобелей" и "стругов" мы применяем выражение "предметы с утонченным основанием", так как этот термин кажется нам более удачным. Что касается зубчато-выемчатых орудий, то, безусловно, они играли определенную роль в индустрии местонахождения. Но настораживает присутствие выемчатых орудий, среди которых господствующее положение

занимают анкоши клетонского типа. Также не сходятся наши количественные показатели с предшествующими исследованиями относительно резцов. Судя по рисункам (там же, табл. 25, рис. 2,7), в некоторых случаях за резцы принимались заготовки с негативами предыдущих сколов со стороны дорсала.

Основной орудийный тип-лист Кутурбулака состоит из 11 категорий (таблица № 5). Среди них самое большое процентное соотношение имеют скребла ($IR=37,6\%$), за ними следуют зубчато-выемчатые орудия ($30,3\%$). Третье место по количеству занимают предметы с утонченным основанием (14%). Также в коллекции имеется небольшое количество остроконечников ($2,4\%$), протолимасов ($0,4\%$) и галечных орудий ($2,7\%$). Группа позднепалеолитических орудий (резцы, скребки, проколки) составляет $13,2\%$. Можно сказать, что каменная индустрия Кутурбулака выглядит, бесспорно, мустьерской, но вопрос, к какому типу мустье ее отнести, разными авторами решался по-разному. Одни специалисты относили ее к обирахматской культуре [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980], другие к леваллуазской фации [Ранов, 1976], третьи к зубчатому мустье (Оманжулов, 1984). Авторами тома "Палеолит СССР" индустрия Кутурбулака была отнесена к типичному мустье [Палеолит СССР, 1984], к чему склоняемся и мы. Вопрос об отнесении индустрии Кутурбулака к обирахматской культуре, предстоит еще дополнительно обсуждать, поскольку индустрия грота Оби-Рахмат еще находится на стадии нового изучения.

Литература

1. Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР - Палеолит СССР, М., 1984. - С. 135-161.
2. Буряков Ю.Ф., Крикис Я.К., Равшанов Р., Ростовцев О.М. Археологические работы в Самаркандской области. // АО 1971 г. - М., "Наука", 1972. - С. 9-14.
3. Bordes F. Typologie du paleolitique ancien et moyen. - Memoir. Bordeaux, 1961, vol. 2. p.85.
4. Brezillon M. La denomination des objets de Pierre taillees. - P. SNRS, 1968, p. 135-350.
5. Деревянко А.П., Маркин Е.В., Васильев С.А. Палеолитоведение. Введение и основы. - Новосибирск: Изд-во "Наука", 1994. - С. 96-121.
6. Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Крахмаль К.А., Феденева И.Н. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. - Т. 5. С. 37-45.
7. Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. - С. 60-66.
8. Кулаковская Л. Мустье Азии. Взгляд из Европы. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1990. - С. 210-214.
9. Lumley H. Lexique des caracteristiques de l industrie litique. - IPH, Paris, 1974, p. 24-25.
10. Оманжулов Т. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса (технико-типологическое исследование). Автореф. канд. диссерт. - Л., 1984 г. - 17 с.
11. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. - Душанбе: "Наука", 1973. - С. 88-89.
12. Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. - Душанбе: "Наука", 1965. - вып. 1 (Палеолит). - 121 с.
13. Bottet B. Les pointes surelevees et les planes du Micoquien inferieur du la Baume-bonne, (Basses-Alpes). - B.S.P.F., t. 52, 1955. - p. 133-136, fig.2.
14. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. - Л., 1968. - С. 13-14.
15. Siret L. Le coup du burin mousterien. - B.S.P.F., t. 30, 1933. - p. 120-127, pl. 2.
16. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение грота Оби-Рахмат. - Ташкент: Изд-во "Наука", 1972. 170 с.
17. Шимчак К. Местонахождение Кутурбулак. (Новые исследования). - Варшава, 2000. (на англ.). - 96 с.

18. Ташкенбаев Н.Х. К вопросу применения статистического метода в палеолите // Материалы 14-й конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ. - Самарканд, 1967. - С. 12-16.
19. Ташкенбаев Н.Х. Новые памятники древнекаменного века в Самаркандской области // ОНУ, №11. - Ташкент, 1971. - С. 8-13.
20. Ташкенбаев Н.Х. Исследование новой мустьерской стоянки Кутурбулак (Самарканд) // Тезисы докладов совещания по каменному веку Средней Азии и Казахстана. - Ташкент, 1972. - С. 23-25.
21. Ташкенбаев Н.Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак. // ИМКУ, вып. 10. - Ташкент, 1973. - С. 8-13.
22. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Заравшана. - Ташкент, Изд-во "ФАН", 1980.
23. Тетюхин Г.Ф., Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Геоморфологическое положение мустьерского местонахождения Кутурбулак. // ИМКУ, вып. 14. - Ташкент, 1978. - С. 5-11.

B.Sayfullaev

STONE INDUSTRY OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENT KUTURBULAK

The collection of Kuturbulak consist of more 1000 kinds. It was studied with statistical methods. In this article the collection analyzed with technical typological methods. And also characterize the compound of archaeological materials, which gives many interesting results.

В.Д.Рузанов

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕДИ И БРОНЗ ИЗ КВАРТАЛА «МЕТАЛЛИСТОВ», РАСКОПОВ Р-4 И 15 ГОРОДИЩА ЕРКУРГАН

Археологические раскопки в 1984-1986 гг. на городище Еркурган дали сравнительно многочисленную коллекцию изделий на медной основе. Вещи происходят из трех объектов: из квартала «металлистов» (Р-16 и Р-16А), храма-усыпальницы (Р-4) и культового сооружения (Р-15). Датируются находки III-VI вв. н.э. Коллекция, проанализированная в лаборатории естественно-научных методов Московского Института археологии АН РФ, включает шилья, гвозди, обломки ножей, наконечники стрел, бляшки, обломки предметов с неизвестным функциональным назначением и остатки литья в виде всплесков. Данные материалы позволили описать рецептуру сплавов в III в. в этом центре и дополнили химико-металлургическую характеристику металла IV-VI вв., которая была опубликована нами ранее (1).

Спектральный анализ показал, что из 47 находок 34 сделаны из меди и ее сплавов, 2 предмета изготовлены из золота (табл.1). В прочих II образцах основа это кремний с магнием. Очевидно, эти находки являются шлаком, который был получен при переплавке лома.

Графики корреляционной зависимости пар примесей олово-свинец и свинец-цинк (рис.1) позволяют наметить несколько металлургических групп. Основу этой коллекции составляют оловянистые сплавы, которые подразделяются на многокомпонентные оловянно-свинцовистые, оловянно-цинковые, оловянно-свинцово-цинковые и оловянистые бронзы. Таких находок в коллекции насчитывается 16 (около 50%). Кроме того, установлены свинцовистые (5 образцов), свинцово-цинковый (1 образец) сплавы и «чистая» медь (9 образцов). Концентрации ввода искусственных добавок

олова, свинца и цинка примерно одинаковы - 0,6-1,0 %.

Судя по корреляции примесей серебро-висмут и висмут-сурьма (рис.1), коллекция подразделяется на три химические группы. В первую группу входят предметы с незначительным содержанием висмута и относительно повышенной концентрацией серебра. Во второй группе содержание этих примесей достаточно высоко. И, наконец, третья группа изделий характеризуется пониженными концентрациями серебра и висмута.

Одна находка, не вошедшая в эти группы, отнесена в разряд химически не определенных.

Распределение материала по хронологическим горизонтам (табл. 2 и 3) позволило выявить особенности технологии металлообработки в том или ином периоде и наметить динамику использования источников металла.

В III-IV вв. ведущими сплавами являлись оловянистая и оловянно-свинцовистая бронзы. Прочие сплавы играли подчиненную роль. В V-VI вв. картина использования типов сплавов несколько меняется. В это время основным сплавом становится «чистая» медь. Увеличивается употребление свинцовых и оловянно-свинцово-цинковых сплавов. Появляется латунь.

Некоторые изменения наблюдаются и в соотношении химических групп (табл. 3). Они отмечаются в распределении образцов первой химической группы. Если в III-IV вв. доля металла этой группы была незначительной, то в V-VI вв. она возрастает и становится равноценной металлу второй химической группы. Кстати, на протяжении III - VI вв. последняя являлась основной в коллекции Еркургана. Металл

Таблица 1.
 Результаты спектрального анализа меди и бронзы горбоша Еркурган.

Лабор№	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
40498	оск.	16.0	10.0	2.5	0.14	0.019	0.023	0.33	0.45	0.017	0.007	0.0008
40499	-/-	3.9	6.5	9.1	0.13	0.016	0.017	0.11	0.51	0.039	0.005	-
40500	>50,0	16.0	0.03	0.01	-	0.019	-	0.023	2.4	0.004	0.061	-
40501	>10,0	0.6	0.18	0.001	-	0.0001	-	0.013	4.7	0.003	0.045	-
40502	>1,0	0.014	0.021	0.002	-	0.0001	-	0.013	8.0	0.002	0.001	-
40503	оск.	0.047	0.007	0.0009	0.001	0.003	0.0008	0.011	0.12	0.006	0.002	-
40504	-/-	0.013	11.0	0.01	0.005	0.002	0.034	0.039	1.4	0.005	0.004	-
40505	-/-	0.058	13.0	0.001	0.004	0.002	0.027	0.035	0.45	0.004	0.001	-
40506	-/-	11.0	13.0	0.002	0.03	0.023	0.45	0.048	0.086	0.02	0.001	-
40507	-/-	5.7	17.0	0.001	0.046	0.005	0.058	0.12	0.13	0.008	0.001	0.001
40508	<30,0	0.085	0.68	0.001	-	0.0001	-	0.011	2.0	0.007	0.005	-
40509	<5,0	0.096	22.0	0.001	0.001	0.0001	0.067	0.014	3.4	0.005	0.037	-
40510	оск.	2.7	2.0	0.001	0.001	0.0005	0.018	0.013	0.51	0.004	0.001	-
40511	-/-	11.0	0.024	0.0008	0.0004	0.001	0.002	0.039	0.12	0.011	0.004	-
40512	-/-	5.7	0.002	0.0008	0.007	0.004	0.002	0.005	0.005	0.002	0.001	-
40513	-/-	0.48	0.062	0.001	0.008	0.0009	0.014	0.013	0.033	0.0006	0.001	-
40514	оск.	1,0	5.9	0.002	0.002	0.18	0.027	0.023	0.086	0.032	0.001	0.002
40515	-/-	0.013	0.014	0.69	0.0003	0.18	0.004	0.004	0.12	0.078	0.001	0.001
40516	-/-	0.042	1.3	5.8	0.001	0.5	0.067	0.039	0.45	2.3	0.021	0.004
40517	-/-	0.042	0.26	2.5	0.004	30.0	0.029	0.14	0.51	2.8	0.068	0.025
40518	-/-	1.1	7.7	0.0029	0.015	0.016	0.031	0.028	0.35	0.009	0.002	0.0002
40519	-/-	1.7	0.003	0.001	0.0003	0.0001	-	0.006	0.1	0.006	0.001	-
40523	-/-	0.038	0.083	0.001	0.0006	0.004	0.005	0.014	0.12	0.003	0.001	0.12
40524	-/-	0.005	0.024	0.001	0.0009	0.0001	0.0098	0.013	0.13	0.002	0.001	0.001
40525	-/-	0.58	8.5	7.6	0.0077	0.013	0.021	0.1	0.58	0.039	0.005	0.0001
40526	-/-	3.0	10.0	0.002	0.1	0.14	0.96	1.2	0.35	0.032	0.001	0.001
40527	-/-	2.7	0.11	0.002	0.0029	0.0009	0.034	0.073	1.2	0.07	0.017	-
40528	-/-	0.006	0.024	0.001	0.0003	0.0001	-	0.003	1.2	0.001	0.001	-
40529	-/-	0.059	7.7	0.001	0.003	0.001	0.023	0.016	0.51	0.043	0.001	-
40530	-/-	0.008	0.027	0.001	0.0003	0.0042	0.001	0.014	0.35	0.003	0.001	0.011
40531	<3,0	0.12	7.7	0.001	0.0003	0.0001	0.007	0.007	1.7	0.008	0.001	-
40532	оск.	0.013	25.0	0.0008	0.037	0.004	0.034	0.039	0.58	0.002	0.002	-

40533	<50.0	0.001	48.0	0.0009	0.062	1.8	-	0.004	0.0.2	0.005	0.001	-
40534	<5.0	0.007	0.006	0.0008	0.0006	0.0001	-	0.007	4.1	0.0007	0.002	-
40535	оск.	1.0	0.11	0.001	0.0004	0.003	-	0.028	1.7	0.003	0.001	-
40536	-/-	1.0	8.5	0.001	0.001	0.009	0.021	0.039	0.4	0.018	0.002	-
40537	-/-	0.016	0.45	0.001	0.001	0.16	0.005	0.007	0.35	0.005	0.002	0.01
40538	-/-	0.006	0.024	0.001	0.0003	0.001	0.009	0.043	0.45	2.1	0.023	0.0005
40539	-/-	0.005	0.11	0.001	0.0003	0.016	-	0.018	0.58	0.039	0.001	-
40540	-/-	1.7	19.0	0.59	0.016	0.016	0.16	0.37	2.0	0.12	0.023	0.002
40541	-/-	1.0	15.0	9.1	0.012	0.004	0.023	0.37	0.82	0.039	0.043	0.0007
40545	>1.0	0.002	0.027	-	-	0.0001	-	0.013	2.3	0.006	0.001	-
40546	<1.0	-	0.006	-	-	0.0001	-	0.018	2.0	0.003	0.001	-
40547	<10.0	0.005	0.024	0.001	0.009	32.0	0.001	-	0.001	0.001	0.001	оск.
40548	>5.0	0.002	0.004	0.001	-	2.9	-	-	0.001	0.0006	0.002	оск.
40549	<1.0	-	0.001	0.001	-	0.0001	-	0.007	1.3	0.001	0.001	0.001
40550	<1.0	0.008	0.006	-	-	0.0001	-	0.004	0.82	0.001	0.001	-

Обозначения: оск. - основа штаба, -(тире) - методом спектрального анализа элемент не обнаружен, < - меньше, > - больше.

Примечание. Квартал «металлестов» (раскопы 16 и 16А): ак. 40525 - шпиг; ак. 40528-40536, 40550 - остатки литья; ак. 40537-40540 - обломки неизвестных предметов; ак. 40541 - блишка.

Расход 4: ак. 40505, 40507, 40510-40513, 40545, 40546, 40549 - обломки неизвестных предметов; ак. 40506, 40508, 40509 - остатки литья; ак. 40514 - нож; ак. 40516 - блишка; ак. 40519 - колокольчик; ак. 40523 - гвоздь; ак. 40526, 40527 - некое чужое изделие; ак. 40547, 40548 - трубочка к пистолету.

Расход 15: ак. 40496, 40499 - ручка ножа (?); ак. 40500-40504 - остатки литья; ак. 40517, 40518 - блишки; ак. 40524 - гвоздь.

Ак. 40500-40502, 40508, 40509, 40531, 40534, 40545, 40546, 40549 и 40550 - основа Si+Mg.

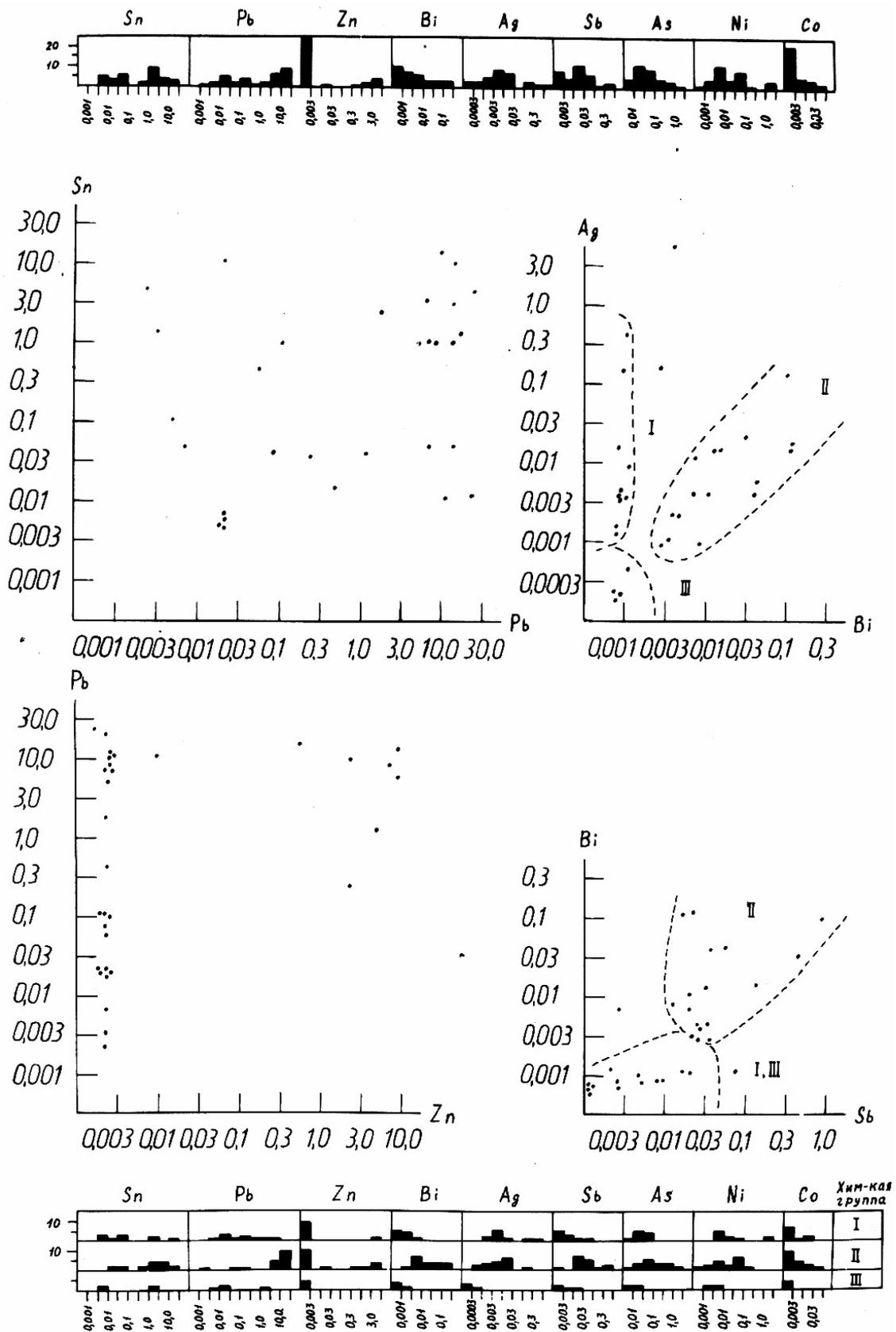

Рис. 1. Частотные гистограммы и корреляционные графики примесей к меди Еркургана

Таблица 2

Период	Металлургические группы						
	Cu	Cu+Sn	Cu+Sn+Pb	Cu+Sn+Pb+Zn	Cu+Pb+Zn	Cu+Pb	Cu+Zn
III-IV вв.	2	4	5	1	1	1	-
V-VI вв.	7	1	2	4	-	4	1

Таблица 3

Период	Химические группы			
	I	II	III	?
III-IV вв.	3	7	2	-
V-VI вв.	7	8	2	1

Металл третьей химической группы употреблялся редко.

Сравнение коллекции из вышеуказанных раскопов и изученного ранее комплекса вещей из храма городища Еркурган обнаруживает сходство между ними. Оно выражается применением одних и тех же химических и металлургических групп, равнозначным распределением сплавов и сходными пропорциями источников металла в коллекциях этих объектов. Все это указывает на то, что в III-VI вв. металлообрабатывающее производство на Еркургане было централизованным. На протяжении этого времени функционировал один производственный центр, который снабжал население Еркургана

своей продукцией. Различное соотношение рецептуры и сырья в Еркургане в III-IV и V-VI вв., очевидно, может быть связано с разной доступностью оловянной лигатуры и изменениями в ориентации связей еркурганских литейщиков с горно-металлургическими центрами. Так, уменьшение доли сложных оловянистых сплавов в V-VI вв., видимо, можно объяснить ослаблением контактов между Еркурганом и районами с оловорудными источниками, в частности с Зирабулак-Зияэтдинской горнорудной областью (2; 3; 4) Вероятно, по этой же причине в V-VI вв. широко используется металл местных источников, расположенных в Яккабагских горах (5).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейманов Р.Х., Рузанов В.Д. Химико-металлургическая характеристика меди и бронз из городища Еркурган //ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986.
2. Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // Труды САГУ. Новая сер. Вып.11. Ташкент, 1950.
3. Рузанов В.Д. О некоторых древних оловорудных источниках Узбекистана // ИМКУ. Вып.15. Ташкент, 1979.
4. Рузанов В., Циерны Я., Вайсгерберг Г. Об итогах работы международной Узбекско-Немецкой экспедиции в 1997-1998 гг. по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак - Зияэтдинских горах // ОНУ. № 7-8. Ташкент, 1999.
5. Рузанов В.Д. К вопросу о источниках металла Еркургана // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.

Н.А. Аванесова

У ИСТОКОВ УРБАНИСТИЧЕСКОГО АФРАСИАБА

В археологии известно немало примеров, когда судьба ярких и уникальных памятников складывается весьма своеобразно. Об этих материалах пишут, используют в культурно-хронологических и исторических построениях, но они остаются долгие годы до конца не изученными. Такая, например, участь постигла городище Афрасиаб - один из наиболее ярких и значительных памятников Согда. Этому памятнику, сыгравшему значительную историческую роль в судьбах народов Центральной Азии, посвящены многочисленные труды как отечественных, так и зарубежных исследователей. Тем не менее, ряд вопросов афрасиабоведения остается нерешенным. Среди них проблема урбанизации (пути формирования города, уточнение времени его возникновения). Этот пробел, возможно, в какой-то степени можно восполнить, если обратиться к истокам истории заселения территории Афрасиаба.

Афрасиаб расположен на одной из древних террас Зарафшанской долины левобережья среднего течения р. Зарафшан - обширной слабо всхолмленной предгорной равнине, сложенной пролювиальными накоплениями. Благоприятные экологические условия в районе современного городища влекли к себе человека с незапамятных времен. Он появился здесь на заре своей истории, - в эпоху палеолита (Ташкенбаев, 1974, с. 25-27). Из глубины тысячелетий дошли до нас и остатки культуры пастушеских племен эпохи бронзы. О них пойдет речь в небольшом нашем сообщении.

За период археологических исследований 70-90-х годов на территории городища Афрасиаб при разных обстоятельствах обнаружена керамика и одно погребение, относящееся к кругу памятников степных племен евразийского пояса¹. Все находки сосредоточены в северной и северо-восточной полосе городища (рис. 1).

Коллекция представлена 14 фрагментами лепной орнаментированной керамики. Анализ последних включал изучение технологии материала, формы, орнаментации сосудов, что позволило уточнить, что керамика, при несомненной их близости в культурном отношении, не является однородной (по тесту и технике обработке, приемом орнаментации и формам) то есть, коллекцию нельзя отнести к единому хронологическому комплексу. Наибольшее количество выполнено в андроновской керамической традиции - в ее петровско-синташтинской, алакульской и федоровской модификациях. Довольно четко по тесту, характеру обработки черепка и форме выделяется афанасьевская и амирабадская керамика. Таким образом, эти комплексы представляют следы деятельности древних коллективов, в течение продолжительного времени обитавших на исследуемой территории.

Технология материала

Глиняное тесто сосудов содержит примеси: толченых раковин и слюды (рис. 4 - 12а-б); шмот с крупнозернистым песком (рис. 2 - 2, 3, 4, 5, 7а); с включением мелкого песка и толченого кварца (рис. 2-б, 7б, 8); шмот с органическими примесями (рис. 2 - 13), речной песок, дресва и шмот (рис. 3 - 9) кварцевый песок, слюда и тальк? (рис. 3 - 10, 11). Отмечаемые примеси глиняного теста различимы визуально: примеси проступают на поверхности и в изломе. Выделенные группы характеризуют различные технологические традиции, которые культурно-генетически и хронологически взаимосвязаны. Очень часто состав формовочных масс был функционально обусловлен (кухонная и столовая посуда для эпохи поздней бронзы), но вместе с тем часто рецептура керамической массы выступает в качестве культурного определителя для определенной территории или исторического периода (Бобринский, 1978, с.94).

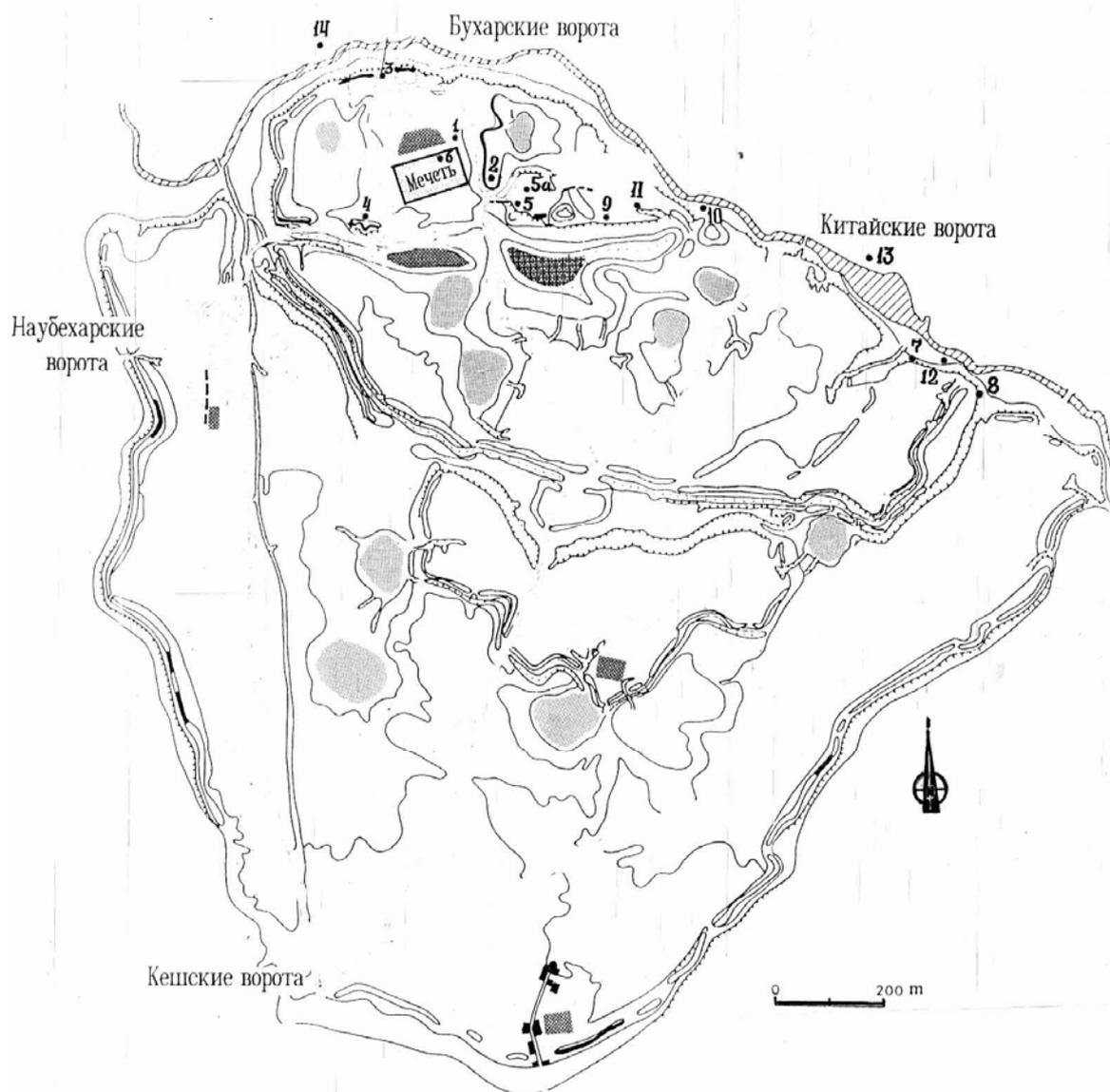

Рис. 1. Топография находок эпохи бронзы

1. Р-41 / XXI; 2. Р-22; 3. Р-31 / XIX; 4. Р-44; 5-5а. Р-45; 6. Р-11; 7. Шурф Обельченко; 8. Шурф Тагиева; 9. Р-15 Г (стена); 10. Р-15 / 28; 11. Р-15 / 10; 12. Погребение; 13. Остатки поселения (?); 14. Сборы Тереножкина

Толщина фрагментов колеблется от 0,4 до 1,02 см, фактура в своей основе плотная, фрагменты в изломе однослойны, (черно-бурый), реже встречаются двуслойные. Обжиг сосудов костровый, о чем свидетельствует неравномерность прокала. Преобладают фрагменты красно-коричневых тонов, за исключением серо-черной керамики (рис.2 - 1; рис. 3 - 10, 11; рис. 4 - 12)².

Формы сосудов и орнаментация

Некоторые особенности форм сосудов могут быть установлены по крупным фрагментам и в первую очередь венчикам сосудов. Большая

часть орнаментированной керамики относится к горшечно-баночному типу. По морфологическим признакам в пределах указанного типа выделяется четыре разновидности форм сосудов: острореберный (рис. 4 - 12 а), биконический (рис.4 - 12 б), баночно-горшечный с уступом (рис.2 - 1) и горшки с плавным профилем (рис.2 - 2, 8). Первые две формы характерны для петровско-синташтинской керамики, третья - для алакульской и последняя для федоровского типа памятников. Во вторую группу входят сосуды сферической формы (рис. 2-13а, б). Они характерны для афанасьевской культуры.

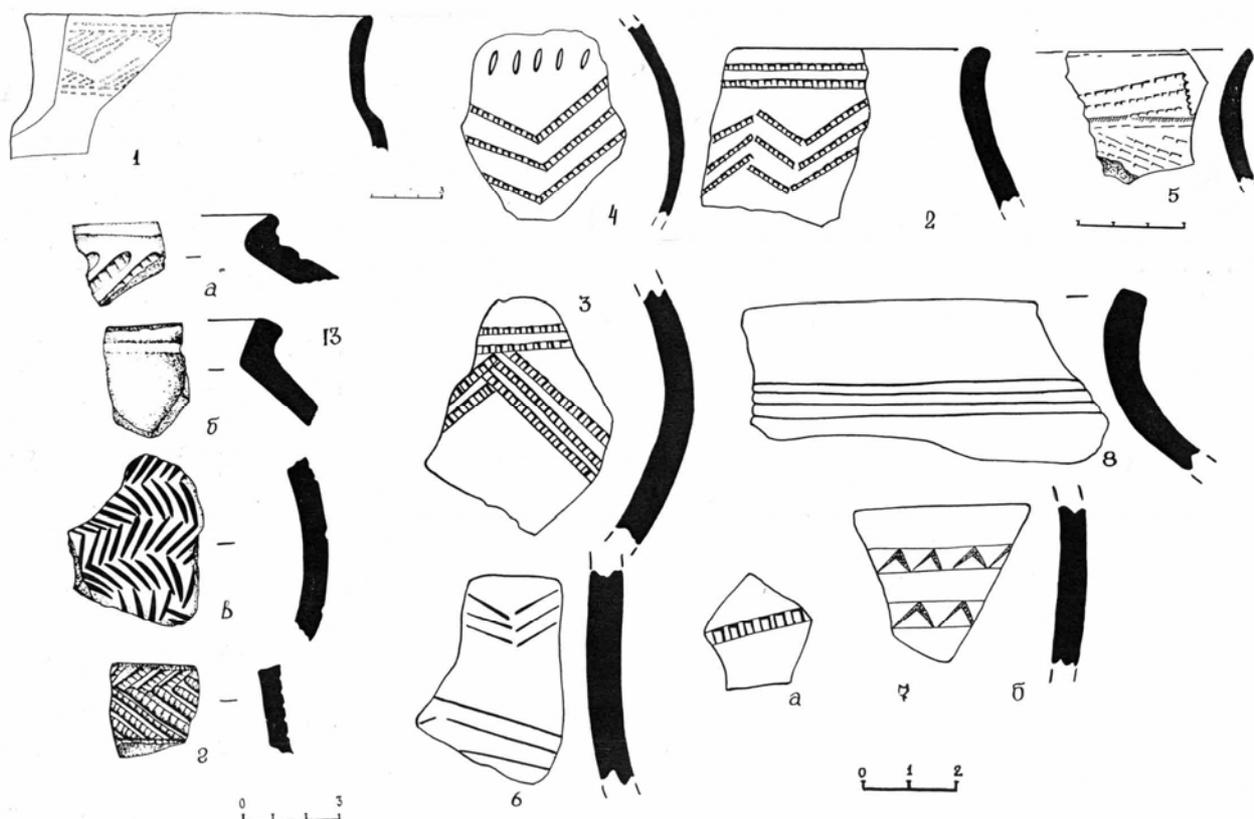

Рис. 2. Орнаментированная керамика с городища Афрасиаб
1-8 - андроновская; 13а, б - афанасьевская

Сравнительно небольшая коллекция представлена сосудами без орнамента, где выделены такие формы как кухонные горшки (рис. 3-5а), узкогорлые сосуды-кувшины (рис. 3-9а, б, в), полусферические чаши (рис. 3-11) и слабопрофилированный сосуд баночной формы (рис. 3-10а). В целом они типичны для керамики амирабадской культуры, хотя нельзя исключить и более ранний возраст таких сосудов как № 10а-11 на рисунке 3.

При анализе техники нанесения орнамента нами выделены следующие приемы: - гладкий, плоский штамп (рис.4-12а), резные линии или прочерченные вдавления палочкой (рис. 2-6,8), оттиск палочкой, который имеет каплевидный контур (рис.2-13в), угловые оттиски сформированные коротким вдавлением конца палочки или углом штампа (рис. 2-7б), оттиски многозубчатой крупной гребенки (рис.2-1,4) и мелкой (рис.4-12б) гребенки. При орнаментации последний использовались длинные, узкие, гребенчатые штампы. Оттиски четкие, с узкими промежутками между вдавлениями зубчиков. Наиболее часто использовались штампы с пря-

моугольными (рис.2- 2, 3, 4, 7а), реже с квадратными зубчиками (рис.2 -1, 5).

Композиция орнамента состоит из ограниченного числа простых рисунков. Среди них: заштрихованные треугольники (рис.2-1,2; рис. 4-12а); ряды прерывающихся ломанных полос (рис.2-2,3,6; рис.4-12б); «елочка» вертикальная (рис.2-4); и горизонтальные линии (рис.2- 8).

К сожалению, фрагментарность керамики не позволяет провести анализ орнаментов отдельных частей (зон сосудов). Вместе с тем можно отметить, что плотность орнаментальных композиций на сосудах не зависит от техники нанесения орнамента (гребенка или резной штамп). Поверхность некоторых сосудов подвергалась лощению уже после нанесения орнамента (рис. 2-1; рис. 4-12б). Этот метод обработки сосудов известен и для керамики без орнамента (рис.3-10,11). В качестве приема уплотнения поверхности применялось заглаживание лощилом (особенно сосуды, изготовленные из плохо промешанного теста (рис.3- 5а, 9а-б, 10б) и зубчатым штампом (рис.2-13). Последние перед нанесением орна-

мента покрывались ангобом. Имеются сосуды, которые обмазывались жидкой глиной перед обжигом (рис.3 - 9а,б; 10б).

Комплекс характеризованной керамики количественно не велик, но достаточно выразителен, хотя очень фрагментирован. Перейдем к рассмотрению топографии находок и краткой индивидуальной характеристике³.

1. Начнем с самой первой находки, которая была обнаружена нами в 1969 г., в шурфе заложенном на кв. 41/XXI, в 30 м от северо-восточного угла внешней стены Соборной мечети. На глубине 5,50 м от современной поверхности в слое очень плотного грунта, в виде завала из обломков пахсовых блоков и сырцовых кирпичей встречены очень фрагментированные черепки с черным, серым и красным ангобом времени Афрасиаба II и фрагмент венчика андроновской керамики⁴ (рис.1-1).

По форме это открытый баночно-горшочный сосуд с прямым чуть изогнутым горлом и небольшим уступчатым плечом. По горлу оттисками зубчатого штампа нанесен орнамент двумя рядами заштрихованных треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны. Между ними образовалась неорнаментированная зигзагообразная лента. Этот мотив орнамента - чрезвычайно - распространенный прием украшения сосудов для Урало-Казахстанских андроновских памятников (Комарова, 1962, с.53-55, рис. 2-4; Потемкина, 1985, с.114, рис. 43; Зданович, 1988, с.162, табл. 4), в тазабагыябских памятниках он не отмечен (Итина, 1977, с.113). По своим технико - морфологическим признакам (состав теста, наличие уступа на плечике) мы относим исследуемый фрагмент керамики к алакульскому времени (рис. 2-1).

Одновременно с нашей находкой, осенью 1969 г. фрагменты андроновской керамики были обнаружены в раскопках М.Н.Федорова и М.К.Пачоса⁵.

2. У подножья западного склона цитадели в шурфе, на площади Р-22, в слое пахсовых строительных остатков, вместе с краснолощеной керамикой Афрасиаба II-III М.Н. Федоровым был обнаружен фрагмент верхней части андроновского сосуда (рис.1-2).

Сосуд имеет короткое, слабо выраженное горло, переходящее, видимо, в округлые плечи. Под венчиком, гребенчатым штампом нанесен орнамент в виде горизонтальных линий, под ними в верхней части горла идет орнаментиро-

ванный пояс в виде трех рядов ломанных линий⁶ (рис.2-2).

3. В стратиграфическом раскопе 31/XIX (раскоп Пачоса) проведенной севернее мечети, над обрывом р. Сиаб, на глубине 9 м, в тесте сырцового кирпича (40x40x15) обнаружен фрагмент лепной керамики (рис.2-3).

Стенка сосуда с выпуклым туловом орнаментирована оттисками крупнозубчатого штампа, состоящего из рядов насечек, расположенных под прямым углом. Над ними орнаментальная полоса в виде рядов горизонтальных линий (рис.2-3).

4. В июле 1970 г. археологический отряд Самаркандского университета под руководством А.И.Тереножкина вел свои исследования на площади раскопа-44, у середины южной стены 1 укрепления Афрасиаба (к юго-западу от Соборной мечети). На глубине 3,5 м «в настиле из пахсы и обломков крупноформатных кирпичей вместе с мелкими фрагментами керамики типа Талли-Барзу I встречен фрагмент лепного сосуда с гребенчатым геометрическим орнаментом»⁷ (рис.1-4).

Стенка плавно профилированного сосуда.

В технике нанесения орнамента использован гребенчатый штамп и каплевидные ямочные вдавления. Орнамент в виде рядов ломанных линий («елочка»?), над которым идет полоса каплевидных вдавлений (рис.2-4). Описанные выше три фрагмента керамики под номером 2:3:4 по примеси глиняного теста, способу нанесения и мотиву орнамента идентичны, хотя найдены в разных пунктах.

5. В 1977 г. Ш.С.Ташходжаевым в шурфе № 2 раскопа-45 заложенном на южном фасаде цитадели, близ восточного угла, в кирпичной кладке III-II вв. до н.э. был выявлен небольшой фрагмент лепной керамики с орнаментом⁸ (рис.1-5).

Венчик сосуда - с изогнутым горлом, по которому идет орнамент в виде заштрихованных косоугольных треугольников. Орнамент выполнен оттиском неглубоких зубчиков. Бытование этого мотива орнамента характерно для федоровского типа посуды (рис.2-5).

5а. В 1978-1979 гг. шурф был продолжен О.Н.Иневаткиной. В кладке 1-ой стены, датированной VI-V вв. до н.э., на глубине 15 - 16 м от поверхности цитадели были найдены фрагменты лепной керамики (рис.3 -5а) (Иневаткина, 1983, с.82-84, рис. 3-23, 25, 28).

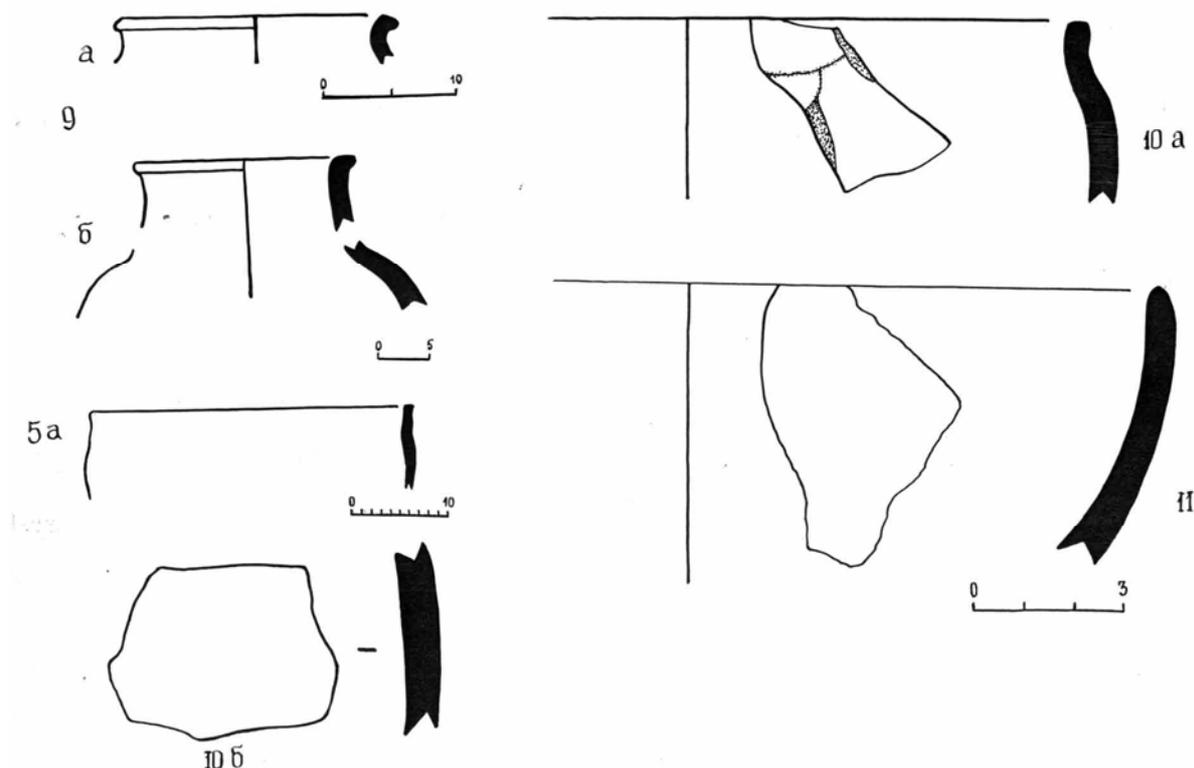

Рис. 3. Неорнаментированная керамика с городища Афрасиаб

Три венчика и несколько фрагментов стенок представляют собой остатки от горшковидных кухонных сосудов с прямым коротким горлом. Венчики имеют утолщение по краю. По составу формовочной массы обработки поверхности, по обжигу и цвету керамики (красно-розовый цвет) эта керамика типична для амирабадских комплексов (Итина, 1977, с. 153-154).

6. В стратиграфическом раскопе, заложенном Я.К.Крикисом на территории Соборной мечети раскопа II, в нижнем предматериковом слое, на глубине 10 м., в пахсовом теле «обжигательной печи» обнаружен фрагмент лепной керамики с орнаментом⁹ (рис.1-6).

Стенка баночного (?) сосуда со сглаженным профилем. Поверхность украшена прочерченными насечками в виде рядов ломанных линий (рис.2-6).

7. В северной части городища, в районе урочища мазара Ходжа Данияра, напротив мельницы в стратиграфическом шурфе, на материке была вскрыта яма-зольник, в заполнении ее обнаружен кирпичный лом с двумя небольшими фрагментами керамики (раскоп О.В. Обельченко, 1969 г.?)¹⁰ (рис.1-7).

7а - небольшой фрагмент, видимо, стенки сосуда с оттиснутым крупным гребенчатым штампом горизонтальной линией (рис.2-7а).

7б - фрагмент стенки сосуда с орнаментом в виде горизонтальных угловых оттисков в два ряда. Этот орнаментальный прием типичен для федоровской керамики (Грязнов, 1970, с.38) (рис.2-7б).

8. В шурфе, заложенном в северо-восточной части второго укрепления, напротив рисзавода, в лёссовидном суглинке с угольками и костями животных обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда (раскоп Тагиева ?) (рис. 1-8).

Венчик открытого горшковидного сосуда с изогнутым горлом. Орнамент покрывает лишь шейку и представляет собой четыре ряда горизонтальных линий. Привести близкие и конкретные аналогии (рис.2-3, 6, 7а, 8) невозможно, в силу малодиагностических признаков, но вместе с тем можно отметить, что они характерны для андороновско-тазабагъябских памятников.

9. В 1983-1984 гг. О.Н.Иневаткиной на южном флане нижней площадки цитадели (Р-15Г) в кирпичной массе плоско выпуклого кирпича VI-V вв. до н.э. был найден венчик груболепного сосуда. В этом же раскопе также был найден венчик и фрагмент плечика лепного толстостенного сосуда в слоях разрушенной стены V-IV вв. до н.э. (Иневаткина, 1995, с.7. Альбом диссертации. Табл. 1-1,6) (рис.1-9).

9а - сосуд с коротким, чуть изогнутым горлом. Венчик оформлен в форме сглаженного валика, образованного при формовке (рис.3-9а).

9б - узкогорлый сосуд типа кувшина. По внешней стороне венчика проходит утолщение в виде налипного бортика оформленной при формовке. Невысокое прямое горло без резких границ плавно переходит к тулову (рис.3-9б).

По фактурным признакам (розовая поверхность, ровный обжиг, большая примесь в тесте дресвы) и морфологическим особенностям венчика описанные фрагменты близки керамике поселения Якке-Парсан 2 (Итина, 1963, с.119, рис. 11,4-6; 1977, с.153-154). Следует отметить, что помимо амирабадских аналогий, наличие характерного утолщения по краям венчика находит сходство и в памятниках типа саргаринско-алексеевской культуры (Зданович, 1988, с.40, рис. 11,-4; Потемкина, 1985, с.56, рис. 12, 6-8). Некоторое сходство обнаруживается также с керамикой Кучук I (Аскарлов, Альбаум, с.93, табл. 3).

Необходимо отметить, что валик - ведущий признак для керамики эпохи поздней бронзы степных культур Евразии. Обычно он сформирован в процессе лепки сосуда, но иногда, бывает налипным. Последние отличаются грубой отделкой, они более рельефные размещаются чаще по основанию шейки. Сформированные валики размещаются по внешнему краю венчика и у основания шейки. Они низкие, слегка выпуклые и гладкие (Черных, 1983, с.81-97).

Отдельную группу керамики составляют образцы, полученные в сезоне 1998 г. О.Н.Иневаткиной¹¹.

10. В материалах разреза завала стены периода Афрасиаб I удалось обнаружить несколько фрагментов лепной керамики (Р-15-28). Три фрагмента от венчика сероглиняной окатанной керамики с лощением (№ 10а) обнаружено на глубине 4,5 м от современной поверхности, в слое посыпки под стену из плосковыпуклых кирпичей (конец VI в. до н.э.). Из этого же слоя происходят три фрагмента грубой тонкостенной серо-коричневого цвета керамики (10б) (рис.1-10).

10а. По профилировке венчика - небольшой (диаметр 16 см) слабопрофилированный тонкостенный (0,4-0,5 см) сосуд горшечно-баночного типа. Изготовлен из хорошо отмученной глины с примесью кварцевого песка, возможно, органики (черепок очень легкий, но плотный). Об-

жиг равномерный, в изломе черного цвета, у поверхности переходящего в темно-серый. На поверхности и в изломе просматриваются многочисленные вкрапления в виде блестков (возможно, от кварцевого песка или слюды) (рис.3-10а). По плотности черепка, по серо-лощенности и по общей форме, он схож с неорнаментированной посудой могильника Тагискен. Однако, мы склонны считать, что по технологическим параметрам он, несомненно, восходит к энеолитическим комплексам Лявлякана (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 134, 138, 205, 230).

10б. Три маловыразительных фрагмента керамики от стенок кухонной посуды амирабадской культуры. Принадлежность к последней определяется по формовочной массе, характеру обработки поверхности (заглаживание, обмазывание жидкой глиной перед обжигом) (рис.3-10б).

11. На площади раскопа Р-15/10, в оплывах оврага был обнаружен фрагмент серо-лощенного венчика (рис.1-11).

Последний представляет полусферическую тонкостенную чашу с плавно заостренным с двух сторон венчиком и слегка сужающимися к низу стенками. Формовочная масса близка 10а, но без кварцевого песка, она содержит примеси шамота и мелкотолченой слюды или талька (?). Обжиг равномерный, черепок плотный (5-6 см толщина). На внутренней и внешней поверхности наблюдаются следы лощения и мелких блестящих вкраплений (рис.3-11).

Если анализировать только форму и серо-лощенность сосуда, то поиск аналогий уведет нас в Хорезм и Фергану, а если керамическую массу - в Лявлякан. В Хорезме полусферические, тонкостенные сероглиняные чаши с лощением С.П. Толстов и М.А. Итина связывают с каундинским этапом суярганской культуры, датируемым концом II тыс. до н.э. (Толстов, 1962, с.61-62, рис. 18-1в,б; Итина, 1959, с. 56-58, рис. 18-9). В Фергане, только в материалах Дальверзина и Чимбайского поселения (Чустская культура) встречаются черно-серолощенные полусферические чаши (Заднепровский, 1962, с. 28, рис. 6-10). В лявляканских комплексах эта форма представлена с неолитического времени (Виноградов, Мамедов, 1975, рис. 26-8; рис. 47-15, 16). В коллекции керамики Лявляканских стоянок особняком значатся три объекта, где в керамической массе присут-

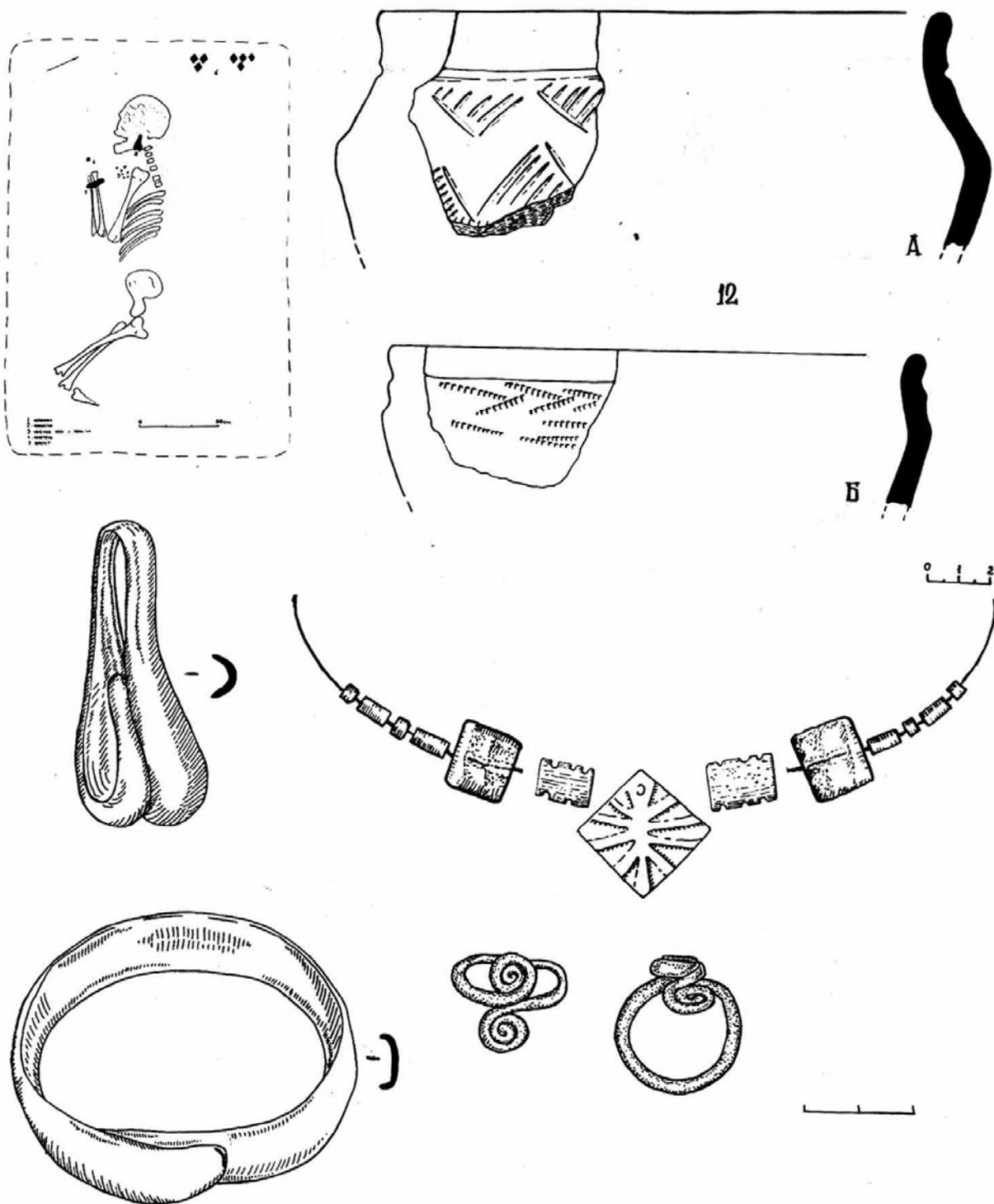

Рис. 4. План могилы и инвентарь погребения «Сиаб»

ствует ингредиент, аналогичный керамике 10а и 11 рисунка 2. А.В.Виноградов предполагает неолитический возраст этой керамики (Виноградов, Мамедов, 1975, с.230). Необходимо все же отметить, что для точной идентификации данных недостаточно, слишком малы фрагменты.

12. Этот пункт на карте Афрасиаба отмечен местонахождением погребения, материалы которого позволяют расширить круг источников по истории ранних скотоводов Центральной Азии.

Погребение находится в 100 м к востоку от мазара Ходжа Данияра, занимает участок левого берега р. Сиаб. На высоте до 4 м над уров-

нем воды Сиаба и около 16 м от поверхности современного лессового останца Афрасиаба¹² (рис.1-2).

Очертания могильной ямы фиксировались нечетко. Погребальная камера (1,75x1,55) вырыта в лессовидном суглинке с включением супесчатого аллювия, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Плохо сохранившийся женский костяк в скорченном положении на правом боку ориентирован головой на СЗ. Поза погребенной не сильно скорченная, с согнутыми руками в локтях. Под костями отмечается охровая подсыпка¹³. Сопровождающий инвентарь представлен двумя сосудами, расположенными у головы¹⁴ и украшениями в виде остатков ожерелья из драгоценных камней (бирюза, лазурит, агат, сердолик), а также бронзовыми височными подвесками, браслетами и перстнями.

Вопрос о культурной принадлежности погребения, несмотря на кажущуюся очевидность, весьма непросто. Связано это с наличием синкретических элементов погребального инвентаря и с проблемой хронологии ранних андроновских комплексов.

К сожалению, ограниченные рамки настоящего сообщения не позволяют подробно охарактеризовать весь инвентарь (рис.4). Останемся только на анализе керамики.

Сосуд № 12а рисунок 4 - по форме относится к горшечно-баночному типу с биконической профилировкой. Венчик отделен от шейки каннелурой. По плечу и тулову гладким штампом нанесены два ряда заштрихованных противостоящих равнобедренных треугольников, лишённые основания. Последние образуют гладкую полосу, отделяющую плечики от тулова. Такой мотив орнамента встречается на абашевских, синташтинско-петровских и алакульских сосудах.

Сосуд 12б рисунок 4 характеризуется наличием небольшого оттянутого валика в основании шейки, который покрыт горизонтальными рядами ломанных линий, переходящих и на тулово сосуда. Орнамент выполнен оттиском мелкозубчатого штампа. Элемент орнамента, система их нанесения и техника исполнения - наиболее ранний прием, применяемый в керамической традиции (неолит, энеолит и ранняя бронза) памятниках Евразии (Виноградов, 1960, с. 75, рис. 12, 1, 4, 8; Виноградов, 1968, с. 59, рис. 21; Виноградов, Мамедов, 1975, с. 140, рис. 38, с. 169, рис. 48 и др.; Васильев, Габышев, 1982, с. 19-23, табл. 1-5; Васильев, Выборнов, 1986, с. 12, рис. 3, с. 16, рис. 4; Качалова, 1983, с. 7, табл. 2, с. 9, табл. 3; Малов, Филипенко,

1995, с. 58, рис. 5; Потемкина, 1985, с. 262, рис. 106). Надо полагать, что небольшой валик под венчиком представляет собой трансформированный элемент катакомбно-многоваликовой керамической традиции.

В целом, описанные признаки двух сиабских сосудов позволяют с уверенностью включить их в синташтинско-петровский блок синхронных и родственных культур (Потемкина, 1985, с. 179, рис. 74, с. 184, рис. 77, с. 214, рис. 91, с. 218, рис. 92; Зданович, 1988, с. 81, рис. 33, с. 85, рис. 34; Генинг, Зданович, 1992, с. 90, рис. 23, с. 96, рис. 29, с. 178, рис. 89; Васильев, Кузминов, 1995, с. 21, рис. 8, с. 25, рис. 9; Костюков, Епихамов, 1995, с. 204, рис. 28; Синюк, Козмирчук, 1995, с. 53, рис. 8; Зданович, 1995, с. 32, рис. 6).

Сосуды описанного типа широко известны в научной литературе и датируются XVIII-XVI вв. до н.э. Хронологическая позиция указанных выше культур определяется по орнаментации дисковидных псалий в карпато-микенском стиле (струйчатая волна и спиральный крючок), которые характерны для раннемикенского времени по В.С.Бочкареву (Кузьмина, Шарфутдинова, 1995, с. 213).

Наличие в ожерелье сиабской женщины бирюзовой ромбической подвески с гравированным рисунком, близкой украшению из Хапуздепе (Сарианиди, 1964, рис. 15-34; 1969, рис. 46), и фигурных бус абсолютно идентичных многочисленным экземплярам происходящим из погребений Алтын-депе (Массон, 1981, табл. XXII, рис. 4), Шахдада (Ali Nakemi, 1997, p. 517. N 4284) и Мохенджедаро (Маскау, 1938, v. II, T. CXXIV - 3) с синташтинско-петровской керамикой, явно не укладывается в существующие хронологические схемы бронзовых комплексов Евразии. Возраст погребения мы устанавливаем по трем позициям: керамика и металлические украшения близки синташтинской культуре, каменные украшения - древнеземледельческой, времени Намазга V, что позволяет датировать Сиабское погребение началом II тыс. до н.э.

Материалы погребения и отдельные находки андроновской керамики с территории Афрасиаба составляют единый культурно-исторический и археологический комплекс.

13. В связи с исследованием погребения, в 1977 г. кафедра археологии производила охранно-разведочные работы по обоим берегам Сиаба. Вдоль берега проводились зачистки, в четырех пунктах заложены разведочные раскопы.

В 200 метрах к северо-западу от мельницы на правом берегу, напротив мусульманского кладбища, местный житель Богимайдана в огороде подобрал керамику и показал нам. Среди многочисленных фрагментов привлек внимание небольшой венчик с орнаментом (13а). В этом районе нами был заложен раскоп площадью 20м² (рис.1-13). В отвесном лессовом обнажении (образованного косопадающим пластом вторичного лесса), на высоте около 5 м над уровнем Сиаба, залегал слой, насыщенный мелкими обломками костей животных с угольками. В нем обнаружен очаг (50x30 см) с прокаленной под ними глиной.

Культурную принадлежность этого слоя можно определить по нескольким мелким фрагментам керамики (рис. 2-13 б,в.г.). Близкая и сопоставимая керамика имеется в афанасьевских памятниках Южной Сибири и Алтая (Вадецкая, 1981, рис. 12-14; 1986, табл. П.Дропик, Митяев, 1981, с. 182).

Из-за ограниченности листажа можно дать суммарную характеристику фрагментам. Учитывая, что на технологии, форме и орнаменте исследуемой керамики, мы остановились выше.

Мы располагаем четырьмя образцами, из которых два венчика, один без орнамента (рис.2-13б) и два орнаментированных фрагмента от корпуса сосудов (рис.2-13 в.г.).

Что же характеризует их как афанасьевскую керамику? Прежде всего наличие короткого венчика с внутренним ребром, последнее сглажено (рис.2-13а) или приостренное (рис.2-13б), они характерны для сферических и бомбовидных сосудов. Яркость и определенную самобытность орнаментации афанасьевским комплексам придают сочетание ангоба и техники нанесения орнамента: глубокие вдавления (особенно палочкой или гладкой пластинкой) создают рельефо-образующую поверхность (рис.2-13в.г.). Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании поясов горизонтальных линейно-елочных поясов. Как видим, нетрудно отличить эту керамику, скажем, от андроновской.

Надо полагать, что это не единственный пункт, где засвидетельствовано пребывание афанасьевцев на берегу Сиаба.

14. В дневнике А.И. Тереножкина (в 1970 г. он вел исследование на Афрасиабе, будучи в составе археологического отряда СамГУ) мы находим, что на правом берегу Сиаба, напротив раскопа С.К.Кабанова, в районе инжирных плантаций были обнаружены несколько фрагментов близкой, возможно, сосудам ямной

культуры (рис.1-14). К сожалению, рисунков нет, но есть описание одного очень важного фрагмента: «Донце остродонного сосуда вылеплено кольцевым ленточным способом (есть следы лент и жгутов), тесто пористое. Стенки сохранили следы заглаживания, от них сохранились параллельные линии. Поверхность орнаментирована бессистемными горизонтальными наклонными рядами насечек¹⁵».

Информация недостаточная, но вместе с тем весьма выразительная, чтобы увидеть в ней афанасьевскую керамику (Иванова, 1962). В целом, хронологические рамки представленной керамики охватывают конец III - начало I тыс. до н.э. Оценивая керамический материал эпохи бронзы с Афрасиаба, хотелось бы отметить несколько моментов.

1. На основе учета всех находок устанавливается огромная территория расселения пастушеских племен по обоим берегам Сиаба. Находки с Афрасиаба не представляют собой изолированное и единственное явление. Они известны на всем его протяжении¹⁶. Возвращаясь к дискуссии о происхождении Сиаба необходимо привести заключение геоморфолога, проф. Э.Д.Мамедова: «Сиаб (Сиёб, Карасу) в древности был притоком Зарафшана, постепенно в результате ухода реки в новое русло. Сиаб стал самостоятельной рекой. Своим появлением Сиаб обязан факторам природного порядка. Видимо, в результате тектонических процессов на лессовидных террасах формировались глубинные разломы, трещины и подземные воды палеогеновых и неогеновых отложений формировали русло. Основным источником питания Сиаба являются родники и грунтовые воды. Самаркандская котловина является центром образования крупных запасов пресных вод. Сиаб прорезает четвертичные отложения левобережных террас (на протяжении 25 км) Зарафшана, впадая в последний с юга¹⁷».

2. Сам по себе факт существования отдельных находок по берегам р. Сиаб заставляет предполагать наличия скотоводческих поселений. Именно этот род деятельности, вероятно, во многом определил быт и облик населения доурбанистического Афрасиаба.

Археологические материалы Старого и Нового Света свидетельствуют, что формой хозяйства, способствующей образованию института власти было именно скотоводство (Пиотровский, 1973). Воспроизводство и получение регулярного избыточного продукта у скотоводов значительно более надежны, чем у земледельцев. Это послужило стимулом к возникно-

вению частной собственности на скот и другое имущество.

3. Процесс формирования городской культуры Тогда не привнесен извне, она оформляется на месте, но начало этого становления и его ход связаны с постоянным и неоднократным притоком нового населения. Пришла не культура, а ее будущие носители. Этому способствовало благоприятная экологическая среда долины Зарафшана, богатые природные ресурсы края, особенно металлоносные месторождения (медь, олово, золото).

4. Наше исследование позволяет высказать предположение, что генетическим предшест-

венником урбанистической культуры Тогда была культура бронзового века скотоводческо-земледельческих общин конца II - начала I тыс. до н.э. Наглядной иллюстрацией сказанному является пример образования мидийской державы.

Констатируя данное обстоятельство, следует все же признать, что материалы слишком незначительны, но тем не менее предложенный ход событий, в свете имеющихся в нашем распоряжении данных, представляется в достаточной мере вероятным.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. К сожалению, в свое время, авторы раскопок не обратили должного внимания на эти находки. Сведения собраны по дневниковым записям, через устный опрос после находки в 1969 г. фрагмента керамики в шурфе, который исследовала автор.
2. По мнению некоторых исследователей, красноватый цвет древней керамики объясняется окислительным обжигом, обычным для кострищ (Августиник, 1956, с.152). Э.В.Сайко полагает, что на цвет глины, в первую очередь, оказывают влияние соединения железа, их количественное содержание и степень окисления в них иона железа. Окислы железа придают обожженному изделию гамму красных тонов. (Сайко, 1966, с.17). Серый, черный, иногда коричневый цвет сосудов принято считать признаком восстановительного обжига (Иванова, 1968, с.254).
3. Номера рисунков керамики соответствуют номерам пунктов находок обозначенные на плане Афрасиаба. Рис. 1. Квадраты раскопок даны по топографической съемке Афрасиаба, произведенной весной 1961 г.
4. Н.А.Аванесова. Полевой отчет археологической работы научного сотрудника проблемной лаборатории по историко-археологическому изучению городища Афрасиаб. Архив кафедры археологии Самаркандского университета. Ф.IV.A3.
5. М.К. Пачос скрыл эту находку, но позже О. Ибрагимов (который ее нашел), работавший с Пачасом в качестве лаборанта, дал возможность зарисовать ее, за что приношу ему свою благодарность.
6. Хочу выразить особую признательность М.Н.Федорову, который предоставил мне эту керамику и разрешил использовать в своих публикациях.
7. А.И.Тереножкин. Журнал раскопок на Афрасиабе в 1970 г., веденных отрядом Самаркандского госуниверситета им. А.Навои, с.25. Архив кафедры археологии истфака СамГУ, Ф.IV, А3.
8. Ш.С.Ташходжаев показал мне эту керамику, после моего сообщения на сессии по результатам исследования погребения «Сиаб», открытого в 1976 г., о чем пойдет речь ниже. Он также сообщил, что в 1975 г. им был обнаружен еще один, мало выразительный, фрагмент лепной керамики с прочерченным орнаментом.
9. Рисунок и сведения о месте находки любезно предоставлены Я.К.Криксом во время обследования могильника эпохи бронзы Чакка в 1977 году, за что искренне благодарна.
10. Сведения о керамике № 7а-б и № 8 и рисунки мне любезно представил С.Рахимов - специалист по андроновской культуре (Рахимов, 1966), за что выражаю свою благодарность.
11. Выражаю свою благодарность за право публикации О.Н.Иневаткиной.
12. Обнаружено случайно, в апреле 1976 г. во время строительных работ. Сообщено на кафедру археологии СамГУ В.Карчевским, который в течение многих полевых сезонов работал землекопом при исследовании Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. К моменту нашего приезда, потревоженные остатки захоронения были закопаны.
13. Скелет для исследования передан проф. Т.К.Ходжайову. По устному сообщению исследователя, череп очень близок остаткам из могильника Заманбаба.
14. Сосуды извлечены из могилы строителями и разбиты. Сохранилось только два фрагмента, которые были доставлены В.Карчевским на кафедру.
15. Тереножкин А.И. Журнал раскопок на Афрасиабе в 1970 г. веденный отрядом Самаркандского Госуниверситета им. А.Навои, с.41. Архив кафедры археологии истфака СамГУ, Ф.IV, А3/Д1.
16. Кроме Афрасиаба, по Сиабу известно еще 7 пунктов и среди них могильник Чакка.
17. Личное письмо проф. Э.Д. Мамедова автору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
2. Августиник А.И. К вопросу о методике исследования древней керамики// Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 64. М., 1956.
3. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
4. Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
6. Виноградов А.В. Новые палеолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 4. М., 1960.
7. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
8. Виноградов А.В. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов.// Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 10. М., 1975.

9. Виноградов А.А., Итина М.А. Древнейшее население низовий Амударьи // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV. М., 1986.
10. Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западносибирской Археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
11. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Изд-во: «Наука». Л., 1986.
12. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Межвузовский сборник научных трудов. Том. 263. Куйбышев, 1982.
13. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история нижнего Поволжья. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1986.
14. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье. (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995.
15. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
16. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Краткие сообщения института археологии АН СССР, вып. 122. М., 1970.
17. Деопик Д.В., Митяев П.Е. Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
18. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Изд-во Уральского университета. Свердловск, 1988.
19. Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 1995.
20. Иванова Л.А. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур // Советская археология, № 2, 1962.
21. Иневаткина О.Н. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н.э. - V в. н.э.) // Автореф. на соиск. уч. степени к.и.н. Московский госуниверситет. М., 1995.
22. Итина М.А. Первобытная керамика Хорезма // Керамика Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.IV. М., 1959.
23. Итина М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958-1959 гг.) // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 г. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М., 1963.
24. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. М., 1977.
25. Ковалева И.Т., Волкова С.С. Срубные курганные могильники Нижнего Приаралья. Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Вып. 2, Сборник научных трудов. Днепропетровск, 1978.
26. Ковалева И.Ф., Марина З.П., Чернявская Н.А., Никитин С.В. Курганный могильник эпохи бронзы у с.Хашево // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Вып. 3. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 1979.
27. Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник. Вып. 5. Л., 1962.
28. Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // Археологический сборник Госэрмитажа. Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1983.
29. Костюков В.П., Епимахов А.В., Немин, Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1995.
30. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье // Уч. пос. к спецкурсу. Самара, 1992.
31. Кузьмина О.В., Шарафитдинова Э.С. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» // Древние индоиранские культуры Волгоуралья (II тыс. до н.э.). Межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1995.
32. Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-европейской степи. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 1992.
33. Малов Н.М., Филиппенко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические Вести. Санкт-Петербург, 1995.
34. Массон В.М. Алтын-депе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том. XVIII. Л., 1981.
35. Пиотровский Б.Б. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Тезисы докладов конференции «Возникновение раннеклассового общества». М., 1973.
36. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
37. Рахимов С. Памятники андроновской культуры в степях Среднего Енисея // Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1966.
38. Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII-XII вв. Душанбе, 1966.
39. Сариниди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 98. М., 1964.
40. Сариниди В.И. Новые раскопки на Хапуз-депе // КСИА. Вып. 115, М., 1969.
41. Синок А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1995.
42. Ташкенбаев Н.Х. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
43. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

44. Чердниченко М.М. Хронология зрубно I культуры III вв I чного Причерноморья // Археология Республиканский Мижвидончий сборник. Вып. 22. Киев, 1977.
45. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
46. Maskay. Further Excavations at Mohenjodara. Volume II. Delhi. 1938.
47. Ali Hakemi Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age Center in Iran. IsMEO-ROME, 1997.

N.A. Avanesova

In article according to archaeological excavations and systematization of casual finds in Afrasiab town the version is marked that up to beginning urban civilization here herdsman tribes lived in Paleolithic epoch. The factor in influence to urbanization of Sogd was cattle breeding.

А.А. Аскарлов

ОБ ИСКОННОЙ РОДИНЕ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В советской исторической науке существовало представление о том, что Горный Алтай является родиной древних тюрков. Причиной для возникновения этого представления послужили две легенды, существующие среди современных алтайцев. Согласно первой легенде, группа хуннов на западе державы Аттилы в древности была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один 9-летний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и «по прошествии нескольких колен некто Асяншад со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужанского хана». Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки - туюк происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, посредством волчицы (Гумилев, 1993, с. 23).

Вторая легенда выводит тюрков от местного рода Со, и опять-таки от волчицы. Согласно легенде, вождь племени Абанбу имел 17 братьев. Один из них назывался Ичасин Ишид, т.е. «сын волчицы». Племена Со погибли «из-за собственной глупости». Из них уцелели только четыре представителя; первый превратился в лебедя, второй поселился на реке Камы, третий - на реке Чусы, а четвертый - самый старший Нудулишад - поселился на западном Саяне. От младшей жены Нудулишада родился сын - Ашин, который победил в соревновании среди братьев и он стал лидером рода, названного по его имени. Благодаря храбрости и предприимчивости Ашина его род становится могущественным, и он сам вождем племени, теперь под именем Асяншад. Внук его Тумин (Бумин) в 551 году объявляет себя каганом тюрков (Рахманов, 1993, с. 42-43).

Если исходить из содержания этих двух легенд, то речь идет не о происхождении древних тюрков на Алтае, а лишь о формировании орды молодых воинов, сплотившихся вокруг князя Ашина на горном Алтае под именем «тюрк». «Они говорили уже по-тюркски. Но соседние племена, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались» (Гумилев, 1993, с. 24).

Таким образом, первоначально тюрками была названа лишь орда молодых воинов князя Ашина. Когда при Асяншанде, его сыне Туу и внуке Тумин род Ашин подчинил себе племена теле и многие другие племена, все тюркоязычные племена, обитавшие не только на Горном Алтае, но и по всей Центральной Азии также стали называться тюрками.

Под влиянием этих двух легенд в советской историко-лингвистической науке, создавалось, на мой взгляд, неверное представление о том, что родина древних тюрков - Горный Алтай, и что из Алтая они расселились в другие районы Средней и Центральной Азии. Отсюда и пошло утверждение о том, что Горный Алтай является прародиной древних тюрков, а остальная часть Евразийской степи (Южная Сибирь, вся Казахстанская степь, Зауралье, Семиречье, словом от восточных берегов Черного моря вплоть до Байкала) была заселена ираноязычными племенами.

Однако археологический материал, полученный из памятников эпохи бронзы степного типа, как с территории Горного Алтая, так и за его пределами (Южная Сибирь, вся Казахстанская степь, Зауралье, Семиречье), совершенно идентичен по облику материальной культуры и характеризует культуру и быт носителей андроновской культуры. Памятники андроновской культуры территориально были распространены с западного Казахстана вплоть до южного

Байкала. Именно на этой территории обитали тюркоязычные племена в эпоху раннего железа и в более позднее время, о котором свидетельствуют письменные источники. Например, в древнейшей истории Китая в 2205-1766 годах до н.э. под именем «Шя» существовали малые правители, и в 1766-1122 годах до н.э. такие правители упоминаются под именем «Шонг». При этих правителях специальные люди занимались составлением летописи важнейших событий.

Составители этих летописей назывались «Ши». Как носители особой должности при дворе правителей Китая «Ши» функционировали с древнейших времен до XIX века. Ими составлены, как сообщается в китайских энциклопедиях, 24 тома истории. В первом томе, обобщенном китайским историком Сима Цяном (XI в. до н.э.), сообщается, что в XXII-XVII веках до н.э. на северо-западе Китая жил народ «Ху» или «Хули». Народ «Ху» позднее делился на две части. Восточная часть «Ху» называлась «дунг-ху», а западная часть, разделенная на две подгруппы, именовались «рунг» и «ди». Каждый из них состоял из нескольких племен. Народ «дунгху» в русской транскрипции звучит «тунгус». Таким образом, народ «Ху» был тюркоязычным. На этой территории обитали носители андроновской культуры.

В истории Ханской династии сообщается, что «на юге существует великий Хан, а на севере сильный Ху», т.е. Хунну. Когда часть Хунну ушла на запад, оставшаяся часть племени продолжала кочевать в прежних местах обитания под именем туро (по китайским источникам теле), в составе которых находились 44 тюркоязычных племен. Племенной союз туро, разделившись на семь групп, обитал на огромных просторах Евразии - от Байкала на востоке до государственной границы Римской империи на западе.

Известно, что в пятидесятых годах был поставлен вопрос об этнической принадлежности андроновцев, как тюркоязычного населения. С.С. Черников первоначально был склонен считать их тюркоязычными племенами, а И.М. Дьяконов и А.Н. Бернштам выдвинули тогда гипотезу об индоиранской принадлежности носителей андроновской культуры (Дьяконов, 1956, с. 150-151; Бернштам, 1957). Идея об ираноязычности носителей андроновской культуры устраивала советскую идеологию. Иранолингвисты усердно старались научно обосновать этот тезис на основе выявления близости между языками Авесты, Веды и современных

европейских народов (Грантовский, 1970). Следуя гипотетическим высказываниям иранолингвистов, советская археологическая наука, начала считать, что первоначальная прародина индоиранцев должна находиться в районе современных Южнорусских степей (исторически, в Великих тюркских степях), поскольку, именно в этих районах начали находить соответствующие археологические материалы, подтверждающие какими должны были быть арийцы.

Советская историческая наука понимала, что индоиранцы это и есть арийцы. Арийцы были выходцами из среды степного населения с подвижным образом жизни, у которых с приобретением коневодства произошел сравнительно быстрый рост экономики, приводящий к социальному расслоению общества. По данным археологических исследований, подобное расслоение впервые отмечено в обществе племен Южного Урала, в районе постоянной зимовки носителей андроновской культуры, в котором был раскопан целый ряд курганных захоронений Синташта и Аркаим с явными признаками социально-экономической дифференциации. Эти курганные захоронения, относящиеся ко второй четверти II тысячелетия до н.э., можно отнести к индоиранским племенам по всем показателям погребального инвентаря, поскольку в археологической литературе под арийцами понималось, обычно, подвижное скотоводческое население, оставившее под большими курганами захоронения воинов с конями, боевыми колесницами и богатым погребальным инвентарем. Действительно, с подобными находками оказались курганы, исследованные между реками Урала и Тобола (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51-57; Геннинг и др., 1992, т. 1; Зданович Г., 1995, с. 21-42; Зданович Д., 1995, с. 43-53; Зданович Г., Батанина, 1995, с. 54-62). Отсюда и пошло утверждение, что первоначальная прародина индоиранцев находится к юго-востоку от Уральского хребта, в котором во второй четверти II тысячелетия до н.э. формировалось индоиранское население (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 53-55).

Не отрицая факта, что районы распространения памятников Синташта и Аркаим, а также подобные им курганные захоронения Южной Сибири, Горного Алтая и Казахстана по всем показателям археологических комплексов целиком и полностью относятся к носителям андроновской культуры, целеустремленные последователи идеологии арийской проблематики всячески пытаются опровергать факты о

происхождении и развитии андроновской культуры на автохтонной основе (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51-57), хотя в свое время был доказан факт местного генезиса андроновской культуры и приведены аргументы в пользу этого факта (Формозов, 1951; Крижевская, 1970; Зданович, 1973, с. 40-41), и эта точка зрения получила всеобщее признание.

Так, К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина пишут, что «отнюдь не отрицая определяющей роли местных энеолитических культур Приуралья и Казахстана в формировании андроновской культуры, мы, однако, хотим подчеркнуть, что в памятниках новокумакского хронологического горизонта отчетливо прослеживается сильное влияние культур абашевской, многоваликовой керамики и особенно полтавкинской. Это дает основание предполагать, что стимулом для формирования андроновской культуры явился западный импульс» (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51). Далее они пишут, что «если правильно наше предположение о роли западного импульса и полтавкинского субстрата в становлении андроновской культуры, то оно имеет принципиальное значение для решения индоиранской проблемы (Смирнов, Кузьмина 1977, с. 52). Они отметили, что индоиранцы вели пастушеский образ жизни (Geiger W., 1882; Oldenberg H., 1894), что «боги индоиранского пантеона носят эпитеты «владыка обширных пастбищ», «посылающий прекрасноконное богатство»; в обращенных к богам молитвах их просят оросить пастбища, даровать коней и быков; в жертву им приносят коней, быков и баранов; боги изображаются едущими на конных колесницах; бог - творец Тваштар считается первым строителем колесниц», и подобные эпитеты, характерные для индоиранцев, и делают вывод, что скотоводческое население Южного Урала - это и есть арийцы.

Если это так, не исключено, что арийцы первоначально были не ираноязычными, а тюркоязычными. Когда арийцы во второй половине II тысячелетия до н.э. пришли в Иран через Среднюю Азию (другая часть через Кавказ), их тюркский язык в преобладающей языковой среде местного населения был поглощен, и пришлый народ скоро начал говорить на иранском языке. В качестве завоевателей предводители пришлого народа возглавили сначала Мидийское и затем Ахеменидское государства и начали усиленное обожествление Ахеменидских царей и отрицание личности Заратуштры, как пророка зороастризма. Когда ахеменидские цари говорили, что они истинные арийцы, то

видимо, они имели в виду свое арийское происхождение, т.е. по тогдашним меркам наделенные правом властвовать над другими. Именно, в этом ракурсе, на мой взгляд, они себя считали арийцами.

Таким образом, арийцы - это наиболее богатая часть степного населения, которая по образу жизни являлась военизированной конной верхушкой кочевников, и в этническом плане - они древнейшие тюркоязычные племена. Их исконной родиной всегда были просторы степей, способствовавшие формированию отчаянного характера и подвижного военизированного образа жизни населения. Таковыми были тюркоязычные племена - носители андроновской культуры - обитатели Великой степи.

Трудно представить, что по данным письменных источников, в период гуннской империи где-нибудь сохранился бы кусок земли, куда бы не достигала нога тюркоязычных племен; в период Тюркского каганата районы распространения носителей андроновской культуры не зря были названы Тюркской степью, в средних веках - Кипчакской степью, а в период позднего средневековья - Страна кочевых узбеков. Например, историком Хамидуллахом Казвини (1281-1350) территория «Дашти кипчак» была названа «мамлакати узбек» или «улуси узбек», а Аль-Калкошанди (умер в 1418 г.) их царя называет «малика билад узбек», т.е. «царь страны узбеков». В исторических сочинениях Низамиддина Шами (умер в 1404 г.), Шарифиддина Али Язди (умер в 1454 г.), Абдураззак Самарканди (1413-1482) и Хандамира (1475-1535) имеются ценные сведения об узбеках. Например, Низамиддин Шами в повествованиях о приходе Тохтамиша в Самарканд пишет, что «Темур отдал Тохтамишу области Отрара и Саврона, и отправил его туда. Спустя некоторое время сын царя узбеков Урусхана Кутлук Буга совершил набег сюда и ограбил население. Когда Тохтамишхан предал Темура, огорченный владыка Турана в 1389-1390 годах организовал на него военный поход. Когда войска Темура дошли до местности Сарик Узена, собравшись, его найоны и эмиры советовали ему, что, если сперва раздавим войска Анка Туры из военачальников Моголистанского хана Хизр худжи и ликвидируем его темные замыслы, а потом вступить на земли узбеков (диёри узбек) было бы более правильным» (Аскарлов, Ахмедов, 1994, с. 5).

Как видно из письменных источников, огромные просторы Евразии с древнейших времен вплоть до позднего средневековья счита-

лись исконными землями тюркоязычных племен и народов, на богатой кормовой базе которых во второй четверти II тысячелетия до н.э. формировались тюркоязычные арийцы.

Из вышеизложенных фактов вытекает вывод, что обширные степные просторы Центральной Азии когда-то являвшиеся владениями тюркоязычных племен и народов, в результате непрерывных межфеодалских интриг и борьбы, начиная с XVI-XVII веков, постепенно переходили в руки других народов и стали называться Южнорусской степью.

Конечно, учитывая исторически сложившуюся к нашему времени этнополитическую реальность, мы далеки от всякой мысли, которая привела бы к изменению геополитической ситуации. Наоборот, мы считаем правильной политику, которую проводит Ислам Каримов, направленную на развитие межгосударственных торгово-экономических и культурных отношений независимых стран, что является на сегодняшний день политикой разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
2. Рахманов Н. Турк хольонлиги. Тошкент, 1993.
3. Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ, XXVI, 1957.
4. Дьяконов И.М. История Индии. М.-Л., 1956.
5. Бернштам А.Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности // КСИЭ, XXVI, 1957.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
7. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете археологических открытий // М., 1977.
8. Гениинг В.Ф., Зданович Г.Б., Гениинг Б.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
9. Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация. Челябинск, 1995.
10. Зданович Д.Г. Могильник большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1995.
11. Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» - укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII-XVI вв. до н.э. на Южном Урале. Челябинск, 1995.
12. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК, XXXIX, 1951.
13. Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
14. Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. № 12. Свердловск, 1973.
15. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
16. Oldenberg H. Die Religion des Veda. Berlin, 1894.
17. Асларов А., Ахмедов Б. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи (дастлабки мулоқазалар) // «Ўзбекистон овози» газетаси, 1994 йил, 20 январ.

A.A. Askarov

ABOUT ORIGINAL LAND (MOTHERLAND) OF SETTLING OF ANCIENT TURKISH-TRIBES

The article according to archaeological and written sources shows that the territory of settling of ancient turkish peoples is not limited only with Altay mountains region. It occupies the large spaces, settled by turkish-spoken tribes of andronian culture including southern-russian steppes.

Б.Б. Туйчибоев

"ҚАДИМИЙ УСТРУШОНА" ХУДУДИ ТАРИХИЙ ТОПОГРАФИЯСИ МУАММОЛАРИ ХУСУСИДА

(мил. ол. VII - мил. эранинг IV асрлари)

Марказий Осиё халқлари тарихидаги муҳим тарихий воқеалар билан боғлиқ тарихий жараёнлар кечган Уструшона худудининг қадимий даврда қандай номланганлиги бугунги кунда фанда номаълумдир. Тадқиқотчилар томонидан шартли равишда «қадимий Уструшона» худуди деб номланиб келаётган бу худуд бугунги кунда қадимий аждодларимизнинг ўзига хос, бой ва беткарор маданияти ҳақида қизиқарли маълумотлар бериб келади. «Қадимий Уструшона» худуди тарихини ўрганишга қаратилган тадқиқотлар бир қанча йўналишларда олиб борилаётган бўлиб, улардан бири худуднинг тарихий топографияси масаласи муаммосидир.

Тарихий манбалар (ёзма ва архелогик) маълумотлари ва сўнгги йилларда юқоридаги муаммонинг тадқиқотчилар томонидан ўрганилиши жараёни таҳлиliga комплекс асосда, тарихшунослик нуқтаи назаридан ёндашиш бугунги кунда долзарб бўлиб келаётган бу муаммонинг ечимида муҳим аҳамият касб этиши мумкин деб ўйлаймиз. XX асрнинг 50-йилларидан бошлаб тадқиқотчилар В.Ф. Гайдукевич, О.И. Смирнова, Н.Н. Негматов, Ю.Ф. Буряков, Т.В. Беляева, А.А. Грицина, М.Х. Пардаев ва бошқалар томонидан худуднинг қадимий даврига оид бир қатор ёдгорликларда олиб борилган тадқиқотлар натижалари муаммони ўрганишда асосий манба бўлиб хизмат қилади. Хусусан, бу тадқиқотчилар томонидан Нуртепа (мил. ол. VII-V асрлар), Хўжанд (мил. ол. VI-IV асрлар), Хонтепа (мил. ол. V-III асрлар), Муғтепа (мил. ол. IV-I асрлар), Қалиятепа (мил. ол. III -II асрлар), Мунчоктепа (мил. ол. I -мил. II асрлар) ёдгорликларида олиб борилган тадқиқотлар натижалари юқоридаги муаммо юзасидан қатор қизиқарли фикр мулоҳазаларга сабаб бўлди. Шу ўринда асосий қисми 1980-

1990 йилларда аниқланган Каллахона (мил. ол. VI - I асрлар), Чиғмойтепа (мил. ол. VI-III асрлар), Уяс (мил. ол. VI-IV асрлар), Мунчоктепа (мил. ол. IV-мил. ол. XII асрлар), Бахмалтепа (мил. ол. IV-I асрлар) ёдгорликлар ҳам бу муаммоларнинг ўрганилишида муҳим ўрин тутди.

Юқорида таъкидлаганимиздек, тадқиқотчилар фаолиятида "қадимий Уструшона" худуди тарихий географияси, тарихий топографияси муаммоларини ўрганиш муҳим ўрин тутиб келди. Тарихий манбалар (ёзма ва моддий манбалар) маълумотлари таҳлили асосида юқоридаги муаммо юзасидан олиб борилган тадқиқотлар жараёнида сўнгги йилларда маълум даражадаги муваффақиятлар қўлга киритилганлигини кўришимиз мумкин. Бу тадқиқотлар Н.Н. Негматов, Ю.Ф. Буряков, У.П. Пўлатов, А.И. Билолов, Т.В. Беляева, А.А. Грицина, Н.Т. Раҳимов, М.Х. Пардаев ва бошқаларнинг илмий фаолиятлари мисолида кўзга ташланади. Тадқиқотчилар томонидан бу муаммо юзасидан олиб борилган тадқиқотлар жараёнида жалб этилган ёзма (юнон, рим) манбалар асосан А. Македонскийнинг юришлари билан боғлиқ воқеалар тасвири берилган милoddан олдинги IV-II асрлар ва бу даврдан олдинги Эрон Аҳамонийлари ҳукмронлиги даври хусусидаги айрим маълумотлар билан чекландилар. Тадқиқотларда фойда-ланилган манбаларнинг асосий қисмини эса худуднинг қадимий даврига оид бўлган қатор ёдгорликларда сўнгги йилларда (50-90 йиллар) олиб борилган археологик тадқиқотлар натижалари ташкил этади. Бу илмий тадқиқотларда тадқиқотчиларнинг асосий диққат эътибори энг қадимги ва қадимги даврда мавжуд бўлган шаҳар ва манзилгоҳлар ўрнини аниқлаш

асосида "қадимий Уструшона" худудининг тарихий топографиясини ўрганишга қаратиб келинди. Бизнинг мақсадимиз эса масаланинг ўрганилиш жараёнига тарихшунослик нуқтаи назаридан ёндошиб, олиб борилган бу тадқиқотлар натижалари асосида худуднинг тарихий географик топографияси муаммосининг ўрганилишининг бугунги кундаги аҳволини ва даражасини ёритишдир.

Антик давр (юнон, рим) муаррихлари Эрон Аҳамонийлари сулоласи вакили Кир томонидан энг қадимги даврда худуднинг шимолий чегараларини ҳимоя қилиш мақсадида қурилган етти шаҳар ҳақида маълумот берадилар. Тадқиқотчилар бу маълумотлар хусусида фикр юритар экан, унга археологик тадқиқотлар асосида аниқлик киритиб, ҳақиқатда бу даврда худудда шаҳарлар сони кўпроқ бўлганлигини таъкидлайдилар (1).

А. Македонскийга қарши кўзғолон кўтарган етти шаҳардан (фақат иккитасининг номи - Кирополь, Газалар ҳақида ёзма манбалар маълумот бериб, қолганлари Бага ва Хватаг (Нуртепа) ларнинг номлари тадқиқотчилар томонидан қилинган тахминлар асосида номланади ва уларга қарши олиб борилган юриш йўналишлари ҳақида маълумот берадилар. Бу маълумотлар тарихий топография масалаларини ўрганишда асосий манба сифатида муҳим ўрин тутиб келади. Бу масалада илмий изланишлар олиб борган барча тадқиқотчиларнинг худуднинг қадимий даври тарихий топографиясини ўрганишда асосан юнонларнинг кўзғолончи шаҳарларга қарши юриши йўналишини аниқлаш нуқтаи назаридан ёндашганликларини кўришимиз мумкин. Бу юриш йўналишининг бошланғич ва сўнгги нуқталари ўрнини илмий жиҳатдан исботлаш, ёзма манбаларда тилга олинган шаҳарларнинг жойлашган ўрнини аниқлашда асосий ўқ негизни кўрсатиб бериши билан бирга худуднинг тарихий топографияси масаласидаги бошқа қатор муаммоларни ҳам ечиб бериши мумкинлиги ҳеч кимга сир эмасдир. Аммо муаммонинг ўрганилиши жараёнида бу юриш масаласида тадқиқотчилар ўртасида бугунга қадар ягона фикр бўлмай, турли мулоҳазалар билдирилмоқда. Тадқиқотчилар бу масалани ўрганар эканлар, қуйидаги йўналишларни тақлиф этганликларини кўришимиз мумкин:

Н.Н.Негматов: Хўжанд (Чекка Александрия) - Ширин (Куркат)- Газан-Дарак (Газа) - Вагат (Бага) - Ўра-Тепадаги Мугтепа (Кирополь) (2).

Т.В.Беляева: Румон қишлоғи (юнонларнинг чодирли лагери)- Хўжанд (Газа, кейинчалик Чекка Александрия) - Нов атрофидаги ёдгорликлардан бири (Бага) - Нуртепа (Кирополь) (3).

Ю.Ф.Буряков, А.А.Грицина: Хўжанд (Чекка Александрия)- Нов атрофидаги ёдгорлик (Газа) - Куркат (Ширин) - Нуртепа (Киропол эҳтимоли бор)- Сават (Хонтепа ёдгорлиги) (4).

Бу тадқиқотлардан кўриниб турибдики, юриш йўналишларининг бошланғич нуқтаси барча тадқиқотчиларда деярли бир хил, яъни Хўжанд шаҳри ўрни сифатида белгиланади. Аммо унинг сўнгги нуқтаси, аниқроғи Кирополь шаҳрининг ўрни муаммонинг ўрганилишида тадқиқотчилар ўртасида ҳамон баҳсларга сабаб бўлиб келмоқда.

Қуйида биз ўз эътиборимизни ёзма манбаларда тилга олинган худуддаги қадимий шаҳарларнинг жойлашиш ўрни масаласини ўрганилиш тарихига қаратмоқчимиз.

Юқорида таъкидланганидек, тарихий топография масаласи муаммолари юзасидан илмий изланишлар олиб борган барча тадқиқотчилар фаолиятида, ёзма манбаларда А. Македонский томонидан Сирдарё (Танаис) бўйида 17 (баъзи манбаларда 20) кун ичида барпо этилган ва **Чекка Александрия** деб атала бошланган шаҳар, асосий бошланғич мўлжал нуқтаси қилиб олингандир. Бу шаҳар ўрнини аниқлаш юзасидан илмий омма ўртасида 200 йилдан ошиқроқ вақт мобайнида давом этиб келаётган баҳслар ва тадқиқотлар жараёнини кузатар эканмиз, уларнинг барчасида билдирилган фикрлар бир-бирига яқин бўлиб келганлиги кузатилади. Яъни уларнинг барчасида Чекка Александрия Хўжанд (эски Ленинобод) атрофида жойлаштирилади. Бу тахминлар асосида билдирилган фикрлар Н.Н. Негматов, А.И. Биллов, Т.В. Беляевалар томонидан 50-80 йиллар оралиғида Хўжанд шаҳри аркида олиб борилган қазув тадқиқот ишлари натижасида узил кесил ҳал қилинди деб айтишимиз мумкин (5). Бугунги кунда Чекка Александрияни Хўжанд ўрнига жойлаштириш фикри кенг илмий омма томонидан исботланган масала сифатида тан олиниб келинмоқда (6).

Ёзма манбаларда тилга олинган худуддаги энг йирик ва муҳим аҳамиятга эга бўлган **Кирополь** шаҳрининг жойлашган ўрни масаласидаги тортишувлар илмий адабиётларлар XIX аср сўнгидан бугунги кунга қадар давом этиб келмоқда. Биз бу тортишувлар жараёнининг иккинчи босқичи, хусусан худудда археологик

тадқиқотлар бошланган XX асрнинг II-ярми, хусусан 50-90 йиллар даврини кўриб чиқамиз.

50 - йилларда Н.Н. Негматов бу масала юзасидан ўзидан олдинги тадқиқотчилар фикрларини ва ёзма манбалар маълумотларини таҳлил этар экан, тадқиқотчилар ўртасида бу масала юзасидан бир неча хил фикрлар мавжуд эканлигини таъкидлаб ўтади. Муаллиф бу фикрларни а) Кирополь - Шахристон /В. В. Бартольд/; б) Кирополь - Куркат (Ширин) /В.Чейлитко/ ; в) Кирополь - Ўра-Тепа /В. Томашек, В. Шварц ва бошқалар/) ўрганиб чиқиб, уларнинг ичида "Киропол - Ўра-Тепа" фикрини қувватлайди (7). Аммо бу тахминлар ўша даврда ҳали моддий манбалар асосида исботланмаган фикрлар эди. 50-60 йилларда Шахристон посёлкасида (Қалаи Қахқаха) олиб борилган археологик тадқиқотлар ёдгорликнинг бизни кизиқтираётган даври ҳақида маълумотлар бермайди (8). "Киропол - Куркат (Ширин)" фикрига ҳам сўнгги йилларда Ширин шахристонидан олиб борилган тадқиқотлар натижасида қадимий даврга оид бой материаллар аниқланмаганлиги сабабли, тадқиқотчилар томонидан кучли рағбат кўрсатилмаганлигини кўришимиз мумкин. А.А.Грицина "Киропол - Куркат қишлоғи атрофи" фикри юзасидан баъзи мулоҳазалар билдириб, хусусан Ширин ва сўнгги йилларда аниқланган Чигмойтепа шахристони бу масалада янги маълумотлар бериши мумкин деган тахминларни билдиради (9).

Киропол шаҳри ўрнига даъвогарлик қилаётган Муғтепа (Ўра-Тепа) ёдгорлигида 60-йилларда олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида милoddан олдинги IV-II асрларга оид маданий қатламлар аниқланди (10). Аммо Н. Негматов ва бир қанча бошқа тадқиқотчилар томонидан қайта-қайта "Киропол - Муғтепа" фикри таъкидлаб келинганлигига қарамай (11), Муғтепа ёдгорлигида 70-80 йиллар давомида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижалари бу ерда қадимий шаҳар белгиларини бермаётганлиги, ҳозирга қадар бу масалани очиқ қолдиришга сабаб бўлмоқда (12).

Бошқа бир тадқиқотчилар эса Н.Н. Негматовнинг "Киропол -Муғтепа" фикрига нисбатан бетараф муносабат, яъни инкор этмаган ҳолда, тўла қўшилмай ҳам келмоқдалар (13).

1980-йилларда аниқланган Нуртепа ёдгорлигининг ўрганила бошланиши билан тадқиқотчилар ўртасида "Киропол - Нуртепа" фикри пайдо бўлмоқда. Асосан Т.В. Беляева томонидан билдирилаётган бу фикрни,

тадқиқотчи ёдгорликнинг бу даврга оид бошқа ёдгорликларга нисбатан анча йириклиги (18 га), йирик шаҳар белгиларининг сақланиб қолганлиги (шаҳарнинг мудофаа деворлари, арк, маъмурий иншоотлар ҳаробалари) ва ёзма манбалар маълумотларига мос келишига асосланиб тақлиф қилади (14). Шу сабабли сўнгги йилларда тадқиқотчилар ўртасида бу фикрга нисбатан хайрихоҳлик майли сезилмоқда (15). Шу билан бир вақтда бу муаммо хусусида ўз мулоҳазаларини билдирган А.А. Грицина, ёзма манбалар юнон қўшинларининг кўзғолончи шаҳарларга қарши юришда иккига бўлинганлиги ҳақидаги маълумотларга асосланиб, Т.В. Беляеванинг фикрига нисбатан бироз шубҳа ҳам билдиради (16).

Кўриб турганимиздек, бугунги кунда "қадимий Уструшона" худуди тарихий топографияси муаммосидаги муҳим нукталардан бири бўлиб ҳисобланувчи Киропол ўрнига даъво қилаётган қуйидаги фикрларни кўришимиз мумкин: а) Киропол - Ўра-Тепа (Негматов Н.Н.); б) Киропол - Куркат қишлоғи атрофидаги ёдгорлик Ширин, Чигмойтепа (Грицина А.А.). Барча тадқиқотчилар ҳам бу муаммо хусусида ўз фикрларини ёзма ва моддий манбалар асосида исботлашга ҳаракат қилсаларда, бизнингча юқоридагилар ҳозирча муаммонинг ечимида якуний хулоса бўлиб хизмат қила олмайди деб ўйлаймиз. Шу сабабли муаммонинг узил-кесил ечимини келажакда ёдгорликларда давом эттирилиши лозим бўлган археологик тадқиқотлар ва муаммонинг махсус ўрганилишига бағишланган тадқиқотларга ҳавола этиш мақсадга мувофиқ бўлади деб ўйлаймиз.

Тарихий топографик тадқиқотлар жараёнида давомли баҳсларга сабаб бўлиб келаётган навбатдаги муаммолардан бири, ёзма манбаларда тилга олинган **Газа** шаҳрининг ўрнини аниқлаш бўлиб келди. XIX аср сўнгидан бошланган тадқиқотлар жараёнини кузатар эканмиз, бу масалада тадқиқотчилар томонидан бир қанча мулоҳазалар билдирилганлигини кўришимиз мумкин. Булар "Газа - Жиззах" (В. Томашек, М.С. Андреев); "Газа - Нов атрофи" (Ф. Шварц); "Газа - Газан-Дарак" (В. Григорьев, В.В. Бартольд). 1950-йилларда Н.Н. Негматов бу масала юзасидан юқорида билдирилган фикрларни ўрганар экан, "Газа - Жиззах" ва "Газа - Нов атрофи" фикрларига нисбатан "Газа - Газан-Дарак" фикрини қувватлаган эди (17).

Тадқиқотчилар ёзма манбалар маълумотлари таҳлил асосида кўзғолончи шаҳарларга қарши бошланган юришда юнонларнинг йўлидаги илк

шаҳар Газа бўлганлигини таъкидлайдилар (18). Масалани ўрганишда юзага келган вазиятга юқоридаги фикр асосида ёндашиладиган бўлса, ўз-ўзидан олдин билдирилган "Газа - Жиззах" ва "Газа - Газан-Дарак" фикрлари аҳамиятининг камайганлигини кўришимиз мумкин. Чунки ҳар иккала манзил ҳам Хўжанд ўрнига жойлаштирилаётган Чекка Александриядан анча узоқ масофада жойлашгандир. 1970-1990 йилларда ҳудуднинг қадимий даври археологик харитасини ўрганиш жараёнида ҳам Газа шаҳрининг жойлашган ўрнини аниқлаш муаммоси тадқиқотчилар этиборидан четда қолмаганлигини кўрамиз. Т.В. Беляева қадимий Хўжанднинг қуйи қатламларига оид сопол комплексининг таҳлили асосида "Газа-Чекка Александрия - Хўжанд" фикрини билдиради (19). А. А. Грицина Т. В. Беляеванинг Газани Хўжанд ўрнига жойлаштириш тўғрисидаги фикрини инкор этган ҳолда, уни Нов атрофидан, бу ерда жойлашган икки ёдгорликнинг бирдан қидиришни таклиф этади (20). Шундай қилиб, бугунги кунда Газа шаҳрининг ўрни масаласида икки хил фикр: Т.В. Беляеванинг "Газа - Чекка Александрия - Хўжанд" ва А.А. Грицина томонидан қувватланаётган биз ҳам ўз ҳайрихоҳлигимизни билдирган "Газа - Нов атрофидаги ёдгорликлар" фикрлари мавжуддир. Кўпроқ тахминларга асосланган бу фикрлар, муаммони ўрганишда келажакдаги махсус тадқиқотлар натижасида ўз ечимини топади деган умиддамиз.

Кўзғолончи шаҳарлардан навбатдагиси **Багадир**. Бу шаҳарнинг жойлашган ўрнини аниқлаш йўналишидаги тадқиқотлар жараёнида ҳам тадқиқотчилар томонидан билдирилган турли фикрларни кўришимиз мумкин. 1950-йилларга қадар тадқиқотчилар ўртасида бу масала юзасидан "Бага - Зомин" (В.Томашек), "Бага - Фагкат (Вагкат)" (П.С. Скварский, И.Кастанье) фикрлари мавжуд эди. 1950-йилларда Н.Н. Негматов ўзидан олдинги тадқиқотчилар томонидан билдирилган "Бага - Зомин", "Бага - Фагкат (Вагкат)" фикрларини ўрганиб чиқиб, иккинчи фикрга қўшилганлигини билдиради (21). Аммо кейинги йилларда, хусусан ҳудудда янги археологик ёдгорликлар аниқланганидан сўнг ҳам бу му-

аммо тадқиқотчилар этиборидан бир оз четда қолганлиги кузатилади. Фақат 90-йилларга келиб бу муаммо юзасидан Т.В. Беляева томонидан билдирилган "Бага - Нов атрофи, аниқроғи Оксудан чиқарилган қадимий канал бўйида" фикрини кўришимиз мумкин (22).

Қолган уч шаҳарнинг жойлашган ўрни хусусида 1950-1960 йилларга қадар олиб борилган тадқиқотлар жараёнини кузатар эканмиз, қуйидаги тасвирни кўришимиз мумкин: "Сабат, Шавкат, Ховас" (В. Томашек); "Сабат, Зомин, Шахристон" (В.В. Григорьев); "Нов, Ўра-Тепа оралиғи ва Искандар қишлоғи" (Ф. Шварц); "Беговат, Қизил Лангар, Хитойризо атрофлари" (Н.Н. Негматов) (23).

1970-1980 йилларда А.А. Грицина археологик манбалар асосида кўзғолончи шаҳарларнинг энг охиригисини Сабат яқинидаги Хонтёпа ёдгорлигида жойлашганлиги ҳақида фикр билдиради (24).

Хулоса қилиб шуни айтишимиз мумкинки, "қадимий Уструшона" ҳудуди тарихий топографияси муаммолари хусусида олиб борилган тадқиқотлар натижасида мутахассислар томонидан бир қатор салмоқли ва илмий асосланган фикрлар билдирилиб келинаётганлигига қарамай, бизнингча бу мулоҳазалар муаммонинг тўла ечими сифатида хизмат қила олмайди.

Юқорида таъкидлаб ўтганимиздек, юнон-македон кўшинларининг кўзғолончи шаҳарларга қарши юришининг бошланғич нуктаси бўлиб хизмат қилувчи Чекка Александрия шаҳри ўрнининг аниқланиши муаммонинг ечимида муҳим ўрин тутаяди. Аммо бу масалани ўрганишда асосий таянч нукта бўлиб хизмат қилиши мумкин бўлган, лекин ҳозирга қадар муаммоли бўлиб келаётган Киропол шаҳрининг ўрни муаммонинг ечимида алоҳида аҳамият касб этиши ҳеч ким учун сир эмасдир. Чунки, юнонларга қарши кўтарилган кўзғолоннинг маркази бўлган Киропол шаҳри, деярли барча ёзма манба маълумотларида бошқа шаҳарларга нисбатан асосий мўлжал сифатида тилга олинганлигини кўришимиз мумкин. Шу сабабли айнан юқоридаги масаланинг ечилиши бошқа шаҳарларнинг ўрнини аниқлашда асосий ечим нукта бўлиб хизмат қилишига шубҳа йўқдир.

АДАБИЁТЛАР

1. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. - Сталинабад, 1957.С.22.; Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. - Ташкент, 1990. С. 9.
2. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье..., с.31; Негматов Н.Н. Культура первобытной эпохи Таджикистана // Таджикистан на пути к урбанизации. Душанбе, 1982, с. 81-82.
3. Беляева Т.В. К исторической топографии городов Уструшаны // Древняя и средневековая археология Средней Азии. - Ташкент, 1990, с. 76-85.

4. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники Северной Уструшаны // ОНУ, 1989, №7, с.44; Грицина А.А. Археологические памятники ... , с.14-17.
5. Негматов Н.Н. О работах Ходжендско-Уструшанского отряда в 1955 г. // Труды АН ТаджССР. Т.63, 1956, с.33-34; Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты // АО 1976 г. М., 1977, с.568; Негматов Н.Н. Ходжент. Основные этапы истории // Исследования по истории и культуре Ленинабада. - Душанбе, 1986.
6. Кошеленко Г.А. Уструшана. Средняя Азия в античную эпоху // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии //Археология СССР. М., 1986, с.293; Гафуров Б.Г. Таджики..., Душанбе, 1989, с.120; Грицина А.А.. Археологические памятники ..., с. 14-16.
7. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннесредневековье..., с.17-20.
8. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. - Душанбе, 1966.
9. Грицина Г.Г. Археологические памятники ..., с.16.
10. Ранов В.А., Салтовская Е.Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. VII. Душанбе, 1961, с.108-128; Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII. - Душанбе, 1962, с.69-89.
11. Негматов Н.Н. Культура первобытной эпохи Таджикистана ..., с.81; Негматов Н.Н. Некоторые проблемы археологии Северного Таджикистана и Средней Азии // АРТ. Вып. XX. - Душанбе, 1987, с.286-287 ва бошқалар.
12. Рахимов Н.Т. История Ура-Тюбе по археологическим данным // Автореф. дис. канд. ист. наук. - Самарканд, 1989.
13. Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тыс. до н.э. - XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф. канд. ист. наук. - Самарканд, 1990, с.16.
14. Беляева Т.В. К исторической топографии городов Уструшаны ..., с.82-84.
15. Грицина А.А. Северная Уструшана ..., с.16.
16. Грицина А.А. Уструшанские были. - Ташкент, 2001, с.54.
17. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье, с.20-21.
18. Беляева Т.В. Керамика Ходжента как исторический источник // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992, с.25-26.
19. Беляева Т.В. Керамика Ходжента как исторический источник ... , с.25-26.
20. Грицина А.А. Археологические памятники ..., с.15-16.
21. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье ..., с.22.
22. Беляева Т.В. К исторической топографии городов Уструшаны ...
23. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье..., с.22.
24. Грицина А.А. Археологические памятники ..., с.16-17.

B.B. Tuychibaev

THE PROBLEMS ON HISTORICAL TOPOGRAPHY OF ANCIENT USTRUSHANA TERRITORY

The article informs about concise survey of analytical study questionable historical topography of ancient Ustrushana territory.

Conclusion of researches in this direction on the origin of archaeological materials from ancient Ustrushana monuments during years. In the sphere of study of historical topography of ancient Ustrushana territory the vast works were done especially questions about locations of Alexandria, Eshatia, Kiropol and other ancient ustrushanian settlements.

К. Абдуллаев

АСК ИЗ ПАЕНКУРГАНА

К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии

Целью настоящего сообщения является введение в научный оборот керамической формы, которую можно назвать уникальной для гончарного искусства Средней Азии. На примере этого сосуда можно наблюдать, как изменяется облик чисто греческой посуды под влиянием местной традиции. Но прежде чем приступить к анализу этого сосуда, представляется целесообразным сказать несколько слов об обстоятельствах его находки.

Археологические работы на Паёнкургане в 2000 году были продолжены с целью изучения архитектурно - планировочной структуры памятника, а также его культурных напластований. Ориентация квадратов шла по линии юг-север. В прошлом году, планомерно снимая культурные напластования, мы дошли до слоев юэчжийского времени - в частности, в квадрате № 11¹, уровень 2-го пола дал археологический материал, датированный монетой варварского Гелиокла. На этом участке мы продолжили опускаться микрослоями, выявляя последовательность культурных напластований, относящихся уже к позднеэллинистическому времени, т.е. ко второму веку до н.э. Археологический комплекс, заключенный в этих слоях, представляет различные категории находок: керамика, железные наконечники стрел, медные изделия и другие мелкие предметы. Как было уже отмечено, в квадрате № 12 мы достигли примерно того же уровня. Уровень 2-го пола в прошлом сезоне от дневной поверхности достигал 150-170 см. Уровень 3-го пола, до которого мы дошли в этом году, фиксируется на глубине 220 см. Таким образом, мощность культурного слоя между 2-ым и 3-им полами составляет 50 см. Однако следует отметить, что слои содержат

керамику, относящуюся, скорее всего, ко второму веку до н.э.

Керамика

Отличительной чертой керамики позднеэллинистического комплекса является тщательная выделка внутренней части сосуда, между тем как дно подрезано на многих экземплярах грубо и небрежно. Черепок, как правило, звонкий, плотный, глина мелкой отмучки с ровным обжигом, ангоб варьируется от темно-коричневых до кремовых, розоватых, охровых оттенков, покрытие неравномерное, а как бы размазанное. Имеются отдельные фрагменты, не покрытые ангобом, но изящно профилированные, тонкостенные, с тонким, вогнутым вовнутрь венчиком на чашах. Были встречены несколько фрагментов венчиков с клювовидной профилировкой, принадлежащих к так называемым рыбным блюдам. Встречаются отдельные фрагменты сероглиняных чаш с тщательно выделанной поверхностью и с полосчатым концентрическим лощением (по внутренней поверхности).

Между квадратами 11 и 12 в процессе расчистки бровки на глубине примерно одного метра от дневной поверхности в переложном слое, который содержал фрагменты неангобированной, но высокого качества керамики, которая встречается в более нижних эллинистических слоях памятника и красноангобированной, типичной для кушанского комплекса, был найден целый сосуд с округлым туловом и с горизонтальной, расположенной сверху ручкой, которая крепится к тулову с одной стороны и к горлу - раструбу с другой.

Довольно широкое горло-слив оформлено выраженным венчиком. Форма эта очень напоминает греческий аск, претерпевший, однако, ряд изменений. Он изготовлен на гончарном круге из грубоотмученной глины с включением

¹ План раскопа Паенкургона можно найти в научных отчетах за прошлые годы. (Архив Института археологии АН РУз г. Самарканда).

кусочков гипса, речного песка, слюды (с мелкими блестками) и шамота. Фактура поверхности сосуда неровная, рыхлая серовато-розового оттенка, сплошь покрыта толстым слоем светлого серовато-желтого ангоба, который отслоился от примерно половины поверхности. Внутренняя поверхность сосуда покрыта более тонким слоем того же ангоба.

Форма тулова имеет почти сферическую форму с усеченным плоским дном, в верхней части сфера идет на конус и заканчивается основанием ручки. Основание это как бы происходит от центра в верхней части и идет на соединение с длинным и широким, идущим на раструб горлом. Высота сосуда до основания ручки 15 см (максим. высота 19 см), длина горла 7,5 см. Диаметр горла по внешнему краю 7,8 см, плоское донце имеет диаметр 10 см. Сосуд имеет орнаментацию в виде концентрической линии, следующей по тулову сосуда до основания горла. Линия вдавлена инструментом, имеющим гладкую наконечность, так как след ровный и полукруглый. Над этой линией проходит зигзаг, который также исчезает под горловиной. По всем признакам горловина наклеена отдельно, после того как тулово было изготовлено на круге, хотя и горловина выведена на круге, судя по концентрическим линиям от вращения круга. Во всяком случае, основание горла имеет неровную, бугристую поверхность, разглаженную пальцами.

Аск или аскос в переводе с греческого означает трубка, и его типичная форма - это небольшой уплощенный сосуд с трубкообразным горлом и ручкой, прикрепленной одним концом к тулову другим - к горловине. Аски классического и раннеэллинистического периодов часто украшались фигурной росписью. Однако сама форма аска не была строго стандартна и во многом зависела от традиций гончарной школы или мастерской того или иного региона. Приведем один пример, аск из собрания Государственного музея изобразительного искусства им. А.С.Пушкина, происходящий из Южной Италии (Апулия) (Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985, с. 62, илл. 122-123) и датирующийся, как и вся группа асков из Триеста, 3-ей четвертью IV в. до н.э.; имеет также округлое тулово, но в верхней части оно как бы раздваивается, сужаясь на ручку и на горловину (см. профиль рис. 2). Интересно отметить ширину горловины-раструба - 7,9 см, почти совпадающую с паенкурганским экземпляром. Конечно же, по качеству исполнения и по художественному оформлению (краснофигурная роспись черно-

лакового сосуда с изображением эрота среди буйной растительности) они не сопоставимы. Тем не менее, форма безусловно восходит к греческому аску, который со временем утрачивает не только свою изысканную форму и декоративное оформление, рассчитанное на парадное использование, но изготавливается из обычной глины, идущей на обыденную посуду.

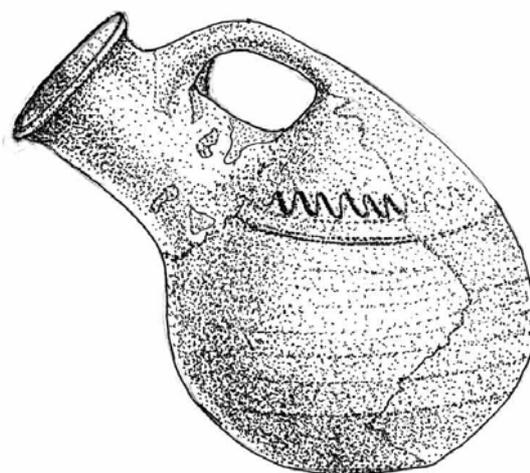
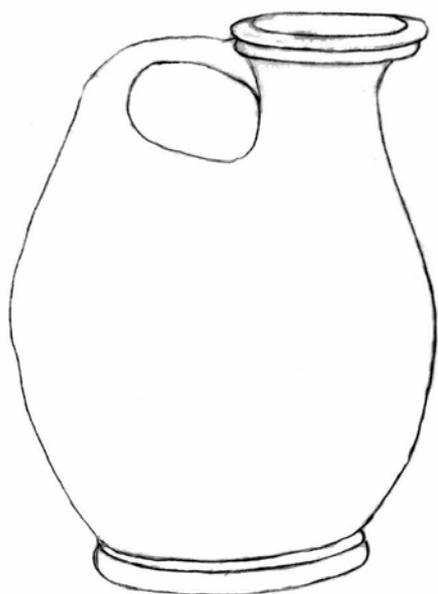

Рис. 1. Аск из Паёнкургана (уменьшено)

В позднеэллинистическое время декоративные оформления аска меняются и вместо росписи сосуд украшается рельефными композициями и орнаментом. Интересен в этой связи ряд подделок XIX века, хранящихся в различных музеях Европы и Америки, доносящихся, тем не менее, образ оригинала (Борисковская, 1974, с. 39-42; Bernard, 1987, p. 23-28, fig. 1, 4, 5). Во-первых, меняется ряд деталей в форме самого аска - горловина - раструб украшаются фестончатым краем, ручка оформляется либо в виде животного, например, льва, как это видно на подделках из музея Онтарио и музея Университета Принстон (оба из США) (Bernard, 1987, op. cit. fig. 4, 5), либо фигурой воина, как на образце из Эрмитажа (Борисковская, 1974, с. 39). Как известно, к данной группе подделок был причислен и «аск из Термеза» с многофигурной композицией на дионисийские темы, который многократно фигурировал в публикациях как подлинное произведение «Бактрийских мастеров» (Борисковская, 1974, с. 40).

Возвращаясь к аску из Паенкургана, следует отметить, что он представляет еще одну из форм греческой керамики, которая вошла в обиход местного населения Средней Азии. Интересна в этом отношении, например, греческая фиала, которая не только своим названием, распространенным среди народов Средней

Азии, но формой напоминает пиалу. Среди греческой посуды привлекает внимание своим названием также плоский открытый сосуд, правда с крышкой, лекана, который по созвучию и отдаленно формой напоминает ляган. Этот пример мы проводим здесь лишь как возможную параллель, которая, конечно же, нуждается в анализе исторической фонетики и грамматики.

При раскопках городища Афрасиаб на раскопе 2 в. был найден кратер, украшенный терракотовым налепом в виде бюста молодого человека с кудрявой шевелюрой и калафом на голове, нижняя часть бюста полускрыта листьями аканта - подобно фигурам известного рельефа из Айртама. Кратер с двумя ручками и выделенным бортиком у плечика украшен зигзагообразной линией, такая же линия, но с более мелкой волной следует по внутренней части кратера. Довольно массивное тулово сужается книзу и покоится на небольшом коническом основании. Кратер был найден в слое Афрасиаба III, который датируется в широких пределах от I в. до н.э. до II в.н.э. (Bernard, 1996, p. 360, fig. 15-16).

Как и паёнкурганский аск, кратер из Афрасиаба далек по своему художественному уровню от расписных кратеров эллинистического мира. Однако важно то, что в керамическом производстве Средней Азии и, в частности, Согда и Бактрии можно проследить эти новые традиции с их последующей эволюцией. Эти традиции были отмечены неоднократно в научной литературе (Шишкина, 1975; она же, 1974), и новый археологический материал со всей наглядностью показывает, насколько сложным и многосторонним был процесс взаимообмена и взаимовлияния в культуре Средней Азии античного периода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985.
2. Борисковская С. Об одной группе подделок античной керамики. Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX, Ленинград, 1974; P. Bernard. A propos de quelques faux dans l'histoire des cultes de l'Asie Centrale. Dans: Cultes et monu, Ments religieux dans l'Asie Centrale preislamique. Paris, 1987.
3. Bernard P. Maracanda - Afrasiab Colonie Grecque. Dans La Persia e l'Asie Centrale. Da Allesandro al X Secolo. Roma, 1996.
4. Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба. СА, 1975, № 2; Шишкина Г.В. Керамика конца IV-II вв. до н.э. «Афрасиаб» // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.

К. Abdullaev

AN ASKOS FOROM PAYONKURGAN (On the question of greek forms in Baktrian pottery)

An Askos is the subject of the present communication. It was found in ancient layer of Payonkurgan in Northern Bactria. Askos is a typical greek forme but in pottery production of Bactria it has received some new appearance. It has lost the high artistic quality and rich decoration of Hellenistic period. But at the same time amongst other greek formes which were found on the different sites of Central Asia like Crater, Amphors it indicates about penetration of greek tradition in local culture.

Г.И. Богомолов, Ш.Р. Пидаев

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАКЕТКА ИЗ СУРХАНДАРЬИ

Скудность письменных источников о быте и религиозных представлениях древнего населения Северной Бактрии заставляют с особым вниманием отнестись к археологическим источникам и прежде всего памятникам изобразительного искусства - торевтики, живописи и терракоте.

В связи с этим несомненный интерес представляет обнаруженная недавно в окрестностях городища Халчаян, участок Истиклол, терракотовая плитка-образок. Плитка обнаружена случайно. Обстоятельства и археологический контекст ее находки неизвестны. Собственно сама плакетка представляет собой небольшую арочной формы плитку из обожженной глины, размером 14x8,5 см. и толщиной - 1,5 см. Тыльная сторона плакетки имеет ровную заглаженную поверхность. Другая (лицевая) сторона несет оттиск крупного штампа. Обе поверхности еще до обжига были покрыты жидким ангобом вишнево-красного цвета. Последний местами стерт от длительного ношения плитки. На лицевой стороне край плакетки оформлен в виде невысокого бордюра-картуша. Причем по краям бордюра прочерчены прямые линии, поверхность между которыми заполнена углублениями круглой или треугольной формы. Круглые оттиски цепочной вытянуты в основании и в верхней части бордюра (арки), боковые части декорированы треугольными вдавлениями (рис. 1).

Практически все внутреннее поле занимает изображение мужской фигуры в полный рост. Персонаж безбород, у него широкое круглое лицо с выступающими скулами. В уши то ли вдеты крупные серьги, то ли сами они такие большие, что мочки касаются плеч. Глаза миндалевидной формы. Нос сплюснен в процессе оттиска в матрице, но видно, что он крупный, широкий в основании.

Рис. 1. Терракотовая плакетка из окрестностей Халчаяна

Рот - трапециевидной формы, уголки губ подняты вверх. Волосы длинными прядями развиваются как бы от легкого ветерка. В целом лицу придано свирепое выражение.

На голове персонажа необычный головной убор в виде шапки, полукруглый верх которой увенчан грибовидными навершием, а нижние поля шапки широкие и завершаются тремя загнутыми вверх углами. Кроме того, внутренний край шапки покрыт короткими вертикальными линиями, что, видимо, передает ее меховую опушку. Одет персонаж в длинный (немного ниже колен) распашной халат с длинными узкими рукавами и треугольным отворотом на груди. Борт халата тоже украшен специальным кантом из другой материи или меховой опушки. Последняя тоже передана короткими насечками. Нижняя часть халата собрана в «меандровые» складки, как бы подчеркивая плотную и

тяжелую ткань одежды. Рукава халата вверх концами - обшлагами. На талии халат стянут узким (валикообразным) поясом. Из-под полы халата на левой ноге видна часть штанины широких шаровар, скрученных и заправленных в мягкие сапоги с высоким и широким голенищем. Причем верхний край голенищ имеет косой срез, подчеркнутый нешироким валиком. На груди персонажа поверх халата надето ожерелье из крупных перлов и пальмотовидной подвески. В руках свернутый в кольцо аркан. В нижней части поля, под его ногами, изображена трава в виде отдельных завитков (рис. 2,1).

Обычно персонажи плакеток переданы статично. Они лишены динамики. В результате расхожим стало мнение, что они передают не просто изображения богов, а их наиболее популярные статуи. В нашем случае фигура персонажа полна экспрессии и динамизма. Он опирается на левую ногу, правая поднята вверх и согнута в колене - все это создает впечатление движения, когда персонаж должен вот-вот метнуть аркан. Как уже отмечалось, отсутствие археологического контекста усложняет вопросы ее датировки и атрибуции. В связи с этим важен ее детальный анализ. Еще до отжига плакетка была покрыта жидким ангобом виш-

нево-красного цвета. Подобное ангобное покрытие обычно характерно для терракотовых изделий II-III вв. н.э. С другой стороны - халат персонажа с треугольным левосторонним отворотом, характерный прием передачи глаз, наличие украшенного арочного бордюра по краю плакетки не позволяет датировать ее ранее рубежа IV-V вв. н.э. или даже V-VI вв. н.э. Своеобразным хронологическим индикатором может служить оформление бордюра плитки в виде арочки, рамка которой украшена снизу и сверху рельефными кружками, а длинные боковые стороны треугольничками вершиной вверх. Фрагментированная плитка с аналогичным оформленным бордюром найдена на Дальверзинтепа. Кстати, на ней также представлен мужской персонаж (воин) в чешуйчатом доспехе. По мнению исследователя, появление подобных образов отражает проникновение согдийских традиций в северно-западный Тохаристан в период эфталитских и тюркских завоеваний т.е. V-VI вв. Возможно, наличие такого ангоба отражало не столько технический прием, сколько имело особое значение - магическим путем оживлять изображение, т.е. вдохнуть в него кровь - жизнь.

Рис. 2. Терракотовые плакетки:
1- из окрестностей Халчаяна, 2 - с цитадели Дальверзинтепа

В целом плакетка, безусловно, входит в круг аналогичных образков-иконок, которые были широко распространены в Средней Азии (Мешкерис, 1989, с. 50-52) и в Восточном Туркестане (Дьяконова, 1961, с. 257) и изготавливались, видимо, на дереве, глине и ткани, но в силу специфики климата сохранились лишь терракотовые. Типичны размеры, арочное обрамление, прием нанесения изображения.

Вместе с тем плакетка из Сурхандарьи уникальна. Впервые образ на плакетке передает не просто витязя, а кочевника. У него необычный головной убор, который трудно связать с каким либо современным типом, т.к. отчасти он напоминает малахай, отчасти колпак - войлочную шапку с высокой (обычно конической) тульей и сильно отогнутыми четырехугольными полями. Колпак до сих пор популярен среди узбекского населения Ферганы, южных казахов и киргизов. Обычно колпак изготавливали из белого войлока, в который для усиления белизны иногда добавляли толченый мел. Видимо, единственной прямой аналогией является четырехугольный головной убор персонажа терракотовой плакетки V-VI вв., найденной на цитадели Дальверзинтепе. Только он как бы одет не на макушку головы, а на затылок персонажа, и в результате передан под другим углом, немного снизу (Древности Южного Узбекистана, 1991, с. 240, рис. 143) (рис. 2,2).

На принадлежность к кочевому миру указывают и другие элементы - халат с треугольными отворотами и узкими рукавами, сапоги с высоким голенищем, приспособленные для верховой езды и хождения по высокой траве. Наконец, аркан - грозное оружие в руках кочевника.

На пороге раннего средневековья следствием интенсивных контактов между различными народами Центральной Азии и выходом на политическую арену государство хуннов, усуней, хионитов, эфталитов, тюрков стали многочисленные культурные заимствования. Наиболее ярко, например, кочевническая мода проявилась в одежде. Даже такие мировые державы как Сасанидский Иран и Китай испытывали это воздействие. Как писал Шень Ко китайский ученный XI века «Китайская одежда и головные уборы, начиная с династии Северная Ци представляют собой варварский костюм...узкие рукава удобные для езды верхом, короткая верхняя одежда и высокие сапоги подходят для хождения по траве...» (цит. по Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 52). В другом месте он опять подчеркивал, что «куртки малинового или зеленого цвета с узкими рукавами, высокие

сапоги, пояса со свешивающимися ремешками - все это атрибуты варварской одежды» (цит. по Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 50). Именно на пороге раннего средневековья, как результат кочевнического влияния, широкое распространение получают халаты с односторонним или двусторонними отворотами - лацканами. Судя по материалам торевтики, настенных росписей, терракоте наплечная одежда такого типа была известна среди народов северной Бактрии - Тохаристана (Альбаум, 1960, с. 169), в Восточном Туркестане (Дьяконова, 1980, с. 181, 185) среди согдийцев и эфталитов (Бентович, 1981, с. 198-200). Такие же халаты обозначены на каменных изваяниях Алтая (Тувь), Монголии и Казахстана, т.е. как считают некоторые исследователи, связаны с тюркоязычными кочевниками (тюрками, уйгурами, кыргызами и т. д.). Однако столь широкое распространение не позволяет использовать их в качестве этнической привязки. В то же время, как древними авторами, так и современными исследователями в качестве отличительного признака принадлежности к варварам (т.е. кочевникам) отмечается манера ношения халата. Так, Л.Н.Гумилев именно манеру запаха халата считал ведущим фактором в определении этнической принадлежности людей, изображенных на статуэтках из Туяк-Мазара (Турфан, Восточный Туркестан), которых он относил к тюркам в связи с кочевнической манерой носить левую полу наверху (Гумилев, 1949, с. 239). Кстати, точно также запахи халаты и современное узбекское население.

Древние китайцы всегда придавали большое значение манере запаха халата, поэтому в Китае халаты с длинными узкими рукавами и левосторонним запахом, т.е. когда левая пола покрывает правую при запахе считалась варварской манерой и называлась цзожень (Сычев, 1975, с. 33). В китайской классической книге «Лунь юй» (Суждения и беседы) в эпизоде, где отмечаются заслуги Гуань Чжуна, первого министра в правлении Хуань-Гуна, основателя династии Хань говорится: «До настоящего времени мы вкушаем плоды его деяний. Если бы не Гуань Чжун, то мы носили бы волосы распущенными и запахивали халат налево», то есть были бы подчинены варварами (Сычев, 1975, с. 33).

Вместе с тем нельзя не отметить, что иногда манера запаха могла служить индикатором принадлежности к миру духов. Хотя по традиции правый запах считался одним из важнейших отличительных признаков китайца от вар-

вара, на ряде погребальных барельефов ханьского времени древние китайцы изображены в верхней одежде с левым запахом. Исследователи видят в этом отражении древнего обычая, когда потусторонний мир и вещи, относимые к нему, представлялись в перевернутом виде (в зеркальном отражении реального мира). Поэтому халат, который одевали на умершего имел левый запах и назывался си. (Сычев, 1975, с. 33-34). В цзюйяньских документах они упоминаются в связи с выдачей одежды для погребального ритуала (Крюков, Переломов, Сафронов, Чебоксаров, 1983, с. 194).

Еще одним атрибутом принадлежности к кочевнической одежде считались мягкие кожаные сапоги. Такие сапоги с острыми носами и широким голенищем имели широкое хождение в Средней Азии (об этом говорят материалы настенных росписей Балалыктепе, Варахши, Пенджикента, Афрасиаба). Причем среди многообразия их изображений высокие сапоги, явно преобладают как принадлежность воинского костюма. Так, в Пенджикенте фигуры стражей в главном помещении храма II (VI-VII вв.) обуты в высокие до колен сапоги с широкой полосой темно-красного цвета под коленями, видимо, передававшие отворот голенища (Бентович, 1980, с. 203). В том же Китае обычай носить кожаные сапоги считался результатом влияния кочевников. Шень Ко (XI в.) объясняет появление этого вида обуви тем, что «в высоких сапогах удобнее ходить по траве» (Крюков, Малявин, Сафронов, 1979, с. 15). Но в Китае в начале правления династии Тан они становятся составной частью церемониальной придворной одежды. Больше того, сапоги (особенно с высоким голенищем) воспринимались как атрибут военной одежды. Именно в таких сапогах с высоким голенищем, доходившими до колен, изображен оруженосец на терракотовой статуэтке VIII века (Крюков, Малявин, Сафронов, 1984, с. 157, рис. 37). Кстати, укороченные халаты до колен в ханьское время также носили солдаты (Крюков, Переломов, Сафронов, Чебоксаров, 1983, с. 192).

Таким образом, вся атрибутика персонажа плакетки (элементы костюма, аркан) призвана как бы подчеркнуть не только его кочевническую принадлежность, но и военный характер образа. Следует отметить, что вообще образ воителя, юноши-воина составляет едва ли не одну треть от общего числа известных на сегодняшний день плакеток. Устойчивость и популярность образа объясняется, видимо, его культовой функцией как гения-хранителя. Поэтому

культовая принадлежность плакетки безусловна, и вероятней всего, - в качестве иконки - оберега.

Вместе с тем очень важен вопрос, для какой среды изготовлялся данный предмет. Северная Бактрия - Тохаристан, как и вся Средняя Азия, испытывала в это время потрясения в связи с передвижением крупных кочевых масс, выходом на политическую арену хионитов, кидаритов, эфталитов. Как следствие этих варварских нашествий увеличивается доля синкретических культов и верований. Все это в свою очередь определяется появлением мощного архаического пласта традиционных народных верований, с одной стороны, и проникновением в религиозную жизнь некоторых нововведений под влиянием более крупных религиозных учений как христианство, а для Северной Бактрии - Митраизм и, конечно же, Буддизм - с другой. Все это происходило на фоне определенной синкритизации их с зороастрийскими (или точнее маздаяснинскими) верованиями. Еще Мегасфен сообщал об обычае «живших в Азии варваров» изображать сцены из древних сказаний на стенах своих храмов, дворцов и жилищ. Последующие письменные источники, особенно времен арабского завоевания, неоднократно указывают на наличие и поклонение изображениям божеств в среднеазиатских храмах, в отличие от Ирана, где последние Сасаниды вели упорную борьбу за их искоренение. Нередко эти изображения были антропоморфными и изготовлялись из различных материалов (золота, серебра, бронзы, дерева, алебаstra, камня и глины). Вспомним указание Наршахи, что входные двери замков бухарских кашкашонов были украшены идолами (Наршаха, 1987, с. 64). Аналогичные сведения приводит Мухаммад ибн ал-Хасан Нишапури в своей «Истории Нишапура», что во всех воротах города был изображен один ангел с мечом. Он охранял город от врагов и всякого неблагополучия (цит. по Якубову, 1996, с. 44). О широком распространении этого обычая свидетельствует сообщение ибн Факиха, что фасады дворца Марзубана Мерва были украшены четырьмя человеческими фигурами (МИТТ, 1939, с. 15). Знаменателен еще один пассаж из «Истории Бухары» Наршахи, с базара Мох в Бухаре, где два раза в год торговали идолами и царь Бухары участвовал в этом. Причем выручка только от одного дня торгов составляла более 50 тысяч дирхемов (Наршахи, 1897, с. 30-31). Видимо, здесь же продавались и небольшие иконки, которые к рубежу V-VI вв. устойчиво становятся частью

культовой обрядности. Практически все известные находки иконок - терракотовые. Они изготовлялись серийно с помощью штампа и иногда раскрашивались. Их соотношение в сравнении с аналогичными изделиями из дерева и ткани остается неизвестным в виду плохой сохранности последних в климатических условиях Средней Азии. Но на их былое сосуществование указывают находки из Восточного Туркестана, тесно связанного со Средней Азией в экономическом и культурном отношении (Дьяконова, 1961, с. 257-272). Некоторыми исследователями высказано мнение, что плакетки-иконки тиражировались на продажу бедным людям, чьи возможности не позволяют расписывать свои дома (Беленицкий, Маршак, 1976, с. 80). Вряд ли здесь следует видеть элементы социальной дифференциации общества. Все они являлись прежде всего «живописными изображениями божества». Их различие лежит в другой плоскости - росписи и статуи являлись стационарными объектами культа, а иконки - мобильными, которые, судя по потертости, постоянно сопровождали своего владельца. Скорее всего, терракотовые иконки носились в мешочках на груди или на поясе и имели более индивидуальный характер, т.е. служили амулетом конкретного человека, где изображенное божество выступало в качестве личного заступника, защитника владельца иконки, подобно христианским иконам с изображением святых. Но появление подобных иконок, видимо, отражает, с одной стороны, западные эллинистические связи с их разработанной школой коропластики, с другой - восточные. Небольшие иконки характерны для буддийского искусства. Они получили широкое распространение в Китае, где стали образцом подлинно народной культуры.

Возможно, сурхандарьинская плакетка отражает один из этапов приспособления образа местного божества для нужд буддийского культа, направленного на адаптацию учения среди местного населения. Это явление характерно для буддизма, который, утверждаясь на местной почве, широко адаптировал местные божества, объявляя их ипостасями (проявлениями) или перерождениями буддийских божеств. Общеизвестна поддержка, которую оказывала правящая верхушка Бактрии - Тохаристана буддийскому учению, но последнее при этом не было ведущим, и среди широких масс городского и сельского населения по-прежнему основными оставались местные верования.

Совершенно очевидно, что сюжет плакетки это не бытовая зарисовка мастера - керамиста и не влияние официальных догм. Хотя на предметах сасанидской терракоты известен сюжет царского охотника, вооруженного арканом. Причем в обоих случаях, исследователи отождествляют их с Шапуrom III (383-388 гг.), а через него видят связь с Бактрией - Тохаристаном. На одном из предметов он набрасывает аркан на онагра (серебряная чаша из Эрмитажа, № 5). Кстати, один конец аркана с петлей наброшен на шею животного, а другой свернут в кольцо. Во втором случае Шапуr III заарканил медведя. Интересна еще одна деталь, в состав его головного убора входит шар, точнее шар на трубочке, который как бы является вершиной его конца. Возможно, все эти элементы вовсе не случайно присутствуют в костюме Шапура III, а отражают некоторые исторические (политические) реалии. Именно он, будучи наследником престола, являлся правителем Кушаншахра (куда входила Бактрия - Тохаристан). Сасаниды придавали особую значимость этому региону в связи с экономическим потенциалом, военной угрозой - нарастающим давлением на восточных границах кочевников кидаристов, хионитов. Все это нашло отражение в изменении династической доктрины сасанидов в 80-х годах IV века. Они выводят уже свое происхождение от праведной династии Кейанидов, видимо, уподобляя себя царю Виштаспе, представителю этой полупоэтической династии, которой поддерживал Заратуштру и первым принял «истинную веру». Показательно, но именно на ранних монетах Шапура III появляется официальный царский титул - кейанид (Тревер, Луконин, 1987, с. 57).

Конечно, из этого не следует вывод о прямой параллели, так как чаши являлись предметами прокламативного искусства, и предназначались как дары (подношения), в то время как плакетка служила культовым предметом. Возможно, несколько вариантов идентификации образа. Костюм кочевника, вооруженного арканом, монголоидные черты в облике персонажа делали его легко узнаваемым для определенных слоев населения, но являлось нелегкой задачей для современного исследователя.

Одним из божеств, пользовавшихся особой популярностью среди городского и сельского населения, в том числе кочевников, являлся Митра. Он считался светоносным божеством, тесно связанным с солнцем, и в связи с этим подателем всевозможных благ, защитником всего сущего. Но прежде всего Митра почитал-

ся как божество договора, призванного охранять законность и порядок. Все это вполне могло привлекать кочевников. Тем более, что в Яштах Авесты прямо говорится о Митре, что он тот, «который раздает тучность и стада, кто дает власть и сыновей, кто дарует жизнь и спокойное существование» (Яшт, 10, 65) (Дрезден, 1977, с. 350). Изображение Митры в виде воина вполне могло принадлежать кому либо из солдат, т.к. популярность его среди воинского сословия хорошо известна и проистекает из его функции хранителя закона и порядка, «карателя неправого», а также предназначения - «воинствующего и хорошо вооруженного защитника договора». Культ Митры оказал огромное воздействие на манихейство, христианство. Во время военных кампаний Помпея (в 66-67 гг. до н.э.) митраизма получает распространение среди легионеров и широко разносится от Азии до Британии. Кстати, один из митраниумов (митрастский храм) был найден в Сурхандарье. Причем согласно митраистскому космологическому мифу Митра был рожден скалой, был найден и выращен пастухами. Поэтому изображение Митры в костюме пастуха-кочевника с веревкой (арканом) в руках было бы вполне логично. Действительно, такая трактовка образа Митры встречается в митраизме. В 1950 году в Рюкингене был открыт рельеф, на котором Митра-всадник (без нимба и лучей) изображен с арканом в руках в окружении различных животных (собаки, вепря, оленя, лошади с жеребенком и быка). Митра сжимает ногами бока коня, полуобернувшись назад, раскручивает аркан для броска (Vermaseren, 1960, p. 78-79, f. 30). Однако у персонажа плакетки все же отсутствует ряд характерных для иконографии Митры элементов - нимба, лучей или языков пламени, а также фригийского (конического, мягкого) колпака, что оставляет вопрос открытым для других предположений. Например, Вайю, в зороастрийском пантеоне это божество ветра. Отсюда крупное лицо, развивающиеся, как бы от легкого ветра, волосы и одежда. Причем еще в индо-иранскую эпоху образ Вайю-амбивалентен, т.е. имел двуединую природу, как бы ипостаси добрую и злую. Позже в маздеизме Вайю, как доброе начало, становится подателем благ. Нередко он воспринимается как небесный пастух, пригонявший на благо людям небесные стада (гучи). Поэтому вполне оправдана передача его образа в виде пастуха-кочевника с арканом в руках. Вообще восприятие Вайю в качестве воина имело глубокие корни. У многих иранских племен он считался

покровителем воинского сословия, т.к. еще в индо-иранскую эпоху как божество ветра наделялся чертами бога войны, победы и удачи. Авестийские тексты рисуют его в виде могучего воина. Иранские богатыри получают от него помощь, но в то же время он отказывает в ней Аджидахаку. Вайю - грозное божество, посредник между небом и землей, добром и злом (МНМ, т. 1, 1991, с. 209). Кстати, в текстах Ригvedы и Авесты известно еще одно божество ветра - Вато или Вадо (Вад), чей образ очень расплывчат, но функционально тесно переплетается с Вайю. Возможно, Вато, с авестийского - «дуть», «веять», в большой степени был связан с плодоносящими силами природы, и олицетворял южный ветер. Известны его изображения на кушанских монетах, где впервые он появляется на монетах Канишки 1 в виде бегущего человека с развивающимся шарфом (или веревкой) в руках. Видимо, не случайно его изображение отсутствует на золотых монетах, зато часты на медных, ориентированных на обслуживание исключительно внутреннего рынка. Все это отражает не только его положение в иерархии кушанского пантеона, но и эксплуатацию властями популярного божества среди народных масс.

В то же время настораживает свирепое выражение лица персонажа, сурово сдвинутые брови, выпученные глаза, уголки рта как бы подняты вверх, что скорее напоминает клыки. Все это придает ему демонический облик. И тут нельзя не вспомнить о злом Вайю, чьи изображения нам неизвестны. Но в авестийских текстах говорится, как он помимо того, что насылал различные беды в виде бурь, ураганов, мешал душам праведников переходить мост Чинват. И в этой функции нередко отождествлялся с богом смерти Асто Видоту (среднеперсидское Астивидад). Согласно авестийским представлениям Асто Витоду еще при рождении набрасывает на шею человека петлю - аркан. Но с шеи праведника эта петля спадает, а душу грешника дэв Визареша тащит на аркане в ад (Рак, 1998, с. 451-452). Вероятно, эти представления имеют очень древние корни и восходят еще к эпохе индоиранского единства. (т.е. к III-II тысячелетию до н.э.). Схожие представления о петлях греха (смерти) имеются в Ригведе. Здесь в гимне к Варуне говорится:

О Мудрый: под небом и землей
Обрети слух к (моей) молитве
Вверх - верхнюю отпусти нам
Посреди - среднюю петлю расслабь
Вниз - нижние, чтобы мы жили.

(цит. по Рак, 1998, с. 10)

Напомним, что бога смерти (точнее владыки царства мертвых) Яму называли «связывающим мертвецов», поэтому веревка вполне могла быть его атрибутом. Некоторые из исследователей видят в этом отражении обычая (восходившего еще к первобытной эпохе) связывать мертвеца, пытаясь придать его телу форму младенца в утробе матери-земли, с целью его последующего возрождения.

По-видимому, именно хтонический направленно объясняются демонические черты у персонажа плакетки, которая в целом служила амулетом и прежде всего была призвана защищать владельца плакетки. В этом плане в первую очередь, видимо, разрабатывались его устрашающие функции, так как людей всегда пугала мысль о смерти и неотвратимости посмертного (загробного) существования и соответственного воздаяния (наказания или вознаграждения) за определенные поступки при жизни. Поэтому владыка подземного царства мертвых наделялся функциями судьбы, выносившего приговор и следившего за его исполнением. Его могли изображать и для отпугивания, устрашения всевозможной нечисти, в частности демонов болезней. Вместе с тем, хорошо известна тенденция, когда мифологические представления переходят в фольклор, где те или иные образы могли трансформироваться до неузнаваемости. Но почти всегда владыка подземного царства мертвых, как хтонический персонаж-обладатель несметных подземных богатств, в его ведении находились клады, сокровища и, что наиболее важно для простого селения - земледельца или скотовода (более понятно и необходимо для его жизнеобеспечения) - он считался хозяином подземных водных источников, ключей, ручьев колодцев. Это давало основу представлениям о наделянии им растительности живительной влагой и воздействии на рост и плодovitость трав (злаков) и деревьев. От него зависит плодородие земли. Следы этого в переработанном виде сохранились в сказочном фольклоре многих народов, где именно владыка подземного мира обладает волшебными источниками живой и мертвой воды. Поэтому он может даровать исцеление от болезней, немощи и даже вернуть жизнь. Недаром и в авестийской мифологической традиции и в Ведах владыкой царства мертвых является Йима (Яма) - первоцарь, во времена которого человечество жило в золотом веке, не зная ни болезней, ни старости, ни смерти. Рассматривая демонологические параллели нельзя не отме-

тить еще две связи. Во-первых, упоминание среди авестийских персонажей демона Чишмак, который тоже является олицетворением ураганного ветра. В Бундахишне он описывался как вызывающий бедствия в виде разрушительного вихря (Бундахишн, XXVIII, 24). В Динкарте о нем говорится, что он почти разрушил деревню, приютившую младенца Заратуштры. Следы этих представлений сохранились в фольклоре и народных суевериях народов современной Индии и Средней Азии, где широко бытовала персонификация демонов (джинов) в виде смерчей и разрушительных вихрей. Во-вторых, любопытен в этом плане образ Айшмы, одного из главных дэвов, чье имя означало «ярость», «буйство». Как считают некоторые исследователи, первоначально, в Гатах он олицетворял набеги кочевников и связанные с ними бедствия, в «Младшей Авесте» Айшма-дэв разнузданности, недисциплинированности, греховного своеволия (Рак, 1998, с. 444). Он уничтожает стада, насылает на скотоводческие общины грабителей - кочевников - друджвантов. В то же время отсутствие нимба, устрашающие черты и поза персонажа плакетки могут быть атрибутами одного из низших божеств, объединенных в зороастризме под общим названием язаты, то есть «достойные поклонения». Правда, к их числу относились могущественные божества Митра, Ардвисура Анахита, Веретрагна, Мах но большую часть составляли мелкие божки, чьи функции неопределенны, либо приближаются к духам-покровителям. Показателен в этом плане Висья (авест. «относящийся к деревне») - специфическое божество - покровитель деревни. Это имя применялось к божеству - патрону каждой деревни, к которому обращались за специальной протекцией. Упоминается в Яштах вместе с Хавани и Савангхи. Функционально Висья, видимо, близок к божествам - хранителям (патронам местности), городов, подобно латинским богам Алаунису - богу города Алауниума или Аксимуму богу города Аксиума, либо Грамадевата (божества деревни) в современном индуизме.

Именно так, со свирепым выражением лица, гневно сжатыми бровями и в угрожающей боевой позе в буддийском искусстве Центральной Азии (VI-VIII вв.) изображались гении - хранители сторон света, стран, городов, обожествленные эпонимы местных династий, божества определенных планет или персонифицированных небесных явлений. Причем нередко они наделялись чужеземными чертами (индийскими или согдийскими), что отражало пути их

заимствования. В искусстве Китая или Восточного Туркестана эти духи - хранители чаще всего изображались в доспехах или в воинской одежде, но обязательно в величественной позе, с мужественным и грозным лицом (брови сдвинуты, на лбу морщины гнева, глаза свирепо вытаращены), черты их резки и грубы, нос крупный с гневно раздутыми ноздрями.

Рис. 3. Деревянная иконка из Восточного Туркестана

Питательной средой этих представлений были народные массы, где официальная религия часто воспринималась поверхностно. Как отмечалось, синкретичность культов на пороге раннего средневековья дополнительно обуславливалось нарастающей варваризацией духовной жизни, волнами нашествий кочевников, что способствовало всплеску мощных архаических пластов представлений. Возможно, тесные культурные и экономические контакты, близкий уровень развития, как в Средней Азии, так и в Восточном Туркестане обусловили распространение схожих явлений, в частности культа иконок, и популярность определенного блока населения стали дополнительными импульсами обращения к ним, как индивидуальному средству защиты и покровительства.

В восточном Туркестане, наряду с изображениями великих божеств (таких как Будда,

Махешвари), на иконах появляется и ряд персонажей явно среднеазиатского происхождения, среди них четырехрукий бог виноградарства. Но наиболее любопытен для нашей темы образ юноши всадника. Он одет в кочевнический костюм, сидит на коне пятнистой масти, держит чашу, к которой подлетает птица. Ряд исследователей видят в нем обожествленный образ Рустама. Хотя, это мог быть Йел - тенгри - божество удачи, защитник воинов и путников, вестник богов. (рис. 3).

Функциональную направленность подобных иконок и значение образа всадника в военном костюме помогает раскрыть тибетская легенда, приведенная Н.В.Дьяконовой (по записи А.Грюнведеля) о событиях в одном из монастырей Турфана, где говорится о внезапном появлении чудесного всадника, в доспехах, с чашей в руке и наказанием тяжким недугом настоятеля монастыря Анандасена. Последний, моля о выздоровлении, дает обет изобразить это чудесное событие. Что и было поручено монаху-живописцу, и сам настоятель собственноручно сочинил пояснение или, точнее, слово в честь всадника. (Возможно, это была иконка, аналогичная сурхандарьинской или картина). Из этого текста становится ясно, что всадник - это небожитель (дух-покровитель), один из великого сонма князей - якшей, явившийся сюда, чтобы передать милость бодхисатвы Падмапани. Причем, некогда он был князем в Персии, но затем дал обет бодхисатве Падмапани защищать веру и бороться против наваждения колдунов, призраков, вампиров. У него есть воинство - восемь полководцев-воинов, четверо из которых образуют одно крыло - тот несет палицу, знаменосец, казначей и звездочет, четверо других - второе - это тот, что держит секиру, псарь, лучник и ...арканщик. Видимо, каждый из них наделялся своими функциями в борьбе с определенными силами зла и его порождений. Подразумевалось, что все о них знают. В легенде лишь подчеркивается их общая задача - борьба против злых сил, различных наваждений, стервятников, мышей, волков, которых они, как и всякий обман, одолеют.

Таким образом, арканщик изображает духа - охранителя, призванного защищать владельца иконки от порождений злых сил и наваждения колдунов, он защитник правды и закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

2. Беленицкий А.М., Маршак А.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
3. Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным настенных росписей VI-VIII вв.)// Страны и народы Востока, вып. 22. (Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история кн. 2) М., 1980, с. 196-212.
4. Гумилев Л.Н. Статуэтка воинов из Туюк Мазара // МАЭ, т. 12, М.-Л., 1949.
5. Дрезден М. Мифология древнего Ирана (пер. с англ. И.М.Стелбин-Каменский) // Мифологии древнего мира. М., ГРВА, 1977.
6. Древности Южного Узбекистана. Токио, из. Университета Сока, 1991.
7. Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. // Труды Гос. Эрмитажа. Том. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961.
8. Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв.// Страны и народы Востока. Вып. 22. (Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история кн. 2) М., 1980.
9. Дьяконова Н.В. Иранские божества в буддийской пантеоне Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983.
10. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
11. Ильясов Дж.Я. Предметы художественной культуры // Материалы полевых исследований УзИсЭ, Вып. 2. Ташкент, 1998.
12. Ильясов Дж.Я. Шахривар в Чаганиане (изучение культурного наследия Востока)//Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб, 1993.
13. Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., ГРВА, 1979.
14. Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху цивилизационных империй. М., 1983.
15. Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в Средние века VII-XIII вв. М., ГРВА, 1984.
16. Материалы по истории туркменов и Туркмении (МИТТ) т. I, М.-Л., 1939.
17. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
18. Мифы народов мира (МНМ) Энциклопедия в 2-х томах. М., 1991.
19. Наршахи Мухаммад История Бухары. Пер. с перс. И.Лькошина. Ташкент, 1897.
20. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
21. Рак И.В. Мифы древнего и средневекового Ирана // Журнал «Нева» «Летний сад», СПб.-М., 1998.
22. Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в искусстве и литературе. М., 1975.
23. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М., 1987.
24. Vermaesen M. Mithra ee Dieu mysterieu. Editions sequoita Paris - Bruxelles, 1960.
25. Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе, 1996.

G.I. Bogomolov, Sh.R. Pidaev

The terracotta tile with the image of a warrior wearing a nomadic suit and carrying a rope comes from Surhandaria province of modern Uzbekistan. Not only the nomadic suit and the armament - the lasso but also his posture full of dynamics and expression is unique.

Even before the firing the tile was covered with cherry red slip. Such cover is traditional for the terracotta things of the II-III centuries. But at the same time the garment with triangle left-side lapel, specific method in the picturing of eyes, the presence of decorated arched edge do not allowed us to date it earlier then the end of the IV-V centuries but more probable to the V-VI centuries. The red slip might be the attempt to make the image alive with the help of magic (to insert into it blood or life)/ Cult orientation of the tile is without doubt, it served as a icon intended to save his host from evil intrigues.

Е.А. Смагулов

АМУЛЕТНЫЕ НАБОРЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА КОНЬРТОБЕ В ОТРАРСКОМ ОАЗИСЕ

Могильник Коньр-тобе расположен в 0,3-0,4 км к западу от одноименного городища, находящегося в западной части Отрарского оазиса.¹ В юго-восточной части могильника расположены несколько сильно оплывших невысоких холмов. Раскопки произведены на наиболее массивном из них.

Он имел уплощенную вершину высотой до 2,5 м и площадью в основании - 35х45 м. Расчищено около 90 погребений, расположенных в некоторых случаях вплотную друг к другу. Глубина залегания погребений колеблется от 0,4 до 1,5 м от вершины холма. Погребения совершены в прямо-угольных ямах в сырцовых склепах, имевших, видимо, кирпичные перекрытия (тип I), а также в простых прямоугольных ямах (тип II). Отдельные погребения детей-подростков совершены в хумах или крупных кувшинах (тип III). Погребения в большинстве случаев не потревожены, кости лежат в анатомическом порядке (рис.1-3).

Рис. 1. Погребение № 40

Рис. 2. Погребение № 32

У погребений I типа толщина сырцовых стен составляет 45-50 см (в один кирпич). В камеру размером 0,7-1,75х1,6-2,2 м на органическую подстилку, которая фиксируется по слою черного тлена, помещался покойник.

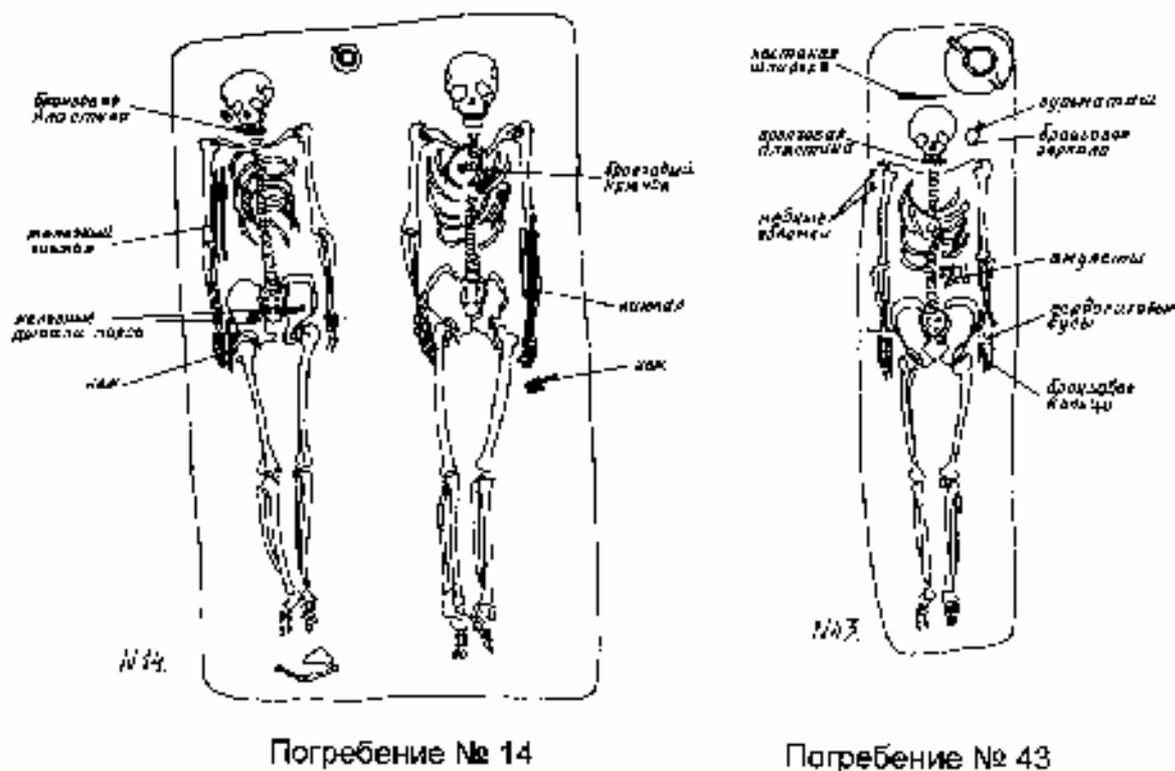

Рис. 3. Погребения № 14 и 43. Обычное размещение находок в погребении

Погребаемые укладывались на спину; руки вдоль тела, кисти рук на тазовых костях или под ними, иногда на полу. Ноги вытянуты, голени иногда перекрещены, череп лицом вверх. В изголовье или в ногах помещался керамический кувшин; иногда с кружкой, установленной на устье кувшина. Рядом находятся кости передней ноги овцы с лопаткой; чаще они находятся в ногах покойника. По погребальному инвентарю достаточно четко различимы мужские и женские погребения.

Предварительным антропологическим обследованием серии из двадцати черепов установлено, что на пятнадцати из них имеется кольцевая деформация. Из них девять мужских черепов и шесть женских.

В мужских погребениях обычно железные пряжки от поясов трех основных типов (рис. 5).

Тип 1 - простые круглые пряжки с подвижным язычком.

Тип 2 - аналогичные пряжки с железной обоймой-приемником.

Тип 3 - простые железные пряжки с рамкой подчетыреугольных очертаний.

В одном случае (погр. № 9) на костяке обнаружены два пояса с бронзовыми пряжками и бронзовыми «зигзагообразными» накладками, плотно покрывавшими часть ремня (20-25 см) у пряжки (рис. 4-3,5). Накладки крепились с помощью двух заклепок. Бронзовые пряжки встречены и в других погребениях. Они также трех типов - с подвижным приемником, с неподвижной пластиной-щитком и без этих деталей (рис. 4).

Уникальная пряжка происходит из разрушенного погребения № 14 А - круглая рамка ее выточена из зеленого нефрита, а язычок и подвижный щиток с тремя заклепками изготовлены из бронзы (рис. 4-1).

В мужских погребениях, помимо небольших железных ножей, встречающихся и в женских погребениях, найдены железные кинжалы без перекрестий и наконечий с длиной клинка около 40 см и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. В одном случае зафиксированы совершенно истлевшие костяные пластины, вероятно, накладки на лук.

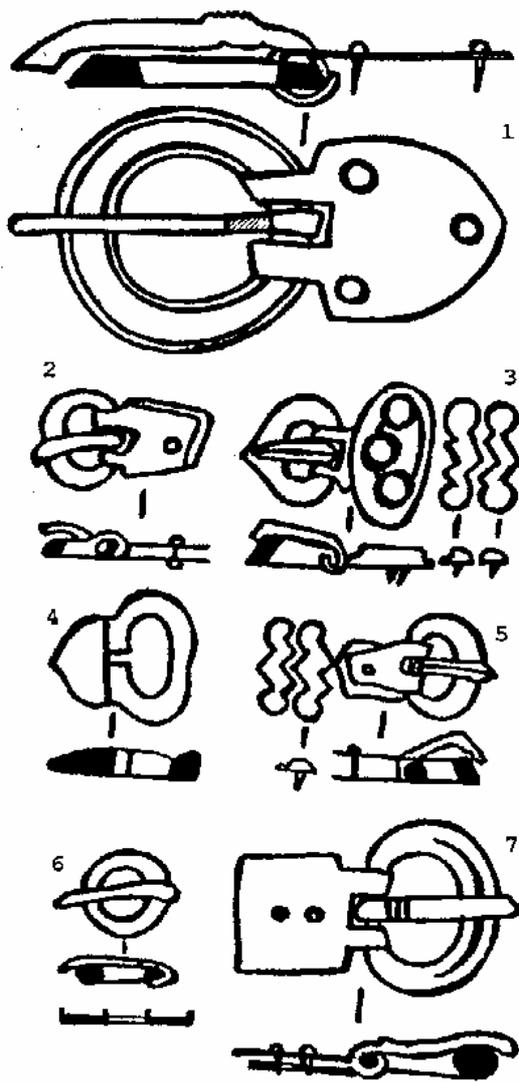

Рис. 4. Бронзовые пряжки из погребений могильника Копыртобе

Для женских погребений характерны разнообразные бусы (горный хрусталь, стеклопаста, сердолик, гагат, коралл, янтарь, керамика), находящиеся вокруг шеи и запястий рук. Встречаются палочки сурматаш с кусочками графита, бронзовые амулеты в виде фигурок козлов и бронзовые зеркала. Также встречались бронзовые шпильки для волос с головкой в виде полового составного шарика и костяные с фигурной головкой (рис. 6-8). Шпильки вставлялись в волосы с тыльной стороны, острием вперед. На шее женщины из одного захоронения некогда была бронзовая цепь с замком в виде двух колечек (рис. 8-4). Интересна серебряная подвеска - кулон (погребение № 40).

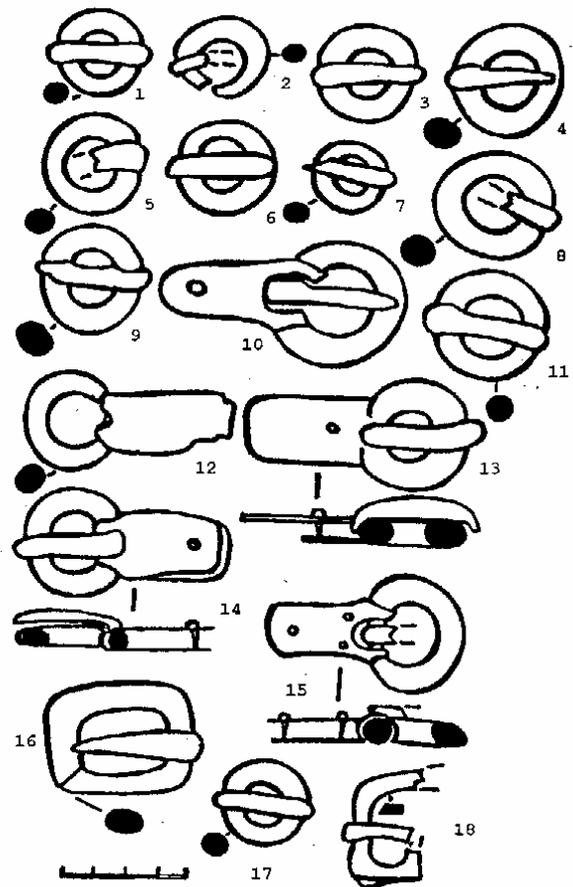

Рис. 5. Железные пряжки

Она найдена в верхней части груди, рядом две маленькие черные бусины. Подвеска овальной формы (12x15 см). В центре маленькая гранатовая вставка, обведенная пояском мелкой зерни. По краю пластины еще один ряд зерни (рис. 7-18). Отметим также еще одну бронзовую подвеску из детского погребения (№ 2). Сохранился лишь фрагмент, представляющий собой два круглых гнезда для вставок, напаянных на тонкую пластину-основу.

Детские погребения совершались в неглубоких ямах и в крупных сосудах типа кувшинов и хумчей. В некоторых случаях (погр. №№ 20, 35, 24, 9) детские погребения сопровождали женские. В детских погребениях имелись небольшие кружечки, 2-3 бусины, подвески из раковины *saugi*.

Следует отметить, что в некоторых случаях на лицевых костях черепа (обычно на нижней челюсти или под ней; во рту или поперек лица) были обнаружены тонкие медные пластины шириной 3-5 см и длиной

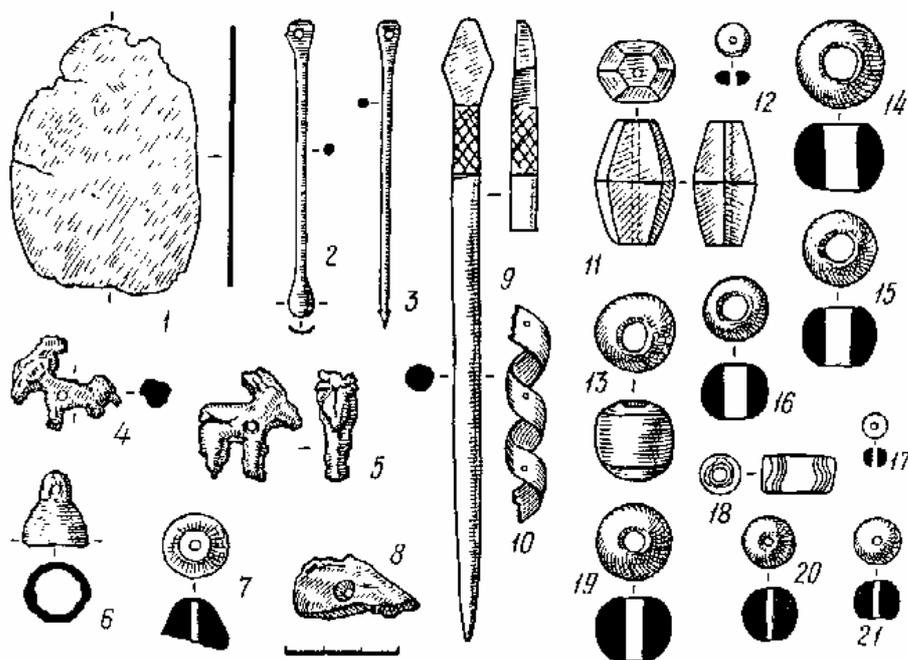

Рис. 6. Украшения из погребения № 43

8-10 см, на трех пластинах нанесены выдавливанием простейшие узоры (рис. 8-1). Вероятно, пластины были наложены на губы покойника. При этом лицо закрывалось покрывалом, поскольку на нижней поверхности пластин заметны следы истлевшей ткани.

Глиняные кувшины и кружки сопровождают более 90% расчищенных погребений. Кувшины представлены двумя типами: с носиком-сливом и без него. Первые - крупных размеров, высотой до 75-85 см., имеют покатые плечики, ручка соединяет плечико и верхнюю часть горловины. Венчик отогнут, профилирован. Горловина обычно имеет рифление в виде кольцевых валиков или прочерченных полос. Иногда полосы покрывают верхнюю часть тулова. Ручки уплощены, на спинке продольная канавка. В отдельных случаях у ручки характерный изгиб в средней части (рис. 9, 12). Кувшины без носиков-сливов имеют те же признаки, но они несколько меньших размеров (высотой до 70 см). Кувшины покрывались ангобной обмазкой различных оттенков красного цвета, реже черной или темно-коричневой (рис. 10).

Кружки можно также подразделить на два типа по характеру ручек: в первом случае ручка в виде кольца крепится к плечико или средней части тулова или ручка соединяет плечико и венчик; во втором случае характер замеса теста

грубый с включением крупных зерен шмота, толстые стенки, неполный обжиг. По пропорциям два типа кружек близки друг другу. Хотя в первом типе преобладают сосуды с четко выделенной и более высокой горловиной (рис. 11).

Аналогии подобной керамики широко представлены в памятниках присырдарьинских каучиноидных культур первой половины I тысячелетия н.э.²

Массовый материал в виде коллекций разнообразных бус, серег, ножей, кинжалов, стрел и пр., а

также, наблюдения за погребальной практикой социума, оставившего данный некрополь - все это требует более детальной публикации. Здесь же остановимся подробнее на характеристике «жертвенных амулетных наборов», наличие которых четко зафиксировано в целом ряде погребений. Они являются специфическим атрибутом исключительно женских погребений. Их состав может быть самым разнообразным, но их местонахождение в погребении свидетельствует о том, что нитка, на которую были нанизаны амулеты, не была надета на умершую, а была положена в свернутом виде (в мешочке?) на соответствующим образом экипированную покойницу. Возможно, эту нитку положили в последний момент, вместе с установкой в могиле сосудов и других атрибутов. Обычно эти «наборы» фиксируются на костях скелетов в области живота, ближе к поясу. В отдельных случаях кучки этих предметов отмечены на груди (погребение № 65) и рядом со скелетом, у локтя левой руки (погребение № 47). Необходимо отметить также, что женские погребения, в которых обнаружены «амулетные наборы», отличаются разнообразием другого специфически «женского» инвентаря - сурматаши, зеркала,

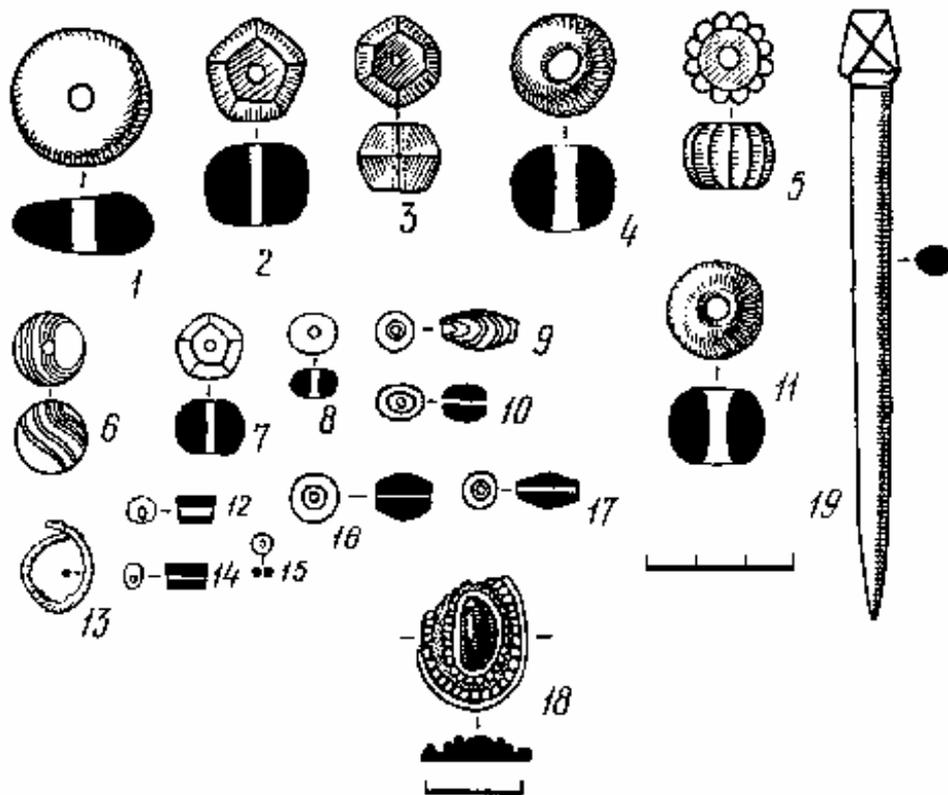

Рис. 7. Украшения из погребения № 40

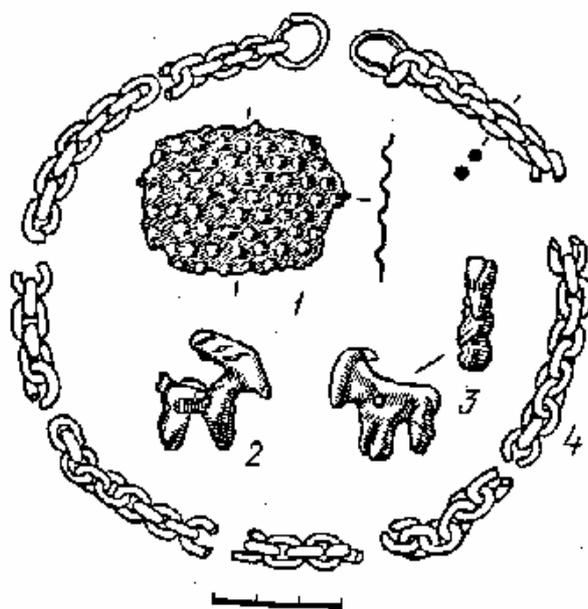

Рис. 8. Находки из разных погребений. 1-фрагмент медной надгубной пластины; 2-3-бронзовые «козлики» из погребения № 41; 4-бронзовая цепочка из погребения № 65

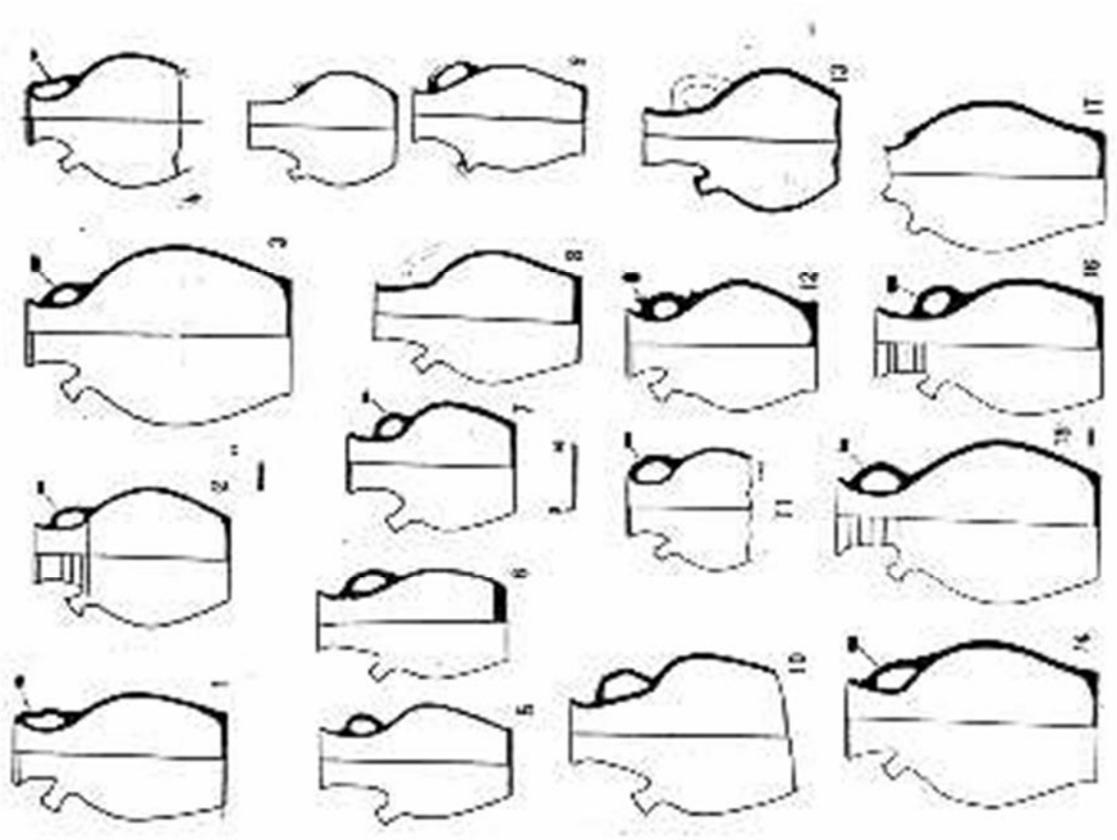

Рис. 9. Кувшины. Тип. 1.

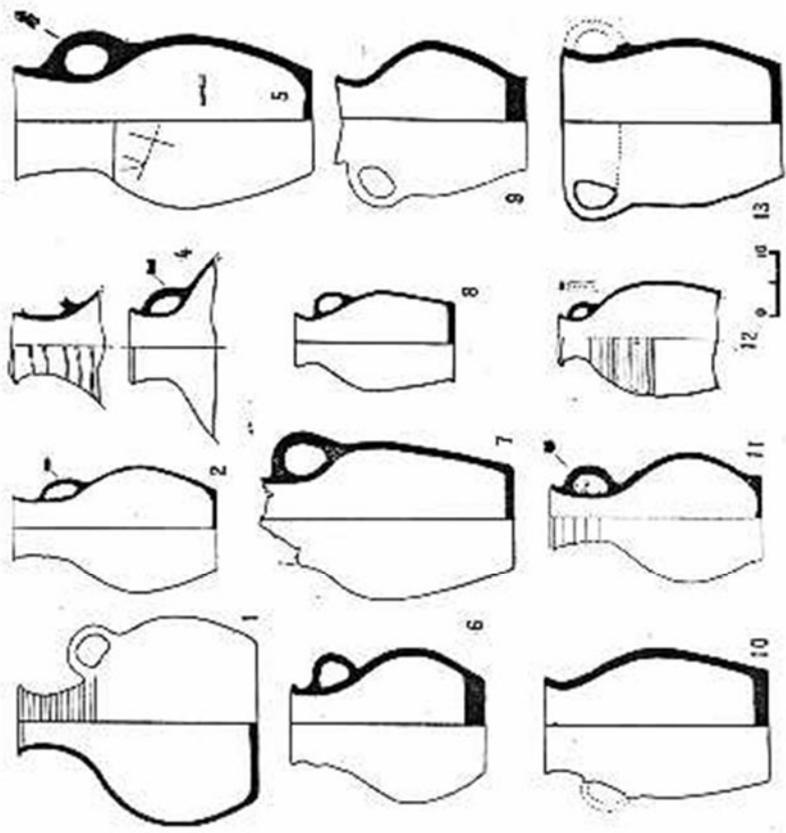

Рис. 10. Кувшины. Тип. 2.

бусы и прочее, исключение составляет лишь детское погребение № 56. Рассмотрим состав наборов в каждом конкретном случае.

Погребение № 9. На позвоночнике в области пояса расчищены лежащие рядом: хрустальная граненая бусина (высота-2,1 см; диаметр-2,45 см), хрустальная круглая бусина (высота-1,4см; диаметр-2,1см) и пронизка из халцедона, граненая с плоским основанием (высота-2,3 см; ширина-2,2 см).

Погребение № 15. Примерно на том же месте скелета обнаружена шестигранная хрустальная бусина (высота-1,3см; дм.-1,6 см), шаровидная, керамическая бусина (выс. - 2,0 см; дм. - 2,1 см) и керамическая подвеска в виде кувшинчика (выс. - 2 см; дм. тулова - 1,3 см).

Погребение № 16 - на костях позвоночника, в области пояса, обнаружены две хрустальные, граненые уплощенно-биконические бусины (шир.-1,7 и 1,4 см; выс.-2,5 см), три крупные глазчатые бусины (дм.-1,2-1,5 см), одна крупная из красного сердолика (выс.1,5-1,15см), четыре сердоликовые, но более мелкие (дм.-0,65-0,8 см), две уплощенные, круглые из черного гагата (дм.-1,5 см), три раковины саугі, просверленный клык хищника, бронзовое пластинчатое колечко (дм.-0,8 см) и бронзовая круглая пластинка с двумя отверстиями.

Погребение № 40 - на ребрах ближе к правому локтю расчищены лежавшие кучкой, иногда друг на друге, одна хрустальная пятигранная (выс. - 1,55 см; дм. -2,1 см), одна шестигранная (выс.-1,25 см; дм.-1,85), две круглые сердоликовые бусины. Три глазчатых круглых (выс.-1,5-1,7 см; дм.-1,9-2 см), одна пастовая ребристая (выс.-1,25 см; дм.-1,75 см), уплощенно-круглая из янтаря бусина (выс.-1,2 см; дм.-2,9 см), два бронзовых козлика (2,7 -2,5 см). В отверстиях бронзовых фигурок сохранились фрагменты шерстяной нитки (рис. 7).

Погребение № 42 - справа от позвоночника две бронзовые фигурки козчиков и стеклянная ребристая бусина (выс.-1,1 см; дм.-1,5 см), (рис. 8,2-3).

Погребение № 43 - справа от позвоночника в области живота расчищена кучка бусин. Граненая, хрустальная уплощенно-ромбическая (выс.-3,0 см; толщ.-1,5 см; дм.-2,1 см), пять круглых, глазчатых (дм.-2,2 см; выс.-2,1 см), пастовая, цилиндрическая (дл.-1,9 см; дм.-1,0 см), две круглые (выс.-1,9; 1,0 см; дм.-1,6 и 1,2 см) сердоликовые, две бронзовые фигурки козчиков, бронзовый колокольчик (дм.-1,5см),

бронзовые копаушка и проколка (дл.-8 см), сохранились фрагменты шерстяной нити, на которую были нанизаны все предметы (рис. 6).

Погребение № 47 - между ребрами и локтем левой руки найдена бронзовая фигурка козлика, две хрустальные, граненые бусины (дм.-2,4 см; выс.-1,6 см), одна хрустальная, круглая (дм.-1,7 см; выс.-1,3 см), одна ребристая из стеклопасты (дм.-1,5 см; выс.-1,0 см), одна керамическая, уплощенно-призматическая (выс.-2,1см), фрагмент бронзового зеркала с утолщенным краем (дм.-12 см), обломанный резец крупного грызуна и две пястные косточки хищника (?).

Погребение № 48 в средней части скелета, слева, отдельной кучкой лежали три бусины и большой бронзовый шар. Две бусины сердоликовые (круглая и пирамидальная) и одна керамическая. Бронзовый шар полый (дм.-3,7-3,8 см), заполнен затвердевшей черной массой. Местонахождение и состав комплекса дают основание предполагать, что это также своеобразный амулетный набор (погребения №№ 47, 48 были совершены, вероятно, в одну могильную яму).

Погребение № 56 - погребение детское. В области живота, на уровне локтя, расчищены: бронзовый колокольчик (дм.-3см; выс.-2,4 см), язычком у него служила половинка шестигранной бипирамидальной хрустальной бусины; клык хищного крупного зверя (сохр. дл.-6см) и железный предмет непонятного назначения (наконечник ремня?). Все три предмета были нанизаны на шерстяную нитку.

Погребение № 65 - в области груди расчищены лежавшие кучкой: две крупные халцедоновые, уплощенно-круглые бусины (дм.-1,6x2,3; 2x2,9 см), две бронзовые круглые бусины (дм.-1,4 см), круглая янтарная (2,3x2,0 см), цилиндрическая бусина из розоватого коралла (дл.-2,5; дм.-2,0 см), три халцедоновые геммы и гемма из красного сердолика³, а также крупная голубая ребристая фаянсовая бусина (дм.-2,7x2,9см). Эти предметы лежали кучкой среди мелких коралловых бусин и разноцветного стеклянного бисера.

Таким образом, мы можем констатировать, что в погребальной обрядовой практике коньр-тобицев был обычай помещать в наиболее «богатые» женские погребения «амулетные наборы». Вероятно, они принадлежали при жизни самим погребенным.

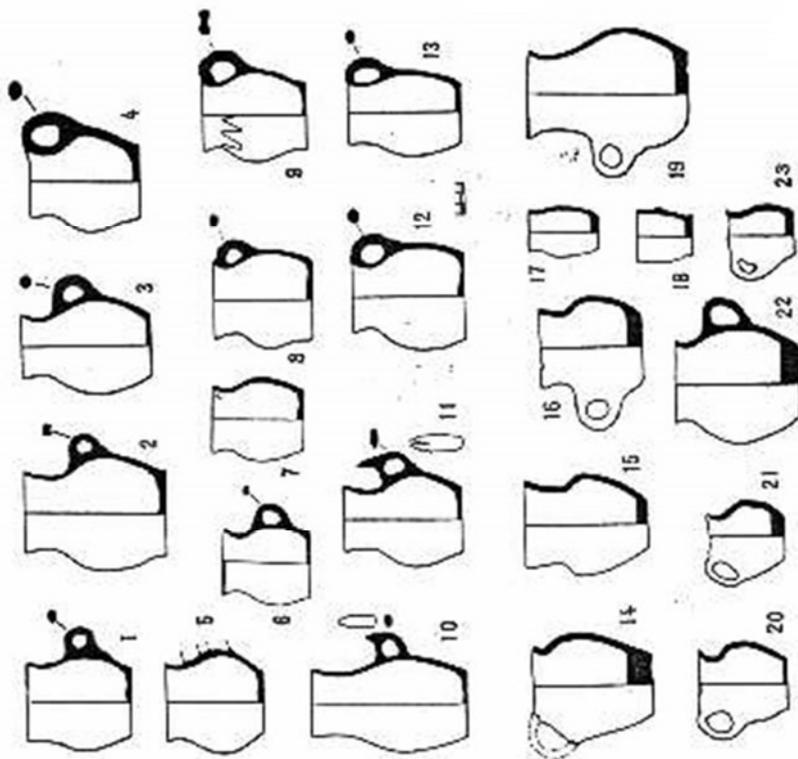

Рис. 11. Кружки.

Рис. 12. Характерная керамика из могильника Коньртлобе.

Помимо различных бус, в эти наборы входят разнообразные предметы, функция магических оберегов которых не вызывает сомнений. Бронзовые колокольчики, подобные найденным в погребениях №№ 56, 43, известны из раскопок погребений западной Ферганы и из широкого круга памятников конца I тысячелетия до н.э. - VII в. н.э.⁴. Халцедоновые сасанидские геммы связаны с охранной магией, как говорится, «по определению».

Крупные глазчатые, ребристые, «многодольчатые», фаянсовые бусины встречены исключительно в составе «амулетных наборов». Интересно отметить, что в «варварских» погребениях Северо-Восточного Причерноморья аналогичные бусины отмечены преимущественно в детских погребениях, где они выполняли, по мнению исследователей, роль своеобразных оберегов. Установлено, что «многодольчатые фаянсовые бусы египетского или индийского производства» получают широкое распространение от Восточного Туркестана до Северного Причерноморья в период II-V вв. н.э.⁵. Причем в погребении они явно играли роль амулетов⁵.

Наблюдения за размещением находок в катакомбах Подкумского могильника I-III вв. н.э. также приводят к выводу, что крупные глазчатые бусы и небольшие низки из крупных янтарных, халцедоновых, гишировых, фаянсовых бусин служили амулетами⁶. В момент погребения они не были надеты на покойника (чаще это женщины), а клались рядом или на погребаемую.

Бронзовые литые фигурки козчиков (погребения №№ 40, 42, 47), как амулеты-обереги, вероятно, специфическое явление отарского региона. Их нет среди находок в сотнях известных погребениях Таласской долины, Ферганы, джетыясарской культуры. А из окрестностей и самого городища Коныртобе уже известно девять бронзовых литых фигурок горного козла. Массовость подобных находок из одного локального района, более того, связанных с одним населенным пунктом и при учете еще его слабой изученности, дает основание предположить, что это животное было тотемом племени, осевшего где-то на рубеже н.э. в низовьях реки Арысь и основавшим город, руины которого известны нам как городище Коныртобе.

Круг древних верований связанных с горным козлом у припамирских народов и имеющиеся изобразительные мотивы были рассмот-

рены в свое время Б.А.Литвинским⁷. Из приведенных им материалов интересно отметить, что в поверьях народов Средней Азии козел выступает в связи с женским божеством-покровителем. А весь комплекс этих верований происходит от древнего культа плодородия, в котором горный козел играл важную роль.

Необходимо отметить, что пластическое решение фигурок козлов-амулетов удивительным образом напоминает форму козлов, украшающих венчик уникального туячинского котла. Утвердилось мнение, что датируется он VIII-VII вв. до н.э.⁸. Очевидно, сходство в данном случае чисто формальное. Из других изображений козлов, дающих, правда, иную иконографию образа, необходимо упомянуть бронзовую подвеску из могильника Лангари Ходжиен в Таджикистане⁹. Вообще же амулеты в виде литых бронзовых фигурок животных известны среди сарматских памятников Подонья среднесарматского времени (I-II вв. н.э.). Интересно отметить, что в одном случае фигурка собачки обнаружена в комплексе с бронзовым колокольчиком и единичными бусинами, положенными кучкой (на одной нитке) на правое плечо. Позже амулеты в виде литых фигурок широко распространились среди аланских древностей Северного Кавказа. Если видеть в таких амулетах знаки родоплеменной принадлежности, то, как отмечают исследователи, у алан можно предполагать наличие родов оленя, горного барана, коня, орла¹⁰. В более близком регионе литые бронзовые подвески в виде животных (верблюд, петух, кабан) известны на памятниках Хорезма кушанского времени (I-III вв. Аяз-Кала)¹¹.

На возможную связь бронзовых зооморфных амулетов с родовой принадлежностью у алан Кавказа указывала В.Б.Ковалевская¹². Если эти соображения имеют под собой основания, то они могут быть учтены при реконструкции генезиса огузского союза племен в эпоху раннего средневековья. Как известно, районы нижней и средней Сырдарьи являются родиной формирования огузского племенного союза. Огузский пласт нашел отражение в топонимике Отрарского района. Можно предположить, что в огузский союз вошло и местное племя, центром которого было поселение на месте городища Коныртобе. Возможно, что это племя носило название - теке, хорошо известное в огузской родо-племенной структуре. Формирование огузского племенного союза, начало которого

можно отнести к VII в. н.э., на северо-востоке Средней Азии происходило за счет консолидации двух основных этнокультурных пластов: с одной стороны, потомки древних местных кангуйских племен, которые, в свою очередь, ведут происхождение от сако-массагетских и сармато-аланских племен и, с другой стороны, новая волна тюрко-монгольских племен, принесенная к берегам Сырдарьи и Арала Тюркским каганатом. Участие местного компонента (асского) в этногенезе огуз на Сырдарье признают многие исследователи¹³.

Анализ комплекса находок дает основание заключить, что вскрытые погребения некрополя городища Коньртобе в основном представляют единый культурный комплекс. По обряду погребения и составу находок данный могильник близок ранее исследованному и расположенному рядом могильнику Мардан¹⁴. Вскрытые здесь погребения в склепах датированы I в. до н.э. - II в. н.э. на основании находок монет типа «у-шу» и отсутствия рифления на кувшинах.

Близок по обряду и комплексу вещей также могильник Кыркескен, датированный II-IV вв. н.э.¹⁵, а также могильник у городища Кок-Мардан.

Аналогии отдельным типам вещей из могильника Мардан-Куик известны из широкого круга памятников Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа. Так, костяные шпильки с фигурной головкой обычны для позднекушанских памятников Средней Азии¹⁶. Медальоны со вставками из полудрагоценных камней, украшенные зернью, широко распространяются в степях Евразии в позднесарматское время. Близок находкам из Мардан-Куика комплекс вещей из погребения у озера Боровое, датированный А.Н. Бернштамом IV-V вв. Здесь и подвеска-медальон, комбинированная пряжка, бипирамидальные сердоликовые бусины, трехперые железные наконечники стрел, а также золотые серьги в виде тонкой проволоки, согнутой в круг. Один конец сережек опущен книзу спиральными завитками, плотно прилегающими друг к другу¹⁷. Серьги со спирально-конической подвеской известны в Прикамье с первой половины I тыс. н.э.¹⁸.

Бронзовые копаушки и проколки широко известны в памятниках первой половины I тыс. н.э. Целая серия их была получена из могильников Северного Таджикистана. Б.А. Литвинский в своей фундаментальной публикации за-

падно-ферганских могильников привел исчерпывающие материалы, характеризующие ареал и время бытования этих специфических атрибутов бытовой культуры¹⁹. Укажем лишь на ближайшие аналогии нашим находкам в Кенкольском могильнике и погребениях джетыясарской культуры²⁰.

Наборы женских украшений, помещенных в специальный берестяной коробок и уложенных рядом с погребенным, являются специфическим атрибутом многих мужских погребений Бахмутинской культуры в Приуралье. Это так называемые «жертвенные комплексы» (II-IV вв. н.э.)²¹. Очевидно, что в данном случае, формальная аналогия в погребальном обряде порождена различными обычаями в ритуальной практике. В Бирском могильнике «жертвенные комплексы» отмечены обычно в мужских и детских погребениях; в Коньртобинском - «амулетные наборы» исключительно при женских скелетах.

Пояс, покрытый плотно прилегающими узкими вертикальными серебряными пластинками, был найден в кургане 19 могильника Койтас, датированном М.К. Кадырбаевым IV-V вв. н.э. и в синхронном ему погребении на поселении Кзылкайнар-тобе²². Целая серия подобных поясов зафиксирована в джетыясарских курганах Л.М.Левиной. Они отнесены к первой группе и датированы временем не позднее III-IV вв. н.э. и несколько более ранним временем²³.

Мелкие цилиндрические коралловые бусы, встреченные в целом ряде погребений могильника Мардан-Куин, по заключению специалистов, распространяются в обширном регионе от Причерноморья до Средней Азии в первые века н.э. - IV в. н.э. По мнению В.Б. Деопик, в Предкавказье они являются своеобразным репером IV-V вв. н.э.²⁴. В среднеазиатских памятниках эти бусы из бледно-розового коралла встречаются также в комплексах III-IV вв.²⁵.

Не останавливаясь на других категориях находок (кинжалы, стрелы, пряжки, керамика и пр.), отметим, что вещи, подобные встреченным в могильнике Мардан-Куик, хорошо известны в обширном регионе и имеют тот или иной период бытований (с III в. н.э. до VIII-IX вв. н.э.). Однако наиболее вероятно датировка могильника III-V вв. (возможно, и VI в. н.э.). Видимо, могильник на каком-то этапе синхронен третьему строительному горизонту городища Мардан-Куик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Характеристику городища Коньртобе (Марданкуик) см.: Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994, С. 131-132; Предварительная информация о исследовании могильника. См.: Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса. // Известия АН КазССР, сер. общественных наук, 1990, № 6, С. 20-27.
2. Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 52-60; Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971.
3. Геммы из Коньртобинского могильника и другие случайные находки в Отрарском оазисе изданы: Смагулов Е.А. Геммы из Отрарского оазиса. // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993, С. 163 и сл.; см. также: История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 4-х томах. Т. 1. Алматы, 1996. С. 277.
4. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
5. Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. // СА, 1959, № 3. С. 54; Трудновская С.А. Украшения позднеантичного Хорезма. // Тр. ХАЭЭ. Т. 1. М., 1952. С. 108-109.
6. Абрамова Н.П. Подкумский могильник. М., 1987. С. 162.
7. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 144-147; см. также: Литвинский Б.А. Предметы из погребения на Сталинобадских холмах // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР., г. Сталинобад, 1958, вып. 3. С. 39-43.
8. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира»... С. 50.
9. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 152.
10. Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1979. С. 118.
11. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948. С. 156, 365.
12. Ковалевская В.Б. Кавказ и Аланы. М., 1984. С. 163.
13. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 275; Акишев К.А и др. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 188.
14. Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан. // КСИА. Вып. 154. М., 1988. С. 99-103.
15. Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Кыркескен. // АО, 1976. М., 1977. С. 519-520.
16. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1985. С. 55; Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. С. 70-71.
17. Бенриштам А.Н. Находки у оз. Боровое в Казахстане // Сб. МАЭ, т. XIII, Л., 1951, С. 221, рис. 9.
18. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. // МИА, № 28, М, 1952. С. 86, табл. XIX.
19. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М., 1978. С. 136-137.
20. Кожембердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины., Фрунзе, 1963. С. 70; Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности, вып. 2, М., 1993. С. 58, 65.
21. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1972. С. 16.
22. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭАН Каз. ССР., т. 7, 1989, с. 197, рис. 25; Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронение на нем IV-V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1974. С. 89.
23. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996, с. 219, рис. 133.
24. Деопик В.В. Классификация бус... С. 54.
25. Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетыясарской культуры. // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 54; Ягодин В.Н., Ходжайев Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 123.

E.A. Smagulov

**AMULET SET FROM THE BURIAL NECROPOLIS OF KAPIRTUBA
SETTLEMENT IN OTRAR OASIS**

The publication is devoted to amulet set from the burial necropolis of Konirtobe settlement in the western part of Otrar oasis.

90 burials have been excavated all in all, where most cases, untouched, in square-formed pits, sometimes reminding raw-burial waltz which, probably had raw covers. Separate burials of children-youth were carried out in khums or in large jugs. According to the preliminary investigations of 20 skulls it was established that 15 of them had circle deformations.

For male burials the finds of metal and bronze buckles, metal knives, daggers and metal three-pedaled arrow ends are characteristic. In the Female burials various beads, surmatosh sticks with pieces of graphite, bronze and bone hairpins, bronze amulets in the form of goat figures and bronze mirrors. Besides 80 percent of burials are followed by mud jugs and cups. The analyses of the complex of finds gives a basis to conclude that the opening of Kanirtobe necropolis burials can be dated as III-V (perhaps VI) centuries AD.

Н.С. Байматова

РЕКОНСТРУКЦИЯ СВОДОВ БАРАК-ТАМ 1 (конец IV - начало V вв. н.э., Хорезм)¹

Несмотря на достаточно полное описание результатов раскопок и существование двух вариантов реконструкции здания Барак-Там 1 остаются открытыми вопросы как по строительным периодам сооружения в целом, так и по его сводчатой системе. Желание разобратся в конструктивной связи сводов со структурой здания побудило автора статьи изучить имеющиеся данные и на этой основе реконструировать форму и технику кладки сводов. Данная статья посвящена результатам исследования.

История изучения, расположение и датировка здания.

Среди многочисленных сооружений Хорезма сооружение Барак-Там 1 притягивало особое внимание археологов и историков архитектуры, благодаря необычной сводчатой системе (рис. 1-2). Барак-Там 1 обнаружен в 1945 г. одной из групп Хорезмской археологической экспедиции и стал предметом исследования, начиная с 1946-1949 гг. (Толстов, 1962, с. 238, рис. 149; Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 81). Результаты первого обследования здания, фотографии и предварительные обмеры опубликовали начальник экспедиции С. П. ТОЛСТОВ и архитектор М. А. ОРЛОВ (Толстов, 1962, с. 236-241; Орлов, 1952, с. 135-152). В 1956 г. археолог Е.Е. НЕРАЗИК и архитектор М.С. ЛАПИРОВ-СКОБЛО продолжили изучение постройки, вскрыли почти все здание и детально обмерили остатки сводчатых покрытий (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 81-95).²

Сооружение Барак-Там 1 расположено на северо-восточной окраине древнего Хорезма, в нижней дельте Акча-Дарьи. Наряду с двумя другими зданиями, оно располагалось у большого селения, границы которого были определены по остаткам керамики. С. П. ТОЛСТОВ датировал Барак-Там 1 по керамическим дан-

ным сначала 3 - 4 вв. н. э., а в последующей публикации 4 - 5 вв. н. э. (Толстов, 1952, с. 140; его же, 1959, с. 32). М.А. ОРЛОВ, опираясь на его сходство с донжонами дома 34 и замка 36 в Хорезме, отнес здание к 7-8 вв. н.э. (Орлов, 1952, с. 140). Е.Е. НЕРАЗИК и М.С. ЛАПИРОВ-СКОБЛО считали, что время строительства Барак-Там 1 по строительным приемам, античному стандарту кирпича и фрагментам керамики можно было бы отнести к 1 векам н. э. Вместе с тем они отметили, что оно составляет единый комплекс с окружающим его поселением конца 4 - начала 5 вв. н. э., что и стало решающим при датировке Барак-Там 1 этим временем.

Высота двухэтажного здания над поверхностью земли в 1956 г. достигала 10 м (рис. 2). Его общие размеры по основанию равны 17,3-17,4 x 18,0-18,1 м. Здание некогда возвышалось в центре двора размером 100 x 100 м, окруженного низким валом (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 84). Его нижний этаж составляли вестибюльное помещение 1, нижнее колено и подест пандуса 6, помещение 7 со "склепом" и три сообщающиеся между собой помещения 2, 3 и 4-5. На втором этаже здания расположены помещения 8 и 9, к которым вел пандусный коридор (рис.1,а,б).

Над всеми помещениями здания некогда были возведены своды. Остатки сводов сохранились над помещениями 2, 3, 4-5 нижнего этажа, частично над пандусом 6 и почти над всеми входными и световыми проемами (рис. 3, б, с). На втором этаже в помещении 9 сохранились остатки опор арок - перекрытия, а в помещении 8 - пяты свода. Упавшие кирпичи сводчатых покрытий обнаружены в помещениях 1, 6, 8 и 9 (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 86, 88, 90-93). К моменту раскопок свод помещений 4-5 был в северной и южной частях разрушен.

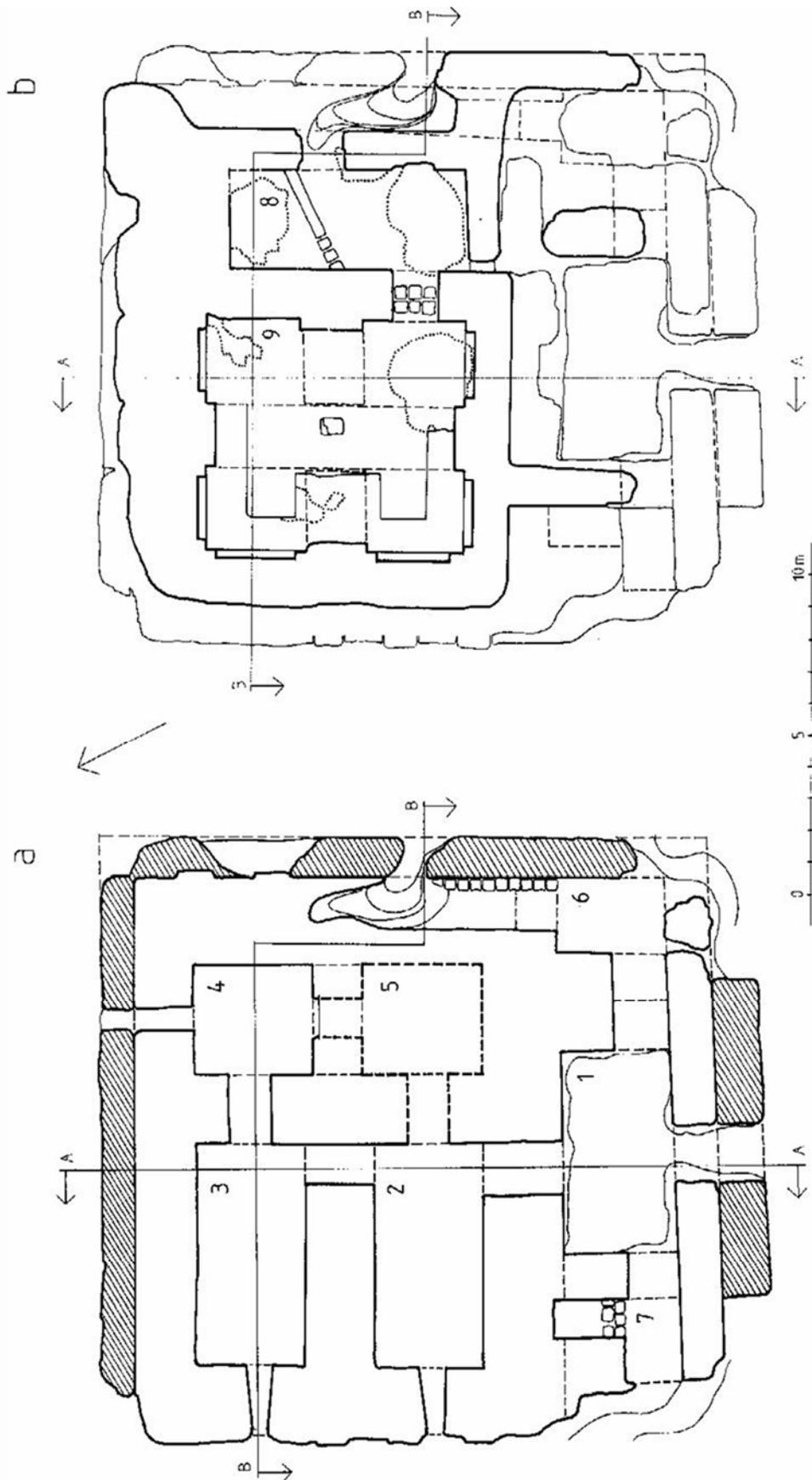

Рис. 1. Планы нижнего и верхнего этажей здания Барак-Там 1. По Е.Е. Неразик, М. С. Лапиров-Скобло 1959.

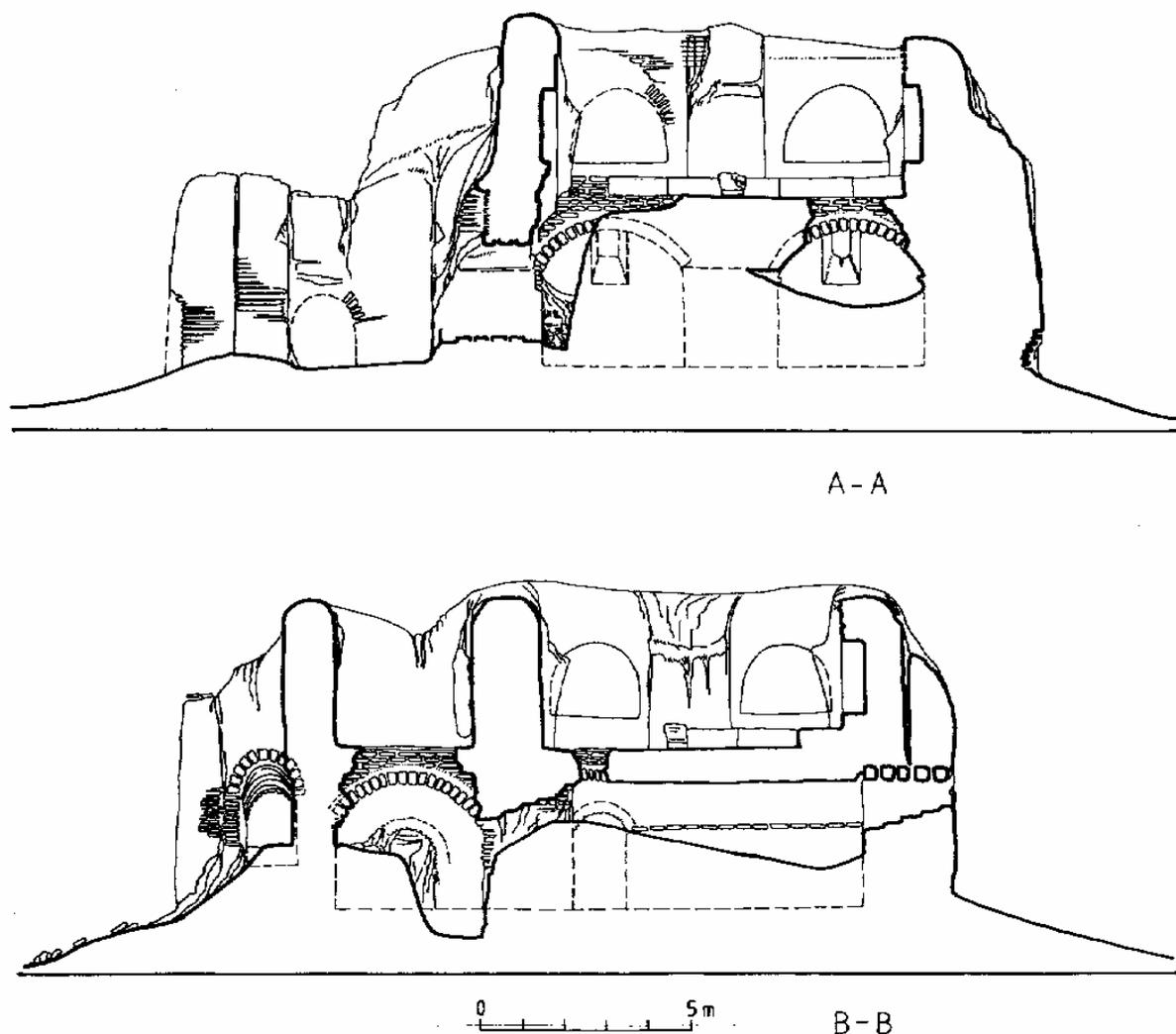

Рис. 2. Поэтажные разрезы А-А и В-В здания Барак-Там 1.
По Е.Е. Неразик, М.С. Лапиров-Скобло, 1959.

Над помещениями 1 и 7, вероятно, находилась открытая площадка или терраса, доступная из помещений второго этажа здания. В центре помещения 9 было вскрыто возвышение, интерпретируемое как «очаг-жертвенник» (Толстов, 1962, с. 241). Высотой 58 см, размером по полу 45х 55 см и поверху 47х65 см оно было сложено из глиняного кирпича.

Оценка опубликованных данных

При обследовании парадного помещения 9 на верхнем этаже здания были обнаружены части целиком упавших арок (рис. 4, б). Мощные основания этих арок, в виде выступающих "пилястр", сохранились по осям помещения. Остатки арок и связанное с ними сводчатое

перекрытие здания вызвали живой интерес среди участников экспедиции. Пытаясь объяснить загадочную структуру перекрытия исследователи высказали несколько предположений.

Так как поселение Барак-Там расположено в зоне тесного контакта хорезмийцев со скотоводческими племенами, С.П. Толстов считал, что архитектура оседлых земледельцев находилась под влиянием "кочующего жилья" окружающих племен. По его предположению арки помещения 9 подобно юрте были обтянуты войлоком или тканью (Толстов, 1962, с. 241-242, рис. 153) и образовывали своеобразный остов "куполообразного" покрытия. В этой связи он отметил, что арки были намного выше стен помещения.

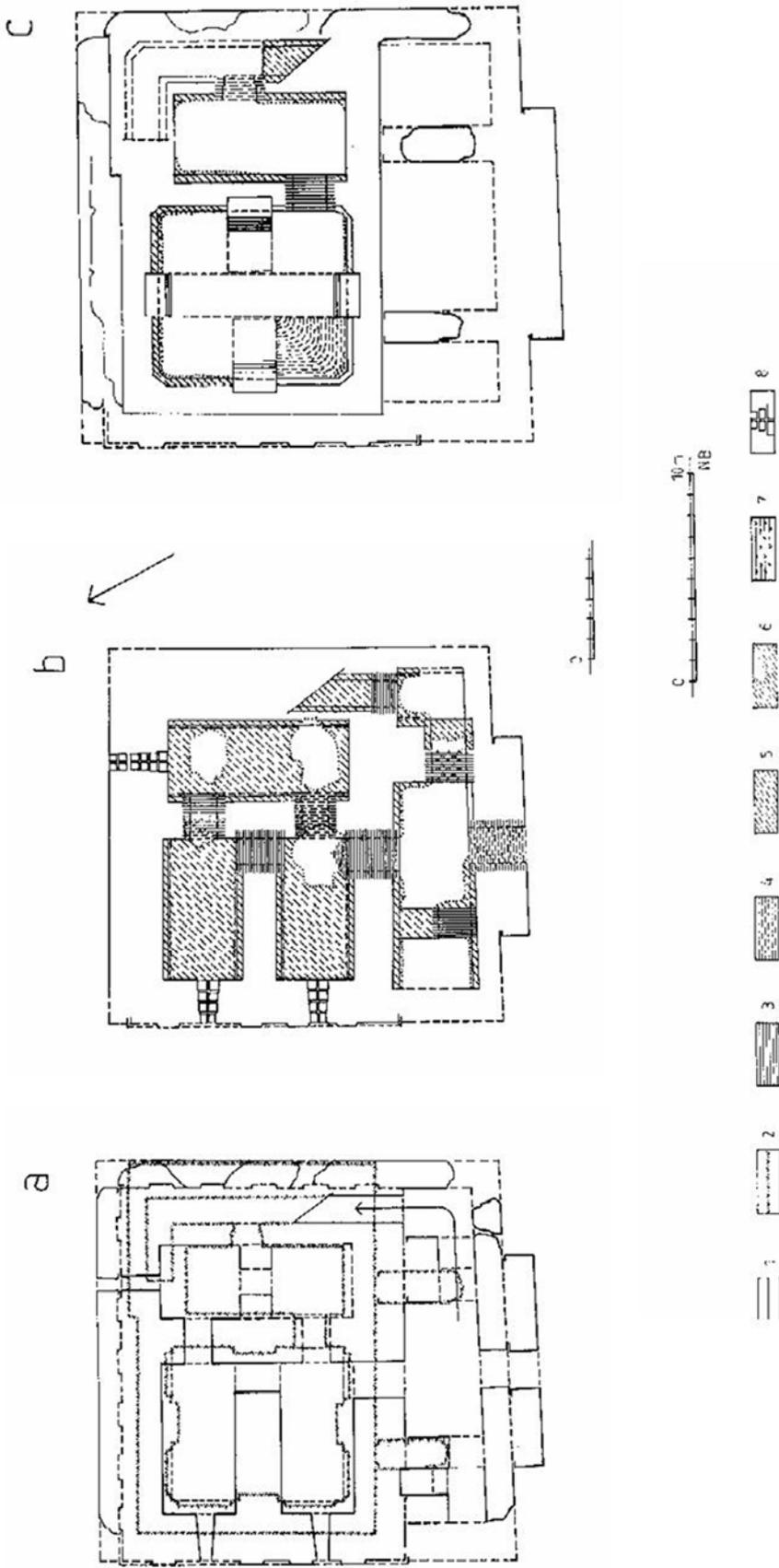

Рис. 3 а) Планы двух, друг на друга наложенных этажей здания. Автор статьи.
б-с) Проекция сохранившихся сводов на планы этажей здания. Автор статьи.

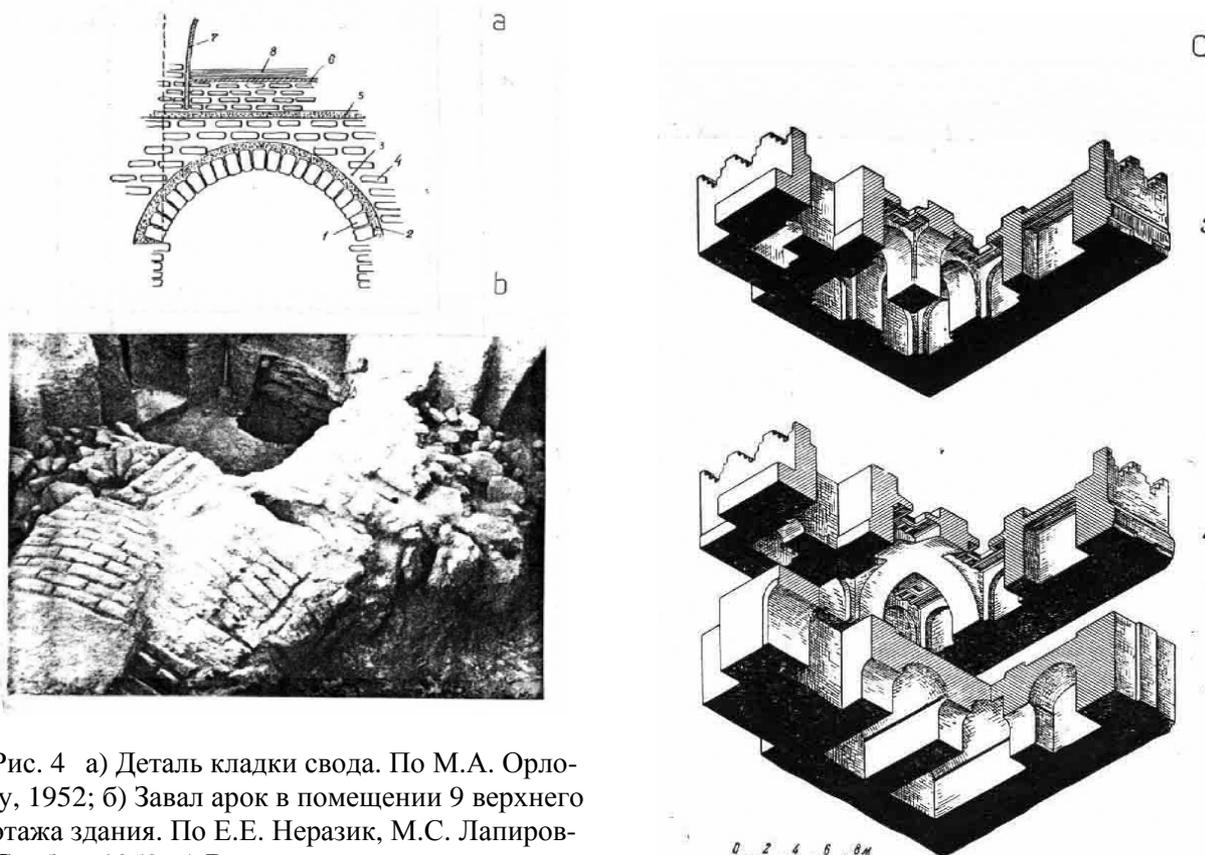

Рис. 4 а) Деталь кладки свода. По М.А. Орлову, 1952; б) Завал арок в помещении 9 верхнего этажа здания. По Е.Е. Неразик, М.С. Лапиров-Скобло, 1959; в) Варианты реконструкции покрытия Барак-Там 1. По М.А. Орлову, 1952.

М.А. Орлов попытался разрешить загадку с конструктивной точки зрения и реконструировал сводчатое покрытие зала в двух вариантах (рис. 4 в) (Орлов, 1952, с. 149-151, рис. 14). Согласно первому из них, помещение 9 по осям перекрывали две пересекающиеся арки, а по второму, перекрытие состояло из четырех арок, переброшенных от центрального столба³ к стенам. В обоих случаях арки поддерживали плоское балочное перекрытие, доказательством которых служили гнезда (Орлов, 1952, рис. 13)⁴, обнаруженные над нишами помещения. М.А. Орлов склонялся к первому варианту перекрытия.

В ходе тщательных раскопок Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло установили, что одна из арок была цельной, а другая состояла из двух ветвей, упирающихся в цельную. Тем самым, они подтвердили первый вариант реконструкции покрытия М.А. Орлова (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 91-92, рис. 7). Изучив профиль сохранившихся устоев исследователи предположили, что кривая упавших арок была не полуциркулярной, т.е. геометрически построенной не из одного центра, как предполагал М.А.

Орлов (Орлов, 1952, с. 149-152), а из трех (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с.91). Наблюдая особо плохую сохранность сводов помещений 2 и 6 над входными проемами, исследователи высказали мысль о пересечении или распалубке сводов проемов со сводами помещений (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88).

С.Г. Хмельницкий полагал, что "расположение пристенных опор арок в помещении 9 соответствует более позднему времени", а соотношение длины к ширине помещения близки 1:0,866. Последнее легло в основу реконструкции шестиугольного балочного перекрытия (Хмельницкий, 1997, с. 136, рис. 12, Н)⁵, которым помещение 9 как будто было перекрыто первоначально. Вследствие этого предположения обнаруженные арки помещения были возведены позднее, очевидно, после разрушения шестиугольного балочного перекрытия. Имеющаяся литература по памятнику, однако свидетельствуют о одновременности возведения сырцовых арочных опор и стен парадного помещения 9 (Орлов, 1952, с. 145, 149, рис. 9, 13), что опровергает довольно абстрактную реконструкцию исследователя. В последующей публикации С.Г. Хмельницкий кратко добавил, что межарочные ячейки перекрывали своды замк-

нудой или псевдосферической формы (Хмельницкий, 1989, с. 71).

Как видим, предположение С.П. Толстова основано на внешнем сходстве юрты с сырцовым куполом. Оно сделано до детальных раскопок здания и противоречит строительной логике: чтобы поставить юрту вряд ли стали бы возводить мощные сырцовые арки.

Первый вариант реконструкции М.А. Орлова в своей основе верен (рис. 4, с), а гнезда от балок могли принадлежать и строительным лесам при возведении сводчатых покрытий. Хотя этот вариант перекликается с каменными арками над помещением 61 Каср Харана в Иордании (711 г. н.э.) (Urice, 1940, с. 122, 159, рис. 37, 38, 120)⁶, былая высота и мощь арок Барак-Там 1 свидетельствуют о существовании куполообразного покрытия над помещением 9, полностью возведенного из сырцового кирпича. Анализ конструкций и остатков сводчатого покрытия позволяет реконструировать не только сводчатую систему, но и определить последовательные этапы возведения здания.

Строительный материал

Здание Барак-Там 1 возведено на глинобитном цоколе. После зачистки основания западной стены снаружи (где конкретно не указано) оказалось, что она сооружена без углубления в материк (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 94), т. е. высотой около 1,44 м цоколь здания не имел фундаментов. Его возвели скорее всего на неровной площадке, так как основание стены в юго-западном углу помещения 4 находится на отметке +1,25 м. Цоколь, по всей видимости, не был сплошным, как полагают авторы раскопа (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 89), а состоял из слоев глины, уложенных "лентой" и подведенных лишь под стены здания. Об этом свидетельствует заполнение подпольного пространства, прослеженное, правда лишь в помещении 4 на отметке +1,49 и +1,5 м. Слои глины цоколя были разрезаны на блоки размером 70-75 х ? см, а заполнение «цокольных ячеек» состояло из рыхлого комковатого кирпичного боя и песка, и было перекрыто глиняной обмазкой пола (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88-89).

Наружные и внутренние стены сооружения опираются на глинобитные блоки цоколя (рис. 5 и 6). Они возведены из сырцового кирпича

размером 42-40х42-40х10 см. Кладка ровная, со сравнительно тонкими швами (Орлов, 1952, с. 135, 142; Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88). Внешняя поверхность наружных стен была украшена пилястрами шириной 1,1 м, прежде выступающими за линию стен на 15-20 см, а впоследствии заложенными приставными стенами (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 84).

Новые стены были пристроены к северной, восточной и южной наружной стенам здания (рис. 1). Северная и восточная пристроенные стены толщиной 1,0-1,2 м, согласно тексту, глинобитные (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 84, 93). Однако в опубликованных чертежах они кирпичные (рис. 2). Южная стена приставлена только к средней части фасада здания. Она, по мнению авторов раскопа, возведена для восприятия нагрузки свода помещения 1 и служила своеобразным «порталом», маркирующим вход в здание (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 94).

Западная стена помещения 1 конструктивно связана с кладкой "склепа" в помещении 7, что подтверждает мнение исследователей о ее позднем появлении (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 86). Другим доказательством служит торцовая стена "склепа", как бы заложенная в толщу северной стены, общую для помещений 1 и 7 (рис. 1, а).

Из стенового квадратного кирпича размером 40-42х40-42х10 см сложены радиальные арки проходов и ниш, арки куполообразного перекрытия помещения 9 и арки над входным проемом в коридоры пандуса. Наряду со стандартным, при кладке арок проемов использован кирпич меньшего размера 38х38х9-10 см. Для кладки сводов над помещениями нижнего этажа, пандусом и, возможно, над помещением 8 были изготовлены трапециевидные кирпичи размером 20-21х30х10 см (Орлов, 1952, с. 143) и 20х21-23х30х9-9,5 см (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 86).

Глина обоих форматов кирпича, как и раствор кладки, содержит большую примесь рубленной соломы.

Для изоляции сводов нижнего этажа использована жирная глина (Орлов, 1952, с. 147), а для обмазки полов и стен помещений - обычная. Для расклинки кладки сводов и арок использовали кости рогатого скота (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88-89, 91-92).

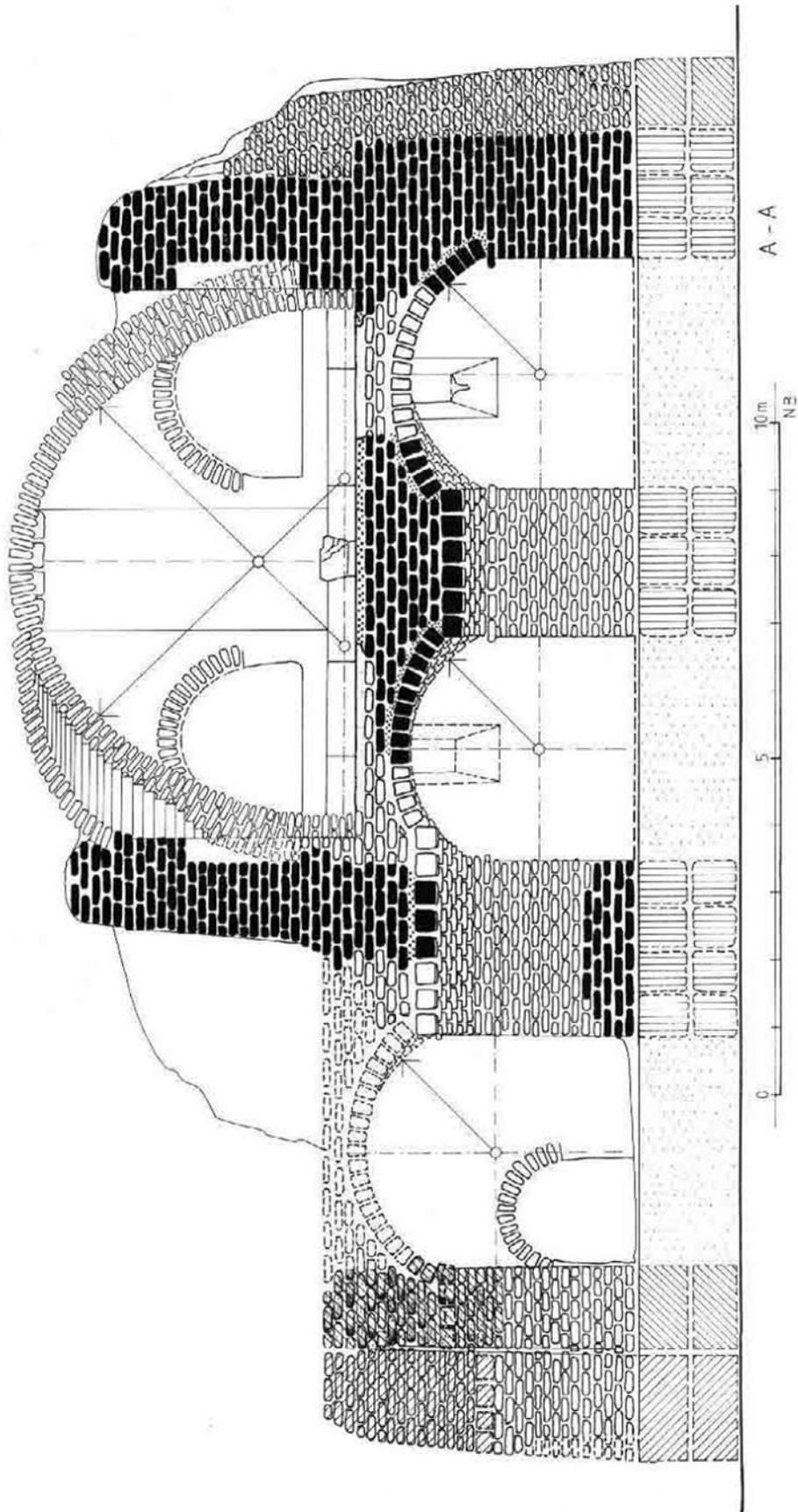

Рис. 5. Разрез - реконструкция А-А здания и геометрическое построение профилей сводов

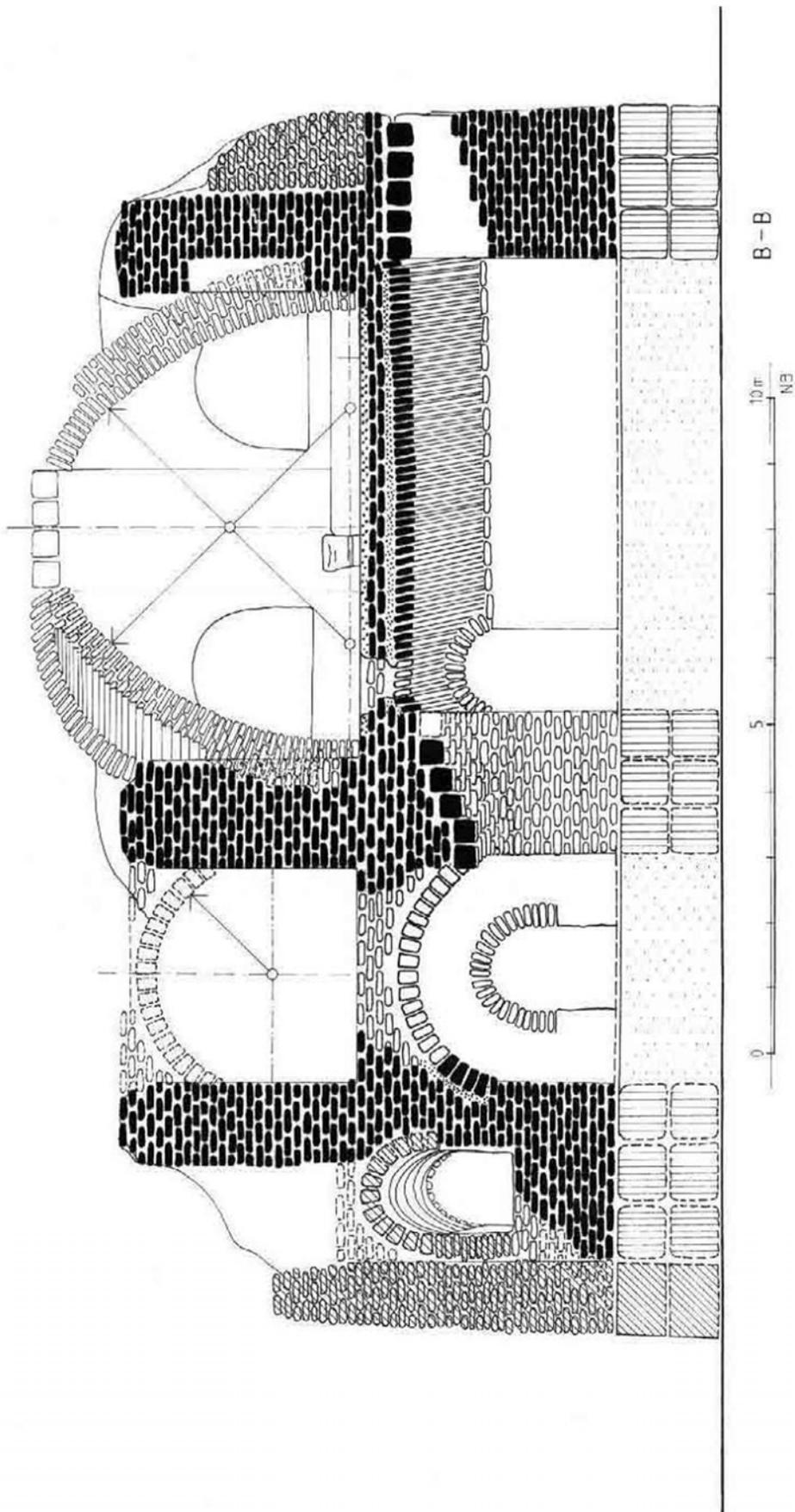

Рис. 6. Разрез - реконструкция В-В здания и геометрическое построение профиля сводов

Кладка пят сводов и арок

Ряд кирпичей стен нижнего этажа на отметках +3,5 м (помещение 2), +3,45 м (помещение 3) и +3,35 м (помещение 4) имеет консольный вынос почти в 10 см внутрь помещений (рис. 4, а). На образованную горизонтальную "полочку" опираются пяты сводов, несколько заглубленные в толщу стен. В помещении 1 пята свода находится на высоте 2,68-2,76 м от уровня пола (отметка +4,45 м). Пята свода помещения 8 расположена на отметке +7,5 м. Арочные устои перекрытия помещения 9 возведены над несущими стенами нижнего этажа на отметках +5,45 и +5,55 м. Арки на 50 см своей толщины заложены в толщу стен помещения 9 (рис. 5-6).

У свода помещения 3 местами повышенная пята: его "отрезки" опираются на арку проема, так как последняя прорезает оболочку свода на отметке +4,18 м.

Пята радиальной арки проема из помещения 3 в помещение 4, и, скорее всего, свода пандусного коридора - ступенчатая. Она образована ступенчатым понижением кладки опорной стены.

Западная пята свода пандусного коридора опирается на "полочку", вырубленную в толще восточной наружной стене сооружения. В качестве восточной опоры своду служила специально возведенная стена толщиной в один кирпич и укрепленная снаружи приставной стеной (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 93-94).

Техника кладки сводов и арок

Кладка «отрезками»

Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло однозначно описывают помещения 4 и 5 как первоначально одно единое помещение, разделенное позднее на две комнаты (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 84-86, рис. 4). М.А. Орлов описывает их как два почти квадратных помещения, оси сводов которых продолжают друг друга (Орлов, 1952, с. 143). Сохранившаяся часть свода лежит на разделяющей комнаты стене, что подтверждает ее позднее возведение и существование первоначально одного помещения 4-5 (рис. 3, б). Вполне вероятно, что свод помещения 1 перекрывал таким же образом одновременно и помещение 7, а разделяющая эти помещения стена появилась при сооруже-

нии «склепа» (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 86) в один из периодов перестроек.

Помещения 1, 2, 3, 4-5, 6 и 7 нижнего этажа здания были перекрыты сводами из наклонных «отрезков» (рис. 4, а; 5 и б). Своды такой кладки перекрывали помещение 8 на втором этаже и коридоры углового пандуса. Пролет сводов "отрезками" над помещениями 2, 3 и 4-5 достигает по стенам около 3,4 м; в действительности, из-за заглубления основания свода в толщу стен, он равен почти 3,6 м. Своды вестибюльного помещения 1 пролетом 3,32-3,62 м, а помещения 8 верхнего этажа - 3,2 м. Пролет сводов над коленами пандусного коридора достигает 1,3 м (нижний) и 1,6 м (верхний).

В публикациях описана техника кладки хорошо сохранившегося свода помещения 3, "отрезки" которого наклонены на 78° к восточной торцовой стене (рис. 6) (Орлов, 1952, с. 143, рис. 7; Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 89). Каждый "отрезок" составлен из трапециевидных кирпичей, во внешние швы между которыми были заклинены кости. Кости выступали в слой глиняной обмазки толщиной 20 см по поверхности свода.⁷ «Отрезки» сводов помещений 2 и 3 над проемами были короче остальных, так как опирались на окат арок проемов.⁸ Судя по опубликованным чертежам разрезов (Орлов, 1952, с. 143, рис. 7, 11; Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 85, рис. 4, 3-4; Толстов, 1962, с. 242, рис. 151), техника кладки сводов других помещений идентична вышеописанной. «Отрезки» сводов над каждым коленом пандуса наклонены к нижним радиальным аркам, которые замыкают свод у вестибюля и подеста.

Радиальная кладка

Своды радиальной кладки по сравнению со сводами из "отрезков" более устойчивы и несущеспособны. Учитывая это свойство строитель использовал радиальную кладку при возведении арок над всеми входными проемами (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 87, рис. 5/2) пролетом от 1,2 м до 1,6 м ("ядро", нижний этаж), от 1,6 до 1,8 м (пристройка) и около 1,3 м (надстройка, верхний этаж); над стенными нишами (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 92) пролетом от 2 до 2,4 м (помещение 9); над «склепом» пролетом 1,3 м и мощных арок пролетом 6,62 и 7,58 м помещения 9 размером около 7,2 x 8,0 м.

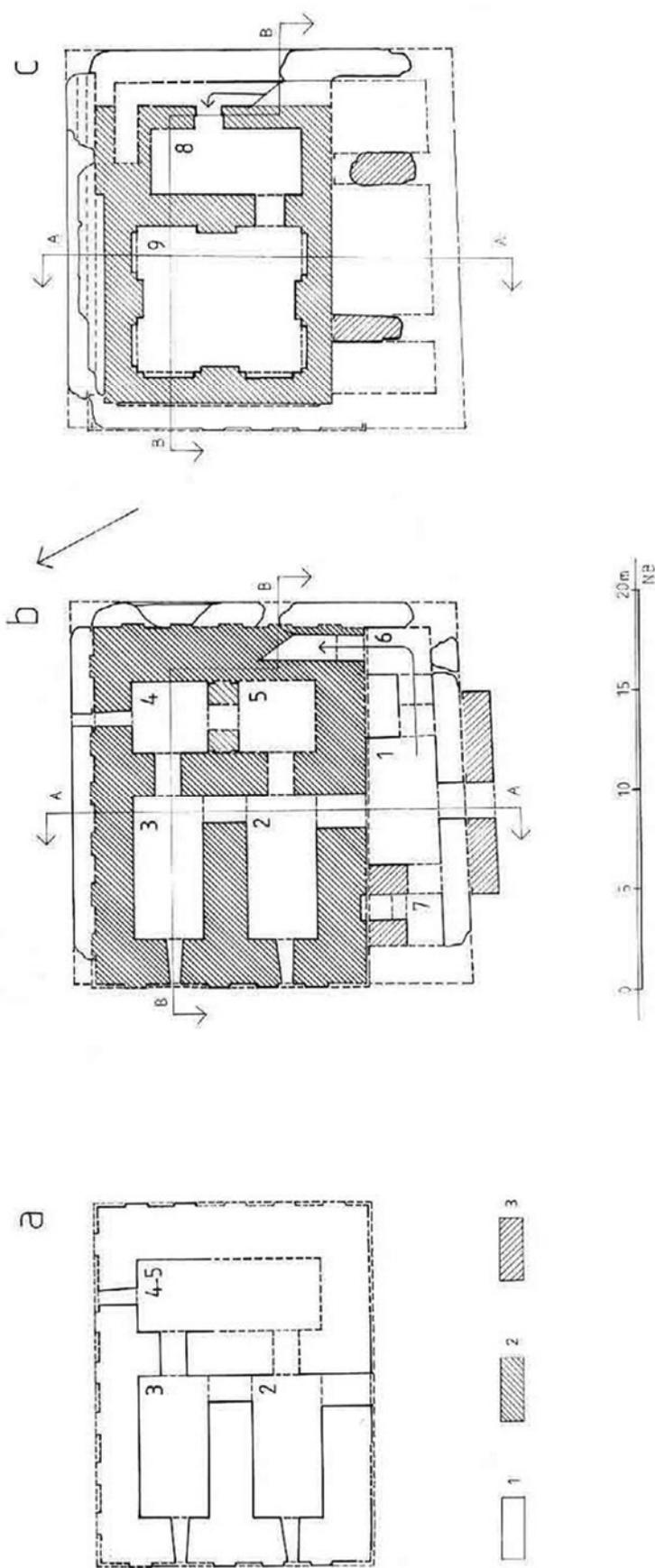

Рис. 7. Реконструкция плана а) ядра, в) обстройки и с) надстройки сооружения

Радиальные арки проемов у пандусных коридоров воспринимали боковое давление наклонных "отрезков" сводов колен, а арки помещения 9 служили остовом для сводчатых оболочек своеобразного купола.

Радиальные арки сложены из стенового кирпича на глиняном растворе, по кружалам (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 87; 92, рис. 5/1) или деревянным помочам (рис. 5, 6).

Кирпичи сложены в глубину сводов и арок в цепной перевязи. Толщина радиальных арок малых пролетов один кирпич. Ширину арок куполообразного перекрытия помещения 9, равную около 1,9 м, составляли четыре кирпича. Нижняя часть арок была толщиной в два кирпича: эта толщина, скорее всего, сохранялась до уровня плеч арок. Вершина арок, вероятно, была сложена в один кирпич. Перевязь кирпичей была произведена как в ширину, так и в глубину арок. Судя по опубликованным фотографиям (Орлов, 1952, с. 145, 149, рис. 9, 13), кладка основания арок конструктивно связана с кладкой стен.

Врезка радиальной арки проема в свод «отрезками» зафиксирована над помещением 2 (рис. 5) (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88). Свод из наклонных «отрезков» прорезан аркой прохода на отметке +5,5 м, т.е. перекрытие проема, вклиниваясь в оболочку свода, образовывало распалубку. Чтобы избежать сходное сечение арки прохода между помещениями 3 и 4 со сводом помещения 4, тело радиальной арки было выложено ступенчатым. Пересекались ли свод нижнего колена пандуса и свод подеста 6, не известно.

Кладка наклонных друг к другу кирпичей

Оконные проемы нижнего этажа замка перекрыты в виде бойниц наклонными кирпичами, поставленными на ребро. Для кладки перекрытий пролетом от 60 до 80 см, вероятно, был использован стеновой кирпич.

Кладка пазухи сводов

Пазуха между оболочками сводов помещений нижнего этажа и полом верхнего заполнена постельной кладкой стенового кирпича на глиняном растворе (рис. 4, а; 5 и 6). На уровне второго кирпича от замка свода, т.е. на высоте 70-75 см от оболочки, был уложен нивелирующий слой глины. Последний в пределах верхних помещений, на отметке +5,45 и +5,55 м, служил полом (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88).

С первого взгляда стены помещений 8 и 9 как бы "вырастают" из сплошной закладки пазух, безотносительно к кладке нижних стен. Однако наложение планов нижнего и верхнего этажей друг на друга, а также сравнение выноса стен по чертежам разрезов здания показывает, что верхние стены возведены над стенами первого этажа здания приблизительно (рис. 3, а). Южная и северная стены помещения 9 сдвинуты внутрь или как бы "нависают" над стенами нижних помещений 2 и 3 на 37-38 см, западная на 45-65 см; лишь восточная стена помещения 9 "заглублена" на 0,7-1,0 м по отношению к торцовой восточной стене нижних помещений 2 и 3. Западная и южная стены помещения 8 "нависают" над стенами помещений 4 и 5 на 37 см, а её северная стена более чем на 1,1 м. Только расположение восточных стен помещений обоих этажей соответствуют друг другу. Чрезмерный вынос северной стены помещения 8 внутрь, согласно Е.Е. Неразика и М.С. Лапиров-Скобло, связан с устройством коленчатого пандуса, выводящего на уровень кровли (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с.89).

Форма сводов и арок, их геометрическое построение

М.А. Орлов определил форму сводов нижнего этажа здания как "коробовую", а их профиль сравнил с низкой многоцентральной кривой (Орлов, 1952, с. 143, 146). "Лучковые" кривые сводов помещений нижнего этажа не трехцентровые, как полагали Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло, а полуциркульные (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88). Они описаны из сильно пониженного центра, расположенного на центральной оси помещения (рис. 5 и 6). При этом, профиль свода над входными проемами из-за распалубки был уплощен.

Детальное изучение авторами раскопа остатков сводчатого покрытия в помещении 9 верхнего этажа позволило реконструировать профиль арок и показать возможную форму купольного покрытия. В результате геометрического построения кривой арок, оказалось, что центры их плеч расположены на 15 см выше уровня пола помещения 9, т.е. на уровне, который соответствует базисной линии построения. Сплошная арка пролетом 7,58 м по направлению север-юг трехцентровая, и имеет форму эллипса высокого подъема (рис. 5). Центры плеч кривой определены делением пролета арки на три равные части. Наклон направляю-

щих плеч равен 45° , так что оба центра находятся в острых углах прямоугольного базисного треугольника. Вершина арки описана из центра, расположенного в прямом угле треугольника.

Кривые двух ветвей составной арки пролетом 6,62 м по направлению запад-восток, примыкавших к сплошной арке, более приподняты, так как при разном пролете высота осевых арок была одинаковой (рис. 6). Пролет составных арок разделен на девять частей, центры плеч отдалены от обоих пят на две части. Направляющие составных ветвей также расположены в острых углах равностороннего треугольника, а их верхняя часть была описана из центра находящегося в прямом углу базисного треугольника.

Ячейки, остающиеся между арками, были, скорее всего, перекрыты сводчатыми оболочками. Последние опирались на "полочку" или консольный вынос кирпичей верхнего ряда стен помещения 9: консоль показана над северо-западным углом помещения на разрезе М.А. Орлова по результатам предварительных исследований (Орлов, 1952, с.143, рис.7). Можно предполагать аналогичный консольный вынос верхних двух-трех рядов кладки в южной, северной и восточной стенах помещения (рис. 5) (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 85, рис. 4). Межарочные оболочки могли выглядеть как четвертинки купола. В этом случае они были сложены горизонтальными полукольцами, радиально расклиненными к вершине; либо вертикальными «отрезками», образующими над углами помещения шов «в ёлку». Последняя техника кладки характерна для сводчатых покрытий типа «монастырский свод» помещений 4 и 5 Большой Кыз-Кала (6-7 вв. н. э.) и Яккипер (11-12 вв. н.э.) в Мерве (Пугаченкова, 1958а, с. 135-138 с рис.; ее же, 1958б, с. 244, рис. 36; Негтманн, 1999, с. 141-143, рис. 52, 140). Вполне вероятно, что почти квадратные угловые помещения здания Бабиш-Мулла 2 в Хорезме (4-3 вв. до н. э.) (Толстов, 1962, с. 158-170, рис. 92, 93) были перекрыты сводами схожей кладки и формы.

Вынос арок внутрь помещения 9 на высоте 3,3 м от уровня пола составляет 1,42 м. Если предложенная реконструкция составного купола верна, то между арками и внешней стеной, на уровне плеч арок, должна была образоваться пазуха. Ее могли заложить консольными рядами кирпичей горизонтальной кладки.

Форма арок проемов и ниш в помещении 9 почти полуциркульна, в ходе раскопок, к сожалению, не обмерена.

Заключение

Анализ конструкций сооружения во взаимной связи с техникой кладки и формой сводчатых покрытий позволяет предполагать, что Барак-Там 1 был построен по меньшей мере в два этапа. Вероятно, в 1 веках н.э. было сооружено одноэтажное сооружение или "ядро", состоящее из помещений 2, 3 и 4-5 (рис. 7, а). Стены этого здания снаружи были расчленены пилястрами, а входной проем, расположенный между помещениями 1 и 2, был высоким и в последующие периоды функционирования здания.

Цельность плана здания-"ядра" в четкости внутренней организации. Постройка схожей планировки обнаружена в Маргиане на поселении Гарри-Кяриз (холм 2, здание 1 периода) и датируется 3 в. до н.э.-

1 в. н.э. (Пилипко, 1975, с. 17; Пилипко, Кошеленко, 1985, с. 217, таб. LXXIV, а; Лапшин, 1995, с. 75-76, рис. 2). Общие размеры "ядра" сооружения Барак-Там 1 около 13,4 x 17,0 м близки размерам здания на Гарри-Кяриз - 12,3 x 20 м.

Возможно, в 4-5 вв. н.э. стало необходимо увеличить жилую площадь "ядра" Барак-Там 1 пристройкой южных помещений и надстройкой помещений второго этажа (рис. 7, б, с). Пандус, соединяющий два этажа, устроили в частично разобранный восточной стене здания-"ядра" 1 веков н. э. Его устройство ослабило наружную стену и привело к последующему разрушению северной и южной части свода помещений 4-5 (рис. 3, б). При надстройке помещений второго этажа, очевидно, строитель обратил особое внимание на целенаправленное распределение тяжести верхних конструкций в структуре "ядра". Опоры арок помещения 9 на втором этаже размещены в соответствии с несущими стенами нижнего этажа. Все стены помещений нижнего этажа толщиной почти 2,8 м, за исключением поперечной внутренней стены-1,8 м, оказались достаточно мощными для восприятия тяжести надстроенных помещений 9 и 8, их стен, купольного и сводчатого покрытий. Для восприятия распора осевой арки и укрепления восточной стены помещения 9, в середине нижнего помещения 4-5 была возведена стена-перегородка, разделившая его на две отдельные комнаты 4 и 5.

Реконструкция структуры и формы сводчатого покрытия помещения 9 Барак-Там 1 вводит в историю архитектуры Средней Азии тип купола, составленного из взаимопересекающихся арок и сводчатых оболочек (рис. 5 и 6). По условиям опор он близок к группе купольных покрытий на квадратном основании, известные как "балхи" и "сомкнутый свод". Однако, если сомкнутая оболочка или купол "балхи" опираются на одно сплошное основание, то составленный купол помещения 9 на Барак-Там 1 имел отдельную по высоте опору: осевые арки опирались на несущие стены нижнего этажа здания, а межарочные сводчатые оболочки - на стены.

Структура купола Барак-Там 1 предвосхищает появление купольных оболочек Яккипер в Маргиане (11-12 вв. н.э., помещения 4-5,6; по Пугаченковой помещения А и Б, Г) (срав. Пугаченкова, 1958а, с. 209-214; Herrmann 1999, с. 166-167, рис. 51, 112) и Рабати-Шараф в иранском Хорасане (1114-1115 гг. н.э., помещения 7 и 83) (Godard, 1949, с. 32, рис. 21-23; Kiani, 1981, рис. плана), в структуре которых арки заменены на гипсовые гурты. Последние служат аналогично куполу на Барак-Там 1 пространственными направляющими сводчатой оболочки. Предшествует он и так называемым нервюрным куполам Средней Азии, появление которых исследователи относят к периоду развитого средневековья, т.е. к 14-15 вв. н.э.

Таким образом, предложенная реконструкция, хотя и не охватывает весь спектр необходимых данных по памятнику, все же позволяет более точно характеризовать тип купола и сводов здания, отдельные черты которых схожи со сводчатыми покрытиями юга Средней Азии и северо-восточного Ирана.

Примечания

Чертежи планов и разрезов сооружения а также реконструкции выполнены автором ста-

тьи на основе опубликованных чертежей Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло за 1959 г.

За нулевую отметку был принят уровень материка. Обмеренный Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло план здания, вероятно, слегка изменен в изданной С.П. Толстовым монографии, где выровнена фасадная стена здания и изменены связанные с ней размеры помещений - срав. Толстов, 1962, с. 240, рис. 151.

В качестве основания столба М.А. Орлов рассматривал остатки «жертвенника» - кирпичной выкладки, размеры которой не соответствуют ширине пристенных арочных устоев.

Гнезда расположены непосредственно над арками ниш и скорее всего принадлежали строительным лесам, с которых было возведено куполообразное покрытие помещения 9 - срав. Толстов, 1962, с. 242, рис. 152.

Более ранний разрез сооружения С. Г. Хмельницкого (Chmelniczki, 1989, с.70) повторяет графическую ошибку чертежей Е.Е. Неразик и М.С. Лапиров-Скобло, на которых не показаны распалубки над входными проемами.

Арки перекрытия и стены помещения 61 размером около 3,4х3,8 м в Каср Харана имеют одинаковую высоту. Пересекающиеся арки сложены из рванного камня на толстом слое, вероятно, известкового раствора.

Идея исследователей о том, что слой глины поверх сводов следует рассматривать как вторую оболочку, неверна (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 88).

Часть разреза А-А по стене между помещениями 2 и 3 не соответствует действительной линии разреза (Неразик, Лапиров-Скобло, 1959, с. 85, рис. 4/3-4; Толстов, 1962, с. 242, рис. 151). На самом деле линия разреза проходит по проему, соединяющему оба помещения. Соответственно моим чертежам «отрезки» свода помещения 3 опираются на арку проема и в этом месте имеют уплощенный профиль.

Литература

1. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 21.
2. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 158-170, 236-241, рис. 92-93, 149-153.
3. Орлов М. А. Барак-Там. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, I. М., 1952, с. 135-152, рис. 1-15.
4. Неразик Е. Е., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки Барак-Там-1 в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции, 5. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954-1956 гг. М., 1959, с. 81-95, рис. 1-8.
6. Chmelniczki S. G. Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelasiens im 5.-8. Jh. Berlin, 1989, с. 71-72, рис. 39.
7. Хмельницкий С.Г. Об одной исчезнувшей форме древней архитектуры Средней Азии. История материальной культуры Узбекистана, 28. Самарканд, 1997, с. 125-142, рис. 12, Н.
8. Пилипко В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.
9. Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. Северная Парфия. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
10. Лапшин А. Г. К вопросу об архитектурно-функциональных параллелях здания на холме 2 сельского поселения Гарры-Кяриз. Культурные ценности. СПб., 1995, с. 75-83.

11. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, 6. Ашхабад, 1958а.
12. Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, 8. Ашхабад, 1958б, с. 218-282.
13. Herrmann G. Monuments of Merv. Traditional buildings of the Karakum. London, 1999, с. 166-167, рис. 51, 112, 156.
14. Godard A. Khorasan. Athar-e Iran. Annales du Service Archeologique de l'Iran. Paris, 1949, IV, Fasc. I.
- Kiani M. Y. Robot-e Sharaf. Tehran, 1981.
15. Urice K. S. Gasr Kharana in the Transjordan. American Schools of Oriental Research, 1940.

H.S. Boymatova

RECONSTRUCTION OF THE VAULT ROOFING OF BARAK - TAM 1
(End of 4 th -beginning of 5 th cent. A. D.)

This article deals with the vault roofing of Barak - Tam 1 buildings (end of 4 th - beginning of 5 th cent. A. D.) found in Khoresm and their reconstruction plan which is given here. All the data established and published by archaeologists as well as measurements done during excavations are put into the basis of this research. Analysis of the form and vault constructing methods has been provided after thorough studies of remnants of the building. The author attempted to specify the form of the cupola like roofing. Special researches on vaults allowed her to determine interconnection between the construction and the structure of the whole building in various stages of construction process.

Chiara Silvi Antonini

UCH KULAKH AN EARLY MEDIEVAL FORT IN THE BUKHARA OASIS

During last years a team of Italian scholars has been carrying out a research project in the Republic of Uzbekistan aimed at providing new data on Sogdian culture and art. The agreement signed with the Institute of Archaeology of the Science Academy at Samarkand provides for a joint activity between Italian and Uzbek specialists, which has been to date carried out with field researches in the Bukhara oasis.

The activity of the archaeological mission started in 1997, composed by Uzbek¹ and Italian² members, has been concentrated on the site of Uch Kulakh, a few kilometres West of Varakhsha. Uch Kulakh (literally “three caps”) owes its name to its peculiar shape, characterized by three prominences raising at a height of about 2 m. on the plain surface of the *tepe*, in its West side. 27 squares (5 x 5 m wide) have been so far excavated (fig.1).

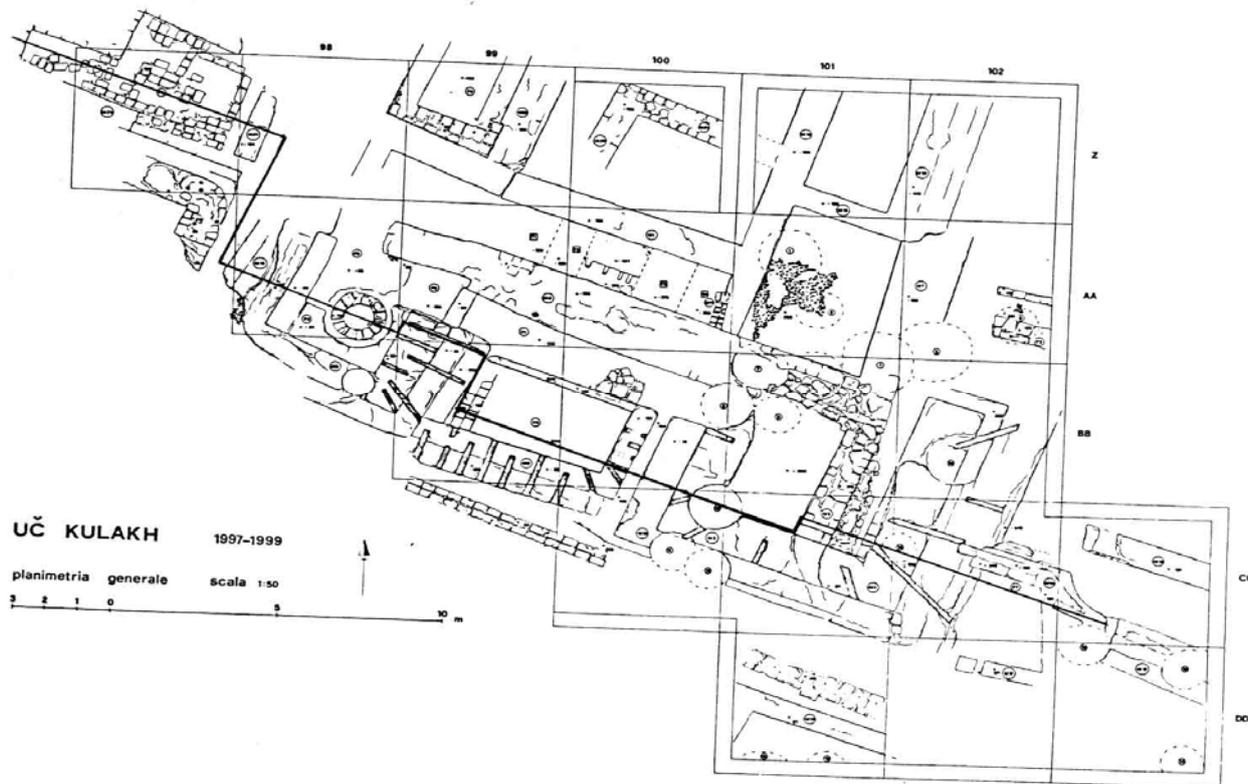

Fig. 1

During the first campaign we brought to light a rampart (M6) almost as high as the central “cap”

and something more than 4 m. long. It has revealed 6 loopholes (alternatively open and false), vertical

on the front side and oblique on the South side (fig.2). They have sloping base and straight top and are set on a West-East axis, so that the arrows were shot towards the interiors of the monument.

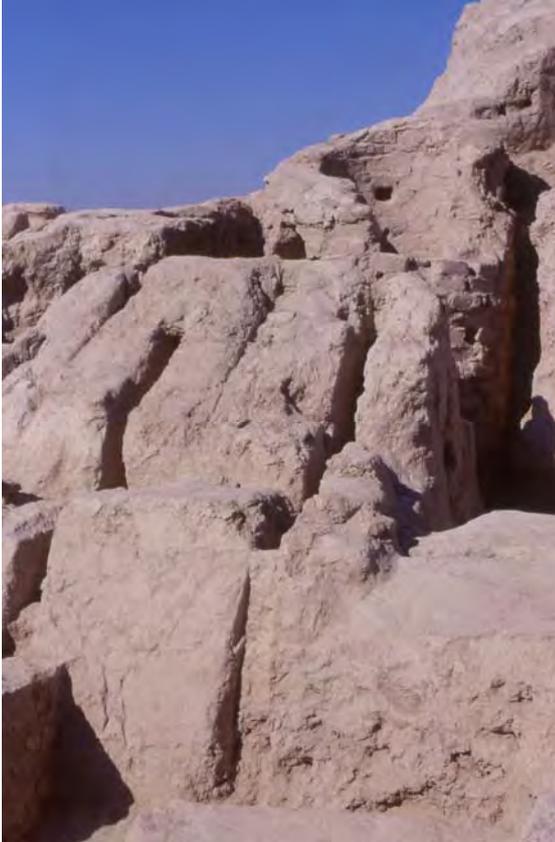

Fig. 2

Another wall (M6a) had been built attached to M6, which was cut in order to give room to a mud brick structure (about 1,5 m. of diameter) of round plan. The removal of part of M6a lead us to ascertain that the inner face of M6 was faced with a plaster layer which concealed the loopholes, but for the easternmost one; the latter seems to have been widened for some other purpose. This “adaptation” of the loophole is likely to be related to the building, on the East side, of the above said round structure. The latter might have served as a cereal (?) store-house, as the presence of a vertical row of hollows on its inner walls - probably meant to provide a sort of staircase - seems to suggest. The room in which this *silos*-like structure was built has revealed a bench on its South and West sides; on the North side, at the floor level, traces of burning have been detected. Both the room and the “store-house” belong to a late epoch (IXth-XIIth centuries AD?), as is witnessed by the size of the

bricks with which they are built (mud bricks, with a sporadic presence of baked brick fragments). A little more than 1 metre southward, a large hole lined with mud bricks has been found. Also the West and North sections of the excavated area have revealed earlier structures (walls, floors), belonging to diverse building periods.

On the West-East axis, we unearthed two walls (M1 and M2) of considerable thickness and very close to each other. Both of them show clear traces of re-employment: the first was cut into two sections, the western one being used as a wall of a room, whereas the ending section of the second provides a wall to the room containing the round structure. On the South side of M2 we found a plane (P1) which can be followed as far as the rampart; it rests on a filling which destroyed the ending part of M6 and, to the East, slopes down and is flanked by a wall (M9) made of *pakhsa* and mud bricks. At the foundation of the latter, on its Southern side, a floor was detected. The last *pakhsa* block of M9 is inserted into M8 and both walls are faced, in the Northern part, by one and the same plaster layer. M8 is oriented on a North-South direction; its West side has revealed four vertical loopholes (two open and two false); as in M6, they are West-East oriented (fig.3). A fifth oblique loophole was found in the corner, that is where the wall bends West towards M6 (fig.4). On this section of the wall (that we called M8a), eight loopholes were found, seven of which vertical (three open, four false) and one oblique. On the Southern side, the wall face is vertical (about 90 cm.), then it shows a projection made of irregular *pakhsa* blocks intercalated with the lower parts of the loopholes. The lower part of the wall has not yet been unearthed, however we can safely surmise a structural analogy with M6. The removal of a very compacted earth filling, in the space among M6, M8, M8a and M9, revealed, on the West side, a seat (?) made of a double row of staggered bricks and a partially preserved floor.

We have then unearthed two more “ramparts” (M3 and M4), the mutual relationship of which is not clear, due also to later interventions, such as the building of further walls (M5, M7) to shape new rooms or the digging of numerous pits which, scattered all over the area, disturbed or destroyed earlier structures. Many of these interventions are well documented by the rebuilding of M3, aimed at closing the loopholes, which, at a certain epoch, were no longer necessary. In the S-N oriented,

Fig. 3

Fig. 4

easternmost rampart (M4) the loopholes were left open; this wall revealed a peculiar building technique: a vertical wall made of *pakhsa* blocks (60 x 35/40 x 30 cm) to which a mud brick scarp wall was added on the East side. Beneath the level of the loophole bottom, a wide burned layer has been detected, which affected also M13, a thin W-E oriented mud-brick wall leaning on M4, as is witnessed, in its central section, by a few rows of bricks which seem to have been baked by a fire. Due to its slight thickness and to its leaning on much stronger walls, M13 is likely to be considered as a later addition, probably meant to determine a “labyrinth”-shaped entrance, a well-known pattern in Central Asian defensive architecture.

The two squares we dug further East did not reveal any structure, but for a thin wall, the base of which rests on a rather high level. However we found many burnt strata in successive layers; this lead us to think that, in ancient times, this area was free from buildings and that later it was only sporadically occupied by itinerant groups or shepherds. We must finally add that the removal of a corner in CC103, aimed at preventing its sliding down, has revealed a sort of pit in which some pots, animal bones and a Kushan coin were deposited. Due to the anomalous position of the find, it is difficult to ascertain whether it was a “treasure”, a hiding-place or an offering.

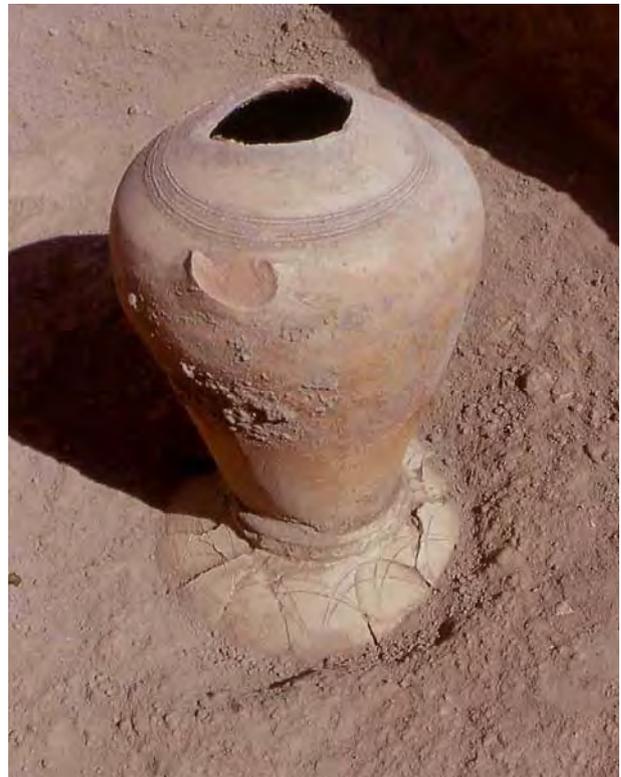
On the North side we dug four squares, where we brought to light walls delimiting square rooms; in none of which, however, did we reach the floor level, but for the Westernmost room, in which we found a *sufa*.

We then opened four squares on the Eastern Side of the *tepe*. Besides pit-holes and burnt traces, we found rows of bricks accurately laid and a N-S-oriented wall which continues beyond the limits of the excavated area. The most interesting find is a draining system made up of a series of superimposed bottomless pear-shaped pots and cylindrical pipes. Both the typological characteristics of the pots and the very draining device (which finds several comparisons in the region) point to a late chronology (fig. 5).

Even from the brief description we have sketched above it is evident that the most notable element of the site is, at this stage of investigation, the presence of ramparts with loopholes in the Southern area of the *tepe*. However their actual function within an organic defence system is still to be clarified. M6, M8 e M4 have loopholes pointing to West and East, whereas in M8a and M3 they are oriented to the South. Moreover the Northern segment of M3 has loopholes oriented

towards the West, those in M13 towards the North. If we suppose, as it seems obvious, that the loopholes were meant to be used for shooting arrows against enemies assaulting the castle, their orientation might have made easier to single out the way to the castle interiors. Unfortunately this is not the case as is evident from the contradictory placement of the loopholes in the different walls. So far, we can advance two possible hypotheses: the entrance might have been situated on the Eastern side, as the area spreading to the East has revealed no structural remains, or on the Southern side, defended by M8, M8a and M12. Both hypotheses may be plausible in different stages of the life (probably not very long) of the castle, which surely witnessed several adaptations and reconstructions.

Fig. 5

The most interesting period in the existence of Uch Kulakh certainly corresponds with the Early Middle Ages, more precisely, as the type of loopholes seems to indicate, the V century AD. Walls and towers with loopholes are attested in citadels and *shahristan* of Sogdian towns, such as Penjikent³, Paykend⁴ and, above all, Varakhsha⁵. From the I century BC up to the IV century AD, in these towns the loopholes show the typical arrow-shaped top, a feature which is lost in later examples. At Paykend, in particular, arrow-shaped slits were found on walls dating to the III-IV century AD, but since the V century the square towers in the citadel show simple linear slits,

orthogonal to the wall surface on side walls and oblique in the corners. Moreover they are set in rows and alternately open and false. A similar situation is found at Penjikent and in the nearby castle of Filmandar (V century AD)⁶.

The search of useful comparisons for the ceramics unearthed in the site is a difficult task, as only a meagre number of potsherds was unearthed in a stratigraphic context; in fact most of them are surface finds or have been found in pit-holes or loopholes. In spite of all this, a preliminary analysis of the material provided useful information in order to work out a plausible periodization of the ceramics. We can postulate three periods: a) middle IVth-Vth century AD; b) late Vth-VIIIth century; c) XIth-XIIIth century. Bowls, ewers and big jars (*khum*) are the most frequent shapes. The ornamentation usually consists of incised lines and relief motifs. In the third period white or blue-green glazed ceramics are prevalent. Bowls, ewers and big jars (*khum*).

There are a few finds, however, which might witness an earlier occupation of the site. Among them, a fragment of fine red-clay carinated bowl, which reminds of Kushan ceramic types. To the Kushan epoch seems to belong a coin found in a hole (CC103). The coin has not yet been properly clean, however we can discern the representation of the king Vasudeva, on the obverse, and of Shiva and his bull (Nandi), on the reverse. In the upper layer of a hole which cut the wall M3 we found a female terracotta statuette with a high hair-dress, a pearl necklaces and a draped tunic. The figurine shows close analogies with the female statuettes unearthed in Bactria, which G.A. Pugachenkova labels as "Bactrian goddesses" and dates to the Ist-II century AD. We can finally mention a much damaged red-clay flask with a flat side, a shape widely attested from Chorasmia to Ferghana and over a long period. According to the broad classification and periodization worked out for this

ceramic type, it seems that the Uch Kulakh flask belongs to the first half of the Ist millennium AD⁷.

We feel sure that the prosecution of the archaeological investigation on the site will bring to interesting results. At the present stage of research, the most notable outcome of our efforts lies in the very typology of the monument, a fortified site for which there are to date no analogies in the Bukhara oasis and in the chance it offers to study peculiar architectural techniques that can be compared to those since long documented in other Sogdian sites.

Our decision to excavate the site of Uch Kulakh was partially due to its being situated close to Varakhsha (therefore to the hope to bring to light the residence of a local landlord linked to the reigning dynasty); however, the archaeological investigation of our *tepe*, which soon revealed itself to be a fort, gave rise to a number of questions. In the first place the problem of the relationships between town and castles, which lead us to start a topographical exploration of the region aimed at the identification of urban centres, castles or rural settlements (of which, according to Shishkin, the area at issue abounded) set at a variable distance from the towns. In this way we may get a fuller understanding of their respective incidence in the topography of the region and of the socio-economic situation of this part of the Bukharan oasis in the Early Middle Ages.

Moreover, as we noted above, Uch Kulakh has shown clear proofs of a reoccupation in the Islamic period, a situation matched by almost all the other settlements of the area (as is witnessed by the surface finds). After the military conquest and the consequent flight of the urban population, life started again both in the towns and in the countryside.

The transition between the Early Middle Ages and the Samanid period is doubtlessly a stimulating subject which deserves further study and field research.

1. Mirzaachmedov, , Berdymuradov, Sh.T. Adylov
2. Noci, C. Amici, C. Lo Muzio, F. Filipponi
3. Isakov, *Citadelr drevnego Pendzhikenta*, Dushanbe 1977; Id., *Drevnij Pendzhikent*, Dushanbe 1982; A.M. Belenickij, B.I. Marshak, V.I. Raspopova, A.I. Isakov, *Raskopki na gorodishche drevnego Pendzhikenta*, in *ART*, 13 (1973), Dushanbe 1977.
4. Muchamedzhanov, Sh.T. Adylov, Dzh.K. Mirzaachmedov, G.L. Semenov, *Gorodishche Pajkend*, Tashkent 1988; G. Semenov, *Sogdijskaja fortifikacija V-VIII vekov*, Sankt Peterburg 1996.
5. Shishkin, *Varachsha*, Moskva 1963, pp. 107-109.
6. Chmelnizkij, *Zwischen Kuschanen und Araber. Die Architektur Mittelasiens im V-VIII Jh.*, Berlin 1989.
7. Brykina, *Jugo-zapadnaja Fergana v pervoj polovine nashej ery*, Moskva 1982; see also B.A. Litvinskij, *Keramika iz mogilnikov Zapadnoj Fergany*, Moskva 1973, pp. 136-38, figs. 24-27; V.A. Shishkin, *op.cit.*, figs. 68 70 and 73

С. Хмельницкий

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАМКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Археологические работы последних лет поколебали теорию общего кризиса городской культуры Средней Азии во время предисламского средневековья, популярную в советской исторической и историко-архитектурной науке. Общее культурное состояние среднеазиатского региона, как оно видится сейчас, говорит как будто о том, что если ранняя ступень перехода от античной культуры к средневековой (3-4 вв.), действительно, выразилась в некоторых местах в упадке городов и кризисе городской культуры, то позже эта культура пережила едва ли не повсеместный расцвет, который продолжался и после арабского завоевания, уже на иной политической и духовной основе.

И всё же несомненно, что в течение 5-8 веков не город и городское жилище, а отдельно стоящий замок, укрепленная усадьба аристократа-земледела были самым массовым и характерным объектом монументального строительства на всех оседлых, земледельческих землях Средней Азии. Обычное для этого времени сочетание укрепленной, высоко поднятой усадьбы и лежащего у её подножия поселения предвосхищает структуру раннесредневекового города, который при благоприятных условиях возникал под защитой крупного замка; сам же замок в таком случае превращался в городскую цитадель с резиденцией правителя, «средоточием власти» для горожан.

Непременные составляющие таких усадеб - их оборонительные системы, соотношения жилищ, дворов и хозяйственных построек, - были разнообразны, но во всех случаях именно центральное здание, собственно замок - «кёшк» было тем сооружением, которое воплощало своим внешним обликом и внутренним устройством самые типичные черты архитектуры своей эпохи, оказывая заметное воздействие на

другие гражданские сооружения. Это воздействие определялось общественной функцией замков: соединяя в себе качества богатого жилища и властного центра, замки должны были обладать важными чертами сходства как с дворцовыми зданиями и комплексами, так и с обычными городскими и сельскими жилищами. Такая срединная позиция замков в общей картине среднеазиатской архитектуры 5-8 вв., универсальный характер некоторых черт их устройств и облика приводят к известной «размытости» типологических границ явления. Но это обстоятельство и снижает, как будто, степень формальной условности, неизбежной при попытке классификации сложных явлений, и позволяет рассматривать их на широком архитектурно-историческом фоне.

Видное место раннесредневековых замков в общей картине архитектуры своей эпохи и значительное количество уже собранного архитектурно-археологического материала вызывают необходимость их классификации. Попытки такого рода делались неоднократно, и некоторые из них стали бесспорным вкладом в архитектурно-историческую науку своего времени. Всё же проблема ещё не может считаться решенной даже в самых общих чертах. Ограниченность фактического материала на первых порах вызывала неправомерные обобщения, когда локальные особенности архитектуры какой-либо области распространялись на все строительное искусство Средней Азии. В других случаях за критерий классификации принимались важные, но не основные качества сооружений, в третьих - смешивались критерии разного порядка и значения, например, общественно-политические и собственно архитектурные.

В.В.Ворониной была предложена гипотеза, согласно которой укрепленным жилищам древнего Хорезма была свойственна планировка (то - есть, такая, в которой ядром компактного здания служит среднее квадратное помещение), тогда как особенностью жилищной архитектуры Согда, Уструшаны и верховьев Сырдарьи была коридорно-гребенчатая, «линейная» система плана. В первом случае назначение помещений дифференцировано, во втором, как правило, нет (1). Сопоставление этой гипотезы с известным ныне архитектурным материалом показало, что коридорно-гребенчатый способ планировки не был особенностью какого-либо одного региона Средней Азии, что он употреблялся много веков практически повсюду как специфическая структура жилищ особого, военно-казарменного назначения (2). Такой взгляд на коридорно-гребенчатую планировку нашел поддержку у исследователей истории Хорезма (3). Сейчас можно добавить, что система нешироких сводчатых помещений (не обязательно «гребенчатая», то - есть группирующаяся вокруг осевого коридора) была употребительна в нижних цокольных частях двухэтажных кёшкков: в таких комнатах- коридорах проживали слуги и хранились припасы.

Предложенная В.А.Нильсеном классификация доисламских сельских поселений вызывает возражение из-за разнородности критериев, положенных в её основу (4). В общем и не очень определенное понятие «сельское поселение» В.А.Нильсен включил замки с примыкающими к ним собственно селениями, отдельно стоящие замки и крестьянские селения. Намеченный здесь как будто социальный критерий не выдержан, так как замки «первого» и «второго» типа в этом аспекте не отличаются одни от других, - все они представляют собой укрепленные жилища землевладельцев. Несопоставимы и объекты «второй» и «третьей» групп, различные по социальной и архитектурной природе; да и едва ли правильно называть отдельно стоящий замок сельским поселением.

Планово-пространственную структуру замков В.А.Нильсен не рассматривает, из-за этого типологически близкие здания попадают в разные группы, а типологически различные - в одну группу. Недостатки этой классификационной схемы были отмечены в научной литературе (5). Кроме того, нельзя согласиться с утверждением В.А.Нильсена о невозможности выявить какие-либо типовые решения или композиции в архитектуре замков 5-8 вв. (6) - такие решения и композиции несомненно имелись,

как и в любой другой древней архитектуре, ориентированной на нормативность и устойчивый стереотип.

Опыт классификации раннесредневековых замков Уструшаны, предложенный Н.Н.Негматовым, тоже грешит неопределенностью и сомнительностью основных классификационных признаков (7). За основу здесь приняты внешние укрепления и укрепленность самого здания, что приводит к путанице: в одну (первую) группу вошли здания Калаи Кахкаха 2 и Уртакурган, различные и по внутреннему устройству, и по назначению. Калаи Кахкаха 2 - не укрепленный и имеет весьма условное сходство с настоящим замком; сопоставлять её с замком - усадьбой Уртакурган нет оснований. Крупный замок Чильхуджра выделен в отдельную группу только потому, что у него нет внешних укреплений (в них не было нужды из-за удобного высотного расположения здания), без малейшего внимания к его внутреннему устройству и периодам строительства. Как классифицирующий признак Н.Н.Негматов отмечает укрепленность здания Чильхуджра, хотя его изначальное ядро было укреплено не более, чем здание Уртакурган, выделенное в другую группу. Необоснованность сопоставления Чильхуджры с хорезмийскими «усадьбами без донжона» отметила Е.Е.Неразик, (8) - оно формально и неверно по существу, так как внутренняя обходная анфилада Чильхуджры, представляемая по аналогии с Хорезмом как свидетельство ранней датировки, возникла в результате сравнительно поздней обстройки замка.

Столь же формально сопоставление Чильхуджры с различными доисламскими замками Средней Азии на основании отсутствия у них внешних укреплений, либо по причине отдельных совпадений планировки (например, с замком Аултапа, - он оборудован обходным коридором, который неправомерно сравнивается с поздней анфиладной обстройкой Чильхуджры). Вообще же тип укреплений усадьбы-замка определялся в первую очередь конкретными условиями местности, поэтому он меньше всего может быть основополагающим признаком архитектурной классификации, основанной на устойчивых традиционных приёмах. Неверный выбор критериев классификации Н.Н.Негматов усугубляет формальностью, а подчас и произвольностью сопоставлений. И здесь это приводит к неоправданному разделению зданий, родственных по их архитектурной природе, и столь же искусственному объединению несхожих зданий.

Предлагаемая здесь классификация ранне-средневековых замков Средней Азии основана на анализе их собственной планово-пространственной структуры как главной архитектурной характеристики сооружения, как устойчивой (хотя, конечно, меняющейся со временем) системы функциональных и композиционно-художественных связей, характеризующих определенную архитектурную традицию. При этом замком (кёшком) подразумевается центральное здание укрепленной усадьбы аристократа-земледела, служившее владельцу, его семье и, возможно, слугам. Постройки такого рода иногда именуются донжонами, что, по-моему, неверно, - уже потому, что донжоны европейских замков (равно как замков Ширвана в Азербайджане) были фортификационными, а не постоянными жилыми сооружениями.

Несомненно, что характер связей владетельной усадьбы с соседним крестьянским поселением и особенности её фортификации заслуживают внимания при определении классификационной принадлежности замка. Но эти факторы - в общем второстепенные и для целей предлагаемой работы необязательные, также как строительные материалы, конструкции и приёмы художественного убранства.

В конкретно-социальное понятие «замок» не входит и здесь не рассматриваются сельские поселения афригидского Хорезма, населенные общинниками-земледельцами и представлявшие собой своеобразные дома-массивы с наружными укреплениями, внутренними дворами и входными коридорами. При некотором внешнем сходстве с архитектурой замков их социальная принадлежность иная, что и определило особенности устройства этих деревень-крепостей (9). Не входят в предлагаемую классификацию и здания особого оборонно-сторожевого назначения, обладающие чертами сходства с замками, но предназначавшиеся для размещения военных отрядов или гарнизонов. К сооружениям этого типа относится «замок» на горе Муг (10), Тирмизак-тепе, «казарма» в Шахристане и другие здания с коридорно-гребенчатой планировкой, которые я перечислил в упомянутой работе (11). Эта планировка, отвечающая функциям военного общежития, четко отделяет подобные здания от подлинных замков - укрепленных, суровых внешне, но обычно сравнительно комфортабельных фео-

дальных жилищ. Наконец, здесь не рассматривается и упомянутое здание Калаи Каххаха в Шахристане, - оно, как говорилось, не было жилищем в прямом смысле этого слова, а предназначалось для специальных функций, представительных и административных, которые определили его необычное внутреннее устройство и связи с лежащим перед ним двором.

Ограничение рассматриваемого архитектурно-исторического материала социальными рамками методологически необходимо, хотя и сопряжено, конечно, с известными трудностями: не всегда общественное содержание архитектуры поддается бесспорной расшифровке, и не всегда оно бывает однозначным. Жизнь, как известно, сложнее и богаче любых схем, в том числе и классификационных, - некоторая схематизация здесь неизбежна, но и необходима, чтобы организовать определенный исторический материал, а не беспомощно утонуть в нем.

Раннесредневековые замки в Средней Азии по большей части строились двухэтажными, причем нижний этаж в таких случаях занимали хозяйственные и подсобные помещения, а жилые комнаты располагались на верхнем. Именно этот жилой этаж, его планировка характеризует замок в интересующем нас классификационном аспекте. Поэтому во всех возможных случаях планировка замков рассматривается здесь на уровне главного жилого этажа, состоявшего из парадных и бытовых жилых помещений, - их устройство, взаимное расположение и связь определяют место здания в классификационной схеме.

Самым простым и генетически наиболее ранним типом среднеазиатского замка представляется здание, плановое устройство которого определяется периметральной, замкнутой обстройкой внутреннего двора (рис. 1). Замки этого типа обычно одноэтажны, единственный этаж поднят на массивную платформу-стилобат. Их периметральная обстройка состоит, как правило, из одного ряда помещений, относительно единообразных, со слабым выявлением индивидуальных функций. Вход либо не выделен вовсе, либо представляет собой укрепленный башенный выступ, схожий с входным укреплением античных крепостей; глухие фасады выглядят единообразно. Простота планировки, в которой требования удобства отступают перед мерами безопасности,

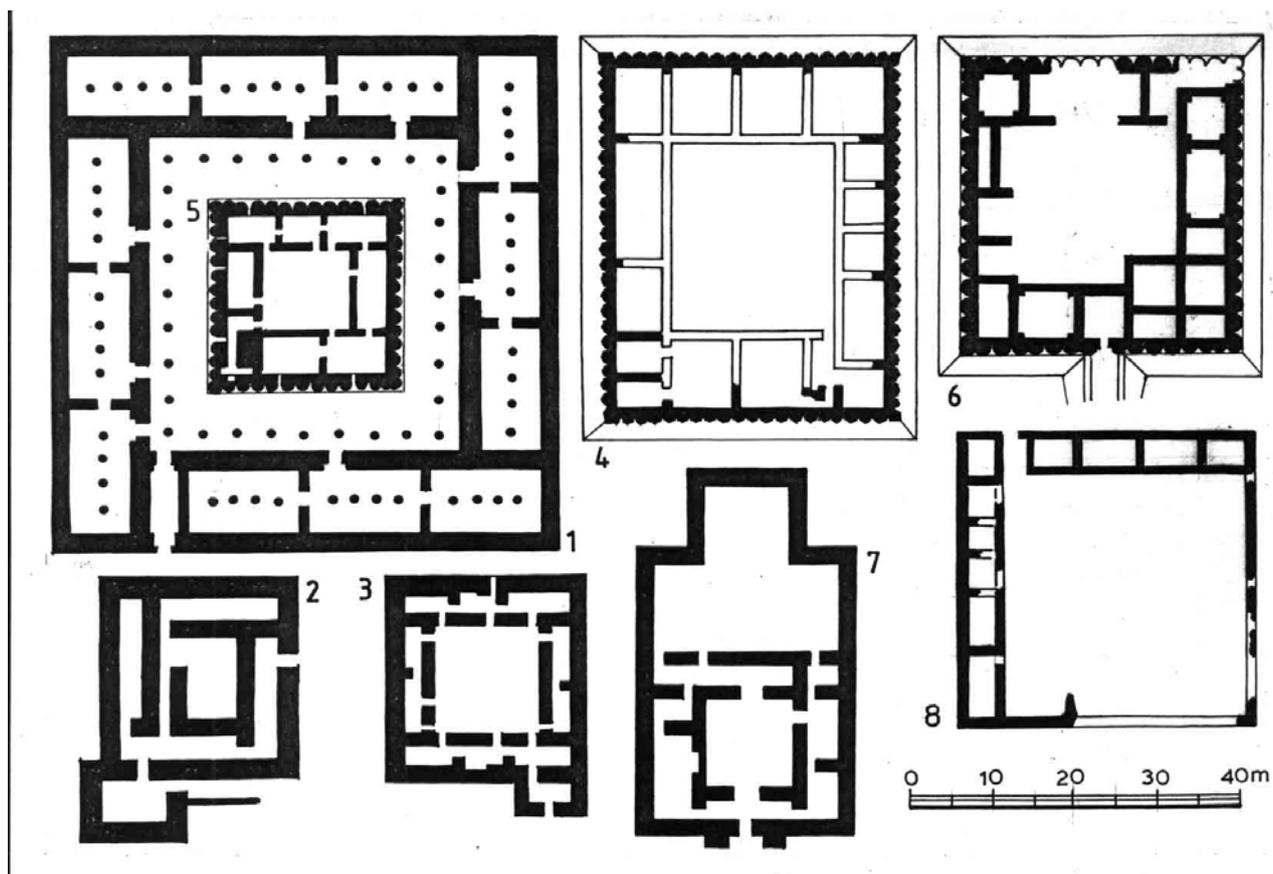

Рис. 1. Замки I типа. Таблица планов

позволяет видеть в замках этого типа ту архаическую первооснову, из которой позже вышли замки следующих двух типов. Это подтверждается прямой и близкой связью замков первого типа с постройками предыдущего, античного периода среднеазиатской (и вообще средневосточной) истории, - такими, как «квадратный дом» в Старой Нисе (2 век до н.э.) (рис. 1/1) (12), согдийское здание поселения Чоль-Тобе в Южном Казахстане и дом в Кызыл-Кыре (Бухарский оазис, 1 век н.э.) (13), в которых центральное пространство размером 7x8 м было, возможно, перекрыто (рис. 1/2). Все эти здания объединяет, кроме общего принципа планировки, расположение удлиненных помещений «плашмя» по отношению к внутреннему двору и линии фасадов, и смыкание их торцами. Эти особенности есть в одном из самых ранних замков первого типа - Балалык-тепе, который датируется его исследователем 5 веком (14) (рис. 1/3). Он стоял на юге Шерабадской долины в исторической области Тохаристан, в местности, богатой памятниками раннего средневековья. Но рядом с замком не были обнаружены следы сельского поселения, ни какие-либо иные постройки, кроме остатков отдельно стоявшей входной башни.

Замок стоял на монолитной платформе 6-метровой высоты и представлял собой каре узких (иногда менее 2 м шириной) сводчатых помещений, открытых входами во внутренний квадратный двор. Комнаты каждой стороны соединялись между собой; у восточной оконечности южного фасада имелся, как будто, прямоугольный входной выступ. Это находит прямую параллель в античном доме на Кызыл-Кыре и показывает связь замков первого типа с архитектурой предыдущей эпохи. Четкости планировки здесь сопутствует отсутствие функциональной дифференциации помещений, которые составляют четыре группы по сторонам двора: комнаты могли быть и жилыми, хозяйственными, но их вытянутая коридорообразная форма была едва ли удобна и совсем не годилась для выполнения парадных, представительных функций. Поэтому, видимо, здание и было позже перестроено по новой «программе», социальная идея которой легко различима. Простейшая планировка Балалык-тепе первого периода позволяет видеть в нем генетически самый ранний образец замков первого типа, соответствующий времени, когда престижные функции земельной аристократии ещё не полу-

чили достойного архитектурно-художественного оформления.

В Северном Хорасане (Маргиана) замки первого типа представлены тремя кёшками в районе древнего Мерва, - это большая и малая Кыз-кала (рис. 1/4,5) и большая Нагим-кала (рис. 1/6). Все они датируются 6-7 вв. (15) и представляют собой квадратные или удлиненные в плане здания, у которых нижний этаж выглядит как глухой цоколь с наклонными гранями, а верхний оформлен вертикальными выступами-гофрами. Мервские замки фактически не раскапывались, многое в их устройстве неясно, - например, устройство средних частей нижнего этажа, лежащих под двором, в который обращены входные проёмы верхнего этажа. Судя по некоторым аналогиям, можно думать, что в средней части этих замков, под двором были монолитные массивы-платформы, окруженные помещениями по периферии (16).

В большой Кыз-кале, судя по остаткам стен верхнего этажа, внутренний двор размером 22x19 м охватывало каре разнообразных по форме и размерам помещений, расположенных в один ряд. Комнаты здесь не такие вытянутые, как в Балалык-тепе, среди них есть квадратные, они обращены ко двору то торцевыми, то боковыми сторонами (17). И хотя план-реконструкция не позволяет усмотреть здесь помещения специального, представительного назначения, некоторое преодоление функциональной нивелировки, характерной для Балалык-тепе, в этом замке все же заметно.

Малая Кыз-кала, несколько меньшая, чем Балалык-тепе, близка ей квадратной формой плана и квадратным двором, охваченным по верхнему этажу однорядным каре помещений (18). И здесь возросший уровень комфорта и усложнение функций жилища выразились в укрупнении помещений, разнообразии их форм и взаимосвязей. Следствием стало уменьшение площади двора: он еще не достиг размеров, позволяющих перекрыть его куполом, но близок к ним. Общая доля двора в плановой структуре здания здесь меньше, чем в Балалык-тепе, - это особенно хорошо заметно из-за близких размеров обоих зданий.

Остатки верхнего этажа большой Нагим-калы указывают на то, что и здесь был внутренний двор, квадратный или удлиненный, окруженный сплошной обстройкой разнообразных помещений (19). Форма некоторых из них усложнена широкими четырехсторонними нишами, - косвенное свидетельство купольных перекрытий. В правой части на южной стороне,

отмеченной посредине эффективным порталом, комнаты расположены в два ряда - может быть, это признак того, что двору со стороны портала и вестибюля отвечала внутренняя ниша-айван, и что двор, значит, был более сложной конфигурации, чем в предыдущих случаях. Исходная схема усложнилась здесь еще больше, но её типологическая основа, определяющая классификационную принадлежность, сохранилась.

В системе разнообразных помещений, окружающих двор большой Нагим-калы, выделяются две крупные комнаты, - одна из них лежит левее вестибюля и сообщается с ним. Их назначение было, вероятно, парадно-представительным: стены здесь оформлены нишами. Правда, эти помещения стоят в ряду других и композиционно не выделены, - этому препятствует сама планировочная схема, основанная на приеме каре. Автоматическое усложнение этой схемы не могло, очевидно, оптимально решить задачу, порожденную общественно-сословными условиями времени, - следовало искать новый путь, трансформируя саму систему.

В Хорезме замки первого типа представлены двумя образцами. Замок в Беркуткалинском оазисе характерен массивным порталом и двором, примыкавшим к зданию сзади и равным ему по ширине (рис. 1/7) (20). Внутренний квадратный двор, величиной близкий двору малой Кыз-калы, окружен удлиненными комнатами, расположенными (кроме промежуточных камер) традиционно длинными сторонами вдоль двора. Большое помещение слева от входа оформлено крупной осевой нишей, - оно служило, вероятно, приёмным залом. Осевая симметрия замка, подчеркнутая порталом и обширным наружным выступом внешнего двора, указывает на местные пути эволюции традиционной плановой схемы.

Второе здание - усадьба «с» близ Аяз-калы 2 - удивляет, наоборот, необычно примитивным устройством (рис. 1/8) (21). Это обширный квадратный двор, только с двух сторон, северной и западной, охваченный обстройкой из одного ряда небольших узких комнат. Отсутствие стилобата и слабая защищенность позволяют думать, что это была усадьба земледельца, в которой использованы некоторые, самые элементарные приемы планировки замков первого типа в их архаическом варианте.

Трансформация замков первого типа шла в направлении специализации помещений, соответственно этому - разнообразию их форм и размеров, большей комфортабельности и, не в по-

следнюю очередь, росту репрезентативно-представительных функций этих привилегированных жилищ. Всё это требовало иной внутренней организации. Следствием стало появление замков второго типа, у которых сократившийся в размерах квадратный двор был перекрыт куполом и превращён в центральный зал парадно-приёмного назначения.

Центральное расположение купольного зала при компактно-квадратном плане имеет следствием более или менее чёткую четырёхстороннюю симметрию, а в некоторых случаях, вероятно, и эффект «пятиглавия» - сочетание среднего большого купола с малыми куполами над угловыми комнатами. Этот эффективный приём должен был усилить выразительность облика монументального жилища, сообщить ему черты торжественного величия. Расчёт на представительную парадность, воплотившуюся в многосторонней симметрии планов, отличает замки второго типа от их генетических предшественников и выражает, вероятно, определенные социальные изменения.

Идея аристократического жилища с ядром в виде приёмного зала опиралась, может быть, и на местную античную традицию: в 3-2 вв. до н.э. крупные сооружения такого типа строились в Хорезме, но зал в них - судя по сохранившимся образцам - был охвачен помещениями только с трех сторон, - на четвертой располагался широкий входной айван (22).

Характерный образец замков второго типа - здание 6-7 вв. под Самаркандом (рис. 2/1) (23). Квадратное в плане и двухэтажное, оно стояло на высокой платформе со скошенными гранями. Верхний этаж не сохранился; по убедительному предположению исследователей он занимал лишь среднюю часть постройки на нижнем этаже, отделенную замкнутым круговым коридором от боковых одноэтажных частей. Но плановое устройство средней части нижнего этажа так характерно, что позволяет с определенной точностью восстановить план исчезнувшего верхнего этажа, - если предположить, что основные несущие стены на обоих этажах совпадали, и что крупным верхним комнатам соответствовали малые хозяйственные и служебные комнаты, вписанные в те же габариты (рис. 2/2).

В углах квадрата нижнего этажа лежат одинаковые квадратные (около 4х4 м) комнаты, между ними на осях плана расположены небольшие удлиненные камеры с выходом в обводной коридор. Углы квадратных комнат, обращенные к центру здания, прорезаны входами,

- они ведут в две параллельные длинные комнаты, лежащие в геометрическом центре плана и вписанные, вместе с разделяющей их стеной, в квадрат величиной 8х8 м. Очевидно, что на эти сводчатые помещения был поставлен центральный квадратный купольный зал верхнего этажа, соединенный угловыми диагональными проёмами с квадратными (тоже, может быть, купольными) угловыми помещениями. Не исключено, что за счет некоторого утоньшения стен верхнего этажа величина помещений здесь была больше, чем у их нижних служебно-хозяйственных «двойников».

Строгая осевая симметрия верхнего этажа свидетельствует о его представительном назначении, а сочетание большого купольного помещения в центре и малых, тоже купольных комнат на углах даёт основание реконструировать здесь эффектное пятиглавие, дальний отголосок которого сохранен в облике мавзолея Саманидов, чья генетическая связь с архитектурой доисламских кёшков представляется несомненной. Совокупность этих соображений легла в основу реконструкции-гипотезы плана верхнего этажа замка, предлагаемой здесь (рис. 2/2).

Кёшку под Самаркандом типологически очень близок замок Аултапа в долине Кашкадарьи (рис. 2/3) (24). Здание, видимо, было квадратным в плане и тоже чётко делилось на две части: периметральную одноэтажную обстройку и двухэтажное ядро, отделенное от обстройки обходным коридором. Периметральную часть составляли жилые и хозяйственные помещения, расположенные в ясном порядке, с чередованием больших и малых комнат; их входы обращены в коридор. Нижний этаж ядра образует помещения, среди них виден пандус, который вел на несохранившийся верхний этаж. В сложной системе планировки ядра виден порядок, позволяющий, как и в предыдущем случае, понять устройство верхнего этажа: две пары капитальных стен образуют здесь подобие широкого креста и создают опору для верхних конструкций. Это позволяет представить себе верхний этаж в виде крестообразного помещения (купольный центр и четыре сводчатые ниши, как в предыдущем случае) с угловыми комнатами. Но при таком варианте купольный центр был бы слишком мал, - только 4 м в стороне, - и едва ли мог выполнить функции главного приемного помещения. Вернее предположить, что на пересечение стен нижнего этажа опирались столбы или пилоны, и весь верхний этаж был занят

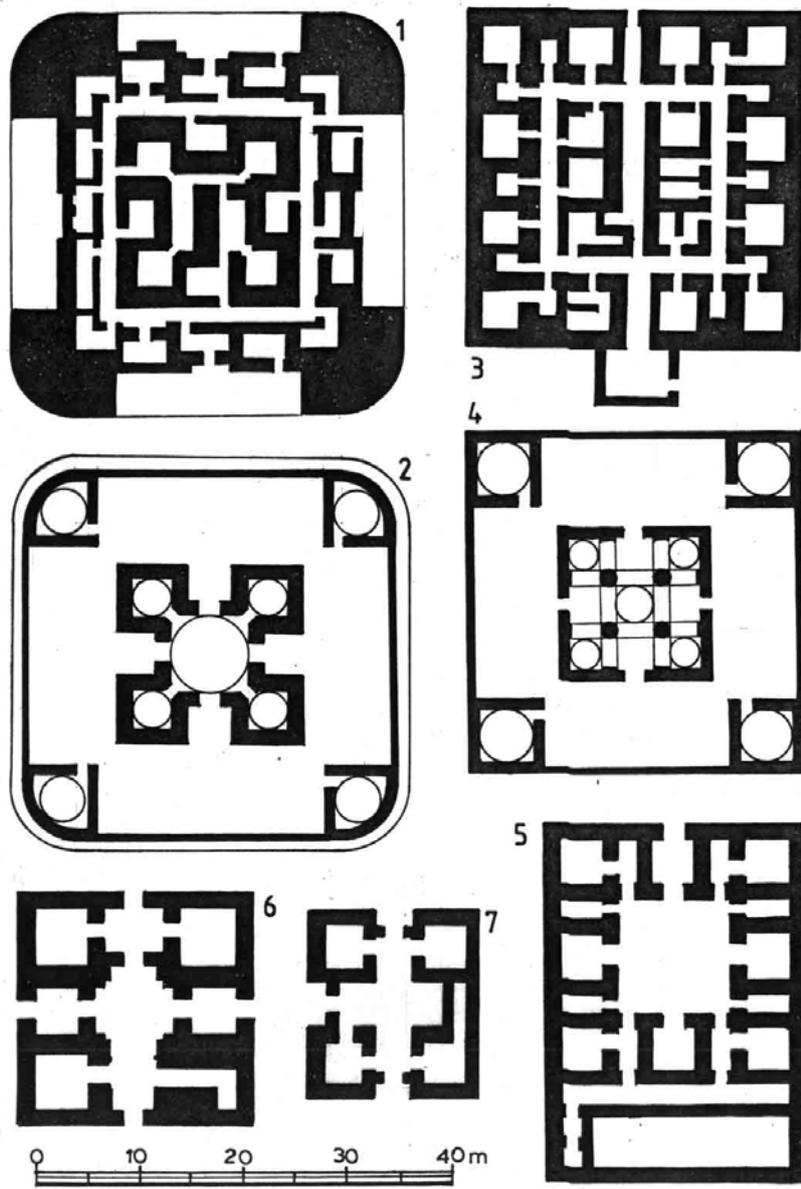

Рис. 2. Замки II типа. Таблица планов

приемным залом с четырьмя опорами, которые несли купольные и сводчатые перекрытия (рис. 2/4).

Подобные залы в архитектуре Средней Азии 5-8 вв., оказали ощутимое воздействие на сложение архитектурных форм последующего времени. Верхний зал Аултапа должен был быть 14-15 м в стороне, с пролетом купола и сводов 4,4-4,2 м, - для сырцовых перекрытий это далеко не предел. Многочисленность жилых помещений позволяла здесь использовать весь верхний этаж для празднично - представительных церемоний, организованных в просторном и эффектным зале, чья центрическая

структура отвечала приёму планировки всего здания.

В Хорезме замки второго типа, датируемые 5-8 вв. пока не обнаружены, - за исключением замка в усадьбе 79 в Каваткалинском оазисе: здесь посредине квадратного плана можно усмотреть квадратный же зал величиной около 7x7 м (25). Но прямые потомки доисламских замков этого типа известны в южном Туркменистане. Таков дом в квартале керамистов Мерва (рис. 2/5) - его квадратный объём включал центральный купольный зал размером около 12x12 м. В зал обращены входы всех окружающих его помещений, расположенных строго симметрично относительно центра и перекрытых поочередно куполами и сводами (26).

Устройство другого дома в Мерве (он датируется, как и предыдущий, 11-12 вв.) определяется такой же строгой многосторонней симметрией, даже с тремя осевыми входами (27). Его среднее купольное пространство невелико, но четыре глубокие сводчатые ниши с шириной, равной стороне центрального квадрата, превращают его во вместительный крестообразный зал (рис. 2/7). Соединенные с центром угловые квадратные камеры придают зданию законченную симметрию.

Еще одно мервское здание того же времени, именуемое Яккипер, демонстрирует аналогичный принцип планировки: зальное купольное ядро и его симметричное окружение, замкнутое в квадрат наружных стен (28). У Яккипера было по одному входу посредине каждого фасада, и строгая симметрия его плана нарушена лишь в одном из углов, где место квадратной сводчатой комнаты занял наклонный коридор пандуса (рис. 2/6). Но средний зал Яккипера, даже расширенный широкими осевыми нишами, сравнительно невелик, и это сближает

мервского потомка замков второго типа с замками следующего третьего типа.

Эти замки в генетическом аспекте представляют собой следующий этап трансформации замков первого и второго типов. В них сохранен центрический принцип планировки, но среднее помещение здесь еще более сокращено в размерах и из парадного приемного зала превратилось в сравнительно небольшой холл-тамбур, соединенный со входами и окружающими его помещениями; одно из них, расположенное обычно недалеко от входа, принимает на себя функции парадной гостиной. Возможно, что эта трансформация была вызвана чрезмерной, в ущерб удобствам, парадности устройства замков второго типа и ее последствиям функционально-бытового характера. Расположение приемного зала в центре жилища, если только он не выносился наверх, лишало его изоляции и даже превращало, несмотря на обходной коридор, в проходное помещение. Такой проходной комнатой, холлом и становится центральное помещение в замках третьего типа, сохранив, правда, своё композиционное значение ядра здания. Поэтому сократившееся в размерах помещение сохранило значительную (иногда в два этажа) высоту и куполь-

ное перекрытие, венчавшее компактный объем замка снаружи. Самые выразительные образцы замков третьего типа сохранились в Хорезме.

Один из известнейших из них - Тешик-кала (рис. 3/3) (29). Здание было возведено на высоком цоколе-платформе, оформлено на всех фасадах гофрами и состояло из помещений разных размеров и форм, сгруппированных вокруг небольшого квадратного холла в геометрическом центре сооружения. Продолговатый вестибюль соединяет холл со входом, двери из вестибюля ведут в приемный зал с «тронной» нишей в глубине и в противоположную каральную комнату, - только у этих двух помещений нет прямой связи с холлом. Для прочих помещений, сгруппированных разнообразно и продуманно, холл служил связующим центром: в него выходят 6 дверей (включая дверь ведущей на кровлю лестницы), так что при величине холла около 4х4 м. его ограждение состоит почти все из узких простенков между проемами. Особенно толстые стены холла - признак его большей, чем у других помещений, высоты, и того, что он был, вероятно, увенчан куполом на световом барабане: иным способом осветить холл солнечным светом было нельзя.

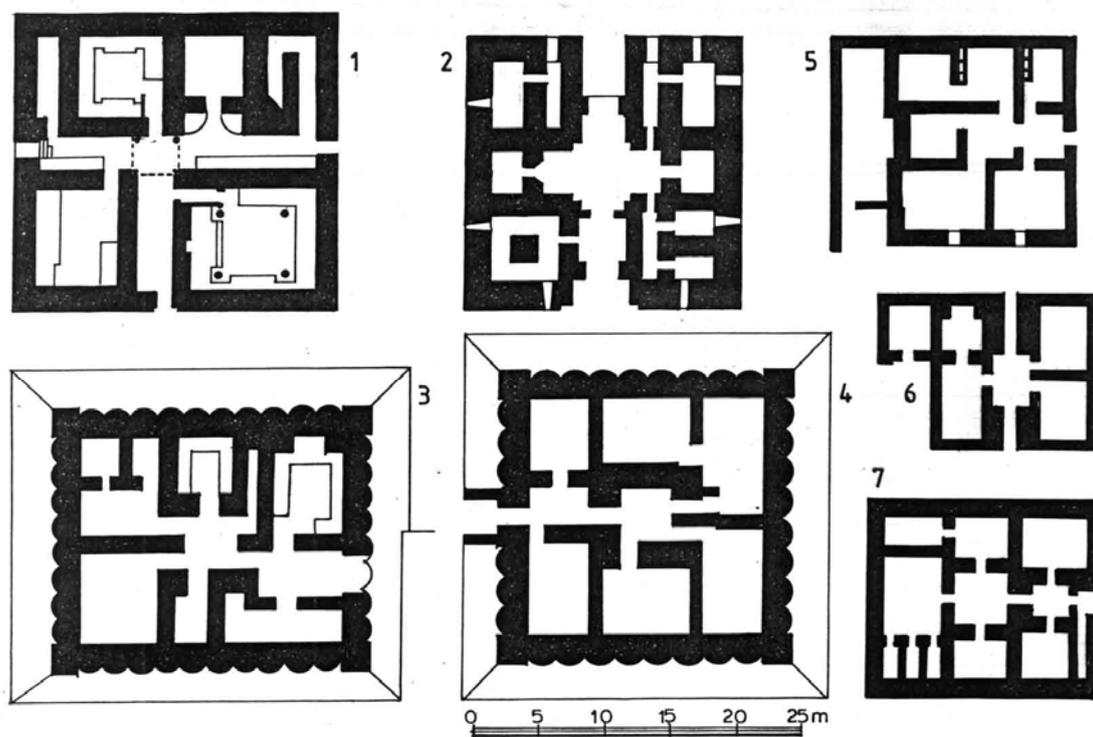

Рис. 3. Замки III типа. Таблица планов

Близкое типологическое родство с Тешик-калой демонстрирует хорезмийский замок Якке

Парсан (рис. 3/4 (30). Здесь в габаритах строго квадратного плана (18х18 м) вокруг среднего

квадратного холла (4x4 м как в Тешик-кале) сгруппировано 7 жилых и хозяйственных помещений, которые почти все непосредственно связаны с холлом. Исключение, тоже как в Тешик-кале, составляют две комнаты у входа, в которые попадали из небольшого вестибюля между входным порталом и холлом. Стены холла немного толще прочих внутренних стен замка, опять-таки как в Тешик-кале. Исследователь отметил, что холл венчался куполом и был выше окружающих его помещений (31), и что купол опирался на барабан, в котором, возможно, были прорезаны световые проемы (32).

Скромная величина холлов Тешик-калы и Якке Парсана свидетельствуют об их функциональной принадлежности: это были, как говорилось, распределительные тамбуры, обеспечивавшие связь между помещениями. Вместе с тем, центральное расположение, большая высота и купольное венчание, не оправданное размерами, подчеркивают особую композиционную значимость этих небольших помещений и их генетическое родство с парадными залами замков второго типа.

Характерные формы замков третьего типа сохранялись в Хорезме особенно долго. Об их традиционности здесь свидетельствуют жилые сооружения 11-12 вв. - дома 1,20 и 21 в урочище Дарьялык-куль (рис. 3/7,5,6) (33), - по всем признакам внутреннего устройства они выглядят ближайшими потомками Тешик-калы и Якке Парсана. В доме 1 совпадают и величина холла - 4x4 м, - и его связь с вестибюльной группой, в которую входит нарядно украшенный приемный зал. Убранство из резного ганча украшало здесь и центральный холл, вероятно, традиционно увенчанный куполом.

Единственный пока вариант замков третьего типа в северном Таджикистане называется Уртакурган и расположен в окрестностях селения Шахристан (рис. 3/1) (34). Построенный на цоколе замок был одноэтажным, продольный и поперечный коридор членили его внутреннее пространство на три различные части. Здесь место Т-образного пересечения коридоров было выделено уникальным деревянным перекрытием типа брусчатого купола, по таджикской терминологии «рузан». Уртакурганский ружан был неизвестной до сего времени шестиугольной формы, украшен резьбой и опирался нижним прямоугольным венцом на четыре деревянные колонны. Его уступчатый объем поднимался над примыкавшими к нему сводами коридоров и играл роль композиционного, близкого к геометрическому центру здания.

Функционально это увенчанное брусчатым куполом небольшое пространство исполняло, как в Хорезме, роль распределительного холла: отсюда в три стороны шли коридоры, пронизывавшие здание, а с четвертой был вход в малый приемный зал. Поэтому, несмотря на отсутствие трех ограждающих стен, есть основание видеть в это пышной деревянной сени особый вид центрального холла, а само здание причислить к местной разновидности замков третьего типа.

Конечно, намеченная здесь линия эволюции доисламских замков от первого типа к третьему хронологически достаточно условна. В действительности замки всех типов существовали одновременно, в разных областях Средней Азии процесс их генезиса не совпадал в своих этапах, и более ранние типы не исчезали, а продолжали существовать, изменяясь в пределах своего типа, в новых исторических условиях. Так в многочисленных жилищах Маргианы 11-12 вв. без труда усматриваются характерные планировочные и пространственные черты замков второго типа (35), а планировочная идея замков первого типа, универсальная сама по себе, находит продолжение в дворцовых комплексах, будущих караван-сараях и медресе. И все же как генетическая цепочка, связывающая замки трех типов, так и ее направленность несомненны: последующий этап логически вытекает из предыдущего, и у этой логики есть как будто не формальное, а конкретно-историческое обоснование.

Иначе обстоит дело с замками четвертого типа, которые составляют отдельную, довольно многочисленную группу. Они, как будто, не родственны рассмотренному материалу, и их собственный генезис пока не расшифровывается. Общий типологический признак этой группы - асимметричная планировка с расположенной в одном из углов группой парадно-приемных помещений крупных размеров: удлиненного четырехколонного зала с суфами вдоль стен и «тронной» эстрадой или нишей, с двух сторон охваченного Г-образным в плане кулуаром.

Угловая квадратная часть кулуара обычно расширена неглубокими нишами - признак того, что перекрытие здесь было особой формы, повышенное деревянное или купольное (рис. 4/3,4,5). Прочие жилые и хозяйственные помещения обычно примыкали к этому репрезентативному ядру со стороны кулуара; их взаимное расположение не подчинялось какой-либо

системе и определялось в каждом случае функциональными соображениями.

Характерный образец замка этого типа - Джумалак-тепе первого строительного периода (рис. 4/3) (36). Парадно-представительная группа помещений занимает здесь угловую СВ часть. Она состоит из удлиненного четырехколонного зала и Г-образного кулуара, северное колено которого заметно шире восточного. Стык обоих колен был отмечен двумя деревянными колоннами, прямо напротив восточного колена пристенная суфа расширена выдвинутой вперед «тронной» площадкой, а перекрытие северного колена перед восточным было, судя по некоторым признакам, оформлено шестиугольным брусчатым сводом «рузан», как в замке Уртакурган. Эти парадные помещения, неразрывно связанные композиционно, были украшены резьбой и росписями, контрастируя с небольшими сводчатыми комнатами жилой и хозяйственной группы, занимавшими западную часть замка; его южная часть, как и общие контуры здания, к сожалению, не сохранились.

После перестройки превратился в замок четвертого типа и Балалык-тепе (рис. 4/7) (37). В северную часть его квадратного двора был встроены удлиненный зал с плоской «тронной» нишей в торцевой стене, остальная часть двора превращена в Г-образный крытый кулуар, из которого на СЗ стороне было выделено квадратное помещение с расписанными стенами. Угловая часть кулуара здесь не была композиционно выделена, но планировочная идея очень близка Джумалак-тепе. Ясно (и это отметили исследователи 38), что перестройка замка, следствием которой стало изменение его типа, была вызвана повышением требований к его комфортности и сословной парадности.

В многократно перестраивавшемся и плохо сохранившемся замке Занг-тепе, стоявшем неподалеку от Балалык-

тепе и Джумалак-тепе, все же просматриваются элементы представительного ядра, характерные для замков четвертого типа (рис. 4/6) (39). Квадратный на этот раз приемный зал с суфами и «тронной» площадкой занимал здесь ЮВ угол крупного, квадратного в плане здания. Колончатый кулуар шириной около 4 м (как в Балалык-тепе) охватывал зал с северной и западной сторон и был связан с ним двумя входами на северной стороне. К сожалению, жилая обстройка приемной группы не сохранилась, как и южная часть кулуара, в которой, вероятно, был вход. Ориентация кулуара относительно зала и расположение в нем суф вдоль наружных стен - прямая аналогия Джумалак-тепе.

Поздний образец замка четвертого типа - Бад-асия, здание 8-9 вв. в окрестностях Пай

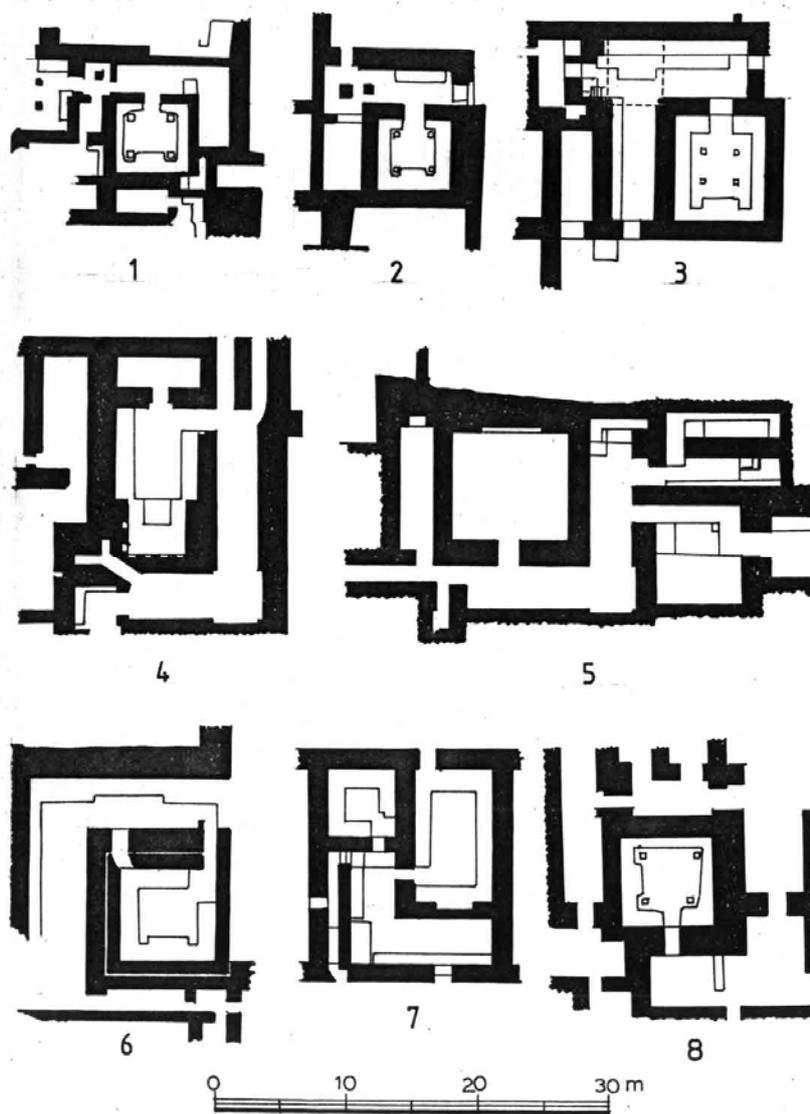

Рис. 4. Замки IV типа. Таблица планов

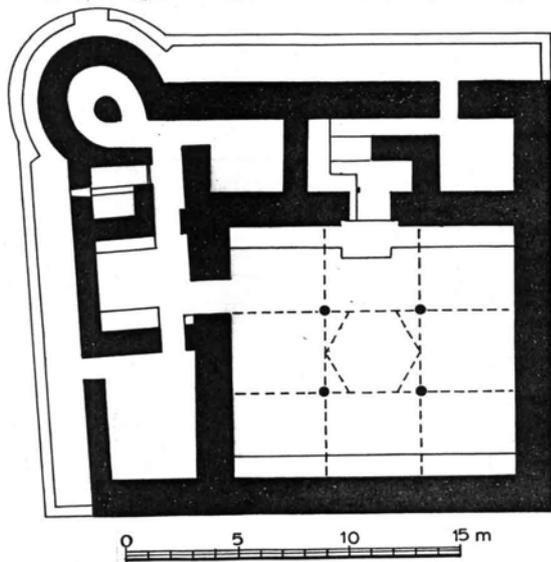

Рис. 5. Замок Чильхуджра. План

кенда (40). Его продолговатый приемный зал расположен почти посередине квадратной в плане постройки, но, как и в предыдущих случаях, охвачен с двух сторон Г-образным кулуаром с коленями разной ширины и пристенными суфами. Правда, зал Бад-асия не был напрямую связан с кулуаром: его вход обращен в небольшой вестибюль, откуда другой проход ведет в кулуар. Функциональная связь главных помещений тем самым оказалась нарушенной: если это не следствие перестройки, то признак упадка и изживания планировочной идеи.

Упомянутый уструшанский замок Уртакурган, причисленный с известными оговорками к третьему типу, характерен и некоторыми признаками замкам четвертого типа: его большой и эффектно оборудованный приемный зал расположен в углу, а окаймляющие его широкие коридоры - поперечный и половина продольного - могут рассматриваться как вариант коленчатого кулуара, предназначенного для разных функций, представительных и бытовых.

Своеобразный вариант замков четвертого типа представляет собой ближайший сосед Уртакургана, замок Чильхуджра в окрестностях Шахристана (рис. 5). Большую часть его приемного верхнего этажа занимал огромный «тронный» зал, слегка удлиненный, занимавший СВ часть здания. Но с запада и юга его не огибало единое пространство коленчатого кулуара, - Г - образное в плане пространство разделено здесь на несколько помещений парадного (вестибюль, комната за «тронной» площадкой), бытового и культового назначения; внешний угол обстройки зала занимает овальная

пандусная башня. Некоторые стены, расчленившие «кулуар», появились позже, но и изначальный план не предлагал, видимо, сохранения нерасчлененного коленчатого пространства на западе и юге от зала. На типологическое родство с «классическими» замками четвертого типа здесь указывает угловое расположение зала и общая ширина обходящих его помещений. Сходные приемы планировки заметны в фальгарском замке-дворце 7 в. Гардани Хисор (41).

Универсальность композиционного приема, определяющего для замков четвертого типа, подтверждается его употреблением в других зданиях гражданской архитектуры доисламского времени. Приемный зал-гостиная, охваченный Г-образным кулуаром, формировал представительное ядро многих богатых жилищ древнего Пенджикента. Таков, например, «объект» 7 (рис. 4/5) (42), где квадратный зал с плоской «тронной» нишей связан противоположной нишей проходом с двусторонним коленчатым кулуаром. Угол кулуара оформлен двумя плоскими нишами - признак того, что в этом месте было собой высоты и формы перекрытие, аналогия Джумалак-тепе. В «объекте» 9 крупное помещение с внутренним осевым айваном обведено таким же кулуаром с квадратным расширением в углу (рис. 4/4) (43). Аналогично организованы пенджикентские жилые дома в «объекте» 3 и 6 (рис. 4/1,2,8).

Комбинация зала с Г-образным кулуаром как прием гражданской архитектуры впоследствии исчезла из монументального строительства Средней Азии. Дальний отголосок этого приема, доживший в сфере народной архитектуры почти до наших дней, различим в традиционном, широко распространенном устройстве квартальных («гузарных») мечетей с двусторонним, Г-образным в плане колонным айваном. Неслучайная генетическая природа этого сходства подтверждается, между прочим, тем, что угловое звено коленчатой колоннады в мечетях 18-начала 20 вв. выделялось большей высотой и особенно нарядным оформлением потолка.

Принципиальное и фактическое сходство структур замков-жилищ четвертого типа и квартальных мечетей позднего времени так велико, что вызывает вопрос: не были ли древние коленчатые кулуары, охватывавшие с двух сторон приемные залы замков и городских жилищ, первоначально раскрыты наружу деревянными колоннадами? Если это было так, то, значит, источник такого композиционного приема сле-

дует искать не в собственно замковой, а в дворцовой и - шире - жилищной архитектуре. Употребление же его в архитектуре замков было, возможно, вызвано перестройкой и обновлением старых замков первого типа и им подобных, - Балалык-тепе представляет собой в этом смысле, вероятно, типичный для своего времени пример.

Остаётся напомнить, что предлагаемая классификация основана только на, так сказать,

«внутрисоветском» материале. Проверить ее на аналогичном материале других стран с родственными культурными традициями (Иран, Афганистан, Восточный Туркестан и др.) пока нельзя из-за отсутствия такого материала. Можно лишь надеяться, что будущие раскопки и исследования в странах Среднего и Ближнего Востока расширят и уточнят намеченную здесь схему.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. МИА 15. М.-Л., 1950. С. 190, 191.
2. Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе 1966. С. 109-115.
3. Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме (1-14 вв.). М., 1976. С. 179.
4. В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5-8 вв.). Ташкент, 1966. С. 185-190.
5. Е.Е.Неразик. Указ.соч. с. 175.
6. В.А.Нильсен. Указ.соч. с. 185.
7. Н.Н.Негматов, У.П.Пулатов, С.Г.Хмельницкий. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973. С. 95-99. Раздел написан Н.Н.Негматовым.
8. Е.Е.Неразик. Указ.соч. с. 177.
9. Е.Е.Неразик. Указ.соч. с. 172.
10. В.Л.Воронина. Указ.соч. с. 190, табл. 5 (2).
11. Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. С. 110-114.
12. Г.А.Пугаченкова. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии. ВДИ, 1973, № 1. С. 124, табл. 4.
13. В.А.Нильсен. Кызыл-Кыр. ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1956. С. 60, сл. Датировка по Г.А.Пугаченковой.
14. Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
15. Г.А.Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркестана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 134, 141.
16. Опубликованные планы малой Кыз-калы (В.И.Пилявский. Архитектура древнего Мерва. «Научные труды ЛИСИ», вып. 10. М.-Л. С. 99; Г.А.Пугаченкова. Указ.соч. с. 138) представляют собой реконструкции и недостоверны, так как предполагают внутренний двор высотой в два этажа; в этом случае выход во двор из помещений верхнего этажа был бы невозможен. Реальный обмерный план малой Кыз-калы (В.И.Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 8. М., 1947. С. 60) подтверждает, что периферийные помещения нижнего этажа замка не открывались в сторону центра, где, видимо, была монолитная масса кладки.
17. Г.А.Пугаченкова. Указ.соч. с. 137.
18. Вызывает сомнение предположение Г.А.Пугаченковой (указ.соч. м. 137), что в центре малой Кыз-калы имелось квадратное помещение: его размеры - более 8 м в стороне - теоретически не противоречат возможности перекрытия сырцовым куполом, но практически сырцовые купола такого пролета неизвестны.
19. Г.А.Пугаченкова. Указ.соч. с. 133. И здесь опубликованный план не даёт оснований предполагать в центре замка купольный зал.
20. Е.Е.Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С. 23, рис. 7
21. Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме (1-14 вв.). С. 62, рис. 3.
22. Таковы «большой дом» городища Бабиш-мулла (С.П.Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 160, рис. 89) и Турпак-кала (Е.Е.Неразик. Указ.соч. с. 21, рис. 6).
23. Г.В.Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961 с. 192. Сл. В.А.Нильсен. Указ.соч. С. 91 сл. Атрибуция В.А.Нильсеном этого здания как культового сооружения - «дахмы» представляется необоснованной.
24. С.К.Кабанов. Согдийское здание 5 в. н.э. в долине р.Кашкадарья (Узбекистан). СА 1958, № 3. С. 144 сл. В.А.Нильсен. Указ.соч. с. 135 сл.
25. Е.Е.Неразик. Сельское жилище в Хорезме (1-14 вв.). С. 86, рис. 45.
26. Г.А.Пугаченкова. Пути развития..., с. 206.
27. Указ.соч. с. 207.
28. Указ.соч. с. 212.
29. В.А.Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии. С. 24.сл.
30. Е.Е.Неразик. Указ.соч. С. 176, рис. 105.
31. Е.Е.Неразик. Указ.соч. С. 177.

32. Е.Е.Неразик. Указ.соч. С. 52.
33. Е.Е.Неразик. Указ.соч. С. 94, 96, 97, рис. 51-53.
34. Н.Н.Негматов, У.П.Пулатов, С.Г.Хмельницкий. Указ.соч. Раздел, посвященный архитектуре Уртакургана, написан мной.
35. Г.А.Пугаченкова. Пути развития..., с. 152, 206, 207, 209.
36. В.А.Нильсен. Указ.соч. С. 140 сл.
37. Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. С. 116, рис. 92.
38. В.А.Нильсен. Указ.соч. С. 157.
39. Там же. С. 163 сл., рис. 65.
40. Г.В.Шишкина. Замок Бад-асия в окрестностях Пайкенда. ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963. С. 87 сл.
41. J.J.Jakubov. Gardani Chisor - der Palast des Herrsches von Pendzikent im Bergland von Buttan. «Das Altertum» 1978. Heft 2. Bd. 24.
42. А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 31, рис. 9.
43. В.Л.Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Известия АН Таджикистана. Душанбе, 1957, вып. 8. С. 126

М.Х. Пардаев

КОМИЛБОБОТЕПА ҚАЛЪАСИ

Шимолий-ғарбий Уструшонанинг антик ва илк ўрта асрлардаги энг йирик ва муҳим шаҳар ёдгорлиги, ўша давр маъмурий-маданий маркази Қалиятепани ўраб турган қалъа-рабодлардан бири Пардақултепа (IV-VI аср) очиб ўрганилдан сўнг, Жиззах воҳаси қишлоқ маконлари қурилиши ва моддий-маданиятидаги узвийликни аниқлаш учун ушбу мавзудаги тадқиқотларни давом эттириш тақозо қилинди. Шу сабабли воҳанинг яна бир илк ўрта аср ёдгорлиги - Комилбоботепа қалъасида қазилар ишлари ўтказилди.

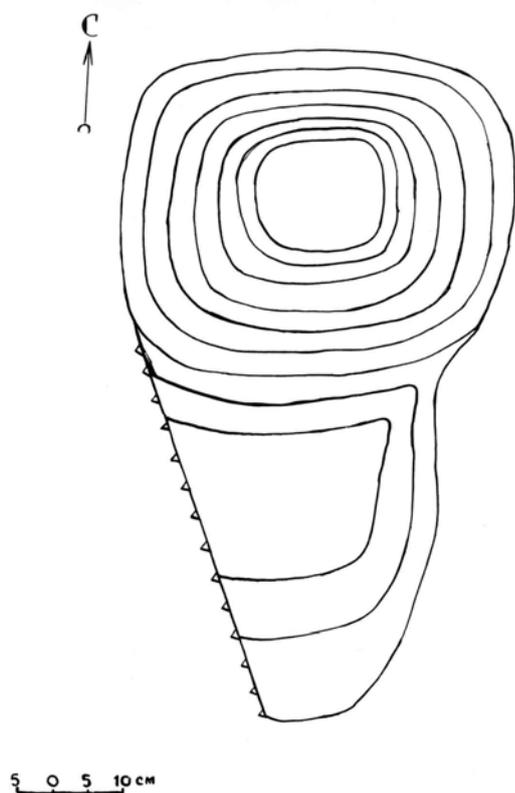
Комилбоботепа қалъаси Жиззах шаҳридаги «Қалия-Мўлканлик» маҳалласининг шарқ томонида, Қалиятепадан 800 м масофа ғарбда, Пардақултепадан 950 м шимоли-шарқда, катта йўл ёқасида жойлашган (1-рasm). Мазкур ёдгорлик ҳам Пардақултепа сингари икки поғонали бўлиб, трапециясимон кўринишга эга. Шимол-жануб йўналиши бўйича 115 м.га чўзилиб кетган. Ёдгорликнинг жанубий пастки

поғона қисми - эни 45 м.га, баландлиги 2,0-2,5 м.га, шимолий юкори поғона қисми эни - 70 м.га, баландлиги 7,0 м.га тенг. Комилбоботепанинг марказий қурилиш иморатлари худди мана шу баландлик қисмида ажралиб турган квадратсимон тепалик остида бўлиб, унинг ўлчамлари 25-22 м. ни ташкил қилади (2-рasm).

Комилбоботепанинг шимол томонида, 28-30 м масофа узоқликда алоҳида жойлашган кичик тепалик мавжуд. Маҳаллий аҳоли тилида Комилбоботепани «боласи» деб номланган ушбу комплекс тўғритўртбурчаксимон шаклда, шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилган, ўлчамлари 32x10 м, баландлиги 2 м. Мазкур мўъжаз ёдгорлик ушбу сатрлар муаллифи томонидан Комилбоботепа-1 қабилада номланган ва VII-VIII асрларда Комилбоботепа қалъасининг алоҳида жойлашган хўжалик қисми (отхона, молхона,...) деб талқин қилинган. (Пардаев, 1995, 45 с.).

1 - рasm. Комилбоботепани шарқ томондан кўриниши

2 - расм. Комилбоботепа плани

Дастлабки қазув ишлари қалъанинг юқори поғонаси марказий қисмида ўтказилди ва бир канча турар-жой, хўжалик хоналари очилди.

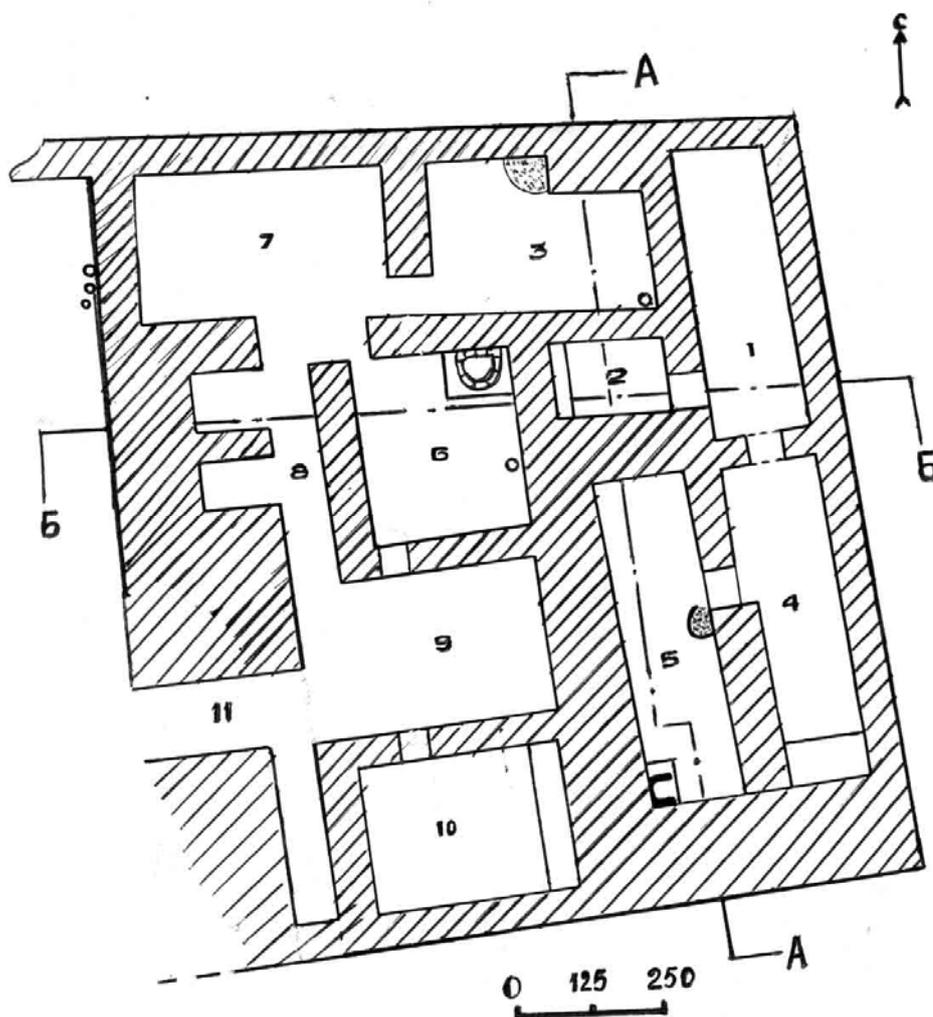
1-хона қалъа марказий иморатининг шарқий қисмида жойлашган. Унинг кўриниши узун, тор йўлаксимон шаклда бўлиб, ўлчамлари 7,50x2,25 м. Бошқа хоналардан фарқли ўлароқ, мазкур хона девори тўғри тўртбурчак кўринишидаги хом ғиштлардан (44x25x10; 42x25x10 см) кўтарилган бўлиб, уларнинг сақланиб қолган баландлиги 1,8 м.га етади. Хонанинг жанубий деворида сақланиши ўртача ҳолатда бўлган эшик ўрни қайд этилди. Унинг эни 0,7 м, сақланган баландлиги 0,9 м. Эшик кесакиси сифатли сомонли лой билан сувалган. Шунингдек, ғарбий деворда гумбазсимон шаклдаги яна бир эшик ўрни топилди ва ўрганилди. Эшикнинг эни 0,9 м.га, баландлиги 1,7 м.га тенг. Очиб ўрганилган мазкур хона ичи хом ғишт бўлақлари ва ғоваксимон оқова тупроқ билан қопланган. Археологик топилмалар қайд этилмади (3-расм).

2-хона марказий иморатнинг деярли ўртасида 1-хонанинг жанубий қисми рўпарасида жойлашган. Унинг кўриниши тўғри тўртбурчак шаклидаги тор йўлаксимон хонага

ўхшаб, 3,25x2,30 м ўлчамларга эга. Хона деворлари ниҳоятда сифатли пахсадан кўтарилган. Уларнинг сақланиб қолган умумий баландлиги 1,6 м.га тенг. Ғарбий девор ёнида тўғри тўртбурчак шаклидаги хом ғиштлардан қилинган (40x20x10 см) супа қайд қилинди. Супанинг эни 0,5 м, баландлиги 0,7 м, унинг усти майда сомон аралаштирилган лой билан сувалган. 2-хона очилиши жараёнида унинг ичи юмшоқ хул тупроқ, пахса уюми қолдиқлари ҳамда нисбатан оз миқдордаги кул қатламларидан тозаланди. Мазкур қатламлар орасидан оз миқдордаги сопол идишлар парчалари намунаси йиғилди.

3-хона мазкур қалъа марказий меъморчилик комплексининг шимолий чеккасида, 2-хонанинг шимол тарафида жойлашган. Унинг кўриниши «Г» - шаклида бўлиб, 5,0x3,20 м ўлчамларга эга. Хона деворлари қаттиқ, пишиқ пахсадан кўтарилган. Деворларнинг сақланиб қолган баландлиги 1,75-1,80 м.га тенг. Ғарбий деворнинг жанубий қисмида равоксимон усулда қурилган эшик ўрни қайд этилди. Эшикнинг юқори қисми бутунлай нураб тушган, унинг эни - 0,6 м.га, сақланиб қолган баландлиги 1,5 м.га тенг. Хона сатҳи маромига етказиб шиббаланган, у бир текисда. Хона саҳнида жанубий-ғарбий бурчакда кўмилган хумнинг таг қисми, шимолий девор ёнида ярим айлана шаклида из қолдирган кул ва кўйган қизғиш қатлам, ҳайвон суяклари қолдиғи ва кўплаб археологик топилмалар - сопол уй-рўзғор идишлари, урчукбоши, тош қуроллар топилди (4-расм).

4-хона Комилбоботепа қалъаси меъморий комплексининг бошқа турар-жой хоналарига қараганда энг мукаммал қурилиш бўлиб, у ёдгорликнинг шарқий қисмида, 1-хонанинг жануб томонида жойлашган. Мазкур хона узун, тор йўлаксимон иншоот шаклида, унинг ўлчамлари 8,60 x 2,25 м.га тенг. Хонанинг деворлари пишиқ пахсадан қурилган, деворнинг юқори ярусида гумбаз шаклида кўтарилган том учун «пойдевор» вазифасини ўтаган кундаланг хом ғиштлар қолдиғи қайд этилди (46x23x10; 46x22x10 см). Хонанинг жанубий қисми сақланиб қолган (5-расм). Деворларнинг сақланиб қолган баландлиги 2,25-2,35 м.га тенг. Ғарбий деворнинг ўртасида пештоқи гумбазсимон усулда қурилган эшик ўрни қайд этилди. Эшикнинг эни 1,0 м.га, баландлиги 1,80 м.га тенг. Эшик маълум даврдан кейин лой билан уриб ташланган бўлсада, унинг тепа қисмида диаметри 30 см бўлган мўрисимон тешик ўрни қолдирилган. Фикримизча, ғарбий

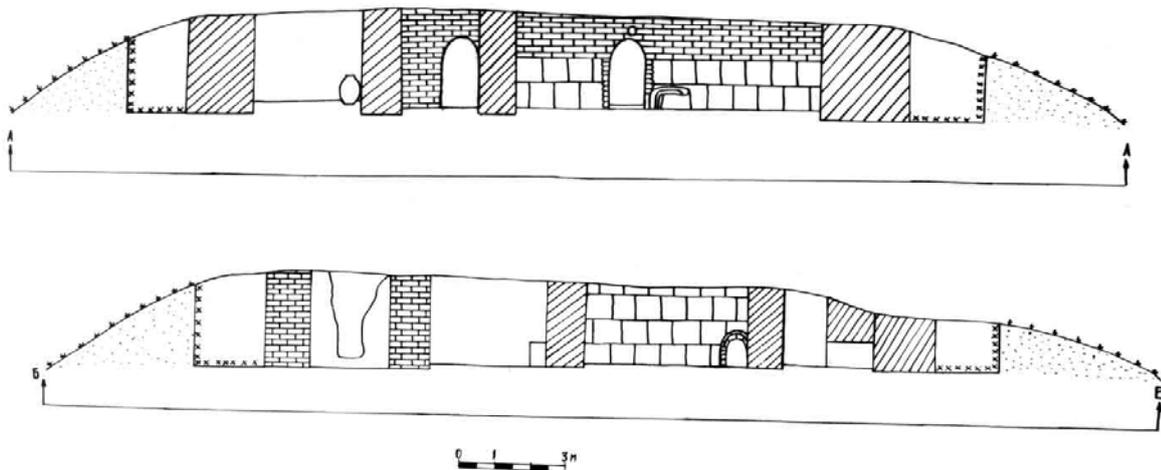

3 - расм. Комилбоботепа марказий иморатининг уй-жойлари плани

деворнинг орқасида қайд этилган катта махсус ўчоқ, хоналарни иситиш учун фаолият кўрсатган. Хонанинг жанубий деворига тираб қурилган супа очиб ўрганилди. Бу супа пахсадан ясалган бўлиб, унинг усти ва ён девори майда сомонли лой билан ниҳоятда сифатли қилиб сувалган. Хона саҳни эса яхшилаб шиб-баланган, текис кўринишга эга. Унинг юзидан VII-VIII асрларга оид кўплаб сопол буюмлар парчаси йиғиб олинди.

5-хона қалъа марказий комплексининг жануб томонида, юқорида тавсифи баён этилган иморатнинг ғарб тарафида, унга параллель ҳолатда жойлашган. Унинг пландаги кўриниши, ўлчамлари ва қурилиш усулига тегишли маълумотлари 4-хонага жуда ўхшаш, айрим ҳолларда айнан ўзи бўлиб, тўғри тўртбурчаксимон тор йўлак кўринишга эга, ўлчамлари 6,60-2,15 м.га тенг. Пахсадан кўтарилган деворларнинг сакланиб қолган

умумий баландлиги 2,10-2,25 м.га тенг. Хона саҳнида шарқий деворга тираб қурилган, юқорида эслатилган айлана шаклидаги ўчоқ ўрни қайд этилди. Ўчоқ яхши пишитилган пахса лойидан ясалган бўлиб, унинг устки гардиш айланаси - 1,25 м.га, ён деворлари қалинлиги 14-16 см.га, оғзи - 0,4 м.га, деворлар баландлиги 38-40 см.га тенг. Ўчоқ ён деворлари хусусиятига қараб унда мунтазам, кучли аланга берувчи олов ёқилганлигини билиш мумкин. Шунингдек, ғарбий деворнинг жанубий қисмида яна бир ўт ёқар қурилма ўрни қайд этилди. Бу кичик иншоот ўлчамлари 1,20x0,70 м, баландлиги 0,35 м бўлган тўғри тўртбурчак шаклидаги супача устида қурилган тақасимон кўринишдаги ўчоқ қолдиғидан иборат. Ўчоқнинг чап ёни жанубий деворга, орқа томони ғарбий деворга тираб қурилган бўлиб, унинг ён деворлари 15-17 см.га, оғзи - 38 см.га, деворлари баландлиги 28-30 см.га тенг.

4 - расм. Очилган уй-жойлар плани қирқими

5 - расм. Қалъа 4-хонасининг шимол томондан кўриниши

6-хона марказий иморатнинг айнан ўртасида, 2-хонанинг ғарб томонида жойлашган. У квадратсимон шаклда бўлиб, 4,50x4,0 м ўлчамларга эга. Хонанинг деворлари асосан пахсадан, уларнинг сақланиб қолган баландлиги 1,7-2,0 м. Мазкур хонада 2 та эшик ўрни қайд этилди. Биринчи эшик иморат жанубий деворининг ғарбий чеккасидан очилган, у ўз кўриниши билан Пардакултепа қалъасининг ховли қисмида, хўжалик иморатларида мавжуд бўлган дарча-эшикларга ўхшаб кетади. Комил-боботепа қалъасидаги бу дарчанинг эни - 0,5 м, баландлиги - 0,6 м. Дарча пештоқи гумбазси-

мон усулда, 46x23x10; 48x23-2410-11 см. ли хом ғиштлар билан ёпилган. Дарча остонаси хона саҳнидан 17 см юқорида жойлашган, унинг остона ва ён деворлари кесакиси яхши пишитилган сомонли лой билан сувалган. Хонанинг иккинчи эшиги шимолий деворнинг ғарбий қисмида жойлашган. Унинг тепа қисми ўпирилиб тушган, эни 0,7 м, сақланиб қолган баландлиги 1,30 м. Эшик остонаси хона саҳни билан бир текис ҳолатда тутшиб кетган. Фикримизча, ушбу хона қалъа иморатининг ҳар томонлама фаолият кўрсатган марказий хоналаридан бири бўлган. Мазкур фикримизга да-

лил сифатида шимолий деворнинг ўрта қисмида қайд этилган махсус «орқа эшик» махфий йўлакни кўрсатишимиз мумкин. Лаҳим гуё «ётқизилган минора» кўринишида бўлиб, хом ғишлар билан айлана шаклида бунёд этилган. Лаҳимни диаметри 0,6 м бўлиб, бир маромда пастга эниб боради. У 3-хона саҳни тагидан ўтиб қалъа мудофаа девори томонга йўналган. Бу йўлакнинг 3 м.гача бўлган қисми тозаланди. Йўлак фақат юмшоқ тупроқ қатлами билан тўлиб қолган. Шунингдек, хонанинг шимоли-шарқий қисмида, унинг юқори ярусидан айлана шаклидаги ўтёкар қурилма ўчоқ қолдиғи топилди. Мазкур ўчоқ ҳам худди 5-хонадагидек махсус супача устида қурилган. Хона саҳнидан кўплаб археологик жиҳатдан бутун сопол идишлар, ёрғучоқ, тош ядролар ва ҳайвон суяклари топилди.

7-хона Комилбоботепа қалъаси комплексининг шимоли-ғарбий чеккасида, 3-хонанинг ғарб тарафида жойлашган. Мазкур хонанинг пландаги кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 6,0x3,80 м, деворларнинг сақланиб қолган баландлиги 1,75-2,10 м. Хонанинг шарқий деворида битта ва жанубий деворида иккита эшик ўрни қайд этилди. Шарқий эшик хонани 3-хона билан, жанубий эшикнинг биринчиси хонани 6-хона билан боғлайди ва бу эшиклар тавсифи юқорида келтирилди. Учинчи жанубий эшик эса хонани коридорсимон тор йўлакдан иборат бўлган иморат билан боғлайди. Бу эшикнинг эни - 1,20 м.га, сақланиб қолган баландлиги 1,55 м. Эшикнинг тепа қисми ўпирилиб тушган бўлсада, уни гумбазсимон усулда қурилган деб тахмин қилиш мумкин. Хона саҳнида кўплаб кўмирга айланган ёғоч устунлар қолдиқлари қайд этилди. Бундай ёғоч устун қолдиқлари қўшни 3-хона саҳнида ҳам учраган эди. Бу топилмалар асосида 3 ва 7-хоналар томи ясси усулда бўлганлигини ва умуман дастлабки қурилиш даврида бу икки хона бир-бири билан қўшилган ҳолда яхлит битта иморатни ташкил этганлигини билиш мумкин.

8-хона қалъа марказий иморатининг ғарбий қисмида, 7-хонанинг жануб тарафида жойлашган. Унинг кўриниши тароксимон усулда қурилган тор йўлак-коридор нусха иморатдан иборат бўлиб, ўлчамлари 6,50x1,20 м. Ғарбий девор ўз хусусияти билан бошқа деворлардан ажралиб туради. Унда бир-бирига ёнма-ён параллель ҳолатда жойлашган иккита кичик хонача қайд этилди. Хоначаларнинг пландаги кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида, ўлчамлари 1,80x1,50; 1,80x1,20 м.ни ташкил

қилади. Хоначаларнинг хусусий саҳни 8-хона умумий саҳнидан 0,75 м баландда жойлашган ва шу сабабли уларнинг деворлари сақланиш баландлиги нисбатан қисқа 0,8 м.ни ташкил қилади. Умуман олганда ушбу хоначалар хона комплексида кўндаланг жойлашган махсус супаларга ўхшаб кетади. 8-хона саҳни 8-10 см.ли кул қатламидан тозаланди ва унинг юзидан бир қанча қўлда ясалган сопол идиш синиқлари, лойдан ишланган шохли кўчқор ҳайкалчасининг бош қисми, қўй калласига менгзатиб ясалган «қозон таглиги» каби археологик ашёвий далиллар топилди.

9-хона Комилбоботепа марказий иморатининг ғарбий қисмида 8-тор йўлаксимон хона билан туташган ҳолда унинг жанубий-шарқий қисмида жойлашган. У тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 5,0x3,70 м. 8-хонанинг ғарбий девори мазкур хонани ҳам ғарб томондан ёпади. Деворлар пахсадан кўтарилган, уларнинг сақланиб қолган умумий баландлиги 1,80-2,10 м. Мазкур иморатни очиш жараёнида унинг ичидан катта ҳажмдаги каттиқ тупроқ уюми олиб ташланди. Археологик топилмалар учрамади.

10-хона Комилбоботепа қалъаси марказий иморатнинг энг чекка жанубий ғарбий қисмида, 9-хонанинг жануб томонида у билан ёнма-ён ҳолатда жойлашган. Унинг кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 5,30x3,80 м.га тенг, деворлар пахсадан кўтарилган. Уларнинг сақланиб қолган баландлиги 1,65-2,10 м. Хона шарқий деворининг пастки қисмида деворга тираб қурилган супа ўрни қайд этилди. Супа пахсадан ишланган унинг ён девори ва устки қисми яхши пишитилган сомонли лой билан сувалган. Супанинг баландлиги хона саҳнидан ҳисобланганда 0,65 м, эни 0,60 м.

11-хона. Марказий иморатнинг ғарбий қисмида жойлашган. Хонанинг ташқи кўриниши коридорсимон шаклда бўлиб, эни 2 м.га тенг. Бизнинг фикримизча, бу иншоот қалъа марказий иморатининг кириш (эшик) комплексидир.

Комилбоботепа қалъаси хоналарининг жойлашиш лойиҳаси индивидуал хусусиятга эга (2-расм). Чунки қалъа лойиҳасини таҳлил қиладиган бўлсак унда бир қанча «қурама» усул ва унсурларни кўришимиз мумкин. Масалан, иморатнинг шарқий ва шимолий қурилишлари ва 1, 3, 4, 7 хоналар жойлашишини илк ўрта аср меъмор-чилигида кенг қўлланилган айланма йўлак (коридор) усулида бунёд этилган деб таърифлаш мумкин. Шунин-

гдек ҳали тўлиқ очиб ўрганилмаган ғарбий 8-9 хоналар қурилишида қисман тароқсимон йўлақлар усули қўлланилган. Қалъа иморатлари анъанавий тарзда сарғиш соз тупроқ лойидан тайёрланган пахса, хом ғишт ва уларни алмашлаб урилган қурама деворлардан қўтарилган. Ҳом ғиштлар тўғритўртбурчак кўринишида, ўлчамлари 48x24x10; 46x23x10; 42x25x10; 40x22-23x10 см. га тенг. Бундай қолипда тайёрланган ғиштларни Уструшона ва қўшни Сўғд, Шош-Илок, Фарғона маданий воҳаларидаги V-VIII асрлар қурилишларида кенг миқёсда ишлатилган (Нильсен, 1966, 204-206 с.). Ёғоч материаллардан асосан катта хоналарни усти ясси ҳолатда ёпилганда ишлатилган. Қалъа хоналарининг сатҳи (поли) аксарият ҳолларда майда сомонли лой билан юпка қилиб сувалган. Уй сатҳини суваш маълум вақтда такрорлаб турилгани сабабли пол кўп қатламли кўринишни олган. Ушбу давр қурилишларига оид деворлар конструкцияси, хоналар лойиҳаси умуман меъморчилик масалаларига бағишланган махсус мақола эълон қилинган сабабли бу борадаги фикрларимизни мухтасар қиламиз (Пардаев, 1997, 142-148 с.).

Топилмалар. Комилбоботепа қалъасида ўтказилган қазув-тадқиқотлари натижасида катта ҳажмда қулоллик идишлари намуналари қўлга киритилди. Мазкур қулоллик комплексларининг илмий таҳлилига асосан қалъа даврий санаси VII-VIII асрлар билан даврланади (Пардаев, 1999, 145-151 с.). Жиззах воҳасининг VII-VIII асрлардаги қулоллик идишлари тарихига бағишланган махсус мақолада Комилбоботепа қулоллик идишлари таҳлилига кенг ўрин берилгани сабабли сопол идишлар борасидаги фикрларимизни қисқа мулоҳазабилан чегаралаймиз (6-7-расмлар).

Маълумки, Комилбоботепа қалъасининг даврий санаси Ўрта Осиёни турк ҳоқонлиги таркибига қўшиб олинган даврга тўғри келади. Жиззах воҳасида ўтказилган археология излавишлари натижаларининг кўрсатишича ҳоқонлик истилосининг биринчи босқичи бу ердаги халқ хўжалигида, хусусан қулолликда турғунлик вазиятини юзага келтирган. Милодий эрнинг VII асрдан бошлаб қулоллик маданиятида оммавий ўтроқ, ярим ўтроқ кўчманчи чорвадор аҳолининг нуфузи ошиб борган. Бунга кундалик ҳаёт тарзида чорва (гўшт, сут, қатик...) маҳсулотларини аввалгига нисбатан кўп ишлатилиши, аҳоли демографиясини кескин ошган

лиги туфайли турли ассортиментли, катта миқдордаги сопол идишларни тайёрланиши сабаб бўлган. Туркийларнинг металл, заргарлик буюмлари, қурол-аслаҳа ва безакли тақинчоқлари юқори сифатли санъат асари сифатида қадрланиб, тезда Ўрта Осиёнинг ўтроқ аҳолиси ҳаёт тарзига кириб борган. Шу аснода турк торевтикаси бўйича металл идишларнинг сопол прототиплари машҳур сопол кружжалар ясала бошлаган (Маршак, 1961, 185-189 с.).

Комилбоботепа қалъаси қулоллик идишларини уй-рўзғор хўжалиги, эҳтиёж талаблари нўқтаи-назаридан қуйидаги гуруҳларга бўлиш мумкин.

1. Хўжалик идишлари. Дон, ун, ёғ, ичимлик суви ва бошқа суюқликлар сақлаш учун хум, хумча, қўшқулок-мўнди, катта ҳажмли кўзалардан фойдаланилган.

2. Ўчоқ рўзғори идишлари. Қовурма, қайнатма, димлама, иссиқ овқатлар ва ичимликларни тайёрлаш учун қозон, декча (қозонча), това (манқалдон), тоғора, хурма, ёғлоғи, чойдиш, сарпуш (копқоқ)лардан фойдаланилган.

3. Ошхона идишлари. Овқат ва ичимлик истеъмол қилиш учун коса, пиёла, косагул, хурмача, мўъжаз кўзалардан фойдаланилган.

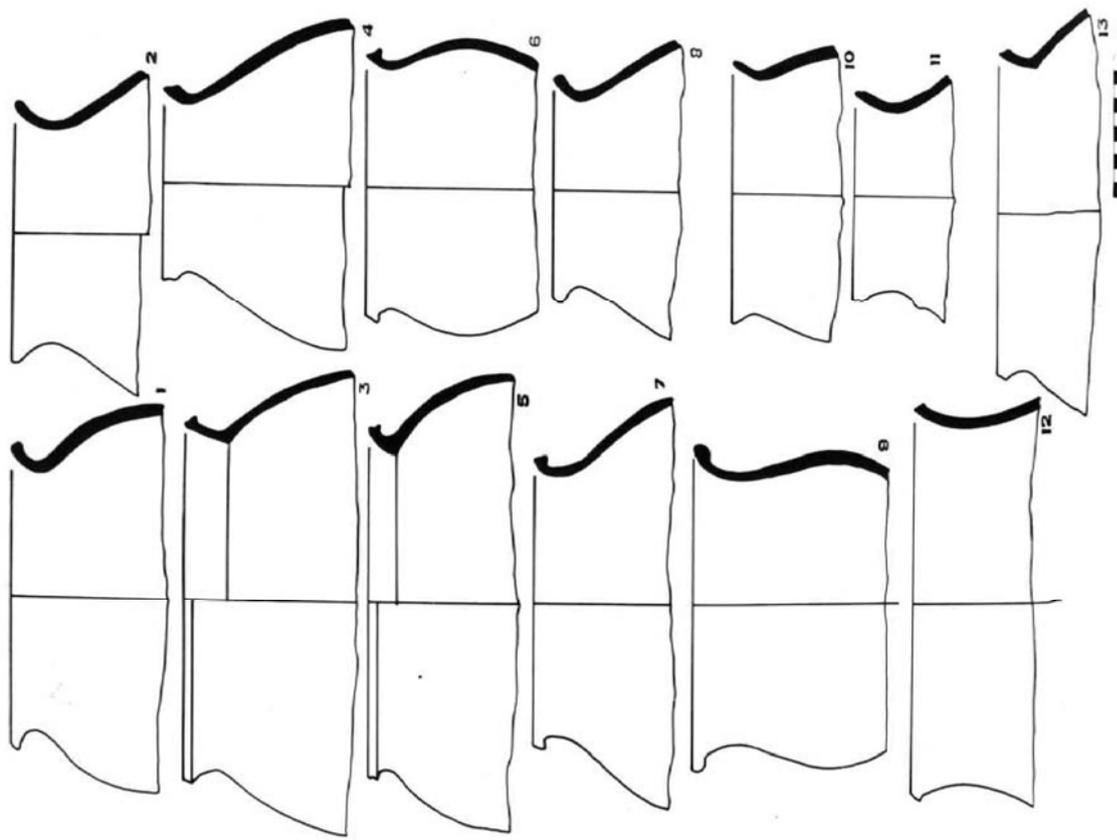
4. Санитария-гигиена идишлари. Ювиниш, ораста бўлиш учун сопол обдаста, дастшўйчилобчин, жумракли кўзалар, тоғоралардан фойдаланилган. Ушбу гуруҳга аёллар косметикаси буюми мўъжаз ўсмадон ва сурмадонларни ҳам қўшиш мумкин.

Таъкидлаш жоизки, ушбу қулоллик комплексида маҳаллий идишлар (хум, қозон) билан бирга ўрта Сирдарё бўйи ва Сўғд қулолларининг кўп сонли маҳсулотлари намуналарини учратиш мумкин.

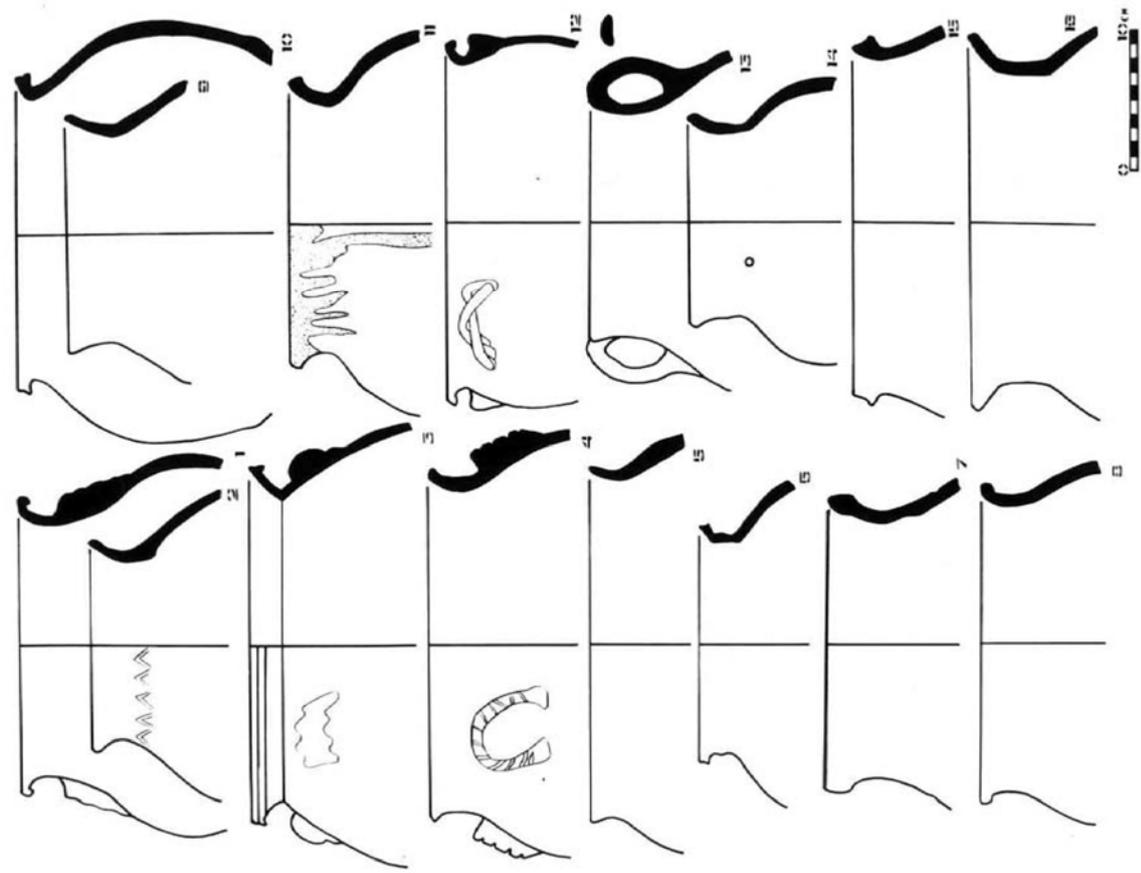
Тош буюмлар. Комилбоботепадан топилган тош буюмларни асосан меҳнат (уй-рўзғор) ва мудрофаа мақсадида ишлатилган жанговар қуроллар ташкил қилади.

Ёрғучоқлар катта ҳажмли дарё қайроқтошларидан ясалган бўлиб, улар узунчоқ қайиқсимон кўринишга эга. Ёрғучоқларнинг узунлиги 32-45 см.га, эни 17-21 см.га тенг. Қазув ишлари давомида мазкур тош дон майдалагичларнинг фақат пастки қисми топилди.

Қўл тегирмонлар йирик донли қумтошдан айлана шаклида ясалган бўлиб, уларнинг диаметри 30-40 см.га тенг. Қўл тегирмонларни тепа бўлаги чекка қисмида чуқурлиги 3-4 см.ли айлана чуқурча мавжуд.

7 - расм. Махаллий хусусиятга эга кулолик идишлари

6 - расм. Махаллий хусусиятга эга кулолик идишлари

Бу чуқурчага ёғочдан ясалган даста ўрнатилган ва ушбу мосламадан фойдаланилган ҳолда қўл тегирмон айлантирилган.

Жанговар тош ядролар. Пардақўлтепа, Комилбоботепа, Қалиятепа ёдгорликларида олиб борилган қазилма ишлари мобайнида топилган 30 га яқин тош ядролар кўҳна ўтмишдаги жанговар қуролларни янада хилма-хил ва анча мукамал бўлганлигидан дарак беради (Пардаев, 1993, 54-56 б).

Топилмаларнинг биринчи гуруҳига диаметри 7,5-8,0 см, оғирлиги 320-4—г бўлган силлиқ қайроқтошдан ясалган ядролар мансуб. Дастлабки кўриниши думалоқ шаклда бўлган бу тошлардан кейинчалик қирғич, қайроқ сифатида, тери ошлаш ва пардозлашда фойдаланилган. Шу сабабли ядроларнинг икки, уч баъзи ҳолларда тўрт, беш томони ишқаланиш натижасида едрилиб кетган.

Иккинчи гуруҳга ўлчамлари деярли биринчи гуруҳникига яқин 7,1-8,2 см, лекин вазни анча оғир 450-570 г келидаган чакмоқтошдан ясалган ядролар киради. Бу тош қуроллар айнан шар (ядро) шаклида бўлиб, устки томони нотекис чатналган, ранги оқиш тусда.

Диаметри 9,7-10,1 см, оғирлиги 810-920 г вазндаги тош ядролар учинчи гуруҳни ташкил қилади. Мазкур ядролар кўп ҳолларда дисксимон япалоқ шаклда.

Шунингдек, дарё ўзанидан терилган, вазни 520-1560 г бўлган табиий думалоқ, думалоқсимон чўзинчоқ шаклдаги тош қуроллар ҳам борки, уларни тўртинчи гуруҳга мансуб тош ядролар деб белгилаш мумкин.

Ўзбекистон ҳудудида мавжуд бўлган энг қадимги оловсиз ўқ отар қуроллардан дарак берувчи 200 дан ошиқ тош ядролар даставвал бронза даври ёдгорлиги Сополлитепа топилмалари орасида қайд этилган (Асқаров, 1973, 86 б, 42-расм). Т.Ширинов фикрига кўра мазкур тош ядролар асосан Сополлитепа қишлоқ макони мудофааси учун ишлатилган. Тинчлик даврида эса соқконлардан оломон бўлиб ов қилишда фойдаланилган (Ширинов, 1977, 13-21 б., 1-7 расм).

Тош ядрони бошланғич учиш тезлигини оширувчи ва бу орқали узокқа зарб билан отилишини таъминловчи дастлабки содда мослама-соқкон (палокмон) ясалиши жиҳатдан жуда содда қурилма бўлиб, у тери «қайиш», арқон ва ўрта қисми кенгайиб борувчи жун тасмадан иборат. Ядро тасмага солинган, соқкон бош узра қаттиқ айлантрилиб, арқоннинг бир учи қўйиб юборилган ва тош қатта тезлик билан отилган (Усманова, 1960, 32-43 б).

Шарқ мамлакатларида соқкон қадимдан мавжуд бўлганлигини археологик топилмалар билан биргаликда ёзма манбалар ҳам эътироф этади. «Авесто»нинг жангчи қурол-аслаҳалари санаб ўтилган гимнида соқкон ҳам қайд этилган. Шунингдек, қадимги Осирия тасвирий ёдгорликларидан бирида ёйандоз, найзабоз билан ёнма-ён соқкон отувчи жангчи сурати ҳам чизилган. Александр Македонский таъқиб этган Доро III қўшинида эса махсус соқкон отарлар отряди жанг қилган (Курций Руф, 1963, 203б.). В.М.Массон тахминига кўра Кирополь шаҳри қамали пайтида Македонскийни оғир ярадор қилган тош ҳам соқкондан отилган (Массон, 1959, 38 б). Демак, Ўзбекистон археология ёдгорликларидан топилган тош ядролар стратиграфияси Сополлитепадан бошланиб, маълум даврдан кейин қўшни регионларга тарқалган. Хусусан, Сурхон воҳаси билан асосан Амударё дельтаси орқали боғланувчи қадимги Хоразмнинг IV-I асрларга тааллуқли ёдгорликларида кўплаб тош ва лойдан ясалган соқконтошлар қайд этилган. Бу тош ядролар Хоразм билан узвий моддий-маданий алоқада бўлган, кейинчалик қатта-қатта гуруҳлари Тошкент, Жиззах воҳасида ўтроқлашган Сирдарё бўйи кўчманчи халқлари орқали Уструшоннинг шимоли-ғарбий сарҳадларида қурилган мудофаа истехкомлари - қалъа, рабобларга тарқалган.

8 - расм. Илоҳий-топинч буюми, кўчқор ҳайкалчаси

Илоҳий-топинч буюмлари. Комилбоботепа қалъасининг тор йўлаксимон 8-хонаси саҳнидан топилган бурама шохли кўчқор ҳайкалчасининг бош қисми ва археология адабиётларида «қозон таглиги» (подставка котла) деб ном олган схематик тарзда қўй қалласини ифода этган топилмалар илоҳий-топинч буюмлари асосини ташкил этади (8-расм).

Бундай ҳайкалчаларни дастлаб Г.В. Григорьев топинч буюмлари деб талқин қилган. Унинг фикрича, «қўй тасвири» қабила ёки уруғнинг нишони (эмблемаси) бўлган ва афтидан бу уруғ бошқа уруғларга қараганда қудратли бўлган (Григорьев, 1940, 29 с.). В.А.Нильсен эса Қизилқир ҳайкалчаларини ўша пайтда кенг тарқалган тотемизмнинг қолдиғи деб ҳисоблайди (Нильсен, 1959, 73-75 с.). Таниқли тадқиқотчи Б.А.Литвинский эса қўй рамзи билан боғлиқ барча тасвирларни зардуштийлик фарни «куёш», «давлат», «бахт», «хукмдорлик» ифодаси деб изоҳлайди ва нима учундир буни фақат ўтроқ халқ маънавий ҳаётига хос деб таъкидлайди (Литвинский, 1968, 57 б.). Бизнинг фикримизча эса бу аксинчадир. Эътибор берилса, қўй ва унинг ҳайкалчалари тасвири туширилган дастали идишлар асосан Жети-Осор, Қовунчи ва Қизилқир маданиятига оид ёдгорликларда қайд этилган. Бу туркийларнинг маънавий ҳаётига тегишли бўлган бўри тотеми билан узвий боғлиқ илоҳиётдир (Пардаев, 1995, 42-46 с.).

Хум остодонлар. Таъкидлаш жоизки, мазкур хум остодонлар Комилбоботепа қалъаси яшаш фаолияти билан боғлиқ эмас. Остодонлар қалъада ҳаёт тўхтаб, иншоот харобага айланган, ҳатто тепа кўринишини олгандан кейин қўйилган. Чунки, қайд этилган 3 та хум остодон қалъа марказий иморатининг 7-хонаси ғарбий девори орқасига деворни чопиш, қовлаш ишларидан ҳосил бўлган ўзига хос чуқурга қўмилган (9-расм). Хумлар махсус шибаланган ер сатҳига қатор қилиб териб қўйилган. Уструшонада, айниқса унинг шимолий, шимолий-ғарбий музофотларида хум остодонлар анча кўп миқдорда қайд этилган (Смирнова, 1953, 203 с.; Самойлик, 1973, 293-294с; Грицина, 1999, 223-225 с.). Фикримизча, мумтоз қутисимон остодонлардан кўра хум остодонлар Уструшона, жумладан Жиззах воҳаси учун хусусиятлидир. Комилбоботепадан топишган хум остодонлар кейинги давр IX-X асрларга тааллуқли бўлиб, бу даврда зардуштийликдан воз кечмаган аҳоли қалъадан даҳма сифатида фойдаланган бўлиши мумкин (Пардаев, 1995, 36-41 с.).

9-расм. Хум остодонлар

Шундай қилиб, хулоса қилиш мумкинки, Комилбоботепа Қалиятепа шаҳри мудофаа занжиридаги қалъа бўлиб, у VII-VIII асрларда фаолият кўрсатган. Шимолий-ғарбий Уструшонада қалъа рабодлар қурилиши айна пайтдаги мавжуд археологик манбаларга кўра милодий эранинг III асрида ўз қурилиши муқаддима-

сини бошлаган бўлса, Комилбоботепа қалъаси мисолида VII-VIII асрларда ҳам тараққиёт эволюциясини давом эттирган. Қалъанинг қурилиш усуллари моддий-маданият намуналари маҳаллий ва қўшни ўлкалар меъморчилиги, моддий-маданияти билан омухталашиб кетган. Ёдгорлик марказий иморатининг ғарбий

қисмларида қазув ишлари давом эттирилса бу ердан хум оstdонлар комплекси очилиши мумкин. Чунки Комилботепа араб истилоси

арафасида ўз фаолиятини тўхтатгандан сўнг, маълум давр ўтгач унинг ғарбий қисмидан даҳма сифатида фойдаланилган.

АДАБИЁТЛАР

1. Пардаев М.Х. Шимолий-ғарбий Уструшона илк ўрта асрларда (Қуйи Сангзор воҳаси материаллари асосида). Номзод. дисс. қўлғизмаси. Самарқанд, 1995. 195 с.
2. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв). Т., «Наука», 1966, 333 с.
3. Пардаев М.Х. Шимолий-ғарбий Уструшона кишлок қурилиши меъморчилигининг илк ўрта асрлардаги айрим хусусиятлари.// ЎММТ, 28-нашри, Самарқанд, «Сўғдиён» 202с.
4. Пардаев М.Х. Жиззах воҳасининг VII-VIII асрлардаги кулоллик идишлари// ЎММТ, 30-нашри, Самарқанд, 1999, 145-151 с.
5. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику в VII-VIII вв. Л., 1961, 185-189 с.
6. Пардаев М.Х. Тош ядролар хусусида // Бактрия ва Тохаристон қадимда ва ўрта асрларда. М.Б. Самарқанд. 1993, 54-56с.
7. Аскарлов А.А. Сополлитепа. - Т., «Фан», 1973, 171 с.
8. Ширинов Т. Каменные ядра Сополлитепа // ИМКУ. Вып.13, Т., 1977. С. 13-21.
9. Усмонова З.И. Керамические ядра из Мерва // Труды ТашГУ. Археология Средней Азии, Вып. V, Т., 1960. - с. 32-43.
10. Квинт Курций. История Александра Македонского // История Узбекистана в источниках. Составитель Б.В.Лунин. Т., «Фан», 1984. - 132 с.
11. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73, М.-Л., 1959, с 38.
12. Григорьев Г.В. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции. 1937, Т., 1940, 29 с.
13. Литвинский Б.А. Кангойско-сарматский фарн. Душанбе, «Дониш», 1968. -118 с.
14. Пардаев М.Х. Қўй ва бўри рўхига сифинининг ўзаро боғлиқлиги хақида // Ўз ИФ, Тошкент, 1995, «1,2,3. 42-46 с.
15. Смирнова О.И. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г.// МИА, №37, М.-Л., 1953. - с 189-230.
16. Самойлик П.Т. Погребения в хумах у селения Паши и Расровут// АРТ. Вып. X. (1970) М., 1973, с.293-295.
17. Грицина А.А. О погребениях в хумах в Зааминском тумане // ИМКУ. Вып.30, Самарқанд, 1999, 223-225 с.
18. Пардаев М.Х. Зардуштийлик ва унинг илк ислом давридаги айрим қўринишлари // ЎзИФ, Тошкент, 1995, 5-6-7-8. 36-41с.
19. Нильсен В.А. Кызыл-кыр (Результаты раскопок 1955 г.) // ИМКУ/ Вып.1., Т., Изд. АН УзССР, 1959. - с.60-79.

М.Н. Parдаev

КОМИЛБОТЕПА FORTRESS

The article is dedicated to scientific analysis of conducted archaeological excavations in Komilbobotepa fortress dating to VII-VIII centuries in Jizzah region. The special attention is paid to the construction methods of the fortress. It gives full information about the remains of culture, pottery wares, the stone and bones goods and also about thing of worship.

According to the construction methods and discovers the Komilbobotepa fortress was built in the traditional style. The fortress was a part of defending construction of Kaliya-tepa town.

Л.С. Баратова

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛУЧНИКА И ИХ МЕСТО В МОНЕТНОМ ЧЕКАНЕ ЮЖНОГО СОГДА

Тип серебряных монет с изображением на лицевой стороне головы правителя влево, а на оборотной - стоящей фигуры с луком в правой руке, известен науке благодаря работам Е.В. Зеймаля (3, с.70-75; 5). Данный тип относится к выпускам Самарканда, выделенные исследователем периоды чеканки датируются начиная с I-II вв. и до конца V - начала VI вв. Ареал находок как единичных монет данного типа, так и кладов, включает в себя территорию Зеравшанской долины: городища Афрасиаб, Тали-Барзу, Пенджикент.

В Южном Согде, как показали последние исследования, выделяются следующие группы монет с изображением лучника на оборотной стороне.

1 группа - это серебряные монеты самаркандской эмиссии. Она состоит из 4-х экземпляров:

II период чеканки (III - IV вв. н.э.)¹.

1. Ав. Голова правителя влево.

Rv. Стоящая впрямь фигура с луком в правой руке.

Серебро. Д. - 13 мм, в. - 1,25 г. (К-189, Еркурган, Р-11, пом. 3. 1979).

IV период (V - VI вв. н.э.).

1. Ав. Голова правителя вправо.

Rv. Фигура с луком в правой руке.

Изображения на монете схематизированы.

Серебро. Д.-10 мм, в.-0,32 г. Скифатная. (городище Большое Кызбиби, раскопки С.К. Кабанова (6).

2. То же, что предыдущая.

Серебро. Д.-9 мм, в.-0,10 г, очень тоненькая (К-414, Еркурган, Р-1, восточный холм, святилище. 1977 г.).

Кроме вышеописанных, 1 экз. с изображением лучника на о.с. III периода чеканки найден в Шахрисябзе в составе кладика на городище Зиндантепа вместе с нахшабскими монетами (8, с. 40).

2 группа - медные монеты с изображением лучника, получившие в научной литературе название «медные драхмы». Общее количество монет разной сохранности из городища Еркурган и его окрестностей превышает 10 экземпляров. Иконографически их можно разделить на три основных типа:

I тип.

1. Ав. Профильное изображение усатого и бородатого правителя влево в круге из крупных точек. Крупный нос, большой глаз, переданный как при изображении в анфас. Волосы зачесаны назад, перехвачены лентой - диадемой, прическа «валиком» доходит сзади до основания шеи. Волосы прически и борода переданы короткими прямыми линиями.

Rv. Прямо стоящий человек с головой, повернутой направо, в длинном кафтане с луком в правой руке. Слева от изображенного - остатки от греческой надписи или ее имитации, полностью не уместившиеся на монетное поле. Различимы 3 буквы. TNO (?). Все заключено в круг из крупных точек. Штемпель сдвинут и не полностью уместился на монетный кружок. (Таб. I, 2. Таб. II, 1, увеличено).

Медь. Д.-15 мм, в.-1,30 г., скифатная (К-510, Безымянное тепе, подъемная. 1975 г.).

2. Вариант. Изображение лучника выполнено более художественно. (Таб. I, 1).

Медь. Д. - 15 мм, в. - 2,00 г. (К-339, Еркурган, Р - 16, поверхность 1985 г.).

3. Вариант. Сохранилось лишь изображение на лицевой стороне. (Таб. I, 4).

¹ По типологии Е.В. Зеймаля (5).

Медь. Кружок неправильной подпрямоугольной формы 15x17 мм; в. - 1,40 г. (К-219, Еркурган, Р-16, 1981 г.).

4. То же. Сохранность плохая (Таб. I, 5).

Медь. Д-15 мм, в.-1,20 г. (К-490, Еркурган, подъемная).

2 тип.

1. Ав. Голова безбородого правителя влево. Волосы перетянуты лентой-диадемой. Прическа передана двумя валиками; первый из них выделяет верхнюю часть головы, второй - массив волос за ухом. Круг из крупных точек.

Рv. Схематизированное изображение фигуры с луком в круге из крупных точек. (Таб. I, 8).

Медь. Д-16 мм, в.-1,80 г. Слабо скифатная. (К-508, Еркурган, подъемная находка из канала. 1978 г.).

2. То же, худшей сохранности. (Таб. I, 9).

Медь. Д-16 мм, в.-1,60 г. Скифатная. (К-455, Еркурган, Р-11, пом. 2. 1976 г.).

3. Вариант. Ав. Верхняя часть головы украшена двумя рядами крупных точек, передающих, по-видимому, головной убор типа круглой шапочки.

Рv. Схематизированное изображение фигуры лучника. (Таб. I, 10).

Медь. Д-12 мм; в.-0,90 г. Скифатная (К-220, Еркурган, Р - 16, 1981 г.).

3 тип.

1. Ав. Голова правителя влево.

Рv. Стоящий лучник. Изображения схематизированы, выполнены линейно-точечной техникой. (Таб. I, 11)

Медь. Д-13 мм, в.-0,45 г. (К-413, Еркурган, Р-1, восточный холм, святилище, 1977 г.).

2. То же. (Таб. I, 7)

Медь. Д.-11 мм, в.-0,28 г. Обломок. (К-431, Еркурган, Р-1, восточный холм).

По классификации Е.В. Зеймалю, к начальному периоду выпуска относятся монеты с изображением на л.с. правителя и раннесогдийской легендой «Аштам»; а на оборотной - греческой легенды « » или ее имитации по двум сторонам от фигуры лучника. Медные монеты из находок в Каршинском оазисе иконографически близки монетам данной серебряной эмиссии. Вышеописанные медные монеты названы Е.В. Зеймалем «медными драхмами» и помещены в периодизации раннесогдийских монет с изображением лучника в конце выделенного им первого периода чеканки (5, с. 270) Им отмечено также, что медные монеты появились в результате ухудшения качества серебра в монете или могли быть выпущены в силу ка-

кой-то случайности, имевшей частный характер (там же, с. 272). Существует и другая интерпретация «медных драхм», к которой мы обратимся позднее.

Подавляющую часть находок составляют медные монеты с изображением правителя и сцены поединка правителя со львом, представленные как единичными экземплярами, так и кладами. В настоящее время в нумизматическом кабинете Института археологии в Самарканде хранится более трех сотен монет различной сохранности. Детальное изучение их ведется нами с недавнего времени, поэтому вопросы типологизации и абсолютной хронологии в настоящем сообщении не затрагиваются. Здесь мы хотим привести лишь некоторые выводы, полученные нами после предварительной публикации двух кладов нахшабских монет из Каршинского оазиса (2).

Клад № 1 найден в 1982 году на городище Кафыр-кала и состоял из 149 экземпляров. Хорошая сохранность монет клада позволяет даже на начальном этапе их изучения выделить несколько вариантов изображения правителя на лицевой стороне монет, ранее не отмеченных исследователями.

Вариант 1.

Ав. Правитель влево. Прическа в виде распущенных волос, ниспадающих до основания шеи, прядь на затылке короче остальных и показана отдельной короткой прямой линией. На макушке - прядь коротких волос, собранных в хвостик. Перед лицом остатки неразборчивой надписи. (Таб. II, 3 увеличено).

Медь. Д. - 18; в. - 1,66 г. (К- 100).

Вариант 2.

Ав. Правитель влево. Крупный нос, пухлые губы, глаз овальной формы. Прическа в виде распущенных волос до плеч, переданных четырьмя прямыми линиями. На поверхности крайней левой пряди - крупная точка, показывающая серьгу. На макушке головы - короткие волосы, торчащие вверх. Перед лицом - остатки надписи. (Табл. II, 4 увеличено).

Медь. Д. - 17 мм, в. - 2,00 г. (К- 48).

Вариант 3.

Ав. Изображение более похожее на основное, отличается лишь наличием едва заметной точки, обозначающей серьгу. Надпись. (Табл. II, 5 увеличено).

Медь. Д. - 15; в. - 1,90 г. (К- 67).

На оборотной стороне монет вышеописанных вариантов помещена та же сцена поединка правителя со львом.

Клад № 2 (к-340 - 387) найден на Еркургане, на раскопе 16, помещение 23, на полу ниши в западной стене в 1985 году и состоял из 47 медных монет. Монеты были сложены в стопку, на некоторых из них были отпечатки от ткани.

В процессе химической чистки 4 экз. (К-384 - 387) растворились, остальные - удовлетворительной сохранности, хотя и худшей, чем монеты клада № 1. Из 44 медных монет клада два экземпляра оказались с изображением лучника на оборотной стороне: сохранность плохая, но видны характерные для монет лучника детали изображений (К-372; 379); 1 экз. плохой сохранности, без изображений, очень тонкая монетка, (К-370). Все остальные экземпляры - монеты местного выпуска со сценой единоборства правителя со львом на оборотной стороне

Среди монет со сценой единоборства этот клад содержит уникальный экземпляр, рисунок которого является, на наш взгляд, одним из начальных образцов для чеканки нахшебских монет.

На ач. изображен правитель влево, прическа в виде распущенных волос, перехваченных на лбу лентой с узлом на затылке. Конец ленты, в отличие от прядей волос, передан линией, отходящей от затылка. Верх головы перекрыт прямой линией непонятного назначения. Перед лицом надпись, от которой сохранилась лишь верхняя часть. Все в круге из точек.

Rv. Сцена поединка правителя со львом, между фигурами, под лапами льва - черта с отходящими от нее двумя короткими вертикальными линиями (надпись?). По левому нижнему краю монетного кружка - неясные выпуклости (остатки надписи?). (Таб. II, 2 увеличено).

Медь. Д. - 16 мм, в. - 2,00 г. (К-342).

Четко различимые детали изображений объясняют сложение необычной прически правителя на «нахшебских» монетах основного типа: она появилась в результате упрощения и изменения рисунка штемпеля, в результате чего появились торчащие сзади пряди волос, придающие своеобразие прически. Изображение на оборотной стороне в целом такое же, как на остальных «нахшебских» монетах, за исключением наличия не прямой черты под фигурами, а линии с вертикальными палочками, возможно начальное слово надписи, нечеткие следы которой обрамляют слева фигуру правителя. В монетном поле видны также какие-то шероховатости от изображения, возможно, что сцена

поединка была нанесена на полустертое предыдущее изображение (перечекан?).

Изучение двух описанных кладов показало, что монеты клада № 2 по времени - более ранних эмиссий и, вероятнее всего, выпали из обращения раньше, чем монеты клада № 1. Об этом же, кроме наличия в кладах монет основного типа ранних эмиссий, свидетельствует и нахождение медных монет с изображением лучника.

Типология «медных драхм» показывает, что иконографически они как бы параллельны серебряным монетам, и повторяют ряд постепенного ухудшения изображений, уменьшения размера и веса монет. Изображение правителя на монетах 1-го типа стилистически аналогичны серебряным монетам 1 периода. Отличительная черта - наличие бороды у правителя. Еще одно отличие - голова правителя показана в традициях скульптурного искусства, с четко очерченной границей основания; прием характерный для эллинистического искусства вообще, и, в частности, для греко-бактрийских монет и ранних подражаний им. Эта особенность изображения правителя характерна также и для «нахшебских» монет, особенно четко она видна на монетах из Еркурганского клада, содержащего экземпляры ранних эмиссий. Эта особенность сближает «медные драхмы» с «нахшебскими» монетами.

Близость этих двух групп монет впервые заметил М. Алрам, поместив их в одном типологическом ряду и отметив, что по стилю, производству и номиналу они образуют одну общую группу» и, что чекан монет «в любом случае должен определяться в одном и том же месте» (10, с. 276). В дальнейшем эту мысль М. Алрама развил А. Наймарк, предположив, что медные монеты с изображением лучника - это нахшебские подражания III-IV вв. самаркандским выпускам серебряных монет. Из них впоследствии вырос самостоятельный тип монет со сценой единоборства, начало выпуска которых можно отнести к IV-V вв. (7). Для подтверждения высказанных гипотез не доставало данных - точно зафиксированных совместных находок монет обеих групп в Каршинском оазисе. Новые находки из Еркургана могут, на наш взгляд, служить фактологическим подтверждением умозаключений М. Альрама и А. Наймарка. При этом, выпуск «медных драхм» в Нахшебе, несмотря на разнообразие штемпелей, возможно, был не столь интенсивным и длительным как выпуск «нахшебских» монет со сценой единоборства.

На данном этапе изученности, многие вопросы остаются еще открытыми, в частности, вопрос о становлении иконографической схемы нахшебских монет. Как мы показали выше, преемственность нахшебских монет «медным драхмам» прослеживается больше в оформлении лицевой стороны, изображение человека на о.с. нахшебских монет аналогично лучнику на «медных драхмах» 1-го типа: это сходство предполагает, что данные группы монет не должны далеко отстоять друг от друга по времени выпуска и могли быть синхронными. Следовательно, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело или с двумя линиями подражаний монетам Аштама, выпускавшимися в разных центрах; или с двумя группами монет, претендующими на роль различных номиналов в денежном обращении Южного Согда. При этом, выпуск «медных драхм» в Нахшебе, несмотря на разнообразие штемпелей, возможно, был не столь интенсивным и длительным как выпуск «нахшебских» монет со сценой единоборства.

Окончательному решению этого вопроса должны способствовать дальнейшее изучение материала, а также результаты необходимых, на наш взгляд, химических анализов металла монет двух групп. О несомненном местном производстве «медных драхм» может служить и факт их обнаружения на раскопе 16 городища Еркурган, функциональное назначение которого определено исследователями как «металлургический квартал» (9, с. 129-132). Интересно,

что в нумизматическом собрании из Еркургана вместе с монетами находятся и медные брусочки, сплавленные кусочки металла круглой формы, которые могли быть заготовками для производства монет на данном объекте.

Таким образом, изучение монет из раскопок в Южном Согде позволяют сделать следующие выводы о становлении здесь собственного монетного производства, которое произошло вероятнее всего в первые века нашей эры. К наиболее раннему периоду монетной чеканки в Южном Согде относятся монеты с изображением Геракла и Зевса. Одна из них - медная - была найдена на городище Малое Кыз-биби (6, с. 90, рис. 40, 8-9); вторая - серебряная - на городище Турткультепа (1) (Табл. II, А). Выпуск этих монет, по мнению Е.В. Зеймальной, осуществлялся во II-IV вв. н.э. (4). В пользу локализации их по месту выпуска в Южном Согде служит и находка целого клада монет и в Каршинском оазисе Кашкадарьинской области. Монеты клада, к сожалению, разошлись по рукам². В первые века нашей эры в оазисы проникают и серебряные монеты с изображением лучника самаркандских эмиссий, послужившие образцом для выпуска медных подражаний и ранних эмиссий монет «нахшебского» типа.

² За сведения о находке клада мы благодарим Э.В. Ртвеладзе и А. Омельченко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев К. Монета с изображением Зевса и Геракла из Кашкадарьи // НЦА. II. Ташкент, 1997, с. 9-16.
2. Баратова Л.С., Сулейманов Р.Х. О двух первых кладах нахшебских монет // НЦА.V. Ташкент, 2001, с. 31 - 42.
3. Зеймаль Е.В. Тали-Барзинский клад монет с изображением лучника // СГЭ XXXIV. Л., 1972, с. 70-75.
4. Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СГЭ XXXVII. Л., 1973, с. 68-73.
5. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
6. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. Ташкент, 1981.
7. Наймарк А.И. К нумизматической истории Нахшаба. Тезисы докладов. Археология Средней Азии. ТашГУ. Ташкент, 1990, с. 66-68.
8. Ртвеладзе Э.В. Монеты Кеша // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1989, с.38-43.
9. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
10. Alram M. Nomina propria iranica in Numism. Materialgrundlagen zu den iranischen Personalnamen auf antiken Mynzen (Iranisches Personennamenbuch 4). Wien 1986.

А.А. Раимкулов

ХРИСТИАНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦИЛИНДРЫ ИЗ КОШТЕПА НАХШАБСКОГО

В начале 90-годов на Коштепе, расположенном в к. Шайхали близ города Карши, нами был раскопан уникальный полуподземный архитектурный комплекс. Этот комплекс сначала был интерпретирован как христианский храм (Раимкулов, 1997, с. 110-116). Позже он был определен как христианский полуподземный монастырь, который существовал во второй половине VI - начале VII вв. н.э. (Раимкулов, 1999, с. 213-222). Архитектурный комплекс представляет собой двухчастное сооружение, состоящее из тринадцати помещений. В западную часть входят помещения 6-11 и 13; в восточную 1-5 и 12. В северной части, видимо, располагался айван (рис. 1).

Во время раскопок получен богатый и разнообразный археологический материал: сосуды, керамические курильницы, терракотовые статуэтки, светильники, пряслица, обработанные камни и т.д. Среди них находились и другие археологические находки, назначение которых тогда еще не было понятно.

На полу помещения 3 восточного комплекса в разных местах в вертикальном положении стояли пять полых цилиндрических изделий с прямыми стенками из красноватой глины, толщиной 2,5-3 см. Самое большое из них, которое находилось прямо у входа между помещениями 1 и 3, имеет максимальный диаметр 55 см, минимальный - 32 см. Изнутри все изделия были пустые. Сохранившаяся высота их колебалась в пределах от 10 см до 55 см (Раимкулов, 1997, с. 111). Остатки подобного цилиндра были найдены на полу в середине помещения 2, которое расположено рядом с помещением 3. В отличие от вышеупомянутых, этот цилиндр лежал в горизонтальном положении и был раздавлен. Длина его составляла не менее 60 см, диаметр около 32-35

см. Цилиндр был изготовлен вручную из специальной керамической глины красноватого цвета. Хорошо известно, что из подобной глины гончары изготавливали разнообразные керамические предметы. Фрагменты таких необожженных глиняных сосудов часто встречаются на раскопках в кварталах керамистов практически по всей территории Средней Азии. Кроме того, в этом же помещении рядом с цилиндрами стоял целый крупный котел без каких-либо следов огня. Видимо, в нем находилась глина с необходимыми компонентами.

В начале VII в. по неизвестным причинам данный монастырь прекращает свое существование и тогда же все культовые помещения были засыпаны рыхлым песчаным грунтом. Жившие здесь монахи, видимо, внезапно покинувшие этот монастырь, не успели обжечь эти цилиндры и они в таком виде, со всеми другими монастырскими предметами были оставлены на своих местах. Поэтому при раскопках отсюда получен разнообразный комплекс керамических изделий и, в том числе, обильный набор целых сосудов.

По нашему мнению, эти цилиндры предназначались для погребений умерших христиан. Видимо, в соседнем крупном поселении городского типа, остатки которого ныне называются Коштепе, и в столичном городе Нахшаба, расположенном на расстоянии около 1,5 км к юго-западу от Коштепе, в VI-VII вв. проживали христианские общины. Подобные керамические цилиндры, внутри которых имелись человеческие кости, найдены в 1955 г. на городском кладбище старого Мерва (Обельченко, 1969, с. 86-99). Длина каждого цилиндра из Мерва составляла 60 см, диаметр - 30 см и толщина стенок 2 см. Внутри цилиндров находились скелеты головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и

сложены крест-накрест на тазе, ноги сжаты и плотно соединены в коленях (Обельченко, 1969, с. 86-99). Эти цилиндры были интерпретированы как погребения христиан Мерва и датируются второй половиной VII в. В 1956 г на этом же кладбище найдено еще несколько керамических цилиндров с человеческими костями (Сусенкова, 1969, с. 100-108). Мервские керамические цилиндры имели длину 60-66 см, диаметр 30-34 см и толщину черепка около 2 см. По величине и по времени они близки нашим.

Как известно, христианские монахи занимались не только богослужением. Среди них было очень много преподавателей, ученых теологии, каллиграфов, искусных врачей и ремесленников. Христианские монахи-ремесленники в мастерских при церквях и монастырях изготавливали различные культовые предметы: курильницы, кадила, кресты и ювелирные изделия.

Видимо, в западном комплексе Коштете монахи занимались и ювелирным делом, поскольку в помещении 11 найден плоский камень на поверхности, которого имеются следы удара молотка и следы огня. По определению известного трасолога Г.Ф.Коробковой из Санкт-Петербурга, он использовался в качестве небольшой наковальни для ювелирных работ. Ювелир, который занимался изготовлением различных предметов из цветного металла, видимо, пользовался крупным очагом, расположенным в помещении 11 под северной стеной. Но металлические предметы здесь не обнаружены. По раскопкам Коштете теперь выясняется, что они занимались также гончарным делом, в том числе, видимо по заказу, они наряду с другими предметами, изготавливали и керамические цилиндры для христиан близлежащих населенных пунктов.

Многолетние археологические исследования на территории Средней Азии показали, что христианское население Средней Азии использовало различные способы захоронений, т.к. в городах и селениях раннего и развитого средневековья одновременно проживали согдийские, тюркские и сирийские христиане. Часть населения Средней Азии, приняв новое христианское вероисповедование, в течение нескольких десятков лет хоронило своих умерших по старой традиционной зороастрийской или языческой традиции - в хумах или других крупных сосудах, оссуариях, в виде беспорядочно наваленных костей и т.д.

Эти древние погребальные традиции, которые позже использовались и христианами на территории Средней Азии, имеют глубокие исторические корни и они широко известны в археологической литературе. Поэтому тут нет надобности подробно на них останавливаться.

Одним из редких видов захоронений, о котором сейчас идет речь, - это захоронение в цилиндрах. Подобные захоронения встречались один раз на христианском кладбище близ города Мерва, и второй раз - в необожженном виде в христианском монастыре Коштете на территории Нахшаба.

На территории Средней Азии раскопаны в значительном количестве кладбища, где зафиксированы различные виды захоронений. Но среди них отсутствовали захоронения в цилиндрах. О.В.Обельченко приводит единственную аналогию из Северной Африки, где в некрополе Сфакса умершие христиане были похоронены в цилиндрических сосудах (Cabrol Farnan, 1907, p. 751). Но захоронения в некрополе Сфакса были в цилиндрических сосудах, а не в цилиндрах, поэтому их мы не можем рассматривать как захоронения в цилиндрах.

Вопрос о происхождении этого типа захоронений пока остается открытым. Видимо, захоронения в цилиндрах, как захоронения в хумах и других керамических сосудах или оссуариях, на территории Средней Азии имеют зороастрийские корни.

Полуподземный архитектурный комплекс Коштете мы сначала интерпретировали как христианский храм. Похоже интерпретация была уточнена и комплекс был назван монастырем. Теперь же еще нагляднее вырисовывается его функциональное назначение. Это здание, видимо, по назначению было близко зданию в Варрык-депе, которое расположено рядом с мервским некрополем, и где были обнаружены вышеотмеченные погребальные цилиндры. В Варрык-депе обнаружены и куски керамических шлаков. Как считают, исследователи, объединенные в «братство» представители занимались погребением мертвых и поддержанием порядка на кладбище. Они же, по мере необходимости, изготавливали кирпичи, керамику, кубуры (имеются в виду цилиндры - Р.А.) и оссуарии (Усманова, 1994, с. 32).

Во время раскопок Варрык-депе исследователями была отмечена интересная деталь. О.В.Обельченко пишет: «... выявили три стены, идущие параллельно одна к другой. ...

прослежена первая стена с восточной стороны на глубине более 3,5 м от разрушенного гребня. С наружной стороны западной стены находились мощные натечно-надувные слои, прослеженные на запад на расстоянии более восьми метров. ... В четырех метрах восточнее этой стены находилась вторая стена. Пространство между двумя этими стенами было заполнено натечно-надувными слоями» (Обельченко, 1969, с. 97). Видимо, помещения

в Варрык-депе, как и в монастыре Коштепе, тоже были засыпаны перед тем, как были покинуты. Подобные искусственные заполнения отмечены в пещерном христианском монастыре близ кишлака Айвадж в Южном Таджикистане (Атаханов, Хмельницкий, 1973, с. 187-204).

Таким образом, раскопки на поселении Коштепе, предоставили нам новые данные о погребальном ритуале христиан Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г. О работах Шаартузского археологического отряда в Таджикистане // Археологические работы в Таджикистане // Вып. X. М., 1973.
2. Обельченко О.В. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XIV. Ашхабад, 1969.
3. Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. Самарканд, 1997.
4. Раимкулов А.А. Корхона - Нрта Осидеаги Ядимиий насронийлар черков-монастири // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999.
5. Сусенкова Р.С. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.) // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XIV. Ашхабад, 1969.
6. Усманова З.И. Христианские памятники Туркмении // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
7. Cabrol Fernan. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de leturgie. T.1. Paris, 1907.

А.А. Raimkulov

CHRISTIAN CYLINDERS FROM KUSHTEPE, KARSHI REGION

The article is devoted to investigation of discovered cylinders from Kushtepe archaeological monument, in Shayhali village near Karshi city. Interesting materials about this Kushtepe archaeological monuments are brought in the article. The construction was Christian cloister during 6th-7th centuries and there are found worship goods and conducted burial rituals. The discovers especially cylinders were confronted and studied with similar archaeological materials of this period.

Ш.Т. Адылов, Д.К. Мирзаахмедов

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ВАРДАНА И ВЛАДЕНИЯ ОБАВИЯ

На территории земель древнего орошения Бухары примерно в 7 км к северо-востоку от районного центра Шафиркан сохранились руины древнего города, который местные жители называют Кургон-Варданзи. Как и другие городские пункты своего времени, он состоял из Арка-цитадели и собственно городской части - шахристана. В настоящее время в рельефе местности выделяется в виде бугра-тепа только монументальная цитадель, подпрямоугольная в плане, вытянутая по направлению восток-запад, площадью около 0,5 га и высотой 15-16 м. Со всех сторон её окружает лощина, ширина которой местами достигает 20 м. Это явные остатки рва, заполнявшегося в древности водой. Шахристан располагается к югу от цитадели и отделено от неё вытянут по направлению север-юг. Его верхние культурные горизонты, относящиеся к XIX-нач. XX вв. в настоящее время не столь четко выделяются в рельефе окружающей местности, поскольку в значительной степени разрушены и занесены песком. По этой причине размеры и контуры шахристана пока устанавливаются условно. Не исключено, что под песком скрыта и пригородная часть - рабад.

Известно, что на месте городища ещё в XIX в. существовало крупное селение. В нём производилась оригинальная художественная поливная керамика, пользовавшаяся большим спросом и популярностью (Бурдуков, 1904, с. V-VI). Она знаменует собой последнюю вспышку в развитии высокохудожественной полихромной глазурованной керамики Бухары конца XVIII-сер. XIX вв. и была широко известна далеко за ее пределами (Мирзаахмедов, 1990, с. 63, 64). Упадок Варданзи был связан с наступлением песков на окраины Бухарского оазиса. Этот процесс, отмеченный Е.К. Мейендорфом еще в нач. XIX в. (Мейендорф, 1975, с.

85) в конце века значительно усилился. В результате население из пограничных зон постепенно переселялось вглубь оазиса. Уже в 30-х гг. XX в. Варданзи опустело, а его жители основали новое селение под названием Варданзи-Кухна примерно в 2-х км к югу от городища. Оно существует и поныне. А городище и окрестные ему земли продолжительное время являлись территорией одноименного ныне расформированного историко-природного заповедника.

Городище Варданзи относится к числу наиболее известных исторических памятников региона. Однако в силу разных причин археологам пока так в не довелось проводить здесь стационарные научные исследования. А между тем у памятника ничуть не менее интересная и насыщенная событиями история, чем у других известных древних городов нижней части Зарафшана: Бухары, Рамитана, Пайкенда, Варахши, Вабкента, Занданы, Кармины и др. Этот пункт также часто упоминается в средневековых письменных источниках. Более того, в эпоху раннего средневековья он являлся столицей, хотя и небольшого, но богатого и сильного княжества, правители которого на равных соперничали с царями самой Бухары - Бухархудатами. Знаменитый средневековый историк ан-Наршахи (X в.), уроженец селения Наршах под Вабкентом и автор книги «Тарихи Бухоро» называл этот древний город Варданой. Под таким же названием он упоминается в трудах арабских историков и географов X в.: ал-Истахри («Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик») и ат-Табари («Тарихи ал-Мулк ва-л-Расул»). Другой арабский географ X в. ал-Мукаддаси («Ахсан ат-Такхим фи ма*рифат ал-далим») называл этот пункт Аварзаной. Еще два арабских географа - ас-Сам*ани (XII в., «Китаб ал-Ансаб») и

Йакут ал-Хамави (XIII в., "Му*джем ал-Булдан») дают в своих трудах следующие варианты: Вардана и Варзан (см. подборку Камалидинов, 1993, с. 63). По сведениям двух последних авторов, на территории Бухарского оазиса были два пункта с одинаковым названием Вардана или Варзан¹.

По-видимому, наиболее верным вариантом названия всё же является именно "Вардана", поскольку он чаще других упоминается в письменных источниках. Что касается окончания "-зи" в названии собственно городища, то в новоперсидском (дари) языке оно означает "место", "местность". Композит «-зи» присутствует в названиях многих старинных селений области Бухары (например, Ваганзи, Исамзи, Палянзи и др.). Таким образом, название «Варданзи» означает «место (расположения) Варданы». Что касается этимологии самого исторического названия древнего города, то оно пока остаётся неясным.

Средневековые авторы в большинстве своём оставили отрывочные сведения о городе. Так, ал-Истахри помещал Вардану возле канала Сафара (Камалидинов, 1993, с. 66). Ал-Мукаддаси называл Аварзану "селением, подобным городу» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с.184). Ас-Самани и Йакут ал-Хамави тоже считали этот пункт селением (Камалидинов, 1993, с. 66). В этом нет ничего удивительного, так как после арабского завоевания Вардана утратила своё прежнее значение одного из политических центров Западного Согда. Подобные городки, часто именуемые древними авторами селениями, экономически объединяли прилегавшие к ним территории в пределах сельскохозяйственных районов - рустаков. К тому же в Вардане, не было соборной мечети. В противном случае древние авторы непременно отметили бы данное обстоятельство. В те времена наличие или отсутствие соборной мечети считалось одним из главных критериев, отличавших город от селения (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с.164-165).

Наиболее подробные сведения о Вардане сохранились в книге ан-Наршахи. Так, в XIII главе "Тарихи Бухоро" приводится старинное предание об истории возникновения этого пункта, который ан-Наршахи тоже считал селением. Согласно легенде, Вардану основал иран-

ский принц по имени Шапур, который происходил из династии Сасанидов и являлся сыном шаха Хосрова. Шапур поссорился с отцом и прибыл в Бухару, где его радушно принял местный правитель - Бухархудат. Поскольку Шапур любил охоту, Бухархудат подарил ему земли к северу от Бухары. В те времена они еще не были освоены и заселены, и поэтому здесь водилось много дичи. Принц приказал прорыть в этих местах большой канал, который в его честь называли Шапуркамом, а простонародье употребляло данное название в форме "Шафуркам".

Новый хозяин земель также основал по берегам канала множество селений, в том числе и Вардану. Последняя стала резиденцией Шапура и административным центром его удела, который назывался "Обавия" (ан-Наршахи, 1991, с. 110-111). Сам принц и его потомки, которые спустя некоторое время стали могущественными царями, носили титул "Варданхудат"².

Ан-Наршахи упоминает Вардану и в IV главе книги. Согласно описанию, Вардана была крупным селением с мощной крепостью, которое в древности являлось резиденцией царей, но во времена самого историка резиденции уже не было. Основал Вардану Малик (царь) Шапур (Шапур). Она располагалась на границе с Туркестаном³ и поэтому имела важное значение в качестве стратегического, торгового и промышленного пункта. Здесь проводился еженедельный базар, а также изготавливалась знаменитая ткань типа "занданийчи", которая ценилась на уровне китайского шёлка. А ещё ан-Наршахи сообщает, что Вардана древнее Бухары (ан-Наршахи, 1991, с. 98).

В сообщениях ан-Наршахи немало интересного, хотя и противоречивого, даже неправдоподобного, что характерно для всей книги в целом. С одной стороны, Вардану как будто бы основал принц Шапур на заповедных землях, которые ему подарил правитель Бухары. Однако в предшествующей главе говорится о царе Шахпуре и более древнем, нежели Бухара, воз-

² Титул "Варданхудат" означает буквально "Владелец Варданы". Древний иранский термин "худа" (в арабском написании - "худат") означает "господин", "начальник", "владелец" и т.п. В средние века этим словом в иранской и тюркской среде стали обозначать Бога (Аллаха). От древнеперсидского "худа" происходит новоперсидское «хожа» (хужаин) и русское "хозяин" с теми же смысловыми значениями.

³ В эпоху раннего и развитого средневековья Туркестаном («Страной тюрков») называли южнорусские, казахстанские, южносибирские степи, а также территории пустынь вплотную примыкавшие к оазисам Средней Азии. И только, начиная с позднего средневековья этот термин стал применяться ко всему географическому ареалу Средней Азии.

¹ Другое селение с этим названием тоже сохранилось до наших дней. Теперь оно называется Вардана-Шайхон и расположено примерно в 5 км к востоку от райцентра Рамитан. На северо-восточных окраинах этого селения имеется соответствующее древнее городище.

расте Варданы. Далее, неясно, действительно ли существовал этот принц по имени Шапур. Из истории известно, что в Иране времен Сасанидов было два шаха, носивших имя Хосров: Хосров I Ануширван (531-578 гг.) и Хосров II (590-628 гг.). Другие письменные источники не подтверждают, что у одного из этих шахов был сын Шапур, который сбежал в Бухару. Кроме того, не исключено, что "Шапур" - это вовсе не имя, а титул.⁴ Так что имя легендарного принца, если он действительно существовал, необязательно было именно "Шапур". А название "Шапуркам" могло означать просто "Канал принца".⁵

Данный канал действительно существует, правда его современное название исказилось до состояния "Шафиркан". Исследования показали, что в действительности это не рукотворная артерия, а один из естественных протоков Зарафшана в его нижнем течении». Археологами доказано, что поселения по его обоим берегам существовали в первых вв. до н.э. Да и на поверхности городища Варданзи в большом количестве отмечаются обломки посуды IV-V вв. н.э. и даже ранее этой даты. Иными словами, обживание поймы канала началось задолго до того, как основатель династии Сасанидов Ардашер I Папакан воцарился (примерно в 226 г.) на иранском престоле. По нашему предположению, легенда о принце Шапуре отчасти основана на реальных событиях. Иначе трудно объяснить, как вообще могло возникнуть такое название у соответствующего канала. Возможно, эти события имели место во времена существования государства Эфталитов (втор. пол. V в. - 60-е годы VI в.). Данное огромное государство занимало большую часть территории Средней Азии, а также Афганистана, Пакистана и Се-

верной Индии. Оно представляло собой конфедерацию множества более или менее самостоятельных владений разных размеров, скреплённую чем-то вроде союзного договора. И бухарское владение было одним из главенствующих в этом союзе (Адылов, 1998, с. 21). Во главе государства стоял царь, который однако не имел абсолютной власти над более мелкими правителями.

Между Ираном и Эфталитским государством не раз вспыхивали войны, и всякий раз персы терпели жестокие поражения. В конце концов они были вынуждены выплачивать эфталитам ежегодную дань. Причём одно время это приходилось делать даже самому великому и могущественному среди всех Сасанидов - Хосрову I. Поэтому совсем не исключено, что один из иранских принцев, который по каким-то причинам был изгнан из страны, стал искать защиты и покровительства у злейших врагов своей родины. И в данном случае таким покровителем оказался "хозяин" Бухары, владения которого располагались рядом по соседству - на правом берегу Джайхуна-Амударьи. Именно вдоль этой реки на большом протяжении пролегла граница между Ираном и Эфталитским государством.

Правитель Бухары приютил принца, руководствуясь политическими соображениями. Более того, следуя аристократическим традициям и обычаям тех времен, он, наверное, даже породнился с ним - выдал, например, замуж свою дочь или какую-нибудь другую близкую родственницу. Но при всём при том принц признавал над собой власть бухархудата, т.е. являлся вассалом. А поскольку феодальный институт вассалитета предполагает обладание крупной земельной собственностью, то в качестве свадебного дара молодожёнам были пожалованы земли на северных окраинах Бухарского оазиса в пойме одного из естественных протоков дельтовой части Зарафшана.

Эти земли, конечно же, были давно освоены, а в нижнем течении протока уже существовала Вардана. Но не исключено, что местами сохранялись отдельные заповедные участки с тугайными зарослями, изобиловавшими дичью. Важно отметить, что в те времена данная территория не представляла из себя особой ценности в стратегическом и экономическом аспектах. Она располагалась как раз на границе культурной полосы со степью, от которой часто исходила угроза, и вдали от важнейших торговых маршрутов. А город-крепость Вардана располагалась за чертой общепухарской стены

⁴ В переводе со среднеперсидского (пехлеви) языка "Шапур" (точнее, "Шах-пур") означает "сын царя", "принц". Есть веские основания предполагать, что среднеперсидский язык получил широкое распространение в Бухаре еще в VI-VII вв. наряду с местным согдийским. Это подтверждается письменными источниками, археологическими находками с надписями на данном языке и старинными гидронимами-топонимами соответствующего происхождения, сохранившимися до наших дней. Возможно и по этой причине позднее новоперсидский язык полностью вытеснил согдийский с его исторической территории.

⁵ В древних иранских языках термин "кан" имел значение "рыть", "копать", "место, заполненное водой", "канал". В области Бухары, где сохранилось множество гидронимов-топонимов с таким окончанием, он часто приобретал форму "кам" ("Харамкам", "Ками-Зар", "Ками-Даймун", "Калкан-руд", "Калкан-Ата" и др.). Термином "кам" в Бухаре ещё в XIX в. именовали длинные магистральные каналы, тогда как сравнительно небольшие каналы обозначали словом "джуй" (арык) (Кисляков, 1962, с.134).

Канпирак, окружавшей большую часть территории Бухарского оазиса и предназначавшейся для защиты от набегов кочевников.⁶

Предполагаемый принц, обосновавшийся с женой в Вардане, занимался не только охраной северных рубежей Бухары. Наверняка он проводил ширококомасштабные работы по расширению протока и его расчистке, прокладыванию арыков, благоустройству городов и селений, освоению новых земель под посевы и животноводство. И, возможно, по этой причине его имя (титул) сохранилось в названии речной артерии. Что касается канала с названием "Сафара", в нижнем течении которого по данным ал-Истахри располагалась Вардана, то это тот же самый Шапуркам. "Сафара" - это искажённое чтение или начертание названия "Шапур"⁷.

В подтверждение и обоснование выдвинутой гипотезы приведём несколько фактов из исторических хроник, затрагивающих ирано-эфталитские отношения.

Первый из них связан с правлением шаха Пероза (Фируза) 459-484 гг.), который совершил три похода против эфталитов и всякий раз терпел поражения. Первая война закончилась тем, что он попал в плен, но был выкуплен византийским императором. После второго поражения и повторного пленения он обещал за свою жизнь огромный выкуп, который не буду-

чи в состоянии выплатить сразу, был вынужден в течение двух лет оставить в заложниках своего малолетнего сына Кавада (Кубада). Третий поход завершился гибелью шаха. Весь его лагерь попал в руки эфталитов, в том числе и дочь, которая стала женой их царя Кун-хи (Гафуров, 1989, с. 250-251; История народов Узбекистана, с.128-129).⁸

Второй факт связан с начавшимся в Иране на рубеже V-VI вв. восстанием народных масс под руководством Маздака. Происходило это в период правления упомянутого выше шаха Кавада (488-531 гг.), который попытался использовать это движение для подавления сепаратистских устремлений крупных местных владетелей, родовой знати и жречества. Однако высшая аристократия Ирана сумела свергнуть Кавада с престола и провозгласила шахом его более послушного брата (496 г.). Кавад, которому удалось бежать, отправился к эфталитам. С последними его связывали, видимо, не только несколько лет, проведённых в почетном плену, и сестра, являвшаяся женой эфталитского царя. Он прекрасно понимал, что только огромный военный потенциал эфталитов является средством его возврата на трон. Укрывшись здесь ему удалось жениться на дочери царя, от своей сестры, т.е. своей племяннице. На этот раз Кавад прожил у эфталитов три года. После настойчивых просьб тестя всё-таки выделил в его распоряжение большую армию, с помощью которой Кавад расправился с противниками и вновь воцарился в Иране (499 г.) (Пигулевская, 1940, с. 136).

История умалчивает о том, родила ли Каваду эфталитская принцесса детей, в частности сына. Однако, если он все-таки был, то вне всякого сомнения остался при дворе деда после отъезда отца на родину - фактически в качестве почётного заложника, чтобы держать ираншаха под контролем. В средние века на Востоке подобный институт заложничества имел очень широкое распространение в межгосударственных делах и являлся эффективным средством обуздания агрессивных соседей.

Таким образом, факты свидетельствуют, что шах Пероз и его сын волею судьбы по крайней мере дважды и подолгу пребывали "в гостях" у царя эфталитов. Причём, в первом случае Кавад был пока ещё принцем, а во вто-

⁶ Изучением письменных источников, археологическими и картографическими исследованиями установлено, что стена Канпирак строилась в два этапа. Первый этап относится как раз к эфталитскому времени (кон. V - сер. VI вв.). Второй этап датируется в промежутке между 782 и 831 гг. - об этом сообщается в XV главе "Тарихи Бухоро". Между двумя этапами строительства пролегал длительный период, в течение которого стена никакой роли не играла. Второй этап строительства являлся фактически восстановлением разрушенной стены. Как на первом, так и на втором этапах предусматривалась защита от кочевых тюркских племен (Адылов, 1998, с. 19-21; Мирзаахмедов, 1994).

⁷ Как известно, ан-Наршахи написал свою книгу на арабском языке, а в XI в. её перевёл на фарси ал-Кубави, уроженец города Кубы (Кувы) в Фергане. До наших дней сохранился именно персидский вариант книги. В арабском варианте название канала, видимо, имело чтение и начертание "Шафуркам" - в соответствии с нормами арабского языка и совпадающее с местным диалектным вариантом. Однако ал-Кубави не стал просто автоматически "калькировать" арабизированное название канала и отразил его в соответствии с нормами литературного фарси. (Однако, вместе с тем, привёл и диалектное произношение). Что касается ал-Истахри, то его вариант (без конечного компонента "-кам") тоже, естественно, арабизирован, но при том ещё и с дополнительными искажениями. Возможно, в исходной рукописи автора и не было значительных неточностей. Они могли возникнуть по вине переписчиков книги ал-Истахри, допустивших каллиграфические ошибки. Вместо начальной буквы "шин" () они могли написать "син" (), тем более что в арабском письме эти буквы имеют почти идентичные начертания. Их легко спутать при отсутствии должного внимания. Подобного рода каллиграфические ошибки вообще допускались очень часто при переписке средневековых рукописей. В результате таких звуковых замен, ошибок и искажений "Шапур" превратился в "Сафара".

⁸ Кунхой (Гунхазом) эфталитского царя называет византийский историк Приск Панийский. По сведениям Фирдоуси, имя этого царя было Хушнаваз, а по ат-Табари - Ахшунвар. Возможно, последний вариант не имя, а титул (Гафуров, 1989 с. 251).

ром - свергнутым шахом-изгнанником, породившимся с местным правителем. Если к тому же добавить, что многие исследователи располагают резиденцию эфталитских царей в области Бухары (История народов Узбекистана, с. 129), то выдвинутая точка зрения получает под собой реальную основу. Вполне естественно, возникает соблазн персонифицировать принца Шапура из предания непременно с реальным Кавадом, а соответствующего Хосрова - в какой-то мере, с Перозом или его другим сыном-узурпатором.⁹ В сущности, это совсем не исключено, хотя под легендарными образами вполне могут быть скрыты и другие реальные персоналии: шах Хосров I - сын Кавада также мог оказаться тем гипотетическим сыном-изгнанником народных преданий - легендарным Шапуrom. И тем не менее, в истории ирано-эфталитских отношений действительно имели место эпизоды весьма созвучные предложенной гипотезе, и это бесспорно.

Нельзя обойти вниманием и название удела Варданхудатов - "Обавия" (или что-то похожее на это). На территории современного Шафирканского района, да и за его пределами, сохранилось несколько старинных селений с очень похожим названием - "Уба". Топоним «Обавия-Уба», вероятно, является производным от иранского "об" - "вода".

После того, как эфталиты, возглавляемые царем Гатифаром, были разгромлены тюрками в решающем сражении под Бухарой (между 568 и 567 гг.), их государство перестало существовать. Бухара наряду с другими территориями вошла в состав Тюркского каганата. Стена Канпирак на время утратила своё назначение, а Бухарский оазис снова стал открытой территорией в буквальном смысле слова. Теперь не было причин огораживаться от тюрков, да и вообще их взаимоотношения с согдийцами были доверительными. Многочисленные согдийские уделы чисто формально признавали над собой власть тюрков. При этом они в достаточной мере сохраняли самостоятельность, чеканили собственные монеты, заключали между собой внутренние союзы.

Территория Западного Согда тоже оказалась раздробленной на множество уделов, среди которых по крайней мере три княжества яв-

лялись доминирующими. Центром одного из них был город Бухара, а правители носили титул Бухархудатов. Центром второго удела являлся Рамитан. Этот древний город в китайских и арабских письменных источниках вообще именуется второй столицей области Бухары. Есть основания полагать, что правители Рамитана носили титул "Х-н-кхудатов" («Хунукхудатов»?). (Более точное чтение титула пока не известно, также как и этимология названия "Х-н-к"). Один из этих «Х-н-кхудатов» упоминается в "Тарихи Бухоро" в связи с возрождением жизни на разрушенной Варахше, а другой - в качестве удельного правителя, воевавшего с Кутайбой ибн-Муслимом (Адылов, 1998, с. 22-25). Обе столицы располагались на важнейших трассах Великого Шёлкового Пути. И наконец, третьим крупным уделом являлась Обавия во главе с Варданхудатами и соответствующим административным центром.

И ан-Наршахи и ат-Табари отмечают, что Варданхудаты являлись могущественными правителями и соперничали с самими Бухархудатами (ан-Наршахи, 1991, с. 111; История ат-Табари, с.120-121). Причины возвышения «потомков Шапура» и расцвета Обавии, наверное, вытекали из новых геополитических реалий, весьма благоприятных для бывших вассалов Бухархудатов. Обавия располагалась на границе с кочевой степью и теми земледельческими территориями, по которой пролегла основная бухарско-самаркандская трасса Великого Шёлкового Пути - "Шахрох" ("Главный путь")¹⁰.

Кочевая степь во все времена являлась не только крупнейшим потребителем, но и поставщиком товаров для рынков вдоль этой трассы. Тюрки были кровно заинтересованы в развитии торговли с согдийцами и всячески поощряли деятельность их купцов. Благодаря этому согдийские колонии возникли далеко за пределами их исторической родины на всём протяжении Тюркского каганата, и даже вне его. Поэтому Варданхудаты не упустили свой шанс и воспользовались выгодным географическим расположением Обавии. Не исключено, что они значительно расширили свои владения и установили контроль над отдельными мелкими княжествами области Бухары. Опираясь на сведения ат-Табари, можно представить, какую территорию занимала Обавия в пору своего

⁹ Среди всех шахов династия Сасанидов Хосров I был не просто самым могущественным, но и знаменитым. В силу этих причин его имя, не в пример предшественникам и преемникам на Иранском престоле, весьма прочно закрепилось не только в литературно-художественной традиции, но и в народной памяти в качестве собирательного образа шаха из этой династии.

¹⁰ Трасса пролегла вдоль левого берега протока Руди-Зар (он же Нахри-Зар, Руди-Шарг, Нахри-Бухоро, Харамкам), который в средние века считался основным руслом в низовьях Зарафшана. Теперь это русло называется Шахруд.

расцвета.

Историк сообщает, что владения Варданхудатов располагались по соседству с уделом (или каналом) "Харкана ас-Суфла" («Нижняя Харкана») (История ат-Табари, с.120). Ал-Истахри тоже упоминает этот район. По его сведениям, на территории области Бухары в X в., существовали два рустака под названием Харкана. Один из них - Харкана ас-Суфла - располагался в пределах общехаркарской стены (Канпирака), а другой - Харкана ул-Улия ("Верхняя Харкана") был внешним. Оба рустака получили свои названия от каналов, протекавших по их территориям (Бартольд, 1963, с.163). Каналу Верхняя Харкана соответствует нынешний канал Калкан-Ата, который протекает по территории Канимехского района Навоийской области (Шишкин, 1963, с. 22). О канале Верхняя Харкана сообщает и ан-Наршахи. А внутренний канал с похожим названием он именуется "Харканруд" (буквально, "река Харкан") (ан-Наршахий, 1991, с.111). Кроме того, он упоминает селение Харканруд (ан-Наршахий, 1991, с.91), которое, очевидно, располагалось на берегу данного канала. Таким образом, граница между Обавией и Нижней Харканой пролегла как раз вдоль русла этой водной артерии¹¹.

Было принято считать, что древнему каналу Харканруд соответствует нынешний Канал Калканруд, который течёт по территории Гиждуванского района (Бартольд, 1963, с.172; Шишкин, 1963, с. 2). Отождествление основано во многом на сходстве названий. Однако, Калканруд - сравнительно небольшой канал, являющийся левым рукавом гораздо более длинного русла, которое называется Пирмаст. Само название "Харкан" в переводе с согдийского означает буквально, "Большой канал", что никак не увязывается с Калканрудом. К тому же, "Харкан" - это второе древнее название Гиждувана, которое употреблялось применительно к населённому пункту вплоть до XII в. (Чехович, 1965, с. 88). Через территорию райцентра Гиждуван течёт именно Пирмаст, а вовсе не Калканруд. Следовательно, древнему каналу Нижняя Харкана соответствует именно нынешний Пирмаст. Первоначальное название в искажённой форме "Калканруд" закрепилось за его левым ответвлением. Из этого вытекает, что ран-

несредневековому уделу и саманидскому рустаку Нижняя Харкана соответствует междуречье Пирмаста и Калканруда с административным центром на месте Гиждувана. А более северные и довольно обширные территории между каналами Пирмаст и Шафиркан относились к Обавии (т.е. вся территория Шафирканского, часть территории Гиждуванского, Пешкунского и Кызылтепинского районов).

Безусловно, у Обавии был и свой монетный двор. В Бухарском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится клад, обнаруженный в Шафиркане. Он состоит из серебряных монет по типу драхм сасанидского шаха Варахрана V (421-439 гг.). Сами монеты датируются VII в., а захоронение, скорее всего, приходится на период арабского завоевания Бухары. Серебряные монеты Сасанидов, а также местные монеты из того же металла, отчеканенные в подражание им (их условно именуют "бухархудатскими"), вообще имели широкое хождение на территории Бухарского оазиса и за его пределами. Особенно часто объектом подражания являлись драхмы именно Варахрана V. При этом сасанидские и бухарские драхмы часто имели местные надчеканы. На монетах Шафирканского клада тоже имеются надчеканы в виде так называемой "Бухарской тамги", а пехлевийская легенда искажена. Монеты клада отражают определённый этап в чеканке бухархудатских драхм (Адылов, Семёнов, 2000, с. 184). Не исключено, что они могут быть связаны с монетным двором именно Варданы (Мусакаева, 1991, с. 15-16).

В 706(7) г. арабский полководец Кутайба ибн-Муслим, форсировав Джайхун, начал свои завоевательные походы на Согд. К 712 г., почти вся его территория, включая Бухару и Самарканд, оказались под властью арабов. Из письменных источников известно, что особо упорное сопротивление арабам оказал именно правитель Варданы. Ат-Табари называл его царём всей Бухары (История ат-Табари, с. 120-121), а ан-Наршахи - «почитаемым царём» (ан-Наршахий, 1991, с.111). По этому вопросу существует интересная гипотеза, суть которой в следующем. После того, как Тагшода, сын Бидуна и знаменитой царицы «Хатун»¹², сдался на милость Кутайбы, правитель Варданы провозгласил себя царём всей Бухары (Смирнова,

¹¹ В древности административные, политические границы очень часто пролегли именно вдоль русел. Во-первых, они являлись естественными препятствиями, во-вторых, были самыми устойчивыми разделительными линиями.

¹² Ан-Наршахи называет царицу просто "Хатун". В других письменных источниках она именуется Кабадж-хатун (по ат-Табари) и Хутак-хатун (?) (Х-т-к-хатун) (по Асаму ибн-Куфи). Последнее из имён, скорее всего, является титулом. (Адылов, 1998, с. 24).

1970, с.279). Тем самым, он возглавил борьбу против захватчиков от имени всего народа этой части Согда.

Известно, что в конце концов Варданхудат погиб, а его удел был захвачен арабами. Затем Кутайба подарил эти земли Тагшода в расчёте на лояльность завоевателям, после чего Обавия перестала существовать в качестве самостоятельного владения. Вардана тоже утратила своё прежнее значение (ан-Наршахий, 1991, с. 111). В связи с этим отдельные исследователи относят дату узурпации власти Варданхудатом к 707/8 - 709/10 гг. (Смирнова, 1970, с. 279; Гоибов, 1989, с.43).

Развивая данную гипотезу, можно представить, в каких условиях состоялось провозглашение Варданхудата царём всей Бухары. На наш взгляд, первопричина смены власти кроется в тех предшествующих событиях, которые отражены в XVIII главе "Тарихи Бухоро". В ней ан-Наршахи сообщает, что во дворце Бухархудатов и за его пределами бытовало стойкое мнение, затрагивающее честь "Хатун". Якобы отцом её сына Тагшоды был вовсе не законный муж, а один из нукеров-телохранителей царицы, с которым она состояла в любовной связи. В результате при дворе даже сложилась сильная военная партия из представителей знати, которые желали видеть на троне Бухары более достойного человека царского происхождения. Однако, царица зная о намерениях заговорщиков, сумела предотвратить их выступление. Во время похода на Бухару Са'ида ибн-Усмана, хорасанского наместника в халифате (675/6 г.), потерпевшая поражение "Хатун" хитростью включила в число 80 почётных заложников, известных представителей оппозиции, которых затем Саид ибн Усман коварно увел с собою в Аравию. Впоследствии все они героически погибли в мединском дворце Са'ида, убив при этом и самого наместника (ан-Наршахи, 1991, с.116-118).

Тем не менее, после смерти царицы, на наш взгляд, борьба за власть возобновилась с новой силой, появились и другие претенденты на престол Бухары. Наиболее сильным и представительным среди них был «хозяин Обавии», который ко времени походов Кутайбы на Бухару и без того находился в постоянных раздорах с Бухархудатами. Он возводил свою родословную по мужской линии, разумеется, к самим Сасанидам, и поэтому выглядел со всех точек зрения куда более достойным, а также легитимным претендентом на трон, нежели "незаконнорожденный" Тагшода. Последний был

молод, неопытен и к тому же сильно скомпрометировал себя в глазах общественного мнения своей проарабской политикой. А Варданхудат наверняка пользовался широкой поддержкой народа и армии. По сообщению ат-Табари, ему удалось даже нанести поражение арабам в первом сражении (История ат-Табари, с. 121), что, вполне естественно, повысило его авторитет и добавило популярности. По данным ан-Наршахи, Варданхудат происходил из Туркестана. Кутайбе пришлось вести с ним долгую войну и неоднократно выгонять его из области Бухары, после чего тот скрывался у своих союзников-тюрков. Только после смерти Варданхудата Кутайбе удалось вернуть Бухару Тагшода и снова посадить его на трон. Более того, Кутайба расправился со всеми прочими царственными конкурентами, чем был нанесён тяжёлый удар по децентрализаторским устремлениям крупной родовой аристократии. В благодарность за такие неоценимые услуги Тагшода принял из рук Кутайбы исламскую веру, а сына родившегося после всех этих событий, назвал в честь своего покровителя - Кутайбой (ан-Наршахи, 1991, с. 93).

В начале 80-х годов VIII в. в период подавления антиарабского восстания под руководством Муканны, снова наметилось противостояние с кочевой степью, обитатели которой всё ещё оставались "язычниками". По этой причине бухарские наместники багдадских халифов восстановили стену Канпирак, и Вардана в очередной раз оказалась за её пределами, вновь в качестве пограничной крепости. В конце IX в. при эмире Исмаиле ас-Самани стена уже потеряла свое значение. Ан-Наршахи сохранил для истории крылатую фразу эмира: "Пока я жив, я стена Бухары" (ан-Наршахий, 1991, с.112). И тем не менее, Вардана так и не сумела восстановить своё величие в прежнем объёме.

Во второй половине IX-X вв. на территории бывшей Обавии возникли рустаки. По сведениям ал-Истахри, вся территория области Бухары состояла из 22 рустак, из которых 15 находились внутри стены (Канпирака), а остальные за её пределами. Среди внутренних упоминается рустак Арван, по территории которого протекал одноимённый канал (Бартольд, 1963, с.163). О канале с таким названием упоминает и ан-Наршахи (ан-Наршахий, 1991, с. 111). Далее, у ал-Мукаддаси сообщается о городе под названием "Гарван" или "Урван" (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с.184). Скорее всего, центр рустака располагался

ся именно на месте одноимённого города. Ему соответствует городище, расположенное в степи примерно в 7 км к западу от Варданзи. Местные жители называют это городище Джальван, так же как и Варданзи, данное городище обживалось ещё в XIX в. Уже в советское время возникло новое селение Джальван, которое располагается к северу от Варданзи и орошается водой канала Джальван.

Канал был прорыт тоже в советское время для освоения северных степных участков. В данном случае старое селение дало название современному каналу. А вот городище Джальван располагается на хвостовом участке (ныне сухого канала Султанабад, который течёт на пространстве между руслами Шафиркана и Пирмаста. Стало быть, нынешний Султанабад и соответствует древнему Арвану. Здесь же в его пойме локализуется и одноимённый рустак.

Другая часть бывшей Обавии (по правому берегу Шафиркана), в том числе и Вардана, от-

носила к внешнему рустаку. Среди семи внешних рустаков ал-Истахри называет и "Шах-Бахш" (буквально, "Дар царя" (Бартольд, 1963, с. 163). В названии подразумевается именно легендарный (подлинный) дар Бухархудата (царя эфталитов) принцу Шапуру (Каваду?). Необходимо отметить, что все остальные внешние рустакы достаточно уверенно локализируются на других окраинах Бухарского оазиса. Поэтому в тождестве правобережья Шафиркана с рустакон Шах-Бахш сомнений быть не может. А центром рустака являлась, естественно, Вардана.

В заключение добавим, что богатая история этого древнего города и окрестных селений вполне заслуживает пристального интереса со стороны местных властей, широкой общественности и привлечения средств для финансирования полномасштабных работ по археологическому изучению данных памятников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адылов Ш.Т. Административно-территориальное устройство Западного Согда в раннем средневековье. ОНУ, 1996, № 6.
2. Адылов Ш.Т., Семёнов Г.Л. "Помещение с росписью" на цитадели Пайкенда. "Средняя Азия. Археология, история, культура". Материалы международной конференции, посвящённой 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М., 2000.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963.
4. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
5. Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии. СПб., 1904.
6. Гафуров Б.Г. Таджики. Кн.1. Душанбе, 1989.
7. Гоилов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе. 1989.
8. История народов Узбекистана. Ташкент, 1950.
9. История ат-Табари. Ташкент. 1987,
10. Камалиддинов Ш.С. "Китаб ал-Ансаб" Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
11. Кисляков Н.А. Патриархально-феодальные отношения среди осёдлоземледельческого населения Бухарского ханства в конце XIX - начале XX вв. Труды Института Этнографии АН СССР. Новая серия, т. 74, М.-Л., 1962.
12. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
13. Мирзаахмедов Д.К. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент, 1990.
14. Мирзаахмедов Д.К. Бухара и кочевая степь в конце VIII-XI вв. Сб. ст. «Из истории культурного наследия Бухары». Вып. 2. Бухара, 1994.
15. Мусакаева А.А. Монеты Западного Согда (III в. до н.э.- VIII в.). Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1991.
16. Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.-Л., 1940.
17. Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М., 1970.
18. Чехович О.Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965.
19. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
20. Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий. Бухоро тарихи. "Мерос". Тошкент, 1991.

М. Мамбетуллаев, Н. Торежанова, Ж. Турманов

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА КУЮККАЛА

Куюккала - один из наиболее значительных по своим размерам памятников Кердерской культуры. Городище находится в Бозатауском районе Республики Каракалпакистан, в 56 км к северу от г. Чимбай. Оно построено на невысокой возвышенности, окруженной со всех сторон низменностью древней поймы Амударьи. В 2-3 км к западу от памятника на возвышенности Кушханатау находится оссуарный могильник, одновременный городищу.

Куюккала и оссуарный могильник обнаружены в 1929 г., экспедицией этнографа А.Л.Милкова, и тогда же на памятнике произведены сборы подъемного материала. Экспедиция вывезла и передала в Русский музей в Санкт-Петербурге несколько алебастровых оссуариев с могильника Куюккала (1. С. 564). В 1956 г. памятник обследован этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством Т.А.Жданко и в том же году он был подвергнут раскопкам отрядом Е.Е.Неразик и Ю.А.Рапопорта (2. С. 128). В 1961 году Куюккала повторно обследована археологическим отрядом Каракалпакского отделения АН РУз, в 1967 г. произведена плановая аэрофотосъемка памятника (3. С. 54). В 1997 г. раскопки памятника были продолжены археолого-этнографическим отрядом Нукусского Государственного педагогического института им. Ажинияза, результаты которых изложены в данной статье.

Куюккала находится на вершине небольшой возвышенности и занимает не всю вершину, а лишь её плоскую юго-восточную и юго-западную части (рис. 1). В большинстве случаев планировка памятника не выражена в рельефе и прослеживается в виде рисунка. На поверхности особенно хорошо это видно с самолёта (4. Рис. 23). Памятник сложен по структуре, его площадь достигает 41 га. В его составе можно выделить четыре части, условно названные вос-

точная цитадель, западная цитадель, северный двор, южный двор.

1. Восточная цитадель. Расположена в северо-восточном углу южного двора и имеет подпрямоугольные в плане очертания, общая площадь 2,5 га. Цитадель окружена сырцовыми стенами. Развалины стен сохранились на высоту 1,5-2,0 м. Углы расплылись буграми, образовавшимися за счёт разрушения башен. Внутри цитадели местами прослеживаются следы планировок.

2. Западная цитадель. В плане подпрямоугольная, общая площадь 160x115 м. Восточным углом она примыкает к северной стене южного двора. Очертания её видны только с воздуха, ибо она перекрыта позднейшими наслоениями (2. С. 128).

3. Северный двор. Находится на северном скате холма, площадь его более 5,5 га. С северо-востока двор был охвачен дугообразной сырцовой стеной. Стены прослеживаются только местами в виде бугорков. На поверхности двора не отмечено следов какой-либо планировки, однако прослежен углисто-золотистый слой толщиной 7-13 см с очень редкими фрагментами керамики и костей животных.

4. Южный двор. В плане он подпрямоуголен, стены его не сохранились: судя по распространению культурного слоя, двор занимал 32 га. Вся площадь двора занята жилыми и хозяйственными постройками. Зольно-углисто-сажистый горелый слой толщиной 7-13 см. прослежен за пределами северной и западной части двора.

Предыдущими исследованиями на городище было заложено семь небольших раскопов (2. С.129-132; 3.С.63; 4. С. 34).

В 1997 году с целью получения новой информации на памятнике заложены ещё три раскопа (раскоп IX. X и XI).

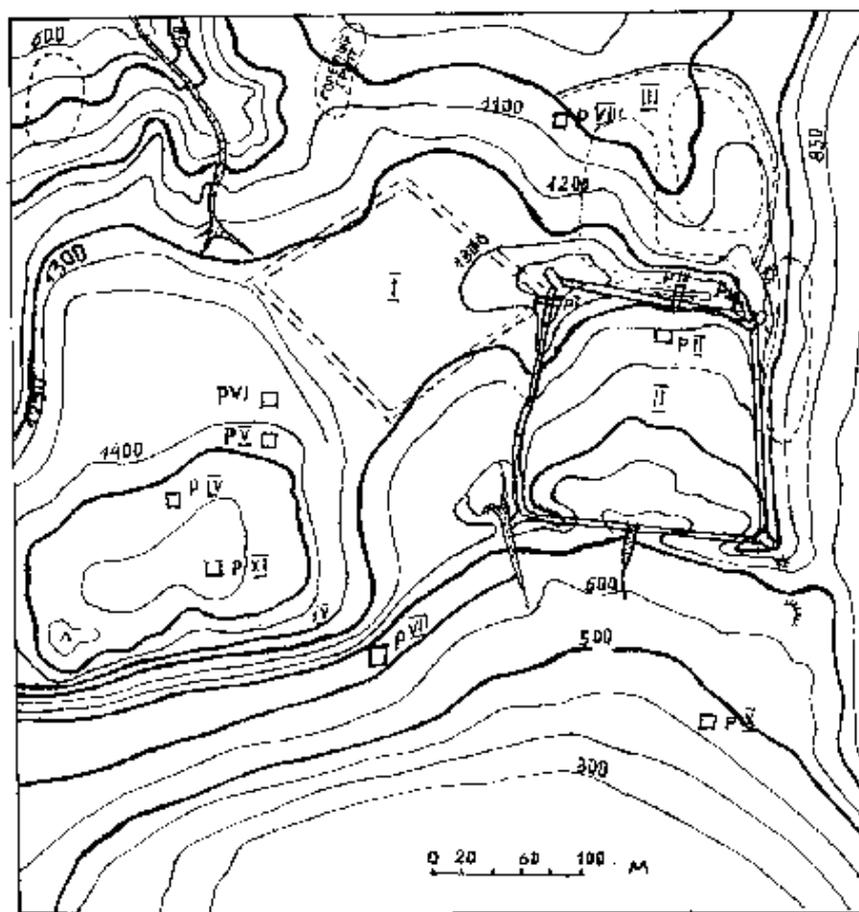

Рис. 1. Куюккала. План

I- Западная цитадель, II- Восточная цитадель, III- Северный двор, IV- Южный двор.
P-I-XI Схема расположения и номера раскопов

Раскоп IX. Заложен в виде траншеи (18x2,5 м) вдоль северной стены восточной цитадели. Работы в траншее позволили установить конструкцию стены (рис. 2). На исследованной площади культурные напластования расчленяются на четыре горизонта.

1. Горизонт. К нему относятся немногочисленные культурные отложения, залегающие непосредственно на поверхности материка. Горизонт представлен несколькими локальными пятнами культурного слоя, кострищами и ямами. Тонкий золистый слой с древесными угольками уходит под стены цитадели.

2. Горизонт. В этом горизонте вскрыта крепостная стена толщиной 3,5-4 м из сырца и битой глины. Стена сохранилась на высоту 2 м от уровня материка. С внешней стороны она до 1,15 м прослежена вертикально, а выше - выступает снаружи в виде козырька. С внутренней стороны стены прослежена выкладка из

двух рядов кирпичей - сырца (36x37x7-8 см) шириной 1 м, упирающаяся в стену.

Здесь же расчищена часть помещения № 1, с тремя уровнями полов. Нижний пол лежит на материке. Культурный слой толщиной 18-24 см состоит из рыхлой песчано - зольной прослойки с редкими фрагментами керамики. Второй пол находится на 32-41 см выше первого. Культурный слой над полом рыхлый, зеленоватого цвета, а древесными угольками. На поверхности слоев, связанных с полом 2, находится слой, образовавшийся в процессе разрушения пахсовой стены.

3. Горизонт. В этот период стена цитадели теряет свою оборонительную функцию: её перекрывает слой запустения.

4. Горизонт. К этому периоду относятся верхние стены восточной цитадели. Стены были двойными, образуя коридор шириной от 1,7 до 2 м. Они сложены из сырцового

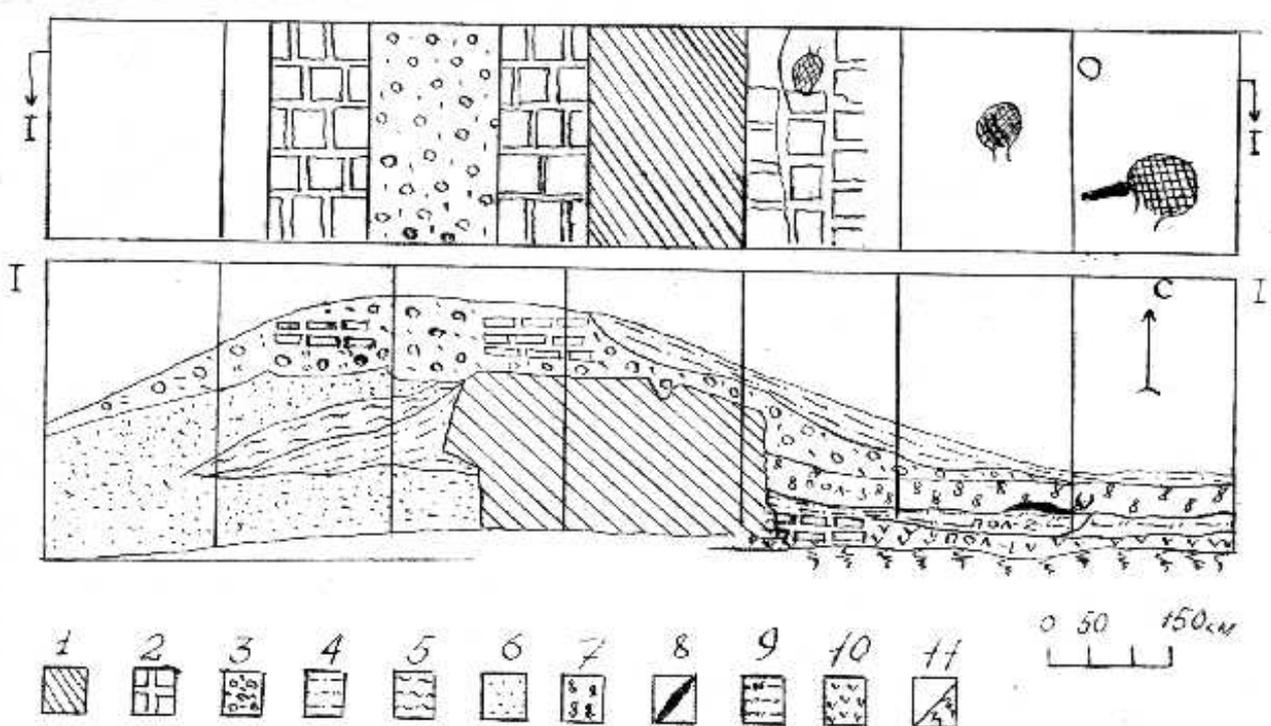

Рис. 2. Куюккала. Раскоп IX. План и разрез

1-стена 2-горизонта; 2-стена 4 горизонта; 3- насыпной песок; 4-слой разрушения и завалов; 5- глинистые натски; 6- песок; 7- серый рыхлый культурный слой с древесными угольками; 8- горелый культурный слой; 9- песчаный культурный слой; 10- серый рыхлый культурный слой; 11- материк

кирпича размерами 35-37x36x39x7-9 см. Толщина внешней стены 1,20 м, внутренней - 1,70 м. Стены были поставлены на выровненную поверхность песчанистого стерильного слоя. К этому периоду относится третий пол, обнаруженный в помещений № 1. Он находится на 32-41 см выше второго. Культурный слой пола представляет собой комковатую массу с прослойками зеленой глины. Четвертый пол третьего горизонта почти смыт, от него прослеживаются следы кострищ и остатки золы.

Раскоп X. Находится в восточной части южного двора. Заложен на месте, где на поверхности прослежены контуры двух помещений. Помещение № 1 (2,50x3,75 м) в плане прямоугольное. Стены сложены из кирпича - сырца размерами 36-37x36-39x6-8 см. Стены сохранились на высоту 0,82 м, толщина 0,75 м. Проход шириной 0,80 м находится в середине южной стены. На стенах - следы глиняной обмазки. В помещении обнаружены четыре пола. Поверхность нижнего пола (пол № 1) перекрыта рыхлой зольной прослойкой. Второй пол первого горизонта находился на 22-30 см выше первого. На поверхности пола местами сохранилась прослойка перегнившего камыша, от циновок. Культурный слой толщиной 17-23 см

содержал фрагменты керамики, кости животных и рыб. Третий пол второго горизонта находился на 32-43 см выше второго и содержал рыхлый серый зольный слой с древесными угольками. Северная половина помещения занята низкими кирпичными суфами. В южной половине обнаружено кострище диаметром 1,32 м. В центре очага круглое углубление. На уровне верхнего горизонта вдоль западной стены помещения находились низкие суфы. Культурный слой содержал лепную керамику, кости животных и рыб. Здесь же найдены два пряслица биконической формы.

Помещение № 2 (2,30x2,50 м). В плане подпрямоугольное, стены сложены из кирпича - сырца (33x37x36x7-8 см). В помещении обнаружены три пола. На нижнем полу прослежены следы камышовой циновки. В середине помещения находилось кострище. В центре очага - круглое углубление. Второй пол находится на 22-27 см выше нижнего. Культурный слой над полом рыхлый, темно-бурого цвета, с большим количеством органических веществ, белых комочков солей и мелких кусочков кирпича. Его толщина 13-19 см. В юго-восточной углу стояли хумча и лепной горшок; второй горшок стоял в северо-западном углу. В середине помеще-

ния обнаружена грушевидная яма (1,05x0,67x0,40 м), заполнена золистыми наслоениями с отдельными прослойками древесных углей и золы. В ней найдены фрагменты керамики, кости животных и рыбы. Рядом с ямой находились небольшие, диаметром 32 см, глубиной 27 см ямки, где видимо стояли спаренные деревянные столбы. Очаг в виде прямоугольной глиняной площадки 130x78 см, окруженной по периметру низким валикообразным бортиком, находился в северной половине помещения. Культурный слой над полом рыхлый, светло-серого цвета, с большим количеством органических веществ, белых комочков солей. III пол. Стена между помещениями 1 и 2 к этому времени перестала функционировать. Культурный слой над III полом содержит много золы, плотно слежавшихся стеблей растений и золы. По цвету он отличается от культурного слоя над вторым полом.

Раскоп XI. Заложен на территории южного двора, в 47-58 м к западу от С-3 угла западной цитадели. Здесь была вскрыта часть улицы шириной 9,40 м. Стены поставлены непосредственно на материке, толщина их 1,10-1,20 м, сложены они из кирпича - сырца (32-6 32-37x7-9 см). Кладка на глиняном растворе, очень небрежная, неровная, иногда кирпичи выступают за линию стены. Стены сохранились на высоту 1,80 м. Очевидно, что это одна из улиц, разделяющих южную часть города на кварталы. Расположение домов массивами вдоль улицы было характерно для средневекового населения Кердера (5, рис. 16). Мощность культурных напластований на вскрытых местах улицы - 2 м. Вся эта толща образовалась в результате нескольких перепланировок, сопровождавшихся полной или частичной нивелировкой поверхности забутовками и засыпками. На поверхности раскопа между кв. А/6 и А/7 выявлено одно детское погребение. Могильная яма ориентирована длинной осью на СЗ-ЮВ. При расчистке погребения выяснилось, что оно сильно разрушено. Длина ямы - 1,15 м, ширина 0,55 м. Могильная яма заполнена песчано - глинистыми наслоениями. На глубине 0,22-0,27 м, в яме на правом боку головой на СЗ (аз - 52°С). Лежал погребенный с вытянутыми руками и ногами. Инвентарь отсутствует. Погребение 2., расположено в 7 м. от погребения 1, в кв. Б/3. На глубине 0,17-0,21 м обнаружена могильная яма, размерами 1,22x0,58 м. Костяк лежал на спине, вытянуто, черепом на юго-запад.

Погребального инвентаря нет. Аналогичные захоронения, датируемые IX-X вв., открыты на некрополе Токкалы (14). Решающее значение для датировки Куюккалы имеют медные монеты из слоя раскопа и с поверхности памятника, датируемые в пределах VII-VIII вв. Среди них: Чеган-Азказвар конец VII начало VIII вв. (до 712) 3 экз: Каник (середина VIII в.) 3 экз: Савашфан (середине VIII в.) 2 экз.

Остальные находки представлены керамическим материалом, который распадается на две группы:

Первая: сосуды, сделанные на гончарном круге и уже хорошо известные по раскопкам в Южном Хорезме (6. С. 222-260). Хумы весьма разнообразны и представлены формами, аналогии которых имеются на памятниках Беркуткалинского оазиса Южного Хорезма (7, рис. 3, 1, 7). На одном из хумов на корпусе проделано шесть отверстий.

Водоносные кувшины с треугольным венчиком с «кармашком» изнутри. Ручки плоские, суживающиеся книзу, с двумя углубленными прочерченными бороздами на верхней плоскости. Высота 34 см, диаметр устья 10 см, диаметр дна - 13 см. Эти сосуды идентичны кувшинам VII-VIII вв., из Беркуткалинского оазиса (6. С. 249, рис. 6, 2).

Вторую группу керамики составляют сосуды, вылепленные вручную и в массе обожженные очень плохо (рис. 3, 1, 2). Кувшины - с яйцевидным удлиненным туловом и коротким горлом. Диаметр устья около 13 см, высота 52 см, диаметр дна - 15 см. Имеют две ручки, на горловине. Емкость от 3 до 10 л. Эти сосуды не орнаментированы и не залощены, часто покрыты темно-коричневым ангобом. На тулове имеются парные конические выступы, располагавшиеся в нижней части сосуда. Встречаются кувшины с высоким горлом в виде раструба и выпуклым туловом. Ручка круглая в сечении, одним концом прикреплялась к плечикам, другим к краю или середине горла. Тулово их орнаментировано прочерченными треугольниками, а плечи - ёлочкой. Для многих из этих кувшинов характерно рифление горловины. Аналогии кувшинам с Куюккалы имеются в материалах Джетыясарской культуры (7, рис. 15, 55-66). Лепная посуда из Куюккалы украшалась прочерченным орнаментом, вдавливаниями пальцем или ногтем, насечками, налепами, лощением.

Орнаментация лепных сосудов из Куюккалы и их форма имеют прямые аналогии в керамике из «тюркских» слоев «болотных городищ» Куюккескенкалы: в керамике памятников Джетыасар (7. С. 80-81, рис. 20, 18-30). Из других находок отметим бронзовые и железные вещи. Среди них обломки железных ножей, бронзовые серьги «салтовского» типа, пряжки, бляхи, перстни и колокольчики в виде двух соединенных полушарий. Обнаружены каменные и стеклянные бусы. В коллекции имеется фигурка горного козла служившая, видимо, в качестве украшения. Козел изображен с ногами, собранными в точку, с вытянутым туловищем и откинутой назад головой. Слегка наклоненную голову венчает изогнутый рог, касающийся основания шеи. Фигурка односторонняя, рельефная. Такие изображения характерны для Тагарской культуры (VII-VIII вв. до н.э. 8. С. 97, рис. 1-3) и известны на памятниках Восточного Памира (9, рис. 128, 5).

Одновременно с Куюккалой был обследован оссуарный могильник, расположенный над Южным обрывом возвышенности Кушхана Тау, в 300-500 м к северу от функционирующего кладбища Суюн Ишан. Вся поверхность могильника усыпана обломками оссуариев. Оссуарии изготовлены из алебастра.

Они прямоугольные, на четырех массивных ножках, длина в 48-70 см, ширина 24-32 см, высота 38-42 см. Глубина ящиков 20-27 см оссуарии закрывались крышками, имевшими четырехскатную форму.

Устанавливались в вырытых в каменистом грунте ямах. Глубина ям соответствовала высоте ящиков. Оссуарии располагаются группами: два и более оссуариев устанавливались вплотную друг к другу. Однако, нам не удалось получить почти никакого краниологического материала, так как попадавшая в оссуарии дождевая вода уничтожила кости. В могильнике обнаружено погребение в горшке. Горшок лепной с округлым, плавно сужающимся ко дну туловом. Горловина слегка сужена, а венчик отогнут наружу с коротким раструбом (рис. 3, 3) Небольшие круглые парные ручки прикреплены верхними концами к краю венчика, а нижними к плечу. Тулово украшено прочерченным орнаментом, и черным ангобом, нанесенным толстым слоем. Погребальный сосуд был установлен в яме глубиной 32-37 см рядом с оссуарием. В сосуде обнаружен фрагментиро-

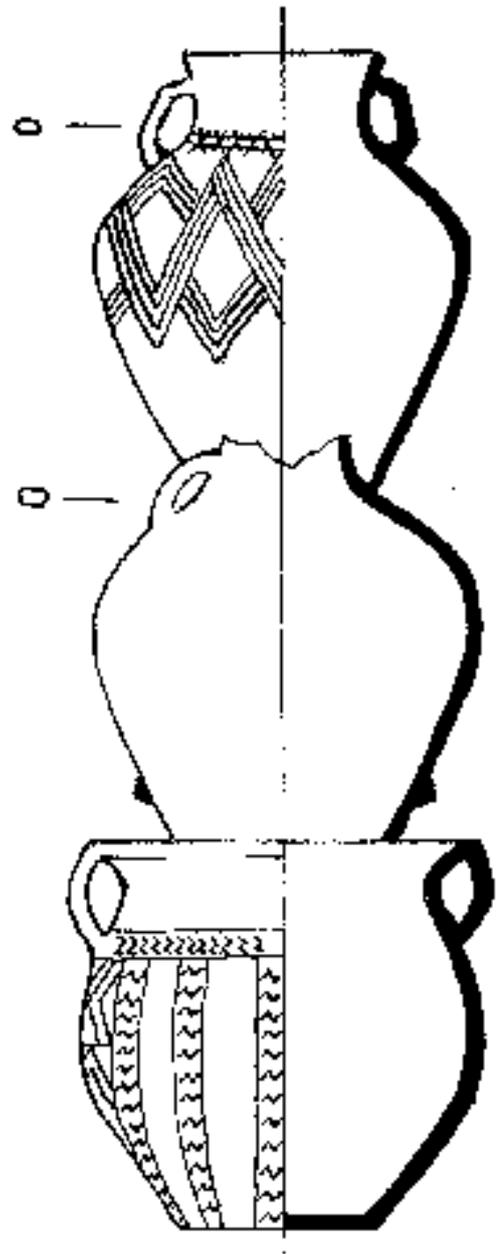

Рис. 3. Куюккала. Керамика. 1-2 кувшины раскопа X. 3- погребальный горшок

ванный детский костяк. Сохранилось три ребра и несколько позвонков, остальное превратилось

в труху. В сосуде зафиксированы также деревянные угольки. Погребения в сосудах известны в некрополе Токкалы (VII-VIII вв., 10. С. 50, рис. 6). В целом по нумизматическим, керамическим материалам Куюккала и городской могильник датируются концом VI первой половиной VIII в. Исследованиями 1997 г. и

предшествующих годов на городище Куюккала восстанавливается сложная картина постепенного роста города, складывавшегося из нескольких частей. Для Куюккалы можно выделить пять строительных горизонтов (счёт снизу вверх).

1. Горизонт. К этому периоду можно отнести культурные слои, лежащие непосредственно на материке (раскоп I, X). В этот период возводится западная цитадель, окруженная ровом, вокруг которой во всех направлениях начал разрастаться город.

2. Горизонт. Связан с возведением и функционированием стен восточной цитадели из битой глины и сырца прямоугольного формата (36x37x7-9 см). Видимо с этим горизонтом связано и возведение внешней стены южного двора. К этому периоду относятся жилые помещения, вскрытые в раскопах. II. IX. В южной части появляются улицы шириной 4,5 м, вдоль которых складываются жилые кварталы.

3. Горизонт. Стены восточной цитадели теряют свою оборонительную функцию и перекрыты стерильным песчаным слоем.

4. Горизонт. Стены восточной цитадели заново восстанавливаются. В разрезе раскопа X хорошо видно, что двойная сырцовая стена

восточного двора, покоится на стерильном слое. В этот период сооружаются и стены северного двора. Так как стены восточной цитадели и северного двора находятся на одном уровне, к четвертому горизонту отнесен и верхний пол помещений 1, 2 на раскопе IX.

На V горизонт приходится период запустения. На северном дворе и за пределами восточной цитадели и западной части Южного двора прослеживается мощный слой пожара: последний связан с арабским завоеванием и антиарабской борьбой населения Кердера.

Из исторических источников нам известно о двух антиарабских восстаниях, повлекших за собой карательные походы завоевателей в Северный Хорезм. Первое произошло в 712 г., второе в 728 г., когда волна антиарабской борьбы прокатилась по всем завоеванным областям Мавераннахра и само господство арабов висело на волоске. После запустения на поверхности городища появляются одиночные мусульманские погребения.

Городище Куюккала было основано в конце VI в. местными приаральскими гунно - кангуй - тюркскими племенами. Культура населения Куюккалы имеет смешанный тюрко-хорезмийский характер. Судя по топографии и площади (41 га), Куюккала была столичным городом самостоятельного владения Кердера, независимого от Хорезма в эпоху арабского завоевания, население которого говорило на особом языке, «не хорезмийском и не тюрском» - вероятнее всего, на одном из кангуй- тюркских диалектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки Коллегии востоковедов. Т. 5 Л., 1930.
2. Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. Куюк-кала в 1956 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 1. М., 1959.
3. Ягодин В.Н. Кердерское поселение Куюк-кала (историческая топография и хронология) // Археология Приаралья. Вып.2. Ташкент, 1984.
4. Толстов С.П. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954-1956 г.г. // МХЭ. Вып.1. М., 1959.
5. Ягодин В.Н. Кердерское поселение Курганча. (К изучению исторической топографии и хронологии) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
6. Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода //ТХАЭ, т. IV, М., 1959.
7. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.
8. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее (скифское время). Л., 1983.
9. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26. М-Л., 1952.
10. Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г. // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.

M. Mambetullayev, N. Torejanova, J. Turmanov

RESEARCHES ON KUYUK-KALA SETTLEMENT

In the article, information about Kuyuk-kala settlement, which is situated in Borotay district of the Republic of Karakalpakstan is given. Kuyuk-kala was the capital-city of independent Kerder ownership, where the population spoke in a specific language - «Kangui-Turkic dialect».

Л.Ф. Соколовская

К ИЗОБРАЖЕНИЮ РЫБ НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ АФРАСИАБА VII-XIII вв.

Зооморфные изображения, в том числе и изображения рыб, довольно часто встречаются в орнаментике средневековой посуды различных областей Средней Азии. Изображение животных на посуде своими корнями связано с древними пережиточными религиозными формами. Достаточно убедительно реконструирована подобная связь в работах ряда специалистов (1, с. 329; 2, с. 8, 10, 11; 3, с. 135, 136; 4, с. 70-72; 5, с. 391, 393). С привлечением сравнительного материала не вызывает сомнения то, что культ рыбы характерен для всех народов, в том числе и народов Средней Азии. Широко распространен культ рыбы в странах Передней Азии (6, с. 623; 7, с. 113), у народов Сибири (8, с. 4; 9, с. 215-146), восточно-европейских государств (10, с. 83, 146), у народов Кавказа и Закавказья (11, с. 120-127), прослеживается в доисламских верованиях у адыгейцев и кабардинцев (12, с. 201-205), в дохристианских верованиях у славян (13, с. 234-239). В Авесте мы встречаем достаточное количество примеров почитания водной стихии и вместе с ней рыб (14, с. 14; 15, с. 284), вполне возможно, что эти образы могли сохраниться в виде рыбы «Кара», упомянутой в Вендидате (16, с. 198-202). В искусстве Средней Азии изображение рыбы вошло как символ «счастья, благополучия и богатства» (17, с. 81-84; 18, с. 127).

Настоящее сообщение имеет цель проследить традиционность изображения рыб и водной стихии в орнаментике средневековой керамики в группе керамических изделий, собранных в разное время исследователями Афрасиаба. Эта группа объединяет фрагменты оссуариев, глазурованную керамику X-XI вв. и неглазурованную посуду XII-XIII вв. К VII-VIII вв. относятся два фрагмента оссуариев 12. Один из них украшен сложным резным и

штампованным орнаментом, край увенчан ступенчатыми зубцами, на стенке оссуария розетка, около которой изображение двух прочерченных рыб. Глаз одного изображения рыбы сквозной (рис. 1,1). В другом случае на стенках оссуария крупные розетки со сквозным резным орнаментом и прочерченным ободком, в углах розеток изображение трех прочерченных рыб, расположенных по кругу головами друг к другу. Вдоль края надежный фестончатый бордюр (рис. 1,2). На глазурованной керамике датированной концом X - началом XI вв. центр одной из чаш украшает двухцветная розетка, составленная из четырех рыбок (рис. 2, 1), фон между которыми заполнен цветком в виде крапины в точечном обрамлении. По борту чаши надпись «ал-йумн» и лента с перлами (21, с. 51, рис. 31,4). Более растительно-образный орнамент имеет несколько других чаш. Лепестки розетки у них как и рыбки выполнены зеленым и коричневым цветом, но вместо глаз две крупные точки (рис. 2, 2). Несколько чаш имеют или однотонную четырехлепестковую розетку с сохранением все той же надписи «ал-йумн» (рис. 2, 4), или количество лепестков у розетки увеличивается до шести при сохранении общей схемы орнамента (рис. 2, 3). На части посуды тот же орнамент, из лепестковой розетки, но с белой полосой посередине, придающий им вид листа.

Орнамент из рыб встречен и на неглазурованной посуде XII-XIII вв. На дне редкой формы сосуда на трех ножках прочерчено изображение двух пересекающихся друг друга рыбок, у которых показана чешуя, вычерчены хвост и плавники (рис. 3, 2). Не оставляет сомнения и то, что композиция этого орнамента близки к композиции рисунка на глазурованной керамике конца X - начала XI вв. (ср. рис. 2,1 и рис.

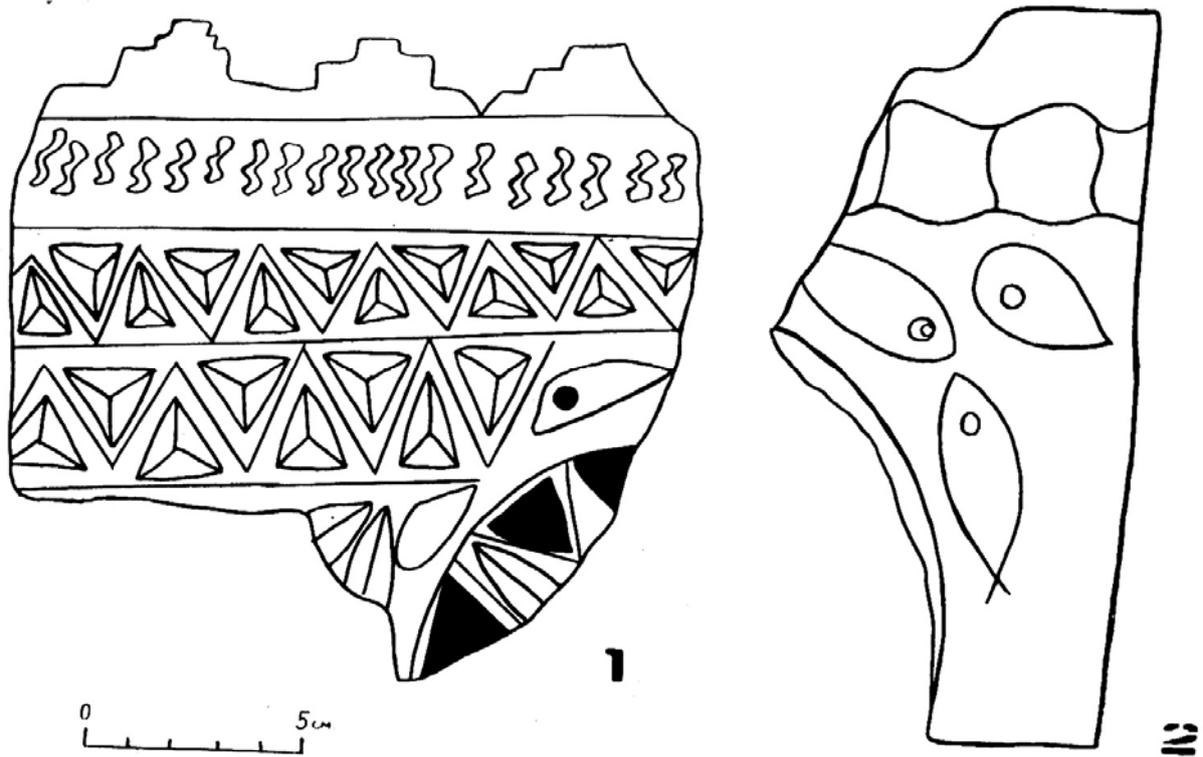

Рис. 1. Осуарии, относящиеся к VII - нач. VIII вв.

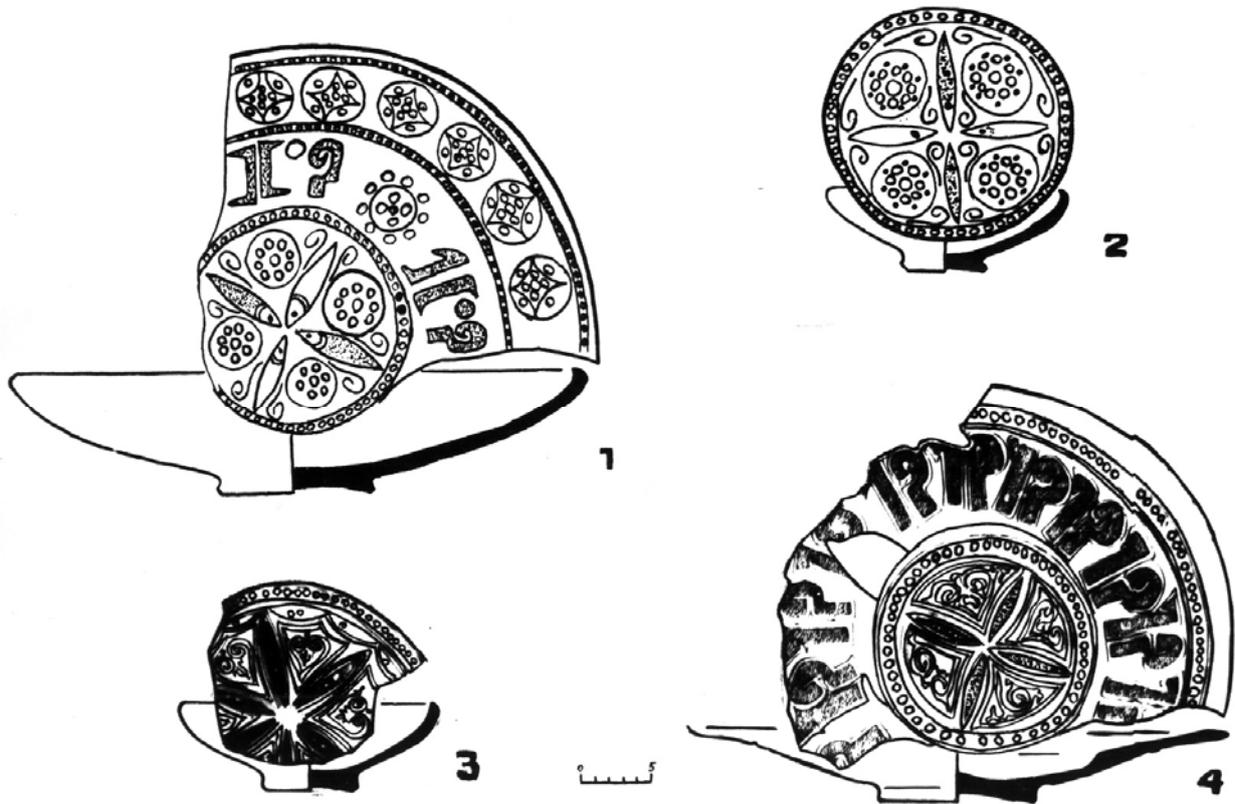

Рис. 2. Глазурованная керамика Афрасиаба:
1. Чаша с изображением рыб на дне. 2. Чаша со стилизованным изображением рыб на дне. 3. Чаша с шестилепестковой розеткой. 4. Блюдо с четырехлепестковой розеткой

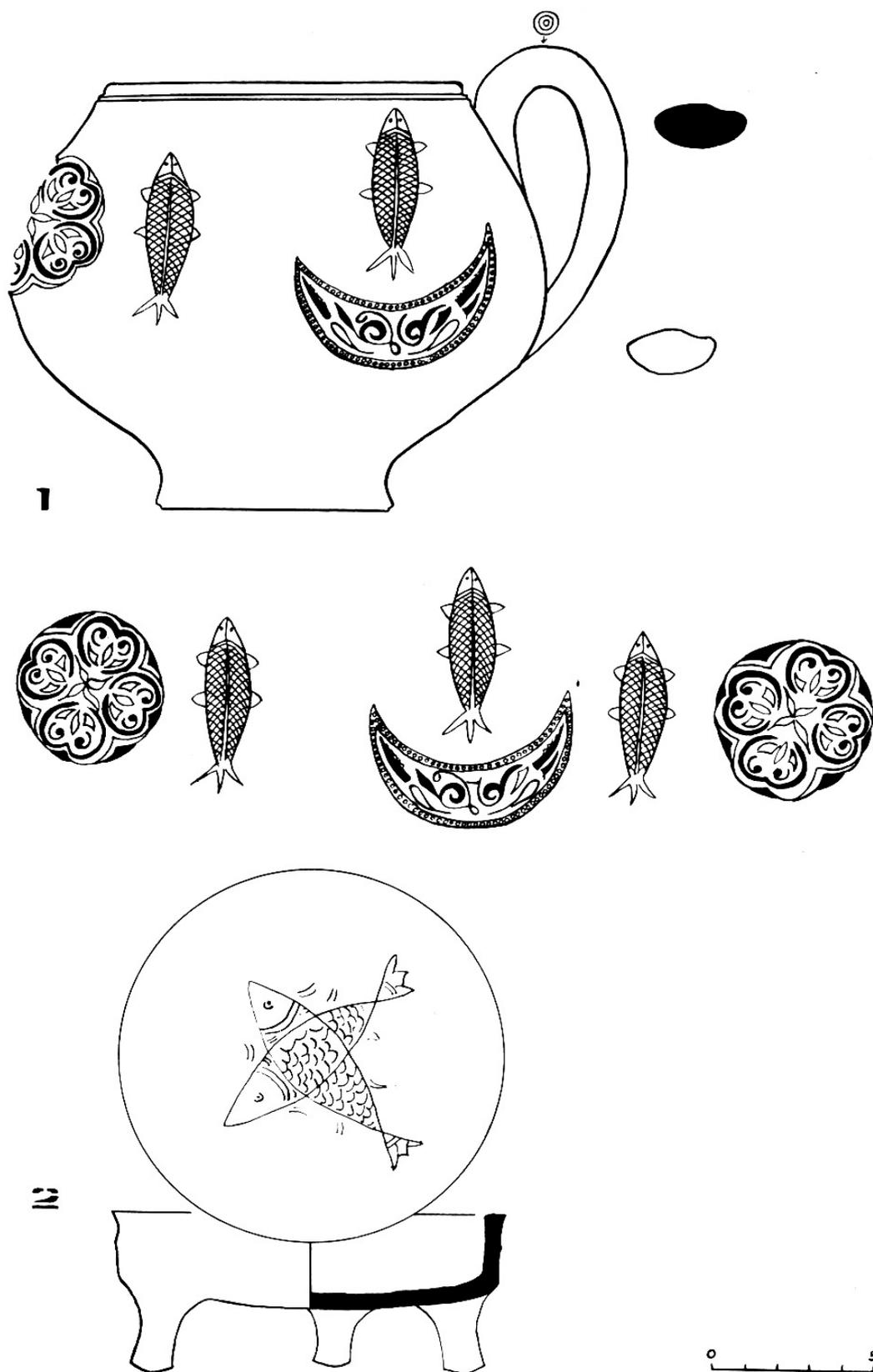

Рис. 3. Неглазурованная керамика Афрасиаба XII - нач. XIII вв.

1. Кружка с изображением рыб. 2. Изображение рыб на дне сосуда

3,2). Резко отличается от известного прототипа другая композиция орнамента на неглазурованной кружке круглой формы, датированной этим же временем (21, рис. 3,4). Кружка украшена штампованным, наклепным очень тонким рельефным орнаментом. На внешней стороне кружки изображение трех вертикально расположенных рыб. Рисунок их очень натуралистичный: голова, хвост и плавники выделены, схематично показана чешуя. В композиции орнамента присутствуют дополнительные элементы: под рыбами изображен полумесяц, заполненный внутри растительными побегами, с боков кружка украшена крупными розетками с четырехчастной композицией растительного орнамента внутри (22, табл. XXII, 8).

Предметы искусства, имеющие в композиции орнамента изображение рыб встречены в Средней Азии повсеместно. Достаточно назвать ряд памятников восточного прикладного искусства, как например: сасанидская чаша VI-VII вв. имела когда-то на дне припаянную рыбку (23, с. 117, № 35). Изображение большого количества разнообразных по форме рыб входило в штучковую декорацию дворца в Варахше (24, с. 253). Известно изображение рыб в монументальной живописи Афрасиаба. На северной стене дворца VII-VIII вв. в сцене с китайским посольством изображены четыре рыбы в виде вихревой розетки головами к друг другу (25). Орнамент из рыб сохраняет ранняя поливная керамика Рабинджана VIII-IX вв. (26, с. 477).

В X-XI вв. одновременно с известной глазурованной керамикой Согда в Чаче имела место посуда со стилизованным изображением рыб. Штампованная керамика Мерва XII-нач. XIII вв. тоже украшена рядом вертикально расположенных рыб (17, с. 81-82).

При рассмотрении композиции орнамента на привлеченном материале в рамках исследуемого вопроса становится очевидным, что темой для раннесредневекового творчества послужил мотив «водоема» или «пруда», где изображения рыб неразрывно связаны со своей средой обитания - водой. Мотив «водоема» встречается на раннесредневековых памятниках в трех композиционных вариантах. Один из них известен по штучковой декорации дворца Варахши, где рыбы в свободном плавании. Этот мотив аналогичен изображению на одном из исследуемых оссуариев (27, илл. 10, б). Другая композиция орнамента с «водоемом» известна на настенной живописи дворца VII-

VIII вв. на Афрасиабе (125) - сцена, где рыбы составляют четырехлепестковую розетку. Сюжет схож с орнаментом из рыб в розетке оссуария I.

Есть еще один вариант «водоема», когда рыбы расположены по кругу, следующие друг за другом. Подобный орнамент получил распространение в Чаче (31), почти не встречается в Согде, где не трудно заметить, что дальнейшей стилизации подвергается именно мотив в виде четырехлепестковой розетки. В конце X - начале XI вв. глазурованную керамику с подобной орнаментацией выпускали в керамических мастерских в массовом количестве. Период конца X-начала XI вв. считается переломным для развития глазурованной посуды, когда сильной стилизации подвергаются не только зооморфные изображения, но и эпиграфические и антропоморфные орнаменты. На одной из чаш X-XI вв. мы видим подобное расположение рыб в центре (рис. 2, 1). Шишкина Г.В. указывает, что из всех известных ее сосудов с четырехлепестковой розеткой в центре эта чаша стоит первой в хронологическом ряду (32, с. 51). Со временем реалистичность изображения пропадает и мотив «водоема» трансформируется в узколепестковую розетку, где лепестки розеток, как и рыбки, выполнены зеленым и коричневым цветом, но вместо глаз поставлены две крупные точки. На части сосудов первоначальная композиция только угадывается, но сохраняются дополнительные элементы, как лента с перлами, крапина в точечном кольце и эпиграфический орнамент. Не трудно заметить, что мотив «водоема» заменяется условно стилизованной композицией с совершенно утраченной первоначальной символикой.

На посуде X-XI вв. основной функцией изображения становится их декоративность.

На неглазурованной керамике XII-XIII вв. трансформированной в обратной связи все тот же мотив «водоема» с живым и очень натуралистичным изображением рыб на дне сосуда. Но в орнаментальной композиции посуды XII-XIII вв. встречено совершенно отличное от первоначального мотива изображение рыб. Подобная композиция присутствует и на мервской керамике этого же времени. Чаще всего рыбы располагались вертикально сплошным рядом, иногда с эпиграфическим орнаментом. Шестилепестковая розетка на мервской керамике и

четырёхлепестковая на исследуемой кружке присутствуют как дополнительные элементы.

При натуралистичности изображенных рыб не трудно заметить, что сюжетом для творчества становится не непосредственно тема воды с рыбами, а сами рыбы, но в другом контексте. Вероятной трактовкой образа рыб в данном случае является их связь с животными 12-годовалого цикла в календаре народов стран Дальнего Востока. Изображение астрального знака - луны - в композиции орнамента характерно для китайских тканей и керамики X-XIII вв., сближая композиционную схему с китайским искусством (33, с. 344-347; 34, с.

180). Анализ орнаментального мотива (розетки, заполнение луны растительным орнаментом) показывает близость декора и к среднеазиатскому кругу. Таким образом, можно сказать, что подобная композиционная схема восходит к промежуточному звену между двумя мирами. В этом случае таким образом звеном оказывается искусство кочевников каракитаев, с которыми на протяжении X-XIII вв. осуществлялись не только экономические (35, с. 297), но и культурные контакты, нашедшие свое отражение на предметах быта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Благодарю сотрудника музея Павчинскую Л.В. любезно предоставившую для публикации свой диссертационный материал.
2. Оба оссуария прямоугольной формы, лепные, черепок в изломе лессовый, розового цвета.
3. Хронологические рамки памятников восточного прикладного искусства с изображением рыб очень широкие. Известны они с сер. II тыс. до н.э. Амулет в виде золотой рыбки V-IV вв. до н.э. встречен в Амударьинском кладе, золотая рыбка II в. до н.э. была найдена в Новой Нисе, много стеклянных сосудов в виде рыбы обнаружено в Беграме (Афганистан) (27, с. 35-37). Есть упоминание о рыбе в письменных источниках, в частности, Абу Райхан Беруни называет рыбу Хет (27, с. 89). Изображение рыб есть и на монетах - несколько монет XIV-XV вв. хранятся в нумизматическом фонде Института археологии АН РУз (29). Форму рыбы имел замок на двери Кусамы ибн Аббаса в г. Самарканде (27, с. 37). В этнографии народов Средней Азии обнаруживается ряд пережиточных явлений, связанных с культом рыбы (16, с. 198-202). В настоящее время можно встретить амулеты в виде рыбы, есть изображение рыб и на сюзанах.
4. Следует, однако, оговориться, что изображение рыб на оссуариях связано с погребальной символикой и должно послужить темой специального рассмотрения. Отмечу только, что символика животных в развитых космологиях народов стран Центральной и Восточной Азии включает иерархию трех миров: небо-птица, земля - дерево и животное суши, подземный мир и водная стихия - змея, рыба. Соответственно и погребальные жертвенные животные, представляющие разные зоны космоса и изображение этих животных на надгробиях символизируют способность умершего проникнуть во все миры, прежде всего в загробный, или наделяют покойного этой способностью (30, с. 17).

ЛИТЕРАТУРА

1. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
2. Андреев М.С. Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-воровка» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Изд. Главного Средне - Азиатского музея. Вып. II. Ташкент, 1923.
3. Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской обл. в 1921 г. Изв. ТОРГО. Т. XVII. Ташкент, 1924.
4. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1953.
5. Демидов О. О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен. Тр. ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Т. XII. Ашхабад, 1963.
6. Шурц Г. История первобытной культуры. СПб., 1896.
7. Кашина Т.И. Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.
8. Титов А. Сибирь в XVII в. Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
9. Окладников А.П. Каменные рыбы. СА, № 1, 1936.
10. Успенский Б.А. Филологические изыскания в области славянских древностей. М., 1982.
11. Робакидзе А.Н. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы. СЭ, 1948, № 3.
12. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
14. Авеста, Вендидат. Т. VII 14, 15.
15. Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах - украшениях населения Средней Азии. В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

16. Снесарев Г.П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма генетически связанных с древним культом плодородия. МХЭ, в. 4. М., 1960.
17. Лунина С.Б. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII- нач. XIII вв. в квартале керамистов старого Мерва. Тр. ТашГУ, вып. 172. Ташкент, 1960.
18. Брыкина Г.А. Зооморфные изображения в средневековой керамике Ферганы. КСИА, вып. 132. М., 1972.
19. ГМИКИУ г. Самарканд, инв. № А-293-12 Чейлытко В.Р., 1931. Юго-западная часть Афрасиаба, окрестность, некрополь.
20. ГМИКИУ г. Самарканд, инв. № А-362-1 Лифиренко П.А. Западная часть Афрасиаба, окрестность, некрополь.
21. ГМИКИУ г. Самарканд, инв. № А-446-53.
22. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
23. Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, Т. IV. Л., 1947.
24. Тревер К.В., Луконина В.Г. Сасанидское серебро. М., 1987.
25. Музей основания г. Самарканда - экспозиция, б/н.
26. Буряков Ю.Ф., Ростовцев О.М. Раскопки древнего Рабинджана. АО 1973 г. М., 1974.
27. Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.
28. Абу Райхан Беруни. Изб. пр. т. V, ч. I. Ташкент, 1973.
29. Шпенева Л.Ю. Нумизматический фонд Института археологии АН РУз.
30. Петрухин В.Я. Человек и животные в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры. В кн.: Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
31. Примером подобного варианта может послужить бронзовое блюдо в экспозиции ГМИКИУ г. Самарканд инв. № А-176-61.
32. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
33. Васильев Л.С. История религии Востока. М., 1988.
34. Певзнер С.Б. Китайские мотивы на памятниках художественного ремесла средневекового Египта. Тр. Гос. Эрмитажа. Т. I, М.-Л., 1958.
35. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963.

L.F. Sokolovskaya

**THE DEPICTION OF FISH ON MEDIEVAL CERAMIC OF AFRASIAB
(7th and 13th centuries)**

In article a group of ceramic wares: fragments of ossuaries, glassy ceramic of 10th-11th centuries glassy. Less vessels which were collected in different times during researches in Afrasiab.

In observation of fragments of glassy ceramic, the author brings the version about style and role of water surrounding fish. d.

On glassyless vessels the images of fish were connected with animals of 12 year cycle in calendars of Oriental States.

О.Т. Доспанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ СВЕТИЛЬНИКОВ ДЖАНПЫККАЛЫ

Джанпыккала, расположенная на правом берегу Амударьи, известна по многочисленным публикациям последних лет (Доспанов, 1996). В результате многолетних археологических раскопок на городище собран большой, во многом уникальный материал, позволивший получить представление о развитии городской жизни на протяжении почти двух тысяч лет.

Находки средневековых керамических и тальковых чирагов с городища позволили дополнить и уточнить общую картину развития керамического производства и камнерезного промысла.

По форме и особенностям декора чираги можно разделить на семь типов:

I - неполивные, лепные чираги - плоски со смятым носиком, без ручки (рис. 1.1,2):

II - поливные с цилиндрическим усеченно-коническим, расширяющимся книзу резервуаром, длинным носиком. Ручки двух типов - украшенные выступом - пятой со штампованным изображением и петлевидной ручкой. Глазурь бирюзового, зеленого, салатого и лимонного цветов (рис. 1. 3-7). В типе II выделяются три подтипа:

1 - чираги с бирюзовой поливой, с граненым туловом, без перемычки между носиком и резервуаром (рис. 1.3).

2 - изящной формы под бирюзовой глазурью с каннелированным резервуаром (рис. 1.4).

3 - с усеченно-коническим гладким туловом, покрыты зеленой и лимонной поливой (рис. 1.5-7).

III - с сильно уплощенным резервуаром, вытянутым носиком и петлевидной ручкой, полива глухая, нанесена прямо на черепок темно-зеленого и салатого цветов. Резервуары обоих чирагов украшены наклонными насечками (рис. 1.8-9);

IV - массивные, с высоким гладким, слегка суживающимся кверху резервуаром, перемычкой между туловом и носиком. Ручка петлевидная высоко приподнятая над туловом, в сечении пластинчатая. Полива бирюзового цвета (рис. 1.10);

V - неполивные, черно-лощенные - серо-глиняные чираги с резервуарами конической и цилиндрической форм, с высоко приподнятой над туловом петлевидной ручкой и в виде зооморфных изображений. Одна из них (рис. 1. 10-13) - с косыми насечками по низу резервуара (рис. 1.12);

VI - черно - лощеные, резервуар в виде узкогорлого кувшина с усеченными плечиками, тулово расширено к верхней части. По окружности горловины проведены по две линии. Венчик слегка выгнут наружу с петлевидной невысокой ручкой (рис. 1.13,14);

VII - светильники тальковые (рис. 2.1-8), с длинными носиками, более массивные по сравнению с предыдущими. В типе VII выделяются 2 подтипа:

1 - с многогранным или квадратным резервуаром. Между носиком и туловом имеется перемычка. Стенки тщательно обработаны. В противоположной стороне тулова прямоугольная или подтреугольная ручка (рис. 2. 1-3, 8). Ручки подобных форм характерны и для тальковых котлов и жаровен.

2 - тулово цилиндрической формы с выступающей ручкой - ухватом. В данном случае имеется лишь один светильник с перемычкой между туловом и носиком. Остальные - открытого типа. По сравнению с предыдущими, они очень грубо обработаны, со следами инструмента (рис. 2. 4-7).

Теперь перейдем к относительной хронологии и аналогиям с других памятников.

Пяты чирагов, в основном, имеют листовидную и подтреугольную формы. Штампованные

изображения - растительного и гео

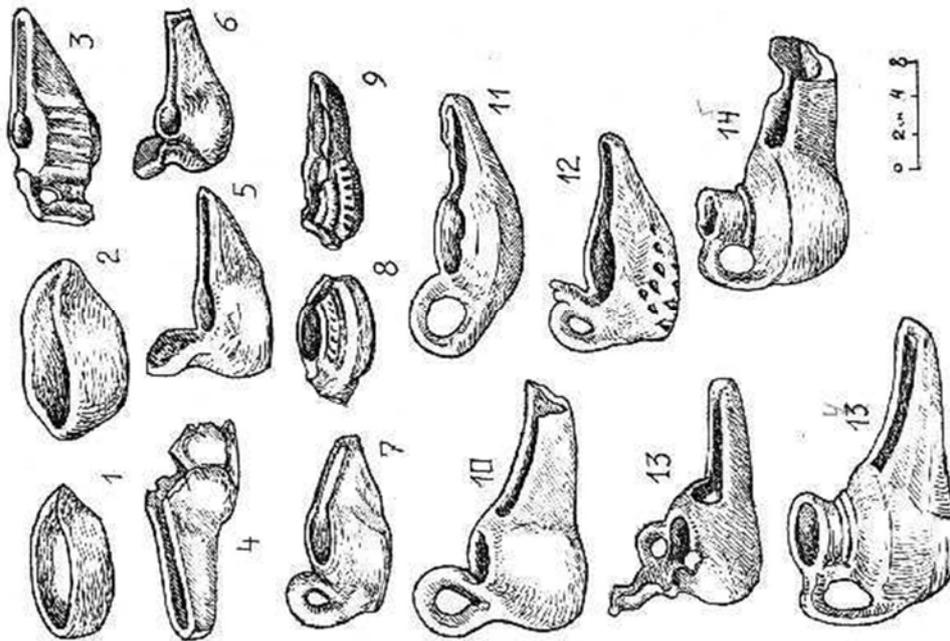

Рис. 2

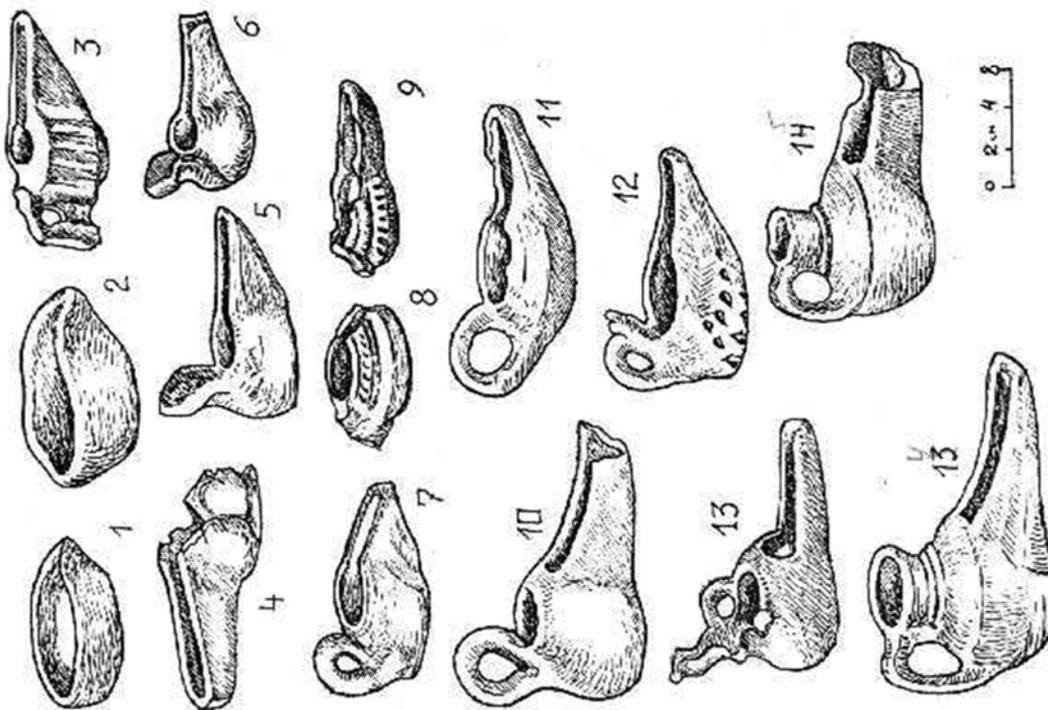

Рис. 1

метрического характера. Чираги типа плоских без ручки найдены в Мерве (Лунина, 1962, с. 216, рис. 10,1), Чаче (Брусенко, 1968, с. 46) на городище Эски-Ахси (Ильясова, 196, с. 147, 1990, с. 172-173, рис. 1,1), датируется в пределах VII-X вв.

Чираги II-го и III-IV-го типов представляют самую многочисленную группу, и встречаются в слоях X-XIII вв., Отрара (Акишев и др., 1972, с. 97, рис. 55,8), Тараза (Сенигова, 1968, рис. 10.9), Бинкета (Лившиц и др. 1982, рис. 62,7), Канка (Брусенко и др. 1982, с.132), Согда (Ташходжаев, 1967, с.38), Кызылкале (Ходжаниязов, 1986, с. 51-64), Большого Гульдурсуна (Доспанов, 1993, рис. 22, 15). На Джанпыккале чираги этого типа встречаются в слоях XI - начале XIII вв.

Чираги V, VI и VII типов более объемные, с перемычкой между носиком и резервуаром, тальковые и грубо оформленные, отмечены в слоях XII-XIV вв. в Таразе (Сенигова, 1968, с. 219, рис. 12, 2.4), Миздахкане (Кдырниязов, 1989, рис. 3, 4, 5), в Хорезме (Вактурская, 1955, с. 92). На Джанпыккале светильники подобных форм найдены в слоях золотоордынского времени XIII-XIV вв. (Р-7).

На основе вышеуказанных аналогий и по сопутствующей керамике чираги Джанпыккалы датируются тремя хронологическими периодами - IX-X вв.; XI-XII вв.; и XIII-XIV вв. Чираги III-го типа, вероятно, являются переходными к глазурованным с петлевидной ручкой. При изучении датировок выяснилось, что элементы и ручки - пяты в позднее время на Джанпык-кале отсутст-

вуют. Постепенно к XII-XIII вв. они по форме останутся грубее и массивнее. Исчезает хрупкость исполнения, изящество орнаментации. Видовое изменение светильников в XII в., отмечает Брусенко Л.Г. (Брусенко, 1986, с. 63).

Попытаемся подвести некоторые итоги нашего анализа. Для периода IX - XI вв., керамический комплекс Джанпыккалы связан с притоком нового населения или этнических групп в Хорезм. Они имеют много общего с огузской керамикой (Ягодин, 1986, с. 109), а также с джигирбандскими гончарными изделиями Садвара и с керамикой южно-хорезмских караван-сараев IX-XI вв. (Армарчук, 1992, с. 18-19). Сравнительный анализ комплекса позволяет датировать его концом IX-X началом XI вв. и отметить большое сходство с керамикой Пайкенда (Мухамеджанов и др. 1988, с. 164-170).

Близость ремесленного производства Хорезма и соседних областей объясняется тем, что между этими районами поддерживались постоянные контакты. Подобные связи, в свою очередь, повлияли на зарождение новых типов керамики, а также на развитие камнерезного производства и горнорудного дела в Хорезме (Маньлов, 1972; Кдырниязов, 1986).

Исследователи отмечают, что в Хорезме, в золотоордынский период гончарное производство полностью восстановилось и даже, известным образом, продолжало развиваться, но почти исключительно в области усовершенствования технических достижений хорезмшахского периода (Вактурская, 1959, с.341).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акишев Д.А. Байпаков К.М. Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
2. Армарчук Е.А. Садвар - средневековый город на юго-востоке Хорезма (к изучению хорезмийской городской культуры IX-XI вв.) // АКД.М. 1992.
3. Брусенко Л.Г. Галиева З.С. Материалы раскопок квартала X-нач. XI в. на городище Канка // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
4. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
5. Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма // КСИЭ. Вып. XXII. М., 1955.
6. Вактурская Н.Н. Иранский сосуд из Ургенча // МХЭ, т.4. М., 1959.
7. Доспанов О.Т. Некоторые сведения о городище Большой Гульдурсун // ВКФ, 1993 № 2.
8. Ильясова С.Р. Глазурованная керамика из верхних слоев Эски-Ахси // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
9. Кдырниязов М.Ш. Камнерезное ремесло в средневековом Хорезме // Археология Приаралья. Вып. 3. Ташкент, 1986.
10. Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.
11. Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В., Карасев В. К истории феодальной культуры Ташкента // У источников древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
12. Лунина С.Б. К вопросу о технике изготовления сосудов со штампованной орнаментацией из старого Мерва // ИАН Турк.ССР, серия общ. наук, 1962, № 4..
13. Маньлов Ю.П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья // АКД, Ташкент, 1972.
14. Мухамеджанов А.Р. Адьлов Ш.Т. Мирзаахмедов Д.К. Семенов Г.Л. Городище Пайкенд (к проблеме изучения средневекового города Средней Азии). Ташкент, 1988.
15. Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА. 1968, № 1.
16. Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX-нач. XIII вв. Ташкент, 1967.
17. Ходжаниязов Г. Кызыл-кала (работы 1981-1982 гг.) // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент, 1986.
18. Ягодин В.Н. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи в VII-XIV вв. // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент, 1986.

А.А. Грицина

ГОНЧАРНАЯ ПРОДУКЦИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ЗААМИНА

Гончарная продукция домонгольского Замина - второго по величине и значению города Уструшаны - все еще остается недостаточно изученной. Исследования сдерживаются из-за того, что практически вся его территория занята современными постройками и обширным кладбищем. Тем не менее, материалы в определенной степени характеризующие керамическое производство города этого времени, были получены из нескольких раскопов, расположенных в различных его частях (цитадели, шахристане, рабадах).

Частично они уже опубликованы (Древний Заамин, 1994, с. 27-30, 30-40, рис. 7, 15; Грицина, 1998, с. 138-143).

Как показали исследования, предмонгольский Заамин занимал, в основном, левый берег Зааминсу, расширяясь в западном и северном направлениях и включая в свой состав руины раннесредневековых замков и поселений. В частности, зааминские кулоли-гончары активно осваивали территорию Джартепе (Древний Заамин, 1994, с. 39).

Поселение Джартепе расположено в северной части райцентра Заамин и представляет собой остатки раннесредневекового замка с прилегающей территорией. Отмечено Н.Б.Немцовой и Г.Я. Дресвянской в 1973 году. По их данным, Джартепе «представляет собой остатки размытого с востока холма почти квадратного плана размерами 75х65 м, высотой 3-4 м. Наиболее выделяются С-В часть площадью 30х30 м, высотой 6-8 м. Подъемный керамический материал и материал из зачисток в обрезах (керамика, сырцовый кирпич) дают основание для датировок объекта VI-VII вв. и определения

времени его вторичного обживания в XII в. Первоначально Джартепе использовалось как укрепленная усадьба». Ими же опубликован схематический план памятника (Немцева, Дресвянская, 1986, с. 222-223, 225, рис. 2; 4).

При нашем обследовании в восточном срезе холма, который позволяет проследить стратиграфию памятника сверху до материка, зафиксирован ряд параллельных сводчатых помещений из пахсы и сырца, идущих в направлении с востока на запад. В 1992 г. над одним из этих помещений был заложен раскоп 1, верхний слой которого дал материалы караханидского времени (Древний Заамин, 1994, с. 39-40, рис. 15).

Раскоп 2 находится в 70 м. к юго-западу от раскопа 1. В предмонгольский период эта часть памятника являлась северной окраиной рабада Сарсанды-Замина. В предыдущие годы здесь было найдено несколько керамических печей и высказано предположение о расположении в этом месте квартала зааминских мастеров - керамистов (Древний Заамин, 1994, с. 39). С целью изучения его и вскрытия одной из гончарных печей (печь № 1) и был заложен раскоп 2, размерами 2,5х2,5 м. В результате вскрытия печи, от которой сохранилась только топочная камера, проявилась следующая картина.

Первоначально на месте печи находилась сбросовая яма (бадраб). Диаметр ее снизу составлял 2 м. Ямой, была нарушена стена из пахсы, идущая с запада на восток, толщиной не менее 120 см. Поверх ее шла кладка из гувальяка? Пахсовая стена, видимо, относится к раннему средневековью и связана с дворовой частью замка. Можно предположить, что бадраб был выкопан и функционировал в начале XII в. Во

второй половине XII в. яма была заброшена и ее присмотрели гончары, которые приспособили ее под обжигательную печь. Диаметр ямы оказался слишком большим и она была уменьшена, для чего западная часть ее была обложена гувалыком. В результате чего размеры топочной камеры в средней части уменьшились до 110x150 см, высотой до 150 см.

Внутренняя часть камеры сильно оплыла, образовав толстый слой футеровки. Топка располагалась с северной стороны. К сожалению, ни под, ни остатки верхней камеры не сохранились. Найдены лишь только обломки жженных кирпичей размерами 18x4,5-5 см, 13x3 см, 16x3-3,5 см.

На последнем этапе своей истории, печь была разрушена и видимо, снова превращена в бадраб.

Наполнение печи представляло собой рыхлый грунт с большим количеством керамики - поливной и неполивной - золы и пепла.

Поливная посуда сформована на гончарном круге из глины высокого качества, равномерного обжига, без посторонних примесей (рис. 1, 2, 3).

Сосуды типа *блюд* или *ляганов* по форме и размерам можно разделить на два типа. К первому типу относятся сосуды полусферической формы с перегибом в верхней части, образующем бортик. Высота бортика составляет 3-4 см. Диаметр таких сосудов достигает 26-28 см (рис. 1; 1,3).

Сосуды второго типа также имеют полусферическую форму, но линия их форм плавная, диаметр не превышает 20 см (рис. 2; 6, 11-12). Сосуды обоих типов имеют сплошной или с кольцевым вырезом поддон. Диаметры их составляют 7-11 см (рис.1; 5-6, 11-12).

Сосуды имеют богатую палитру росписи, которая часто сочетается с гравировкой. Иногда по кругу зеркала наносился вдавленный орнамент в виде насечек. Характерными являются крупные сосуды, украшенные обоими видами орнамента (роспись и гравировка) по фону салатного цвета. Дополнительным украшением служат различной конфигурации пятна зеленого цвета (рис. 1; 1-5; рис. 2; рис. 3). Имеется группа сосудов, покрытая сплошной поливой зеленого или бледно-салатного цветов. Как правило, в них так же

присутствуют элементы гравированного орнамента (рис. 2).

Выделяется фрагмент блюда с гравированным орнаментом, на котором, помимо традиционных завитков и спиралей, изображена необычная восьмилепестковая розетка (рис. 1; 2).

Тыльная сторона описываемых поливных сосудов не украшалась. Только верхняя часть их покрывалась белым ангобом (грунтовкой). Реже эта полоска покрывалась поливой или краской. Исключение представляет лишь сосуд, тыльная сторона которого украшена гравированным орнаментом, потеками и пятнами - оберегами (Грицина, 1999, с.6) зеленого цвета (рис.1; 5).

В коллекции есть два археологически целых сосуда типа небольших *коса* или глубоких *пиала* с характерным изгибом бортика в верхней части (рис. 1; 14-16). Другой вариант аналогичных сосудов имеет полусферическую форму (рис. 1; 17). Украшение их несложное. Обозначен край венчика, а зеркало сосудов по кругу украшено рисунком в виде разноцветных крапин.

Открытые сосуды типа небольших *тарелок* украшались по краю оттянутой закраины несложным расписным орнаментом по светлому фону (рис. 1; 13; рис. 2).

Чираги - светильники представлены фрагментом граненого резервуара коричневого цвета. Грани его обозначены полосами белого цвета (рис. 2, в верхнем правом углу).

Отметим также венчик блюда под поливой бирюзового цвета с мелким цеком. Подобная керамика часто называется «монгольской» и датируется концом XII- нач. XIII вв.

Как видно, набор керамических форм относительно невелик. По сравнению с аналогичным комплексом с городища Культепе (средневековый Сабат) он беднее и менее представительен. С другой стороны, все описанные формы и гаммы росписи имеются в керамике Культепе (Грицина, 1991, рис. 2, с. 190-192). Однако, в купе с материалами из других раскопов городища Кургантепе, он не уступает саватскому комплексу (Древний Заамин, 1994, с. 29-31, 39).

Гораздо шире представлена неполивная керамика.

Хумов немного. Имеются только фрагменты тулова, выполненные на круге. Найдено несколько обломков, в том числе и

закраина, от *тандыра*. Тандыр изготовлен вручную, глина рыхлая с примесью камней.

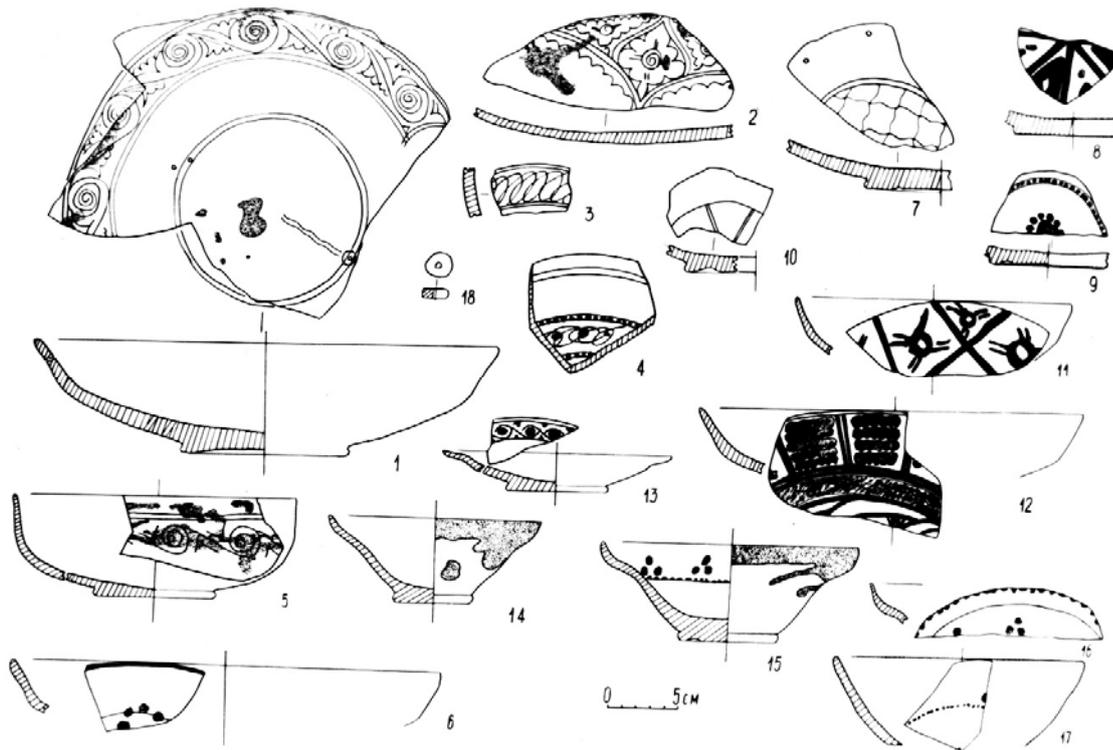

Рис. 1

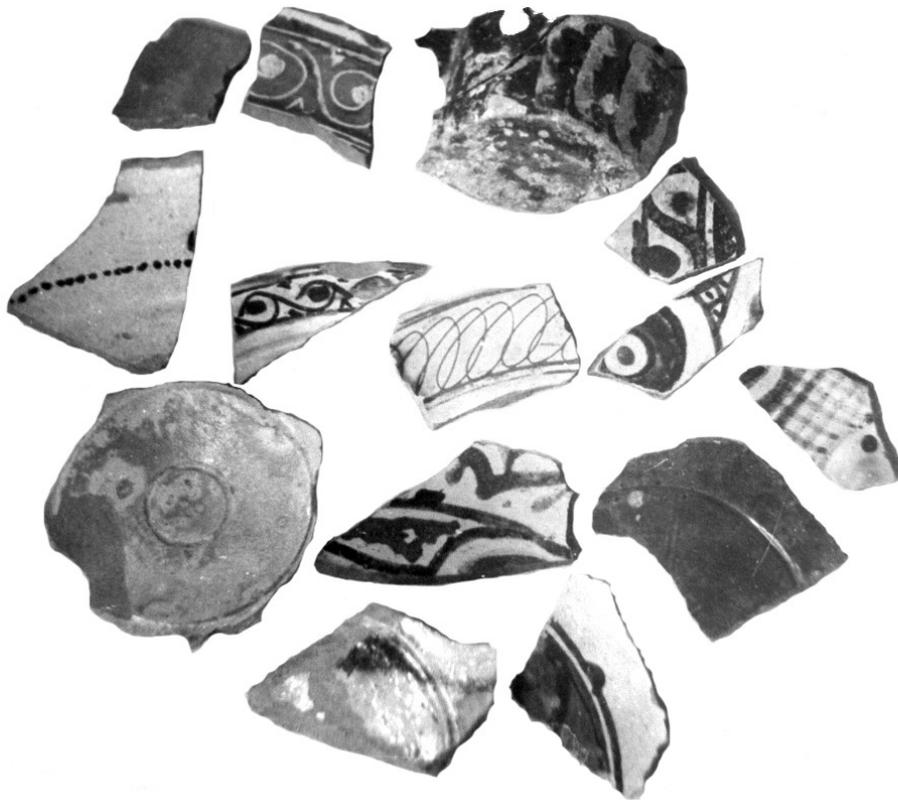

Рис. 2

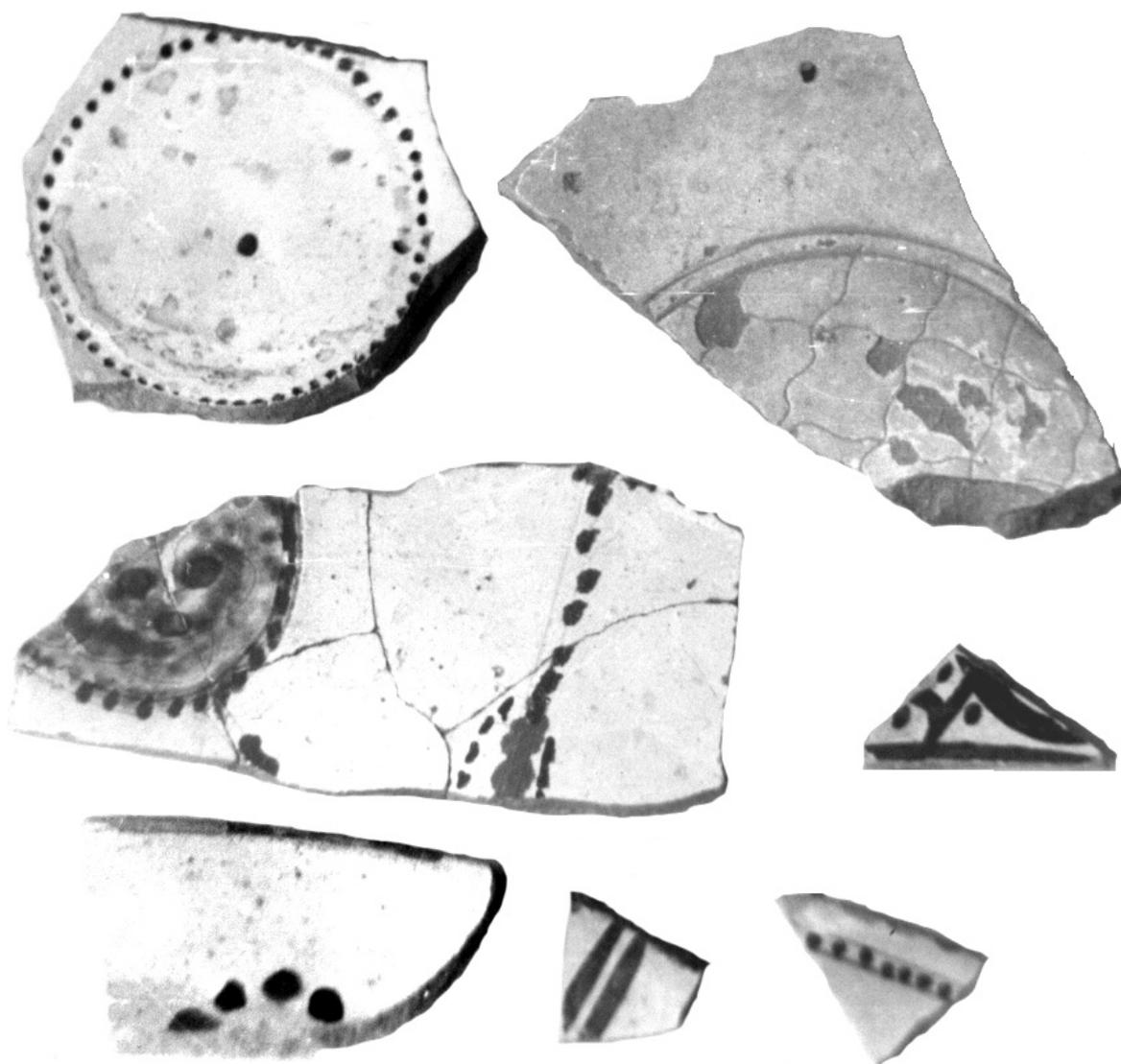

Рис. 3

На внутренней поверхности для лучшей схватки с выпекаемыми мучными изделиями нанесены вертикальные полосы гребенкой. Диаметр венчика составляет 38-40 см (рис. 4, 1). Аналогичные врезные полосы на тандырах известны и по другим средневековым археологическим памятникам (Агеева, 1962, с. 206; Жолдасбаев, 1974, с. 176, рис. 6; Кожемяко, 1989, с. 15; Грицина, 1996, с.84).

Тагора формовались на круге. Встречаются сероглиняные сосуды. Венчик профилирован наружу. Тулово отклонено от центра, либо поставлено вертикально (рис. 4; 3-7). Поверхности венчиков украшались процарапанным орнаментом (рис. 4; 3).

Котлы составляют одну из самых многочисленных групп посуды (рис. 4; 8-12). Они формировались на круге из огнеупорной глины и демонстрируют многообразие форм венчиков и их размеров. Ниже закраины котлы имеют по паре подковообразных ручек, которые нередко сами, также как и поле возле них, украшались налепами, насечками, углублениями, вмятинами, и др. Некоторые котлы расписывались (рис 5; 20) и имели петлевидные ручки.

Горшки формовались из хорошо отмученной глины и снабжались петлевидными ручками (рис. 4; 14-15). Некоторые из них по размерам приближаются к глубоким чашам (рис. 4; 16).

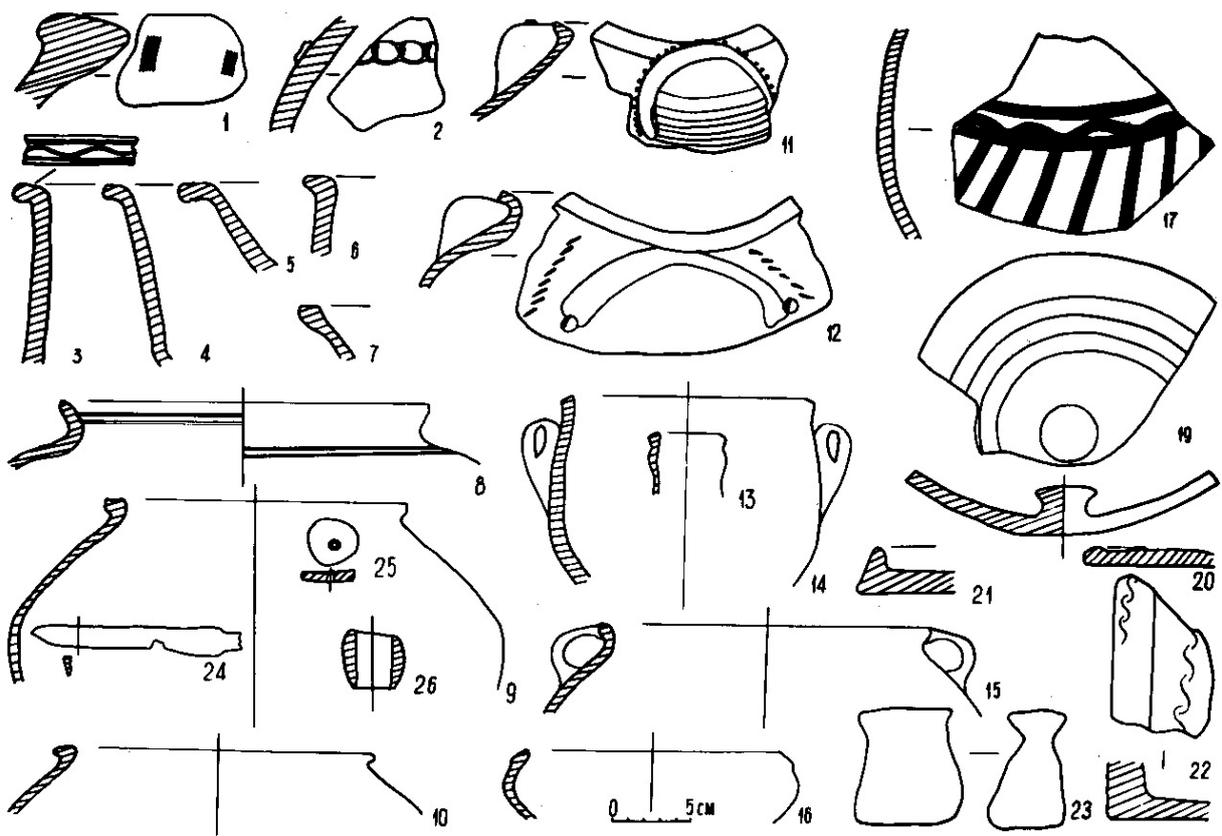

Рис. 4

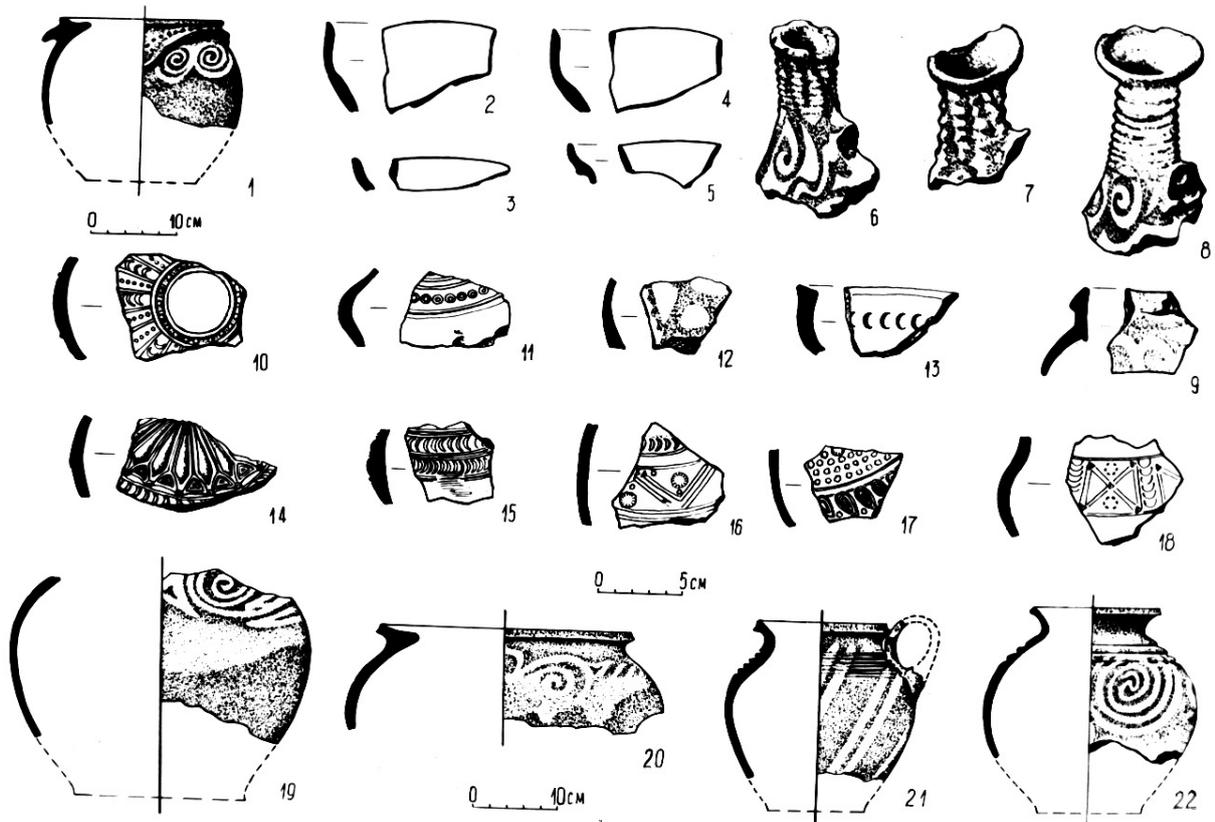

Рис. 5

Рис. 6

Кувшины можно разделить на узкогорлые и широкогорлые. Последние, как правило, более крупные. Сосуды имели по одной скобковидной ручке и украшались несложным процарапанным орнаментом (рис. 4; 13, 17).

К этой категории сосудов следует отнести и сосуды типа *мургоби*, которые формовались ручным способом и часто расписывались. Они имели конический слив и горловину, увенчанную раструбом (рис. 5; 6-8).

Крышки - кружальной формовки и делятся на вогнутые и плоские (рис. 4; 19-21). Некоторые из них украшались наклепным штампованным орнаментом. Имеются сероглиняные крышки. Диаметр их варьирует от 17 до 28 см.

Среди других находок отметим группу красноощенных сосудов (рис. 5; 2-5), сероглиняных сосудов со штампованным орнаментом (рис. 5; 10, 14-17; рис. 6), обломок сандала (рис. 4; 22), железный нож (рис. 4; 24), пуговицу из стенки сосуда и пряслице (рис. 5, 25). Не совсем понятно назначение четырех поделок, похожих на ножки от дастарханов (рис. 4; 23).

Следует отметить высокое качество и разнообразие сосудов со штампованным орнаментом, не уступающим таковым с

городища Калаи Кахкаха (средневековый Бунджикат - столица Уструшаны) и вообще лучшим образцам керамики со штампованным орнаментом Средней Азии XII - начала XIII вв. (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. XVIII-XIX; Пидаев, 2000, с. 140-141). На городище Культепе (средневековый Сабат) она представлена гораздо скромнее.

Кроме самой продукции, в нашей коллекции имеется образец матрицы - калыба в которых изготовлялась штампованная керамика (рис. 5; 13; рис. 6 в верхнем правом углу).

Что касается расписной керамики (рис. 5; 1, 6-9, 12, 19-22), то она встречается практически во всех караханидских комплексах как самого Зааминского тумана (Древний Заамин, 1994, с. 30; рис. 15, 18-20; Грицина, 1998, с. 140-143, рис. 4; рис. 5; 5), так и других регионов Уструшаны (Гайдукевич, 1947, с. 108; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 124, рис. 53). Приёмы росписи зааминской и сабатской посуды во многом сходны с ферганскими, особенно, с узгендскими (Заднепровский, 1960, с. 226). Однако, учитывая значительное распространение расписной керамики, ее разнообразие, можно предположить, что существовал свой уструшанский очаг ее производства.

Следует обратить внимание, что роспись наносилась и на поверхности котлов и горшков, которые подвергались прямому воздействию огня. По мнению С.Б. Луниной, в расписных котлах приготавливалась специальная пища, а сами росписи являлись ее оберегами. В целом, вся расписная средневековая посуда являлась особой и связана с «древними культовыми обрядами, пережиточно сохранившимися на территории распространения ислама» (Лунина, 1987, с. 106-108).

Таким образом, в результате проведенных археологических исследований на городище средневекового Замина получен, хотя и относительно небольшой, но достаточно выразительный материал, позволяющий в определенной степени судить о гончарной

продукции города XII начала XIII в. Она свидетельствует о широких и тесных экономических связях с близлежащими (Согд, Чач, Фергана) и более отдаленными регионами и соответствует общему достаточно высокому уровню развития керамического производства в это время. Особенностью Кургантепинского, также как и культепинского комплексов, является большой процент краснолощенной и расписной посуды, однако в отличие от последнего, в кургантепинском комплексе пока не найдено кашинной посуды. Возможно, это связано с небольшим объемом проведенных работ и дальнейшие раскопки дадут истинную картину керамического производства крупнейшего городского центра средневековой Уструшаны.

Литература:

1. Агеева Е.И. Памятники средневековья. Раскопки на городище Баба-Ата // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1986.
2. Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИИМК. Вып. 14. 1947.
3. Грицина А.А. Материалы XII - начала XIII вв. с городища Культепа (Северная Уструшана). // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
4. Грицина А.А. Из находок на территории махали Четарык в Заамине. // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
5. Грицина А.А. Чаша-календарь XII века. // San'at. 1999, № 2.
6. Грицина А.А. Городище Нурата // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
7. Древний Заамин (история, археология, нумизматика, этнография). Ташкент, 1994.
8. Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-Там (XV-XVIII вв.) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
9. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году // Труды КАЭЭ. Т.IV. М., 1960.
10. Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана. (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989.
11. Лунина С.Б. Расписная керамика X-XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА, 1987, № 3.
12. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
13. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
14. Немцева Н.Б., Дресвянская Г.Я. Памятники Заamina и его округи (к археологической карте Северной Уструшаны) // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
15. Пидяев Ш.Р. Штампованная керамика средневекового Термеза // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук Б.Д. Кочнева. Самарканд, 2000.

A.A. Gritsina

POTTERY WARES OF PREMONGOLIAL ZAAMIN

The pottery goods are analyzed in the article. In spite of that Zaamin was the second town with its beauty and importance after Ustrushana. The pottery wares of the town are not studied sufficiently. The major part of medieval town is covered by modern buildings. But many important complexes of pottery wares dating to XII and early XIII centuries were discovered in many constructions (citadel shahristan, rabod) of town. These discoveries demonstrate the high quality achievements Zaamin's pottery craftsmen on the stage of the best ceramic school of Sogd and Shash.

Ш.Т. Адылов

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ «ВАРАХША» И НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ И ГИДРОНИМОВ ЗАПАДНОГО СОГДА

Посвящается памяти В.А. Шишкина

Примерно в 35 км к западу от Бухары на территории вновь осваиваемых земель древнего орошения (Джандорский туман) расположено знаменитое городище, которое жители селений, расположенных поблизости, до недавних времен называли «Аракчи». Под своим историческим названием «Варахша» этот древний город получил мировую известность благодаря замечательным открытиям археологов, проводивших здесь раскопки под руководством В.А.Шишкина. Результаты многолетних исследований нашли свое достойное отражение в публикациях, и прежде всего в монографии В.А.Шишкина «Варахша». Великолепные произведения согдийского изобразительного искусства, обнаруженные при раскопках (настенная живопись, скульптура из ганча и терракоты). Предметы архитектурного декора украшают экспозиции крупнейших музеев Узбекистана.

Несмотря на впечатляющие результаты деятельности археологов, искусствоведов, было бы большой натяжкой утверждать, что история этого древнего города изучена в полной мере. Раскопками была охвачена лишь малая часть площади городища: цитадель, дворец, некоторые участки квартальной застройки и оборонительных сооружений. Эти места - территория городища и его окрестности - хранят еще множество тайн. Например, вне поля зрения ученых, включая самого В.А.Шишкина, оказалось проблема происхождения топонима «Варахша». А между тем вопрос представляет не меньший интерес, чем обнаруженные на городище памятники духовной и материальной культуры. Известно, что при близком знакомстве с теми или иными историческими местами, специалисты, любители старины или просто интересующиеся едва ли не в первую

очередь задаются традиционным вопросом, касающегося смысла и происхождения названия объекта. Это тем более интересно, если топоним относится к совершенно иной языковой среде. И в этих аспектах Варахша далеко не исключение.

Древние названия, известные по письменным источникам, либо сохранившиеся до сих пор в топонимике разных регионов, тоже отражают определенный историко-культурный пласт. Анализ языковой принадлежности и семантики названий, важен для выяснения не только древних этнических наслоений конкретных мест. Являясь памятниками устной и письменной словесности, старые гидронимы и топонимы могут отражать некоторые особенности, касающиеся возникновения исторических объектов, их функционального назначения, топографии, географического расположения, окружающей среды, занятий местных жителей и т.д. и т.п. Иными словами, старые названия могут восприниматься как документальные первоисточники, содержащие в себе закодированную информацию, так или иначе связанную с историей или культурой соответствующих мест. Их изучение требует комплексного подхода. Для этого недостаточно быть только лингвистом - знатоком вымерших и бытующих языков. Необходимо также хорошо знать историю объектов. А еще следует помнить одну истину - гидронимы и топонимы (и особенно уходящие вглубь веков), как правило, имеют вполне «прозаическое» и «приземленное» происхождение. Только в редких случаях они связаны с каким-то иными факторами, т.е. отвлеченными понятиями, легендарно-романтической или божественно - харизматической символикой. Именно в указанном ключе и в меру своей ком-

петенции автор пытается установить, «откуда есть, пошло» название «Варахша».

Среди всех письменных источников, в которых упоминается Варахша, наиболее полная информация об этом древнем городе содержится в знаменитой древней книге «Тарихи Бухоро» («История Бухары»), принадлежащей перу Абу Бакра Мухаммада ибн Джафара ан-Наршахи, уроженца селения Нархаш под Вабкентом (1). Ан-Наршахи называет Варахшу селением, однако таковым пункт считался во времена историка, а в предшествующие периоды объект был, безусловно, городом. Многое из того, о чем сообщает средневековый автор, ссылаясь на ан-Нишапури, заслуживает пристального внимания и даже подтверждается современными исследованиями. Например, сообщается, что «... её (Варахшу) построил Бухархудат и с тех пор (относительно времени ан-Нишапури) прошло более тысячи лет» (ан-Наршахий, 1991, 99 с.). И действительно, археологическими раскопками последних лет установлено, что Варахша была основана в IV в. до н.э. и при этом сразу же в качестве города (Адылов, 1990, с. 28-32). Далее утверждается, что «... эта крепость долгие годы лежала в развалинах и была заброшена, пока её не восстановил Х-н-Кхудат» (2). (ан-Наршахий, 1991, 99 с.). Запустение Варахши и прилегавшей к ней сельской округи в контексте данного сообщения - установленный факт. Примерно в III в. н.э. город опустел, так как прекратилось водоснабжение этих мест. Оно возобновилось приблизительно в середине IV в., после чего началось возрождение города, и он был капитально отстроен заново (Шишкина, 1990, с.120), Шишкина, Алпаткина, 1994, с. 110. Адылов, 1990, с.32; Мухамеджанов, Адылов, Вульфферт, 1990, с. 162.

По тем же источникам старым названием Варахши было «Раджфандун» (ан-Наршахий, 1991, с.99), а с ним весьма сближается, особенно по начертанию, название «Дахфандун» («Дахфандаун»). Так называлось одно из селений области Бухары, о котором упоминают географы XII в. ас-Самани и Йакут ал-Хамави (Камалидинов, 1993, с.66). Примечательно, что оба автора отмечают этот пункт без всякой связи с Варахшой. Скорее всего, это кажущееся противоречие, и объясняется оно следующим образом. После запустения Варахши и её ближайших окрестностей часть жителей города и сельской округи, видимо, переселилась в расположенный поблизости другой древний город - Рамуш (3), а остальные основали новый Раджфандун - Дахфандун на некотором удалении от мертвого города. Иными словами, населенный пункт «переместился» на

новое место, что в прошлом являлось распространенным явлением. Затем старый Раджфандун - Дахфандун был возрожден, но под новым названием, и просуществовал до конца X в. прежде чем опустел окончательно.

Данному древнему городу соответствует большое городище Рамиш, расположенное на окраине современного селения с тем же названием - в культурной полосе Джандорского тумана примерно в 19 км к востоку от Варахши. По археологическим данным, городище обживалось с IV в. до н.э. по V в. н.э. (Сулейманов, Ураков 1977, с.63-64). В дальнейшем обживание было эпизодическим и с длительными перерывами - до XV в. В переводе с персидского «Ромиш» означает «песня», «музыка». Разумеется, такое толкование всерьёз восприниматься не может, так что этимология у топонима несколько иная.

Что касается нового Раджфандуна - Дахфандуна, то он обживался и во времена указанных географов, т.е. в XII в. Соответствие ему следует искать среди древних поселений в непосредственной близости к востоку от городища Варахша.

Топоним «Варахша», закрепившийся в устной лексике, научной и популярной литературе, возможно, фонетически не самый близкий к исходной форме. Более того, вопреки бытующему мнению, в письменных источниках он вообще довольно редкий и встречается только в IV главе «Истории Бухары». Однако во второй главе той же книги пункт именуется «Фарахший» (ан-Наршахий, 1991, с. 92). Известны несколько более частных вариантов начертания и чтения данного названия. Например, географ ал-Истахри, современник ан-Наршахи, даёт чтение «Фарахша», а другой географ того же времени ал-Мукаддаси - «Барахша». Варианты «Фарахша», «Афрахша» и «Афрахш» имеются в трудах ас-Самани и Йакута ал-Хамави. А еще ал-Истахри сообщает, что «Фарахша» это не только название города, но и канала, в нижнем течении которого тот располагался (Камалидинов, 1993, с. 69-70). Вне всякого сомнения, новое название возрожденному городу дал именно канал, а не наоборот (4).

Необходимо подчеркнуть, что «Фарахша» не самое древнее название соответствующего канала: ему предшествует упомянутое выше «Раджфандун-Дахфандун» (5).

Итак эти названия носил хвостовой участок другого древнего канала - Рамисана, о котором тоже упоминает ал-Истахри (Бартольд, 1963, с. 168) (6).

Древнему каналу Рамисана соответствует нынешний канал Рамитанруд. Он является есте-

ственным левым рукавом одного из главных дельтовых протоков Зарафшана - Вабкентдарьи. В древности этот проток назывался Гав - Хитфар, Хитвар и наджар Хитвар (ан-Наршахий, 1991, с.113; Бартольд 1963, с.165-168).

Итак, относительно происхождения названия «Варахша-Фарахша» у автора имеются две версии.

Версия 1. -«Гидротехническая». Она исходит из того, что более верным является вариант «Варахша».

По сообщению ан-Наршахи, со ссылкой на ан-Нишапури, селение (город) орошалось водой из 12 арыков (ан-Наршахий, 1991, с. 99). И действительно, результаты исследований, в том числе аэрофотосъёмки, это подтверждают. Картографическими работами, проведенными под руководством известного археолога А.Р.Мухамеджанова, в окрестностях городища выявлены сухие русла 6 небольших каналов, каждый из которых в нижнем течении делился на два рукава. Все 6 основных арыков брали начало из одного гидроузла, расположенного на некотором удалении к северо-востоку от городища по руслу канала Рамисана (Мухамеджанов, 1978, с. 96-98, рис. 14; Мухамеджанов, и др. 1990, рис. 19). Название «Варахша» носил видимо именно тот арык, который снабжал водой непосредственно город. Сухое русло данного арыка тянется далеко на запад от городища и теряется в песках, не достигая нескольких десятков км до поймы Амударьи. Однако не исключено, что в глубокой древности он все же её достигал. Не в пример некоторым из остальных 5 арыков гидроузла это русло было, безусловно, естественным и по видимому основным. Предположительно, первоначально название «Варахша» носила именно та местность, где располагался гидроузел, а сам топоним мог быть производным от согдийского «Варки-Ша/-х/». «Варк» означает «плотина», «запруда», а «Шах» - буквально «царь», в переносном смысле «глава». Следовательно, речь идет о «Главной плотине». Несомненно, в этом месте русло канала Рамисана преграждала мощная плотина, от которой в виде веера тянулись русла 6 малых каналов. Вероятно, плотина имела вид моста со сводчатыми пролетами, которые закрывались связками камыша - фашинами. С помощью этого сооружения регулировался уровень воды в каналах. Построили плотину, видимо, в середине IV -V вв. н.э., когда началось возрождение города, но перед этим было расчищено на значительную длину старое полу засохшее русло (Раджфандун-Дахфандун» с его боковыми ответвлениями) и проложены новые рукотвор-

ные русла к неосвоенным участкам. Вполне естественно, что по названию местности стали по - новому именовать основное исходящее русло. В свою очередь оно «передало» новое название возрожденному городу (7).

В подтверждении гипотезы можно привести следующие факты. По сообщению ал-Мукаддаси, выше Бухары (по течению городского канала Шахруд) в местности под названием «Фашун» имелся шлюз и существовал гидроузел (Бартольд, 1963, с. 155). Он был аналогичен описанному выше, правда гороздо более разветвленным. Впоследствии эта местность стала называться «Таш-куприк» (в пер. с узбекского - «Каменный мост»). Здесь располагалось ведомство эмирского мираба - главного распорядителя водоснабжением (Ремпель, 1982, с. 145). Один из нынешних арыков, берущих начало в этой местности, до сих пор называется «Фашун». Ал-Истахри тоже упоминает об указанной местности, но под другим названием - «Вараг» (Бартольд, 1963, с. 156-157). Ал-Мукаддаси сообщает и во втором шлюзе, который находился ниже города. Он предназначался для подпруживания городского канала в периоды маловодья, а в половодье через него по многочисленным исходящим арыкам сбрасывали излишки воды. И назывался этот шлюз «Рас-ал-Вараг»(в пер. с араб. - «Головной Вараг») (Бартольд, 1963, с. 155). Нетрудно догадаться, что арабизированные топонимы «Вараг» и «Рас-ал-Вараг» в точности отражали сущность имевшихся здесь гидротехнических сооружений.

Можно добавить, что в Бухарском Согде был еще один древний город (селение) с похожим названием «Варка», (8) а в центральной части долины Зарафшана - город (селение «Варагсар») (9) «Головная плотина». Иранское «сар» - «голова». Оба древних пункта располагались на соответствующих названиям местах.

Версия 2. - «Дорожная». За основу принимается чтение «Фарахша». В средние века вдоль левого берега Зарафшана пролегла знаменитая торговая магистраль - Фараб - Пайкенд - Бухара - Тававис - Кармина - Самарканд. Она представляла собой один из главных участков Великого Шелкового Пути и носила соответствующее своему статусу название - «Шах-Рах» или Рахи -Ша/-х/ (на иранских языках, буквально, - «Царская дорога», в переносном смысле - «Главная дорога»). По археологическим данным эта трасса окончательно сложилась во времена эфталитов - в конце V - начала VI вв. (10). В свою очередь у «Главной дороги» были боковые ответвления, в том числе и межрегионального значения. Одним из важнейших среди них являлся дорожный маршрут

Бухара-Хорезм, возникший еще в глубокой древности. И город Фарахша располагался как раз на линии данного маршрута, ибо тот тянулся вдоль берега одноименного канала, который в сущности являлся естественным руслом. Напоминаем о дороге в Хорезм являются руины караван-сарая Ак-рабат (X-XII вв.), расположенного в степной зоне к западу от городища на расстоянии около 30 км, т.е. одного древнего перехода. Эту зону местные жители посей день именуют «Дашти-Гурганджи» («Гурганская степь») по названию средневековой столицы Хорезма (11). Расположенные выше по течению древние города Рамуш и Рамтин на первых порах, видимо, тоже входили в этот маршрут. Трудно представить, что Рамтин смог бы достичь такого места в иерархии бухарских городов и селений, будучи расположенным в стороне от международных торговых путей. В прошлом по маршруту Бухара - Фарахша пролегла не только прямая дорога, но и несколько обходной путь, тянувшийся вдоль берега Хифара и его протока Рамисана. В частности, арабский путешественник ибн-Баттута (XIV в.) прямо сообщает, что путь из Бухары в Хорезм пролегал через Вабкану (Вабкент), т.е. неизбежно и через Рамтин (см. Бартольд В.В. - 1963, с. 175).

Если представить, как могло бы выглядеть на иранский манер такое гипотетическое название трассы Бухара-Хорезм, как «Ответвление Главной дороги», то получится следующая композиция - «Фар а-Рахи-Ша/-х/. (От персидского «Фар а»- «боковая линия», «ответвление»). Таким образом, дорога с указанным названием, впоследствии несколько искаженным до состояния «Фарахша», вполне могла бы «передать» свое название прилежавшему к трассе каналу (руслу), а последний в свою очередь - городу.

Кстати, придерживаясь «дорожной» гипотезы, можно без особого труда разобраться с этимологией топонимов (и их вариантов) «Рамуш», скорее всего, является производным от согдийского «Рахмич» - «Дорожное укрепление», а «Рамтин» - от «Рахмисан» - «Дорожная обитель» (12). («Выпадение» при произношении придыхательного звука «ха») в начале, середине или конце слов и словосочетаний) - явление очень частое и вообще характерное для множества языков.

В заключение автор должен отметить, что у него нет однозначного мнения относительно морфологии названий «Варахша» и «Фарахша». С одной стороны, они вполне могут быть просто текстологическими вариантами одного и того же исходного названия. И с точки зрения законов лингвистики переход «в» в «ф» возможен - опосредованно через «б» (вариант «Варахша» у ал-

Мукаддаси) или напрямую. Но с другой стороны совсем не исключено, что реально существовавшие гидроузлы и отрезок караванной трассы Бухара-Хорезм носили вышеуказанные исходные названия, полностью соответствовавшие сущности предметов. И несмотря на очевидное созвучие, топонимы были совершенно разными по этимологии; общим был только компонент «Ша/-х/». В конечном итоге они оба могли «слиться» сначала в наименовании канала, а затем и населенного пункта. Подобные результаты взаимных «наслоений» и «синтеза» нередко имели место как в топонимике разных регионов, так и в лексике многих языков. По этим причинам обе гипотезы представляются автору одинаково вероятными и равноценными. Кроме того, эти версии не только исключают друг друга, но даже в определенной степени дополняют.

В любом случае данный вопрос не следует считать закрытым, а поэтому новые предложения и толкования, видимо, не заставляют себя долго ждать.

1. По справедливости, ан-Наршахи - только один из авторов. Известно, что не сохранившийся арабский вариант «История Бухары» был им написан в 943-944 годах, но при этом «львиную» долю сведений историк «позаимствовал» у Абул-Хасана Абдуррахмана ибн Мухаммада ан-Нишапури (из иранского города Нишапура, на арабский манер -Найсабура), автора другой несохранившейся книги «Хазаин - ул - Улум» («Сокровищница знаний»). Это были, прежде всего, данные по до мусульманской истории Бухары. В свою очередь в 1128 г. Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад Наср ал-Кубави, происходивший из города Кубы (Кувы) в Фергане не только перевел книгу с арабского на персидский, но при этом добавил в нее еще кое-какие сведения. И в последующие времена редакторы персидского варианта вносили добавления, благодаря чему в книге есть сведения, датирующиеся даже 1220 г.

2. Некоторые исследователи и редакторы «Истории Бухары», в частности А.Расулев дают чтение «Хунукхудат» (ан-Наршахий, 1991, 99, 121, 168 с), что в переводе с персидского означает «Безобразный господин» (Иранское «худа» - «господин», «начальник», «хозяин»). Маловероятно, что удельный правитель мог иметь такое подчеркнуто-уничижительное имя или прозвище, даже если б это был мифический персонаж отрицательного плана. Между тем Х-н-кхудат - вполне реальный персоналий. Он упоминается не только в IV, но и в XIX главе «Истории Бухары» в числе удельных правителей Согда, объединенное войско которых окружило армию Кутайбы

ибн Муслима на пространстве между селениями Хунбун, Тараб и Рамтин (ан-Наршахий - 1991, 121 с.). Не исключено, что с точки зрения средневековых персидских редакторов, далёких от научного подхода, написанное в арабском оригинале слово «Х-н-к» должно было читаться по персидски «Хунук» при начертании. Однако в своей исходной форме этот термин, несомненно, выражает совершенно иной смысл. Какой именно - тема отдельного исследования. К тому же «Х-н-кхудат» - явно не имя или прозвище, а титул того же свойства, что и «Бухардуаат» («Господин Бухары») или «Варданхудат» («Господин Варданы»). Стало быть, «Х-н-к» - это название ранне-средневекового удела, которому принадлежала Варахша.

3. Об этом древнем городе тоже упоминается в «Истории Бухары», где он называется селением. Рамуш располагался напротив Рамтина и был якобы основан легендарным иранским шахом Кай-Хосровом, сыном мифического Сиявуша и внуком (по своей матери Фарангиз) правителя Турана Афрасиаба. По преданию Кай Хосров также построил в рамуше древнейший в пределах области Бухары храм огня (ан-Наршахий, 1991, 99 с.).

4. Ас-Самани и Йакут ал Хамави тоже упоминают этот древний пункт, причем последний даёт чтение «Рамиш» (Камалиддинов, 1993, с. 68-69).

5. Известно, что в мировом масштабе названия очень многих древних и современных городов, селений, районов, областей и даже стран, регионов в сущности изначально являлись гидронимами. В этом нет ничего удивительного, поскольку вода в любой её ипостаси (река, канал, ручей, колодец, водохранилище, море, озеро и т.д.) - источник жизни. Поэтому первичность гидронима по сравнению с топонимом - вполне логична и объяснима. В некоторых случаях топоним все же предшествует гидрониму, т.е. водная артерия получает название расположенного поблизости города или селения, особенно если данный пункт весьма знаменит. Но даже в таких случаях можно быть уверенным, что подобные названия рек и каналов отнюдь не самые древние и далеко незначительные. Тем более это касается области Бухары, чья древняя культура немыслима без орошаемого земледелия, где почти все магистральные каналы являются естественными протоками Зарафшана. И эти «первичные» факторы соответствующим образом отразили на ранней топонимике региона, в меньшей степени - на топонимике поздней.

6. Название «Раджфандун-Дахфандун», несомненно, является гидронимом, поскольку в нем присутствует композит «дун». В исторической и современной топонимике области Бухары очень распространены названия, имеющие компоненты с корневой основой «д-н» и «д-н-н» с окончаниями «дун», «дан», «дана», «дуван-туван»: Анбардуван, Аудана, Бадан, Ванандун, Вардана, Гадан, Гиждуван, Забагдуван, Зибадуван, Зиндана, Маждун, Кахуштуван, Шарафдан и др. //Камалиддинов, 1993, с. 65-70, 73-74).

По - видимому, это не что иное, как наслоение древнего североиранского языкового пласта. Скорее всего, топонимы - гидронимы с такими окончаниями стали возникать после того. Как в середине II в. до н.э. область Бухары, наряду с соседними регионами, была завоёвана северными кочевниками. Обычно в исторической литературе они именуются «сако-юежчи». Исследования археологов показывают, что по крайней мере часть этих кочевников относится к сарматскому кругу племен (Обельченко, 1992, с. 219-224). В средние века прямыми потомками сарматов являлись кочевники-аланы, а в настоящее время - осетины. Эти народы говорили и говорят до сих пор на языках, относящихся к североиранской группе. К тому же самоназванием осетинов является «ирон».

На санскрите (древнеиндийском языке), достаточно близком древним иранским языкам, слово «дану» имеет значение «вода», «река», а в осетинском языке термин «дон» означает то же самое. В своё время сарматами и их потомками аланами были оккупированы значительные территории Восточной и Центральной Европы. Прямым наследием их расселения являются также названия рек, как Дон, Северский Донец, Днепр, Днестр, Дунай, Дунаец, Десна, Двина, Западная Двина, Северная Двина и т.д.

1. Каналу Рамисана дал название (сравнительно позднее) уже упомянутый древний город, расположенный на его берегу. Варианты его названия: Рамтин-ан-Наршахи, Рамисана -ал-Истахри, Арямисан-ал-Мукаддаси, Рамисан или Армисана - ас - Самани, Замисан - Йакут ал-Хамави (Камалиддинов, 1993, с. 68), Рамитан - ат-Табари (История ат-Табари, с. 44, 119, 120). Судя по «Истории Бухары», в Раннем Средневековье на некоторое время Рамтин стал даже столицей всего региона и местом обитания царей, но впоследствии опустился до статуса рядового селения (ан-Наршахий, 1991, с.98). Этому пункту соответствовало крупное городище под названием Чоршанбеи -Рамитан. До недавнего времени (в нач. 90-х годов) городище располагалось на

западных окраинах райцентра Рамитан в 25 км к северо-западу от Бухары, но затем было полностью разрушено местами жителями. По археологическим данным, цитадель города возникла в середине IV-V вв. н.э., а собственно городская территория - чуть позже (Сулейманов, 1984, с. 128).

2. Аналогичной версии о «Главной плотине» придерживается и А.Р. Мухамеджанов. Следует подчеркнуть, что приоритет в выдвигании данной гипотезы принадлежит указанному исследователю. Автор публикации постарался её развить и обосновать, используя данные по исторической топографии окрестностей городища и региона в целом.

3. «Варка» (варианты - «Варкан» и «Вирка») упоминается в трудах ал-Истахри, ал-Мукаддаси, ас-Самани и Йакута-ал-Хамави (Бартольд, 1963, с. 163, 166; Камалиддинов 1993, с. 73). Город (селение) располагался в 2-х фарсах от Бухары по дороге в Насаф в нижнем течении канала Байканруд (Пайканруд) (соответствует нынешнему каналу Абумуслим) и в окрестностях горы Варка, откуда брали камень для вымостки бухарских улиц. По - видимому, город был центром одноименного рустака. В частности, ал-Истахри в числе 15 (внутренних) саманидских рустаков области Бухары упоминает район под названием «Бурк» или «Бурук». Бартольд В.В. с. 163. Которое, скорее всего, является результатом текстологического искажения данного топонима. Географ XVII в. Махмуд ибн - Вали сообщает, что в его время область Бухары делилась на 6 рустаков, один из которых, располагавшийся в пойме канала Абумуслим, назывался «Бургази» (Махмуд иб-Вали, 1977, с. 23). Древнему городу (селению) Варка соответствует городище Ходжа-Багри, расположенное на окраине одноименного селения в Каганском тумане.

4. «Варагсар» упоминается в трудах ал-Истахри, ас-Самани, Аакута ал-Хамави и ан-Насафи (Бартольд, 1963, с. 133; Камалиддинов, 1993, с. 95). Город (селение) располагался в 4-х фарсах от Самарканда. У реки Согда (Зарафшана), там где в результате строительства плотины возник главный водораздел Согда. Локализуется возле устья канала Даргом на месте городища вблизи селения Рабати - Ходжа.

5. Данный Бухарско-Самаркандский торговый тракт, возможно, возник еще в первые вв. н.э., однако его окончательное формирование произошло именно в эфталитский период. Этому способствовал целый комплекс причин. Известно, что до эфталитов основная часть трасс Великого Шелкового Пути (сокр. ВШП), имевшего

стратегическое значение, контролировалось Сасанидским Ираном. Эфталиты, соперничавшие с персами на равных, стремились проложить новые трассы на подвластных им территориях и притом нередко в обход или взамен прежних маршрутов. Так и был окончательно проложен указанный новый маршрут из Мерва в Самарканд, включая Замм (Керки) и Амуль (Чарджоу), взамен старого через Балх (Бактры) - Термез - Кеш. Новый отрезок ВШП обладал целым рядом преимуществ по сравнению с более ранней трассой.

Во - первых, он целиком пролегал по равнине и притом вдоль речных берегов (левобережьям Амударьи и Зарафшана), что во всех отношениях было удобно. Движение осуществлялось круглый год и весьма интенсивно благодаря насыщенной системе транзитных и перевалочных пунктов, а также постоянных дворов, расположенных по берегам рек вдоль линии трассы и её региональных ответвлений.

Во-вторых, прежний маршрут Мерв - Самарканд в значительной мере пролегал через горную местность и поэтому имел менее развитую инфраструктуру. В зимнее же время, когда перевалы заносило снегом, его функционирование было сопряжено с большими трудностями.

В - третьих, новый маршрут в отличие от прежнего был расположен гораздо ближе к степной полосе, а кочевая степь за все время существования ВШП являлась не только крупнейшим потребителем, но и поставщиком товаров.

В конечном итоге смещение трассы ВШП на территорию долины Зарафшана во многом предопределило бурный подъем экономики и культуры Согда по сравнению с другими регионами Средней Азии. Особенно это проявилось во времена Тюркского каганата, когда приоритетную роль в международной торговле на трассах ВШП стали именно согдийские купцы, когда возникли многочисленные согдийские колонии далеко за пределами Согда.

1. Гурганджу соответствуют развалины древнего города Куны-Ургенч («Кухна Ургенч» - «Старый Ургенч») в окрестностях одноименного райцентра Ташаузской области Туркменистана.

2. Обращает на себя внимание целый ряд обстоятельств, связанных с этими двумя древними городами. Примерно в то же самое время, когда прекращается обживание на одном из объектов, но возникает на другом. Эти пункты расположены на незначительном удалении друг от друга и, возможно, неслучайно упоминаются в «Истории Бухары» в связке. Кроме того, их названия, по мнению автора, этимологически довольно близки. Стало быть, имеются основания

рассматривать Рамтин, как «Новый Рамуш», т.е. род.
как «перемещенный» на новое место старый го-

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адылов Ш.Т. К исторической топографии Варахши //Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
2. Бартольд В.В. Соч. Т.,1. М., 1963.
3. Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
4. Махмуд ибн-Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. (Пер. Б.Ахмедова). Ташкент, 1977.
5. Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978.
6. Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Вульферт Э.Ф. Результаты исследования археологических памятников Варахшинского массива //Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
7. Обельченко О.В. Культура античного Согда // По археологическим данным VII в. до н.э. - VII в. н.э. М., 1992.
8. Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства старой Бухары. Ташкент, 1982.
9. Сулейманов Р.Х. Результаты предварительного изучения городища Рамитан //ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
10. Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш //ИМКУ. Вып. 13. Ташкент 1977.
11. Шишкина Г.В. Варахша и ее округа. Новые исследования. //Археология Средней Азии. Тезисы докладов конференции. Ташкент, 1990.
12. Шишкина Г.В., Алпаткина Т.Г. Варахшинский дворец Бухархудатов /Бухара и мировая культура. Вып 1. Тезисы докладов конференции. Бухара, 1994.
13. Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий. «Бухоро тарихи» (А.Расулев таржимаси). «Мерос» Тошкент, 1991.

М.А. Реутова, М.Р. Тихонин

РЕЗНАЯ ГЛИНА ШАХДЖУВАРА

Средневековое городище Шахджувар занимает удобное положение в средней части горной долины Пскема, в Бостанлыкском районе, Ташкентской области. В настоящее время это один из наиболее хорошо изученных памятников в долине, которая в письменных средневековых источниках называлась культурной областью «Бискама» входившей в государственное образование Чач-Илак (8, с.19).

Со второй половины XIX века местность становится объектом пристального изучения русскими учеными, в частности. Оставившими и некоторые заметки о Шахджуваре, как о месте древней медной руды (11, с. 537-542).

В 1964 году, цитадель и часть территории памятника, интерпретированного как поселение, были осмотрены участниками Чарвакского отряда института истории и археологии АН УзССР под руководством Ю.Ф.Бурякова (4 с. 13-14). Последующие исследования, проводимые Шахджуварским отрядом, Института археологии АН РУз, показали наличие здесь развитой городской культуры (5, с. 12-13; 15, с. 198-200).

Городище состоит из холма цитадели, высотой 12 м, расположенного на обрыве правого берега Пскема и территории с остатками исторической застройки, в большей мере сконцентрированных на площади между Пскем-саем и Бадах-саем. (Рис. 1) (18, с. 60-62).

На территории городища, на третьей надпойменной террасе примерно в 250 метрах к юго-востоку от городской крепости расположен холм четырехугольной формы, скрывающий остатки крупного здания с внутренним двором и воротным сооружением в юго-восточной части - раскоп № 16 (рис. № 2) (15, с. 200).

В настоящее время вскрыты часть внутреннего двора с водопоглотительным колодцем, айван-эстрада и шесть помещений.

Внешние стены изготовлены из пахсы и имели толщину до 1,4 м. Внутренние сложены из сырцового кирпича 32x16x7 см. Сохранность стен до 1,5 м, по высоте, которая реконструируется до 3 м.

В открытых помещениях собран оригинальный набор кухонной, хозяйственной и бытовой посуды, некоторые образцы которой оформлены элементами обрядовой атрибутики. Так, например сосуд для хранения воды, обнаруженный справа от кухонного очага в помещении № VII (рис. 3:3) имеет на внутренней стороне днища лепной барельеф плывущей лягушки, а на внутренней же стороне днища тарного сосуда для хранения зерна, обнаруженного в помещении № VIII (хранилище), обнаружено резное, барельефное изображение с не установленным персонажем (рис. 2; 11). По всей видимости, в обрядовой практике шахджуварцев существовали персонажи, игравшие роль оберегов для разнообразных продуктов. Все закрытые формы сосудов носят следы явной стандартизации форм. Вся посуда краснолощенная, за исключением сосуда для хранения воды, имевшего пористую поверхность, для лучшего охлаждения. На раскопе впервые встречена гончарная посуда, украшенная вставками из глазури бирюзового цвета (рис. 3; 5) а также оригинальный сосуд с двойными стенками, которые снабжены петлями из свинцовой проволоки, видимо служившими для подвешивания сосуда, хотя это предположение весьма проблематично, так как судя по сохранившемуся фрагменту таких петель было девять и все они расположены примерно по одному уровню - от 1.5 до 2.5 см. ниже края венчика этого сосуда. Поливная посуда, обнаруженная в помещениях раскопа № 16 датирует весь собранный комплекс находок XII - началом XIII в. н.э. (рис. 4).

Данный раскоп привлек наше внимание тем, что наряду с оригинальным офор-

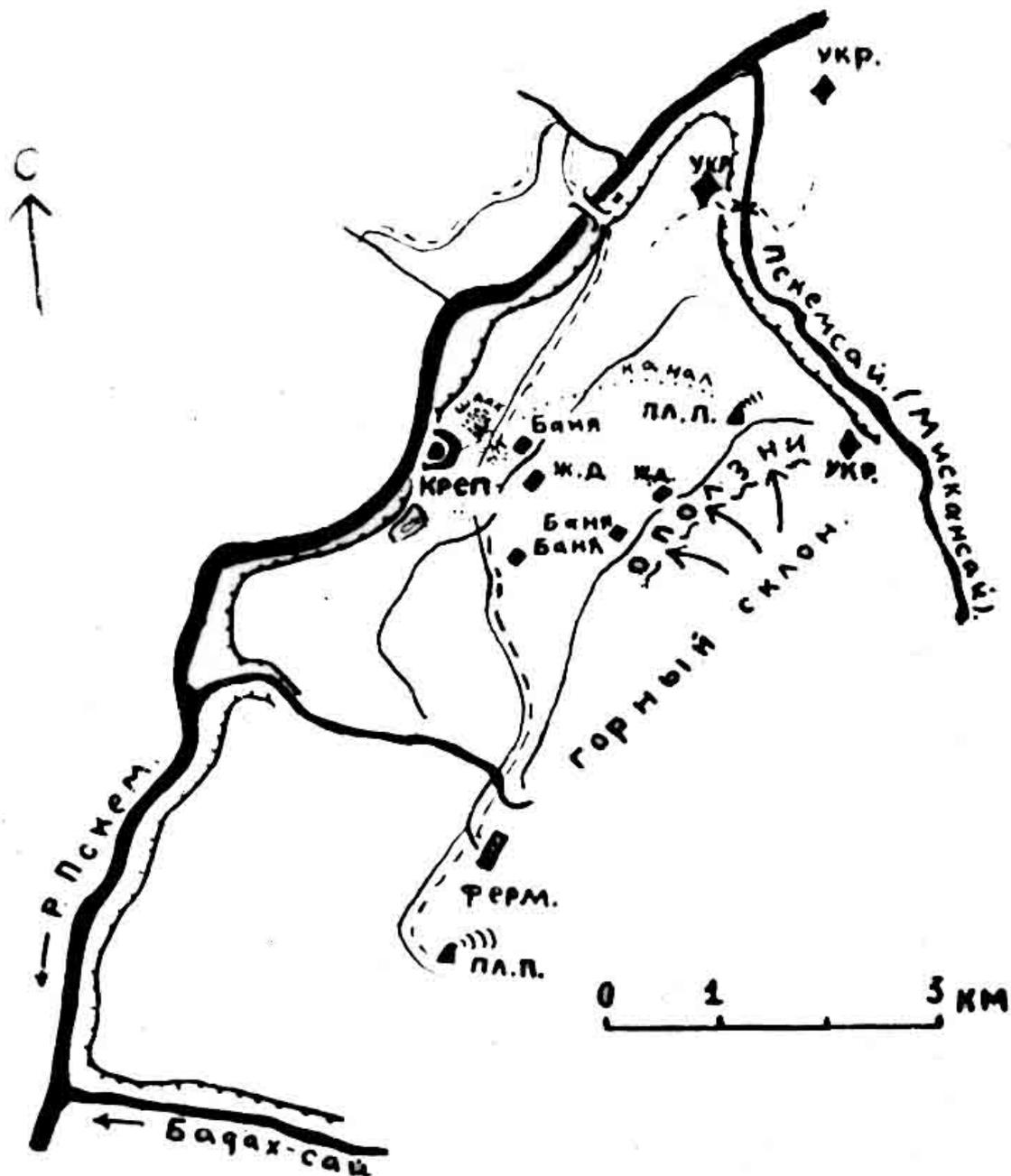

Рис. 1. План городища Шахджувар

млением хозяйственно-бытовой керамики, здесь с самого начального этапа исследований, то есть еще при закладке в 1983 году стратиграфического разреза, в массовом количестве стали выявляться фрагменты резных глиняных плит, служивших для оформления интерьеров помещений. Располагаясь в слое завала над расчищаемыми полами, они, в основном, были сконцентрированы в помещении № 2 и вдоль северо-западной кромки раскапываемого внутреннего

двора со сливным колодцем. (Рис. 5, 1-39). При последующих работах на раскопе, коллекция резной глины значительно увеличилась. (Рис. 5, 40-48).

Характер разрушения здания, сопровождавшийся сильным пожаром, происходившим в результате военных действий, сказался на сохранности декоративного оформления стен помещений. Все фрагменты, обнаруженные в завале, в основном небольших размеров - 15x20 см и меньше,

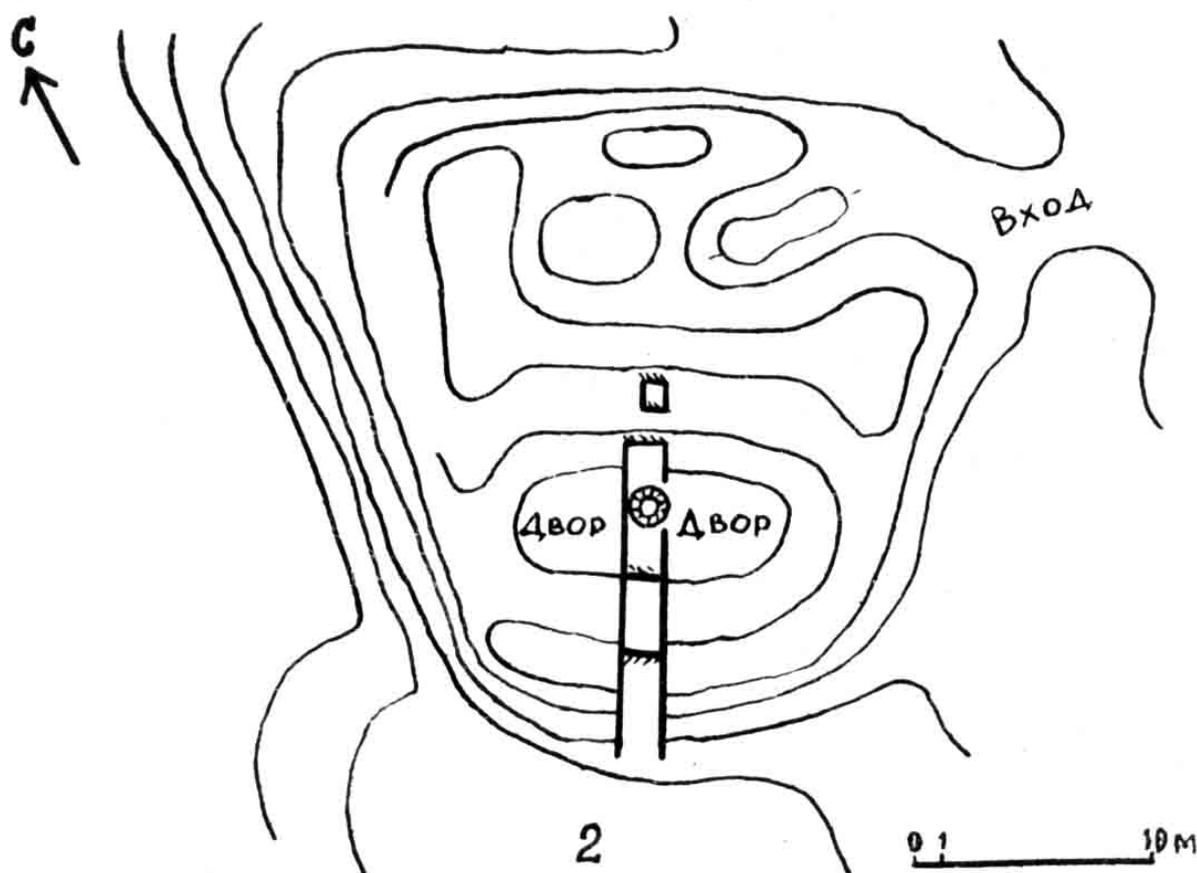

Рис. 2. План раскопанных помещений Р-16 городища Шахджувар

кроме трех сравнительно больших кусков, два из которых лежали лицевой стороной вверх, а один, самый крупный (45x90 см) резной поверхностью вниз.

Рельеф резьбы на всех фрагментах сохранился очень четко, в основном без размывов и крошения, поскольку для резьбы использовалась отмученная, мелкодисперсная глина и хорошо обработанная масса. Глиняное тесто очень плотное, в нем отсутствуют крупные поры и какие-либо посторонние включения. Кроме того, часть обнаруженных фрагментов была обожжена в результате пожара, происшедшего во время разрушения здания. Это придавало фрагментам значительную прочность и гидрофобность. Если фрагменты из необожженной глины при погружении в воду размывались через 10 минут, то прокаленные от пожара не разрушались и в течении недель.

Как показали результаты химического анализа (табл.1) для штукатурки, которой обмазывались стены помещений и для

глиняной массы, по которой непосредственно велась резьба, использовалось одно и тоже сырье. Незначительно различается и такой параметр как П.П.П., который характеризует степень присутствия органических компонентов в массе в сочетании с её естественной влажностью, которая в лабораторных условиях невелика и составляет примерно 1%. Таким образом и в штукатурке и в глиняном тесте присутствует примерно одно и тоже количество органических добавок. В штукатурку для армирования добавлялся крупно рубленый саман, следы которого хорошо прослеживаются. В глиняную массу, по которой выполнялась резьба, добавлялась шерсть или пух, как мелкодисперсный органический компонент, который невооруженным глазом практически не обнаруживается, ввиду плотности глиняной массы. Благодаря этим добавкам, глина хорошо армировалась и поэтому не дает усадки при сушке, что положительно сказалось на прекрасном состоянии резного архитектурного декора.

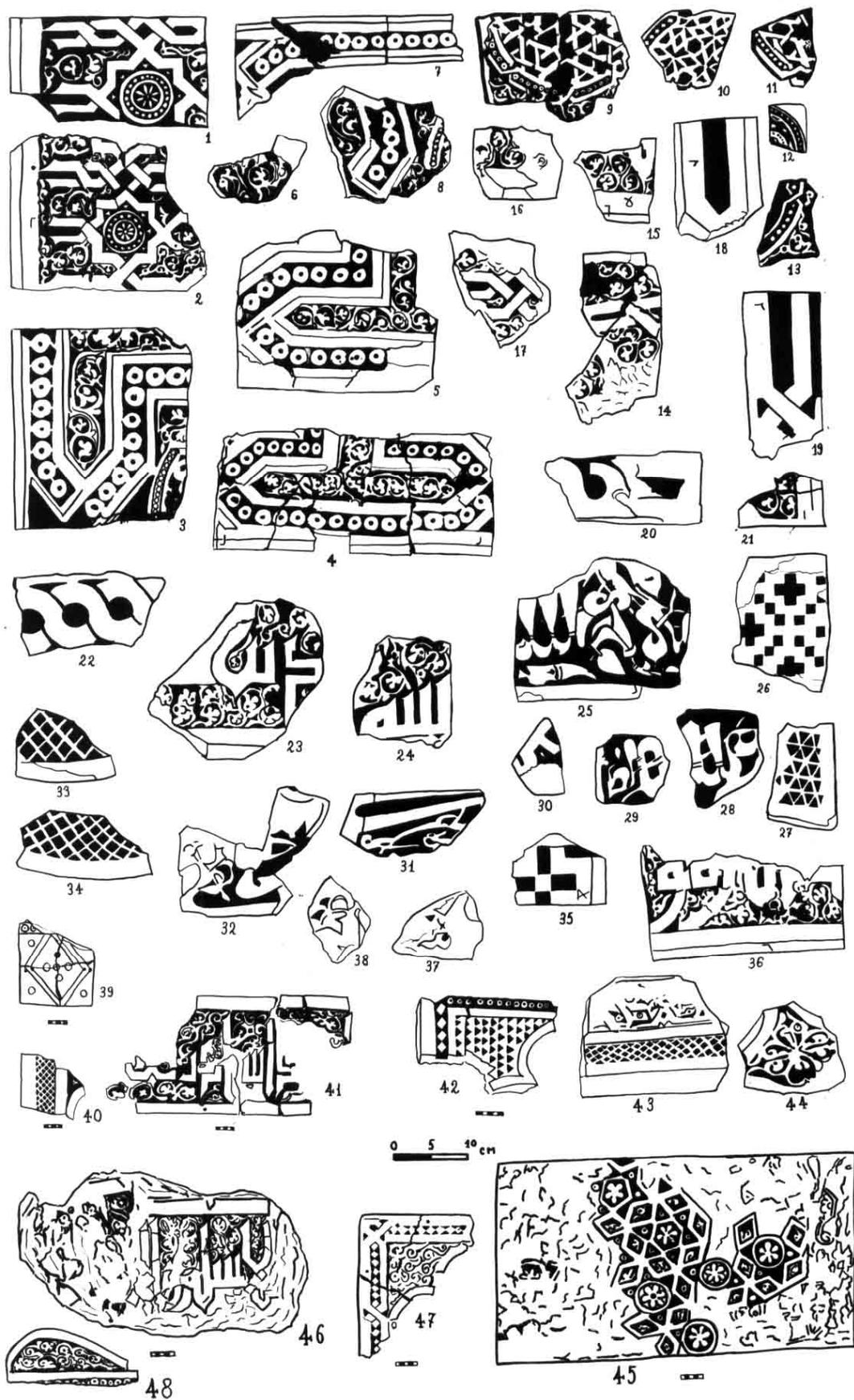

Рис. 3. Шахджувар. Раскоп № 16. Неполивная керамика

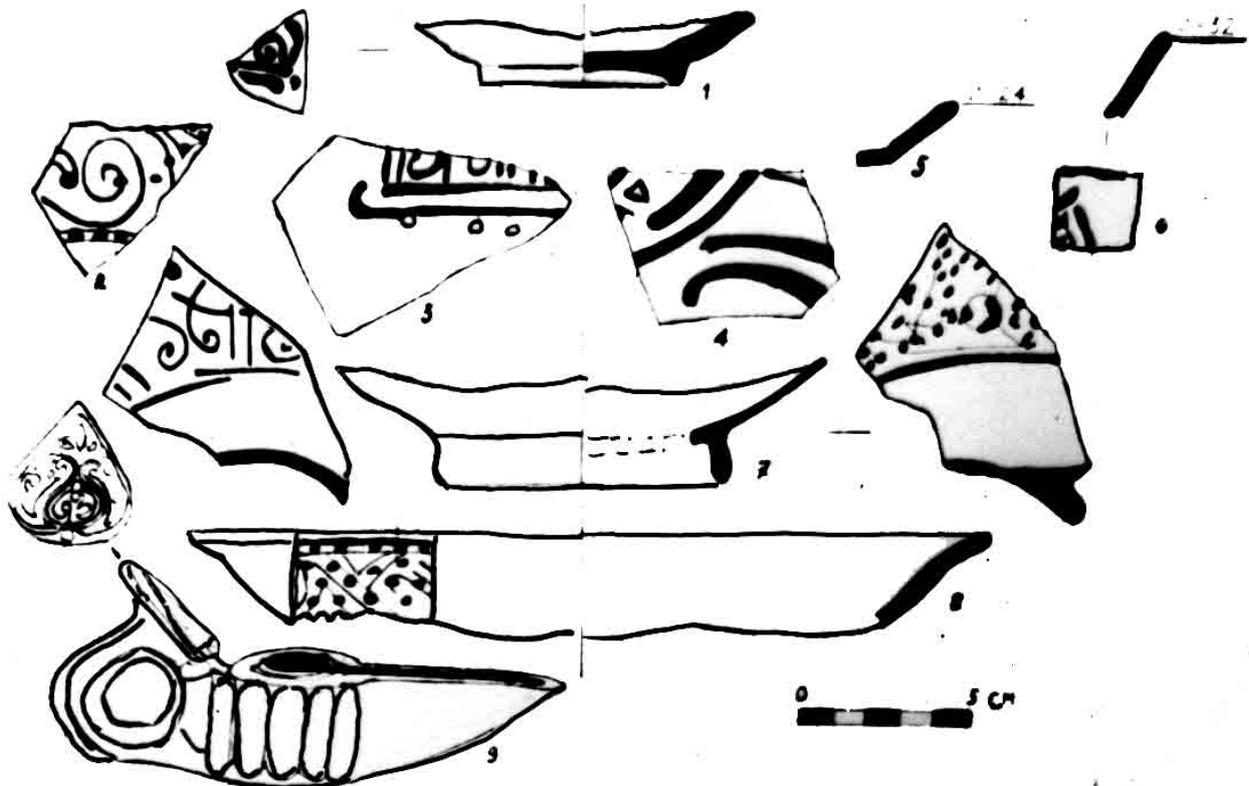

Рис. 4. Шахджувар. Раскоп № 16. Поливная керамика

Таблица 1

Химический анализ фрагментов резной глины из Шахджувара

№	Название	Si O ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	п.п.п	Mn O	TiO ₂	SO ₃	
1.	Глина обожженная	53,11	12,35	4,39	10,62	2,42	2,92	2,34	11,76	0,05	сле- ды	-	99,96
2.	Штука- турка под обожен- ной глиной	47,02	13,64	4,89	14,64	2,46	2,04	1,96	13,00	0,04	0,01	-	99,70
3.	Глина необож- женная	53,43	10,69	4,25	8,95	2,64	2,76	2,26	13,96	0,02	сле- ды	-	99,57
4.	Штука- турка под необож- женной глиной	51,32	13,81	3,22	11,12	2,96	2,32	1,98	12,89	0,05	сле- ды	-	99,67

Обнаруженные во время раскопок фрагменты, лежащие в завалах в различных положениях, нуждались в закреплении. В реставрационной практике при консервации древних лессовых материалов имеется много

отработанных в полевых и лабораторных условиях методик. В основе их лежит использование для закреплении полимерных материалов - полибутилметакрилата (9, с. 159-197), фторлонов (14, с. 52-54), сополимера

бутилметакрилата с метакриловой кислотой (13, с. 20) и т.д. Однако, учитывая относительно хорошую степень сохранности фрагментов резной глины, возможность сохранить естественную фактуру и цвет

образцов, для консервации был применен метод, разработанный в лаборатории института археологии АН РУз. Ранее он успешно применялся для закрепления средневекового алтаря из городища

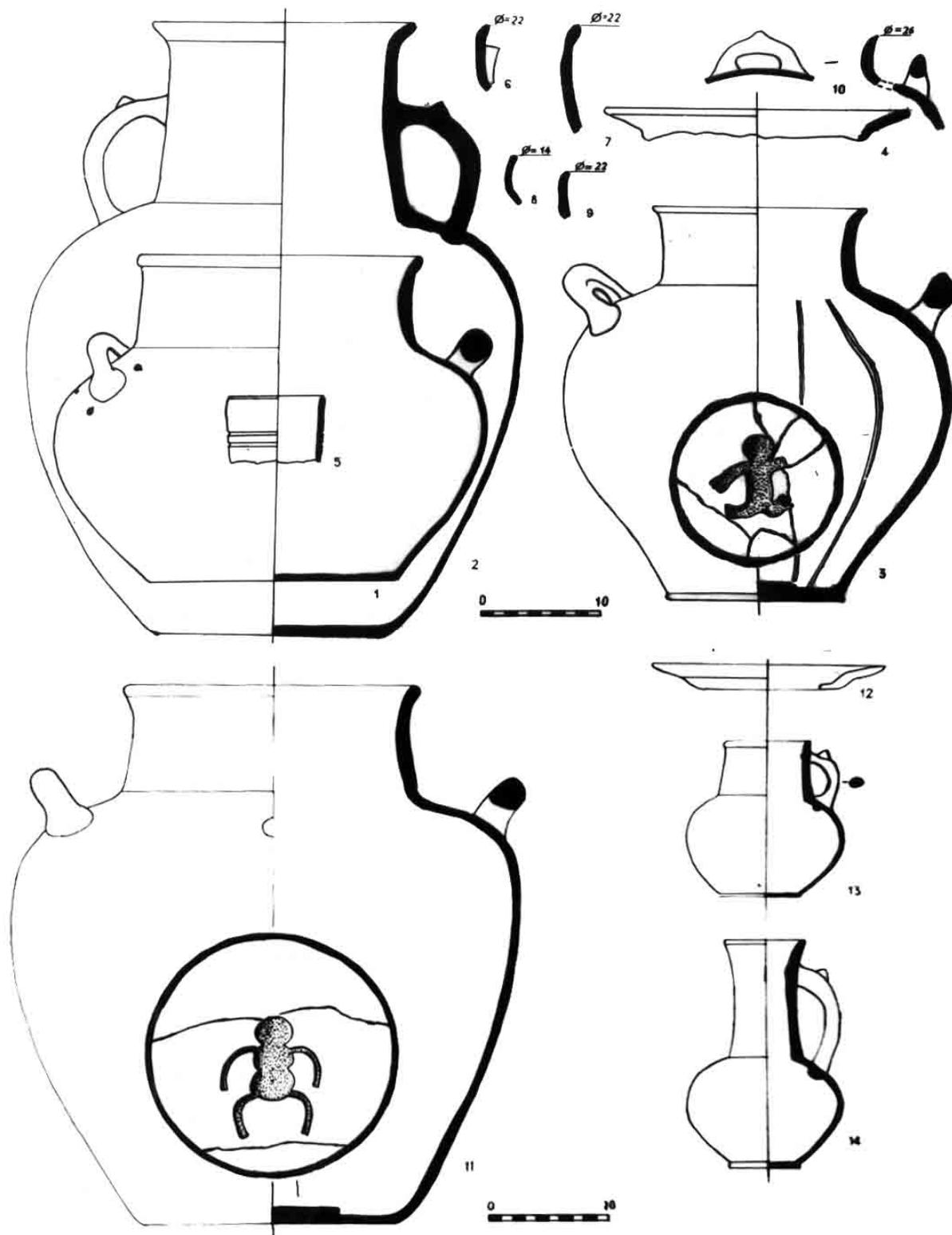

Рис. 5. Шахджувар. Раскоп № 16. Архитектурная терракота (№ 1-39) и резная глина (№ 40-48)

Афрасиаб в Самарканде. (2, с. 60-63). Перед закреплением фрагментов резной глины, её поверхность тщательно очищалась от лессовых наслоений. Затем поверхность фрагментов два раза пропитывалась 5%-ным раствором этиленгликоля. После просушки, через 30-40 минут, проводилась обработка ксилольным раствором диизоционата в присутствии катализатора-триэтиламина.

В процессе полимеризации диизоционата в порах глиняной массы прочность образцов возросла в три раза. Цвет фрагментов остался без изменения.

После просушки, небольшие закрепленные фрагменты извлекались из залов без каких-либо подстраховочных операций. Крупные же по размеру фрагменты, имеющие чаще всего неправильную форму, разрезались на куски, загипсовывались и только после этого снимались.

Находка резной необожженной глины для ташкентского региона - редкое явление, хотя её употребление в качестве строительного дизайна при украшении культовых и гражданских зданий было явлением распространенным (7, 10).

Орнамент на фрагментах представлен следующими его видами:

1. Растительный, стилизованный в виде трилистников с завитками, многолепестковые розетки, которые являлись центрами орнаментальных композиций (рис. 5; 41, 46, 48).

2. Геометрический, сложной композиции из разнообразных фигур-шестиугольников, ромбов, треугольников, переплетенных между собой, где основным компонентом стали шестилучевые звезды с розетками в центре. (рис. 5; 45). Сегменты круга, пространство между которыми заполнено растительным орнаментом, либо мелкими равносторонними треугольниками (рис. 5; 48).

3. Эпиграфический орнамент представлен надписями религиозного содержания, выполненным почерком «цветущий куфи» на растительном фоне. Общая ширина надписей 21,5 см. Среди фрагментов удалось прочесть часть надписи. - «аль-ислам[†]».

Резные панели обрамлялись бордюрами-бантиками, заполненные перлами (рис. 5; 42) и дополнялись терракотовыми квадратами вставками (рис. 5; 39).

Наиболее близкие аналогии по построению декоративной композиции, резная глина с раскопа 16 имеет с резным архитектурным

терракотовым декором того же городища Шахджувар. (рис. 5; 1-35), (18), (15). Геометрический орнамент резной глины перекликается с орнаментом сферической, медной чаши с раскопа 14 Шахджувара. (15, с. 203-204; с. 119, рис. 1.13), (17, с. 36-40). Большое сходство шахджуварская глина имеет с резной глиной из дворцового комплекса Шахристана - 1 в Киргизии, которая датируется периодом X-XI вв. (3. С. 58-62), похожие мотивы встречаются на резной глине Краснореченского городища и на памятниках Согда. (10. С. 203-211). Поэтому не случайно, что многие мотивы орнамента из Шахджувара перекликаются и с резным шtukом Афрасиаба (1, с. 97-110). Кроме Шахджувара, резная глина в Ташкентском регионе в виде единичной находки встречена в 1985 году в материалах городища Шаштепе и датируется караханидским временем (7).

Шахджувар - пока единственное место в Ташкентской области, где резной глиняный архитектурный декор встречен в массовом количестве. Результаты химического анализа резной глины и состава штукатурки, использовавшегося в качестве связывающего раствора, свидетельствуют о наличии в них одних и тех же химических элементов, причем количественное отношение их не имеет больших различий. Все это говорит о том, что глина для приготовления штукатурки и глиняной массы, по которой затем производилась резьба, по своему качеству совпадают и брались из близ расположенных мест. Благодаря полученным данным мы можем уверенно говорить о том, что на Шахджуваре, во время строительства зданий, аналогичному тому, что было обследовано на раскопе № 16, использовались мастера - резчики, делавшие продукцию из местных материалов. На данном этапе исследований мы пока не можем с достаточной достоверностью сказать о том, к какой школе они принадлежали. Ответить на это можно будет после специальных исследований искусствоведческого плана.

Материалы с городища говорят о том, что прикладное искусство на монгольском Шахджуваре развивалось в рамках прикладного искусства средневекового Востока. Находки резной необожженной глины и терракотового архитектурного декора, свидетельствуют в пользу того, что на Шахджуваре это было явление достаточно распространенное.

Прекрасное качество строительных материалов с городища может быть показателем развитости городской культуры в этом

отдельном высокогорном районе Северного Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахроров И.А., Ремпель Л.И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент. 1971.
2. Ахунбабаев Х.Г., Реутова М.А. Консервационные работы на городище Афрасиаб. ОНУ, 1987, № 2.
3. Байпаков К.М., Горячева В.Д. Раскопки на Краснореченском городище. Сб. Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1982.
4. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент. 1973.
5. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры ташкентского оазиса. Ташкент. 1982.
6. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
7. Грицина А.А. Материалы караханидского времени с городища Шаштепа в Ташкенте. Тезисы докладов научной конференции. Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии (26-29 мая 1985 г. Дальверзин-тепе). Ташкент, 1985.
8. Истахри. Книга Масалик ал-малик. (Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
9. Костров П.И. Техника живописи и консервации росписей древнего Пенджикента // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
10. Лунина С.Б. Резная глина Средней Азии // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
11. Мушкетов И.В. Туркестан. Т. 1. СПб., 1915.
12. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.
13. Реутова М.А. Живопись Зар-тепа // ИМКУ, Ташкент, 1986. Вып. 20.
14. Соколовский В.М., Виноградова В.П. Применение фторолон Ф-42 Л при реставрации росписей из Шахристана // Художественное наследие. Хранение, исследования, реставрация. (ВЦНИЛКР - М., 1975. Вып 1). 31.
15. Тихонин М.Р. Некоторые моменты из истории материальной культуры средневекового Шахджуvara. ИМКУ, Вып. 24. Ташкент 1990.
16. Тихонин М.Р. Средневековые транспортные коммуникации Угам-Чаткальской горной системы // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового Пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд 1-6 октября 1989. Ташкент, 1990.
17. Тихонин М.Р. К традиционности взаимосвязей исторических областей Северного Узбекистана со скифо-сибирским миром. Тезисы к научной конференции «Скифо-сибирский мир». III конференция 19 октября 1989 г. Кемерово.
18. Тихонин М.Р., Фонарев С.В. Археологические находки из горного Пскема // ОНУ, 1986, № 10.

Примечания:

1. - потери при прокаливании. (Прим. авторов).
2. + Определение Б.Д.Кочнева.

М.А. Reutova, M.R. Tihonin

The article presents the history of studying of the ancient town Shakhjuvar. The concise description of more interesting samples of kitchen and house hold ceramics is given in the article. Special attention is paid to decoration of rooms. The fragments of carved and unfitted potters, their chemical structures and the process of field conservation are described in the article.

Б.Д. Кочнев

ОБ АТРИБУЦИИ РАБАТ-И МАЛИКА

Более четверти века тому назад Нина Борисовна Немцева приступила к археологическому изучению одного из самых известных памятников домонгольского зодчества Средней Азии - Рабат-и Малика («царского рабата»), расположенного неподалеку от средневекового Кермине (близ современного Навои). С редкими упорством и целеустремленностью, достойными всяческого восхищения, она продолжает эти работы и по сей день. Именно благодаря этим исследованиям складывается все более и более полное представление об этом уникальном сооружении. Своими соображениями на сей счет Н.Б.Немцева не раз делилась со слушателями и читателями (Немцева, 1980, с. 22-26; она же, 1983, с. 112-142; она же, 1998). Совсем недавно увидела свет очередная ее статья, явившаяся итогом, разумеется предварительным, многолетних работ и размышлений (Немцева, 2000, с. 7-13). Суть этой статье вполне отражает ее название - «Новое о бухарском памятнике XII века Рабат-и Малике: караван-сарай или резиденция?» Как считает исследовательница, в домонгольское время здание пережило два главных строительных периода (XI и XII в.), причем основные строительные работы приходится на второй период XII в.), когда сооружение приобрело свой окончательный облик. Сообщение Бадр ад-Дина Кашмири (конец XVI в.) о том, что Рабат-и Малик построен во времена Кызыл хакан Арслана, позволило ей уверенно заключить: строителем-заказчиком этого рабата был Караханид Арслан-хан Мухаммад б.Сулайман б.Дауд (1102-1130), который вошел в историю как «царь-строитель» (Немцева, 2000, с. 12).

К сожалению, приведенные в статье аргументы в пользу новой точки зрения не кажутся достаточными, чтобы разделить эту уверенность. Начать с того, что Мухаммад б.Сулайман носил титулы Арслан-хан, Тамгач-

хан (Бартольд, 1963, с. 381), Тафгач-хан/хакан (Кочнев, 1997, с. 258, № 986, 987, 988), титул же Кызыл хакан Арслан не засвидетельствован ни у него, ни у кого-либо из прочих Караханидов, в титулатуре которых, как царской, так и княжеской, компонент Кызыл вообще не встречается. Кызыл Арслан-хакану народная молва приписывает возведение ряда построек в Восточном Туркестане и Средней Азии, в том числе расположенного в чуйской долине минарета, известного как «башня Бурана» (Бартольд, 1966, с. 57; Массон, Горячева, 1984, с. 7). Подробности, сообщавшиеся в местной легенде о ее строителе, настолько напоминали обстоятельства царствования Караханида Арслан-хана Сулаймана (1032-1055), что в свое время побудили М.Е.Массона именно периодом его правления датировать этот минарет (Массон, Горячева, 1984, с. 34-35). Как показали археологические исследования, проведенные впоследствии ученицей М.Е.Массона, В.Д.Горячевой, на самом деле буранинский памятник относится не к XI, а к X в. (Горячева, 1983, с. 32-34, 66). Что же касается Кызыл Арслан-хакана, то это не более чем фольклорный персонаж в XIX в. очень популярный среди казахов и киргизов (Бартольд, 1966, с.57). Возникновение этого образа восходит, очевидно, к гораздо более раннему времени, скорее всего, к эпохе Караханидов. Во всяком случае, уже в «романе» об Абу Муслиме, сложившемся в домонгольский период, фигурирует падишах Мавераннахра из «дома Афрасиаба» (т.е. из Караханидов) Маликзад б. Мухаммад б. Хусайн б. Кызыл Арслан-хакан (Бартольд, 1966а, с. 191 и примечание 121) - фигура вполне мифическая, не имеющая никаких реальных соответствий среди подлинных Караханидов. В общем, складывается впечатление, что писавшему в конце XVI в. Бадр ад-Дину Кашмири и/или его информаторам (из числа

местных жителей ?) не было известно истинное имя строителя Рабат-и Малика, почему последний и был приписан легендарному персонажу, с которым народная молва готова была связать любые выдающиеся постройки достаточно отдаленного прошлого. Сходным образом более поздние сооружения неизвестного происхождения сплошь и рядом приписывались Тимуру или Абдуллахану.

Прочитывая Бадр ад-Дина Кашмири, Н.Б.Немцева отмечает, что «архитектурно-археологические данные не противоречат датировке памятника первой четвертью XII в. (Немцева, 2000, с. 12). Судя по такой формулировке, они не исключают и более раннюю дату. Во всяком случае, прежде речь шла также о конце XI в. (Немцева, 1983, с. 121) и даже предшествующем отрезке времени, когда, возможно, Караханид Шамс ал-Мулк (1068-1080) произвел реконструкцию здания (Немцева, 1983, 116). Как представляется, имеет смысл вновь вернуться к вопросу о вероятной связи этого государя с Рабат-и Маликом.

Еще В.В.Бартольд обратил внимание на сообщение Джамала ал-Карши (начало XIV в.)¹ о Шамс ал-Мулке как строителе Рабат-и Малика в Харджанге и связал это известие с кермининским Рабат-и Маликом, хотя в «Китаб-и Мулла-зада» (первая половина XV в.) говорится также о другом рабате того же правителя, стоявшем между Самаркандом и Худжандом, а в «Абдулла-нама» (XVI в.) упоминается Рабат-и Малик к северу от Джизака (Бартольд, 1963, с. 308, 358)². Полвека с лишним спустя вопрос о датировке кермининского Рабат-и Малика специально рассмотрел А.А.Семенов, который в рукописи сочинения XV или XVI в. обнаружил текст-вставку с гораздо более ранними сведениями. В частности, в одном из пассажей сообщается, что сочинение «Навадир ал-усул» закончено в последний день рамадана 472 г.х. (т.е. 25 марта 1080 г. н.э.) в столичном городе Самарканде, в местности Нурабад, которая «является землей, относящейся к квадратному рабату» в государстве Шамс ал-Мулка Насир ал-Хакк вад-Дина Абу-л-Хасана Насра б.Ибрахима. Согласно следующему фрагменту, «на верху

портальной арки с воротами рабата» Абу-л-Хасана Насра б. Ибрахима б. Насра написано: «утвердил этот рабат..., чтобы стала приспособленной (для путников) эта станция и ее путевые знаки», Шамс ал-Мулк Наср б.Ибрахим в 471 г.х. Поскольку текст этой надписи приведен по-арабски, тогда как надпись на портале кермининского Рабат-и Малика - персидская, А.А. Семенов заключил, что это совершенно разные здания, а 471 г.х. как дата постройки относится к рабату под Самаркандом, но не к кермининскому Рабат-и Малику, почему вопрос о том, кем и когда возведен последний, остается открытым. Решение этого вопроса А.А. Семенов предлагал связать с археологическим обследованием селения Ходжа - Исмаил, расположенного близ Самарканда и тождественного средневековому Хартангу, в рабате которого, по словам Самани, был погребен знаменитый ученый IX в. Мухаммад б.Исмаил ал-Бухари (Семенов, 1951, с. 21-27). С тех пор главный вывод А.А.Семенова - основные сведения рукописных источников о Рабат-и Малике связаны с рабатом в Хартанге, а не около Кермине - прочно вошел в науку и разделяется всеми исследователями, в том числе и Н.Б.Немцевой (Немцева, 1983, с. 115-116).

Как можно понять из некоторых фраз в конце статьи А.А.Семенова, он считал (в отличие от В.В.Бартольда) вполне вероятным тождество Хартанга и Харджанга. Это тем более странно, что четырьмя страницами выше он сам привел данные о Харджанге из сочинения Гардизи - единственного текста, хоть как-то ориентирующего относительно местоположения Харджанга. Это название фигурирует в «Зайн ал-ахбар» трижды (А.А.Семенов отметил только два случая). Первый эпизод имел место в начале царствования Саманида Насра б.Ахмада, когда навстречу друг другу выступили из столичной Бухары правительственные войска, из Самарканда - отряды мятежников; в рамадане 301/ апреле 914 г. те и другие встретились в битве у Харджанга. В 335/946 г. там же произошло сражение между силами Саманида Нуха б.Насра, двигавшимися из Бухары, и Абу Али Чагани, который из Балха пошел на Бухару. Наконец, в 382/992 г. Караханид Буграхан Харун б.Муса при наступлении из Испиджаба на Бухару у Харджанга одержал верх над саманидским полководцем Фаиком (Гардизи, 1991, с. 66, 72, 84; Бартольд, 1963, с. 320). Последний эпизод мало что дает в

¹ Даже в серьезной научной литературе этого автора неверно именуют Джамал ад-Дином, но на самом деле известно только его прозвище - Джамал ал-Карши («Украшение дворца») (консультация В.Н.Настича).

² В комментарии (с. 281, примеч. 389) это известие ошибочно отнесено к кермининскому Рабат-и Малику.

интересующем нас плане, но из первых двух (особенно первого) совершенно очевидно, что Харджанг находился между Бухарой и Самаркандом, т.е. к западу от последнего, и никак не может соответствовать Хартангу, который располагался в двух фарсах (примерно 16 км) к северу от Самарканда.

Приведенные сведения рукописных источников можно суммировать следующим образом.

1. Аноним XI в.: в 471/1078-79 г. в местности Нурабод Шамс ал-Мулк выстроил «квадратный рабат».

2. Джамал ал-Карши, начало XIV в.: Шамс ал-Мулк возвел Рабат-и Малик в Харджанге.

3. Ахмад б. Мухаммад Муин ал-фукара, «Китаб-и Мулла-зада», первая половина XV в.: Шамс ал-Мулк - строитель Рабат-и Малика и другого рабата, в Уструшане.

4. Приписка на полях одной из рукописей «Китаб-и Мулла-зада»: Шамс ал-Мулк соорудил Рабат-и Малик в 471/1078-79 г. (Семенов, 1951, с. 22).

5. Хафиз-и Таныш, автор «Абдулла-нама», XVI в.: в районе Джизака в последней четверти XVI в. существовала местность (макам) Рабат-и Малик (Хафиз-и Таныш, 1989, с. 210-211, л. 220 «а»).

6. Гардизи, XI в.: Харджанг находился между Бухарой и Самаркандом и на протяжении только X в. трижды становился местом сражений.

К этому следует добавить еще один факт, не известный А.А. Семенову и установленный Е.А. Давидович.

7. Ал-Катиб ас-Самарканди («Синдбад-нама», XII в.: в 556/1160-61 г. в степи у Рабат-и Малика Караханид Масуд б.Хасан нанес поражение вражескому войску (Давидович, 1985, с. 96-97).

Как явствует из текста «Китаб-и Мулла-зада», Караханид Шамс ал-Мулк соорудил два рабата. Местоположение одного из них, не названного по имени, указано - между Самаркандом и Худжандом, для другого оказалось достаточным привести только название - Рабат-и Малик, поскольку у читателя, очевидно, не могло возникнуть вопроса, о какой именно постройке идет речь. Иначе говоря, даже если уструшанский рабат Шамс ал-Мулка стали именовать «царским» еще в домонгольское время, все равно второй его рабат был Рабат-и Маликом «по преимуществу», тем Рабат-и Маликом, упоминание которого в такой форме не

требовало дальнейших уточнений. Джамал ал-Карши все же счел необходимым указать местонахождение Рабат-и Малика - в Харджанге, то есть, как ясно из текста Гардизи, между Самаркандом и Бухарой. Следовательно, по крайней мере тот Рабат-и Малик, что фигурирует у Джамала ал-Карши, безусловно тождественен кермининскому Рабат-и Малику. В «Синдбад-нама» битва 556/1160-61 г. охарактеризована как судьбоносная для государства, правителю которого посвящена сама книга (Самарканди 1960, с. 19-27) и коль скоро «степь у Рабат-и Малика» упомянута там без всяких уточнений, автор явно рассчитывал на однозначное понимание. Значит, Е.А. Давидович была безусловно права, когда локализовала это сражение в районе кермининского Рабат-и Малика (Давидович, 1985, с. 97). А раз и в XII, и в XIV в. наименование Рабат-и Малик было прочно связано с кермининской постройкой, более чем вероятно, что и прочие упоминания Рабат-и Малика (за исключением «Абдулла-нама») относятся к ней же. Стало быть, в вопросе о строителе обсуждаемого памятника прав был все же не А.А. Семенов, а В.В. Бартольд. Не мне судить, на каком именно этапе и какие конкретно работы были произведены там по распоряжению Шамс ал-Мулка, т.е. каков был его собственный вклад в возведение этого огромного, сложного и разновременного сооружения, но представляется несомненным, что этот вклад был решающим - иначе невозможно объяснить столь устойчивую и давнюю письменную традицию.

Намного труднее разобраться с самым ранним текстом XI в., обнаруженным А.А. Семеновым. Если подходить отвлеченно, то упомянутый там «квадратный рабат» либо тождествен кермининскому, либо идентичен уструшанскому, либо не соответствует ни тому, ни другому. В свете данных автора «Китаб-и Мулла-зада», сообщающего лишь о двух рабатах Шамс ал-Мулка, последняя версия кажется наименее вероятной. Что касается первой версии, то с нею связаны существенные противоречия. В переведенном А.А. Семеновым тексте говорится о завершении книги в столичном городе Самарканде, в местности Нурабад, которая является землей, относящейся к рабату Шамс ал-мулка. Помещать ли этот рабат в Уструшане, Харджанге или даже Хартанге, т.е. в двух фарсах от Самарканда, в любом случае невозможно считать его находящимся в самом

Самарканде. Не следует ли в таком случае соответствующее слово, переведенное как «относящийся», понимать в том смысле, что доходы с этой земли шли на поддержание рабата? Ведь устройство рабата считалось таким же богоугодным делом, как возведение мечети (Бартольд, 1963а, с. 203), а в Самарканде в том же XI в. вакфы были учреждены в пользу не только мадраса, но и госпиталя (Буниятов, Гасанов, 1994, с. 48-63)³. Впрочем, сам А.А.Семенов главным аргументом в пользу своей точки зрения считал не топографические указания, а несоответствие между языком надписи на портале безымянного рабата (арабским) и языком надписи на кермининском Рабат-и Малике (персидским). Между тем эта последняя обрамляет входную арку портала, тогда как первая находилась «на верху порталной арки», т.е., строго говоря, это могли быть просто две разные надписи одного

сооружения. В таком случае можно допустить, что либо арабская надпись располагалась в верхней, ныне утраченной части существующего портала, либо украшала не главное здание, а портал внешней стены Рабат-и Малика, давно уже разрушенной. Вполне осознавая шаткость этих предположений, я отнюдь не считаю решенным вопрос о том, какой именно рабат оформляла обсуждаемая арабская надпись.

Как бы там ни было, все сказанное выше дает достаточные основания реабилитировать отвергнутую полвека назад точку зрения В.В.Бартольда и позволяет заключить: основные строительные работы в кермининском Рабат-и Малике были проведены не по распоряжению Арслан-хана Мухаммада б.Сулаймана, а по приказу другого Караханида, Шамс ал-Мулка Насра б.Ибрахима, и были завершены, возможно, в 471/1078-79 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Немцева Н.Б. Новое о Рабат-и Малике // Строительство и архитектура Узбекистана, 1980, №
2. Немцева Н.Б. Археологические исследования 1973-1975, 1977 гг. // Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. Ташкент, 1983.
3. Немцева Н.Б. Рабат-и Малик (буклет). Ташкент, 1998.
4. Немцева Н.Б. Новое о бухарском памятнике XII века Рабат-и Малике: караван-сарай или резиденция? // Ozbekiston tarixi, 2000. № 1-2.
5. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963.
6. Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура. Ч. 2 // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997.
7. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Соч. Т. IV. М., 1966.
8. Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана: история изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1984.
9. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Научно-популярный очерк. Фрунзе, 1983.
10. Бартольд В.В. К истории Мерва // Соч. Т. IV. М., 1966«а».
11. Семенов А.А. К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды Среднеазиатского гос.университета. Вып. XXIII. Ташкент, 1951.
12. Абу Саид Гардизи. Зайн ал-ахбар: Украшение известий. Раздел об истории Хорасана. Пер. с перс. А.К.Арендса. Ташкент, 1991.
13. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи-шахи. (Книга шахской славы). Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 2. М., 1989.
14. Давидович Е.А. О методе интерпретации М.Н.Федоровым рукописных и нумизматических источников // Эпиграфика Востока, XXIII. Л., 1985.
15. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме. Пер. М.-Н.Османова. М., 1960.
16. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963«а».
17. Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.

B.D.Kochnev

The article is about naming of Rabati-Malik castle. According to written sources author concludes that the version of V.V.Bartold about dating the Rabati-Malik more reliable. V.V.Bartold associated Shams al-Malik Karakhanids with the construction of this monuments.

Composed observation in the article conclude that the construction works not led by order Arslan-Khan Mukhammad bin Suleyman bin Davud. According to the versions of the article Rabati-Malik monument was constructed by order on representative of Karakhanids dynasty Shams al-Mukhammad Nasrab-Ibrahim bin Suleyman bin Davud.

³ Во втором вакфном документе (в пользу мадраса) дата учреждения вакфа не указана, эту дату (раджаб 458/июнь 1066 г.) обнаружил в упомянутой вставке А.А.Семенов (К датировке ..., с. 25-26).

Н.Ж. Сапаров

ФРАГМЕНТЫ ЛЮСТРОВОЙ КЕРАМИКИ С ЗООМОРФНЫМИ И РАСТИТЕЛЬНЫМИ СЮЖЕТАМИ ИЗ РАБАТ-И МАЛИК

В январе-мае 2001 г. Карманинская экспедиция Института археологии АН РУз проводила широкие исследования на памятнике XI-XII вв., расположенном в 20 км к западу от города Кармана, Рабат-и Малике. В предшествующих исследованиях и предварительных публикациях Н.Б. Немцевой он фигурирует под названием караван-сарай (Немцева, 1983 с.112), каковым на самом деле он являлся на протяжении последних восьмиста лет.

Результаты наших работ выявили более детальную планировку памятника и позволяют утверждать, что его первоначальное назначение было несколько иным. Н.Б. Немцева, работавшая в составе группы полагает, что это, скорее всего, одна из резиденций караханидских правителей (Немцева, 2000. № 1-2), построенная с учётом постоянного желания верховных представителей династии хотя бы время от времени жить в родных степных просторах.

Нами при расчистке помещений ранее не изученной части памятника, с внутренней стороны портала, на уровне первоначального пола получен интересный комплекс керамики с характерными образцами поливной посуды, с голубой глушённой поливой и красновато-коричневым ангобом по внешней поверхности. Среди них интерес представляют два фрагмента от стенки крупного блюда из кашина с люстровой росписью. Кашин беловатый, твердый. К сожалению два небольших фрагмента не позволяют в целом восстановить форму и орнаментальную композицию изделия. Но можно утверждать что оно было крупным и массивным.

Первый фрагмент представлял нижнюю часть стенки с небольшим отгибом у

основания при переходе к донцу. Орнаментация по внутренней поверхности была выполнена росписью: светло-коричневым блестящим люстром по белому фону и состояла из крупных повторяющихся геометрических композиций со схематической растительной орнаментацией в резервах.

Второй, более тонкостенный фрагмент представлял верхнюю часть стенки с косым отгибом при переходе в бортик.

Орнаментация выполнена тем же светло-коричневым люстром по белому фону, и состояла из контурного схематического изображения птицы с головой повернутой назад и вверх, с широко раскрытыми глазами и клювом. Левое крыло собрано, условными параллельными линиями даётся изображение перьев. Хвостовая часть птицы обрублена, правое крыло несколько неестественно опущено вниз. Также схематично изображена дугообразно левая нога птицы. Судя по изображению массивной головы и туловища, больших зрачков и тупого клюва, возможно, художник изобразил кеклика. Вероятность этого также может подтвердиться и её обрубленной хвостовой частью, что может указывать на проживание птицы в домашних условиях. Художник, очевидно, отобразил момент какой-

то опасности для птицы о чем говорит её испуганный поворот головы назад вверх и попытка к взлёту. Судя по сохранившимся вокруг изображения остаткам ломанной линии, возможно орнаментация блюда состояла из повторяющихся мотивов многогранных перлов с изображением кеклика внутри.

По внешней поверхности обеих фрагментов нанесена хорошо сохранившаяся толстая глазурь темно-синего цвета, видимо, покрывавшая блюдо вплоть до поддона.

В целом два фрагмента люстровой керамики из Рабат-и Малика дополняют материалы не столь широко распространенных видов дорогостоящих фаянсов типа люстра.

Оригинальный и значимый памятник Бухарского оазиса Рабат-и Малик находится на торговом пути из Бухары в Самарканд. Расположение его в пустынной зоне несомненно предполагает привоз как люстровых изделий, так и всей керамики в целом из близлежащих региональных центров. Из материалов археологических исследований известно о широком местном производстве во второй пол. XII - нач. XIII вв. люстровых изделий в таких городах Средней Азии как Мерв (Пугаченкова, 1960; Жукова, 1978; Атагарриев, 1974; Лунина, 1958), Новая Нисса, Дахистан (Массон, 1949, с. 57-59, рис. 15-16-17; Вязьмитина, 1949, с. 164, рис. 12), Самарканд (Немцева, 1969, с. 197), Бухара (Мирзаахмедов, 1999, с. 298).

Но, скорее всего, фрагменты люстра имели отношение к близлежащим крупнейшим торгово-ремесленным столичным центрам как Самарканд или Бухара. Характерной особенностью наших изделий является покрытие толстой кобальтовой поливой по внешней поверхности. Подобные фрагменты кашинной посуды с кобальтовой поливой были встречены как в Самарканде (Немцева, 1969, с. 197) так и в Мерве (Лунина, 1962, с. 355). А в Бухаре фрагмент стенки кашинной чаши с кобальтовой поливой на внутренней и внешней поверхностях был ещё орнаментирован росписью люстрам табачного цвета, а также кобальтом и черной краской (Мирзаахмедов, 1999, с. 300). Другое дело, что под синей поливой роспись люстром, кобальтом и черной краской плохо просматривается и, видимо, изготовление подобного образца имело опытный характер. Повторяющиеся по кругу стенок блюда изображения птиц были довольно широко распространены на средневековой керамике (Шишкина, 1979, табл. L XXIII;

Брусенко, 1986, табл. 45, фиг. 2). и даже люстрах (Искусство Средней Азии эпохи Авиценны, 1980). Но в своей основе они имели более ранние формы (Шишкин, 1963, рис. 82). Предпочтение изображениям пернатых обычно связано с их важной ролью в поверьях и мифологии народов Средней Азии. Причём, наряду с изображениями птиц более символически значимых: павлинов, уток, фазанов, аистов, существовала категория пернатых, значение которых едва переходила границы бытовых представлений. Такими, видимо, были образы среднеазиатского перепела, воробья и других обычных персонажей бытовых сказок, притч и т.д. (Хакимов, 1983, с. 94).

В данном случае, к обычным персонажам бытовых сказок, притч и рассказов мы можем

отнести и изображение нашего предполагаемого кеклика. Дело в том, что здесь обращает на себя внимание неестественная передача как - будто бы поломанного, отвисающего правого крыла птицы. Возможно, художник пытался отобразить здесь один из драматических моментов борьбы птиц за выживание или защиты своего потомства. Так, очень часто наблюдаемым на практике явлением, при подходе хищников или охотников к гнездом птиц, являются их бесстрашные попытки увести врагов подальше от своих птенцов с помощью элементарной уловки - имитации ранения или поломки крыла. Испуганный поворот головы, неестественная передача крыла и попытка к взлёту может быть подтверждает наше предположение (Э. Сетон - Томпсон, 1980, с.111).

ЛИТЕРАТУРА

1. Немцева Н.Б. Рабат-и Малик //Художественная культура Средней Азии IX -XIII вв. Ташкент, 1983.
2. Немцева Н.Б. Рабат-и Малик (буклет) Ташкент, 1998 г.
3. Немцева Н.Б. Новое о Бухарском памятнике XII в. Рабат-и Малике: караван-сарай или резиденция? // Ўзбекистон тарихи. 2000, 1-2 сони.
4. Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
5. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-нач. XIII вв. Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
6. Мирзаахмедов Д.К. Новые находки люстровой керамики из Бухары. ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999.
7. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (второй пол. VIII - нач. XIII вв.). Ташкент, 1979.
8. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
9. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
10. Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
11. Пугаченкова Г.А. К открытию люстровой керамики Мерва XII в. ИАН ТССР Серия общест. наук. Ашхабад, 1960. №1.
12. Лунина С.Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958.
13. Атагарриев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам. Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971.
14. Атагарриев Е. Средневековое керамическое производство Туркменистана // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1974.
15. Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
16. Вязьмитина М.И. Археологическое изучение городища Новая Нисса // Тр. ЮТАКЭ Т. I. Ашхабад, 1949.
17. Жукова Л.И. Стратиграфическое изучение средневековых керамических отвалов в западной части Мервского рабада // ЮТАКЭ. Т. XVI. Ашхабад, 1978.
18. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Душанбе, 1980.
19. Э.Сетон-Томсон. Рассказы о животных. М., 1980.

N.J. Saparov

THE FRAGMENT OF CHANDELIER CERAMIC WITH ZOOMORPHOLOGIC AND VEGETABLE SUJETS FROM RABATI-MALIK

The article contains the analyses of chandelier ceramic of VI-XII centuries from Rabati-Malik. The zoomorphological and vegetable motives and images of birds are analyzed.

The preference of craftsman's to images of birds associated with their notions and mythology.

Т.И. Лебедева

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ АРК САМАРКАНДА

После прихода к власти Амира Тимура Самарканд стал столицей его государства. В 1371-72 гг. по его воле была восстановлена городская оборонительная стена, уничтоженная по приказу Чингисхана после взятия города в 1220 г. Тимуридская стена, в основном, повторяла контур стены XI-XII вв., в зависимости от рельефа местности имела в разных местах выступы и была укреплена многочисленными башнями. В западной, наиболее возвышенной части города заложили цитадель, западная сторона которой совпадала с городской стеной (рис. 2, 1; Бартольд, 1922, с. 43; Вяткин, 1902, с. 17). Цитадель стала административным и, в какой-то мере, военным центром Самарканда. Она была обнесена двойной оборонительной стеной (Бабур-намэ, 1958, с. 50), на исходящих углах цитадели были сооружены круглые башни. Кроме того, башни были возведены в наиболее стратегически важных участках цитадели: по западному участку, где она примыкала к городской оборонительной стене и по ее северной части, к которой подходил жилой квартал Гатифар. На западном участке башни располагались через 50-60 м, а на северном еще чаще, через 40 м (рис. 2, 3, 4). Серьезное значение имела защита водоснабжения крепости. В северо-восточном углу цитадели имелся водный источник (рис. 1, 3; рис. 2, 4), от которого подземная галерея (оби-мури) почти в рост человека вела к жилому дворцу Бустан-Сараю (рис. 1, 1; Бобурнамэ, 1958, с. 50). Мощную оборону источника создавали две башни в северо-восточном углу и в северо-восточном выступе фаса цитадели (рис. 1, 10), а также дополнительная, промежуточная башня, расположенная в 50-60 м южнее источника воды (рис. 2, 4). Цитадель имела двое ворот - восточные Самаркандские (рис. 1, 29) и южные - Бухарские (рис. 1, 30), также укрепленные предвратными башнями (Вяткин, 1902, с. 17). Строилась цитадель в то время, когда огнестрельное оружие только

появилось, но широкого применения еще не получило (Кирпичников, 1976; Беленицкий, 1949). Поэтому стены и башни возводились по нормам средневекового оборонительного искусства: стены должны были иметь высоту не менее чем в три раза превышающую ширину, для подъема на стены у башен строились лестницы, наверху стены имели брустверную стенку с зубцами и площадку вдоль бруствера для стрелков. Башни были массивные, сужающиеся кверху, имели несколько этажей, верхнюю площадку с парапетом и служили для обороны крепости и сообщения с полем, с внутренней частью крепости, а также с крепостной оградой поверх стен (Материалы..., 1858; Костенко, 1880, с. 439; Кюн, 1897; ВЭ, 1911). С наружной стороны цитадель была окружена глубоким рвом, заполнявшимся водой из ар. Новадон и делавшим арк неприступным. Въезжали в цитадель через Самаркандские ворота, с улицы, застроенной торговыми лавками и носившей название Серебряные ряды. Через ар. Новадон перед воротами был переброшен мост Пули (рис. 1, 29). Из южных ворот (рис. 1, 30) цитадели дорога шла через городские ворота Чаарсу в сторону Бухары. Внутри цитадель делилась на две части: - северная, более укрепленная, отводилась административным и военным постройкам, а южная ее часть имела жилой характер (Вамберг, 1865, с. 105), где обитала более зажиточная часть населения Самарканда и где могла найти защиту от врага в случае захвата самого города противником довольно значительная часть населения Самарканда (рис. 2, 3). Вполне возможно, что в начальный период цитадель в южной ее части имела также незастроенный участок, предназначенный на случай войны для укрытия населения города и скота.

По описанию испанского посла Рюи Гонсалеса де Клавихо и воспоминаниям Тимурида Бабура в цитадели Амира Тимура

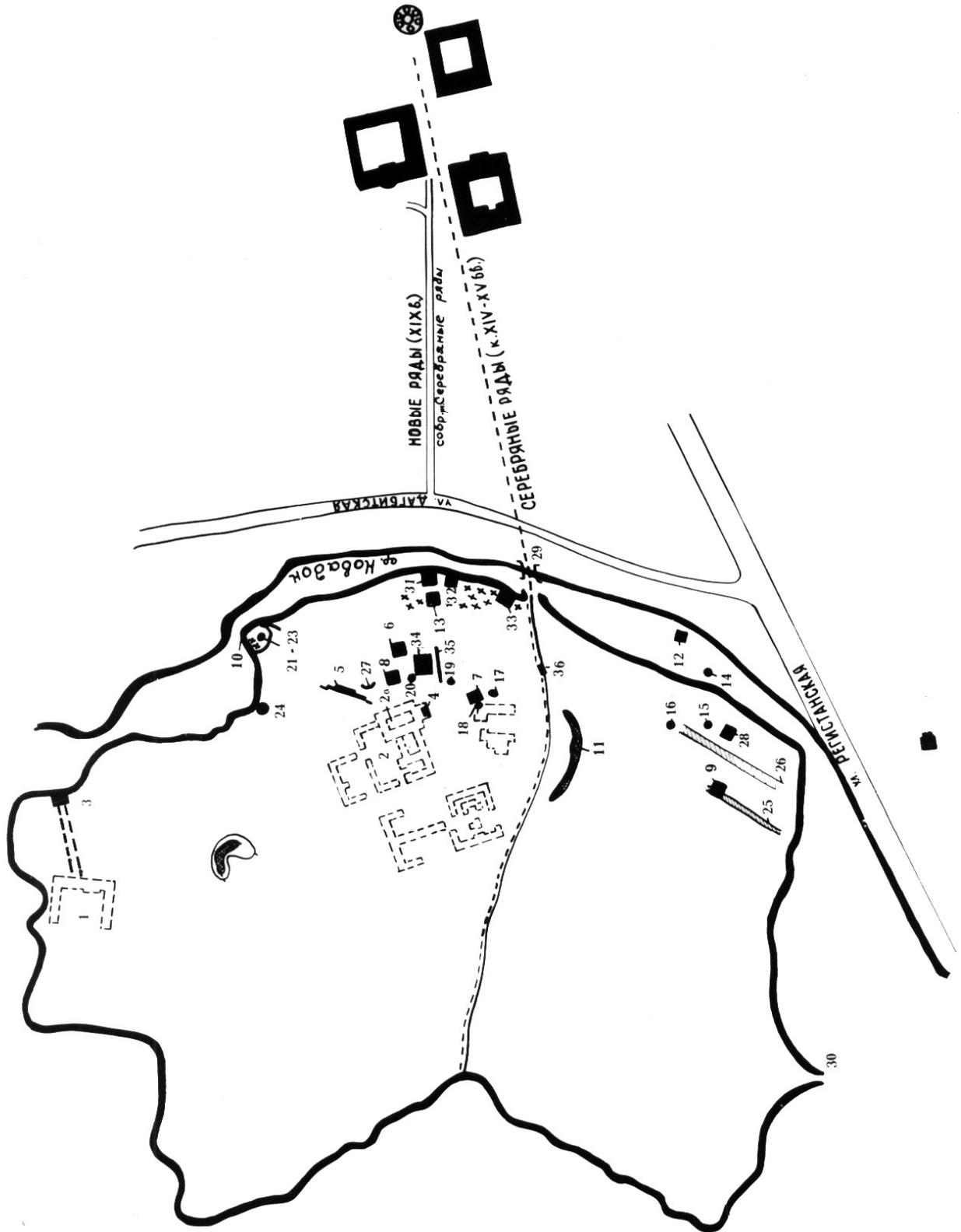

Рис. 1

имелось два дворца: Кук Сарай (рис. 1, 2) и Бустан-Сарай (рис. 1, 1), здесь же хранилась казна, в арке держали около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки, стрелы (Клавихо, 1881, с. 330-331). В северо-восточной части цитадели близ Бустан Сарая имелся подземный источник воды оби-мури (рис. 1, 3). Описания дворцов очень краткие. Бустан Сарай располагался у северной оборонительной стены арка и являлся жилым дворцом, здесь правители останавливались во время пребывания в арке. Кук Сарай был выстроен в центре цитадели, в нем проводились официальные приемы послов иных государств и местной знати, здесь же возводили на престол каждого очередного правителя страны. Бабур писал: «В Самаркандском арке Тимурбек воздвиг большое строение в четыре яруса, Кок-Сараем называется. Очень высокая постройка. Удивительная у этого здания особенность: всякий сын Тимурбека, который поднимал голову и садился на престол, садился именно там, кто складывал голову, притязая на престол, складывал ее тоже там, что даже говорили иносказательно: «Такого-то царевича отвели в Кок-Сарай», т.е. убили» (Бабурнамэ, 1958, с. 50).

В конце правления Мирзо Улугбека, в прежде могучей державе Амира Тимура, начались феодальные смуты, которые в дальнейшем способствовали падению династии Тимуридов и установлению власти Шейбанихана (История УзССР, 1967, с. 512). С этого времени в исторических источниках нет сведений о цитадели Самарканда и ее постройках. После смерти Шейбанихана начались феодальные междоусобицы между султанами Шейбанидами. Та же картина продолжалась и при Аштарханидах, приведя в окончательный упадок Самарканд и его цитадель в XVIII в. (Бартольд, 1922, с. 49). В 1740 г. во время похода Надиршаха в Самарканде «совершенно не были жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1 тыс. семейств» (Бартольд, 1927, с. 99).

С середины XVIII в. в Бухарском ханстве начинаются попытки преодоления феодальной раздробленности. Централизаторская политика Мухаммед-Рахима и других мангытских ханов привела к оживлению жизни в Самарканде. Сюда возвращаются жители, покинувшие ранее город, а также переселяются принудительно из других районов Бухарского ханства. В цитадели вдоль восточного фаса вырастает ремесленный квартал керамистов, остатки печей

которого были обнаружены при археологических раскопках (рис. 1, 14-23).

Во второй половине XIX в. среднеазиатские ханства вошли в состав Российской империи. В Самаркандской цитадели разместились русский гарнизон. Во время восстания шахрисябских беков 1868 г., когда ими была предпринята попытка выбить русский гарнизон из цитадели Самарканда, в ней вместе с русскими солдатами находился известный русский художник-баталист А.К.Верещагин, создавший серию картин и графических эскизов, посвященных Самарканду. Цитадели Амира Тимура посвящены его картины «У крепостной стены», «Пусть войдут», «После неудачи!», «Вошли!». На этих картинах изображены, в основном, участки оборонительной стены арка близ Бухарских ворот. Из построек внутри цитадели имеется эскиз тюрьмы-зиндана, находившегося в его северной половине (Лебедев, 1958, с. 113).

Во второй половине XIX в. вновь появляются описания цитадели Самарканда и отдельных построек в ней. В основном, это записки путешественников и русских офицеров, побывавших в Средней Азии. По их описаниям от медресе Тиллякари была проложена улица Янгиряста (Новые ряды) с лавками по обе стороны. Этой новой улицей выезжали на площадь перед цитаделью, на ней располагался скотный рынок. В простые дни площадь эта, с единственным развесистым деревом была пуста и оживала лишь в среду и воскресенье - базарные дни, заполняясь народом и скотом для продажи. С площади был виден фас цитадели. Часть оборонительной стены с правой стороны от ворот - каменная, остальная из сырца. За стеной виден купол мавзолея Чаардухум святого Нуред-дина Басира (рис. 1, 31), вокруг которого постепенного сформировался мазар. Здесь же были захоронены Фахр-уль-ислам Алия Паздави (рис. 1, 32) и Абду-Рахман бин аль-Ауф (рис. 1, 33). В мавзолее Нуред-дина Басира русскими был устроен пороховой склад. Вскоре верхняя часть мавзолея была снесена, т.к. купол со стержнем являлся прекрасным громоотводом и при попадании молнии в нее склад с порохом мог взорваться и нанести большие разрушения в цитадели.

В публикациях Г.Вамбери и А.П.Хорошина наибольшее внимание уделяется дворцу эмира Кук Сарая (рис. 1, 2), которому по их мнению, не более ста лет. Его построил один из последних эмиров, пытаясь возродить былую славу Тимуридского дворца.

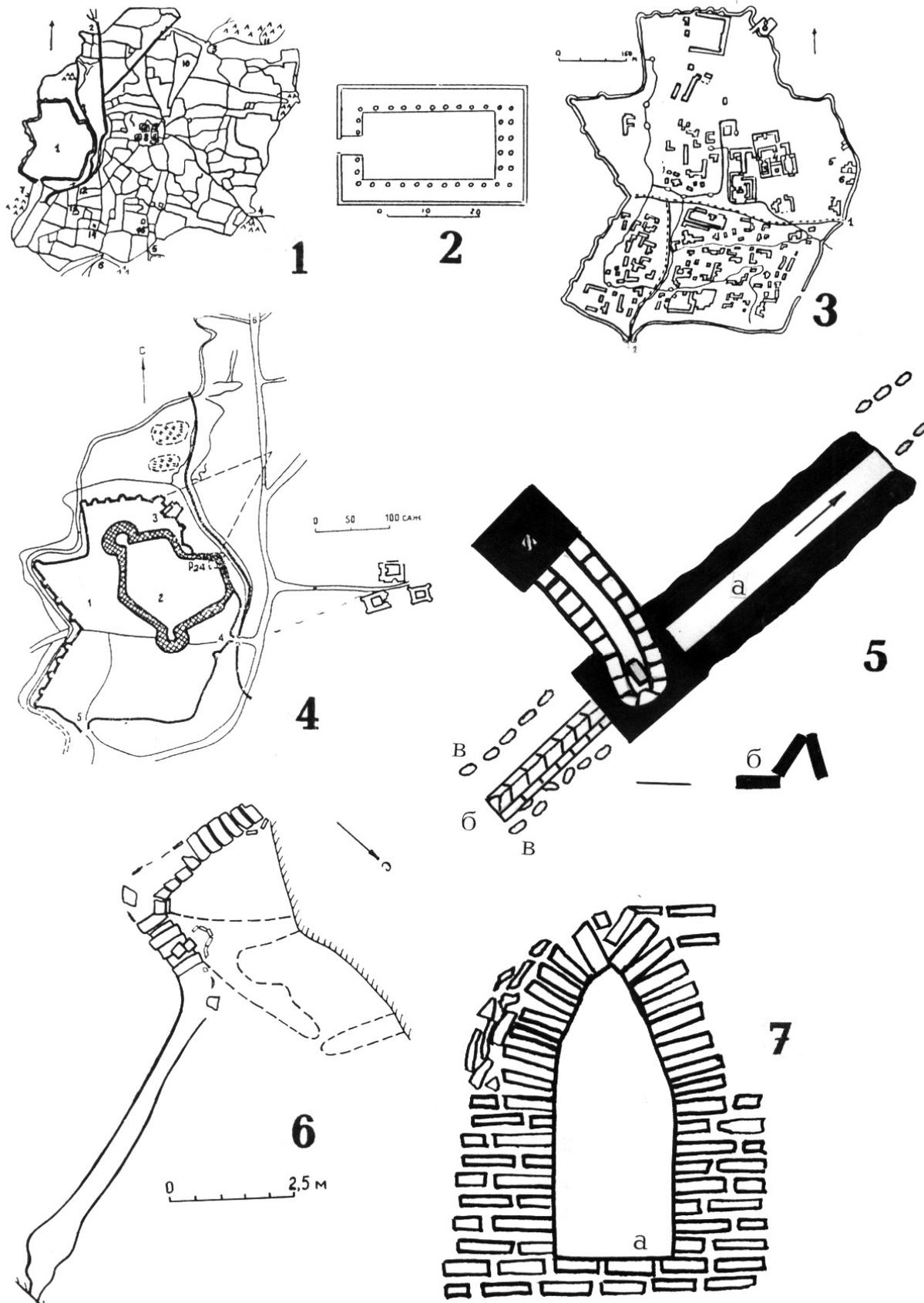

Рис. 2

В нем выделялась одна из комнат, отделанная вся кусочками зеркал и приемный зал (рис. 1, 2а), в который был помещен знаменитый тронный камень Кукташ, на нем когда-то восседал Амир Тимур. Тронный зал, по описанию Г.Вамбери, представлял из себя длинный двор, окруженный крытой галереей с рядом колонн. По правую сторону Кукташа в стену был вделан овальный кусок железа (вероятно, метеорит), похожий на половину кокосового ореха, над ним помещалась арабская надпись куфическим письмом. По преданию, это подарок султана Баязеда-Ильдирина, служивший калифам талисманом. Здесь же, над камнем, два фирмана, написанные золотыми буквами. Один из них принадлежал Султан-Махмуду, другой Султан-Абдул-Маджиду, они представляли собой рукзати-намаз (официальное разрешение молиться и вводить в обязанность раиса - охранителя религии). У тронного камня эмиры возводились на престол, здесь же оглашались указы, которые затем разносились по всему ханству.

В 1875 г. был снят план цитадели Самарканда, на который были нанесены все постройки ее, включая Кук Сарай и контуры Бустан Сарая (рис. 2, 3), а также сделана реконструкция тронного зала (рис. 2, 2).

В 1878 г. стены старой калы были срыты и на ее месте была построена русская крепость небольшого размера. Она имела паховую двойную оборонительную стену с двумя ронделями (рис. 2, Массон, 1956, с.59).

После размещения русского гарнизона в цитадели здание дворца заняли под госпиталь, лишь тронный зал остался свободным в прежнем своем виде. За стеной тронного зала находилась баня эмира (рис. 1, 7), она была использована под солдатскую казарму, здесь же располагался мертвецкий покой.

Вдоль восточной стены цитадели были выстроены новые казармы, севернее их находился сарбазский двор. Здесь прежде, при эмирах, стояла артиллерия и два батальона сарбазов (пехота). Рядом с сарбазским двором сделали второй пороховой склад, за ним площадь с памятником русским солдатам, погибшим во время блокады цитадели шахрисябскими беками 1868 г. с могилой полковника Соковнина, умершего от ранения во время взятия Китаба в 1871 г. (Хорошхин, 1876, с. 199). На площади также находилась русская церковь (на месте мечети), совсем закрытая деревьями, за ней русская школа (Костенко, 1880, с. 440). От школы, узкой улочкой, можно было выйти к

южным, Бухарским воротам цитадели, перед которыми также как и перед Самаркандскими воротами, располагалась экспланада. Напротив южной стены цитадели вплоть до мавзолея Рухабад были видны русские торговые лавки.

После установления советской власти в цитадели по-прежнему располагались военные части. В период Великой Отечественной войны здания военных казарм, построенных в начале XX в. (1903 г.) были переданы под военный госпиталь. В 70-е годы военные части были переведены на новое место и на территории цитадели были построены административные здания, часть старых зданий была отдана профессионально-техническим училищам.

С начала 80-х гг. началась капитальная перепланировка этой территории. Одновременно с проведением работ по благоустройству восточной части бывшей цитадели велись археологические раскопки отрядом Самаркандского рабада Института археологии АН РУз. Во время археологических изысканий были вскрыты несколько объектов различных периодов обживания цитадели. В северо-восточном углу фаса цитадели были найдены остатки двойной оборонительной стены с угловой башней (рис. 1, 10), заложенной по указу Амира Тимура, с последующими многочисленными перестройками, включая связанные с возведением русской крепости (Бурякова, Лебедева, 1988, с. 160-176); к западу от этой угловой башни раскопано овощехранилище сер. XIX в. (рис. 1, 24), (Лебедева, 1987, с. 151-155), к югу от него три крупных подземных водостока XIV-XV вв. (рис. 1, 5, 35) и кон. XVIII-XIX в. (рис. 1, 5), хауз XIV-XV вв. (рис. 1, 8), снабжавший водой рядом расположенную баню времени Амира Тимура и Мирзо Улугбека (рис. 1, 6), восьмигранный хауз XVI в. (рис. 1, 27), юго-западнее от них баня бухарского эмира XVIII-XIX вв. (рис. 1, 7), фрагмент вымостки двора (?) тронного зала кон. XVIII-XIX вв. (рис. 1, 4), часть двойной паховой оборонительной стены южной рондели русской крепости (рис. 1, 11; рис. 5, 1) и участок дороги (рис. 1, 36; Бурякова, 1989, с. 115-125). При строительстве гостиницы «Афрасиаб» в 1988 г. в юго-восточном углу цитадели зафиксированы два канала: X в. (рис. 1, 25) и XIX в. (рис. 1, 26), хауз XVII в. (рис. 1, 26), подвальная часть жилого дома кон. XIV-XV вв. н.э. (рис. 1, 9) и несколько керамических печей кон. XVIII-XIX вв. (рис. 1, 15-16). За пределами стены на берегу русла Новадона вскрыта одна кирпичеобжигательная печь X в.

(рис. 1, 12) и керамическая печь XIX в. (рис. 1, 14; Бурякова, 1990, с. 65-72).

1. Дворцы Амира Тимура Кук Сарай и Бустан Сарай

На план цитадели 1875 г. нанесены планы сохранившейся части построек Кук Сарая (рис. 1, 2) и Бустан Сарая (рис. 1, 1; рис. 2, 3). Бустан Сарай располагался у северной оборонительной стены цитадели, к нему с востока был проведен подземный водопровод - обимури (рис. 1, 3). В настоящее время на этом участке располагается жилой квартал. Археологические раскопки не производились. Остатки водопровода визуально наблюдались М.Е.Массоном в виде сводчатой галереи из жженого кирпича почти в рост человека (Массон, 1956, с. 61).

Кук Сарай располагался в центральной части цитадели. Остатки вымостки двора (?) тронного зала (рис. 1, 2а) наблюдались при археологических работах 1982 г. (рис. 1, 4). Фрагмент вымостки жженым квадратным кирпичом площадью 2x2 м лежал на культурных слоях XVIII-XIX вв., рядом на глубине 1-2 м просматривались узкие улочки жилого квартала. Находка вымостки тронного зала, построенного над поздними культурными слоями отрицает точное воспроизведение планировки дворца Кук Сарая эмиром Музаффаром относительно плана одноименного дворца Амира Тимура. Для обнаружения остатков дворца Кук Сарая необходимы археологические раскопки на значительном участке близ позднего тронного зала на глубину не менее 4 м от современной дневной поверхности. При археологических исследованиях 1981-85 гг. на различных участках цитадели встречалось большое количество облицовочных майоликовых плиток Кук Сарая в слоях XVI-XX вв. Наличие синих облицовочных плиток с богатым растительным и геометрическим орнаментом желтого, красного, черного с позолотой цвета в слоях этого времени говорит о том, что разрушение Кук Сарая началось уже в XVI в.

2. Бани

На территории цитадели Амира Тимура на настоящий момент археологическими работами вскрыты остатки трех бань - две кон. XIV-XV вв. (рис. 1, 6, 34) и баня эмира бухарского XVIII-XIX вв. (рис. 1, 7; Бурякова, 1986, с. 162-172; Бурякова, 1989, с. 120; Лебедева, 1995, с. 33-34). Обе ранние бани находились рядом с комплексом дворца Кук Сарай и обслуживали,

скорее всего, правителей Самарканда Тимуридов, а возможно, и все население цитадели (рис. 3, 1, 2). Третья баня эмира бухарского, судя по ее названию, и местоположению, выполняла ту же функцию, что и бани Тимуридов (рис. 3, 3).

Бани в Средней Азии издревна пользовались большой популярностью. Наиболее ранние находки их датируются IX-X вв. н.э. (Маньковская, 1980, с. 69-73). Пять банных комплексов этого времени обнаружены на Афрасиабе (Шишкин, 1969, с. 122-152; Шишкина, 1973, с. 127-145). За пределами городища Афрасиаб наиболее ранняя баня вскрыта в районе Чорраха при строительстве чайхоны рядом с мечетью. Баня датируется X-XI вв. (Бурякова, 1986, с. 162-166).

В тимуридский период крупные городские бани размещались близ мечетей и базаров, внутриквартальные служили не только для поддержания гигиены, но были также местом отдыха и общения. Здесь распространялись последние новости, совершались деловые и торговые сделки. Процесс купания был длительным, поэтапным. Посетитель в процессе купания попадал в целую серию банных комнат с постепенно нарастающей температурой. Отдельные процедуры купания перемежались отдыхом с кофе и курением, массажем. Все это обусловило специфический характер строения бань. Для длительного сохранения тепла нижняя часть бань заглублялась в землю, отопительная система в виде продухов располагалась под полом помещений. Там устраивалась система жаропроводящих и дымоходных каналов. В самой бане имелись следующие помещения: раздевальня - люнчи - здесь выдавались набедренные повязки; пашахона - прохладная комната перед мыльным отделением, в ней же мылись ноги перед выходом из бани; каттагумбаз или кинник - центральное помещение с суфой, ходимхона - массажная комната; мечеть и мыльные комнаты с прохладной, теплой и горячей водой в резервуарах - сувхона. Наиболее горячие помещения располагались рядом с топочным отделением, высокая температура в них обеспечивалась за счет того, что под полом в жаропроводящих каналах проходил более горячий воздух. В помещениях, расположенных ближе к выходу под полом проходил уже остывший воздух, отдавший тепло в комнаты, близлежащие к топке.

Бани обычно отдавались в вакуф торговцам, землевладельцам, служителям культа, а также непосредственно медресе, мечетям и т.д. (Бурякова, 1986, с. 166-172).

Баня кон. XIV-XV вв. (рис. 1, 6; рис. 3, 2) в цитадели Амира Тимура являла собой классический образец бань полуподземного типа. От нее сохранилась лишь система подземного отопления с жаропроводящими каналами. Размер вскрытого участка бани 12x18 м. Отопительная камера с двумя круглыми в плане печами располагалась в северной части. Над печами, обычно, устанавливались котлы для согрева воды. В юго-западном углу имелась дополнительная малая печь, вероятно, тепла от основных печей хватало лишь для обогрева четырех наиболее горячих комнат и раздевальни (рис. 3, 2, пом. 3-6, 1). Дымоход был устроен во внешней восточной стене раздевальной комнаты, самого холодного помещения бани (рис. 3, 2, пом. 1). Вся отопительная система подпольной части выложена из жженого квадратной формы кирпича размером 24-26x24-26x5 см на глиняном растворе с саманом. Высота жаропроводящих каналов с арочными сводами 0,7 м. Пол и стенки продухов накопили слой сажи до 5-6 см толщиной. Над жаропроводящей камерой № 1 должна была находиться раздевальня-люнчи, над камерой № 2 - пашахона, в центре бани над камерой № 3 - каттагумбаз, над № 4, 5, 6 - мыльные комнаты с соответственно: прохладной, теплой и горячей водой и воздухом. Баня отличалась красотой отделки. Северо-восточную часть отопительной системы перекрывала яма XVI в., заполненная кыровым раствором со значительным количеством облицовочных плиток и кирпичей. Облицовочные плитки желтого цвета с растительным орнаментом белого и черного цветов. Желтая подгрунтовка фона осталась на плитках в тех местах, где, возможно, поверхность покрывалась тонким слоем золота. Золотистого цвета плитки встречаются в сочетании с голубыми. Голубые (бирюзовые) однотонные плитки были различной конфигурации: прямоугольной, квадратной и шестигранной. В голубой фон панно оконтуренных золотыми орнаментированными полосами, вероятно, вкраплялись отдельные плитки в форме звезд и бантов с золотым фоном и орнаментом из бутонов и раскрывшихся коробочек хлопка как и на вышеуказанных позолоченных плитках. В этой же яме были найдены мелкие облицовочные плитки из серого мрамора шестиугольной и треугольной формы, несколько обломков мраморных плиток с резным растительным орнаментом, а также плитка из оникса. Мраморные плитки, вероятно, использовались для облицовки полов и нижней части стен помещений бани. По богат-

ству облицовочного материала и близкому расположению бани к дворцу Кук Сарай можно предположить, что, очевидно, она входила в комплекс построек Кук Сарая. Воду баня получала из рядом расположенного хауза (рис. 1, 8; рис. 4, 3; Бурякова, 1986, с. 168-170).

Вторая баня кон XIV-XV вв. была обнаружена в 1994 г. при проведении археологического обследования котлована под мемориальный комплекс Мирзо Улугбеку (рис. 3, 1) в 9 м к юго-западу от первой бани. Ориентировка здания по сторонам света. Остатки подпольной отопительной системы представляют собой вымостку из жженого кирпича (25x25x5 см), сделанную на подстилающем слое из кирпичного боя мощностью 20-25 см. В подстилающем вымостку слое сохранились отверстия от деревянных балок $D=20-25$ см [рис. 3, 1 (2-5)].

Над вымосткой сохранились устои для поддержания сводов жаропроводящих каналов отопительной системы бани (рис. 3, 1 (7)). Ее кладки и вымостки сделаны на глиняном растворе. Над вымосткой в некоторых местах имелись отложения сажи, перекрытые кирпичным боем с керамикой XVI в., облицовочными плитками и небольшим количеством поливной мозаики. Облицовочные плитки прямоугольной, треугольной и звездчатой формы с растительно-геометрическим орнаментом выполнены краской желтого, голубого (бирюзового), красного и черного цветов с позолотой и близки облицовочному материалу первой бани. В южной части отопительной системы сохранилось восьмигранное помещение (рис. 3, 1, пом. 1), а над ним, в разрезе котлована, был виден фрагмент стены и участок пола моечного помещения бани, выложенного на кыровом растворе. В разрезе стены виден кубур для подведения воды в моечные помещения. Южнее бани обнаружена канализация, идущая в сторону Новадона и функционировавшая синхронно функционированию бани (рис. 2, 6). Необходимо отметить, что в котлован попала лишь часть бани. Основная часть ее расположена к западу от котлована в направлении предполагаемого расположения дворца Амира Тимура - Кук Сарая.

Обе бани близки по оформлению отопительной системы, богатству облицовочного материала, местоположению относительно друг друга и относительно дворца Кук Сарая. С полной уверенностью можно сказать, что они составляли единый банный комплекс в составе дворцовых построек. Это подтверждается так-

же одновременно их постройки и гибели (Лебедева, 1994; Лебедева, 1995).

Баню эмира бухарского (рис. 1, 7; рис. 3, 3) кон. XVIII-XIX вв. построили за южной стеной позднего тронного зала. Здание ее прямоугольное, вытянуто в направлении С-Ю. Баня имеет заглубленную в культурные наслоения XIV-XVIII вв. жаропроводящую систему и топочную камеру в южной части. Сохранность этой бани лучше, чем бань времени Тимуридов, в ней сохранилась часть помещений самой бани над жаропроводящими камерами. Жаропроводящая система имеет центральный, осевой канал, от которого симметрично, влево и вправо отходит серия сводчатых каналов в камеры, по которым распределялось тепло для обогрева моечных помещений. Хотя сохранившаяся высота стен помещений бани невелика, а в некоторых помещениях имеются лишь небольшие их фрагменты, в общем, они дают представление о форме, размерах, облицовке стен и полов банных комнат. Стены здания бани и полы в помещениях выложены из жженого кирпича размером 25-27x25-27x5 см, но раствор их отличен друг от друга. Жаропроводящие каналы и стены помещений сложены на глиняном растворе, полы же моечных помещений на водонепроницаемом, кыровом растворе. Внешние стены выкладывались по их контуру кирпичом, а промежуток между ними засыпался рыхлой землей. Изнутри стены помещений оштукатурены кыром и окрашены в красный цвет, (пом. 7). В одной из моечных комнат сохранился резервуар для воды, оштукатуренный белым ганчем. Часть помещений бани имеет прямоугольную (2, 3, 6, 8, 9) форму, часть из них шести- или восьмигранные (1, 4, 5, 7). Баня эмира бухарского в сравнении с банями времени Тимуридов по богатству и красоте отделки помещений значительно уступала им. Основные же принципы бань полуподземного типа, такие как подпольное отопление и постепенное наращивание температуры воздуха и воды в моечных помещениях, сохранялись при строительстве неизменными долгие столетия (Бурякова, 1986, с. 170-172).

3. Жилой дом XIV-XVI вв.

В 1988 г. при археологическом наблюдении рытья котлована под гостиницу «Афрасиаб» были обнаружены остатки подвальной части жилого дома с частью двора, прилегающего с севера к дому (рис. 1, 9; рис. 3, 4). Двор был вымощен жженым кирпичом саманидского формата, который брали с разрушенных построек X в. Здесь же, во дворе имелись ташнау

и бадраб. У ташнау был найден серебряный дирхем времени Чингизхана (1224-25 гг.) Сохранившиеся остатки углубленных в землю помещений дома сложены из жженого квадратного формата кирпича тимуридского времени (23-24x23-24x4,5 см) на глиняном растворе, толщина стен двух помещений различна. Меньшее помещение, квадратное в плане (2,8x2,8 м) являлось полуподвальным (пол помещения ниже уровня вымостки двора на 0,75 м), в нем были врыты в землю по самую горловину четыре хума, в которых вероятно, хранилось вино. Высота хумов 1,1-1,2 м, диаметр венчиков 35-40 см. Пространство между хумами под полом помещения заполнено кладкой из жженого кирпича. Толщина стен помещения 37-38 см (1,5 кирпича), внутри стены и пол покрыты штукатуркой из ганчхака серо-розового цвета. На ганчевой обмозке пола между горловинами хумов сохранились следы деревянных и металлических конструкций (скорее всего, лестниц), по которым спускались в помещение. Дверного входа на уровне пола помещение не имело. В одном из хумов найдена серебряная монета чекана кон. XIV-нач. XV вв. Второе помещение подвального типа прямоугольное в плане (3,8x4,6 м). От уровня вымостки двора пол его, выложенный жженым кирпичом в два слоя на кыровом растворе, находился на глубине 2,25 м. Спускались в подвал через люк в потолке. Толщина стен подвала в 2,5 кирпича (примерно, 60 см), внутри стены также покрыты штукатуркой из ганчхака, кое-где на ней видны потеки и капли красной краски. На штукатурке стен подвала (восточной, южной и западной) на высоте 1 м, от пола сохранилась четкая полоса стыка деревянных полок со стеной. Следов крепления полок со стенами не имелось, вероятнее всего они представляли собой длинные, состыкованные вместе столы высотой 1 м и шириной 80 см. В плане полки имели типичную для среднеазиатских построек П-образную форму суфы. Между полками, приблизительно посреди подвала, в полу выбито углубление (5-6 см) с неровными краями, куда устанавливался хум. Его остатки были обнаружены на полу у восточной стены помещения. В северо-восточной части подвала на полу обнаружено скопление металлических предметов снаряжения тяжеловооруженного всадника. В основном, это железные пластины из высококачественной стали круглой, квадратной и ромбовидной формы с попоны лошади, железные детали конской упряжи, наконечники стрел (бронбойные и для поражения легковооруженных

воинов), масса железных и единичные экземпляры бронзовых заклепок, крепивших панцирные пластины к кожанно-матерчатой основе. Вместе с ними находились детали костяной обкладки колчана, украшенные резным орнаментом геометрического и стилизованного растительного характера, на нескольких из них изображены олени. Кроме этого, в слоях заполнения помещения подвала найдены две монеты чекана 1384 и 1424 гг. Вторая с надчеканами (могла использоваться в XV-XVI вв.). Керамика в слоях заполнения помещения, перекрывавших металлические находки, датируется XIV-XV вв. Из бадраба во дворе жилого дома вынута одновременная керамика - это три косы и ковш, использовавшиеся в хозяйстве этого дома. В нем же обнаружено несколько мелких металлических деталей от снаряжения воина.

Наличие в доме кладовой с вином, подвала со снаряжением для воина и его лошади (такое снаряжение мог иметь только богатый феодал) свидетельствует о том, что этот дом принадлежал довольно крупному военачальнику времени династии Тимуридов. По археологическому материалу можно утверждать, что этот дом был разрушен и покинут в кон. XV - нач. XVI вв. (Бурякова, 1990, с. 68-72; Лебедева, Касымова, 1996; Лебедева, Абдуразаков, 1996).

4. Участок оборонительной системы цитадели Тимура (рис. 1, 10; рис. 3, 5) вскрыт на северо-восточном отрезке восточного фаса арка. В X в., здесь на краю обрыва функционировал родник, к которому от близлежащего поселения вымощена дорожка из жженого кирпича саманидского формата. С XIII в. над родником к северу от поселения до самого обрыва выросло небольшое кладбище. По приказу Амира Тимура в 70-х гг. XIV в. прямо по кладбищу и остаткам поселения начинается строительство оборонительной стены арка. Оборонительная стена двойная, с круглой угловой башней. Внешняя стена с башней выложена сырцовым кирпичом, внутренняя - из пахсы, замешанной на желтом материковом лёссе. Вход в башню с запада из межстенного пространства шириной 3 м. Проход был сводчатый, высотой 2,25 м постепенно сужающийся до 0,9 м при входе в башню. Толщина внутренней оборонительной стены по основанию 6,7 м, толщина стены башни 3,75 м. Ширина внешней стены не определена, т.к. большая ее часть со стороны обрыва разрушена. В конце XV-XVI вв. внешняя оборонительная стена на северо-западе была снесена и к башне пристроена новая, охватившая большее пространство, в котором было по-

строено межстенное треугольное оборонительное помещение с суфой. В нем хранились крупные (до 5-6 кг весом) булыжники, использовавшиеся в качестве метательных снарядов. Новая стена перекрыла проход в башню из межстенного пространства. Вскоре большое треугольное помещение разделили на три, но просуществовали они недолго и в XVI в. были разрушены и засыпаны обломками битого сырцового кирпича. После восстановления внешней оборонительной стены в XVI в. вплоть до конца XVIII в. существенных изменений в оборонительном комплексе не наблюдается. И только в конце XVIII в. на этом участке начинаются перестройки, связанные с принудительным заселением Самарканда жителями из других областей Бухарского ханства. Покинутый ранее жителями Самарканд постепенно заселялся, в цитадели на данном участке была спланирована внутренняя оборонительная стена, на ее остатках видны следы обживания керамистами (рис. 1, 21-23). Во второй половине XIX в. крупные перестройки в оборонительной системе цитадели наместились в связи с возведением крепости для русского гарнизона. В 1878 г. основная часть оборонительных стен была скрыта, а в бывшей северо-восточной части арка была возведена русская крепость, гораздо меньших размеров с двойными пахсовыми оборонительными стенами и двумя ронделями для артиллерии. Не был разрушен лишь северо-восточный угол фаса цитадели, который стал частью новой крепости. Непосредственно в самом углу сделали башнеобразный выступ с внешней обводной площадкой (рис. 3, 5, I, II, III). Вскоре на южном отрезке обводной площадки было построено здание, внутри которого на полу были обнаружены неиспользованные патроны от русской винтовки системы Бердан с клеймами Тульского оружейного завода (рис. 3, 5, пом. 4).

При археологических исследованиях в 1982 г. был зачищен разрез южной рондели русской крепости (рис. 5, 1. В.3.), сделанный экскаваторами. Длина разреза в пределах 40 м. Стена рондели двойная, пахсовая. Каждая из стен не менее 4 м в ширину при высоте 6 м с обводным рвом перед внешней стеной. Пахса невысокого качества с содержанием большого количества боя жженого кирпича и керамики. Толщина пахсовых слоев от 0,5 до 1,2 м, швы неровные. Стены неоднократно ремонтировались пахсой и сырцовым кирпичом. С фасадной стороны на стенах кое-где сохранилась саманная штукатурка толщиной 7-12 см. Внутреннее

пространство круга рондели заполнено амортизационными прослойками из земли, песка и жженого кирпича, уложенного на ребро. На верхней площадке рондели устанавливалась русская артиллерия. Стены подстилают мусорные ямы и нарушенные жилые слои XVII-XIX вв. н.э. (Бурякова, Лебедева, 1988; Анарбаев, Лебедева, 1996, с. 12-13).

5. Кирпичеобжигательные и керамические печи.

Наиболее ранняя печь для обжига кирпичей обнаружена на берегу старого русла Новадона (рис. 1, 12; рис. 4, 1) в 1988 г. Функционировала она здесь на много столетий раньше, чем был возведен арк Самарканда времени Амира Тимура. Камера печи прямоугольной формы (2,7x2,3 м), глубиной 4 м, опущена в материк и обложена сырцовым кирпичом прямоугольного формата 40-42x20-21x8,5-9 см. Часть сохранившегося свода сильно прокалена и ошлакована. Сильно ошлакована и внутренняя поверхность рабочей камеры до уровня пода. Следы ремонта и большая ошлакованность стен рабочей камеры указывают на длительное использование печи. Наслоения времени заброса представляют собой чистые натечные слои. Печь датируется X в.

Вторая кирпичеобжигательная печь в цитадели Амира Тимура (рис. 1, 13) наблюдалась во время работ по благоустройству территории в 1982 г. вблизи кладбища напротив современной улицы Серебряные ряды. В вертикальном срезе борта второй площадки озеленения было видно заполнение рабочей камеры печи. Печь была загружена квадратным полуобожженным кирпичом. Археологическое обследование печи не производилось, борт площадки вскоре был обложен чупанатинским сланцем, скрывшим остатки печи.

В конце XVIII в. значительную территорию внутри цитадели, в основном, вдоль восточного ее фаса и с юга заселили керамисты. Печи для обжига посуды вскрыты в нескольких местах, от них остались, большей частью, топочные камеры и ямы с отвалом бракованной посуды (рис. 1, 14-23; рис. 4, 4). Одна из печей (рис. 1, 17) предназначалась для обжига фигурок животных, в остальных печах обжигалась, в основном, столовая глазурованная посуда: коса, лаганы, чаши (Бурякова, 1989, с. 120-121; Бурякова, 1990, с. 65-66, 72).

6. Овощехранилище (рис. 1, 24; рис. 4, 2).

К хозяйственным постройкам жилых домов можно отнести тагхона (подвал для хранения овощей, фруктов, молочных и мясных продук-

тов), обнаруженный в 1983 г. в северо-восточной части цитадели. Подвал предназначался для хранения бахчевых культур и был построен во второй половине XIX в., просуществовал не более 10 лет. Он купольной формы, диаметром 5,57 м и высотой более 2,5 м, вырублен в материковом лёссе и обложен внутри жженым сборным кирпичом (18-19x18-19x4 см; 21,5-24x21,5-24x4 см) на кыровом растворе. Вход в подвал располагался в его северо-восточной части, был узким, ступенчатым. В кладке стены, примыкающей с севера ко входу, сохранились деревянные брусья от крепления входа. Толщина кирпичной кладки у основания подвала 1,04 м, к вершине купола постепенно уменьшалась до ширины одного кирпича (24 см). В подвале имелась небольшая нишка (33x34x38 см) для установки светильника. Пол подвала земляной, на нем обнаружены ямки от деревянного каркаса для подвешивания винограда и дынь. На всех полах (10 уровней), кроме строительного, имелись отпечатки сгнившей и сгоревшей травы, большое количество семян арбуза, тыквы, дыни и немного косточек винограда и персиков. В центре помещения была небольшая круглая в плане площадка, окаймленная невысоким глиняным валиком, предохранявшим арбузы и тыквы от скатывания к центру помещения. С этой площадки было удобно брать бахчевые из любой части хранилища. Ежегодно после сбора урожая бахчевые укладывались на подстилку из травы, после продажи товара полусгнившая подстилка собиралась и здесь же сжигалась. Обуглившиеся остатки ее равномерно разгребались по полу, затем весь пол засыпался слоем желтого материкового лёсса и утаптывался. Подвал вмещал до 3-х тонн овощей. В 60-х гг. XIX в. купол подвала был пробит (вероятно, во время событий 1868 г.) и впоследствии тагхона использовалась в качестве мусорной ямы (Лебедева, 1987, с. 151-156).

7. Канализация.

К северо-востоку и юго-востоку от тронного зала эмира Музаффара обнаружены остатки четырех подземных разновременных водосточков (Бурякова, 1989, с. 122; Лебедева, 1994 с. 5-6; Анарбаев, Буряков, 1994, с. 19). Направление трех из них с юга на север с отклонением от линии севера на 25° к востоку (рис. 1, 5; рис. 2, 5). По местоположению водосточков можно сделать вывод, что первый из них был, возможно, проложен из здания дворца Кук Сарая (рис. 2, 5 в). Водосток выложен из крупных, яиц

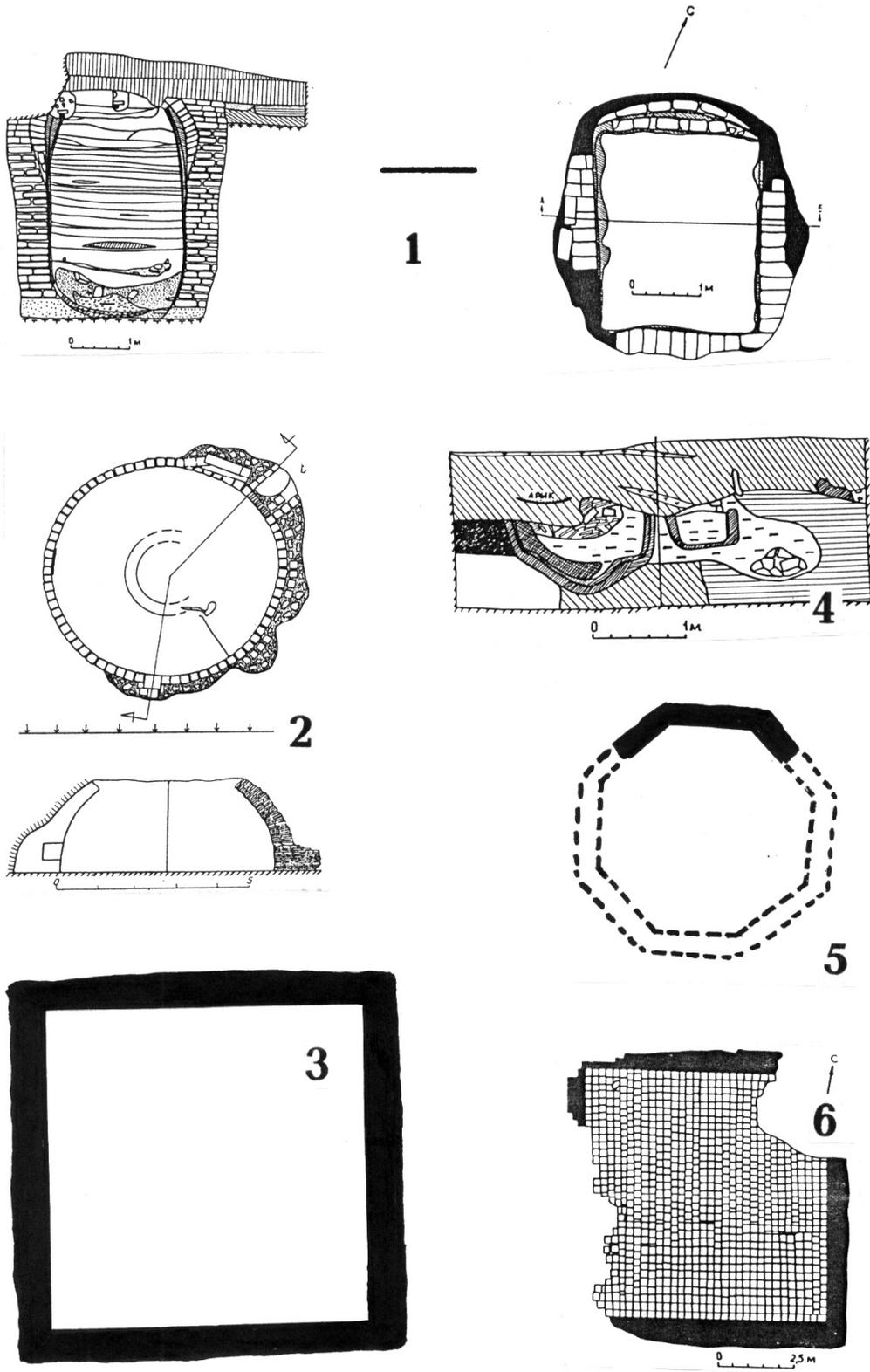

Рис. 4

идной формы в разрезе, коротких (20 см) керамических труб - колец и обложен снаружи (пространство между водостоком и краями траншеи под него) обломками жженого кирпича. Размеры отдельной трубы 75-83x45-53x20-24 см, кирпичей 25-26x25-26x4,5 см. Датируется водосток кон. XIV-XV вв. Над этим водостоком точно по его направлению проложен второй, очень малой пропускной способности, в разрезе представляющий собой треугольник, образованный поставленными на ребро двумя жжеными кирпичами тимуридского формата на третий (рис. 2, 5б). Третий водосток прорезал два предыдущих, сливное отверстие оказалось в стороне от подземной части стока. Направление водостока повторяет направление первого. Он выложен жженым квадратным кирпичом на кыровом растворе и имеет форму сводчатой галереи высотой 98 см и шириной стока 44 см. Стенки водостока толщиной в 1,5 кирпича размером 25-26x25-26x4,5 см (рис. 2, 5а, 7). В заполнении стока в илистых отложениях обнаружено значительное количество керамики XV-XVI вв., кон. XVIII-XIX вв. и монеты XV-XVI вв. н.э. (рис. 1, 35). Четвертый водосток вскрыт в 1994 г. к югу от банного комплекса Кук Сарая (Бурякова, 1989, с. 35). Направление его с запада на восток с понижением в сторону Новадона. По методике строительства, строительному материалу (он также составлен из керамических обожженных колец яйцевидной формы в разрезе) и пропускной способности (высота колец до 83 см) водосток идентичен первому и относится также к тимуридскому периоду (рис. 2, 6). Выведен он также, скорее всего, из дворцового комплекса Кук Сарая. В более позднее время к нему были подведены мелкие канализационные арыки и вертикальные сливные колодцы (XVI в.), сливы которых сделаны точно в водосток. Находка двух веток водостоков указывает на наличие целой системы канализации в цитадели Тимура. Вероятнее всего, подобные водостоки имелись и в других частях цитадели, обслуживавшая наиболее крупные постройки времени Тимуридов (Лебедева, 1994, с. 5-6).

8. Водоснабжение арка.

Основным источником обеспечения водой жителей цитадели Амира Тимура являлся древний арык Новадон. Вдоль его русла пробивались наружу многочисленные родники. Участок, занятый впоследствии крепостью, стал интенсивно обживаться в X в. н.э. Жители поселения вывели из Новадона канал (рис. 1, 25), русло которого было обнаружено при археоло-

гических работах в 1988 г. В нем обнаружено значительное количество керамики X в., здесь же, вдоль его берега видны остатки жилых построек этого времени (Бурякова, 1988, с. 1-72; Бурякова, 1990, с. 67). Дополнительным источником воды были родники, в основном, в северо-восточной части поселения. После постройки арка вопрос водоснабжения его решался также как и в X в. Основным источником продолжал быть Новадон, из которого прорыли канал параллельно каналу X в. (рис. 1, 26; Бурякова, 1988, с. 1-72). Из него выводились мелкие каналы и арыки, отсюда же поступала вода в хаузы. Резервным и тайным источником воды являлся родник на севере цитадели (рис. 1, 3), от которого был сделан кирпичный сводчатый водопровод (обимури) к дворцу Бустан Сарая (Бабурнамэ, 1958, с. 50). Южная же часть цитадели, занятая частными постройками и дворцовый комплекс Кук Сарай снабжались водой из канала и хаузов. На настоящий момент найдено и обследовано три разновременных хауза, на плане цитадели XIX в. отмечено 11 бассейнов общественного пользования.

Водоемы-хаузы служили обязательным элементом городского водоснабжения в Средней Азии. Стены хаузов укреплялись камнем, деревом, жженым кирпичом на водонепроницаемом растворе. В основном, они имели квадратную или 6-8-гранную форму в плане. Два хауза, вскрытые в цитадели Тимура, выложенные жженым кирпичом на кыровом растворе, имели значительные размеры и квадратную форму в плане. Наиболее ранний хауз (рис. 1, 8; рис. 4, 3) строился одновременно с баней и предназначался для снабжения ее водой. Придонная часть хауза имела размеры 10,75x10,85 м, кверху хауз расширялся ступенчатыми уступами, верхняя часть его не сохранилась. Толщина стен 1,06-1,1 м. В илистых отложениях хауза обнаружена керамика XIV-XV вв. и монета 1425 г. Мухаммад Джахангира и Халил Султана династии Тимуридов. Формат жженого кирпича, использовавшегося при обкладке хауза 24,5-26x24,5-26x5 см. Над западной стеной хауза найдена монета династии Тимуридов 907 г.х. (1502/3 гг.). Хауз перестал использоваться в XVI в., одновременно с разрушением бани. В XVI в. рядом с разрушенной баней и хаузом был сделан новый восьмигранной формы (длина стороны 2,92 м, толщина стен 0,48 м) из жженого кирпича 26x26x5 см на кыровом растворе, использовался также кирпич 23x23x5 см, взятый с разрушенных построек кон. XIV в. Внутри хауз имел кыровую водонепроницае-

мую штукатурку. В заполнении времени заброса было большое количество голубых облицовочных плиток шестиугольной формы и керамики кон. XV-XVI вв. Хауз прекратил существование в XVII-XVIII вв., над ним прослеживались следы очага и жилые слои XVIII-XIX вв. (рис. 4, 5).

Третий хауз (рис. 1, 28; рис. 4, 6) обнаружен рядом с каналом XIX в. (рис. 1, 26). Он квадратный в плане (7,5x7,5 м), выложен из жженого кирпича 24-25x24-25x5 см на кыровом растворе. В заполнении хауза найдена керамика XVI-XVII вв., в XVIII-XIX вв. хауз перестал функционировать и был перекрыт наслоениями с керамикой кон. XVIII-XIX вв. Так как этот хауз должен был наполняться водой из близлежащего канала, можно предположить, что канал XIX в. являл собой реконструкцию канала XIV-XVIII вв., протекавшего на этом же месте. Из канала XIV-XV вв., вероятно, снабжались водой и хаузы, обнаруженные у дворцового комплекса Кук Сарай (рис. 1, 8, 27; Бурякова, 1988, с. 1-72; Бурякова, 1989, с. 122; Бурякова, 1990, с. 67).

9. Кладбища, мавзолеи, мечети.

На территории цитадели Тимура было обнаружено два кладбища. Одно из них располагалось вдоль ее восточной стены, начиная от Самаркандских ворот в северном направлении.

В 80-е годы XX в. во время планировочных работ по благоустройству этой территории остатки кладбища сносились строительной техникой и сбрасывались в русло Новадона. Археологически погребения не обследовались. Но судя по количеству костей, передвигаемых ножами бульдозеров, наиболее насыщенным являлся участок кладбища рядом с мавзолеем Кутб-и-Чаардухум, который возвышался напротив современной ул. Серебряные ряды. В настоящее время это участок под мостом, переброшенным через ул. Дагбитскую с Серебряных рядов на одну из террас. На этом участке бывшего кладбища разбиты цветники, южнее - детская площадка.

Основные сведения о кладбище приводятся в труде Абу Тахира Ходжи «Самария». На кладбище, кроме многочисленных могил жителей цитадели, имелось три мазара святых - шейха Нур-ед-дина Басира, имама Фахр-уль-ислама Алия Паздави, шейха Абу Рахмина, известного под именем Абду-Рахмана аль-Ауфа и в центральной части - мечеть Вазир. Мавзолеем шейха Абу Рахмана аль Ауфа (рис. 1, 33) находился непосредственно у Самаркандских ворот

цитадели. В сочинении «Таарих-и-Мадина» настоящее место захоронения шейха указывается в Медине на кладбище Бакия. Абу Тахир Ходжа высказал мнение, что, возможно, это два разных лица, носящих одно имя (Вяткин, 1899, с. 183).

Мазар имама Фахр-уль-ислама Алия Паздави (рис. 1, 32) находился во дворе мечети Вазир, вблизи мазара Кутб-и-Чаардухум. По словам Абу Тахира Ходжи, имам Али Паздави был в Самарканде казием. Ему принадлежат труды «Мабсут» из 10 томов, «Шахр-и-Джами-аль-сагыр» и «Усул-и-Паздави». Известен он также победами в ученых дискуссиях с представителями секты шафиитов. Был знаком и вел собеседования с известными людьми, такими как Худжат-уль-ислам Заин-ед-дин Абу Хамид Мухаммад бин аль Газзали, автором сочинений «Ахья-и-Улюм», «Тафсир-и-Якут аль Таавиль», «Машкат аль-анвар» и др. Имам Али Паздави умер в 481 г.х. (1088-89 гг.) - 482 г.х. (1089-1090 гг.) (Вяткин, 1899, с. 182).

В мавзолее Кутб-и-Чаардухум (рис. 1, 31) в северной части кладбища был захоронен шейх Нур-ед-дин Басира, выходец из ташкентского селения Нушкент. Слепой от рождения, он стал духовным учеником и хальфою шейха Заин-ед-дина Куи-Арифони, уроженца ташкентского селения Куи-Арифон. Шейх Нур-ед-дин Басира после прибытия в г.Самарканд поселился на улице пастухов - Куи Чупанон близ источника Новадон в мечети Сабзранг, носившей также название масджид-и-Кабуд или Кук масджид. Святой принял «зикр» по правилам «дикахрил» и своими проповедями «много народу из степени отдаления доставил в степень приближения к Богу» (Вяткин, 1899, с. 181). Умер в 646 г.х. / 1248-49 гг. и был похоронен на берегу Новадона. Легенда гласит, что могила эта находилась вне стен самаркандской цитадели. Но однажды, когда Амир Тимур просил помощи и духовной милости у шейха Абу Саида бин шейха Бурхан-ед-дина Сагараджи, тот порекомендовал ему совершить зиарат на мазар шейха Нур-ед-дина Басира. После поклонения Амир Тимур решил включить мазар шейха Нур-ед-дина Басира в черту цитадели Самарканда и построил над могилой высокое здание, купол которого был украшен золотым шаром. Молва утверждала, что все желания, загаданные во время поклонения мазару Кутб-и-Чаардухум, исполнялись (Вяткин, 1899, с. 180-181).

Кроме этих трех мазаров в цитадели Амира Тимура имелось еще три, имена погребенных в них были забыты к XIX в. Один из святых был

захоронен в северной части цитадели, второй в западной и третий недалеко от Бухарских ворот (Вяткин, 1899, с. 183).

Из дат погребения имама Фахр-уль-ислама Алия Паздави и шейха Нур-ед-дина Басира

(кон. XI в.; сер. XIII в.) становится понятным, что кладбище здесь существовало задолго до возведения арка Самаркан-

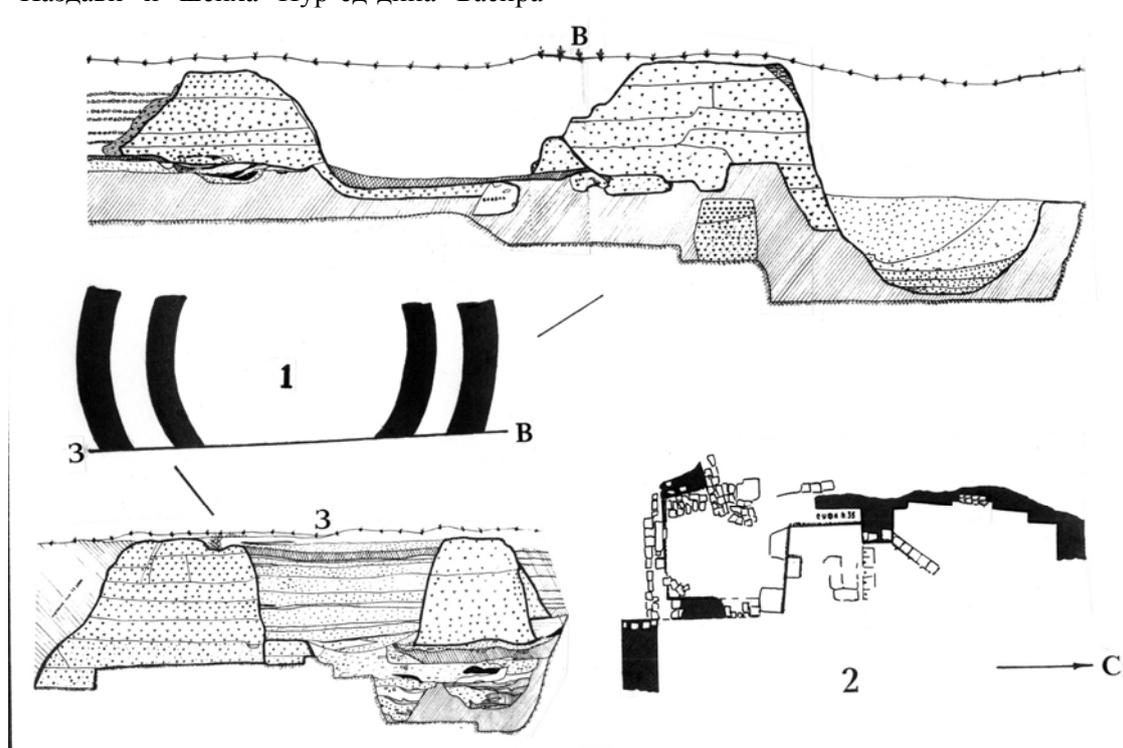

Рис. 5

да Амиром Тимуром, возможно, даже с X в. н.э., когда началось интенсивное обживание этой местности. Здесь, на левом берегу Новадона, обнаружены канал X в. со следами жилых построек на его берегу (рис. 1, 25), недалеко кирпичеобжигательная печь этого же времени (рис. 1, 12), на севере дорожка из саманидского формата кирпича к роднику (рис. 1, 10). В конце XIII-нач. XIV вв. под кладбище отводится новый участок на склоне холма севернее первоначального (рис. 1, 10). Это кладбище было обнаружено при археологических раскопках участка оборонительной стены цитадели под подсобными помещениями. Его функционирование предшествовало строительству арка Самарканда. Мусульманские захоронения были обнаружены в двух шурфах (рис. 3, 5. Шурфы № 1, 2). В шурфе № 1 были вскрыты два взрослых захоронения, в шурфе № 2 - одно взрослое и 3 детских. Положение костяков взрослых погребенных на спине, руки вытянуты вдоль туловища, лицом на кыблу. Детские захоронения (два новорожденных и один 4-6 лет) в почти круглых в плане ямах, на правом боку лицом к западу в позе внутриутробного положения. Кладбище небольшое, в 10-15 м к югу от него, в траншее,

были обнаружены следы поселения XIII-перв. пол. XIV вв. (Бурякова, Лебедева, 1988, с. 165).

Кладбище и поселение были спланированы и над ними возведена оборонительная стена цитадели. Очевидно, что такая же участь постигла и более раннее кладбище на берегу Новадона, так как доставка строительного материала к возводимой стене по могильным холмам представляется маловероятной. После возведения стен арка цитадели кладбище возродилось на старом месте вокруг мавзолея Кутб-и-Чаардухум.

В 1980 г. на берегу ар. Новадон напротив современной ул. Серебряные ряды был заложен раскоп 25x25 м, где были обнаружены остатки постройки из сырцового кирпича (рис. 5, 2; Бурякова, 1985, с. 51-52). Над сырцовой кладкой кое-где сохранились фрагменты кладки жженным кирпичом. Вероятно, на каком-то этапе, сырцовое здание перестраивалось с применением жженого и сырцового кирпича. Постройка вытянута с севера на юг, помещения сохранились лишь частично, высота отдельных стен 0,5 м. Здание в различных своих частях имело разные уровни полов, повышающихся с севера на юг и соединенных между собой ступенями

из крупных фрагментов мраморных плит. В одном из помещений сохранилась вымостка пола из фрагментов жженого кирпича. В северной части здания на западной стене - михраб. Пол в нише выстлан хорошо подогнанными фрагментами жженого кирпича и мрамора, на стенках михраба несколько слоев хорошей штукатурки. К западу от постройки - 12-метровая площадка двора, вымощенная фрагментами жженных кирпичей и мраморных облицовочных плит. Судя по своему местоположению и характеру архитектурных элементов, вскрытые остатки представляют собой часть построек и участок двора мечети Вазир с неоднократными перестройками и ремонтами.

Время строительства мечети Вазир, мавзолеев имама Фахр-уль-ислама Алия Паздави и Абду-Рахмана аль-Ауфа не установлено.

Кроме кладбищенской мечети в цитадели имелась еще одна, располагавшаяся в центральной части арка. В XIX в. здесь была построена русская церковь. Археологически этот участок цитадели не обследован.

Из результатов археологических раскопок и наблюдений можно сделать вывод, что разрушение крупных построек цитадели Амира Тимура началось уже в XVI в. Были повреждены некоторые стратегически важные участки оборонительной системы, дворцовый комплекс Кук Сарай. В число разрушенных построек можно также включить банный комплекс времени Тимуридов, хаузы, жилые дома военной верхушки. Возможно, с этого времени началось разрушение и Бустан Сарая. Из всех этих построек были восстановлены лишь участки оборонительной стены, остальные были разобраны на кирпич почти до самого основания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анарбаев А.А., Буряков Ю.Ф. «Самарканд - «столица мира». Самарканд, 1994.
2. Анарбаев А.А., Лебедева Т.И. Памятники цитадели Темура // Илмий хабарлар № 1. Фергана, 1996.
3. Бабурнамэ. Ташкент, 1958.
4. Бартольд В.В. История Туркестана. Ташкент, 1922.
5. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
6. Беленицкий А.М. О проявлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV-XVI вв. // Изв. Тадж. Фил. Ан СССР. № 15. Сталинабад, 1949.
7. Бурякова Э.Ю. Отчет Согдийско-Самаркандской экспедиции // Архив ИА АН РУз. Ф. 4, 0.1. Д. 158. Самарканд, 1985.
8. Бурякова Э.Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1986.
9. Бурякова Э.Ю. Отчет по археологическим работам на объекте строящейся гостиницы «Интурист» // Научный отчет Самаркандского отряда Отдела археологии Самарканда. Архив ИА АН РУз. Ф.4, 0.1, д. 182. Самарканд, 1988.
10. Бурякова Э.Ю. К планировке и фортификации Самаркандской цитадели XIV-XIX вв. // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
11. Бурякова Э.Ю. Новые данные к стратиграфии цитадели средневекового Самарканда // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
12. Бурякова Э.Ю., Лебедева Т.И. Оборонительная система цитадели Тимура // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988.
13. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
14. Военная энциклопедия, т. 4. Пб., 1911.
15. Вяткин В.Л. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахира Ходжи // СКСО, вып. VI. Самарканд, 1899.
16. Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // СКСО, вып. VII. Самарканд, 1902.
17. История Узбекистана, т. 1. Т., 1967.
18. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси. Л., 1976.
19. Клавихо Г. Дневник путешествия ко двору Тимура. СПб., 1881.
20. Костенко Л.Р. Туркестанский край. Т. 1. СПб., 1880.
21. Кюн Ц. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1897.
22. Лебедев А.К. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958.
23. Лебедева Т.И. Тагхона в цитадели Темура // ИМКУ, вып. 21. Ташкент, 1987.
24. Лебедева Т.И. Научный отчет по полевым работам на цитадели Амира Темура (котлован под памятник М.Улугбека). Архив ИА АН РУз. Ф. 4, 0.1. Д. 234. Самарканд, 1994.
25. Лебедева Т.И. Исследования бани на цитадели Амира Темура // Тез. докл. «Археология и художественная культура Центральной Азии», посвящ. юбилею акад. Г.А.Пугаченковой. Ташкент, 1995.
26. Лебедева Т.И., Касымова К.А. Реставрация железного доспеха с цитадели Темура // Тез. докл. конф. «Амир Темура ва унинг дунё тарихидаги урни». Самарканд, 1996.
27. Лебедева Т.И., Абдуразаков А.А. Реставрация жилого дома XIV-XV вв. в цитадели Темура // Тез. Докл. конф. «Амир Темура ва унинг дунё тарихидаги урни». Самарканд, 1996.
28. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-нач. XX вв.). Т., 1980.
29. Массон М.Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои // Тр. САГУ. Т., 1956.
30. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858.
31. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876.
32. Шишкин В.А. Кала-и-Афрасиаб // Сб. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969.
33. Шишкина Г.В. Городской квартал VIII - нач. XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Сб. «Афрасиаб», вып. 2. Ташкент, 1973.

Г.В. Шишкина, А.А. Анарбаев, И.Д. Иваницкий,
О.Н. Иневаткина, О.В. Кириллова

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКВАРТАЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ МЕТОДОМ БУРЕНИЯ

Городище Афрасиаб представляет собой естественное лессовое плато, ограниченное с севера Сиабом, с востока Абимашадом, с юга и запада сухим руслом Атчапара (рис. 1). Поверхность плато имеет сильно пересеченный, холмистый рельеф с резкими перепадами к глубоким и обширным низинам. В геологическом отношении, происхождение подобных низин может быть отнесено к карстово-суффозионным процессам в лёссовых отложениях (так называемый ложный карст).¹

Эти понижения, несмотря на почти двухтысячелетнее существование города на Афрасиабе, четко прослеживаются в современном рельефе, в чем, видимо, сказалось их функциональное назначение. Всего на территории городища насчитывается до пятнадцати крупных понижений. В пределах первого укрепления находятся две низины, пять - внутри второго кольца стен и восемь расположены между III и IV оборонительной стеной.

О назначении низин в качестве водоемов - хаузов впервые высказался В.Л. Вяткин, подчеркивая, что «спор может быть не о том, имелись ли на Афрасиабе хаузы, а лишь о возможной величине их» (1, с. 15).

В разное время сотрудниками Афрасиабской экспедиции предпринималась попытка изучения низин традиционным методом в археологии закладкой шурфов, что было сопряжено с затратой многих сил, средств и времени. Но в силу разных причин ни в одном случае не удалось получить полной стратиграфии низин.

В 1979 г. была предпринята попытка изучения низин Афрасиаба необычным для археологии методом бурения. При этом проверялась

допустимость и эффективность нового метода в условиях такого сложного городища как Афрасиаб. В процессе работы отработывалась методика исследования буровыми шурфами.² Вместе с тем были использованы результаты палеогеографических исследований (рис. 2).

Первые шурфы были заложены в обширных понижениях, в пределах II крепостной стены, пронумерованных на плане городища как III-я, IV-я, V-я и VII-я низины. Эти понижения вытянуты цепочкой с запада на восток между первым укреплением (акрополем) с севера и массивом городской застройки - с юга. Дно большинства низин имеет гладкую поверхность, что является результатом длительных распашек под богарные посевы, выращиваемые здесь вплоть до 60-х гг. XX в.

Переходя к характеристике шурфов, необходимо отметить, что подробнейшее описание всех слоев приводится нами преднамеренно с одной стороны, с целью показать возможность столь детального исследования стратиграфии при минимальной площади шурфа, а с другой желанием предоставить возможность читателю сопоставить характер слоя с его предлагаемой интерпретацией.

Низина V, представляет собой крупную чашевидную впадину площадью более 1 га, узкой ложбиной соединяется с низиной IV, расположенной к северу. В низине заложено два шурфа: первый из них пробурили близ юго-западной подошвы склона, второй - в центре (рис.1а).

¹ Консультация действительного члена Географического общества СССР В.И.Кучерявых.

² При исследованиях применялся бур диаметром 0,9 м, с последующим спуском археологов для проведения зачисток и сбора материала непосредственно из слоев; при анализе материалов учитывалась керамика поднятая буром.

Низина V, шурф 1³ (рис.2, 3). Общая глубина 7 м, с отметки 5,50 м начинается чистый лёсс.

V.1.(1): 5,0-5,50 см - светлый сероватый грунт с комками более темного цвета, встречаются угольки, кости животных, редкие мелкие фрагменты керамики неопределенного типа (рис. 3).

V.1.(2): 5,00-5,20 м - неоднородный слой с комками кирпича, сформованного из глины с саманом, и горелые округлого сечения вогнутые поверхности, прокаленные на глубину 2 см. По всей видимости, это поверхности горна округло-врытого в грунт с осыпавшейся обмазкой. В пределах 5,00-5,1- м прослежен отрезок поверхности обожженной до начала спекания глины на глубину 6 см и уступом переходящей на уровень, устланный сланцем (перепад 14-15 см), также сильно обожженный. Здесь же найден фрагмент стенки толстостенного сосуда, куски сырцового кирпича с саманом, обмазки печи с примесью большого количества самана. По всей видимости, здесь был большой производственный горн. Следы воды в виде замытых неровных поверхностей, прослеживаемые по всей толще слоя, представляющего собой развалы горна, возможно, свидетельствуют о его близости к берегу водоема (это подкрепляется размывами и в вышележащих слоях) (рис. 5).

V.1.(3): 4,80-5,00 м - комковатый грунт, размытый водой.

V.1.(4): 4,70-4,80 м - остатки кладки из сырцового кирпича, к которой прилежит такой же как V.1.3. комковатый, размытый водой слой. Непосредственно над кладкой на глубине 4,70 м найден фрагмент керамики эллинистического облика. Поверхность кладки сильно замыта, слой над кладкой так же со следами воздействия воды.

V.1.(5): 4,60-4,70 м - скопление костей животных, зубы крупного скота, мелкие кости, угольки, зольные прослойки, комок оплавленного лесса.

V.1.(6): 4,50-4,40 м - слоистые накопления, с высолами, зольные прослойки. Фрагмент большого кувшина с потеками красного ангоба.

V.1.(7): 4,40-4,33 м - с восточной и северной сторон в стенах шурфа видны слоистые накопления типа дорожного слоя со следами стеблей травы. На поверхности его лежали плашмя стенки неглазурованных сосудов.

V.1.(8): 4,10 м - горизонтальные поверхности, одна из которых вымощена сланцем. С этого уровня вырыта ямка с опущенным в нее перевернутым котлом, судя по венчику не позднее VIII века. Внутри котла и возле него - куски глиняной с саманом прокаленной обмазки очага. Ямка с котлом (глубина до отметки 4,40 м) прорезала упомянутые дорожные наслоения.

V.1.(9): 4,00-4,20 м. Уровни с ямкой перебивают завал сырцового кирпича, включающим угольки, кости животных, скопления золы. Завал сильно размыт водой. Найден фрагмент стенки хума, пропитанный жидкой глиной. Встречены мелкие окатанные водой осколки керамики. Вверху завал становится более рыхлым.

V.1.(10): 3,85-4,00 - бугристая поверхность со скатом на восток, т.е. от холма к низине, на которой лежат натечные слои 5-6 см толщиной и обломок жженого кирпича.

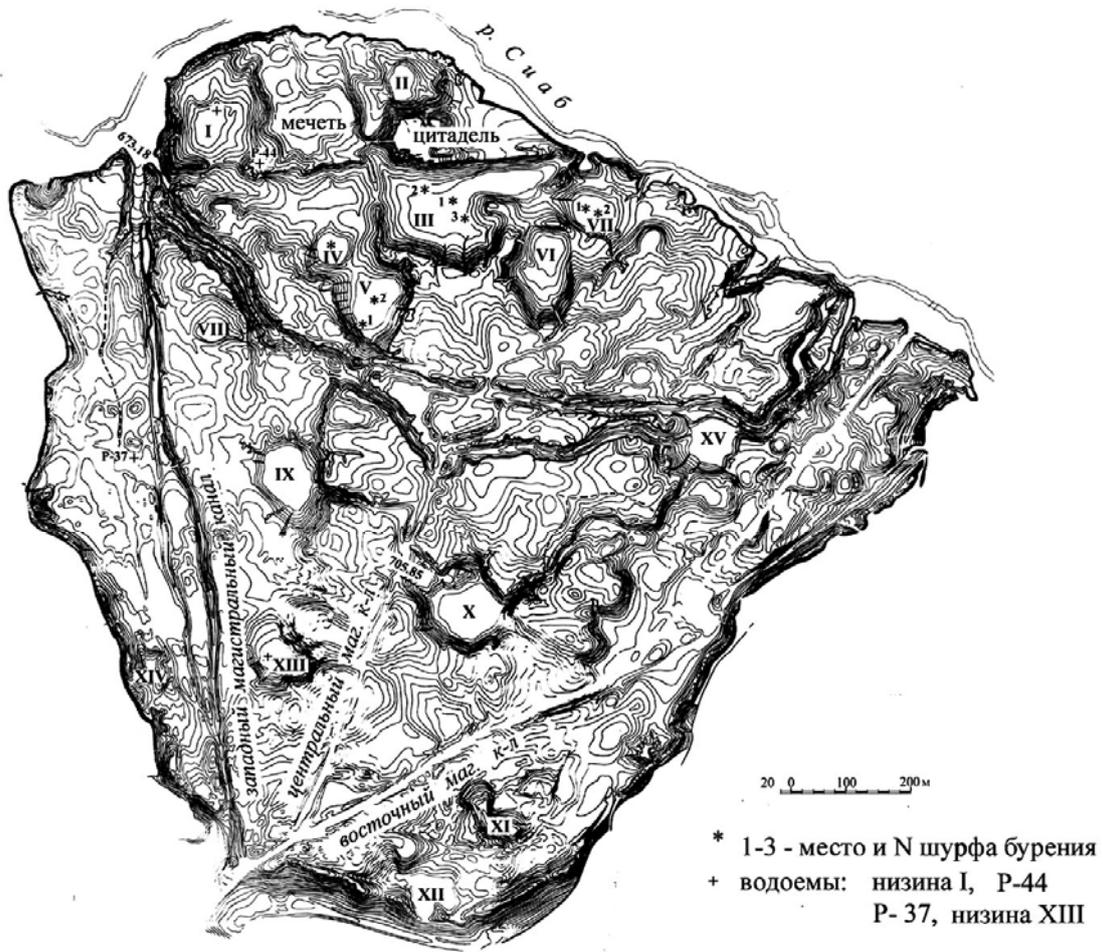
V.1.(11): 3,85-3,35 м - рыхлый размытый слой. На отметке 3,80 м зафиксирован горизонтальный уровень, слоистый и рыхлый, как будто бы размытый водой, и на нем - фрагмент стенки сосуда со слюдяной обсыпкой. На отметке 3,50-3,55 м по горизонтали идут лунки с водными натеками, разделяющие слой на две неравные части: местами кости, угольки. 3,55 м - фрагмент стенки сосуда, который судя по характеру обработки может быть раннесредневековым. Однородностью каждой из двух частей слоя скорее всего маркируется широко открытое пространство типа пустыря.

V.1.(12): 3,35-3,00 м - мелкокомковатый грунт с серо-желтыми гумусными вкраплениями. Много органики, древесный тлен. Серые окатанные комочки производят впечатление мелкодробленного сырцового кирпича, размытого водой.

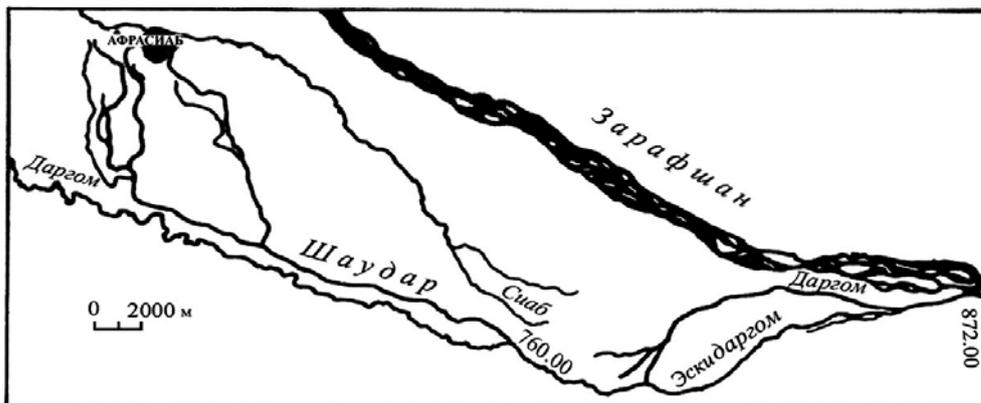
V.1.(13): 2,85-3,00 м - слой равномерно пористый, промытый водой, кусочки размытого сырцового кирпича. На глубине 3,00-2,88 м - рыхлые горизонтально-слоистые накопления. Мелкие фрагменты керамики, пропитанные жидкой глиной. Вполне возможно, что здесь была прибрежная полоса, по которой ходили к водоему за водой.

V.1.(14): 2,40-2,85 м - рыхлый слой, в одном участке глина с примесью самана, похожая на куски полуразмытой штука-

³ Римская - номер низины, арабская - номер шурфа, арабская в скобках - номер слоя на чертеже.

А- городище Афрасиаб по плану 1885 года

Б - схема водоснабжения Афрасиаба

Рис. 1

турки. Как и в слое V.1.11 можно видеть здесь открытое пространство, но с близ лежащими постройками.

V.1.(15): 2,35-2,40 м - неровная поверхность.

2,20-2,30 м - наклонная к северу (?) поверхность со слоистым накоплением, характерными для грунтовых дорог. Слой над «дорогой» создает впечатление сильно измельченного и размытого водой завала. 2,25 м - обломок жженого кирпича.

V.1.(16): 2.10-2.20 м - ложе грунтовой дороги, заполненные чешуйчатыми прослойками.

V.1.(17): В пределах 1,65-2,10 м расчищена стена из сырцового кирпича (V.1.17), идущая в направлении юго-восток-северо-запад. К стенке прилегает завал, местами размытый. Возле стены со стороны низины на уровне ее основания и несколько ниже проходит отмеченное ложе грунтовой дороги (V.1.16). 1,65-2,10 м - завал 1,80-2,10 м прилегающий к стене V.1.17, выше которого читаются горизонтальные прослойки.

V.1.(18): 1,70 м - над стеной и завалом вымостка кусками сланца 22x3,5 см, 15x5 см. Непосредственно под вымосткой заклекая от воды темно-серая глина грубой структуры с четкими горизонтальными чешуйчатыми слоями. В тех местах вымостки, где отсутствуют куски сланца, хорошо видна горизонтальная слоистость.

V.1.(19): 1,35-1,65 м - рыхлый, пылевидный горизонтально слоистый грунт, местами размытый водой, перемежается плотными чешуйчатыми прослойками и перекрывает и вымостку и кладку стены.

V.1.(20): 1,35-0,5 м - горизонтально-чешуйчатые слои разной уплотненности.

V.1.(21): 0-0,5 м - самый верхний слой однородный, мелкопористый, слегка сляющийся, образовался в результате распашки под богарные посевы пшеницы, производившиеся до 60-х годов XX столетия.

Шурф V.1 общей глубиной 7 м прошел 5,5 м культурных наслоений (рис. 3). Постоянные размывы накапливаемых слоев водой и присутствие фрагментов керамики, пропитанной жидкой глиной, в свете данных второго шурфа указывают на близость функционировавшего длительное время водоема. К раннему периоду жизни городища могут относиться нижние 1,3 метра наслоений, включающих восемь слоев. По всей видимости, бесспорно древними следует считать нижние пять слоев (V.1.(1-5)). Два из

них (первый и второй) могут принадлежать как периоду Афрасиаб I, так и периоду Афрасиаб II-III (рис. 7, 12, 16). Какому-то крупному производству принадлежал большой горн. Лежащие над ним остатки уже разрушенной постройки (V.1.(4)) и перекрывающий их слой (V.1.(5)), судя по найденному здесь фрагменту сосуда, относятся ко времени Афрасиаб II-III. Слой 6 представляет скопления на грунтовой дороге (V.1.(7)) или на городской площади⁴ и лежащий над ними слой мог быть накоплен как в период эллинизма, так и в раннее средневековье, поскольку вынутый из слоя под дорогой фрагмент кувшина с потеками красного ангоба не отмечен признаками явной принадлежности к постэллинистическому времени, и его более ранняя дата вполне возможна.

Перекрывающий уровень (V.1.(9)) с котлом (V.1.(8)) датируется обликом последнего пределами раннего средневековья (V-VII ? вв.). Из слоя 12 буром вынут фрагмент сосуда со слюдяной обсыпкой, т.е. VII-VIII вв.

Возможно, к IX в. относится постройка (V.1.(17)), вдоль которой по берегу водоема проходила грунтовая дорога или граница городской площади (V.1.(16)). И надо думать, не позднее X в. эту постройку перекрыли дорожные слои (V.1.(19)). Полотно дороги, если не сама площадь было вымощено рваным камнем, что, как правило, наблюдается на Афрасиабе в сравнительно короткий отрезок времени IX-X вв.

Поскольку первый шурф был заложен близ полы холма на расстоянии около восьми метров от нее, то было решено заложить еще один шурф в центре той же низины (V.2).

Низина V шурф 2 (рис. 2, 3).

Начиная с глубины 15,5 м бур извлекал грунт лессовой структуры, но для большей уверенности бурение продолжалось, пока не стало очевидно, что последние выемки грунта дали чистый лесс.

V.2.(1): 15,45-15,55 м - видимо, непотревоженный материковый размытый лесс с примесью тонкого песочка. Размывы лесса прослежены до глубины 5,85 м, ниже лесс с конкрециями карбоната («журавчики»).

15,45 м - граница материкового лесса (рис. 3.V.(2), дно древнейшего водоема) и уровня с

⁴ Во всех случаях, когда речь идет о полотне дороги (улицы), следует иметь в виду, что это в равной мере может быть и знаком расположенной здесь городской площади.

V.2.(2): 15,35 м - илистый горизонтально-слоистый грунт со светло-серыми включениями и железистыми налетами в порах. Тонкие прослойки песочка. Желто-зеленые комочки. Синие налеты на поверхностях. 15,30 м - тонкодисперсный серый песок.

V.2.(3): 15,20 м - четкий горизонтальный хорошо зачищающийся уровень, дно водоема, над которым в илистом сером грунте содержится много угля, ярко-синие и рыжие железистые включения. При выемке буром грунт был очень влажным и темным. 14,95 м - илистый слоистый грунт, прослойка толщиной от 1,5 до 6 см. Налеты ржавчины (много), прослойки тонкого песочка. 14,70 м - двухсантиметровый слой голубовато-серого песочка. 14,60 м - илестые синие и голубоватые слои по 3 и 1 см с углистыми прослойками. 14,50 м - грунт пористый серо-зеленый слой, слегка наклонный к северу. Слои по 1-1,5 см. Местами прослойки тонкого песочка, ржавые пятна. 14,30-14,00 м - грунт серый илистый, зола, горелые кости. В грунте, вынутом буром, найден фрагмент горловины кувшина с венчиком-валиком периода Афрасиаб II-III (рис. 7, 11). 13,90 м - структура слоя становится более грубой и более пористой. Опять появились синие прослойки, но менее яркие, чем внизу. В порах ржавые и черные налеты. 13,75 м - прослойки серого ила и светло-серого очень тонкого песочка. 13,50 м - еще более пористый слой, больше пустот с рыжими высолами, угольки. 13,30-13,25 м - тонкие чередующиеся слои светлого и более темного серого илистого грунта, зола, уголь, фрагмент лощенной чаши. 13,00-12,70 м - слой насыщен золой и углем. 12,70-12,05 - илистый слой, много желтых включений - следов органики. Древесный тлен, кусочки дерева. Между прослойками ила - отпечатки стебельков. При прохождении буром вынуты косточки миндаля и персика. Кусок толстой кожи, похожий на подошву обуви.

12,40 м - также при прохождении буром вынут фрагмент керамики периода Афрасиаб I и кусок кожи с волосками возле него - вероятно, обрывок шкуры животного.

11,85 м - чередование горизонтальных слоев желто-зеленых и серого. Между ними прослойки тонкого песочка. 11,65 м - чередование коричневых и светлых песчаных слоев. Угольки. 11,55 м - серый илистый слой с песчаными горизонтальными прослойками. Много ржавых высолов. Древесный тлен,

угольки, зола, много костей животных. 11,35 м - двухсантиметровый слой темной болотистой глины, над которым светлый грунт. Много следов органики, древесный тлен. 11,25 м - грунт становится более светлым, желтоватым с горизонтальными песчаными прослойками.

V.2.(4): 11,15 м - в восточной части шурфа слои имеют наклон с юго-востока на северо-запад, с перепадом в 2-3 см на 50 см длины. Ржавые прослойки, между которыми очень мягкий грунт. С некоторой долей вероятности здесь нами отмечено дно раннесредневекового водоема. 11,10 м - чередуются слои желто-коричневый, песчаный и темно-серый болотистый. Много следов органики. 10,20 м - обломки костей животных, потемневшие от воздействия воды. 10,50 м - такие же обломки костей. В грунте ржавчина, серая тина. 10,80 м - цвет грунта меняется. Слои светло-серого грунта перемежаются темными коричневыми прослойками.

9,80-9,90 м - серый грунт (1 см толщиной), прослойка светлого песочка (0,7 см) и темный ил (1-2 см). Ржавые высолы. Слои с тем же наклоном. 9,70 м - серый слой с включениями ржавчины. 9,65-9,70 м - светло-серый песочек. Наклон слоев тот же. 9,60 м - илистый серый слой с большим количеством древесного тлена, ярко-желтых включений (следы органики) и ржавых налетов в порах. Есть мелкая галька и кусочки сланца, немного светло-серого песочка. Фрагмент стенки сосуда эллинистического времени.

9,40 м - слои менее четкие, ил, смешанный с песочком, прослойки ила с ржавчиной. 9,25-9,35 м - тонкие песчаные прослойки чередуются со слоями ила до 2-х см желто-коричневого цвета. 9,15 м - 2-3 сантиметровые болотистые темно-серые слои чередуются с песчаными. В болотистых (илистых) слоях много пор с ржавым налетом. Темные плотные (заклепые) прослойки ила, угольки, кусочки древесного тлена. 9,05 м - выше этой отметки слоистость менее четкая. Грунт плотный, серый, насыщенный кусочками древесного тлена, ржавчиной. 9,00 м - слоистый серый грунт с примесью песочка. Следы органики в виде мелких ржавых частиц. Кусочки древесного тлена. Выше слоистость более толстыми слоями по 5-6 см. 8,80 м - серые слои 5-6 см толщиной с ржавым налетом в порах перемежаются прослойками (1 мм) темного ила и тонкого серого песочка. 8,55 м - характер слоя резко меняется,

хотя следов органики по-прежнему много, но они уже в виде оранжевых вкраплений. Слои более рыхлый, мягкий. Крошка керамическая. Следы стеблей травы. Между двумя однородными слоями - замытый уровень с осадком чистого песочка. Слои пятисантиметровые с прослойками песочка по замытым поверхностям. Фрагмент сосуда: наружная поверхность стенки и дна хорошо залощена. 8,50-8,40 м - грунт темно-серый, илистый, слоистый, с желто-зелеными, насыщенными органикой прослойками; тонкий песочек, угольки, комки извести или гипса. 8,40 м - горизонтальный уровень с белыми комочками на нем. Ржавые прослойки, угольки. 8,25 м - слой рыхлый, с золой, песочком, угольками. Выше чередуются слои темной илистой глины со следами органики и прослойки тонкого песочка. Древесный тлен. 6,65-6,80 м - илистые слои, насыщенные следами органики, прослойки песочка, угольки. При обследовании вынуты комки оплавленного лесса. 6,80 м - следов органики больше, много угольков. При проходе бура найдена железная крица.

Слои между 6 и 11 м составляют впечатление заболоченного водоема.

V.2.(5): Между глубинами 6,50 и 6,70 м можно определить уровень дна водоема, связанный уже с изменившейся обстановкой в ближайшем окружении водоема, когда прекращается работа железодельной мастерской (см. описание шурфа V.1.(8), располагавшейся близ его берега и откуда в воду попадали отходы производства. При выемке грунта буром с этих глубин найдена кружка со срезами по плечу конца VIII в. (рис. 7. 3).

6,70 м - характер грунта меняется, в нем больше песка вперемежку с железистыми выколами от истлевшей органики. Древесный тлен, угольки. 6,20-6,00 м - слоистость становится менее заметной. Грунт более рыхлый, много песка и железистых высолов в порах от истлевшей органики.

5,90 м и выше - тонкие прослойки песка с ржавым налетом с обильными следами органики и угольками. 5,70 м - наклонный слой крупнозернистого песка. Кости животных, керамика в мелких окатанных фрагментах. 5,70-5,50 м - слой пористый, местами песок, органика, лунки с тонким песочком, угольки.

V.2.(6): 5,20-5,40 м - наклонный с Ю-В на С-З уровень, покрытый песком, с которого на глубину до 15-20 см опускаются заполненные песком лунки диаметром 22-30 см, т.е. какие-то

промывы, может быть водотоки. Этим уровнем с «лунками» обозначается новый этап в судьбе водоема. Над ним уже нет илистых прослоек. Весь слой V.2.6 не очень четкими горизонтами делится на 8-9 прослоек.

5,20-5,35 м - светлый грунт, пропитанный гумусом. 5,10-5,20 м - слои намытого песка. 4,65-5,10 м - неоднородный желтоватый слой, местами плотный, местами промытый водой. 4,65 м - грунт становится сыпучим, угольки, кости животных. Размыты водой. 4,20-4,50 м - в сыпучем грунте примесь песка, комки горелой глины. осколок жженого кирпича, кости животных, уголь. 3,80-4,00 м - сыпучий грунт становится комковатым, светло-серые комочки и глина, пропитанная ржавчиной, в которых можно видеть неоднократно перемещавшиеся илистые выбросы из водоема.

3,70-3,80 м - уровень, наклонный к юго-востоку (в отличие от нижних, наклонных к северо-западу), с натеками на нем толщиной 1 см, над ним очень плотные комки в сыпучем слое, размытом водой, горелая земля, угольки. 3,65 м - кусок жженого кирпича, размерами ? x14x5 см, кости животных.

V.2.(7): 1,10-3,60 м - слои с размытыми водой, с несколькими четкими горизонтальными ровными или бугристыми, замытыми водой уровнями.

Между горизонтами слой разной плотности, между 2,40-2,60 м - грунт настолько плотный, что с трудом поддавался ножу. Везде следы органики. Фрагменты керамики и стекла, в том числе оконного. 1,50 м - фрагмент кашинного сосуда под белой глазурью и глазурованной чаши XII в. (рис. 8, 3).

V.2.(8): 1,10 м - горизонтальный уровень с пылевидным слоем на нем. Слой над ним резко отличен от ниже лежащих. Грунт становится пористым, сыпучим, пылевидным. 1-0,90 м - бугристые сходящиеся поверхности. Над ними комковатый рыхлый слой.

0,80 м - горизонт с натеками желтой глины до 3 см толщиной.

V.2.(9). Над натеками - твердый грунт с рыхлыми участками, комковатый, с включением темно-серых комков размытого ила. Слой перемежается горизонтом с натеками. Верхние 0,30 м - дерновый слой.

В шурфе 2 бурением выявлен водоем, по всей видимости, занимавший значительную площадь и устроенный уже на ранних

НИЗИНА Ш

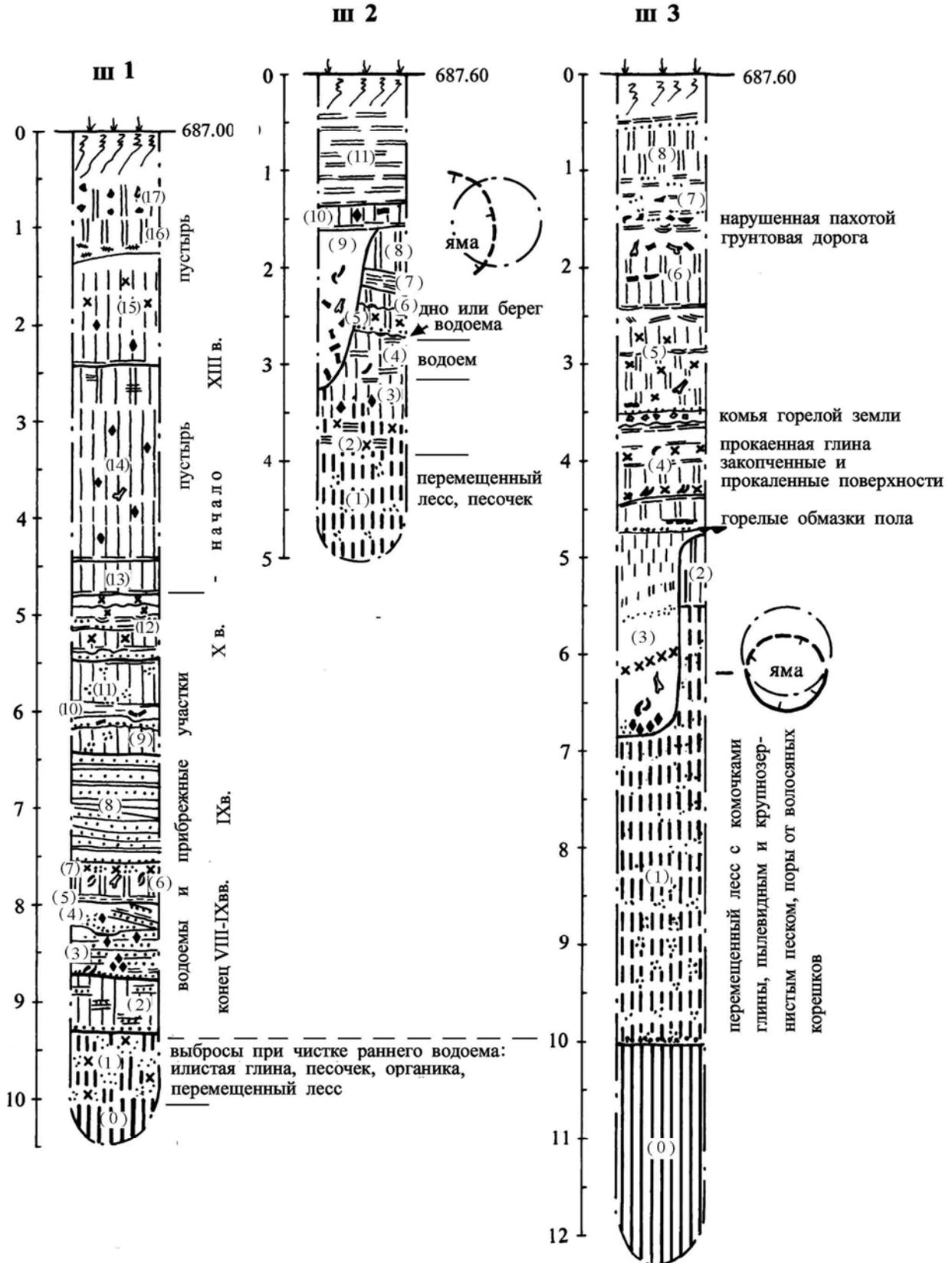

Рис. 4

этапах жизни городища. Общая глубина водоема в исследованном участке не менее 10 м. Илистые донные отложения скапливались здесь начиная с периода по всей видимости, не позднее Афрасиаб I и по крайней мере до конца VIII - IX в. н.э.

Структура слоев V.2.(7); V.2.(8); V.2.(9) может быть понята как наслоения открытого пространства и, возможно, обильные здесь признаки воздействия воды объясняются близостью водоема.

Низина утопала в зелени, причем среди насаждений по берегам водоема были фруктовые деревья (персик, миндаль и, надо думать, и другие). Местность ближе к подножью холмов, застраивалась. В шурфе затронувшем слои вне пределов самого водоема, сохранились незначительные по мощности наслоения. Самый ранний слой над материковым лессом (V.1.(1)) мог образоваться в результате подготовки площадки под строительство ремесленного комплекса с большим горном. Горн перекрыт завалом каких-то более поздних построек, а выше сохранилось основание сырцового основания, еще более позднего сооружения. В перекрывающей стену слое найден фрагмент эллинистической керамики. Вымощенная сланцем, площадка, либо хозяйственный, либо принадлежащий мастерской двор. В углублении с обожженной поверхностью вверх дном вставлен котел.

Над слоем разрушения этого сооружения лежат накопления VIII-IX вв. Пять последовательных слоев (V.1.(12-16)) отмечают разрушения и запустения рассматриваемого участка. На уровне 2,10 м сохранилась стена из сырцового кирпича и ложе грунтовой дороги (или граница городской площади), пролежавшей между зданием и берегом водоема. Характер полученного керамического материала не дает возможности уточнить время накопления отдельных слоев, но, возможно, что все наслоения от перекрывшего «мастерскую» с котлом, включая постройку из сырцового кирпича с прилегающими дорожными наслоениями, охватывают период VIII-X вв. Наиболее характерный для датировки фрагмент чаши X в. с трехцветной пятнистой подглазурной росписью вынут буром из слоев V.1.(12)-V.1.(14).

В это время водоем в низине продолжал функционировать, но его границы сместились, и его резервуар остался вне пределов шурфа V.2.

Низина IV (рис. 2; 5).

В низине IV, площадью около 0,5 га расположенной к северу от низины V, примерно в ее центре, был заложен один шурф. На глубине 5,65 м от современной поверхности отмечен материковый лесс (рис. 5).

IV.1.(1). С поверхности материка опущена яма. Здесь было какое-то резкое понижение уровня материка до 7,80 м, западный край которой захватил шурф. В лессовидном заполнении «ямы» содержатся куски сырцового кирпича, кости животных, зола с угольками, гумусные включения, виноградные косточки. Несмотря на значительное количество керамики, время заполнения «ямы» трудно определить. Фрагмент копилки и толстая стенка небольшого котла, сформованного на круге, ориентируют на VIII в. н.э.

IV.1.(2) - Яму заподлицо с уровнем материка перекрывает пылевидный песчанистый слой, включающий зеленоватые гумусированные комочки. 5,00-5,65 м - дорожные наслоения. 5,55 м - вымостка сланцем, перекрывая пылевидным сыпучим слоем с «ржавчиной». Под вымосткой слой заклекой от скопления воды земли, пористый, с железистыми высолками. Выше вымостки до отметки 5 м пылевидные дорожные слои. Такие же наслоения, то пылевидные, то глинистые с разной степенью слоистости, прослеживаются до глубины 4,40 м. Местами комья глины. Очевидно, сразу же на материковом лессе лежит дорожный слой (пылевидный). Вымостка сланцем покрывает либо полотно дороги, либо площадь, выше перемежающимися пылевидными и глинистыми слоями отмечены скопления на дороге. С четкого наклонного уровня с глубины 4,45 м до 4,95 м опущено русло арыка, заполнявшееся песком (на чертеже рис. 5 не отражено).

На глубинах от 4,45 до 5 м отмечен наклон поверхностей с северо-востока на юго-запад.

IV.1.(3). Между 4 и 4,45 м нет слоистых горизонтов, характерных для грунтовой дороги, хотя глинистые участки так перемежаются с пылевидными, местами и те и другие размыты водой, а местами мелкие (до 3 см длиной) луночки, заполнены песчанистыми прослойками. По всей вероятности, и эти слои - результат дорожных накоплений, по каким-то причинам не получившим чешуйчато-слоящейся структуры. Разница в структуре слоев IV.1.(3). и IV.1.(2). быть может объясняется изменени-

НИЗИНА VII

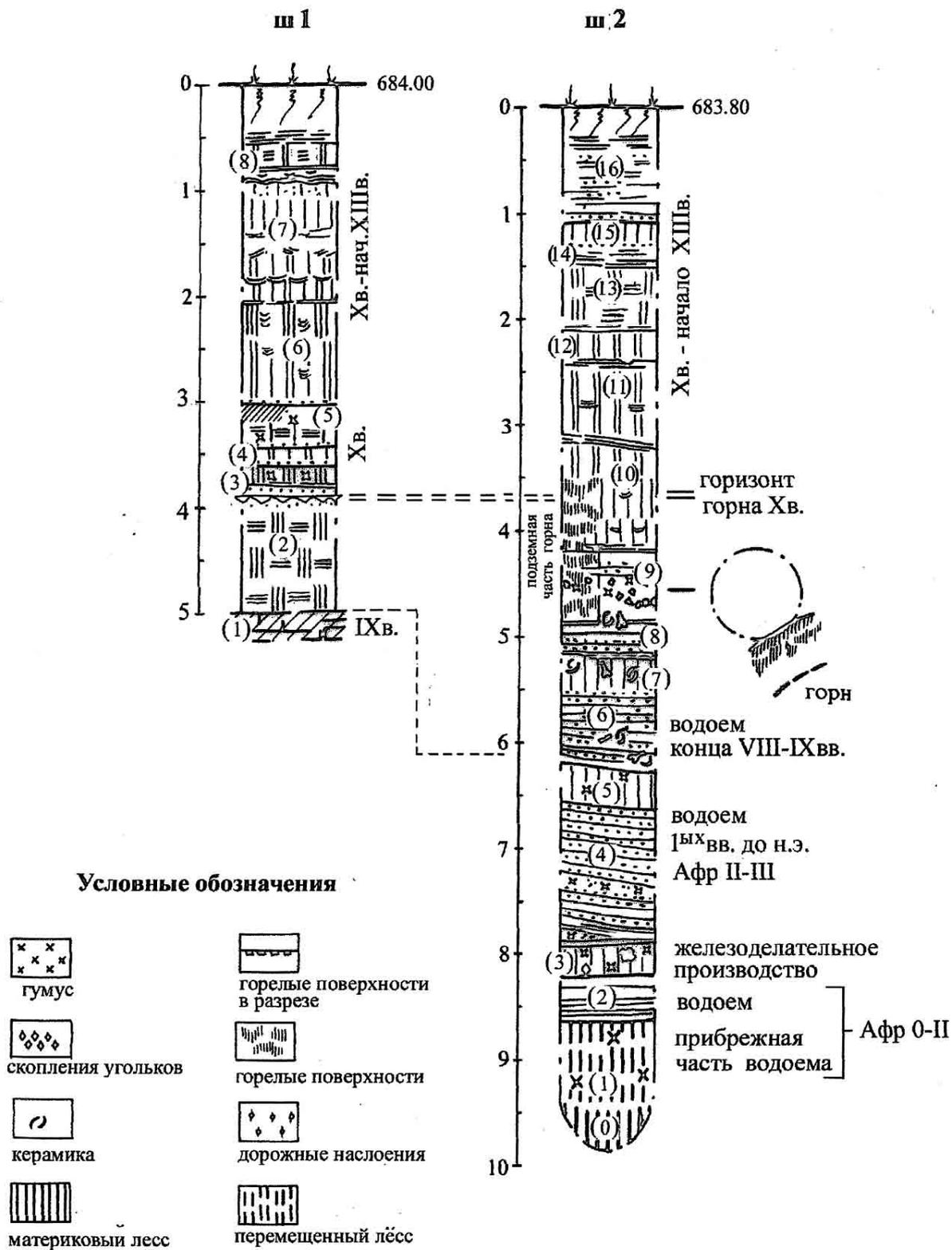

Рис. 6

ями в топографии площади. По всей видимости смещаются берега хауза. Наслоения IV.1.(3) образовались близ самого берега, где прослойки дорожного типа постоянно размывались водой. О существовании неподалеку от исследуемой точки каких-то построек говорят мелкие обломки сырцового кирпича и пахсы на глубинах 4.60-4.80 м и 4.00-4.20 м.

IV.1.(5): 2.10-3.75 м - слои, уплотняющиеся сверху с отдельными участками горизонтальных слоистых поверхностей, более характерной для пустыря нежели для многолюдной площади.

IV.1.(6): 1,85-2,10 м - линзы с натеками, глубиной до 3 см, перекрыты темной плотной глиной с мелкобугристыми поверхностями.

IV.1.(7): 1,85-1,15 м - более или менее горизонтальные слои, перемежающиеся пылевидные и глинистые, отражающие наслоения площади.

IV.1.(8): 0,30-1,15 м - слои светлой глины с участками горизонтально-чешуйчатой слоистости.

0-0,30 м - дерновый слой.

Первоначальное использование низины IV осталось неизвестным. Видимо, здесь происходили большие перепланировки с уничтожением слоев, неизбежно накапливавшихся с середины I тыс. до н.э. вплоть до VIII в. н.э. Отмеченная в материковом лессе яма (или обрыв к понижению рельефа) перекрыта дорожными наслоениями. В какое-то время дорога (или пространство площади) была вымощена рваным чупанатинским сланцем, что обычно для Самарканда IX-X вв. н.э. Наслоения, лежащие над дорогой могли накопиться на открытом пространстве типа площади. Русло арыка (в схему наслоения на рис. 5 не попало), проведенное примерно в X-XI вв., дает возможность предполагать, что и в низине IV были зеленые насаждения и мог существовать водоем (или водоемы), быть может, не такой обширный, как в низине V.

Низина III, шурф 1 (рис.2; 4).

В низине III, общей площадью около 5 га, прилегающей с юга к подножью цитадели, были заложены три шурфа (рис. 4). Первый из них расположен примерно в центре низины.

Поверхность материкового лесса отмечена на глубине 10 м и несколько ниже причем она не дает четкого уровня, а производит впечатление постоянного нарушения ее.

III.1.(1): 9,35-10,10 м - слой содержит очень мелкий пылевидный песок, пропитанный гумусом, и комочки лесса, также пропитанные гумусом. В нижней части слоя попадает кварцевый песок. В комках лесса видны размытые водой. Чем выше, тем больше в слое песка, и грунт от этого приобретает более серый оттенок. С глубины 9,50-9,70 м буром вынута стенка сосуда эллинистического времени - красноангобированного лощеного.

III. 1.(2): 9,35 м - четкий горизонтальный уровень, замыйтый водой, с коричневым налетом, на нем лежит прослойка светло-серая, пылевидно-песчаная.

8,70-9,25 м - илистый серый грунт, в порах железистые налеты от разложившейся органики, прослойки тонкого песочка (пылевидно-песчаная). При обследовании вынуты куски жженого кирпича, в тесте некоторых примесь самана и кусок сланца, фрагменты стенок сосудов, неопределимых по времени, пропитанных жидкой глиной.

Из слоя 9,10-8,80 м буром вынут фрагмент сосуда со слюдяной обсыпкой. В иле видны поры от корешков растительности.

III.1.(3): 8,80-8,70 м - горизонт с легким повышением на юго-запад. Местами на нем скопление не поддающейся определению керамики, угольков. Выше наклонного горизонта чередование серо-желтых и голубоватых, илистых, сильно насыщенных органикой двухсантиметровых (каждая прослойка) прослоек. След камышового стебля. 8,50 м - замытая поверхность с коричневым налетом и слоем угольков на ней. Над этим уровнем чередуются серые илистые прослойки с песочком, кое-где попадают скопления угольков, древесный тлен.

III.1.(4): 8.30 м - слегка наклонный на юго-запад уровень с руслом канавки (?) глубиной 10 см, прослежен с южной стороны шурфа на протяжении 32 см. Канавка заполнена тонким песочком. Выше рыхлый комковатый грунт с большим количеством угольков, золы, древесного тлена. В южной части шурфа рыхлый слой перекрывают ниспадающие на юго-запад сильно наклонные илистые слои, чередующиеся с прослойками тонкого песочка. При бурении вынут обломок жженого кирпича, два куса сланца, кости животных и ручка раннесредневекового горшка.

III.1.(5): 7,90-8,00 м - слегка наклонный на юго-запад уровень с илистыми коричневатыми

прослойками и песчанистыми прослойками натечного характера.

Ш.1.(6): 7,65-7,90 м - рыхлый слой, кости животных. Буром извлечена керамика, среди которой фрагменты сосудов эллинистического времени и X в.: венчик тагоры с налепом - «оборочкой», чаши с так называемой ишкорной глазурью, ручка узкогорлого кувшина; обломки жженого кирпича.

Ш.1.(7): 7,55-7,65 м - гумусированный слой с размывами, заполненными тонким песочком.

Ш.1.(8): 6,45-7,55 м - горизонт с тонкой прослойкой пылевидного песочка, над которым лежит прослойка зернистого песка. Выше чередование светлых и более темных прослоек.

6,45-7,45 м - слоистые накопления илистой глины, зернистого и тонкого песка с заматыми поверхностями. На глубине 7,25 м рыхлая прослойка, содержащая окатанную керамику, комки горелой глины, кости животных, бой жженого кирпича, керамику второй половины - конца IX в., в большинстве сосудов, покрытых ишкорной глазурью, фрагменты эллинистического сосуда.

Ш.1.(9) - 6,45-6,20 м - структура слоя меняется, грунт становится глинистым, комковатым, с небольшой примесью песка. Весь в промывах с коричневым налетом на поверхностях, отпечатки органики.

Ш.1.(10): 6,20-6,15 м - на бугристой поверхности тонкие прослойки песочка, общей толщиной 3 см. Выше комковатый грунт с замывами пустот тонким песочком. Куски жженого кирпича. Буром вынут фрагмент глазурованной чаши X в., кости животных. 6,15-6,00 м - слоистый уровень, песок, сажа, угольки. 6,00-5,85 м - прослойки тонкого песка, прослойки с угольками, прослойками песка, смешанного с лессовидным грунтом, комья прокаленного грунта. Фрагменты серо-глиняных сосудов X в. и стекла.

Ш.1.(11): 5,45-5,85 м - над горизонтальным уровнем, прикрытым сантиметровым слоем угольков, лежит глинистый грунт с примесью песка, промывами и порами от органики. Цвет грунта пестрый - серый, желтый, голубовато-серый. Слой этот на отметке 5,50-5,45 м перекрыт уровнем, местами бугристым и покрытым тонким песочком.

Ш.1.(12): 4,80-5,45 м - грунт илистый, насыщенный желто-коричневыми пятнами - следами разложившейся органики, с отпечатками сте-

бельков травы. Перемежается слоистыми скоплениями тонкого песочка, горизонтальными уровнями, пропитанными желто-зеленым; поры от разложившейся органики. Намечается не менее четырех горизонтов.

4,90 м - бугристый горизонт, весь в лунках около 12 см диаметром и глубиной 1,5 см, заполненных слоистым илом с песком.

Ш.1.(13): 4,80 м - горизонтальная, с легким наклоном на юго-восток слоистая прослойка. Замытые поверхности с осадком тонкого песочка. Мелкие угольки.

4,45-4,80 м - над горизонтом грунт меняется, становится желтым, равномерно пористым. Здесь уже нет признаков воздействия воды. Мелкие угольки.

Ш.1.(14): 4,45 м - горизонт слоистого ярко-желтого пылевидного грунта. Слоистость не очень тонкая - на прослойку толщиной 4-5 см приходится 5-6 слоев. Мелкие угольки. Между глубинами 2,40-4,40 м в сравнительно однородном грунте отмечены четыре нечетких горизонта.

4,00-4,40 м - грунт того же интенсивно-желтого цвета с желтыми же (лессовыми) комками 0,5x0,5 см.

2,80-4,00 м - перемещенный лесс, местами большими комьями, местами рыхлые участки. Изредка попадаются угольки, кости, куски сланца.

2,40-2,80 м - слой по-прежнему содержит комки лесса, среди них комья лесса, размытого водой, крупитчатой структуры.

Ш.1.(15): относительно горизонтальная поверхность размытого лессовидного грунта.

2,37-1,40 м - слой средней плотности, мелкопористый, желтый с мелкими комочками серого грунта. В верхней части слоя комки крупные, местами гумусированные комочки серого грунта около 2x2 см. Фрагменты глазурованной керамики X-XII вв., обломок жженого квадратного кирпича.

Ш.1.(16): 1,40 м - грунт резко меняется, становится серым, рыхлым, крупитчатым, с мелкими белыми пепельными комочками истлевшей органики.

1,30-1,25 м - четырех-пятисантиметровая прослойка, насыщенная древесным тленом. На северной стенке шурфа слой с тленом утолщается до 60 см с лишним и состоит из последовательных слоев белого, коричневого и желтого тлена. На восточной стороне шурфа слой тлена прерывается на ширину 22 см, и здесь в разры-

ве слоя виден сырец 25x7x? См, лежащий ниже и выступающий выше слоя тлена.

Ш.1.(17). Выше отметки 1,15 м - слой очень рыхлый, с мелкими комочками сырца - следы перекопов поздней пахоты. Мелкодробленные фрагменты керамики и стекла, угольки, тлен.

0-0,50 м - дерновый слой.

Низина III, шурф 2 (рис. 4).

Ш.2.(1): 3,80-5,00 м - комковатый перемешанный лесс с примесью песка.

Ш.2.(2): 3,65-3,80 м - местами размытый слоистый грунт, гумус, куски лесса с конкрециями карбоната («журавчиками»).

Ш.2.(3): 3,30-3,65 м - слоистость исчезает, примесь лесса в рыхлом грунте, попадаются «журавчики», угольки.

Ш.2.(4): 2,70-3,30 м - прослойки ила и пылевидного песка, прослойка гумуса. Вверху под бугристым наклонным уровнем плотный илистый грунт с тонкими прослойками песка, слежавшегося комочками.

Ш.2.(5): 2,35-2,70 м - над бугристой наклонной поверхностью лежит пылевидно-песчаная прослойка, угольки, гумус. Встречаются «журавчики».

Ш.2.(6): 2,20-2,35 м - Наклонный разнородный, рыхлый, мелкокомковатый грунт, комки ила, пропитанного гумусом, попадают комочки лесса и красноватый песок. Впечатление сильной перекопанности слоев Ш.2.5 и Ш.2.6.

Ш.2.(7): 2,00-2,20 м - наклонный лежащий слоистый грунт. Наклоны слоев объясняются близостью пола цитадели.

Ш.2.(8): 1,65-2,00 м - сыпучий, рыхлый грунт.

Ш.2.(9) - яма, вырытая с горизонта на отметке 1,65. Этот же горизонт ее и перекрывает.

Яма заполнена рыхлой землей с гумусированными комочками, костями животных, фрагментами неглазурованной керамики, не поддающейся датировки, обломками жженого кирпича 25,5x15x4 см, ?x17x3,5 см.

Ш.2.(10): 1,35-1,65 м - Над горизонтом 1,65 м только в западной части шурфа - трехсантиметровая горизонтально слоющаяся прослойка. Выше, грунт местами уплотненный, местами рыхлый, угольки. Мелкий бой жженого кирпича и фрагменты керамики, пропитанные жидкой глиной.

Ш.2.(11): 0,40-1,35 м - горизонтально слоющиеся замывные поверхности. Мелкие фрагмен-

ты керамики пропитанные глиной. Слой явно натечный, представляющий собой оплывы со стен цитадели.

0-0,50 м - дерновый слой.

Низина III шурф 3 (рис. 4).

Ш.3.(1). 5,50-10,10 м - поверхность материкового лесса горизонтально сnivelирована (10,10 м) и покрыта пылевидным слоем. Слой представляет собой единовременную насыпь перемешанного лесса, встречаются комочки глины и крупинки крупнозернистого песка.

7,50-8,85 м - отмечены волосяные поры от корешков. Местами комки лесса.

Ш.3.(2): 4,70-5,50 м - мелкокомковатый грунт, впечатление перемешанного не очень уплотненного лесса.

Ш.3.(3): 4,70-6,80 м - значительную часть шурфа занимает несколько сужающаяся книзу яма.

Ширина 0,65-0,80 м содержащая скопление угольков, золы, прослойка белой золы, гумуса, комочки горелой земли, мелкие комки лесса, фрагменты стенок неглазурованных сосудов, кости животных. На поверхности дна ямы железистые высолы, а лежащий под ним участок слоя Ш.3.(1) размыт и горизонтально слоится. По всей вероятности, это результат стояния в «яме» воды.

Ш.3.(4): 4.10-4,70 м - в слое намечается 5-6 горизонтов с натечными или утопанными прослойками. 4,65 м - на протяжении 0,20 м горизонтально лежат спрессованные горелые промазки с большим количеством самана. 4,25-4,40 м - наклонная на ю-з сантиметровая прослойка прокопченной земли, над которой 8-10 см ярко-желтого грунта, насыщенного затертыми комочками прокаленной глины и угольками. Местами видны горизонтальные поверхности с железистым налетом. Скопления гумуса.

3,65-4,00 м - комковатая глина, местами уплотненный пылевидный слой, изредка комки обожженной земли, местами промывы со слоистой поверхностью, отпечатки стебельков травы - ?, гумусированные комочки. 3,65 м - поверхность с золой и угольками.

3,85 м - слоистая бугорчатая поверхность с замывами. Много отпечатков стебельков травы ? Комья горелой земли, прослойка светлого пепла с угольками.

Ш.3.(5): 2,40-3,50 м - пылевидный грунт с песком, неоднородной плотности. Куски глины с саманом. Жженный кирпич ?x12x7 см. Комоч-

ки с железистым налетом в порах, следы органики, отпечатки стебельков травы. Угольки, кости животных. Линзы гумуса. Встречается мелкая галька.

невый налетом, с луночками, заполненными натеками. Выше комковатый грунт, в котором промыты полости 0,5-0,2 см. Комки прокаленной земли.

2,80 м - замытая поверхность с корич-

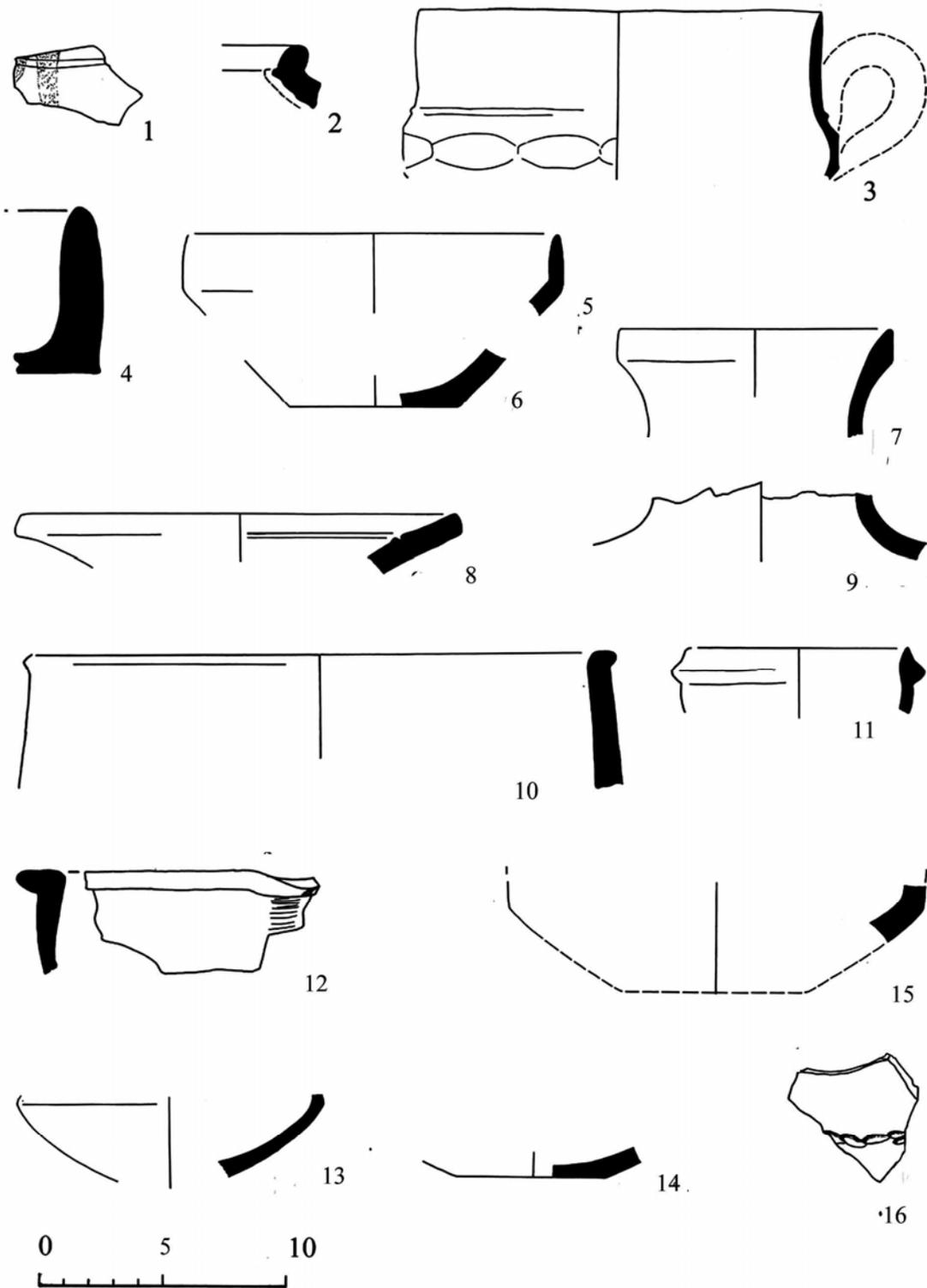

Рис. 7.

2,70-2,90 м - грунт более рыхлый, крупитчатый с плотными комками, пропитанными гумусом и с включением мелких горелых комочков. Комки эти покрыты слоем пылевидного натека. Похоже на неоднократно нарушавшиеся и перемещавшиеся наслоения. Комья грунта (12x10 см), включающие чешуйчатые слои - явно перекопанное полотно грунтовой дороги.

Ш.3.(6): 1.60-2.40 м - сыпучий грунт. Фрагменты стенок сосудов, пропитанные жидкой глиной. Комья глины, включающие мелкобугорчатую поверхность с 7ю-10-1-6 коричневыми железистыми прослойками, составляющие 2-3 мм толщины.

Отпечатки стеблей травы. 1,65-1,85 м - грунт насыщен костями животных, обломками жженого кирпича. Сколы с сосуда, покрытого непрозрачной голубой глазурью по черепку.

Ш.3.(7): 1.10-1,65 м - грунт слоится горизонтально и чешуйчато, куски жженого кирпича и сланца. Вероятнее всего - это нарушение пахотой (?) дорожные слои.

Ш.3.(8): 0,5-1,10 м - грунт плотный равномерно пористый, но пестрый, с пылевидными струями (возможно, слежавшиеся перепаханые пласты).

0,5 м - горизонт с речным песком и мелкой галькой с натеком над ними 0-0,5 м - дерн.

Все три шурфа, заложенные в низине Ш, позволяют составить некоторое представление о функциональном использовании ее площади только в период средневековья, начиная с VIII в.

Очевидно, что низина Ш в связи с соседством цитадели Акрополя, требовавшей для ее реконструкций и ремонтов больших объемов строительного материала, прежде всего, глины, была сильно подвержена перекопам, изменению абриса и уровня ее поверхности. В пункте шурфа Ш.3, наиболее приближенной к борту низины, материк срезан, а в шурфе Ш.1 видны нарушения материкового горизонта, произведенные не ранее VIII в., поскольку перекрывающие материковый лёсс выбросы из водоема датируются пределами этого века.

Вслед за этим происходит серьезная перепланировка низины Ш, когда ее пространство нивелируется под единый горизонт, видимо, не позднее конца VIII в. - начала IX в. Сразу же вслед за нивелировкой (на новой поверхности только тонкий, пылевидный слой) с бортов низины, смещают вниз большие массы лёсса, со-

ставившие толщу 4,5-6 м, повышающуюся к подножию цитадели (ср. Ш.2.(1) и Ш.3.(1)).

Как выявил шурф 2 в низине VII, уровень материкового лёсса снижается здесь в сравнении со смежной низиной Ш на 3,5 м.

Слои 2-5,8 могут рассматриваться как осадочные прослойки на дне водоема, следовательно резервуар водоема, связанного с этими слоями оформлялся одновременно с насыпкой перемещенного лёсса (Ш.2.(1) и Ш.3.(1) и скорее всего сооружением его берегов из камней или кирпича.

На сужающемся пространстве низины Ш у подножья цитадели, где следовало бы предположить оживленное движение пешеходов и транспорта, в последние периоды жизни, когда водоема на этом месте уже не было, какой-то участок низины, включая точку шурфа Ш.3, оказался как бы изолированным. Интенсивное движение могло обходить здесь стороной близлежащий водоем или пятно зеленых насаждений.

Низина VII, площадью около 1 гектара, расположена близ юго-восточного края цитадели, южнее разрыва в оборонительной стене, где возможно нахождение городских ворот. В пределах низины заложено два шурфа (рис.2; 6). Следуя стратиграфической и хронологической последовательности накопления слоев в низине удобнее начать с описания шурфа 2, заложенного почти в центре низины (рис. 6.).

VII.2.(1): 8,70-9,40 м - Слой перемещенного лёсса с комьями серого ила, гумусом, железистыми высолами в порах - очевидно выбросы из водоёма.

VII.2.(2): 8,25-8,70 м - На глубине 8,70 м - горизонт, перекрытый железистым осадком, над которым чередуются прослойки ила с такими же железистыми высолами.

VII.2.(3): 8.00-8.25 м. Характер грунта меняется, много следов органики и костей животных, угольки, комочки зольного грунта, большой ком оплавленной глины с вкраплениями железа. Выше 8,15 м большая насыщенность органики. Горелая земля, зола, обломки большого горна.

VII.2.(4): 6,50-8 м. Горизонт с тремя прослойками сероватого песка и ила между ними, над которыми лежит выклинивающийся к северу гумусированный грунт с песком. От 7,85 м наклонные прослойки песка и желтокоричневого (от обилия истлевшей органики) грунта. Угольки. 7,35-7,50 - замытый наклон

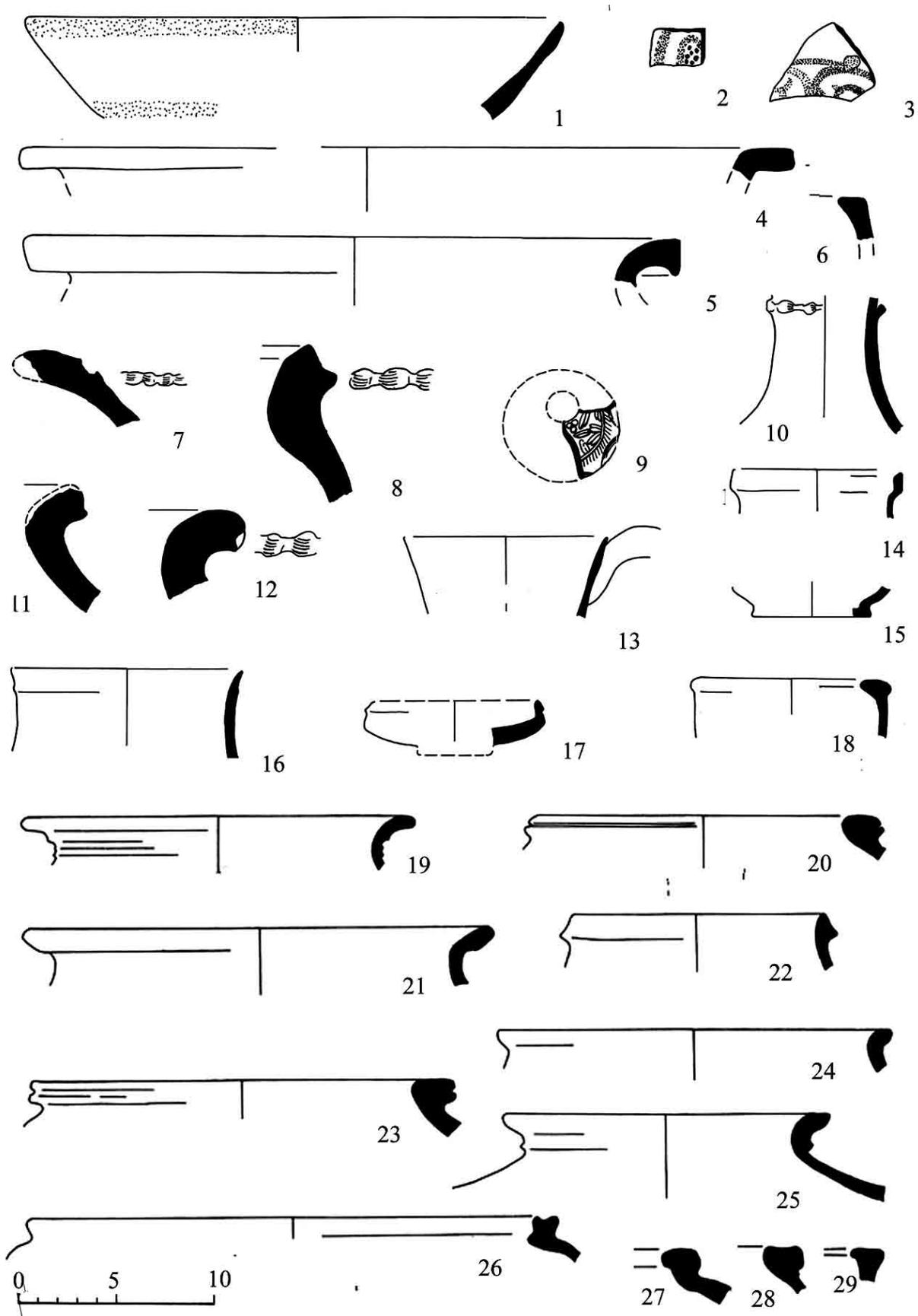

Рис. 8. 1-3, 13 - глазурованные сосуды, 19-29 - котлы

ный уровень с коричневым налетом. До 6,50 м чередование песчаных прослоек с гумусированным илистым грунтом. На уровне 7,05-7,20 м - очень много органики.

VII.2.(5) : 6,25-6,50 м. Светлый илистый грунт с большим количеством органики.

VII.2.(6): 5,50-6,25 м. Грунт слоистый - песок, ил, остатки органики. 6,10 м - скопление костей животных и керамики. 5,80 м - обломок жженого кирпича.

VII.2.(7): - 5,10-5,50 м. Серый грунт с песком и органикой, местами сыпучий с угольками. Кости животных, обломок жженого кирпича, керамика.

VII.2.(8): 4,95-5,10 м. Попеременно прослойки зернистого песка и грунта с примесью мелкозернистого песка.

VII.2.(9): 4,20-4,95 м. В слоистых натечках на глубине 4,92-4,95 м окатанные шарики глины с угольками. На северной и южной сторонах шурфа натечи нарушены скоплениями керамики и костей животных, в равномерно пористом, пропитанном гумусом грунте. Отсюда извлечен при обследовании венчик средневекового кувшина не ранее IX в.

4,92-4,45 м. Грунт пропитан гумусом и содержит мелкие обломки сырцового кирпича с саманом. 4,40-4,45 м - песчаные прослойки. В юго-восточной части шурфа грунт сильно прокален (при этом характер слоя остался прежним). По всей видимости это подземная часть большого горна.

VII.2.(10): 3,13-3,30 - 4,20 м. 4,15-4,20 - наклонный к северу (до 4,30 м) слоистый горизонт. Выше в пестром желто-сером рыхлом грунте комки пахсы или сырцового кирпича с замытыми сколами. Местами лунки с натечками, угольки, кости животных, обломки сланца. До отметки 3,60 м в юго-восточной части шурфа слой, как и VII.2.9 прокален. 3,13-3,60 м грунт становится более плотным.

VII.2.(11): 2,40 и -3,13 - 3,30 м. 3,10 м - прослойка угольков, золы, сажи. Грунт средней плотности местами с размывами. 2,40 м - слоистая горизонтальная поверхность.

VII.2.(12): 2,15 - 2,40 м. Комковатый слой.

VII.2.(13): 1,50-2,15 м. Над уровнем (2,15 м) плотных натечков - пористый комковатый слой с размывами.

VII.2.(14): 1,35-1,50 м. Чешуйчатые замытые прослойки, однако, не настолько плотные, чтобы с уверенностью определить их как плотно дороги или площади. Над ними рыхлые

горизонтальные прослойки с пылевидным песочком. Угольки, керамическая крошка. 1,35 м - прослойка грунта с песочком и белым тленом.

VII.2.(15): 1,10-1,35 м - рыхлый грунт.

VII.2.(16): 0,30-1,10 м - 1,00-1,10 м. Над замытым уровнем (1,10 м) глинистый грунт с коричневым налетом в рваных порах и белым тленом по волосяным порам. 1,00 горизонт с натечками. Выше прослойка сыпучего, промытого водой грунта и натечков с песочком.

Верхние 0,30 м - дерновый слой.

Низина VII, шурф 1, заложен к С-3 от шурфа 2, близ западного склона низины, его нулевая точка лежит на 0,20 м выше. Доведен до глубины 5,25 м (рис.6).

VII.1.(1): 5,00-5,25 м - кладка из трех рядов жженого кирпича, которая и послужила препятствием к дальнейшей работе бура. Кладка может быть облицовкой водоёма, поскольку соседство последнего обнаруживается в вышележащих слоях, а современное кладке дно его условно определяется в шурфе VII.2 на границе слоев 5 и 6.

VII.1.(2): 3,90-5,00 м. Довольно плотный грунт с размывами, участки рыхлого грунта, комки слоистого плотно слежавшегося желтоватого ила, угольки, зола, обломки жженого кирпича. 3,90 м - вымостка рваным чупанатинским сланцем, положенным на прослойку слежавшейся пыли. Уровень вымостки представляется возможным считать той дневной поверхностью, в которую встроен горн шурфа VII.2, хотя верхняя часть прокаленных в результате его работы слоев (углубленной части горна) не выявились какие-либо признаки кладки, что допускает вероятность и более высоко лежащего горизонта горна в пределах слоя VII.2.10. С уровня вымостки вынуты фрагменты глазурованных сосудов X в.

VII.1.(3): 3,60-3,90 м. Над вымосткой лежит светлый желтоватый ил, размытый водой с округлыми (омытыми) плотными комочками. В слегка слоистом грунте - комки глины, мелкие комочки гумуса, отпечатки соломы. По всей вероятности, водоем в это время еще существовал, но берег его по отношению к нижележащему, облицованному кирпичом, сместился по направлению к центру низины.

VII.1.(4): 3,45-3,60 м. Тонкая горизонтальная прослойка 3,60 м пылевидного песочка лежит довольно рыхлый грунт, кусок горелой глиносаманной обмазки, кости животных. 3,45 м горизонт с пылевидной прослойкой и гори-

зонтальными отслоями более плотными, чем нижележащий слой.

VII.1.(5): 3,05-3,45 м. В рыхлом слое комья очень плотного грунта, пропитанные гумусом и слегка слоющиеся под воздействием воды. На южной стороне шурфа участок плотного грунта - глины с саманом (возможно, остатки стены) и ржавыми высолами в порах. 3,05 м - горизонт с тонкой пылевидной прослойкой

VII.1.(6): 2,10-3,05 м. Над горизонтом 3,05 м сыпучий мелкокомковатый грунт постепенно уплотняется сверху, оставаясь тем же по структуре. Угольки, мелкие фрагменты керамики, кости животных. Местами лунки, заполненные натеками. Участки рыхлого грунта.

VII.1.(7): 0,90-2,10 м. Местами прерывистый горизонт с отслоем, но без заметного уплотнения поверхности, местами более четкий с чешуйчатыми наслоениями, причем чешуйки, с пористой поверхностью. Над горизонтом мелкая комковатость грунта. Линзы (длина 20 см, глубина 1 см) с замытой поверхностью. 1,85 м бугорчатый уровень с натеками. Выше участки наклонных поверхностей с натечными прослойками. 1,45 м слабая слоистость, грунт по-прежнему мелкокомковатый становится более плотным. 0,95-1,10 м - грунт с примесью пылевидного песочка.

VII.1.(8): 0,30-0,95 м. Бугорчатая замытая поверхность (0,95 м) покрыта двухсантиметровой слоистой глиной. 0,85-0,95 м - горизонталь из плотных светлых тонкодисперсных натеков. 0,70-0,85 м. Комковатый грунт с участками размывов. Над ним - рыхлые натечные прослойки. 0,45-0,50 м - слоистый глинистый натек. Весь слой V.1.8. образовался по всей вероятности в результате распашки. Верхние 0,45 м - дерновый слой.

Характер нижних слоев шурфа 2 (9,40-8,70 м) может быть определен как выброс при чистке водоема⁵ оставшегося за пределами шурфа. В дальнейшем границы хауза расширяются, над нижним слоем образуется уровень определяющий дно с пачкой осадочных отложений (8,25-8,70 м). Над ними зафиксированы следы железодельного производства, что видимо, указывает на очередное смещение резервуара водоема.

Судя по датировке вышележащих отложений, слои 1, 2 и 3 относятся к ранним этапам

жизни города. Долгое время (6,50-7,90 м) границы хауза, вновь расширенного остаются устойчивыми. Осадочные прослойки, имеющие уклон с юга на север, указывают на близость южного берега. Керамика, извлеченная из слоев - резервуар кубка (рис. 7: 13), горловина сосуда типа кратера (рис. 7: 9), определяют время функционирования хауза первыми веками до н.э. - рубежом н.э.

В дальнейшем (отметка 6,25-6,50 м) контур водоема, видимо, несколько смещается, что видно по накопившемуся выбросу донных отложений. Несколько фрагментов кувшинов из этого слоя, по характерным технологическим признакам, могут быть отнесены к периоду раннего средневековья.

Слои между отметками 5,55-6,25 м вновь характерны для отложений водоема. Фрагменты сосудов, извлеченные буром с этой глубины (рис. 8: 10, 12, 14, 15, 18, 21) допускают датировку отложений водоема IX в. К этому времени может быть отнесена кладка из жженных кирпичей в шурфе 1. На глубине 5,10-5,55 м характер слоя меняется, исчезают явные признаки водоема, которые опять появляются на отметках 5,00-5,10 м и совершенно пропадают выше 5 метров.

Вышележащая пятиметровая толща наслоений (0-5 м), накопление которой шло длительное время, начавшееся не ранее IX в., содержит несколько уровней с грунтом разной плотности. На отметке 3,50-4,95 м прослежены признаки гончарного (?) производства - прокаленный грунт, остатки круглого горна диаметром около 2 м. Сопровождающая керамика (рис. 8, 13, 19) датируется X в. В слоях перекрывающих горн прослеживаются несколько горизонтальных уровней, иногда со слоистой поверхностью, что характерно для открытых, не заостренных участков.

Хронологически слой охватывает промежуток времени от X до начала XIII в. (рис. 8: 9, 20, 21, 24, 26, 29). Верхний слой мощностью до 1 м образован в результате распашки под посевы. Аналогичный характер наслоений прослежен в верхних слоях шурфа 1, и если иногда отличается некоторым своеобразием, то схож по структуре и совпадению уровней.

Исследования, проведенные буровыми шурфами в низинах Афрасиаба позволили выявить расположенные в них хаузы, площади и дороги.

⁵ Происхождение комьев серого ила и перемещенного лёсса допустимо связать с донными отложениями перекопанными при очистных работах, но не вынутыми из хауза.

Как уже отмечалось, в разные годы проводилось археологическое исследование еще четырех низин I, II, X и XIII.

В низине I, занимающей западную часть первого укрепления, близ ее северного склона, была вскрыта система резервуаров (2, с. 209) IV-первых веков до н.э., имевшая, видимо, подсобный характер, а основное водохранилище располагалось ближе к центру низины. Есть основания думать, что водообеспечивающие устройства появились на этом стратегически важном участке Афрасиаба с самого начала градостроительства. Во второй крупной низине в пределах первого укрепления - низина II, расположенной к северу от цитадели, шурфом, заложенным в ее северо-западной четверти, водоема не выявлено. По всей вероятности, здесь была большая площадь, но возможность существования хаузов в этом месте вполне вероятна.

В северной части низины X, на юге Афрасиаба, возле III крепостной стены, стратиграфическим шурфом были обнаружены осадочные илистые наслоения, залегающие на глубине от 2,50 м до 3,40 м, уходящие вниз. По всей вероятности, шурфом вскрыта часть береговой линии водоема, на поверхности которой скопились выбросы при проведении очистных работ (3, с. 78-79, рис. 23).

В низине XIII, лежащей на юго-западе городища, в восточной ее части, шурфом на глубине 5 м, вскрыты осадочные илистые отложения мощностью до 7,5 м уходящие вниз (шурф до материка не доведен). Судя по находкам,

обнаруженные слои относятся к первой половине VIII в. - началу XIII в. (4, с. 54).

Помимо крупных хаузов - водохранилищ, сооруженных в естественных впадинах, со временем, видимо, появляются небольшие искусственные водоемы. Так, осадочные накопления раннесредневекового хауза, мощностью около 2,50 м (рис. 1, А, Р-37) (5, с. 2), обнаруженного в западной части Афрасиаба, между руслом западного канала и IV-ой оборонительной стеной. Близ юго-западного угла мечети, в XI-XII вв. располагался овальный (длинная ось - 21,50 м) трехметровой глубины хауз, облицованный рваным чупанатинским сланцем⁶.

Исследование низин Афрасиаба проведенное бурением, несмотря на предварительный характер результатов, позволило со всей очевидностью доказать существование в них глубоких общественных водоемов, а также близлежащих площадей, где могли размещаться базары. По берегам хаузов во все времена жизни города располагались постройки, часть которых была занята производственными мастерскими. Открытые пространства окружали зеленые насаждения среди которых, возможно, были и фруктовые деревья - персик, миндаль. При этом следует отметить, что берега некоторых хаузов были облицованы рваным чупанатинским сланцем.

Метод исследования буровыми шурфами глубоких низин Афрасиаба, судя по результатам, оправдал себя и может быть использован при аналогичных условиях на других памятниках археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Л.Вяткин. Афрасиаб городище былого Самарканда. Ташкент, 1926.
2. М.И.Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. Датировка автора представляется заглубленной.
3. А.А.Анарбаев. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.
4. В.Д.Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд) // ОНУ, 1961, № 4.
5. Н.Б.Немцева. Полевой отчет о работе на городище Афрасиаб в 1967 г. // Архив Института археологии АН РУз, № 567, с. 2.

G.V.Shishkina, A.A.Anarbaev, I.D.Ivaniskiy, O.N.Inevadkina, O.V.Kirillova.

EXPERIMENT OF RESEARCHING OF INTERBLOCK TERRITORY IN ANCIENT CITY AFROSIAB BY TEST DRILLING METHOD.

Article sets forth results archaeological researches lox places of Afrosiab by test drilling method allowing to define their functional assignment in the quality of public with contiguiting squares, evidently, commercial assignment. Method utilized in Afrosiab justified itself and may be recommended utilizing to study another ancient cities.

6. Раскоп 44. Работы в 1978-1993 гг. производились под наблюдением Н.Р.Рахимбабаевой, в 1983-85 гг. сотрудниками Государственного музея-заповедника (Самарканд) Е.В.Лушниковой и Л.Ф.Соколовской.

Г. Ахадова

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЖИВОПИСИ БАЛАЛЫКТЕПЕ

Одним из важнейших аспектов в лабораторной обработке живописи является расчистка красочного слоя. Её цель состоит в максимальном выявлении изображения, колорита и восстановления фактуры красочного слоя. В процессе расчистки раскрываются технико-технологические характеристики и манера письма живописца.

Совершенно неожиданные результаты приносит расчистка росписей, поверхность которых была сильно загрязнена органическими компонентами, устранение которых в полевых условиях невозможно. Инеродная масса, покрывая плотной пленкой красочный слой, искажает как изображение, так и фактуру росписи.

Один из таких случаев - живопись Балалыктепе, открытая в 1953 году Л.И. Альбаумом (Альбаум, 1960, с. 126). Поверхность росписей была сильно закопчена, что значительно затруднило расшифровку отдельных деталей рисунка, хотя в целом вся композиция читалась довольно отчетливо.

Копоть, въевшаяся в пористый слой, скрыла от исследователей некоторые детали композиции. По этой причине при прорисовке росписей в полевых условиях были допущены искажения и неточности. Так при реставрации всего лишь одного фрагмента (№ 14) было обнаружено несколько неточностей в прорисовке деталей, одежды, аксессуаров, положении рук персонажей сюжетной композиции.

Фрагмент № 14 (размеры 95x70 см) находился на южной стене помещения замка Балалыктепе, где сохранились изображения 11 фигур, которые подразделяются на четыре группы (Альбаум, 1960, с. 128).

Изученный нами фрагмент живописи относится к четвертой группе, которая состоит из трех фигур. Это изображения 9, 10 и 11 фигур, завершающие общую композицию южной стены.

Так фигура 9 представляет собой изображение слуги-юноши. Его фигура повернута влево на 3/4. В своих руках он держит опахало.

Согласно древним художественным канонам, художники в размерах изображения фигур ориентировались на их социальное положение (Ремпель, 1973, с. 40).

Так размеры фигурок слуг, людей низших социальных слоев, были намного меньше, чем изображения господ и высокопоставленных чиновников.

В древнеиндийском трактате «Читраклакшана» очень хорошо описываются правила художественного изображения в росписях (Мастера искусств об искусстве, 1965, с. 30-32).

Художник, создавший монументальную сюжетную живопись Балалыктепе, судя по манере исполнения художественных образов, был хорошо знаком с правилами этих древних канонов.

Поэтому фигура юноши исполнена в намного меньшем размере, чем изображение сидящих впереди и роскошно одетых мужчины и женщины.

По описаниям Л.И. Альбаума в ушах юноши - слуги сережки нарисованы в виде кольца с тремя продолговатыми подвесками (Альбаум, 1960, с. 136). В процессе реставрации выявилось, что серьга, изображенная светлой охрой в форме овального кольца была без подвесок (шириной - 3 мм).

Заслуживает внимания композиционное построение двух фигур - мужчины и женщины, так как в процессе дальнейших реставрационных и исследовательских работ уточняются некоторые детали графического рисунка, ранее толковавшиеся ошибочно. Так предполагалось, что косичка женщины у шеи за спиной завязывалась лентой (рис. 1), однако выявилось, что это не лента, а левая рука мужского персонажа, лежащая на левом плече женской фигуры (рис. 2).

Рис. 1-2.

После расчистки красочного слоя отчетливо проявились пальцы, окрашенные палевым цветом и оконтуренные темно-бордовой линией.

Отчетливо проступила кисть правой руки изображенной на живописи мужской фигуры (в центре), преподносящего женщине чашу. На руке выявились также и новые детали - широкий манжет рукава кафтана.

Таким образом, на росписи мы увидели изображение обеих рук мужской фигуры.

Весьма интересны жесты рук персонажей. В первоначальной копии, снятой во время вскрытия живописи, у женской фигуры хорошо виден широкий рукав с пришитой с внутренней стороны тельной подкладкой. После реставрации обнаружилось, что именно мужская рука прикрывает женскую. Манжет рукава мужского персонажа широкий и тесно облегает кисть руки.

Женщина сидит, повернувшись к мужчине на 3/4 влево, слегка наклонив к нему голову. Пальцы ее рук широко расставлены и лежат на груди мужчины.

В процессе расчистки выявляется истинный колорит красочного слоя, который в значительной степени искажился из-за загрязнений органического и неорганического происхождения. Это была копоть, минеральные соли, воздействия микроорганизмов и т.д.

Стало возможным исследование технико-технологических параметров живописи. Так красочный слой был нанесен на очень плотный слой ганчевой подгрунтовки. При исполнении живописи художник пользовался пастозным мазком. Причем изображение фигур передавалось с помощью нанесения густой краски. Красочный слой толстый и во многих местах видны выразительные рельефные следы ворса кисти, что создает впечатление масляной живописи. Особенно это заметно в тех местах красочного слоя, где копоть скопилась в углублениях.

Направления движения кисти шло по форме изображения. Поэтому рисунок кажется рельефным. Это особенно наглядно видно на лице юноши с опахалом.

В росписи отсутствуют светотеневые градации красочного слоя. Хотя этот способ применялся ранее, в эпоху Кушан, для придания изображаемым фигурам объемности (Реутова, 1986, с.193; Бурый, 1979, с. 146). Однако живопись Балалыктепе выполнена пастозными мазками. Возможно, они использовались художником в качестве элемента объемного моделирования. Таким образом, проведенный процесс научной реставрации, позволил выявить элементы истиной сюжетной росписи и письма авторской живописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
2. Бурый В.А. Техника росписей помещения 16. Древняя Бактрия. Вып. 2 Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979 г.
3. Мастера искусств об искусстве. Под общей ред. А.А. Губера, А.А. Федорова-Давыдова, И.Л. Маца, В.Н. Гращенкова. Т.1. М., 1965.
4. Проблема канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
5. Реутова М.А. Живопись Зартепа // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.

А.Р. Батиров

ГОЛОЦЕНОВЫЕ ДОМАШНИЕ СОБАКИ УЗБЕКИСТАНА

Собака является одним из древнейших одомашненных животных. Однако многие вопросы - время появления, морфологические особенности, породная принадлежность, роль в хозяйстве - до сих пор остаются открытыми. Особенно это касается Средней Азии, и, в частности, Узбекистана (В.Громова, 1940; В.И.Цалкин, 1952, 1966; Н.М.Ермолова, 1970; Б.Х.Батиров, 1966, 1978; Т.Н.Худайбердиев, 1980; А.Р. Батиров, 1981, 1983, 1984; А.Р.Батиров, Б.Х.Батыров, 1981, 1986).

К настоящему времени найдено более 1945 костей собак, происходящих минимально от 976 особей. Они обнаружены в культурных слоях 40 археологических памятников, начиная с эпохи мезолита и до средневековых включительно (табл. I). В отличие от остатков костей большинства домашних животных, кости собак в захоронениях находятся в сравнительно хорошей сохранности и часто лишены искусственных повреждений (за исключением костей из мезолитического слоя).

Особенно богатыми костными остатками собак оказались археологические памятники Джаркутан /280/22/, Чуст /16/12/, Мирзакультепа /12/4/, Зартепа /31/8/, Курганча /51/19/, Куланлы /18/3/, Сартепа /350/3/, Миздахкан /25/5/, Косонтепа /56/7/, Подахона /802/800/ и др.

Целые черепа или их фрагменты, часто со сломанными скуловатыми дугами, и большинство костей посткраниального скелета находятся в хорошей сохранности. Это результат того, что древнее население Узбекистана, вероятно, не использовали мясо в пищу. Остатки принадлежат особям различного пола и возраста. В материале почти полностью отсутствуют кости новорожденных щенков. Костные остатки очень старых собак, с почти совершенно сносненными коронками зубов встречаются в единичных экземплярах.

Из голоценовых поселений Узбекистана нами изучено 13 целых черепов: из слоев эпохи бронзы - 2 экз., античности - 8 экз., средневековья - 3 экз. Анализы общей и основной длины целых черепов из культурных слоев археологи-

ческих памятников Узбекистана дали следующую картину. Наибольший процент по основной длине составляют черепа размерами от 150,0 до 160,0 мм (38,4%), а наименьшую - черепа от 180,0 до 190,0 мм (15,3%). Тогда как по общей длине черепа соответственно от 170,0 до 190,0 мм (30,3%), от 201,0 до 220,0 мм. (15,4%). Среди этих черепов наименьшую длину имеет череп из античного поселения Мирзакультепа с общей длиной 172,0 мм и с основной длиной 150,0 мм. Наибольшую длину имел череп из Саттепо: соответственно 215,0 мм и 190,5 мм (табл. 2). Немаловажные результаты были получены при анализе промеров длины ряда коренных зубов верхней челюсти собаки домашней из археологических памятников Узбекистана. Длина ряда коренных зубов верхней челюсти в 15 экз. колеблется от 58,5 до 69,5 мм, в среднем составляя 65,4 мм.

На графике изменчивости длины ряда коренных зубов верхней челюсти собаки домашней из памятников Узбекистана выделяются две вершины: одна в классе 62-64 мм и вторая в классе 68-70 мм. Это свидетельствует о том, что здесь существовало несколько пород собак.

В нашей коллекции собакам принадлежат 27 нижних челюстей (9 шт. из слоев бронзы, 11 из слоев античности, 7 - из слоев средневековья), на которых можно проводить измерения (табл. 2).

Общая длина нижней челюсти 13 экз. колеблется от 126,0 до 156,0 мм, в среднем составляет 138,5 мм. Длина ряда коренных зубов у альвеол 27 экз. колеблется от 66,0 до 91,0 мм, в среднем составляя 76,95 мм на графике изменчивости длины зубного ряда нижней челюсти собак из поселений бронзы - средневековья Узбекистана (рис. 4/1). Четко выделяется одна вершина в классе 74-78 мм. У экземпляров из слоев поздней бронзы и античности тоже одна вершина, а у экземпляров эпохи средневековья выделяются две вершины: в классе 74-78 мм и второй в классе 86-90 мм (рис. 4/2-4). Как видно на рисунке, в материале из поселений брон-

зы и античности наблюдается одновершинный график, а в средневековье - тенденция к формированию двухвершинного графика по альвеолярной длине зубного ряда нижней челюсти. По некоторым промерам нижней челюсти В.Петри (Petri, 1961) нашел вычисление общей длины черепа следующим образом: длина альвеолярного ряда нижней челюсти умножалась

на коэффициент 2,9, а из полученного результата вычислялось 44. Согласно этой формулы длина черепа позднеголоценовых собак Узбекистана колебалась между 147,4 и 219,9 в среднем 179,1. Как видно из полученных таким образом данных, размеры черепов собак (табл. 2) различаются.

Таблица I. Количество обнаруженных костей и особей собаки домашней из археологических памятников Узбекистана.

П/П №.№	Памятники	Хронологическая дата	Количество	
			костей	особей
1	2	3	4	5
1.	Мачай	VIII тыс. до н.э.	21	2
2.	Сазаган		15	2
3.	Зомигатош		1	1
4.	Сапаллтепа	II тыс. до н.э.	3	1
5.	Джаркутан	Конец II тыс. до н.э.	280	22
6.	Чуст	X-VIII вв. до н.э.	16	12
7.	Шаштепа	VI-IV вв. до н.э.	3	2
8.	Кучуктепа	X-VIII вв. до н.э.	25	4
9.	Чиракчинские поселения		1	1
10.	Топраккала-шаватский	V-III вв. до н.э.	1	1
11.	Айбугир	V-III вв. до н.э. I-III вв. н.э.	9	6
12.	Самарканд (котлован)	VI-V вв. до н.э.	9	2
13.	Акчунгул	III-IV вв. до н.э.	6	3
14.	Бухара	II-III вв. до н.э.	3	1
15.	Сартепа	IV в. до н.э.	350	23
16.	Киндиктепа	III-II вв. до н.э. V-VI в. н.э.	35	1
17.	Хантепа	VI-IV вв. до н.э.	5	1
18.	Мирзакультепа	I в. н.э.	12	4
19.	Еркурган	IV-VI вв. н.э.	2	1
20.	Обишир (антич)	I-IV вв. н.э.	2	2
21.	Ромиштепа	III-XII вв. н.э.	3	2
22.	Сеталак I	IV-V вв. н.э.	13	3
23.	Зартепа	IV-V вв. н.э.	31	8
24.	Ахсикент	II-IV вв. н.э.	10	6
25.	Афрасиаб		1	1
26.	Старый Термез	IV-VI вв. н.э.	3	2
27.	Таллисортепа	VI-VIII вв. н.э.	9	2
28.	Кувекурган	V в. н.э.	5	2
29.	Кургонча	VII-VIII вв. н.э.	51	19
30.	Куланлы	X-XII вв. н.э.	18	3
31.	Сумбетимирлаон Куркеук	VII-VIII вв. н.э.	20	2
32.	Косонтепа		66	7
33.	Поенкурман	IV-I вв. н.э.	7	1
34.	Актепа	VI в. н.э.	4	1
35.	Кучантепа	V-VII вв. н.э.	54	14
36.	Таукантепа	IV-VII вв. н.э.	9	3
37.	Миздахкан	XII-XIII вв. н.э.	25	5
38.	Подахона	XIII-V вв. н.э.	802	800
39.	Замок МНК		2	1
40.	Сохское водохранилище		23	5
ВСЕГО:			1945	976

Таблица 2. Промеры черепов и нижних челюстей домашних собак из археологических памятников (в мм)

ПП №№	Признак	Бронза-средневековье		
		п	предел	средний
1	2	3	4	5
1.	Общая длина	13	172,0-215,0	189,03
2.	Кондинобазальная длина	12	162,0-201,0	179,5
3.	Основная длина	13	150,0-190,5	166,8
4.	Длина мозговой оси	10	44,5-59,0	49,9
5.	Верхняя мозговая длина	13	81,5-103,0	90,65
6.	Лицевая длина	12	102,0-124,5	112,79
7.	Длина морды	9	76,0-89,0	82,66
8.	Альвеолярная длина верхнекоренных зубов	15	58,5-69,5	65,43
9.	Длина ряда моляр (верх. чел.)	14	13,5-33,0	22,17
10.	Длина ряда премоляр	15	32,0-55,0	47,60
11.	Длина лицевой оси	5	115,0-126,5	121,36
12.	Длина носа	9	69,5-106,0	85,77
13.	Ширина верхних альвеол	10	36,0-42,0	38,70
14.	Общая длина нижней челюсти	13	126,0-156,0	138,50
15.	Альвеол. длина ряда нижнекоренных зубов	27	66,0-91,0	76,96
16.	Длина моляров	24	31,0-46,0	30,16
17.	Длина премоляр	20	36,0-49,0	40,87
18.	Длина M ₁	21	20,5-31,0	23,64

Из этого вытекает, что в нашем материале нет нижних челюстей самых мелких и относительно крупных особей. Вероятно, среди собак позднего голоцена Узбекистана были и более мелкие и, возможно, более крупные формы. Но, надо отметить, что основная масса измеренных черепов собак из археологических памятников

Узбекистана относится к черепам, размерами от 175 до 187 мм.

Костей конечностей собак по историческим периодам в нашей коллекции относительно мало (табл. 3), а другие кости посткраниального скелета сильно разрушены (не пригодны для измерения) или их нет.

Таблица 3. Размеры костей посткраниального скелета собаки домашней (мм)

ПП №№	ПРИЗНАК	БРОНЗА			АНТИЧНОСТЬ			СРЕДНЕВЕКОВЬЕ		
		П	ПРЕДЕЛ	СРЕД	П	ПРЕДЕЛ	СРЕД	П	ПРЕДЕЛ	СРЕД
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	Плечевая кость									
	общая длина	3	153,5-170,0	161,1	5	151,0-189,5	166,1	3	146,0-156,0	151,8
	ширина нижнего эпифиза	5	30,0-36,0	33,5	14	27,5-36,5	32,1	5	27,5-31,0	29,0
	диафиза	3	10,0-14,0	12,0	10	12,0-14,0	13,2	4	10,5-12,0	11,2
2.	Лучевая кость									
	общая длина	4	161,0-182,0	172,2	3	155,0-184,0	164,7	3	144,5-176,0	165,0
3.	Берцовая кость									
	общая длина	3	174,5-179,5	176,6	6	168,5-182,5	174,3	6	167,0-197,5	180,5
	ширина диафиза	3	16,0-19,0	17,6	9	13,0-14,5	13,5	7	11,5-19,0	15,6
4.	Бедренная кость									
	общая длина	5	161,5-199,0	184,4	7	169,5-195,0	181,8	3	161,5-188,5	177,3
	ширина нижнего эпифиза	6	29,0-35,5	32,2	9	29,5-33,0	31,4	3	29,0-55,5	30,6
	диафиза	5	12,5-15,0	13,1	7	12,5-15,0	13,8	3	12,5-15,0	14,0
	лопатка	3	128,5-132,0	130,0	5	107,5-150,0	129,8	4	128,5-144,0	133,0
	общая длина									
5.	Пяточная кость									
	общая длина	5	44,5-50,5	47,4	3	44,5-53,0	48,0	1	44,5	-
6.	Астрагал									
	общая длина	4	28,5-34,5	30,7	2	26,5-27,5	27,0	1	26,0	-

Целых плечевых костей в эпоху бронзы - 3. Их длина 153,5-170,0 мм, в среднем 161,1 мм. Ширина нижнего конца такой кости достигает (п-5) 30,0-36,0 мм, в среднем 33,5. Ширина диафиза (п-3) 10,0-14,0 мм, в среднем 12,0 мм. В эпоху античности соответственно 151,0-189,5 мм, в среднем 166,1 (п-5), 27,5-36,5 мм, в среднем 32,1 мм (п-12), 12,0-14,0 мм, в среднем 13,2 мм (п-10), в эпоху средневековья 146,0-156,5 мм, в среднем 151,8 мм (п-3), 27,5-31,5 мм, в среднем 29,0 мм (п-5), 10,5-12,0 мм, в среднем 11,2 мм (п-4). Целых лучевых костей нами измерено: общая длина - бронза 161,0-182,0 мм, в среднем 172,2 мм (п-4); античность 155,0-184,0 мм, в среднем 164,7 мм (п-3); средневековье 144,5-176,0 мм, в среднем 165,0 мм

(п-3). Промеры большой берцовой кости в эпоху бронзы: 174,5-179,5 мм., в среднем 176,6 мм (п-3); в античности 168,5-182,5 мм, в среднем 174,3 мм (п-6); в средневековье 167,0-197,5 мм, в среднем 180,5 мм (п-6). Ширина диафиза его: бронза 16,0-19,0 мм, в среднем 17,6 мм (п-3); античность 13,0-14,5 мм, в среднем 13,5 мм (п-9); средневековье 11,5-19,0 мм, в среднем 15,6 мм (п-7) и т.д. (табл. 3). Вычитывая высоту в холке собак позднего голоцена Узбекистана по трубчатым костям, умножаем общую латеральную длину кости на коэффициенты, предложенные Кудельской. Для лучевой - 3,22, плечевой - 3,27, большой берцовой кости - 2,92, бедренной кости 3, 53. Получаем следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4. Высота в холке домашних собак (в см)

№	ЭПОХИ	ПЛЕЧЕВАЯ КОСТЬ			ЛУЧЕВАЯ КОСТЬ			Б/БЕРЦОВАЯ КОСТЬ			БЕДРЕННАЯ КОСТЬ		
		п	пред.	ср.	п	пред.	ср.	п	пред.	ср.	п	пред.	ср.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1.	Бронза	3	51,7-57,3	54,3	4	51,8-58,6	55,5	3	50,9-52,4	51,5	5	57,0-70,2	65,0
2.	Античность	5	50,9-63,8	55,9	3	49,9-59,2	55,9	6	49,2-53,3	50,9	7	59,8-68,8	64,0
3.	Средневековье	3	49,2-52,7	51,2	3	46,5-56,7	51,3	6	48,8-56,7	52,5	3	57,0-66,5	62,5

Анализ целых трубчатых костей скелетов и вычисление по ним высоты в холке в отдельности по периодам (бронза, античность, средневековье), дали следующую картину: по плечевой кости высота в холке в эпоху бронзы варьирует от 51,17 до 57,3 см, в среднем 54,3 см, в античности от 50,9 до 63,8 см, в среднем 55,9 см, а в средневековье от 49,2 до 52,7 см, в среднем 51,2 см. По лучевой кости соответственно от 51,8 до 58,6 см, в среднем 55,5 см; от 49,9 до 59,2 см, в среднем 55,9 см; от 46,5 до 56,7 см, в среднем 51,3 см. По большой берцовой кости от 50,9 до 52,4 см, в среднем 51,5 см; от 49,2 до 53,3 см, в среднем 50,9 см; от 48,8 до 56,7 см., в среднем 52,5 см. Тогда как по бедренной кости от 57,0 до 70,2 см; в среднем 65,09, от 59,8 см до 68,8 см, в среднем 64,06 см; от 57,0 см до 66,5 см в среднем 62,5 см.

Итак, высота собак позднего голоцена Узбекистана в холке, определенная по трубчатым костям, колебалась: в эпоху бронзы от 50,9 до 70,2 см, в среднем 60,5 см, в античность от 49,2 до 68,8 см, в среднем 59 см., в средневековье от 45,6 до 66,5 см, в среднем 57,6 (рис. 5). Из этого видно, что по средней величине в холке,

первое место занимали собаки эпохи бронзы, второе - эпохи античности, а третье - эпохи средневековья.

Из вышеизложенных данных можно сделать вывод, что на территории Узбекистана в голоценовое время древние люди имели домашних собак разной величины и различных пород. Морфометрические данные свидетельствуют о существовании, по крайней мере, двух пород - мелких и крупных. Мелкие собаки по высоте холки, но с относительно мощными конечностями охраняли домашний очаг и помогали в скотоводстве. Более крупные с длинными стройными конечностями, очевидно, использовались для охоты.

В эпоху бронзы жители имели, в основном, собак среднего и крупного размера, которые охраняли домашний очаг и домашний скот. В скотоводстве собаки использовались для охраны, главным образом, мелкого рогатого скота. Об этом свидетельствует большое количество костных остатков мелкого рогатого скота в слоях, начиная с эпохи бронзы. Существовал и крупный рогатый скот, в охране которого собака существенной роли не играла. В эпоху ан-

тичности, значение собаки возрастало. Появляются относительно мелкие и средние собаки. В составе домашних животных значительно увеличивается количество крупного и мелкого рогатого скота, лошадей. В отдельных местах возрастает значение охоты с помощью собак и ловчих птиц.

В эпоху средневековья у оседлых племен заметно увеличивается количество и роль крупного рогатого скота, ограничивается число мелкого рогатого скота, в связи с чем значение собаки в скотоводстве в какой-то мере снижается. Но появляются и расширяются некоторые другие аспекты использования собак, в частности, на охоте, в боевых действиях, а также в качестве декоративных.

В связи с этим в средневековье, размеры собак становятся более изменчивыми, чем в эпохи бронзы и античности. Причиной изменчивости видимо было свободное скрещивание между породами, которые были привезены различными кочевниками, завоевателями и т.д.

Разнообразие домашних собак как по величине так и по породе особенно увеличивается в эпоху позднего средневековья (XV-XVIII вв.). Исследование черепов и фрагментов костей собак из пещеры Подахона (недалеко от г. Навои) показывает, что они принадлежат различным породам и отличаются по размерам и по структуре. Это очень хорошо прослеживается на графике изменчивости общей и основной длины черепа собаки домашней (рис. 6, 7). На рисунке 6 по изменчивости общей длины наблюдается трехвершинный график, а на рисунке 7 по изменчивости основной длины четырехвершинный график.

Из этого можно отметить, что 63 измеренных целых черепа из Подахона принадлежат не менее 3-4 породам собак. А по величине в холке видимо, они были еще больше разнообразными.

С древнейших времен (мезолит) собака широко использовалась древними людьми на охоте. Об этом свидетельствуют наскальные изображения собак, сцены охоты с помощью

собак в Узбекистане. Это петроглифы Зараутская, Сармишская, Янгиарыкская, Такаташа, Сура-тыская и др. (Формозов, 1969; Кабиров, 1976; Хужаназаров, 1985). Некоторые морфометрические данные - удлиненность лицевой части, длинные стройные конечности костных остатков собак (Сумбитимиралан Куркреук) - так же подтверждают существование на территории Узбекистана охотничьих собак - тазы, типа борзовых, но они у древних жителей Узбекистана, видимо, водились в ограниченном количестве.

В эпохи бронзы, античности и средневековья собаки играли определенную роль и в культовых верованиях. Это подтверждается данными, которые были получены при археологических раскопках (Литвинский, Седов, 1984).

Основываясь на археопалеозоологических материалах домашних собак и анализируя исторические источники, мы пришли к следующим выводам:

- Домашняя собака на территории Узбекистана появилась в конце эпохи мезолита. Об этом свидетельствуют наскальные росписи Зарауткамара и археологические материалы из пещеры Мачай на юге Узбекистана. По некоторым морфометрическим данным они были среднего размера и, использовались вероятно, в ограниченном количестве.

- Расширение ареала собак по всему Узбекистану прослеживается с эпохи бронзы, когда существовало не менее двух пород домашней собаки. Они использовались в сторожевых целях, в пастушестве и определенное значение имели в культе.

- В эпоху античности и средневековья значение собаки еще больше возросло и, соответственно, увеличилась их численность, расширился ареал. Их использовали в сторожевых целях, в пастушестве, широко применяли на охоте и в культе, не исключено их использование в боевых действиях и в декоративных целях. Это и привело, видимо, к появлению в это время не менее 5-6 пород домашних собак.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батиров А.Р. Фауна домашних и диких животных поселения Сеталак I // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
2. Батиров А.Р. Фауна домашних и диких животных эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана. // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
3. Батиров А.Р. Фаунистические остатки млекопитающих из городища Зартепа // Экология и морфология животных. Самарканд, 1984.
4. Батиров Б.Х. Фауна млекопитающих городища Кучуктепа юга Узбекистана // Матер. 23 науч. конф. проф. - препод. состава биологич. факультета СамГУ. Самарканд, 1966.
5. Батиров Б.Х. Фауна млекопитающих из пещеры Мачай // Тр. СамГУ. Нов.сер. Вып. 351. Самарканд, 1978.
6. Батиров Б.Х., Батиров А.Р. Средневековая фауна поселения Курганча // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.

7. Батиров Б.Х., Батиров А.Р. Фаунистические остатки из поселения Сумбетимиралан Куркреук на плато Устюрт // Археология Приаралья. Вып. III. Ташкент, 1986.
8. Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. (Каунтитепе) Раскопки 1935 г. Ташкент, 1940.
9. Ермолова Н.М. Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана // Каракумские древности. Вып. I. Ашхабад, 1968.
10. Кабиров Д.К. Древнейшая наскальная живопись Зараутсая // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
11. Кабиров Д.К. Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар. Тошкент, 1976.
12. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
13. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
14. Хужаназаров М. Наскальные изображения северо-восточного Узбекистана // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1985.
15. Худойбердиев Т.Н. Фауна древнейших поселений Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
16. Цалкин В.И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма // Тр. Хорезмийской археол. этнограф. экспедиции (1945-1948 гг.). Т. I. М., 1952.
17. Цалкин В.И. Древнейшее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР, № 135. М., 1966.
18. Petri W. Neues funde des hundes aus dem keltishen Oppidum von Manchind Stud an vor-u frubgech. Tierester Bauorns, 10, 1991.

A.R. Batirov

HOLOCENE DOMESTIC DOGS OF UZBEKISTAN

This article is devoted to the history, the periods of appearance, morphological structures, breeds, the role in everyday life of domestic dogs, based on about 2000 bone examples found in more than 40 archaeological sites, situated in the territory of Uzbekistan. There are 4 bone measurement tables, 7 graphical information given in the article.

О.В. Кириллова, Ф. Грене, Этьен де ла Вэссьер

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ С ГОРЫ МУГ ?

При инвентаризации старых поступлений в фондохранилище Музея истории Самарканда (на городище Афрасиаб) в одной из коробок с материалами якобы из раскопа № 23 («Дворец ихшида») был обнаружен предмет по своему внешнему виду, напоминающий согдийские документы (предположительно копия для экспозиции).

Детальное исследование документа, проведенное в сентябре 2001 года, позволило определить, с одной стороны, его безусловную подлинность и с другой, его вероятное происхождение с горы Муг (вопреки случайным указаниям на инвентарной бирке).

Документ представляет собой прямоугольный фрагмент пергамента (кожи) размером 13,5x8,3 см. На нем имеются следы сгибов, а также дырочки от шва на левой стороне. На лицевой стороне сохранились три полные строки согдийским письмом, на оборотной - две неполные, частично стертые строки, перпендикулярно расположенные по отношению к строкам на лицевой стороне. Печать из красного воска, изображающая льва с открытой пастью, скрепляет тонкую ленту из кожи, продетую в свою очередь через две прорези в верхнем левом углу документа. Кроме основного текста, на лицевой стороне различаются сильно стертые следы двух строк, видимо, согдийским письмом. Речь идет, таким образом, о палимпсесте.

Текст:

Лицевая сторона:

- 1) 't βγw xwβw[pγuw 'šyw
- 2) krtk MN хурδ [βn]tk
- 3) rwstyk xwβ 'pš'wn

Оборотная сторона:

- 1)]βγw xwβw[
- 2)]MN[

Перевод:

Лицевая сторона:

- 1) Господину, государю (хуву) любимому и почитаемому,
- 2) Карте, от его слуги
- 3) Афшуна, государя Роста.

Обратная сторона:

- 1) ...господину, государю...
- 2) ...от...

Комментарий

Вводная и заключительная форма документа с горы Муг В-9 абсолютно идентична публикуемому здесь тексту, за исключением адресата¹. В документе В-9, строки 1 и 14, читаем **Зкатч (Заканч?)**, тогда как в нашем тексте фигурирует Карте. Проблематичным в сравнении двух документов может быть чтение **rwstyk** («Ростский») в начале третьей линии нашего документа, где буква **s** имеет непривычную форму. Но та же форма встречается в этом слове в документе В-9. Тоже форма написания букв **s** в слове **'pšwn** «Афшун» (отличную от той же буквы в слове **'šyw** в первой строке), встречается в этом слове в документе В-9. Надо полагать, что в новом тексте использован формуляр, не имеющий параллелей в других согдийских

¹ Лившиц В.А. Согдийские документы с Горы Муг, II, М., 1962, стр. 157 и сл. О более вероятном чтении Афшун ('pš'wn), а не Афарун ('pr'wn), см.: N. Sims-Williams apud F.Grenet, «Les «Huns» dans les documents sogdiens du Mont Mugh», *Etudes irano-aryennes offertes a Gilbert Lazard (Cahiers de Studia Iranica, 7)*, Paris, 1989, p. 184.

письмах на согдийском языке, не считая письма В-9, где мы имеем «Господину, любимому и почитаемому». Тогда идентичность отправителей в двух документах не вызывает сомне-

ний: это Афшун, правитель Роста (селение, отождествленное В.А. Лифшицем с Ростфагом, известном по средневековым источникам в округе Даргома).

Рис.1. Лицевая сторона папируса.

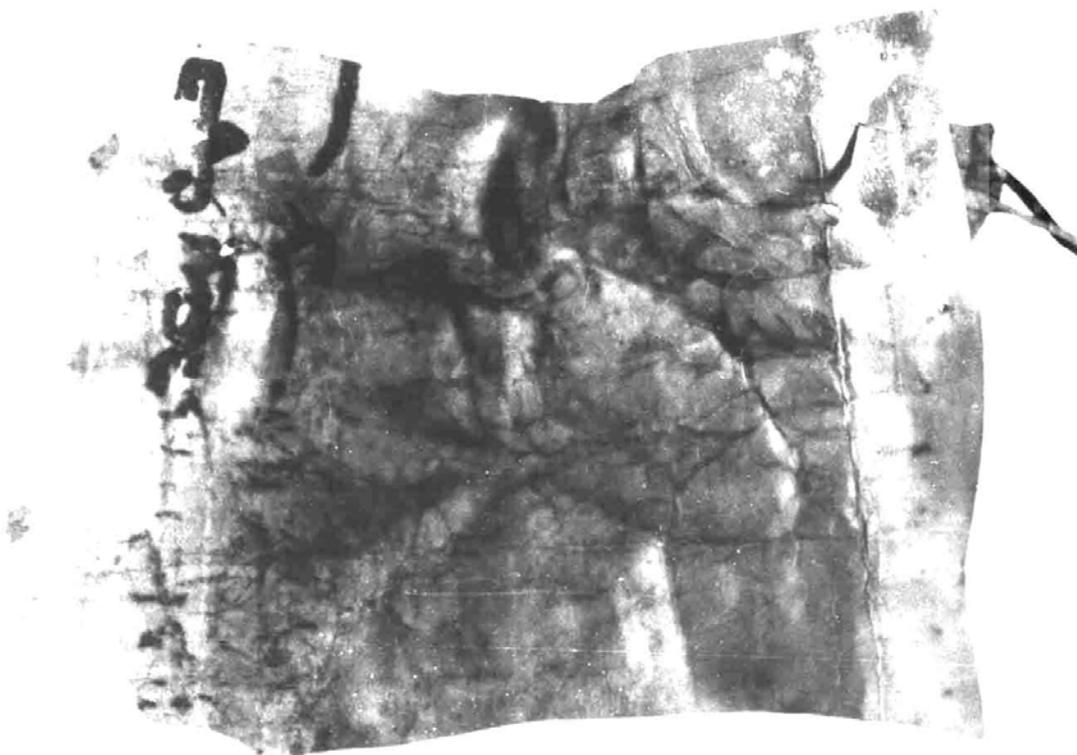

Рис.2. Обратная сторона папируса.

Рис.3. Печать.

Полное совпадение основных данных «самаркандского» документа с упомянутым письмом В-9, по нашему мнению, можно найти только два объяснения: либо документ поддельный, либо он принадлежал мугскому архиву. В пользу первой гипотезы аргументов слишком мало: помимо состояния пергамента (текст, без сомнения, был нанесен до того, как кожа покоробилась), качество почерка, наличие печати, достоверность которой очевидна, палимпсест с согдийским текстом, все эти данные делают маловероятным предположение о работе фальсификатора, которому по совершенно непонятной причине понадобилось бы прило-

жить массу усилий для создания такого короткого текста.

В современном его состоянии найденный текст является ничем иным как заключительной формулой письма, специально отделенной от основного текста. Лицевая часть документа, видимая и в свернутом положении, должна была повторять имена и титулатуру отправителя и получателя, но без формул вежливости. Речь может идти в данном случае об одном из документов с горы Муг, остававшимся неотмеченным до сих пор. Обстоятельства, сопутствовавшие открытию этих документов, говорят в пользу такой гипотезы. Первые из них были найдены весной 1932 местными жителями и лишь через полтора года в это место была послана археологическая экспедиция для исследования и собирания документов. Тем временем, некоторые из последних могли исчезнуть, как например, документ I.1, конфискованный сотрудниками КГБ и известный только по фотографии. Вполне возможно, что некоторые документы остались вне поля зрения археологической экспедиции, оказавшись на руках у кого-нибудь из местных жителей и лишь затем, неизвестным путем (попытка продажи в Самарканде ?) попав в резервы музея. В связи с вышесказанным, мы полагаем, что этот документ следует добавить в коллекцию согдийских текстов с горы Муг.

O. Kirillova, F. Grenet, E. De la Vaissiere
«Un nouveau document du Mont Mugh?»

A l'occasion d'un inventaire des réserves du Musée de Samarkand (filiale d'Afrasiab) a été découverte la partie finale (formule d'envoi) d'un document sogdien portant encore son sceau. A l'exception du nom du destinataire, le formulaire est identique à celui du document V-9 du Mont Mugh. L'examen du document permet de conclure qu'il est authentique. Il s'agit très vraisemblablement d'un document du Mont Mugh détourné au moment de sa découverte et remis plus tard au Musée de Samarkand.

А.Ҳ.Пардаев

XV-XVI АСР ЁЗМА МАНБАЛАРИДА ЖИЗЗАХ

Жиззах воҳаси ўзининг қулай географик жойлашуви, муътадил иқлим шароити, анъанавий ҳайвонот ва ўсимлик дунёси туфайли қадимдан инсон «оёғи теккан», аждодларимиз томонидан ўзлаштирилган ўлкалардан биридир. Воҳанинг асосий сув манбаи Сангзор ва Зоминсув ҳавзасида ўтроқлашган қадимги деҳқон-зироаткор халқларнинг, маданий водий ёқаси, чўл-дашт мавзейларда ҳаёт кечирган кўчманчи-чорвадор улусларнинг кўҳна мозийси, антик давр моддий-маданияти, ўрта асрларнинг Чингизхон бошлиқ мўғуллар истилосигача бўлган давр тарихи замондош археолог тадқиқотчилар томонидан баҳоли-қудрат ўрганилган ва айни пайтда ҳам мазкур илмий тадқиқотлар давом эттирилмоқда (Бердимуродов, 1985; Грицина, 1990; Сверчков, 1991; Пардаев, 1995; Суюнов, 1998).

Жиззах воҳаси халқларининг сўнгги ўрта асрлардаги, хусусан, Ўрта Осиё хонликлари давридаги сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва моддий-маданий тарихини ўрганишда, афсуски, юқорида таъкидланган изчиллик, узвийлик мавжуд эмас. Тўғри, Соҳибқирон Амир Темур ва темурийлар даври тарихига, воҳанинг айнан сўнгги ўрта асрлардаги суғорилиши масалаларига бағишланган бир туркум мақолалар, кичик тадқиқотлар мавжуд (Пардаев, Пардаев, 1999, 72-75 с.; 2000, 121-132 с.; Пардаев, Суюнов, Пардаев, 1999, 232-235 с.; Анарбаев, 1972, 3-6 с.). Лекин, бу тадқиқотлар Жиззах воҳаси хонликлари даври тарихи яратилишининг муқаддимаси холос. Жиззах воҳаси археология ёдгорликларининг сўнгги ўрта асрларга оид маданий қатламларида мақсадли равишда қазув тадқиқотлари деярли ўтказилмаган. Бунинг ўзига хос сабаблари бор. Бундай сабаблардан биринчиси, археологияда сўнгги ўрта асрларга оид моддий-маданият намуналарини «этнографик материаллар» деб талқин қилиниши бўлса, иккинчиси мазкур давр тарихий ҳаётини мавжуд ёзма манбаларда нисбатан яхши ёритилганидир.

Тадқиқотлардан маълумки, Жиззах маданий ўлкаси азалдан Зарафшон дарёси ҳавзасидаги шаҳар, қишлоқлар учун муҳим стратегик аҳамиятга эга «шарқий дарвоза» вазифасини ўтаган. Араб истилосидан кейинги давр IX-X асрларда Жиззах, кўчманчи чорвадор қабилаларнинг талончилик юришларига зарба берувчи ислом лашкари «ғозийлар қароргоҳи»га айланган. Ёзма манбалар хабарига кўра, бу даврларда Жиззахда нафақат уструшонликларнинг, балки самарқандликларнинг ҳам хусусий, ҳарбий қалъа-рабодлари мавжуд бўлган (Бетгер, 1957, 17-22 с.).

Пойтахти Самарқанд, кейинчалик эса Бухоро бўлган мовароуннаҳрлик ҳукмдорларнинг, хусусан, соҳибқирон Амир Темур ва темурийзода шаҳзодаларнинг, Шайбонийхон ва унинг меросхўр авлодларининг Жиззах музофотига бўлган қизиқиши ўз замоналарида янада кучайган. Буни сўнгги ўрта асрларда яратилиб Сирдарё ва Амударё оралиғидаги халқлар тарихига бағишланган ёзма асарларнинг деярли барчасида Жиззах ва унинг ён-атрофларидаги шаҳар, қишлоқ-кентлар ҳақидаги маълумотлардан ҳам билса бўлади. Жиззах ўзининг мустақкам қалъа-кўрғонлари билан ушбу даврда ҳам муҳим ҳарбий стратегик ўлка сифатида кадрланган (Пардаев, Пардаев, 1996, 94-95 с.).

Абулқосим ибн Хавқал, ал-Муқаддасий, ал-Истаҳрий, Ёқут, «Худуд ал-Олам»нинг номаълум муаллифи ва бошқа ўрта аср географ сайёҳлари асарларида Жиззах номи «Дизак» кўринишида ҳам ифодаланган. Сўнгги ўрта аср ёзма манбаларида бу атама «Дизак», «Диззак», «Диздак», «Дизах», «Диззах», «Диззах» шаклида ёзилган.

Энди «Дизак» атамасининг этимологик хусусияти ҳақида фикр билдирсак. Ёзма манбаларни кўздан кечиришдан шу нарса маълум бўлдики, деярли етти асрни камраб олган давр, яъни X-XVI асрлар орасида яратилган тарихий, жуғрофий, бадий-тарихий асарларда «Дизак» атамаси маълум жой ўрни, шаҳарнинг номи сифатида ишлатилган. «Дизак» атамаси ясама

сўз бўлиб, ясашига асос - «диз» сўзидир. Сўғд тилида «диз» - «қалъа», «кўрғон» маъносини билдиради. Таниқли атамашунос Т. Нафасовнинг таъкидлашича, «диз» сўзининг номлар яшаш доираси, тарқалиш ҳудуди ўрта асрларда анча кенг миқёсда бўлган ва қўлланилиши фаол кечган. Дарҳақиқат X-XIII аср солномаларида «диз» сўзи асос қилиб олиниб аталган қалъа, кўрғон, шаҳарча ва йирик кишлоқ номлари етарли даражада учрайди. Аксарият ҳолларда «диз» ўзагига -а- кўшимчаси қўшилиб янги сўз ясалган. «Диз» - «Диза» атамаси иштирокида номланган маълум аҳоли масканининг маъноси ушбу масканининг турини, ўзига хос хусусиятини ифодалаган. Жумладан, Кухандиз - шаҳар қалъаси, Навдиз - Янги кўрғон, Сангдиза - Тош кўрғон, Бардиза - баланд кўрғон, Чокардиза - навкарлар кўрғони ва ҳ.к. Жиззах сўзининг этимологиясига алоҳида тўхталган Т.Нафасовнинг ёзишича, «диза» сўзига -к- кўшимчаси қўшилиб, *д и з а к* (диз-а-к) сўзи ясалган. Дизак - кичик қалъа, қалъача, кичик кўрғон ёки кўрғонча маъносини билдирган. Ўзбекча «кўрғон» сўзига форс-тожик - «ак» кўшимчасини қўшиб, «Кўрғонак» тарзида кўрғонча маъносини берувчи сўзлар ҳам мавжуд. Ўзбекистонда айнан кўрғон, кўрғонча номи билан аталган жой номлари анча кўп тарқалган (Нафасов, 1991, 3 с.). Таъкидлаш жойизки, айнан маълум маконнинг кичиклигини ифода этувчи «ак»га ўхшаш кўшимча - «ик» - «ок» билан туговчи сўзлар (атокли от) рус тили грамматикасида ҳам учрайди, масалан дом-уй, домик-уйча, город-шаҳар, городок-шаҳарча. Демак, Дизак номи ўз пайтида кичик шаҳар, шаҳарча маъносида қўлланилган бўлиб, кейинчалик ўзбек адабий тилига Жиззах шаклида ўтган. Дизак-Дизак-Дизак-Дизах-Жиздах ва ниҳоят Жиззахга айланган.

Атамашунос олим Т. Нафасовнинг «Дизак» сўзи этимологияси ҳақида юқорида келтирилган фикрларига тўла қўшилган ҳолда қуйидагиларни билдириш мумкин. Тадқиқотлардан маълумки ўрта асрларда фаолият кўрсатган Дизак ҳозирги Жиззах шаҳрининг шарқий қисмида жойлашган Қалиятёпа харобалари ўрнида бўлган. Сўнгги археологик маълумотларга қараганда Қалиятёпада ҳаёт камида илк антик даврда (мил.эр. авв. III-II аср) бошланиб, баъзи бир тўхталишлар билан сўнгги ўрта асрларнинг ўн еттинчи юз йиллиги бошларигача давом этган. Қалиятёпада узоқ йиллардан буён тадқиқотлар ўтказилган М. Пардаевнинг фикрича Қалиятёпа номининг изоҳи айнан Дизакдан ке-

либ чикқан, зеро бу икки сўз бир-бири билан узвий боғлиқдир. Демак, Диз- қалъа, Дизак - кичик қалъа маъносида бўлиб, Муҳаммад Солиҳнинг «Шайбонийнома»сида «қалъаи Дизак», «мулки Диззах» шаклида ҳам берилган (Муҳаммад Солиҳ, 1989, 93, 126 с). Қалъа сўзи эса туркий халқлар тилида «шаҳар» маъносини беради ва қалъа сўзи иштирокида ясалган шаҳарлар сонини истаганча келтириш мумкин. Масалан, Тупроққалъа, Қўй-қирилганқалъа, Ичанқалъа, Эллиққалъа ва ҳ.к. Шунингдек, ҳозирги қозок, қирғиз, қорақалпоқ сингари туркий халқлар шаҳарни тўғридан-тўғри «қалъа» деб аташади. Фикримизча, XV-XVI асрларда эски ўзбек (чиғатой) тилининг нуфузи тобора ошиб боргани сайин жой номларини туркийда аташ ҳам кенг расм бўла бошлаган. Мазкур жараён учун Шайбонийхон юришлари даврида Дашти Қипчоқдан кўчиб келган «қирқ» уруғи катта гуруҳининг Жиззах воҳасида муҳим ўтrockлашуви ҳам муҳим аҳамият касб этган. Айнан ушбу даврдан Қалиятёпа, ҳам «Дизак», ҳам «Қалъа» шаклида атала бошлаган. Бу ҳол ёзма манбаларда унчалик сезилмасида, халқ оғзаки мулоқотида оммалашиб борган. Маълум шаҳар ёки давлатнинг номи бир неча шаклда аталгани, ўзгаргани ва аксарият ҳолларда охириги вариант туркийда зикр этилганини кўришимиз мумкин. Хусусан, қадимда Ши, Чоч, Шош, Бинокат тарзида номланган республикамиз пойтахтини кейинчалик Тошқанд ва ниҳоят Тошкент қабилда аталиши бунга яққол мисолдир. Археологик маълумотларга кўра, XVII асрнинг бошларида «Дизак» - «Қалъа»да ҳаёт бутунлай тўхтади. Жиззахдаги шаҳар ҳаёти Қалиятёпадан 6 км шимолий-ғарбда жойлашган Ўрдага бутунлай кўчади. Эски шаҳар «Дизак» - «Қалъа» иморатлари емирилиб, тепалиқларга айлангач у «Қалъатёпа» деб атала бошлаган. Қалъатёпа атамаси эса бизнинг давримизгача Қалиятёпа шаклида етиб келган.

Шарафуддин Али Йаздийнинг «Зафарнома»сида Дизак ва унинг атрофидаги кентлар Йом, Хавос ҳақида маълумот берилган. Муаллифнинг ёзишича бу даврда соҳибқиронга қарашли зарбдор отряд Жиззахда мунтазам турган ва Дизак-Чиноз йўналиши орқали ўтадиган «Етти кудук» йўлини қўриқлаган. Амир Темур давлат тепасига келгунча Жиззах учун аввало мўғул-жеталар билан, сўнгра Амир Хусайн билан конли урушлар олиб борган (Шарафуддин Али Йаздий, 1992, 36; 54-55 с.). Таъкидланган етти кудукнинг бири, ҳозирда «Самарқанд кудук» номи билан аталувчи кудук Жиззах шаҳридан 15 км шимолий-шарқда жой-

лашган. Қолган кудуқлар ҳам худди шу худуддаги «Гала кудуқ» номи билан аталувчи мавзейда жойлашган бўлганлиги эҳтимолдан узоқ эмас.

Улуғбек ҳукмдорлиги (1409-1449) Тошкент, Еттисув ва Мўғулистондаги теурийларга қарши муҳолиф кучлар ҳаракатининг фаоллашув даврига тўғри келади. Шу сабабли Самарқандга ўтиш йўли Илонўтти дарасини кўриклаш учун мудофаа занжири ҳосил қилган Жиззах воҳасидаги Қалиятепа, Ўрда, Равот, Молтоп қалъа-кўрғонлари қайта таъмирланган, ҳарбий қудрати оширилган. Ҳижрийнинг 828 йилида (1425й) Улуғбек жеталар юрти Мўғулистонга ҳарбий юриш қилади ва мўғул хони Шермухаммадхон устидан ғалаба қозонади. Бу Улуғбекнинг ҳарбий фаолиятидаги кам сонли ғалабаларидан бири, энг ёрқини ва асосийси эди. Шунинг учун ҳам ушбу ғалаба ҳақидаги маълумот «Темир дарвоза»нинг баланд қояларидан бирига ўйиб ёзилган ва абдиятга муҳрланган (Аминжанова, Желтова, 1979, 86 с; Валиев, Пардаев, 1990, 38-39 с.).

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўзининг шох асари «Бобурнома»да «Уструшна бир пайтлар Умаршайх Мирзо тасарруфида бўлган»лиги эслатиб ўтади ва Жиззах воҳасидаги аҳоли маконлари Дизак, Зомин, Йом, Ўратепа, Пишағор, Ёр-Яйлоқ, Халилия кенти, Илонўтти дараси ҳақида маълумотлар келтиради. Дарҳақиқат, Бобур 1498-1499 йиллар киш мавсумини ўзининг увайсий пири-устози Хўжа Ахрор Валининг мулк кентларидан бири Пишағор кўрғонида ўтказди. 1501-1502 йилларда узоқ давом этган Самарқанд камали туфайли очлик, юпунликка дучор бўлган, Шайбонийхондан оғир мағлубиятга учраган Бобур кам сонли аъёнлари билан бир амаллаб Жиззахга етиб келади ва маълум муддат бу ерда қолиб кетади. Жиззахда юксак эътибор, меҳмоннавозлик кўрган Бобур Жиззах ва унинг атрофидаги турар-жойлар, халқнинг ҳаёт тарзи ҳақида анча батафсил қуйидагича, маълумот беради.

«Кеч намози дигар Илон Ўтида тушуб, от ўлтуруб этини шишлаб, кабоб қилиб, отни лаҳза тиндуруб отландик. Тонгдан бурунрок Халилия кентига келиб тушдук. Халилиядан Дизак келилди, ул фурсатда Дизакта Ҳафиз Муҳаммадбек дўлдойнинг ўғли Тоҳир дўлдой (ҳоким-П.А.) эди. Семиз этлар ва майда этмаклар арзон, чучук қовунлар ва яхши узумлар фарвон. Андоқ усраттин мундоқ арзонлик ва андоқ балияттин мундоқ амонликка келдук.

Ваҳму усраттин амоне топтук,

Янги жон тоза жаҳоне топтук.

... Мундоқ душман балосидин ва очлик истилосидин халос бўлуб амонлиг роҳатиға ва арзонлиг фароғатиға етиштук. Уч-тўрт кун Дизакта истироҳат қилдук» (Бобур, 1990, 86 с.).

Демак, муаллиф ёзганидек бу пайтда Жиззахда дўлдой уруғи вакили Ҳафиз Муҳаммадбекнинг ўғли Тоҳир дўлдой ҳокимлик қилган. «Темир тузуклари»да қайд этилишича соҳибқирон томонидан тамға олиб юксак мартабага сазовор бўлган ўн икки аймақ (барлос, тархон, жалойир, арғун, ...) орасида дўлдой уруғи (?) ҳам бўлган. Соҳибқирон Амир Темирнинг кўшини қирқ аймақдан чиққан навкарлардан, хос навкарлар, зарбдор-авангард қисм эса фақат юқорида қайд этилган ўн икки аймақ жангчиларидан тузилган (Темир тузуклари, 1991, 86-87 с.). Дўлдой уруғи бек ва амирларининг аксарият қисми теурий шахзодаларга хизмат қилишган, уларга тарафдор бўлишган. Жиззах ҳокими Тоҳир дўлдойнинг отаси Ҳафиз Муҳаммадбек Бобурнинг отаси Умаршайх Мирзо даврида аввал Андижонда, кейинчалик Ўратепада унинг вассал ҳокими сифатида хизмат қилган эди. Эҳтимол шунинг учун ҳам Тоҳир дўлдой Шайбонийхон ғазабига дучор бўлишдан кўрқмай Жиззахда Бобурни юксак мартабали меҳмон сифатида кутиб олган ва унга хурмат-эҳтиром кўрсатган.

XV асрнинг охири XVI асрнинг бошларида теурийлар давлати кучсизланиб қолди. Бундан фойдаланган Шайбонийхон бошлиқ Дашти Қипчоқ кўчманчи ўзбек қабилалари Мовароуннахрнинг маданий воҳаларини бутунлай босиб олдилар ва ўз ҳокимиятларини ўрнатдилар. Ушбу юришларда қатнашган юксак нуфузли уруғлар ўлканинг хўжалик юртишга қулай воҳаларини эгаллаб ўтроклашдилар. Хусусан, Қарши шаҳри ва унинг атрофига манғитлар, Шаҳрисабз шаҳри ва унинг ён теварагидаги худудларга барлос ва кенагаслар, Ўратепага юзлар, Жиззахга қирқлар ўрнашдилар (Шаниязов, 1986, 91 с.).

XVI асрнинг бошларида яратилган яна бир ёзма ёдгорлик Амир Муҳаммад Солиҳнинг (1455-1535й) «Шайбонийнома» достонида ҳам Жиззах ҳақида анча маълумотлар келтирилган. Теурийлар сулоласининг инқирози, янги салтанат шайбонийлар ҳукмронлигининг қарор топиши билан боғлиқ тарихий воқеалар баёнига бағишланган ушбу асарда ҳам Жиззах Шайбонийхон ёки унга муҳолиф кучларнинг лашкаргоҳи, муҳим ҳарбий стратегик макон сифатида таърифланади. Хусусан, Шайбонийхон «Самарқандни олғон йилининг қишинда мўғул устиға черик тортиб Хоника хонни вило-

ятларин, Шахруҳияни чоптурғонда» унинг лашкари Жиззах қалъасига тўпланади.

Борди хон қалъаи Диззақ сори,
Салтанат аҳли мулозим бори...

(М.Солих, 1989, 126 с.)

Юқорида таъкидланганидек, бу даврда Жиззахнинг қулай ҳарбий стратегик имкониятларидан нафақат Шайбонийхон, балки унга қарши, муҳолиф кучлар ҳам фойдаланишга ҳаракат қилишган. Хусусан, 1501-1502 йилларда Самарқанд қамалида узоқ муддат қолиб кетиб, ташқаридан ҳарбий кўмак кутиб ётган Бобур Мирзога Тошкентдан Хоника хон, Фарғонадан амир Танбал ёрдам беришга аҳд қилишади ва Самарқанд сари лашкар тортишиб, Жиззахда учрашишади.

Ким юриб Хоника келган бўлди,
Мулки Жиззах черикидин тўлди...
Иттифоқ айлади Танбал ҳам анго,
Шарт сўзини деди маҳкам анго.

Лекин, «Шайбонийнома» муаллифи тўғри таъкидлаганидек, икки ўртада жанг содир бўлмайди. Хоника хон ва Танбал қўшини орқага қайтиб кетади, натижада бир қанча муддатдан сўнг Самарқанд Шайбонийхонга таслим бўлади (М.Солих, 1989, 92-96с.).

XVI аср иккинчи ярми, XVII аср бошларида яшаб ўтган Ҳофиз Таниш ибн Мир Муҳаммад Бухорийнинг форс-тожик тилида ёзилган «Абдуллонома» («Шарафномаи Шоҳий») асари ҳам Жиззахнинг хонликлар давридаги тарихи, тутган ўрни ва мавқеи ҳақида маълумот берувчи қимматли манбадир.

Шайбонийларнинг энг номдор хонларидан бири бўлган Абдуллахон II (1557-1598) Мовароуннаҳрни бирлаштириш, марказлашган давлат тузиш ва уни мустаҳкамлаш учун қирк йилдан ортиқ умрини жангу-жадалда ўтказди. Тинимсиз курашлар давомида ҳукмдор бир неча марта муҳим сиёсий, ҳарбий тadbирлар билан ҳозирги Жиззах шаҳри, унинг ён-теварагидаги қалъа-қўрғонлар - Учтепа, Қўкғумбаз, Работи Малик, Йом, Пишағор, Ардахшон, Аччи, Зомин ва бошқа кентларда бўлган.

«Абдуллонома» муаллифининг ёзишича, 1578 йил ёз ойида «сохибқирон ҳазрат» Бобо Султон билан урушиш қасдида Зомин томон черик тортади. Қўшин Ипор мавзейига етганда «шавкатли шаҳриёр ҳузурига Ҳинд мамлакатининг подшоси Жалолиддин Муҳаммад Акбар томонидан атоқли совғалар, қароматли ҳадялар билан элчи келиб итоаткорлик ва бўйинсунишдан хабар берувчи элчилик мазму-

нини арз қилади» (Ҳофиз Таниш Бухорий, 1969, 217-218 с.).

Дарҳақиқат, бу ерда ҳижрий 986 йилда (1578й) Мовароуннаҳрга келган Мирзо Пўлат бошчилигидаги Ҳиндистон элчилиги ҳақида маълумот берилган (Низомиддинов, 1969, 24-26 с.). Таъкидлаш жоизки, XVI асрнинг биринчи ярмида Ўрта Осиёда Бухоро хонлиги ташкил топгани каби Ҳиндистонда Буюк Мўғуллар (Бобурийлар) империяси ташкил топган эди. Мазкур давлатларнинг бошқарув аппарати тизимидаги ўхшашлик, сарой аъёнлари ўртасидаги қон-қардошлик муносабатлари, кундалик турмуш тарзи, диний-фалсафий қарашлардаги мутаносиблик сабабли ушбу икки буюк давлат ўртасида сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва маданий алоқалар кенг йўлга қўйилган эди (Низомутдинов, 1981, 55с.). Тарихий манбалардан маълумки, Акбаршоҳ элчиси ташриф бурган бу пайтда, яъни Абдуллахон Мовароуннаҳрдаги рақиблари устидан тўла ғалаба қозонмаган, бунинг устига Самарқанд ҳокими Жувонмардалихон, Тошкент ҳокими Бобо Султон ёрдамига ишониб Абдуллахонга қарши исён қўтарган эди.

Абдуллахон Акбаршоҳ элчисининг қайтишига руҳсат бермайди. Чунки, элчининг номақбул таассурот билан Ҳиндистонга қайтишини истамайди ва элчига рақиблари устидан қозонажак ғалабасини намойиш қилмоқчи бўлади. Шу сабабли лашкар элчилар ҳамроҳлигида Жиззахга қўнади. 1578 йилнинг 4 июль яқинида куни Жиззахга Ўзбек султон катта сипоҳ билан ташриф буюради. «Абдуллонома»да бу борада қуйидаги маълумот мавжуд. «Аъло Ҳазрат унинг учун икки кун тўй берди. У ерда (Жиззахда - П.А.) аъло ҳазратнинг бўйруғига мувофиқ, дин низоми Амир Қулбобо ва Мавлоно Ҳайдар (Муҳаммад) мунший лашкарни кўриқдан ўтказдилар. Уч кун давомида тўда-тўда кишилар келиб, исмларини ёздирдилар. Ул ҳазратнинг хос сипоҳи, кичик султоннинг (яъни Абдуллахоннинг ўғли Абдулмўмин султоннинг-П.А.) мавқабида бўлганлар, уларга озиқ-овқат тайёрловчилардан ташқариси, ўттиз минг кишига етди» (Ҳофиз Таниш Бухорий, 1969, 218 с.).

1579 йил ёзида Абдуллахон, Тошкендалик пайтида Бўзахўр султон ўз тарафдорлари билан Самарқандни эгаллайди. Абдуллахон тезлик билан Тошкентдан қайтиб аввал Учтепага, сўнг Жиззахга келади. Жиззахда душман ҳақида тўлиқ маълумот тўплайди. Лашкар ва отларга дам бериб Самарқанд учун жангга тайёрланади. Бу воқеалар манбада қуйидагича баён этилган:

«Панжшанба куни эрталаб оламни босиб олувчи отни жавлон урдирган ҳолда Учтепага тушди. У ердан бир кишини Диззахга Али Мардон боҳодир ҳузурига юборди. Ўша кечаси туни билан йўл юриб жума куни эрта тонгда шундай буёбондан чиқиб Диззах музофатларидан бирига тушди. Ўша замонадаёқ қутли ҳукм бўлди. «Хизматчилар сув бериб сероб қилиш ибодатларни афзалидир» иборасига мувофиқ туя қарвонларига сув ва озиқ-овқат ортиб, пиёда ҳамда хориганлар қаршисига чиқиб (уларни) сероб қилсинлар ва уларни қонхўр биёбондан чиқариб аҳоли яшайдиган жойга етказсинлар». Ўша кунига пешин номози вақтида (душманни) ёқувчи ҳоқон жойидан кўчиб, Диззах деган мавзеда яшаш байроғини тикди» (Ҳофиз Таниш Бухорий, 1969, 296 с.).

Шундай қилиб, хулоса қилиш мумкинки, мўғуллар истилосидан кейин Жиззах воҳасининг катта-катта шаҳар-қишлоқларидаги ҳаёт бутунлай издан чиққан эди. Маълум вақтдан кейин Зомин ўзининг аввалги жойида қад ростлайди ва аввалгидек шаҳар мавқеида эга бўлмасда ёзма манбаларда қалъа-қўрғон сифатида тилга олинади.

Дизак эса аксинча мўғул истибдодидан кейин тезда ўзини ўнглаб олади. Марказий шаҳар ҳаёти Қалиятепадан Ўрдага кўчади. Жиззах Ўрдасининг мудофаа истехкомлари билан ўраб олинган ҳудуди XVIII-XIX асрларда 100га.га яқин бўлган. Жиззахнинг муҳим ҳарбий стратегик макон сифатида сўнгги ўрта асрларда яратилган ёзма манбаларда бот-бот тилга олиншининг асл сабаби ҳам шундadir.

АДАБИЁТЛАР:

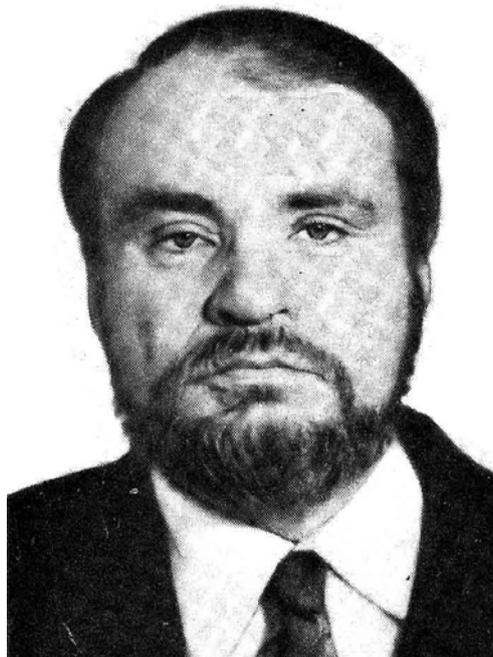
1. Бердимуродов А.Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса (северо-западной Уструшаны V-X вв.). Автореф.дисс.канд.ист.наук. Москва, 1985, 23 с.
2. Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тыс. до н.э. - начало XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф.дисс.канд.ист.наук. Самарканд. 1990, 24 с.
3. Сверчков Л.М. Поселение Мык - источник по истории Средневековой Уструшаны. Автореф.дисс.канд.ист.наук. Самарканд, 1991, 25 с.
4. Пардаев М.Х. Северо-западная Уструшана в эпоху раннего средневековья (по материалам нижнего течения р. Сангзор). Автореф.дисс.канд.ист.наук. Ташкент, 1995, 33 с.
5. Суёнов С.С. История орошения северо-западной Уструшаны (по археологическим источникам). Автореф.дисс.канд.ист.наук. Самарканд, 1999, 22 с.
6. Пардаев М., Пардаев А. Жиззах сўнгги ўрта асрларда.// Сўғд Марказий Осиёнинг маданий алоқалари тизимида. М.Б. Самарканд, 1999, 72-75 с.
7. Пардаев М.Х., Пардаев А.Х. Джизакский оазис в эпоху позднего средневековья (по письменным и археологическим источникам).// Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд, 2000, с. 121-132.
8. Пардаев М., Суёнов С., Пардаев А. Шимолӣ-ғарбӣ Уструшолада сугорма деҳқончилик хўжалигининг пайдо бўлиши ва таракқиёт босқичлари.// ЎММТ. 30-нашри. Самарканд, 1999, 226-236 с.
9. Анарбаев С. Из истории орошения Джизакского оазиса (1917-1967 гг.) Автореф.канд.ист.наук. Ташкент, 1971, 24с.
10. Бетгер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн Хаукаля.// САГУ. Археология Средней Азии. Вып. IV.-Т., 1957, с. 17-22.
11. Пардаев М., Пардаев А. Жиззах мудофоти Амир Темур ва темурийлар даврида.// М.Б. Амир Темур ва унинг дунё тарихидаги ўрни. Самарканд, 1996, 94-95 с.
12. Нафасов Т. Жиззах номини келиб чиқшини биласизми? «Жиззах ҳақиқати» рўзномаси, 1991, 6 июнь.
13. Муҳаммад Солиҳ. Шайбонийнома. «Ғафур Фулом», Тошкент, 1989, 335 с.
14. Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома. «Шарқ», Тошкент, 382с.
15. Аминжонова М., Желтова Г. Ўзбекистон халқлари тарихидан лавҳалар. «Ўқитувчи», Тошкент, 1974, 157 с.
16. Валиев П., Пардаев М. Надписи Иланутгинского ущелья.// Труды ТашГУ, Археология Средней Азии. - Т.Д. Ташкент, 1990, 38-39 с.
17. Захриддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. «Юлдузча», Тошкент, 1990, 86 с.
18. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV-XVIII вв.// Материалы к этнической истории населения Средней Азии., «Фан», Ташкент, 1986, 83-93 с.
19. Ҳофиз Таниш ибн Мирмуҳаммад Бухорий. Абдуллонома (Шарафномаи шохий). «Фан», Тошкент, 1969, 391 с.
20. Низомиддинов И.Ғ. XVI-XVIII асрларда Ўрта Осиё ва Ҳиндистон муносабатлари. «Фан», Тошкент, 1969, 24-26 с.
21. Низамутдинов И.Г. Очерки истории культурных связей Средней Азии и Индии в XVI- в начале XX в. «Фан», Ташкент, 1981, 55 с.

Pardaev A.

Jizzakh in written sources of XV-XVI centuries.

The article is devoted to the history of Jizzakh during the period of Temurids and Shaybonids. It is proved that Jizzakh was an important military strategic place in these periods according to written sources. The article makes clear about problem of Jizzakh and nearby fortresses' localization according to the information of written sources.

ГЕРМАН АЛЕКСЕЕВИЧ ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ (к 70 летию со дня рождения)

В июле 2001 г. исполнилось 70 лет со дня рождения выдающемуся ученому, доктору исторических наук, профессору МГУ им. М.В. Ломоносова Герману Алексеевичу Федорову-Давыдову. Ученый с мировым именем скончался после тяжелой болезни в мае 2000 г.

Археологическая наука потеряла не только крупного ученого, но и глубоко гуманного, скромного, преданного науке человека. Он принадлежал к той кагорте ученых СНГ, которые свои обширные и разносторонние знания умело и четко проявил и в решении кардинальных научных проблем.

Г.А. Федоров-Давыдов родился 17 июля 1931 г. в Москве. В 1954 г. окончил исторический факультет МГУ.

Первые научные изыскания Г.А. Федоров-Давыдов начал будучи еще студентом. В 1952г. он становится участником и одним из руководителей археологического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭ), и проводившей раскопки городского квартала средневековой столицы Хорезма - г. Гурганджа. Результаты археологического исследования средневекового караван-сарая были опубликованы им в капитальном труде ХАЭ (том. II), где на

основе археологического и нумизматического материала впервые освещена торгово-ремесленная и строительная деятельность в позднесредневековом городе Хорезма. Г.А. Федоров-Давыдов в 1957 защитил кандидатскую диссертацию по теме "Клады золотоордынских монет" (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде XII-XIV вв.). В 1960г. был принят на кафедру археологии МГУ, где до последних дней преподавал студентам, руководил работами аспирантов и докторантов.

В своей докторской диссертации "Кочевники Восточной Европы в X-XIV вв.» защищенной в 1966 году Г.А. Федоров-Давыдов творчески переработал такие важные проблемы как общественный строй, быт, культура и генезис золотоордынских городов, товарно-денежные отношения, взаимоотношения кочевников с оседло-земледельческими культурами. Являясь большим знатоком средневековых арабоязычных и европейских источников и мастером использования метода математической статистики ученый решил многие спорные вопросы в истории поздних кочевников в Восточной Европе.

Г.А. Федоров-Давыдов внес существенные коррективы в разработку проблемы золотоордынского города, считая, что его культура сложилась под влиянием Средней Азии (Хорезма), при участии северо-кавказских, иранских, византийских и болгарских культурных элементов. Дальнейшее изучение им истории культуры и искусства евразийских кочевников и городов Золотой Орды привело к изданию единственной в своем роде монографии "Искусство кочевников Золотой Орды" (М., 1976). Значительное место в научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова занимали вопросы золотоордынской и русской нумизматики XIV-XV вв. Он впервые соединил сведения о золотоордынские монетах в единую систему, создал топографию монетных находок и классифицировал джучидский чекан Хорезма (НЭ, т.V, 1965). Им было опубликовано несколько статей, посвященных монетному производству и денежному обращению средневековой Средней Азии ("Монетная система Хорезма" 1957; "О начале монетной чеканки в Хорезме...^,1957; «Клад золотых монет X в. из Самарканда»

1962; "Монеты с городища Шехрлик» 1979; "Из истории денежного обращения средневекового Хорезма» 1998).

Г.А. Федоров-Давыдов плодотворно занимался русской нумизматикой. Он опубликовал монографии, посвященные изучению монетного дела периода образования и укрепления русского централизованного государства. Из области этой тематики отметим работы "Монеты Московской Руси!" МГУ, 1981; "Монеты Нижегородского княжества". МГУ, 1989 и статью "Эволюция весовых норм чеканки денег в Московском и Нижегородском княжествах в конце XIV - нач. XV в., М. 1987. В них ученый выявил новые, не использованные до него исторической наукой данные для характеристики процесса возникновения и укрепления независимого русского централизованного государства.

Г.А. Федоров-Давыдов был известен и как популяризатор истории, особенно, археологии и нумизматики. Его научно-популярные книги "Монеты рассказывают" (1963, 1981, 1990), "Монеты свидетели прошлого" (1985), "На окраинах античного мира" (1975), "Курганы, идолы, монеты" (1968) адресованы массовому читателю. Некоторые из них, опубликованы за рубежом («Mopety opowiadaja o historii» Warszawa, 1966), «Kurganid, ebajumalad, mundid» Tallin: Velgus, 1970; на языках: маратхи; телугу (Индия); 1986.

Под его руководством плодотворно работала Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ). В Нижнем Поволжье ПАЭ исследовала города-столицы Золотой Орды: Новый Сарай (Царевская), Водянское (Бельджамен), Селитрянное (Старый Сарай), городища. В рамках масштабных работ ПАЭ были вовлечены молодые и талантливые археологи Института археологии РАН, МГУ, Казанского и Саранского Государственных университетов, общества охраны памятников Москвы, Волгограда, Астрахани и других научно-педагогических учреждений. Начиная с 1972 г. Г.А. Федоров-Давыдов возглавляет большие археологические изыскания курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем. В этом регионе впервые в археологии Поволжья им были предприняты широкомасштабные раскопки древних и средневековых курганов. На основе добытого материала опубликованы сборники, посвященные материальной культуре автохтонного населения и мигрантам ("Древности Астраханского края", 1977; "Сокровища сарматских вождей..."» 1989).

В своих выступлениях и публикациях Г.А. Федоров-Давыдов научно обосновал задачи изучения археологии Золотой Орды. Одним из главных аспектов в его исследованиях является социально - экономическая история, культура и общественный быт золотоордынского города. В целом, его работы способствовали изучению крупных историко-культурных проблем на базе археологических источников Нижнего Поволжья.

Творческое дарование и умение теоретического осмысления Г.А. Федорова-Давыдова ярко проявились в качестве ответственного редактора в ряде изданий («Археологический сборник», 1961; «Древности Волго-Камья», 1977; «Город Булгар. Очерки истории культуры», 1987). Его книги издавались и переиздавались в Англии («The culture of the Golden Horde cities». Oxford, 1984), Германии («Stadte der Goldenen Horde an der untern Wolga». Munchen, 1984), Венгрии («Ar Aranyharda foldjen Gondolat» Budapest, 1983), Бельгии (1966), Польше (1966) и США (2001).

Одновременно с научной работой Г.А. Федоров-Давыдов читал спецкурсы для студентов исторического факультета МГУ "Мусульманская культура Востока", "Археология Поволжья", "Историография археологии", "Новые статистические методы". Он воспитал несколько десятков учеников по истории Поволжья, Хорезма, Средней Азии и Северного Кавказа, создал школу специалистов по археологии Золотой Орды. Своим ученикам Г.А. Федоров-Давыдов прививал важные черты исследователя: глубокое изучение проблемы, бережное и внимательное отношение к источникам, обширное использование материалов для решения исследуемого вопроса.

Научное наследие Германа Алексеевича Федорова-Давыдова служит примером молодому поколению археологов, нумизматов Востока, способствует изучению перспективных проблем восточной медиевистики.

Э.В. Ртвеладзе, Т.Ш. Ширинов, М.Ш. Кдырниязов, А. Э. Бердимуратов

СПИСОК опубликованных работ Г.А. Федорова-Давыдова

1955 г.

- Студенческая археологическая конференция (Москва, март, 1955г.) // Вопросы истории (ВИ), № 7, с.178-180.

1956 г.

- К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. // КСИИМК, вып. 66, с. 51-58
- Рецензия (Рец.:) // Труды ГИМ, вып. 25, Нумизматический сборник, Ч.1. Под. ред. А.А. Сиверса \\ ВИ, № 7, с. 180-181.

1957 г.

- Монетная система Хорезма // СА, № 2, с.239-246, 1 л. илл.
- О болгарских гирьках из собрания Гос. Музея Татарской АССР // СА, № 1, с.247-248, 1 илл.
- Клады золотоордынских монет (Основные этапы развития денежного обращения и денежно - весовых систем в Золотой Орде XIII-XIV вв.) // АКД., -14 с.

1958 г.

- Денежно-весовые единицы Таны в нач. XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА, № 3, с. 65-72.
- Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археографический ежегодник за 1957 г. с. 7-16.
- Булгарский феодальный замок X-XII вв. // Ученые записки Чувашского Института истории, языка, литературы и этнографии (УЗЧИИЯЛЭ), Вып.16, с. 202-226 с. илл.
- Из истории комитической жизни в Хорезме XIV в. // КСИЭ, Вып. 30, с. 93-99.
- Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭ).
- Рецензия на работу В.Л. Янина. «Денежно - весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период» М. Изд-о МГУ, 1956 г. 207 с. с илл. // СА, №2. с. 318-321.

1959

- Задачи археологического изучения Золотой Орды (Совместно А.П. Смирновым) // СА, № 4, с. 128-134.
- Сессия отделения исторических наук и пленум института истории материальной культуры РАН. Москва, 1959г. (Совместно с Р.М. Мунчаевым) // СА, № 3, с. 272-276.
- Читательская конференция журнала "Российская археология" // СА, №3 с. 271-272.
- Сессия отделения исторических наук и пленум ИИМК РАН (Соавтор Р.М. Мунчаев) // СА, № 3, с. 272-276.

1960 г.

- Булгарское городище-святилище X-XI вв. //СА, № 4, с.122-142 с илл.
- Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашии в 1957 г. // УзЧИИЯЛЭ. Вып.19, с.82-95 с илл.
- Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика (НЭ), т. I, с.94-192 с илл.
- Клады золотоордынских монет XIII в. из Средней Азии // НЭ, т.2, с.118-140, с илл.
- Серебряная миска с арабской надписью из собрания Гос. исторического музея // НЭ, т.2, с.89-91 с илл.

1961 г.

- Археологический сборник (ред.коллегия. Ответствен. редактор к.и.н. Г.А.Федоров-Давыдов). М., Изд-во МГУ, 70 с., с илл.
- О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // Эпиграфика Востока (ЭВ). Вып. 14, с. 79-89 с илл.
- Новое поступление в музей при кафедре археологии исторического факультета МГУ // СА, №2, с.326.

1962 г.

- Тигашевское городище (Чувашия). Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг. // Материалы и исследования по археологии (МИА). № 111, с. 8-89 с илл.
- Клад золотых монет X в. из Самарканда // В кн.: Историко-археологический сборник в честь А.В. Арциховского, с.175-189 и илл.

1963 г.

- О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая (Совместно с Г.А.Вайнер) // СА, № 3, с.245-246 с илл.
- Находки джучидских монет // НЭ, т.4, с.165-221 с илл. 1л. карт.
- Монеты рассказывают (Нумизматика). М., Изд-во РАН. Научно-популярная серия. - 136 с., с илл.

1964 г.

- Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., Наука, 12 с // VII-международный конгресс антропологических и этнографических наук.
- Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА, № 1, с.248-271 с илл.

1965 г.

- Нумизматика Хорезма золотоордынского периода //НЭ,т.5,с.197-121 с. илл.
- Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // МИА, № 130, с.275-277 с илл.
- Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестник МГУ. История № 6, с. 49-57.
- Связи золотоордынских городов Поволжья со Средней Азией и Кавказом (по материалам последних раскопок Нового Сарая) // Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Тезисы докладов. Баку, с.144.
- О датировке типов вещей по погребальным комплексам (По материалам памятников средневековых кочевников Восточной Европы // СА. № 3, с.50-56.

1966 г.

- Новый Сарай по раскопкам в 1963-1964 гг. //СА, №2, с.233-248, илл.
- Новые данные об Итояковском городище в Темниковском р-не Мордовской Республики (Соавтор. Циркин А.В.) // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 30, с.235-249 с илл.
- Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М., Изд-во МГУ-275, с илл. Карт.
- Восемь веков молчания // Наука и жизнь (НЖ), № 9, с.74-76 с илл.
- Mo№ety opawiaraja o historii.Wsterem opatrych Rysard Kiers№owski Tum Aleksa№eder Bogda№eski. Warszawa.Pa№estw, Wyd-wo№oukowe, 138 s r il..
- Раскопки на Царевском городище (соавт. И.С.Вайнер, А.Г.Мухамадиев) // Археологические открытия 1965 г. (АО), с.193-195.
- Кочевники Восточной Европы в X-XIV вв. // АДД, 38 с.

1967 г.

- Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе //АО-1966 г., с.122-123.
- Археологическая поездка в Тунис (Международный археологический семинар в Каркуме) // СА, № 2, с.282-289 с илл.
- Рецензия на книгу Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., "Наука, 1966, 140 с. с илл. // СА, 2, с.266-268.

1968 г.

- «Аноним Искендера» и термины "Ак орда» и "Кок орда" // В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., с.224-230.
- Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии // СА, № 4, с.174-180 с илл.
- Проблемы средневековой истории в работах Поволжской экспедиции // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. (РАН отделение истории, ИА,ИЭ), с.26-28.
- Раскопки золотоордынских городов на Актубе // АО - 1967, с. 137-138.
- Курганы, идолы, монеты. М., 152 с.

1969 г.

- К 70-летию А.П.Смирнова // СА № 4, с.117-119 с портр.
- Элементы иранской культуры в культуре городов Золотой Орды // Тезисы докладов... конференции по искусству и археологии Ирана, с.17-18.
- Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье (соавторы Н.М.Булатов, Л.Л.Галкин, В.Л.Егоров, И.С.Вайнер, А.Т.Мухамадиев) //АО-1968, с.172-174, с илл.
- Город и область Саксин в XII-XIV вв. // МИА, № 169,с. 253-261.

1970 г.

- Понятия "археологический тип" и "археологическая культура" в "Акалитической археологии" Дэви-

да Кларка //СА, № 3, с.258-270.

- О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // В кн.: "Статистико-комбинаторные методы в археологии" М., с.123-131.
- Исследование социальной структуры средневекового города при археологических раскопках (по материалом золотоордынских памятников) // Средневековые города Средней Азии и Казахстана (ТДС). Л., с.14-15.
- Культура и общественный быт золотоордынских городов // Труды VII международного конгресса антропологических этнографических наук (МКАЭН), т.5. М., с.467-473.
- Кочевая Орда в Улусе Джучи // Вестник МГУ, серия история, 5, с.75-86.
- Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге (Соавторы В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев // АО-1969, с.174-175.
- Раскопки богатой усадьбы в новом Сарая (Соавтор А.Г.Мухамадиев) // СА 3, с. 149-161 с илл.
- Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. //МИА, 164, с. 68-171 с илл., 2 л. план.

1971 г.

- Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге в 1969-1970 гг. // Тезисы докладов, посвященные итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в... Археологические секции. Тбилиси, с.261-262.
- Раскопки золотоордынских городов на нижней Волге (Соавторы Н.М. Булатов, В.И. Вихляев, В.Л. Егоров, А.Т. Мухамадиев, В.Н. Шитов) //АО-1970, с.175-177, с илл.

1972 г.

- Склеп с кладом татарских монет XV в. из старого Сарая (Соавторы А.Г. Мухамадиев) // В кн. Новое в Археологии.с.308-316 с илл.
- Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар //НЭ, т.10, с.167-173 с илл.
- Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге (Соавторы Н.М. Булатов, В.И. Вихляев, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев, Л.М. Носкова) //АО-1971, с.233-235 с илл.
- Die goldeNee Hozde uNed ihze vozgaNogez Ubezsetz fNesdem Russ voNc AlaxaNedez Haslez Zeipzig.Kochlelz AmelaNog, 190 p,ill,cazt.

1973 г.

- Раскопки мечети XIV в на Водянском городище (Соавторы Т.В. Гусева, А.Г. Мухамадиев, Л.М. Носкова) // АО-1972, с.71-72.
- Раскопки курганов у с. Барановки (Соавторы Н.Н. Бусятская, В.В. Дворниченко, С.Н. Кореневский, Е.В. Шнадштейн) //АО-1972, с.160-161.
- Общественной строй Золотой Орды. М.Изд-во МГУ,-180 с.
- О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в ... (Соавторы В.Ф. Генинг Ю.Н. Захарук, И.С. Каменецкий, Л.С. Клейн, В.М. Массон) // ТД СПИПАИ, Ташкент, с.6-10.

1974 г.

- Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге (Соавторы Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев, Л.М. Носкова) // АО-1973, с.147.
- Раскопки курганов в Астраханской области (Соавторы В.В. Дворниченко, С.Н. Кореневский, И.В. Малиновская, В.А. Филипченко, Е.В.Шнадштейн) // АО-1973, с.148.
- Три средневековых нижневожских города // «Вопросы истории», №3, с.211-216.
- Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевское городище) (Соавторы И.С. Вайнер, Т.В. Гусева) // В кн.: Города Поволжья в средние века. М., Наука, с.89-131.
- Находки кладов золотоордынских монет // К кн. Города Поволжья в средние века. М., Наука, с. 176-181.
- Смирнов Алексей Петрович (некролог) // СА, №4, с.328-329.
- Астральный амулет из Царевского городища // В кн.: Города Поволжья в средние века. М., Наука, с.130-131.
- История искусства Народов.. т.з. Искусство XIV-XVII вв. Авторство...

1975 г.

- На окраинах античного мира (Из истории мировой культуры) М., Наука, 104 с слл.
- О сценах терзания и борьбе зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи...археологии. Вып. 3,с.23-28.

- Раскопки курганов в Черноярском р-не Астраханской области (Соавторы Н.И. Булатов, В.В. Дворниченко, С.Н. Кореневский, И.В. Малиновская) // АО-1974, с.139.
- Раскопки на Водянском городище в Волгоградской области (Соавторы Т.В. Гусевы, В.Л. Егоров, Л.М. Носкова) // АО-1974, с.152.
- Сезон пяти тысячелетий // «Вокруг света», №4, с. 47-49 илл.
- Новые находки изделий "звериного стиля" в Поволжье (Из работ Поволжской арх. экп. в Астраханской обл.) // Ранние кочевники Средн. Азии и Казахстана: КТД л.с.73.

1976 г.

- Раскопки Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище (Соавторы Н.М. Булатов, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев) // АО-1975, с.159.
- Раскопки курганов в Астраханской области (Соавторы В.В. Дворниченко, С.Н. Кореневский, И.В. Малиновская) // АО-1975, с. 174.
- Искусство кочевников Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов (Памятники древнего искусства). М, "Искусство,-227 с с илл.
- Исследование мечети на Водянском городище (Соавтр В.Л. Егоров) // Средневековые памятники Поволжья. М., Наука, с.108-166.
- А.П. Смирнов - исследователь древней истории финно-угорских народов // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 52, с.7-23.
- Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // "Вопросы истории", 8, с. 39-48.
- Die stadte ler Golde№e Horde // Das Altezum № 3.
- Памяти Алексея Петровича // Древности Волго-Камья. Сбор. статей, посвящается 75 летию А.П. Смирнова. Казань, с.3-6, (-132).
- Раскопки на Селитренном городище (Сарай Бату) в Астраханской области (Соавторы Н.М. Булатов, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров) // АО-1976. с.132.
- Раскопки курганов на Нижней Волге (Соавторы В.В. Дворниченко Я.М. Паромов, А.С. Смирнов, Ю.В. Чернов) // АО-1976, с. 143.

1978 г.

- Браслет с надписью с Селитренного городища // СА, №2, с. 286-287.
- Дасаевский клад золотоордынских монет // Труды НИИЯЛИЭ, (Чувашия) Чебоксары, Вып.80, с. 30-56.
- Золотая Орда и монгольский Иран // Вестник МГУ, История, №6, с. 25-37.
- Раскопки курганов близ с. Никольского в Астраханской области (Соавторы В.В. Дворниченко, Н.В. Малиновская, А.С. Смирнов) // АО-1977, с.169.
- Раскопки на Селитренном городище (Соавторы Н.М. Булатов Т.В. Гусева В.Л. Егоров, Л.Т. Яблонский) // АО-1977, с. 158.
- Две заметки по золотоордынской нумизматике // В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточный Европы М., с.249-254.
- Об изображениях на некоторых ростовских монетах конца XIV-начала XV вв. // В кн.: Древняя Русь, славяне. М., с.420-424.
- Обращение серебра и меди в Золотой Орде и формы эксплуатации монетной регалии // Бартольдские чтения. М.

1979

- Библиография трудов А.П. Смирнова // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып.4,с.139-151.
- Раскопки на Селитренном городище (Соавторы Н.М. Булатов, В.Л. Егоров, Л.Т. Яблонский) // АО-1978. с.160.
- Раскопки курганов в зонах строительства Калмыцкой Астраханской и Никольской рисовых оросительных системах. (Соавторы В.В. Дворниченко, Н.В. Малиновская, Я.М. Паромов) // АО-1978, с.167.
- Оценка информативности признаков при построении археологической классификации и процесс типобразования // В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М,с.80-87.
- Монеты с городища Шехрлик // В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., с.122-126.

1980 г.

- Поздний сарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА, №2, с. 235-238.

- Особенности обращения серебряных и медных монет в золотой Орде // В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., с.231-219.
- Москва в борьбе за независимость (по нумизматическим материалам) // Вестник РАН, М., №8, с.104-112.
- Раскопки на Селитренном городище (Соавторы Н.М. Булатов, В.Л. Егоров, Л.Т. Яблонский) // АО-1979. с.135.
- Раскопки курганов на Нижней Волга (Соавтор В.В. Дворниченко) // АО-1979, с. 144.
- Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ, т. XIII.

1981 г.

- Монеты рассказывают (Библиотека детской энциклопедии «Ученые - школьнику») М., "Педагогика", - 112 с., с илл.
- Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М., Изд-во МГУ-224 с., с илл.
- Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, История, № 1, с.64-84.
- Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) // В кн.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., Наука, с.267-317.
- Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище. ВМУ. Серия история. №8, с. 64-84.
- Раскопки курганов в Кривой Луке // АО-1980. М., с. 130-131. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Раскопки на Селитренном городище // АО-1980. М., с. 124. (Соавторы О. В. Богословский, Н. М. Булатов, В. Л. Егоров, Я.М. Паромов).
- Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., с. 229-236.
- Об одной группе можайских монет XV в // Научные чтения ГИМ. 1980-1980 гг. Тезисы. М., с. 32-32.
- Серебрянные фалары из сараматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. Вып. 168. с. 100-105.
- Изучение химического состава средневековых золотоордынских изразцов // Тезисы V научно-технологической конференции «Совершенствование технологических процессов и оборудования в строительных материалах». Белгород. (Соавторы В. А. Малеванный, Н. Н. Голубева, Н. Б. Симпсон, А. Г. Чадов).

1982 г.

- Из истории русской археологии и нумизматики (Х.М.Френ, 1782-1851) // СА, №3, с. 83-95.

1983 г.

- Ar Araŋyuhorda folrje№. Goŋdolot,Budapest.
- Погребения Хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, с. 80-94.
- Раскопки Селитренного городища // АО - 1981 г. М., с. 138. (Соавторы Н. М. Булатов, В. Л. Егоров).
- Раскопки курганов в Астраханской области // АО - 1981 г. М., с. 143-144. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Archaeology research iŋ Ceŋtral Asia iŋ Muslim period // World Archaeology. V. 14. № 3.
- 15 лет деятельности Секции исторических памятников Центрального Совета ВООПИК // История СССР. №1, с. 203-205. (Соавторы А. Г. Букштынович, Ю. А. Тихонов).
- Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII- XIV вв // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, с. 215-220.
- В древней дельте Волги. (Из работ Поволжской археологической экспедиции) // Путешествие в древность. М., с. 50-76.

1984 г.

- The culture of the Goldeŋ Horde cities. Oxford, 277 p. 113 t.
- Stadte der Goldeŋeŋ Horde aus der uŋtereŋ Wolga. Muŋcheŋ, 176 p.
- Раскопки Селитренного городища // АО - 1982 г. М., с. 142-143. (Соавторы Н. М. Булатов, В. Л. Егоров).
- Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3, с. 83-95.

- Х. М. Френ - нумизмат и эпиграфист. К 200-летию со дня рождения // НЭ. Т. XIV. М., с. 176-179.
- Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья. (Некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, с.98-108.
- Количественные методы в археологической типологии и классификации // Комплексные методы в изучении истории с древних времен до наших дней. М., с. 12-13.
- Монеты Дубовского могильника // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8. Йошкар-Ола, с. 160-172.
- Погребение хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, с. 80-94.

1985 г.

- Монеты - свидетели прошлого М., Изд-во МГУ, 176 с илл.
- Сокровища Сарматского царя (Соавторы В. Дворниченко, В. Плахов) // "Н и Ж", 9, с. 33-39.
- Новые находки восточных монет VIII-XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ, Вып. 23. Л., с.44-47.
- Le tresor de Sara. Monnaies de la Russie Moskovite XIV et XVeme Stecle. Belgique. 317 p. 44 t.
- Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. №3. с. 33-38. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Fouilles et recherches archeologique e№ URSS // Прогресс. М., с.153-211. (Соавторы Д. Б. Шелов, Е. Н. Черных, В. Л. Янин).
- Открытие богатого сарматского захоронения на Нижней Волге в 1984 г. // Достижения советской археологии в XI пятилетке (тезисы докладов). Баку, с. 13-14. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Раскопки Селитренного городища и работы в Астраханской области // АО - 1983 г. М., с.139-140. (Соавтор Н. М. Булатов).
- Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестник АН СССР. №4, с. 62-72. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Историография. Учебная программа. Археология М.: МГЕ, с.1-5.

1986 г.

- Рецензия на книгу "История Киргизской ... I. Фрунзе, 800 с. // ВИ, №4, с.109-112. (Соавторы А.Л. Нарочницкий, С.Г. Агаджанов).
- Монеты Киевской Руси // Сов. Музей, №4, с.44-47.
- Монеты рассказывают (на языке телугу) М.: Мир, 146 р.
- Монеты рассказывают (на языке маратхи) М.: Мир, 146 С.
- Монеты рассказывают Переизд. М.
- Клад серебряных монет XIII в. из Болгара // КСИА. Вып. 183. М., с.55-65.
- Рецензия: История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1984 // ВИ, №4, с. 109-112.
- Нумизматика для всех // СМ. №3, с.46-50.
- Монеты Древнего мира // СМ. №5, с. 63-65.
- Монеты в средние века // СМ. №6, с. 67-70.
- Раскопки на Селитренном городище // АО - 1984 г. М., с.119-120. (Соавтор Н. М. Булатов).
- Погребение у с. Косика Енотаевского района Астраханской области // АО - 1984 г. М., с.126-128. (Соавтор В. В. Дворниченко).
- Рецензия: П. П. Бырня. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье XV - начала XVI вв. // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. Вып. 1. с. 77-78.

1987 г.

- Царевский Клад Серебряных монет XIVв.// Краеведческие записки (Мордовия) Саранск. Вып. 1, с. 107-159.
- Город Болгар Очерки истории и культуры. Введение М.: Наука, с. 3-8.
- Статистические методы в археологии. Учебное пособие М., "Высшая школа," -217 с. с илл.
- Монеты средневековой Руси // СМ. М., №1, с. 49-52.
- Монеты в новое время // СМ. М., №2, с. 71-73.
- Эволюция весовых норм чеканки деньги в Московском и Нижегородском княжествах в конце XIV - начала XV вв // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы. с.30-31.
- Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., с. 158-204.
- Две русские «союзные» монеты эпохи Дмитрия Донского и Василия I // Культура и история средневековой Руси. Тезисы докладов. М., с. 44-45.

- Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., с. 111-120.

1988 г.

- Находки восточных монет VIII-XIII вв. в Восточной Европе // ЭВ. Вып. 24, Л., с.44-47.

- Научно-практический семинар "Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XIV вв. // СА. №4, с. 293-295.

- Стилистические особенности раннесредневекового искусства Европы // Труды Академии художеств СССР. Вып. 5. М., с. 172-204.

- Религии и верования в городах Золотой Орды // Исторический архив. М., с. 28-39.

1989 г.

- Арзамасский клад русских монет конца XIV - начала XV вв. // НЭ. т. XV. М., с.189. (Соавтор В. И. Мартьянов).

- Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., с. 5-13. (Соавтор В. В. Дворниченко).

- Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко- Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., с. 14-132. (Соавтор В. В. Дворниченко).

- Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., с. 133-248. (Соавтор Н. М. Булатов).

- По путям культуры Татарстана. Рецензия: С. М. Червонная. «Искусство Татарии (история, изобразительное искусство и архитектура с древнейших времен до 1917 года». «Искусство», 1987. 351 с. // Искусство. №3. с. 68-69.

- Из истории денежного дела Можайска. О некоторых неясных легендах на ранних монетах Можайска // История и культура средневекового города. М., с. 214-222.

- Города Средней Азии в XIII-XIV вв.: Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы) // Город и процессы урбанизации в Средней Азии. Тезисы докладов региональной конференции. Наманган-Ташкент, с. 66.

1990 г.

- Монеты рассказывают. Библиотека Детской Энциклопедии. М., "Педагогика", -III с.

- Монеты рассказывают (на языке телугу) М.: Мир, 141 с.

- Что мы знаем о древних кочевниках // Наука и человечество. М., с.78-85. (Соавтор В. В. Дворниченко).

- К 60-летию В. Л. Янина // АЕ 1989. М., с. 168-171.

- Этнические процессы в Средней Азии в XIII-XV вв. Этнос и феодальное государство // Проблемы этнегенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.

- Оседлое и кочевое население и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

1991 г.

- Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии. М., с. 181-192.

- Введение. Список трудов А. П. Смирнова // Проблемы археологии Евразии. М.

- Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 2. М., с. 72-83.

1992 г.

- Культурно-историческое единство евразийских степей и Великий Шелковый путь // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь. Сборник тезисов. М., с.4-7.

- Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) // СА. №2, с. 274-278. (Соавторы В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев).

- Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников. (Источниковедческие заметки) // Средневековые древности Волго-Камья. Вып. 21. Йошкар-Ола, с. 72-82.

- The Cultural and Historical Unity of the Eurasian Steppes and the Great Silk Road. Dialog of the West and East // The 1-th International Academic Conference. Iri, South Korea.

- Le tresor de Saransk (2-eme partie). Le Monnaies de la Prinsipau te de Nijegorod. XIV - e - XV e Sieles. Belgugie, 318 p. 50 t.

- Золотоордынские города Нижнего Поволжья в системе «Шелкового пути» // Степи Восточной Ев-

ропы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье. Тезисы международного семинара. Донецк, с. 70.

1993 г.

- Сарматское погребение скептуха I в н.э. у с. Косика в Астраханской области // ВДИ. №3, с.141-179. (Соавтор: В. В. Дворниченко).

1994 г.

- Tresors des tombes de l'aristocratie sarmate au Nord de la Carpienne // Les dossiers d'archeologie. №194. Paris, p. 66-75.

- Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ.

1995 г.

- Памяти Николая Михайловича Булатова // РА. №4. с. 236. (Соавтор: В. В. Дворниченко).

1996 г.

- Рецензия: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. // РА. Вып. 1? с. 215-221.

1997 г.

- Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. №1. Казань, с. 88-100.

1998 г.

- Из истории денежного обращения средневекового Хорезма//В кн.: Приаралье в древности и средневековье. М.: "Восточная литература" РАН., с. 218-227.

- Памяти Светланы Алексеевны Яниной // РА, №1, с. 242-244.

- Раскопки Поволжской археологической экспедиции золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I, Йошкар-Ола, с. 3-15.

- Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. вып. I. Йошкар-Ола, с. 38-59.

- Николай Михайлович Булатов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола, с. 106-107. (Соавтор В. В. Дворниченко).

- Некоторые черты военного и мирного быта жителей золотоордынских городов // Российская провинция: история, культура, наука. Материалы II- III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, с. 192-205.

- Современное состояние изучения Золотой Орды // Славяне и их соседи. Тезисы 17 конференции памяти В. О. Королюка. М., с. 158а-158б.

1999 г.

- Алексей Петрович Смирнов – ученый, человек // Тезисы конференции « Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья». М.

- О некоторых спорных вопросах русской нумизматики // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., с. 445-457.

- Двуглавый орел на золотоордынских монетах // Гербовед, №6 (38). с. 126-130.

- К столетию Алексея Петровича Смирнова // СА. №3, с. 190-196.

2000 г.

- Новый клад куфических монет X в из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., с. 55-56. (Соавторы П. Г. Гайдуков, В. Л. Янин).

2001 г.

- Великий шелковый путь и города Золотой Орды (в печати, США, на англ. языке).

- Золотоордынские города Поволжья. 42 (в печати). М.: Изд-во МГУ.

Авторы выражает свою большую признательность супруге ученого М. Д. Полубояриновой за оказанную помощь в составление библиографию научных трудов Г. А. Федорова-Давыдова.

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Васильевна Шишкина (К 70-летию со дня рождения).		5
Ўзбекистонда археология фанини ривожлантириш концепцияси.		7
Концепция развития археологической науки Узбекистана.		12
У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Р.А. Халмухамедова, Р.Х. Худайбердиев	Палеоботанические, палеоэкологические и хроностратиграфические исследования раннего антропогена Южной Ферганы.	17
У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Х. Зарифбаев, Ш.Х. Абдуллаев	Палеогеографические исследования эпохи антропогена в верховьях р. Чирчик.	20
М. Хужаназаров	Древнейшие наскальные изображения Сармишся.	24
М.Д. Джуракулов, Г.Ф. Коробкова	Новые данные о комплексном изучении материалов самаркандской стоянки (по раскопам 1961-1967 гг.).	31
Б.К. Сайфуллаев	Каменная индустрия среднепалеолитического местонахождения Кутурбулак (в свете новых исследований).	38
В.Д. Рузанов	Результаты спектро-аналитических исследований меди и бронз из квартала “металлистов”, раскопов Р-4 и 15 городища Еркурган.	52
Н.А. Аванесова	У истоков урбанистического Афрасиаба.	57
А.А. Аскарлов	Об исконной родине расселения древних тюрков.	69
Б.Б. Тўйчибоев	“Кадимий Уструшона” худуди тарихий топографияси муаммолари хусусида (мил.ол. VII-мил. эранинг IV асрлари).	73
К. Абдуллаев	Аск из Паенкурмана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии.	78
Г.И. Богомолов, Ш.Р. Пидаев	Терракотовая плакетка из Сурхандарьи.	81
Е.А. Смагулов	Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коньртобе в Отрарском оазисе.	90
Н.С. Байматова	Реконструкция сводов Барак-Там 1 (конец IV - начало V вв. н. э., Хорезм).	101
Chiara Silvi Antonini	Uch Kulakh an early medieval fort in the Bukhara oasis.	115
С. Хмельницкий	К вопросу классификации раннесредневековых замков Средней Азии.	120
М.Х. Пардаев	Комилбоботепа қалъаси.	133

Л.С. Баратова	Медные монеты с изображением лучника и их место в монетном чекане Южного Согда.	143
А.А. Раимкулов	Христианские погребальные цилиндры из Коштепа Нахшабского.	147
Ш.Т. Адылов, Д.К. Мирзаахмедов	Из истории древнего города Вардана и владения Обавия.	150
М.М. Мамбетуллаев, Н. Торежанова, Ж. Турманов	Исследование городища Куюккала.	158
Л.Ф. Соколовская	К изображению рыб на средневековой керамике Афрасиаба VII - XIII вв.	164
О.Т. Доспанов	Некоторые вопросы классификации светильников Джанпыккалы.	170
А.А. Грицина	Гончарная продукция домонгольского Заамина.	173
Ш.Т. Адылов	К вопросу происхождения названия “Варахша” и некоторых топонимов и гидронимов Западного Согда.	180
М.А. Реутова, М.Р. Тихонин	Резная глина Шахджувара.	187
Б.Д. Кочнев	Об атрибуции Рабат-и Малика.	195
Н.Ж. Сапаров	Фрагменты люстровой керамики с зооморфными и растительными сюжетами из Рабат-и Малик.	199
Т.И. Лебедева	Позднесредневековый Арк Самарканда.	202
Г.В. Шишкина, А.А. Анарбаев, И.Д. Иваницкий, О.Н. Иневаткина, О.В. Кириллова	Опыт исследования межквартальных участков городища Афрасиаб методом бурения.	218
Г. Ахадова	Новые элементы в живописи Балалыктепе.	239
А.Р. Батиров	Голоценовые домашние собаки Узбекистана	242
О.В. Кирилова, Ф. Грене, Этьен де ла Вэссьер	Новый документ с горы Муг ?	248
А.Х. Пардаев	XV-XVI Аср ёзма манбаларида Жиззах	251
Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (к 70 летию со дня рождения)		256

История материальной культуры Узбекистана
Выпуск 32

Рецензенты:
академик АН РУз. **Ю.Ф. Буряков,**
доктор исторических наук **Р.Х. Сулейманов.**

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Редакторы:
Пардаев М.Х., Грицина А.А.
Технический редактор:
Очилов Т.Х.
Корректор:
Рузанов В.Д.
Набор:
Кондрикова М.В., Курманова А.Р., Боймухамедова Ф.

Издательство “ФАН” Академии Наук Республики Узбекистан
700047, г. Ташкент, ул. Я.Гуломова, 70

Сдано в набор 20.06.2001 г. Подписано к печати 12.12.2001
Заказ 32. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. лист. 30,5. Уч.изд.л. 30,6.
Бумага офисная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. акад, В. Абдуллаева 3.

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Французской и
Узбекско-Германской археологических экспедиций